ПРИМѢЧАНІЯ БРИКСА

КЪ

„ИСТОРІИ КОННИЦЫ“

ДЕНИСОНА.

Исторія конницы

Томъ II.

Примѣчанія Брикса

къ

Исторіи конницы

Денисона.

Перевелъ съ нѣмецкаго изданія Брикса

Баронъ Е. А. Раушъ фонъ Траубенбергъ,

подъ редакціей

В. А. Сухомлинова.

Изданіе П. П. фонъ Дервизъ.

Томъ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1897.

Дозволено цензурою 24 апрѣля 1897 г. С.-Петербургъ

Типографія А. Бенке Новый переулокъ № 2.

Предисловіе Брикса.

Мы имѣемъ право предположить, что всѣ знакомы съ исторіей происхожденія труда подполковника Денисона, уже успѣшно выступавшаго на поприщѣ литературы по кавалерійскимъ вопросамъ. Извѣстно также, что его сочиненіе было почти единственнымъ отвѣтомъ со стороны кавалеристовъ всего свѣта, на предложеніе Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго преміи за наилучше составленную Исторію Кавалеріи *).

Уже одно это обстоятельство обусловливаетъ интересъ книги, (котораго она, впрочемъ, и сама по себѣ вполнѣ заслуживаетъ), и побудило насъ сдѣлать переводъ съ безкорыстнаго разрѣшенія какъ автора, такъ и издателя англійскаго оригинала.

Такъ какъ трудъ составленъ, главнымъ образомъ, по французскимъ и англійскимъ источникамъ, то оказалось необходимымъ заполнить этотъ пробѣлъ примѣчаніями и дополненіями.

Просвѣщенное (полное) согласіе на это издателя, съ одной стороны дало лишь возможность это исполнить, съ другой — наложило на меня нравственную обязанность быть сколь возможно краткимъ.

Вслѣдствіе этого, ни въ одномъ направленіи нельзя считать вопросъ исчерпаннымъ во всѣхъ подробностяхъ. Это могло бы быть достигнуто только путемъ объявленія новаго конкурса, на который бы было дано больше времени и потребовало бы цѣнныхъ

---

*) См. Militär-Wochenblatt 1875 г. № 59, 1877 г. № 18 и 55 и 1878 г. № 2 и 4.

приложеній въ видѣ рисунковъ, многихъ картъ и плановъ, что едва-ли былъ бы въ состояніи сдѣлать какой-либо издатель.

Что касается примѣчаній и дополненій, то, сообразно съ сутью предмета и распредѣленіемъ матерьяла въ оригиналѣ, пришлось ихъ раздѣлить на двѣ части — историческую и созерцательную.

Въ примѣчаніяхъ къ первой части я почти не касался военной исторіи, такъ какъ это не обогатило бы сочиненія безъ картъ, плановъ*) и значительнаго увеличенія книги; только тамъ, гдѣ показанія моихъ источниковъ или взглядовъ и понятій особенно рѣзко расходились съ авторомъ, я указывалъ на это вопросительнымъ знакомъ въ скобкахъ.

Напротивъ того, на исторію организаціи кавалеріи обращено особенное вниманіе.

Примѣчанія по этому вопросу касаются, главнымъ образомъ, тѣхъ странъ и народовъ, которые, или теперь, или въ прежнія времена, получили особое значеніе, или съ которыми менѣе знакомы, по недостатку всѣмъ доступныхъ источниковъ.

Эти оба обстоятельства, также какъ и то, что мысль объ изданіи исторіи кавалеріи изошла отъ Россіи, побудили меня посвятить особое вниманіе кавалеріи этой страны.

Главы, касающіяся этого предмета, составленныя на основаніи моихъ личныхъ 25-лѣтнихъ трудовъ, посвященныхъ исторіи русской арміи, представляютъ въ совокупности довольно полную исторію организаціи русской конницы въ важнѣйшіе моменты ея развитія, отъ древнѣйшихъ временъ до настоящихъ.

Во второй части, заключающей вмѣстѣ съ англійскимъ оригиналомъ соображенія объ организаціи и примѣненіи кавалеріи въ настоящее время, я сдѣлалъ попытку набросать планъ и раздѣленіе извѣстной системы веденія кавалеріи и дать основанія для общаго устава по всѣмъ отраслямъ образованія.

---

*) Къ англійскому оригиналу приложены 5 плановъ сраженій,—при Каннахъ, Элингѣ, Замѣ, Гохштедтѣ (Блиндгеймѣ) и Маренго и 6 отчетныхъ карточекъ — къ отступленію пруссаковъ передъ Мюратомъ въ 1806 г., партизанскимъ дѣйствіямъ Дембинскаго въ Литвѣ въ 1831 г., къ рейдамъ Моргана въ Кентуки въ 1862 г., Стюарта въ Пенсильваніи въ 1862 г., Грирсона въ Миссисипи въ 1863 г. и, наконецъ, къ отступленію Генерала Ли отъ Ричмонда къ Аппоматоксу въ 1865 г. Всѣ карты и планы помѣщены въ текстѣ, набросаны въ общихъ чертахъ и потому безъ ущерба дѣлу выпущены въ переводѣ.

Это составляетъ плодъ моего тридцатилѣтняго служебнаго опыта, научнаго труда и собственныхъ размышленій.

Я воздерживался отъ повторенія установившихся и всѣмъ извѣстныхъ положеній, какъ бы это слѣдовало сдѣлать, чтобы дать полную картину цѣлаго, и только касался болѣе или менѣе подробно того, на что взгляды еще окончательно не установились, или гдѣ я полагалъ высказать новую мысль.

Я не дѣлалъ окончательныхъ выводовъ, которые могутъ быть сдѣланы только на основаніи фактическихъ данныхъ и предоставляю это призваннымъ къ тому лицамъ и инстанціямъ, но конечно не могъ и избѣгнуть проведенія болѣе или менѣе ясно своихъ личныхъ взглядовъ.

Въ своемъ трудѣ я шелъ своимъ самостоятельнымъ путемъ, независимо отъ оригинала и придерживаясь только его программы и поэтому вставлялъ мои замѣчанія и опроверженія по мѣрѣ того, какъ онѣ вызывались текстомъ.

Да встрѣтитъ книга много доброжелателей!

Бриксъ.

Берлинъ. Февраль, 1879 г.

Оглавленіе II тома.

Часть вторая.

Мысли объ организаціи, вооруженіи и употребленіи конницы въ новѣйшее время.

ПРИМѢЧАНІЯ БРИКСА.

Часть Первая.

Примѣчанія и добавленія относительно организаціи конницы въ различныя времена.

I. Относительная давность конницы и колесницъ.

По этому поводу мнѣнія писателей особенно рѣзко расходятся. Въ общемъ-же большинство ихъ склоняется въ пользу того, что употребленіе колесницъ предшествовало употребленію лошадей подъ верхъ. И дѣйствительно это мнѣніе трудно оспаривать на основаніи положительныхъ данныхъ; напротивъ того, дошедшія до насъ свидѣтельства историковъ и пластическія изображенія жизни египтянъ, ассирійцевъ и проч. прямо указываютъ на то, что верховая ѣзда постепенно развилась изъ обыкновенія садиться при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ на запряженныхъ въ колесницу лошадей (см. стр. 12 Денисона). Очевидно, это справедливо только въ томъ случаѣ, если хронологическая послѣдовательность изображеній опредѣлена правильно, потому что, если ее принять въ обратномъ порядкѣ, то слѣдовало-бы прійти къ совершенно противоположному выводу.

Но, такъ или иначе, всѣ эти предположенія и вытекающія изъ нихъ послѣдствія, касаются только извѣстныхъ частей древняго міра, а потому не исчерпываютъ вопроса. Если для подкрѣпленія доводовъ, что колесницами пользовались раньше, чѣмъ лошадьми подъ верхомъ, приводятъ то основаніе, что легче лошадь запречь, чѣмъ на ней ѣздить, то вѣдь надо сказать, что изготовленіе колесницъ требуетъ большого развитія промышленности и техническаго искусства. Если, вдобавокъ, представить себѣ обстановку, въ которой жили, вѣроятно, съ сотворенія человѣка, все въ тѣхъ-же странахъ, извѣстные по исторіи какъ всадники, кочевые народы—скиѳы, нумидійцы и проч., то можно смѣло предположить, что верховая ѣзда примѣнялась тамъ съ самыхъ древнихъ временъ, какъ при ихъ перекочевкахъ, такъ и въ особенности при связанныхъ съ ними войнахъ. Положительнаго тому подтвержденія, конечно, нельзя привести, такъ какъ эти народы, очевидно, не оставили никакихъ историческихъ или художе-

ственныхъ памятниковъ. Впрочемъ, басня о центаврахъ несомнѣнно указываетъ на то, что верховая ѣзда была уже въ общемъ употребленіи во время глубокой миѳической древности тогда, когда у позднѣйшихъ культурныхъ народовъ вообще ничего еще не знали о лошади и примѣненіи ея даже въ упряжи.

Что касается древнѣйшаго историческаго источника—Библіи, то въ ней вообще встрѣчается первое опредѣленное упоминаніе о лошади[1]) во время правленія Іосифа въ Египтѣ, т. е. около 1800 г. до Р. Х. (І кн. Моисея XLVII, 17 — „и пригоняли они къ Іосифу скотъ свой; и давалъ имъ Іосифъ хлѣбъ за лошадей"...), а непосредственно затѣмъ упоминается въ ту-же эпоху объ употребленіи лошади и именно въ смыслѣ ѣзды, а не упряжи. Яковъ говоритъ, прощаясь съ сыновьями и пророчествуя: „Домъ будетъ змѣемъ на дорогѣ, аспидомъ на пути, уязвляющимъ ногу коня, такъ что всадникъ его упадетъ назадъ" (І кн. Моисея XLIX, 17). Изъ этого можно заключить, что къ концу жизни Якова, т. е. въ 1730 году до Р. Х. (т. е. за 550 лѣтъ до Троянской войны), искусство ѣзды на лошадяхъ было вполнѣ извѣстно іудеямъ и египтянамъ. Объ ѣздѣ на ослахъ и верблюдахъ мы встрѣчаемъ указанія еще раньше, а именно — на ослахъ (хотя и не вполнѣ несомнѣнно при Авраамѣ, т. е. въ 1900 г. до Р. Х. [2]), а на верблюдахъ — 50 годами позднѣе, при описаніи путешествія Ревекки къ Исааку [3]). Наконецъ, что касается спеціально Троянской войны, то безусловно надо признать, что кавалерія въ настоящемъ значеніи этого слова тогда не примѣнялась и что встрѣчающіяся выраженія, которыя могли-бы навести на эту мысль (какъ напр.—сидящіе на лошади, всадники и др.) и касающіяся отдѣльныхъ личностей или цѣлыхъ народностей, какъ „укротители лошадей, объѣздчики, или погоняющіе лошадей", и даже выраженія, гдѣ прямо говорится о сидѣніи на лошади,—несомнѣнно относятся не къ верховымъ, а къ запряженнымъ въ колесницахъ лошадямъ.

Но что сама по себѣ ѣзда на лошади въ то время не была совершенно неизвѣстна, это видно изъ текста, приведеннаго у Денисона, и—еще яснѣе изъ Одиссеи (V, 370, 371), гдѣ говорится:

Такъ отъ волны разорвалися брусья. Одинъ Одиссеемъ
Пойманный имъ былъ какъ конь, убѣжавшій на волю осѣдланъ.

Вообще-же герои Гомера никогда не изображаются всадниками и нигдѣ не встрѣчается даже намека на употребленіе для боя лошадей подъ верхомъ.

---

[1]) Въ приведенной у Денисона (стр. 5) выдержкѣ (І кн. Моисея, гл. XIV, 43 „велѣлъ везти его на второй изъ своихъ колесницъ"), хотя относящейся къ тому-же времени и лицу, не говорится о лошадяхъ, а только о колесницахъ, и если мы особенно настаиваемъ на этой разницѣ, то это потому, что колесницы тогда и въ позднѣйшее время возились часто на мулахъ.

[2]) І кн. Моисея XXII, 3.

[3]) Тамъ-же — XXIV, 61.

II. Нѣкоторыя общія замѣчанія о конницѣ въ древности[1]).

Какъ извѣстно, въ древности словамъ „конница" и „всадникъ" придавалось болѣе широкое значеніе чѣмъ теперь, а именно подъ ними подразумѣвались не только воины, ѣздившіе на лошадяхъ, но также и на слонахъ, верблюдахъ и колесницахъ и сражавшіеся на нихъ. Принимая это въ соображеніе, полагаемъ не лишнимъ коснуться въ исторіи кавалеріи и этого рода конницы, тѣмъ болѣе, что она существуетъ и по настоящее время, хотя и не въ европейскихъ арміяхъ.

1. О слонахъ.

Польза этихъ животныхъ для производства работъ и для примѣненія ихъ на войнѣ была, повидимому, извѣстна еще въ глубокой древности, какъ видно изъ свидѣтельства Павзанія. Мы коснемся здѣсь слоновъ, употреблявшихся съ боевыми цѣлями, для которыхъ ихъ, конечно, предварительно укрощали и обучали. Начало было положено въ Индіи, а затѣмъ въ Ливіи и Эѳіопіи и оттуда уже употребленіе слоновъ распространилось позднѣе на переднюю Азію и далѣе.

Въ передней Азіи впервые упоминаются слоны при Семирамидѣ, которая сдѣлала подобіе таковыхъ изъ верблюдовъ, обтянувъ ихъ шкурами черныхъ быковъ, которыхъ для этой цѣли было убито 300.000 головъ.

Изъ европейскихъ государей, по словамъ Павзанія, первымъ имѣлъ слоновъ Александръ Македонскій, но онъ не придавалъ имъ большаго значе-

---

[1]) Lange. Historia mutationum rei militaris Romanorum. Gottingae 1846. — Lazius. Commentatorium Reipub. Romanae .... libri duodecim. Basiliae 1551. — Leo, Kais. d. Philosoph. Strategie und Taktik mit Anmerkungen v. Bourscheid. 5 Bnde Wien 1777. — Lipsius J. De militia romana libri quinque. Editio nova Antverpiae 1598; Analecta sive observationes reliquae ad militiam. Antverpiae 1598. — Löhr. Ueber die Taktik und das Kriegswesen der Griechen und Römer. Kempten 1825.—Lo-Looz. Recherches d'antiquités militaires. Paris 1770. Marquard. Römische Staatsverwaltung. 2 Band. Leipzig 1876. — (Napoleon III). Geschichte Julius Caesars. Vom Verfasser autorisirte Uebersetzung. Wien 1865. — Nast. Einleitung in die Griech. Kriegs-Alterthümer. Stuttgart 1780; Röm. Kriegs-Altert. aus acht Quellen geschöpft. Halle 1782.— Ottenberger. Das Kriegswesen der Römer. Prag 1824. — Patricii. La militia romana di Polibio, di Tito Livio, e di Diogini Alicar. nasso. Ferrara 1853.—Rheinhard. Griech. und Röm. Kriegsalterthümer. Stuttgart. 1859. — Roesch. Commentar über die Comment. des Caesar. Halle 1783.—Rückert. Das Römische Kriegswesen. Berlin 1850. — Rüstow. Heerwesen und Kriegführung C. Julius Caesar's. Gotha 1867; Gesch. Jul. Caes. v. Kais. Napoleon III commantirt. Stuttgart 1867. — Salmasius de re militari Romanorum liber. Lugd. Batavorum 1657. — Veteres de re milit. scriptores quotquot exsant. 2 Bde. Vesaliae 1670.—Wallhausen. Roman. Kriegskunst in zwei Theilen Frankfurt 1616. Aelianus; — Arrian; — Wegetius.

Berneck, v. Geschichte der Kriegskunst 3 Aufl. Berlin 1867. — Carrion Nisas. — (Ciriacy v.) Gesch. des Kriegswesens (in der Handbibliothek f. Offic.) fortgesetzt von v. Brandt. 4 Bände. Berlin 1833, 1830.—Jähns Atlas z. Gesch. d. Kriegswesens v. d. Urzeit bis zum Ende d. 16. Jahrh. Berlin 1878. — La Barre Duparcey. Histoire de l'art de la guerre. 2 part. Paris 1860 u. 1864. — La Roche, Frhr. C. du jarrys de Geschichte der

нія. Римляне, по показаніямъ Юстина, Флоруса и Плинія, впервые познакомились со слонами во время войнъ съ Пирромъ Эпирскимъ въ 282 г. до Р. X., а затѣмъ чаще съ ними сталкивались въ войнахъ съ Кареагенянами, Антіохомъ Сирійскимъ и Югуртой Нумидійскимъ. Сами-же воспользовались ими въ первый разъ, по Ливію, въ 200 г. до Р. X. противъ короля Филиппа Македонскаго и позднѣе противъ Антіоха и Персея; впрочемъ, вообще, они, повидимому, не много ихъ примѣняли. Въ войскахъ азіятскихъ государствъ, число ихъ было, напротивъ, очень велико. Хотя у Дарія Кодомана въ сраженіи при Арбеллахъ было всего 15 слоновъ (Арріанъ), приведенныхъ союзными индійскими войсками, но зато у индійскаго короля Пора мы находимъ болѣе 200 (по Арріану, по Діодору 130, по Курціусу 85), которымъ Александръ противупоставилъ въ бою всего 30. Это число увеличилось ко времени возвращенія изъ Индіи до 200.

Совершенно необыкновенное количество слоновъ встрѣчается у болѣе отдаленныхъ индійскихъ князей, такъ напр., у жившаго за Гангомъ Аграммеса или Ксандранеса 3.000 (по Плутарху 6.000), а по другимъ свѣдѣніямъ впереди арміи индійскаго короля шло 30.000, а за арміей 3.000 слоновъ. Не такое количество, но все-таки много слоновъ мы находимъ въ малоазіятскихъ государствахъ діадоховъ и ихъ наслѣдниковъ. А именно у Антигона ихъ было значительное число; тоже у Евмена, которому напр. сатрапъ Евдамій привелъ изъ Индіи 120 штукъ.

При такой многочисленности слоновъ скоро явилась необходимость придать имъ извѣстную организацію. Первое такое правильное устройство мы находимъ въ связи съ общей организаціей войска у ассиріанъ. Основ-

---

Taktik. Nach Quellen bearbeitet. 2 Bnde in 3 Theilen. Carlsruhe 1840. — Liskenne et Sauvan. Bibl. histor. et milit. 7 tomes Paris 1838 — 1853. Brézé, Comte de Observations histor. et critiques sur les commentaires de Folard et sur la cavalerie. Turin 1772. — Denison. A history of cavalry. London 1874. — D'Hauteville. Essai sur la cavalerie tant ancienne que moderne. Paris 1757. — Hasse. De equitatu veterum in primis Romanorum commentatio. Lipsiae 1803. — (Hennert) Abhandlung von der Beschaffenheit und dem Gebrauch der Cavallerie in den ältesten Zeiten Berlin 1774. — Houel. Histoire du cheval chez tous les peuples de la terre. 2 tomes. Paris 1848, 1852. — Hugo. De militia equestri antiqua et nova libri quinque. Antverpiae 1630. — Marquardt. Historiae equitum Romanorum libri IV. Berolini 1840. — Nolan. Cavalry: its history and tactics. 3 d. edition. London 1860. — Pauly. Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft. 6 Bnde. Stuttgart 1839—1852; die Artikel Acies, exercitus, equites, equus etc. — Recordon. Recherches historiques sur le cheval antique et les anciennes cavaleries. Paris 1866. — Ueber die Cavallerie (переводъ Марбо въ Воен. сбор. 1833 г. VI). — Xenophon. — V. d. Reitkunst u. s. w. übersetzt v. Christian. Stuttgart 1860. — Baumgärtner. Vollständ. Sammlung aller Kriegsschriftsteller der Griechen. Frankenthal und Mannheim 1779. (Onosander, Aelianus). — Die Bibel überst. von Dr. M. Luther. — Grysar. Handb. der Allgem. Weltgesch. 1 Bd. Köln a. Rh. 1833. — Guichardt. Mém. milit. s. l. Grecs et Romains. 2 Bnde. Lyon 1760. Mém. crit. et histor. s. plusieurs point d'antiquités militaires Berlin 1774. — Kämbly. Der Streitwagen. Berlin 1864. — Köchly u. Rüstow. Gesch. d. Griech. Kriegswes. Aarau 1852. — Köpke. Ueb. d. Kriegsw. der Griechen i. heroisch. Zeitalter. Berlin 1807. — Lamarre. De la milice Romaine 2-me édit. Paris 1870.

ной единицей былъ одинъ слонъ, а затѣмъ постояннымъ умноженіемъ на 3 доходили до высшей боевой единицы въ 2.187 штукъ. Въ подобномъ-же родѣ была, по Элліану, организація у грековъ, причемъ за основаніе было принято раздѣленіе фаланги пѣхоты. Такимъ образомъ слонъ съ вожакомъ-зоархомъ — составлялъ низшую единицу; 2 слона съ ферархомъ (ferarius)—ферархію (feraria); 4 слона съ эпиферархомъ (duplaris ferarius)—эпиферархію (quadruplaris feraria); 8 слоновъ съ илархомъ (turmae princeps)—илархію (turmae praefectura); 16 слоновъ съ элефантархомъ (praefectus elephantorum) — элефантархію (praetura elephantorum); 32 слона съ цератархомъ (cornu praefectus)—цератархію (cornu); 64 слона съ фалангархомъ (magister elephantorum) — фалангу слоновъ [1]).

Индійскіе боевые слоны, кавалерія и пѣхота.

[1]) У ассиріанъ основную боевую единицу составляли 5 пѣхотинцевъ, 3 всадника, 1 слонъ и колесница. Постепеннымъ помноженіемъ на 3 цифра возрастала до 10.935 чел. пѣхот., 6.561 всадниковъ, 2.187 слоновъ и 2.187 колесницъ, т. е. цѣлое войско, а десять такихъ составляли аксхаузини (по санскритски), т. е. вагенбургъ.

Индійскіе боевые слоны, кавалерія и пѣхота.

Для войны на слоновъ ставили башни, въ которыя садились воины, бросавшіе, какъ изъ-за укрѣпленій, копья и стрѣлы.

По словамъ Филострата и Плавта въ башнѣ было 10—15 человѣкъ, въ Библіи-же говорится, что ихъ было 32 и еще вожакъ. Были башни и меньшихъ размѣровъ — на 4 человѣка.

Кромѣ башень слоны еще сами были вооружены для боя, а именно хоботъ и лобъ снабжены предохранительнымъ вооруженіемъ и на лбу и клыкахъ были прикрѣплены прочные желѣзные наконечники.

Сверхъ того слоны были украшены пурпуровыми попонами, а къ бою ихъ раздражали обрызгиваніемъ краснымъ виномъ и тутовымъ сокомъ.

Въ боевомъ порядкѣ слоны ставились то впереди, то позади фронта. Въ послѣднемъ случаѣ ряды размыкались и пропускали ихъ, когда имъ надо было наступать. Они также иногда ставились между конными частями.

Употребленіе слоновъ въ бою не ограничивалось тѣмъ, что они ввозили воиновъ въ совершенной безопасности въ ряды враговъ, но они были также пріучены сами вступать въ бой — они били клыками противника, давили все передъ собой ногами, схватывали людей хоботомъ и бросали высоко на воздухъ или подавали сидящимъ въ башняхъ.

Если съ обѣихъ сторонъ были слоны, то они вступали въ драку между собой и съ особеннымъ ожесточеніемъ дрались раненые. Кромѣ физическаго дѣйствія еще и нравственное впечатлѣніе, произведенное слонами на непріятеля, никогда ихъ не видѣвшаго, было огромное.

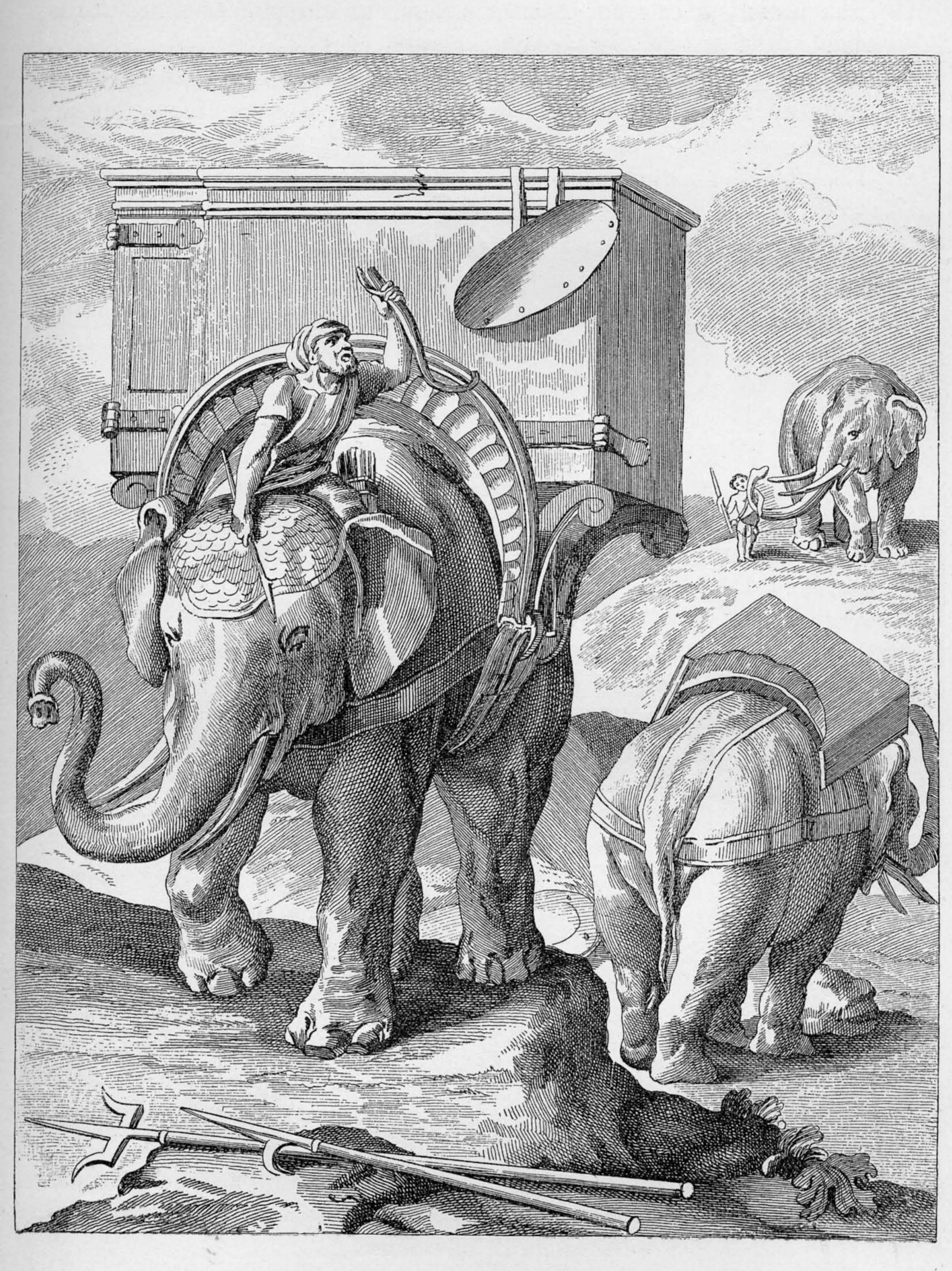
Ихъ ростъ, необыкновенный, ужасный ревъ вызывали страхъ и ужасъ въ рядахъ людей и лошадей; лошади даже боялись запаха слоновъ.

Каково было нравственное впечатлѣніе, производимое этими колоссами, можно судить потому, что послѣ перваго неудачнаго столкновенія съ ними въ Африкѣ во время первой пунической войны, римляне, по словамъ Полибія, въ теченіе 2-хъ лѣтъ не рѣшались вступать въ бой съ карфагенянами иначе, какъ въ холмистыхъ или гористыхъ мѣстахъ, лагеремъ-же не становились на открытомъ мѣстѣ ближе 5—6 стадій. Все это дѣлалось отъ страха передъ слонами.

Какъ однако слоны ни казались страшными на первый взглядъ, но вскорѣ нашли средства для успѣшной борьбы съ ними.

По словамъ Курціуса уже Александръ Великій приказалъ заготовить особые топоры (secures) для перерѣзыванія сухожилья на ногахъ и серпообразно напередъ закругленныя сабли для отрѣзыванія хоботовъ, а также его легкія войска были обучены забрасывать слоновъ и ихъ вожаковъ дротиками и другимъ метательнымъ оружіемъ.

Также точно поступали и римляне. Особенно практичный пріемъ примѣнилъ Цезарь передъ своимъ отправленіемъ въ Африку. Онъ приказалъ привезти въ Италію слоновъ, чтобы его воины привыкли къ ихъ виду, указалъ имъ самыя чувствительныя мѣста животныхъ.

Боевые слоны съ башней на спинѣ.

Легкая греческая пѣхота атакуетъ слона.

Атакующій боевой слонъ.

По словамъ Вегеція противъ слоновъ примѣнялись еще слѣдующія средства: напускали колесницы, запряженныя двумя лошадьми съ предохранительнымъ вооруженіемъ (cataphracti); люди на колесницахъ были тоже въ панцыряхъ (clibanarii) съ длинными копьями; предохранительное вооруженіе защищало ихъ отъ метательнаго оружія непріятеля, а быстрота бѣга лошадей позволяла имъ уходить отъ слоновъ. Сверхъ того на слоновъ высылали легко вооруженныхъ всадниковъ, которые на быстромъ скаку бросали въ нихъ большія копья и тяжелые дротики. Наконецъ тяжело вооруженная пѣхота, направлявшаяся противъ нихъ, была облечена въ панцыри. Руки, ноги, плечи и шлемы были снабжены длинными желѣзными иглами, чтобы слоны не могли хватать людей хоботами. Когда слоны бросались на боевую линію, воины размыкались, пропускали ихъ и затѣмъ нападали на нихъ со всѣхъ сторонъ. Иногда дѣйствовали противъ нихъ карробалистами и другими метательными машинами, поставленными за боевой линіей. Вырывали также глубокія ямы и старались завлечь туда слоновъ, чтобы ихъ поймать; или устраивали палисады для удержанія, клали капканы и т. п.

Наконецъ пробовали пугать слоновъ большимъ шумомъ, или страшными звуками.

Фолардъ, со словъ Прокопія, говоритъ, что особенно дѣйствителенъ былъ крикъ свиней и доказываетъ это примѣромъ.

Всѣми этими средствами удавалось съ успѣхомъ бороться противъ слоновъ; ихъ ловили, убивали и обращали въ бѣгство.

Въ послѣднемъ случаѣ они часто становились опасны своимъ-же войскамъ и, чтобы предотвратить это, вожаки снабжались молоткомъ и долотомъ; въ случаѣ нужды послѣдній сильнымъ ударомъ вбивался въ затылокъ и животное убивалось мгновенно на мѣстѣ.

Такъ какъ пользованіе слонами имѣло, кромѣ того, еще и другія неудобства — (напр.: движеніе ихъ по узкимъ дорогамъ, мостамъ и т. д. было затруднительно, а часто совершенно невозможно; при случайныхъ столкновеніяхъ и въ шумномъ бою дѣйствія съ ними были трудны; зимы и вообще холоднаго климата они не выдерживали), то скоро ихъ совсѣмъ перестали употреблять для военныхъ цѣлей. Только въ Индіи и Эфіопіи они удержались долѣе, отчасти даже до настоящаго времени.

2. Верблюды.

Верблюды употреблялись на войнѣ многими народами, напр., амолекитянами, арабами, ассиріанами, бактрійцами, лидійцами, магетами, мидянами, персами, сирійцами, урсильянами въ Африкѣ и проч.

Обыкновенно пользовались самками, такъ какъ ихъ ходъ былъ быстрѣе, и для нихъ изобрѣли особаго рода кастрацію. Они, впрочемъ, слу-

жили преимущественно только для перевозки воиновъ, а не для боя, какъ слоны.

Такъ какъ на каждомъ верблюдѣ сидѣлъ одинъ, много два воина, то и въ этомъ отношеніи способъ пользованія ими болѣе напоминалъ конницу, такъ что можно еще говорить и въ настоящее время о „кавалеріи на верблюдахъ", между тѣмъ какъ выраженіе „кавалерія на слонахъ" совершенно не соотвѣтствуетъ современному понятію о конницѣ.

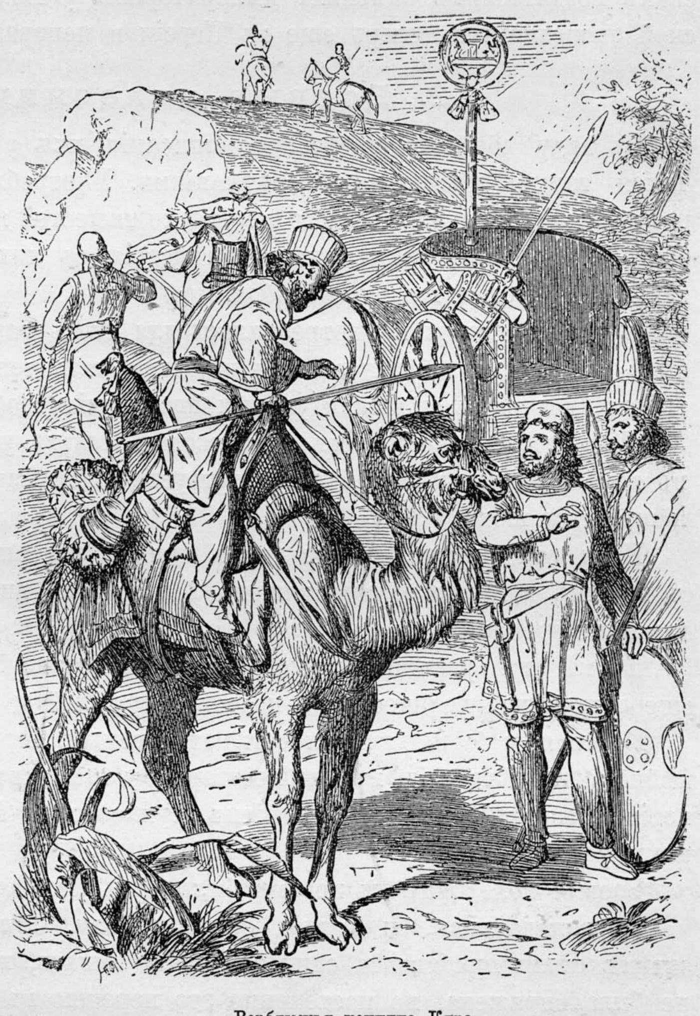

Верблюжья конница Кира.

Всадники были вооружены преимущественно метательнымъ оружіемъ. Персы, напримѣръ, сидѣвшіе, по Ксенофонту, по два на верблюдѣ, имѣли луки. Арабы, въ войнѣ Антіоха Великаго Сирійскаго, имѣли, кромѣ луковъ (по словамъ Ливія), еще и тонкіе мечи, длиной въ 4 локтя, чтобы поражать противника сверху. Парфянскіе всадники Артабана, современника Императора Каракаллы, имѣли предохранительное вооруженіе и метательное оружіе— длинныя копья (согласно показаніямъ Геродіана).

Верблюды отличаются быстротой бѣга (вслѣдствіе чего, по словамъ Плутарха, ихъ употребляли для перевозки курьеровъ и почты), неприхотливостью въ пищѣ, могутъ оставаться долгое время безъ воды и безошибочно, инстинктомъ находятъ дорогу (Вегецій).

Кромѣ того верблюды внушаютъ лошадямъ такое-же отвращеніе какъ и слоны, такъ что, по словамъ Кира, сто лошадей бѣгутъ при видѣ одного верблюда.

Верблюжья конница Кира.

Наконецъ они могутъ перевозить гораздо большія тяжести, чѣмъ лошади и везти двухъ всадниковъ.

Но недостатокъ ихъ состоитъ въ мягкости подошвы, вслѣдствіе чего они очень легко наминаются и подвержены хромотѣ, такъ что могутъ двигаться только въ извѣстной мѣстности, преимущественно по пескамъ.

Тамъ верблюды неоцѣненны, почему мы и находимъ ихъ еще въ войскахъ позднѣйшихъ римскихъ императоровъ, у Бонапарта въ его египетской экспедиціи и теперь еще въ Персіи и центральной Азіи.

3. Боевыя колесницы.

Въ виду довольно подробнаго описанія ихъ у Денисона мы ограничимся только нѣсколькими замѣчаніями. Употребленіе ихъ было очень различно: онѣ служили и для перевозки тяжестей и для устройства вагенбурга и для перевозки воиновъ и дѣйствія съ нихъ въ бою и наконецъ для атаки и самостоятельнаго боя.

Хотя колесницы и употреблялись для столь различныхъ цѣлей, но не было отдѣльныхъ образцовъ для каждаго назначенія, а было нѣсколько типовъ, которымъ и давали разныя назначенія сообразно обстановкѣ.

Насъ собственно можетъ интересовать только употребленіе колесницъ въ томъ смыслѣ, который соотвѣтствуетъ идеѣ ѣздящей пѣхоты (Doppelkämpfer) и шока.

Идеи эти выразились въ двухъ типахъ колесницъ — обыкновенной и съ косами, которыя и составляютъ 2 главныхъ вида боевыхъ колесницъ древняго времени.

Кромѣ этой разницы въ устройствѣ сообразно назначенію, колесницы еще отличались количествомъ колесъ, упряжкой и числомъ сѣдоковъ.

Колесницы были двухъ и четырехколесныя; первыя, повидимому, древнѣйшія, встрѣчаются преимущественно у египтянъ, грековъ троянскаго періода, а позднѣе подъ названіемъ двухколесокъ (Karren) мы ихъ видимъ напр. у галловъ.

Боевыя колесницы съ косами были, большею частью, четырехколесныя.

Первоначальная, и самая обыкновенная, запряжка была парная; затѣмъ стали прибавлять одну запасную лошадь, которая однако сначала не была впряжена, но постепенно это перешло въ запряжку тройкой.

Четверки появляются позже, впрочемъ уже у Гектора была таковая. Часто встрѣчаются четверки у индійцевъ и сирійцевъ.

Митридатъ ѣздилъ на 6 лошадяхъ, Каракалла также, впрочемъ только въ государственной колесницѣ. Семь лошадей изображены на одной старой плитѣ.

Абрадатъ, союзникъ Кира, имѣлъ колесницу съ 4 дышлами и 8 лошадьми, что навело Кира на мысль завести колесницы съ 8 дышлами и впречь 16 воловъ, но это были уже скорѣе подвижныя башни.

Наконецъ Неронъ на Олимпійскихъ играхъ правилъ 10 лошадьми.

Боевыми колесницами можно считать только тѣ, въ которыя впрягались 2, 3 и 4 лошади.

Въ колесницы впрягались и различныя животныя. Боевыя конечно возились исключительно лошадьми, хотя у Геродота сказано въ одномъ мѣстѣ, что у индійцевъ изъ войска Ксеркса были впряжены дикіе ослы.

Индійцы-же иногда, на походѣ, для сбереженія лошадей, замѣняли ихъ волами.

Въ колесницы для перевозки тяжестей запрягались мулы, волы, иногда верблюды и слоны; послѣдними пользовались также и для тріумфальныхъ колесницъ, для которыхъ у Геліогобала имѣлись даже тигры. Количество сѣдоковъ въ колесницахъ тоже было различно.

На греческихъ колесницахъ въ троянской войнѣ помѣщалось обыкновенно два человѣка—одинъ правилъ лошадьми (ὁ ἡνιαχος), другой сражался (ὁπαραι βατης). Оба впрочемъ были воинственные герои, связанные узами тѣсной дружбы или даже родства, а никакъ не господинъ и слуга.

Персидская боевая колесница, атакованная лидійскими воинами.

На индійскихъ колесницахъ помѣщалось кромѣ возницы два воина; нѣкоторые источники доводятъ все число людей на колесницѣ до 6: съ каждой стороны по одному тяжело вооруженному воину (щитоносецъ) и по одному стрѣлку, а остальные два — возницы, вооруженные нѣсколькими дротиками.

На македонскихъ колесницахъ (обыкновенныхъ и съ косами) находились: одинъ вооруженный возница и 6—8 воиновъ, бросавшихъ дротики.

Въ китайскихъ и аммонитскихъ колесницахъ помѣщалось по 10 человѣкъ, а на большихъ башнеобразныхъ колесницахъ Кира до 20.

Говорятъ были еще двухколесныя повозки безъ всякаго кузова, назывꙗвшіяся легкими; у нихъ на каждой лошади сидѣло по одному всаднику, вооруженному копьемъ. Иногда онъ бывалъ въ панцырѣ.

Все число колесницъ въ арміи бывало иногда очень значительно.

Уже по древнѣйшимъ источникамъ, за 2000 лѣтъ до Р. Х., ихъ встрѣчается въ ассирійскихъ войскахъ Нина 10.000; у Семирамиды 100.000; у индійскаго царя Стабродата еще гораздо больше.

Персидская боевая колесница, атакованная лидійскими воинами.

Въ Египтѣ въ однѣхъ только вновь построенныхъ Ѳивахъ, при Бузирисѣ II, около 1900 г. до Р. Х. — до 20.000, а при Сезострисѣ около 1300 г. до Р. Х. 22.000, или даже, по Діодору, 27.000 колесницъ. Такія-же числа приводятъ и у хананейскихъ народовъ при описаніи ихъ борьбы съ израильтянами, а именно у нихъ (т. е. хананеевъ, аммонитянъ, гетитовъ, фарезитовъ, ебузитовъ и геритовъ) въ 1470 году до Р. Х. было 20.000; у аммонитянъ въ войнѣ противъ Давида — 32.000.

Однако новѣйшіе толкователи Библіи относятъ эти числа къ воинамъ, такъ что число колесницъ составитъ всего $^1/_{10}$ часть.

Въ позднѣйшія времена такія громадныя цифры болѣе не приводятся, но тѣмъ не менѣе у Соломона въ 1000 г. до Р. Х. число колесницъ достигало 1.400.

Въ индійскихъ войскахъ Ксандранеса (Аграммеса), во времена Александра Македонскаго, по словамъ Курція и Діодора, было 2.000, по показаніямъ же Плутарха 8.000 колесницъ по 4 лошади въ каждой.

Рядомъ съ этимъ 300 колесницъ Кира и 200 Дарія при Арбеллахъ кажутся незначительной цифрой.

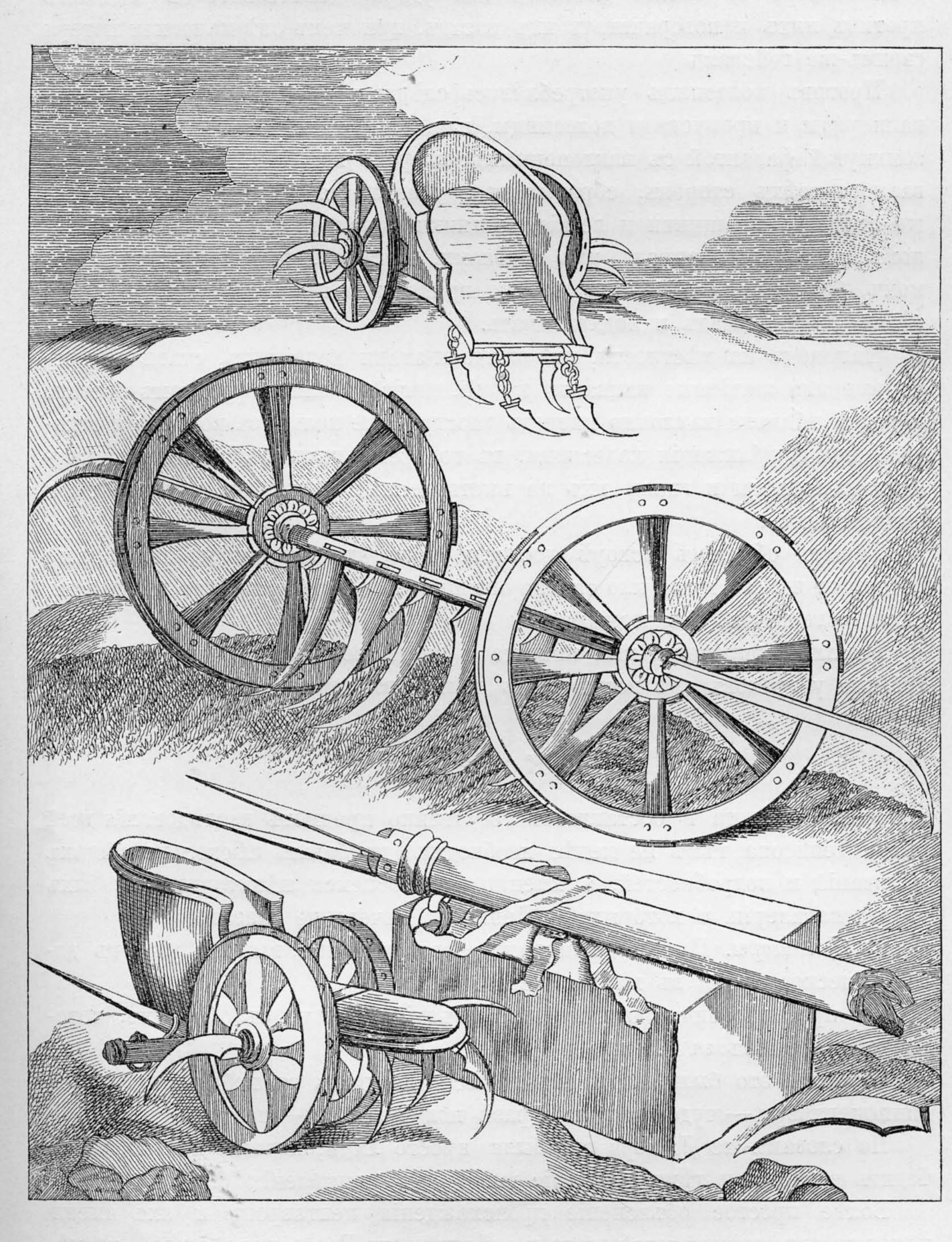
Отъ приведенія дальнѣйшихъ данныхъ мы воздержимся.

Всѣ колесницы арміи, частью замѣняя кавалерію, частью дополняя ее, составляли особый родъ оружія и имѣли отдѣльныхъ начальниковъ. Организація и раздѣленіе были тѣже, какъ и слоновъ.

Низшую единицу составляла одна колесница, а затѣмъ постояннымъ помноженіемъ (у ассирьянъ на три, у позднѣйшихъ грековъ, македонянъ и другихъ созданныхъ ими государствъ Азіи и Африки — на два) получались высшія единицы; по Эліану 2 колесницы составляли цигархію или равенство (parilis), четыре — сизигію или соединеніе (conjugatio), восемь — эписизигію или двойное соединеніе (duplaris conjugatio), шестнадцать — харматархію или вагенбургъ (curulis), тридцать шесть — крыло (cornu или duplicatus curulis), шестьдесятъ четыре — фалангу (duplicatum cornu). Когда соединялось нѣсколько фалангъ, то въ каждой имѣли примѣненіе приведенныя названія.

Образъ дѣйствій колесницъ соотвѣтствовалъ роду ихъ и вытекалъ отчасти изъ цѣлей, для которыхъ онѣ предназначались. Поэтому остается только прибавить къ сказанному нами выше и у Денисона, что у отдаленныхъ индійскихъ народовъ, жившихъ у Гидраорта, по словамъ Курція, существовало обыкновеніе связывать всѣ колесницы между собой веревками, вслѣдствіе чего воины, вооруженные, частью дротиками, частью копьями и боевыми топорами, могли очень легко перескакивать съ одной на другую. Александръ Македонскій, во время своего похода въ Индію, зашелъ въ эту страну, и войска его сначала были смущены подобнымъ образомъ дѣйствій.

Колесницы съ косами причиняли, во всякомъ случаѣ, много вреда, какъ это видно изъ словъ Курція, Гирція, Суидаса, Ксенофонта и друг.;

Боевыя колесницы.

однако скоро научились избѣгать ихъ удара, дѣйствовать съ успѣхомъ противъ нихъ и поворачивать ихъ назадъ, при чемъ онѣ наносили потери своимъ-же войскамъ.

Противъ колесницъ употреблялись слѣдующіе способы: или размыкали ряды и пропускали колесницы, или, напротивъ того, ихъ встрѣчали сомкнутой фалангой съ наклоненными впередъ копьями, потомъ охватывали со всѣхъ сторонъ, сбрасывали и убивали сидѣвшихъ на нихъ, или же стрѣлки, пращники и легкіе всадники нападали на нихъ въ разсыпномъ строю, забрасывали ихъ стрѣлами, пугали лошадей громкимъ шумомъ, бряцаніемъ оружія и дикими криками и принуждали ихъ этимъ поворачивать назадъ и подхватывать.

Наконецъ на мѣстности, гдѣ ожидали атаки колесницъ, ставили деревянные или желѣзные капканы (tribuli, murices), или за фронтомъ боеваго порядка вбивали наклонно впередъ заостренные колья, за которые и отходили при приближеніи колесницъ, въ то время какъ легкія войска окружали колесницы и гнали ихъ на выставленныя колья, на которые тѣ и напарывались.

Такимъ образомъ вскорѣ достигли того, что колесницы, пользованіе которыми и безъ того было сильно ограничено зависимостью отъ мѣстности, стали совершенно безвредными.

Римляне, впрочемъ, ими никогда и нигдѣ не пользовались, да и собственно у грековъ онѣ встрѣчались только въ героическій періодъ.

4. Конница.

Хотя конница и составляетъ собственно предметъ изслѣдованія всей книги Денисона, тѣмъ не менѣе необходимо прибавить нѣсколько общихъ замѣчаній и подробностей, а именно мы коснемся нѣкоторыхъ особыхъ видовъ кавалеріи, о которыхъ у Денисона ничего не сказано.

а) *Центавры.* Первое упоминаніе о всадникахъ является уже въ доисторическое время въ миѳѣ о центаврахъ.

По преданію они произошли отъ объятій Иксіона съ облакомъ, которое онъ принялъ за Юнону.

Сначала это были люди, отъ помѣси которыхъ съ кобылами явились гиппоцентавры — чудовища въ образѣ получеловѣка — полулошади.

По словамъ-же Діодора это были просто люди, первые попытавшіеся ѣздить верхомъ и тѣмъ подавшіе поводъ къ измышленію басни.

Болѣе простое объясненіе происхожденія центавровъ и ихъ имени находится въ производствѣ этого послѣдняго отъ Греческихъ словъ „κεντεῖν τοὺς ταυροὺς“, что обозначаетъ закалываніе или убіеніе быковъ.

Это выраженіе будто-бы присвоивалось, въ видѣ нарицательнаго имени, древнимъ обитателямъ Ѳессаліи Пелефроніямъ или Лапитамъ, потому что

они первые стали укрощать и объѣзжать лошадей для опасной охоты на дикихъ быковъ. Во вниманіе этого ихъ назвали гиппоцентаврами, т. е. убивателями быковъ на лошадяхъ.

Это объясненіе ставитъ насъ на твердую историческую почву, и мы можемъ себѣ объяснить миѳъ въ томъ именно смыслѣ, что искусство верховой ѣзды было извѣстно въ глубокой древности, въ миѳическое до-историческое время.

б) *Амазонки.* Исторія амазонокъ тоже получила свое начало въ доисторическое время, такъ что многіе писатели даже смотрятъ на этотъ разсказъ какъ на басню и символическое олицетвореніе поклоненія лунѣ.

Полагаютъ именно, что жрицы луны явились представительницами идеала мужественности въ женщинѣ, въ противуположность изнѣженнымъ (обабившимся), оскопленнымъ жрецамъ того-же культа у темуровъ, галловъ и мегабизовъ, въ подтвержденіе той старой истины, что гдѣ женщина становится мущиной, тамъ предварительно мущина сдѣлался бабой.

Все, что написано объ амазонкахъ нельзя считать за непреложную историческую истину, но нельзя также и считать все за вымыселъ.

Здѣсь однако не мѣсто противупоставлять различные взгляды старѣйшихъ и новѣйшихъ писателей на этотъ высоко интересный предметъ.

Въ греческомъ миѳѣ жрицы луны или амазонки представляются воинственнымъ племенемъ женщинъ, которое первоначально жило на юго-восточномъ берегу Чернаго моря и на Кавказѣ, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ нынѣшняго Трапезунда — по тогдашнему Ѳемискира. (Амазонки, вѣроятно, обозначаетъ „безгрудыя", такъ какъ онѣ вырѣзывали себѣ и своимъ малолѣтнимъ дочерямъ правую грудь, чтобы она не мѣшала имъ впослѣдствіи при обращеніи съ оружіемъ, именно при стрѣльбѣ. Мальчиковъ онѣ убивали).

Отсюда онѣ будто-бы распространились выселеніемъ и завоеваніями въ одну сторону по сѣверному берегу Чернаго моря, въ другую на югъ черезъ Малую Азію и оттуда частью далѣе на западъ въ Ѳракію и Аттику, частью еще южнѣе — въ Африку.

Во время этихъ походовъ (которые однако по Страбону шли въ обратномъ порядкѣ, такъ какъ онъ считаетъ либійскихъ амазонокъ за древнѣйшихъ) онѣ часто сталкивались съ греческими героями, особенно съ Геркулесомъ (перевязь королевы Гипполиты или Антіоны), выступали противъ Тезея въ 1260 г. до Р. Х., въ походѣ аргонавтовъ въ 1250 г. и въ Троянскую войну въ 1194—1184 г. (королева Пенѳесилея), т. е. относятся ко временамъ полусказочнымъ.

Нѣкоторые факты указываютъ на то, что онѣ дѣйствовали въ то-же время въ Африкѣ подъ предводительствомъ ихъ королевы Мирины, но многія подробности заставляютъ въ этомъ сомнѣваться.

*

Въ послѣдній разъ о нихъ упоминается въ совершенно историческое время походовъ Александра Македонскаго, котораго королева ихъ Ѳалестрисъ отыскивала, чтобы имѣть отъ него дѣтей.

Приведенныя еще позже въ Низу, мидійскимъ сатрапомъ Атропатомъ, при возвращеніи изъ Индіи, 100 такъ называемыхъ амазонокъ были, повидимому, фальшивыя и Александръ, замѣтивъ это, не принялъ ихъ.

Что касается военнаго значенія этого воинственнаго женскаго племени, то можно, какъ кажется, признать за достовѣрное, согласно почти всѣмъ источникамъ, что оно преимущественно сражалось верхомъ, такъ что многіе даже приписываютъ ему изобрѣтеніе верховой ѣзды. Если въ противуположность этому у Діодора показано, что въ войскѣ королевы Мирины было 30.000 пѣхотинцевъ и 2.000 всадниковъ, то кажется скорѣе, что тутъ перепутаны цифры.

Къ этому заключенію приводятъ, какъ указанія въ различныхъ источникахъ, такъ и примѣчаніе, что „на войнѣ имъ была нужна главнымъ образомъ, конница".

По Страбону вооруженіе амазонокъ состояло главнымъ образомъ изъ луковъ и стрѣлъ, топоровъ (sagaris) и маленькихъ щитовъ, имѣвшихъ форму мѣсяца; шлемы и верхняя и нижняя одежда дѣлались изъ звѣриныхъ шкуръ.

Діодоръ говоритъ, что какъ предохранительное оружіе онѣ употребляли чешуи большихъ змѣй, которыхъ много въ Ливіи, наступательное-же состояло изъ мечей, копій и луковъ. Изъ луковъ онѣ чрезвычайно мѣтко стрѣляли не только впередъ, но и назадъ, поражая преслѣдовавшихъ ихъ непріятелей.

Фальшивыя амазонки Атропата, согласно Арріану, были вооружены какъ всадники, но только онѣ имѣли топоры вмѣсто копій и щиты меньшаго размѣра.

Кромѣ собственно амазонокъ, по словамъ Филострата, сражались верхомъ мидійки; точно также Помпоній Мела говоритъ о женщинахъ яксаматаръ, что онѣ были верхомъ и дѣйствовали арканами.

Надо еще упомянуть здѣсь о женахъ кимвровъ, сражавшихся съ колесницъ (по Флору) и о женахъ цабековъ, правившихъ лошадьми въ колесницахъ (Геродотъ).

в) *Всадники безъ поводьевъ.* Кажется первоначально ѣздили именно этимъ способомъ, принятымъ у многихъ народовъ, какъ напр., у массилійцевъ, ливійцевъ, гетуловъ и нумидійцевъ.

Лошадьми управляли, вѣроятно, голосомъ и хлыстомъ.

Нумидійцы стали извѣстны по ихъ участію въ пуническихъ и римскихъ междуусобныхъ войнахъ и поэтому представляетъ извѣстный интересъ слѣдующее короткое описаніе этой дѣятельной кавалеріи, сдѣланное Ливіемъ: „съ перваго взгляда нѣтъ ничего презрѣннѣе: люди и лошади

Амазонки.

малы и тощи, всадники неопрятны, вооружены только нѣсколькими дротиками, лошади безъ поводьевъ, бѣгъ некрасивъ, когда онѣ скачутъ съ прямыми шеями и выставленной головой" и т. д.

Римскіе всадники тоже иногда ѣздили безъ поводьевъ, но они это дѣлали въ исключительныхъ случаяхъ, когда они хотѣли произвести неудержимый шокъ, какъ это въ первый разъ было приказано Сервіемъ Тулліемъ, а потомъ начальникомъ конницы Тиберіемъ Эбуціемъ Ельвой (Флоръ его называетъ ошибочно Коссомъ) въ 493 г. до Р. Х. въ войнѣ противъ латинянъ. Тоже самое произошло по Ливію въ 423 г. до Р. Х. въ войнѣ съ веями и фиденами, по приказанію начальника кавалеріи Авла Корнелія, и тогда кавалерія сметала все передъ собой „куда она только врывалась, подобно двигающейся стѣнѣ". Въ 332 г. въ сраженіи при Имбриніумѣ противъ самнитянъ всадники, несмотря на нѣсколько атакъ, не могли прорвать непріятельскую линію, и военный трибунъ Люцій Коминіусъ потребовалъ, чтобы они разнуздали лошадей; исполнивъ это, они ихъ такъ разогнали, что никакая сила не могла ихъ удержать: „сквозь лѣсъ оружія и людей они мчались, опрокидывая все передъ собой".

Наконецъ въ 180 г. въ сраженіи при Манлійскомъ лѣсѣ противъ кельтиберійцевъ проконсулъ Кв. Фульв. Флаккъ приказываетъ то же, ссылаясь на бывшіе примѣры, и тогда всадники „два раза пронеслись черезъ ряды врага взадъ и впередъ, опрокидывая многихъ и ломая всѣ колья".

г) *Спѣшивающіеся всадники.* Спѣшиваніе всадниковъ для боя пѣшкомъ было въ древности дѣломъ очень обыкновеннымъ, хотя и тогда нѣкоторые высказывали мнѣніе, что въ бою спѣшившійся всадникъ не можетъ сравниваться съ пѣхотинцемъ.

Первое упоминаніе о подобномъ образѣ дѣйствій мы уже встрѣчаемъ у лакедемонянъ, у царей которыхъ, согласно Діонисію, тѣлохранителями были юноши благороднѣйшаго происхожденія, которые на войнѣ дѣйствовали то какъ пѣхота, то какъ кавалерія.

У македонцевъ практиковалось то же уже давно. Такимъ образомъ по Арріану, въ 334 г. до Р. Х. у Пелліона, тѣлохранители и гетеры были высланы впередъ для атаки занятой непріятелемъ горы съ приказаніемъ отправиться на гору верхомъ, и если непріятель не отойдетъ, то половина должна спѣшиться, войти въ ряды всадниковъ и драться пѣшкомъ.

Впослѣдствіи Александръ Македонскій развилъ этотъ обычай и сформировалъ извѣстныхъ димаховъ совершенно въ духѣ позднѣйшихъ драгунъ, что будетъ ниже подробно изложено.

У римлянъ также часто встрѣчается примѣненіе конницы къ пѣшему бою. Уже при учрежденіи кавалеріи при Ромулѣ (какъ кажется по образцу лакедемонской конницы) было принято, какъ говоритъ Діонисій, за основаніе, чтобы конница дѣйствовала верхомъ или пѣшкомъ сооб-

Амазонки.

разно мѣстности. И въ позднѣйшія времена римскіе всадники фактически часто дѣйствовали пѣшкомъ въ качествѣ отборнаго резервнаго корпуса, хотя это не соотвѣтствовало ни ихъ организаціи, ни ихъ прямому назначенію.

Вообще повидимому такого взгляда на кавалерію римляне въ то время еще сильно придерживались, хотя несомнѣнно во многихъ случаяхъ ихъ всадники могли принести пѣхотѣ большую пользу, дѣйствуя какъ кавалерія.

Впрочемъ мы встрѣчаемъ также нѣсколько случаевъ, что всадники сначала дѣйствовали въ переднихъ рядахъ какъ пѣхота, а когда ихъ помощь вызывала благопріятный исходъ, они опять садились на коней и продолжали бой верхомъ.

Подобные примѣры мы видѣли у Ливія въ сраженіи при Регильскомъ озерѣ въ 496 году до Р. Х. противъ латинянъ и изгнанныхъ Тарквиніевъ. Римскіе всадники смѣнили въ первой линіи усталую пѣхоту, опрокинули непріятеля, и сѣвъ на подведенныхъ имъ лошадей, стали преслѣдовать врага; въ 446 году до Р. Х. въ войнѣ противъ сабинянъ кавалерія 2-хъ легіоновъ римлянъ, примѣрно 600 чел. пѣшкомъ помогли одержать побѣду крылу, которому приходилось плохо, потомъ отошли къ лошадямъ, сѣли и бросились на выручку другого крыла въ качествѣ конницы.

Далѣе, въ 422 году до Р. Х. въ войнѣ противъ вольсковъ декурій кавалеріи Секстій Темпаній возстановилъ, уже потерянное пѣхотой, сраженіе тѣмъ же способомъ и римскіе всадники доказали, что „ихъ не стоитъ ни одна кавалерія верхомъ и ни одна пѣхота пѣшкомъ".

Въ 378 г. до Р.Х., противъ того-же непріятеля, всадники такимъ-же образомъ рѣшили бой, когда ихъ войско уже колебалось. Затѣмъ въ 359 г., въ войнѣ противъ герниковъ, когда всѣ конныя атаки оказались безуспѣшны; въ 315 г. при осадѣ Сатикулы римская и самнитянская кавалерія дрались пѣшкомъ у тѣла убитаго начальника римской конницы.

Въ 308 году до Р. Х. въ сраженіи у озера Вадимо противъ этрусковъ „послѣ того какъ вторая линія и арьергардъ вступили въ бой и ожесточеніе дошло до высшаго предѣла, спѣшившись римскіе всадники пробиваются черезъ оружіе и мертвыя тѣла до переднихъ рядовъ пѣхоты", гдѣ и рѣшаютъ побѣду. Также въ сраженіи при Каннахъ въ 216 г. до Р. Х. римскіе всадники праваго крыла слѣзаютъ на глазахъ превосходной числомъ карѳагенской конницы „потому что Консулъ Павелъ не имѣлъ уже силъ управлять своими войсками". Подобныя дѣйствія всадниковъ и вызвали замѣчаніе Аннибала, что ему это пріятнѣе, чѣмъ если-бы ему привели всадниковъ связанными. И дѣйствительно пораженіе ихъ было полное.

Въ 1-й македонской войнѣ въ 200 году до Р. Х. римскіе всадники, хотя и перемѣшанные съ пѣхотой, все-таки частью спѣшивались. Въ

испанской войнѣ въ 185 году до Р. Х. римская конница, преслѣдуя разбитыхъ испанцевъ, ворвалась по ихъ пятамъ въ лагерь, но здѣсь была атакована оставленнымъ для охраненія лагеря отрядомъ, и вынуждена спѣшиться.

Наконецъ, значительно позже, по словамъ Фронтина, Германикъ въ войнѣ съ каттами (XIV — XVI стол. до Р. Х.), которые, во избѣжаніе пораженія уходили въ лѣса, спѣшилъ своихъ всадниковъ и направилъ ихъ въ лѣсъ, благодаря чему и одержалъ побѣду.

Испанская кавалерія тоже иногда дралась пѣшкомъ, а именно, по словамъ Діодора, кельтиберійскіе всадники имѣли обыкновеніе, одержавъ успѣхъ верхомъ, спѣшиваться и помогать пѣхотѣ. При этомъ они, по Суидасу, вбивали, прикрѣпленные къ концамъ поводьевъ, колышки въ землю, лошади-же ихъ были пріучены стоять смирно, пока всадники не вернутся и не вытащатъ колышки. Ливій упоминаетъ объ особенно разительномъ случаѣ пѣшаго боя спѣшенной кавалеріи испанцевъ во время возстанія Индибила въ 205 г. до Р. Х.

Атака римской конницы лишила испанскую возможности выйти черезъ интервалы, оставленные для этой цѣли между центромъ и крыльями боеваго порядка. Тогда испанцы спѣшились и дѣйствительно ихъ содѣйствіе пѣхотѣ дало ей возможность долго выдерживать натискъ римлянъ, но за то конница понесла огромныя потери, потому что не могла болѣе сѣсть верхомъ.

Германскіе всадники тоже, по словамъ Цезаря, имѣли привычку соскакивать съ лошадей, ворвавшись въ ряды непріятельской конницы, колоть снизу всадниковъ, сбрасывать ихъ съ коней и обращали врага въ бѣгство.

Объ свевахъ говорится, что они часто въ рядахъ соскакиваютъ съ коней, дерутся пѣшкомъ, а лошади ихъ невзрачныя и некрасивыя, но привычныя къ тяжелой работѣ, смирно стоятъ, пока всадники къ нимъ не вернутся.

Вообще это въ древности, повидимому, встрѣчалось повсюду, почему во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ, кромѣ димаховъ Александра Македонскаго, нѣтъ рѣчи ни о коноводахъ, ни о какомъ-либо способѣ привязыванія лошадей за исключеніемъ кельтиберійцевъ.

д) *Конная пѣхота* составляетъ противуположность и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуетъ спѣшенной кавалеріи.

Она встрѣчается у македонцевъ во время похода Александра и повела къ учрежденію димаховъ. Какъ на временную мѣру надо смотрѣть на посадку пѣхоты на лошадей во время истрійской войны въ 178 г. до Р. Х., когда римскій лагерь былъ атакованъ во время отсутствія 3-го легіона, ушедшаго на фуражировку и за дровами; тогда, говоритъ Ливій, военные трибуны этого легіона посадили по 2 изъ старѣйшихъ

воиновъ на каждое вьючное животное и по 1 изъ младшихъ къ каждому изъ всадниковъ и быстро повели ихъ къ лагерю. Такое же переходящее значеніе имѣетъ посадка на коней 10-го легіона Цезаря для сопровожденія его на свиданіе съ Аріовистомъ въ 58 году до Р. Х., что было имъ сдѣлано потому, что римской конницы у него не было, а на гальскую онъ не могъ положиться.

e) *Перемѣшиваніе конницы съ пѣхотой.* Идея совмѣстныхъ дѣйствій всадниковъ и пѣхотинцевъ въ тѣсной связи между собою не принадлежитъ исключительно древнему міру, но выражается въ средніе вѣка прибавленіемъ небольшихъ частей мушкетеровъ и другой пѣхоты къ коннымъ частямъ. Перемѣшиваніе это дѣлалось съ цѣлью уравновѣсить силу конницы при столкновеніи съ превосходнымъ по силѣ врагомъ или даже дать ей перевѣсъ. Въ древности не только одинаково употребляли въ тактическомъ смыслѣ оба рода оружія, перемѣшивая мелкіе отряды обоихъ, но шли еще дальше, неразрывно соединяя отдѣльныхъ всадниковъ съ пѣхотинцами въ тактическія единицы и такимъ образомъ образовался новый, средній родъ оружія, который не безъ основанія можно назвать аниппами, т. е. связанными со всадниками. При этомъ одна часть пѣхотинцевъ назначалась сопровождать бѣгомъ кавалеристовъ во время быстрыхъ передвиженій, другая же должна была садиться со всадниками верхомъ. Сообразно съ назначеніемъ пѣхотинцевъ ихъ называли скороходами (въ подлинномъ переводѣ „бѣгущіе рядомъ") или „вспрыгивающими", но въ сущности рѣзкаго раздѣленія между ними не было. О вскакивающихъ, подъ именемъ гамипповъ, говоритъ впервые Ѳукидитъ при описаніи пелопонезской войны; ихъ было въ спартанскомъ войскѣ въ 418 г. до Р. Х. 500 человѣкъ съ такимъ же числомъ всадниковъ.

Согласно Курцію, у даховъ, скиѳскаго народа, жившаго на восточномъ берегу Каспійскаго моря, было обыкновеніе сажать на каждую лошадь двухъ людей, изъ которыхъ одинъ, по очереди, слѣзалъ, стараясь тѣмъ привести въ безпорядокъ непріятельскую конницу, „потому что эти всадники бѣгутъ также скоро какъ и ихъ лошади".

Римляне тоже переняли подобный родъ войска, введя у себя велитовъ въ 211 году до Р. Х. при осадѣ Капуи, по предложенію Навіона, чтобы парализовать превосходство кампанской конницы. Для этого, по словамъ Ливія, были выбраны изо всѣхъ легіоновъ самые сильные и ловкіе юноши, которымъ дали круглые щиты еще меньшихъ размѣровъ чѣмъ у всадниковъ и по 7 копій, длиной въ 4 фута, съ желѣзнымъ наконечникомъ, какъ имѣли легкія войска. Люди эти были распредѣлены по одному къ каждому всаднику и были обучены быстрымъ прыжкомъ вскакивать на лошадь позади всадника, сидѣть на крупѣ и быстро соскакивать по данному знаку. При столкновеніи съ непріятельской конницей изъ рядовъ внезапно выбѣгала толпа пѣшихъ, бросалась на противника и засыпала

его градомъ копій. Если ошеломленный врагъ приходилъ въ разстройство, то всадники бросались впередъ и довершали пораженіе. Этимъ способомъ дѣйствій римская конница дѣйствительно стала одерживать верхъ и тогда было рѣшено завести велитовъ при всѣхъ легіонахъ [1]). Вслѣдствіе этого о нихъ уже потомъ часто упоминается какъ напр. въ 209 г. до Р. Х. при Бекулѣ въ Испаніи, въ 200 г. во время 1-й македонской войны, гдѣ они съ двумя конными отрядами разбили 400 тралловъ и 300 критянъ, смѣшанныхъ съ такимъ же числомъ македонскихъ всадниковъ, причемъ велиты „бросивъ копья выхватили мечи и схватились въ рукопашку, а всадники, наскочивши на врага, остановились и дрались частью верхомъ, частью же пѣшкомъ, перемѣшавшись съ пѣхотой". Во 2-й македонской войнѣ италійская кавалерія также перемѣшивалась въ бою съ велитами.

Напротивъ того, антесигнаны, позднѣе примѣнявшіеся Цезаремъ подобнымъ же образомъ, скорѣе имѣли характеръ скороходовъ, по болѣе близкому имъ образцу галловъ и германцевъ.

Подобно какъ у даховъ, у испанцевъ въ позднѣйшія времена было принято сажать на лошадь по 2 человѣка и одинъ изъ нихъ слѣзалъ для пѣшаго боя.

Скороходы были у галловъ, германцевъ, нумидійцевъ, а по образцу этихъ и у римлянъ. Изъ гальскихъ племенъ особенно достойны упоминанія бастарны: у нихъ пѣшихъ, которые на ходу не отставали отъ лошадей, было столько же, какъ и всадниковъ, и когда одинъ изъ этихъ выбывалъ изъ строя, пѣшій садился на его лошадь. 10.000 такихъ воиновъ предлагали Персею (согласно Ливію и Плутарху) поступить къ нему на службу наемниками во время 2-й македонской войны, но онъ ихъ не принялъ.

Въ войнахъ противъ Цезаря Галлы имѣли обыкновеніе ставить пѣшихъ лучниковъ и легковооруженныхъ между всадниками, чтобы оказать этимъ поддержку при отступленіи и препятствовать противнику преслѣдовать.

У германцевъ (по Цезарю и Тациту) была особенно тѣсная связь между всадниками и скороходами, такъ какъ каждый всадникъ выбиралъ себѣ самъ изо всего войска самаго быстраго и храбраго пѣхотинца, въ интересахъ своей защиты и держался его во время боя.

Если всадники должны были отступить, то они отходили на своихъ пѣшихъ, или эти спѣшили къ всадникамъ на помощь, если имъ приходилось плохо. Если тяжело раненный всадникъ падалъ съ лошади, то пѣшіе его окружали, при этомъ они, отъ постояннаго упражненія достигли такой быстроты бѣга, что не отставали отъ всадниковъ ни при наступленіи, ни при быстромъ отступленіи, держась за гриву лошади.

---

[1]) Велиты составляли постоянную принадлежность легіона и ранѣе. *В. Сухомлиновъ.*

Нумидійская легкая пѣхота также была пріучена сражаться съ невѣроятной ловкостью между всадниками при движеніяхъ впередъ и назадъ. Изъ густыхъ рядовъ конницы выскакивали пѣхотинцы, въ перемежку со всадниками, на врага и забрасывали его дротиками. Если непріятель переходилъ въ наступленіе, то всадники отходили, пѣхота выдерживала натискъ, а затѣмъ опять кавалерія повторяла ударъ.

Цезарь, желая, чтобы его малочисленная кавалерія съумѣла справиться съ болѣе сильнымъ противникомъ (вѣроятно руководясь примѣромъ галловъ и германцевъ и отказавшись отъ велитовъ) [1]), прибѣгалъ неоднократно къ слѣдующему способу: онъ выбиралъ молодыхъ и расторопныхъ антесигнановъ и заставлялъ ихъ маневрировать между лошадьми, развивая въ нихъ ежедневными упражненіями умѣнье такъ сражаться. Этимъ онъ достигъ того блестящаго результата, что въ войнѣ противъ Помпея — 1.000 его всадниковъ, на ровномъ открытомъ мѣстѣ, могли справиться съ 7.000 непріятельскихъ. Позднѣе, въ африканской войнѣ онъ привлекалъ съ тою же цѣлью матросовъ съ гальскихъ и родосскихъ судовъ и даже частью корабельныхъ служителей и ставилъ ихъ, по примѣру непріятеля, между кавалеріей, взамѣнъ легкихъ войскъ. Конечно это могло быть сдѣлано только въ крайности и врядъ-ли люди эти были въ состояніи принести значительную пользу.

Вообще въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ уже не встрѣчается такого перемѣшиванія отдѣльныхъ пѣхотинцевъ съ всадниками, при которомъ бы являлся особый смѣшанный родъ оружія.

Это замѣчается еще менѣе при соединеніи конницы съ легкой пѣхотой римлянъ во многихъ сраженіяхъ пуническихъ войнъ, напр. при Тичино, Илингѣ, Замѣ и т. д., гдѣ перемѣшиваются уже не отдѣльные люди, а небольшіе отряды обоихъ родовъ оружія. Какъ кажется въ томъ же смыслѣ надо понимать распоряженіе Александра Македонскаго при переходѣ черезъ Танаисъ, когда онъ поставилъ противъ скиѳовъ лучниковъ, агріановъ и прочихъ легковооруженныхъ между всадниками; тоже можно сказать и въ вышеприведенномъ примѣрѣ совмѣстныхъ дѣйствій 400 тралловъ и 300 критянъ съ тѣмъ же числомъ всадниковъ противъ римскихъ велитовъ съ конницей.

Способъ дѣйствій этихъ македонскихъ войскъ состоялъ впрочемъ въ этомъ случаѣ въ томъ, что всадники поперемѣнно налетая и отходя то бросали стрѣлы, то быстро уходили, въ то время какъ ловкіе иллирійцы были застрѣльщиками и стремительно атаковали, критяне же „эти быстрѣйшіе пѣшеходы“ засыпали налетающаго врага своими стрѣлами. Такимъ образомъ все сводилось къ тому, чтобы дразнить непріятеля и затягивать бой метательнымъ оружіемъ, чему римляне противупоставляли такое же настойчивое какъ и рѣшительное наступленіе и вскорѣ побѣдили.

---

[1]) У Цезаря, получившаго легіоны Марія, не было велитовъ, но онъ ихъ возстановилъ въ лицѣ антесигнановъ. *В. Сухомлиновъ.*

ж) *Придача собакъ конницѣ*. Этимъ своеобразнымъ сочетаніемъ, по словамъ Эліана, пользовались жившіе по р. Меандерѣ магнеты въ войнѣ съ эфесцами, причемъ каждому всаднику придавались собака и рабъ съ дротиками.

Когда противники сближались и дѣло доходило до рукопашки, то собаки съ бѣшенствомъ стремительно бросались впередъ и распространяли въ рядахъ непріятеля ужасъ и смятеніе своей неукротимой дикостью, за ними слѣдовали во второй линіи рабы съ дротиками и наконецъ въ 3-й шли настоящіе воины. Поліэнъ говоритъ, что Аліатъ, король лидійскій, пользовался собаками въ киммерійской войнѣ.

Въ 101 году до Р. Х., когда Марій побѣдилъ при Верцеллахъ (или Веронѣ) кимвровъ, ему пришлось еще сражаться съ ихъ женами и большими собаками передъ повозками и на самыхъ повозкахъ. Чтобы исчерпать этотъ интересный вопросъ, остается упомянуть изъ позднѣйшаго времени о финнахъ, у которыхъ собаки въ бою бросались на лошадей, рвали имъ ноздри и сбрасывали всадниковъ.

з) *Всадники съ заводной лошадью*. По согласующимся свидѣтельствамъ Эліана, Хигинія, Исидора, Манилія, Поллукса, Силія, Суидаса и друг., въ древности былъ особый родъ конницы, въ которой у каждаго всадника было двѣ связанныя между собою лошади. Въ бою или на походѣ, когда одна лошадь уставала, всадникъ перескакивалъ на другую. Эти всадники назывались амфиппами или скакунами (desultores). Какъ кажется этотъ способъ взялъ свое начало въ цирковыхъ упражненіяхъ и былъ давно извѣстенъ, такъ что во время Троянской войны упоминается даже о скакавшихъ на 4-хъ лошадяхъ какъ объ вещи далеко не новой. Этотъ родъ конницы примѣнялся на войнѣ напр. у нумидійцевъ, между которыми, по словамъ Ливія, встрѣчались такіе, „которые подобно скакунамъ имѣли по 2 лошади и въ самомъ разгарѣ жаркаго боя перепрыгивали съ усталой лошади на свѣжую съ оружіемъ въ рукахъ; такъ они были ловки и такъ понятлива эта порода лошадей".

Такое же устройство встрѣчается у тарентинскихъ всадниковъ, о которыхъ упоминается у обѣихъ враждующихъ сторонъ въ войнѣ ахейскаго союза подъ предводительствомъ Филопомена противъ спартанскаго тирана Набиса.

Римляне тоже переняли этотъ способъ для ихъ pares equi, которыхъ они подобнымъ же образомъ примѣняли въ войнѣ, по словамъ Феста. Остается, наконецъ, указать изъ позднѣйшихъ временъ — въ IV столѣтіи по Р. Х. на квадовъ и сарматовъ, которые, согласно Аммiану Марцеллину, имѣли каждый по заводной лошади, а иногда и по двѣ, смѣняя ихъ для сохраненія силъ во время дальнихъ, привычныхъ имъ пробѣговъ, при преслѣдованіи или бѣгствѣ; лошади ихъ были сильны и втянуты въ работу, въ большинствѣ мерины [1]).

---

[1]) Способъ дѣйствія „о дву-конь" извѣстенъ былъ и нашимъ казакамъ.

В. Сухомлиновъ.

и) *Обозначенная конница.* Для полноты изслѣдованія слѣдуетъ сказать, что въ древности иногда обращались къ слѣдующей хитрости: чтобы показать видъ, что кавалеріи больше, нежели ея было въ дѣйствительности, сажали верхомъ прислугу на вьючныхъ мулловъ, давали имъ заручное оружіе и, перемѣшавъ ихъ съ настоящими всадниками, заставляли ихъ неожиданно появляться на какомъ-нибудь важномъ пунктѣ. Такъ поступилъ, по словамъ Ливія и Фронтина въ 335 г. послѣ Р. Х. диктаторъ Кай Сюльпицій Петикъ въ бою съ галлами; затѣмъ въ 293 г. консулъ Л. Папирій Курсоръ въ войнѣ противъ самнитянъ. Говорятъ даже, что скиѳскій король Атей выставилъ позади боевой линіи женщинъ и дѣтей, высокодержавшихъ копья, сидя на волахъ и ослахъ.

5. О сѣдлахъ и о томъ какъ садились на лошадь въ древности.

Изслѣдованіе о времени изобрѣтенія и перваго примѣненія сѣдла чрезвычайно затруднительно, потому что слова, которымъ его первоначально обозначали (ephippia) было тоже и для попонъ. Съ этой точки зрѣнія и слѣдуетъ, вѣроятно, смотрѣть на то мѣсто изъ законовъ Моисея (1500 до Р. Х.), гдѣ говорится: „и сѣдло на которомъ онъ ѣздитъ станетъ нечистымъ“, а также и на другія мѣста въ Библіи, гдѣ идетъ рѣчь о сѣдлахъ.

Можно ли сказать тоже самое объ сѣдлѣ, о которомъ говоритъ Дегинъ въ его Art militaire des Chinois, а именно, что каждая лошадь должна имѣть всегда ту же уздечку, то-же сѣдло и то-же удило — это вопросъ неразрѣшимый уже потому, что не сказано о какой эпохѣ идетъ рѣчь. Зато можно несомнѣнно принимать въ буквальномъ смыслѣ слова показанія о вьючныхъ сѣдлахъ, которыя встрѣчаются уже въ очень древнія времена.

О настоящемъ верховомъ сѣдлѣ упоминается впервые въ 340 г. п. Р. Х. по поводу умерщвленія Константина младшаго; но вполнѣ достовѣрное указаніе мы находимъ въ 385 г. въ предписаніи императора Ѳеодосія, согласно которому для сѣделъ почтовыхъ лошадей былъ установленъ вѣсъ не свыше 60 римскихъ фунтовъ (40 современныхъ фунтовъ).

Мы не можемъ здѣсь болѣе подробно останавливаться на этомъ предметѣ и отсылаемъ желающихъ ближе ознакомиться съ нимъ съ источниками къ вышеуказанному уже сочиненію — Hugo „De militia equestri antiqua et nova“ кн. I, гл. 4, гдѣ говорится о сѣдлахъ и попонахъ, а въ предъидущей 3-й главѣ — взнуздываніи и ковкѣ. Въ названной книгѣ собрано много данныхъ очень старательно, хотя и недостаточно умѣло.

Зато казалось бы интересно дать нѣкоторыя данныя относительно того, какъ садились на лошадь въ древности. Самый простой и обыкновенный способъ былъ вспрыгиваніе, причемъ, въ случаѣ нужды, схватывались за гриву или за уши лошади.

Противуположность этому составляетъ способъ постановки лошадей на колѣни, какъ онѣ были обучены у испанцевъ по Поллуксу, Силію и Страбону. Изъ искусственныхъ средствъ примѣняли слѣдующія: посадку на лошадь особыми рабами или конюхами (ἀναβογεῖς, stratores); далѣе — при помощи копья, на которомъ имѣлся особый выступъ для постановки лѣвой или правой ноги; маленькія лѣстницы (ἀναβογεῖς, scalae) или переносныя желѣзныя ступеньки, упоминаніе о которыхъ часто приводило къ недоразумѣнію, а именно, будто-бы въ древности уже были стремена. Наконецъ пользовались камнями, которые даже были нарочно для этой цѣли положены на краяхъ большихъ дорогъ въ Греціи и Италіи.

III. Конь и конница у іудеевъ[1]).

Отношеніе іудеевъ къ лошадямъ и ихъ примѣненіе на войнѣ было такое своеобразное, что стоитъ этого коснуться. Лошади и пользованіе ими были извѣстны іудеямъ уже во времена патріарховъ, какъ мы уже говорили объ этомъ выше (см. примѣч. I); потомъ евреи жили около 300 лѣтъ въ Египтѣ, странѣ, изобиловавшей этими животными, и гдѣ примѣненіе ихъ на войнѣ уже давно было принято и распространено. Если, такимъ образомъ, евреи давно были знакомы съ лошадьми, то они же и цѣнили ихъ очень высоко, какъ это видно изъ знаменитаго описанія лошади и ея качествъ вложеннаго въ уста Самаго Бога Отца у Іова[2]), описанія самого прекраснаго и возвышеннаго, которое когда-либо было сдѣлано въ пользу этого дивнаго животнаго.

Необыкновенная польза примѣненія лошади на войнѣ, а также и вытекающія изъ нея преимущества были несомнѣнно признаны и правильно оцѣнены, что можно вывести изъ описаній[3]) и, несмотря на все это, въ теченіе цѣлыхъ 500 лѣтъ послѣ выхода іудеевъ изъ Египта, у нихъ не было ни колесницъ, ни конницы, тогда какъ у всѣхъ окрестныхъ хананейскихъ народовъ было и то и другое въ достаточномъ количествѣ[4]).

Причины такого замѣчательнаго явленія не совсѣмъ ясны. Часто высказывалось мнѣніе, что на этотъ счетъ было прямое запрещеніе отъ Бога; но въ томъ мѣстѣ, которое обыкновенно указывается, и въ которомъ ставится въ числѣ условій для будущаго царя „чтобы онъ не умножалъ себѣ коней и не возвращалъ народа въ Египетъ для умноженія себѣ коней“, ибо Господь сказалъ вамъ: „не возвращайтесь болѣе путемъ

---

[1]) Библія. Ветхій Завѣтъ.
[2]) Іовъ XXXIX. 18—25. Сравнить съ зоологіей Талмуда D-r L. Levysohn. Frankfurt a. M. 1858, § 164, стр. 136—138.
[3]) Книга Судей I, 19.
[4]) Іисусъ Навинъ XI. 4.—1 Книга Цар. XIII, 5.—2 Кн. Цар. 1, 6.

симъ“ [1]) помѣщается только предупрежденіе отъ излишка, и нѣтъ положительнаго запрещенія.

Скорѣе на это похоже наставленіе Божіе Іисусу Навину: „конямъ же ихъ (т. е. хананеевъ, аморреевъ, хеттеевъ, ферезеевъ, іевусеевъ и евреевъ) перерѣжь жилы и колесницы ихъ сожги огнемъ“ [2]). Въ этомъ же смыслѣ можно понять слѣдующее мѣсто: „Не на силу коня смотритъ Онъ (Богъ), не въ быстротѣ ногъ человѣческихъ благоволитъ“ [3]). Но и здѣсь мы не находимъ прямаго запрета.

Между тѣмъ несомнѣнно нельзя отвергать, что общее впечатлѣніе изъ всѣхъ относящихся къ этому вопросу выдержекъ изъ Священнаго Писанія дѣйствительно таково, будто-бы Господь не желалъ, чтобы Іудеи имѣли всадниковъ и колесницы, чтобы они не полагались на эти мощныя орудія борьбы больше, нежели на Его помощь. Но допустивъ это, тѣмъ болѣе поражаетъ внезапное и, послѣ всего произошедшаго, ничѣмъ не мотивированное появленіе многочисленныхъ колесницъ и всадниковъ при Соломонѣ. Мы также находимъ въ позднѣйшее время мѣста въ Библіи совершенно въ другомъ духѣ, какъ напр., уже упомянутое выше восхваленіе лошади Іовомъ; затѣмъ прямой вызовъ противъ Египта: „сѣдлайте коней и садитесь, всадники и становитесь въ шлемахъ; точите копья, облекайтесь въ брони“ [4]) и далѣе: „наведите коней какъ страшную саранчу“ [5]).

Подлежащій вопросъ освѣщается еще съ другой стороны угрозой Самуила іудейскому народу, когда тотъ просилъ себѣ царя: „Сыновей Вашихъ Онъ возьметъ и приставитъ ихъ къ колесницамъ своимъ и сдѣлаетъ всадниками своими, и будутъ они бѣгать передъ колесницами его“ [6]). Изъ этихъ словъ какъ кажется можно съ достаточнымъ основаніемъ заключить, что служба при колесницахъ и въ конницѣ особенно была страшна и ненавистна евреямъ.

Есть еще одно объясненіе, болѣе естественное, что касается, по крайней мѣрѣ, отсутствія колесницъ, и это именно то, что во времена Саула (въ 1055—1033 г. до Р. Х.) во всемъ Израильскомъ царствѣ не было ни одного кузнеца „потому что филистимляне опасались, чтобы евреи не сдѣлали меча или копья и должны были ходить всѣ израильтяне къ филистимлянамъ оттачивать свои сошники и свои заступы и свои топоры и свои кирки“ [7]).

---

[1]) 5 кн. Моисей XVII, 16.
[2]) Іисусъ Навинъ XI, 6.
[3]) Псал. CXLVI, 10. Юдиѳь IX, 7.
[4]) Іеремія XLVI, 4.
[5]) Ibid. LI, 27.
[6]) I кн. Царств. VIII, 11.
[7]) I кн. Царств. XIII, 91, 20.

Послѣдствіемъ этого было то, что во всемъ народѣ, за исключеніемъ Саула и его сына, ни у кого не было настоящаго оружія[1]).

Конечно, при подобныхъ обстоятельствахъ еще труднѣе было завести колесницы и отъ этого только одинъ шагъ къ мысли препятствовать сосѣднимъ народамъ обзаводиться лошадьми.

Какъ бы тамъ ни было, но установленъ фактъ, что у іудеевъ не было ни колесницъ, ни всадниковъ и, кажется, даже и лошадей до Давида (1033 — 993 до Р. Х.). Вѣрный старому завѣту, царь этотъ приводилъ въ негодность всѣ колесницы и лошадей, которыхъ онъ отнималъ у непріятеля[2]); онъ оставилъ только 100 колесницъ, но и тѣ повидимому не для пользованія ими, а какъ знакъ побѣды[3]).

Колесницы и всадники введены для военныхъ цѣлей впервые у іудеевъ Авессаломомъ и Адоніемъ во время ихъ возстанія въ концѣ царствованія Давида[4]). При Соломонѣ (993 — 953 до Р. Х.) было заведено много колесницъ и многочисленная кавалерія, такъ что у него наконецъ было 1.400 колесницъ съ 4.000 лошадей и 12.000 всадниковъ, которые онъ „размѣстилъ по колесничнымъ городамъ и при царѣ въ Іерусалимѣ“[5]).

Лошади и колесницы въ большинствѣ пріобрѣтались изъ Египта[6]) и платилось за лошадь по 150, за колесницу 600 серебрениковъ, также какъ у Царей хеттейскихъ и сирійскихъ[7]). Изъ этого можно бы заключить, что Соломонъ вышеуказанный законъ преступилъ, если не принять, что ему была дана особая привилегія для увеличенія славы и блеска его государства, тѣмъ болѣе, что онъ повидимому обладалъ такимъ большимъ количествомъ колесницъ и лошадей уже въ то время, когда онъ еще былъ угоденъ Богу[8]). По крайней мѣрѣ нѣтъ нигдѣ указаній, чтобы заведеніе Соломономъ колесницъ и всадниковъ было не одобрено.

При преемникахъ Соломона конница и служба колесницъ опять пришли въ упадокъ и опять замѣчается размышленіе религіознаго характера, такъ что напр. на существованіе или отсутствіе лошадей и колесницъ можно почти съ достовѣрностью смотрѣть какъ на признакъ того отворачивались-ли цари іудейскіе и израильскіе отъ Бога или жили по Его законамъ.

Въ общемъ кажется, что колесницы удержались тверже чѣмъ конница, хотя слѣды этой послѣдней кое гдѣ еще попадаются. Колесницъ мы

---

[1]) Тамъ-же 22.
[2]) 2 Кн. Цар. VIII, 4; X, 18. — 1 кн. Паралипом. XVIII, 4; XIX, 18.
[3]) 2 Кн. Цар. VIII, 4. — 1 Парал. XVIII, 4.
[4]) 2 Кн. Цар. XV, 1. — 3 Цар. I, 5.
[5]) 3 Цар. X, 26. — 2 Пар. I, 14; IX, 25.
[6]) 3 Цар. X, 28. — 2 Пар. I, 16; IX, 28.
[7]) 3 Цар. X, 29. — 2 Пар. I, 17.
[8]) Hugo стр. 64.

болѣе касаться не будемъ [1]) и укажемъ только на тѣ мѣста, гдѣ идетъ рѣчь о всадникахъ послѣ Соломона. При осадѣ Самаріи сирійцами, царь израильскій облокачивался на руку всадника [2]); когда Іиуй возсталъ, по наущенію пророка Елисея, противъ царей Іорама іудейскаго и Охозія израильскаго (въ 843 г. до Р. Х.) [3]), то Іорамъ выслалъ на рекогносцировку двухъ всадниковъ [4]). Въ царствованіе Іоахаза израильскаго (815—798) осталось войска послѣ войны съ Сиріей только 50 всадниковъ, 10 колесницъ и 10.000 пѣхоты [5]).

Царь Ассирійскій Сенахиримъ предлагалъ царю Езекію іудейскому (728—697 гг.) 2.000 коней, чтобы тотъ досталъ себѣ на нихъ всадниковъ [6]), но Езекія этого не принялъ и предпочелъ союзъ съ Египтомъ.

Болѣе опредѣленно выступаетъ религіозная сторона вопроса, когда Богъ обѣщаетъ Іудѣ ему помочь, но „ни лукомъ, ни мечомъ, ни войною, ни конями и всадниками“ [7]) и потомъ въ совѣтѣ Израилю обратиться къ Богу, а не садиться на коня [8]).

При возвращеніи изъ вавилонскаго плѣненія, евреи въ числѣ около 50.000 привели между прочимъ скотомъ 736 коней [9]).

Въ заключеніи слѣдуетъ упомянуть объ интересномъ фактѣ (опять противорѣчащемъ указаннымъ неоднократно религіознымъ предразсудкамъ или взглядамъ евреевъ), что у маккавеевъ, всегда стоявшихъ за старую неизмѣнную вѣру Іеговы, несомнѣнно пользовались конницей, хотя и въ тѣсныхъ рамкахъ, а именно Симонъ Маккавейскій (142—135 гг. до Р. Х. „избралъ изъ страны 20.000 воиновъ и всадниковъ“ [10]) и поставилъ въ боевомъ порядкѣ конныхъ среди пѣшихъ [11]).

При Іудѣ Маккавеѣ были тоже, какъ кажется, всадники между іудеями (160 г. до Р. Х.), но это мѣсто не совсѣмъ ясно [12]).

---

[1]) 3 Цар. XVI, 9; XXII, 35. — 4 Цар. VII, 14; VIII, 21; IX, 21, 24, 27; XIII, 7.
[2]) 4 Цар. VII, 2.
[3]) По Библіи наоборотъ — Іорамъ царь израильскій, а Охозія іудейскій.
Прим. Бар. Рагушъ.
[4]) Тамъ же IX, 17 — 19.
[5]) Тамъ же XIII, 7.
[6]) 4 Цар. XVIII, 23.
[7]) Осія 1, 7.
[8]) Тамъ-же XIV, 4.
[9]) 1 Едра II, 64 — 66. Неемія VII, 66 — 68.
[10]) 1 Маккав. XVI, 4.
[11]) Тамъ-же 7.
[12]) 2 Мак. XII, 35.

IV. Кавалерія у грековъ[1]).

Кавалерія у грековъ была вначалѣ не очень многочисленна, потому что ихъ страна, за исключеніемъ Өессаліи, была бѣдна лошадьми. Вслѣдствіе этого верхомъ могли служить только люди, имѣвшіе большое состояніе и которые могли купить и содержать лошадь на собственныя средства; благодаря этому, всадники и служба ихъ были въ особенномъ почетѣ и дѣйствительно они составляли во многихъ греческихъ государствахъ второе сословіе въ общественной іерархіи. Это отношеніе измѣнилось впослѣдствіи, когда богатые граждане сами перестали служить, а ставили за себя наемниковъ. Тогда упало значеніе и видное положеніе конницы.

Изо всѣхъ греческихъ народовъ өессалійцы слыли за лучшихъ кавалеристовъ и они же были несомнѣнно первыми всадниками. Ихъ лошади были признаны оракуломъ за лучшихъ, а ихъ конница пользовалась повсюду высшимъ почетомъ и заслуженной славой.

Спартанцы, какъ большинство пелопонезскихъ народовъ, почти не имѣли конницы; только по окончаніи мессенской войны (680 г. до Р. Х.), стали ее заводить, а впослѣдствіи государство само нанимало искусныхъ учителей ѣзды для обученія юношей.

Однако спартанская кавалерія никогда не стояла особенно высоко и даже, кажется, по временамъ совсѣмъ переводилась, такъ какъ 250 лѣтъ спустя упоминается какъ о необычайной мѣрѣ о наборѣ 400 всадниковъ и лучниковъ Өукидида на 8-й годъ пелопонезской войны (424 г. до Р. Х.) послѣ неудачи у Сфактеріи и потери Киферы. Царь Агезилай увеличилъ спартанскую кавалерію тѣмъ, что, согласно Плутарху, онъ (въ 395 г. до Р. Х.) разрѣшилъ богатымъ гражданамъ откупаться отъ службы поставкой взамѣнъ себя всадника съ лошадью.

Спартанская кавалерія дѣлилась на двѣ части: одна состояла изъ 300 отборныхъ юношей или рыцарей, которые окружали царя въ качествѣ тѣлохранителей и, по обстоятельствамъ, служили пѣшкомъ или верхомъ; другую составляли скириты —(племя аркадійскаго происхожденія[2]), которые назначались для прикрытія фланговъ. Дѣлились они на уламы (οὐλμὸς) по 50 человѣкъ, построенные квадратомъ по словамъ Гезихія, Плутарха и проч. Это построеніе было заведено еще при Ликургѣ.

У аөинянъ вся кавалерія состояла первоначально изъ 96 человѣкъ, причемъ каждая изъ 48 навкрарій, на которыя дѣлился народъ, выстав-

[1]) Berneck, Carrion-Nisar, La Barre Duparcq, La Roche, Liskenne et Sauvan; Brezé Denison, D'Hauteville, Hasse, Hugo, Nolan, Pauly, Xenophon, Baumgärtner, Grysar, Guichardt, Köchly und Rüstow. Löhr, Lo-Looz, Rheinhard, Rückert; Aelian, Arrian.

[2]) Скиритами называютъ одни писатели—легкій кавалерійскій корпусъ, другіе — отрядъ легкой пѣхоты; если же это имя дѣйствительно обозначаетъ происхожденіе, а не есть технически военное названіе, то можно легко принять, что изъ этого племени вообще набирались легкія войска, какъ пѣшія, такъ и конныя.

ляла по 2 человѣка. Послѣ побѣды надъ Ксерксомъ число всадниковъ увеличилось до 300, а позднѣе до 1.200 и столько ихъ было при началѣ пелопонезской войны. Кавалерія была организована на основаніи законовъ Солона изъ гражданъ первыхъ двухъ классовъ, которые первоначально должны были служить лично, впослѣдствіи же поставляли за себя лошадей и людей. Особенно высоко стояла аѳинская кавалерія незадолго до потери самостоятельности при Ификратѣ.

У ѳиванцевъ, повидимому, конница съ самаго начала была въ большомъ почетѣ. Во время пелопонезской войны ѳиванцы похвалялись тѣмъ, что они выставили такое количество кавалеріи, какъ ни одно союзное государство, а при Эпаминондѣ этотъ родъ оружія получилъ рѣшающее значеніе.

Греческая кавалерія распалась впослѣдствіи на нѣсколько видовъ, согласно вооруженію. Прежде всего она дѣлилась на тяжелую или латниковъ и легкую, безъ панцырей.

1. У латниковъ (катафракты) человѣкъ и конь были защищены предохранительнымъ вооруженіемъ съ головы до ногъ; всадники имѣли панцыри чешуйчатые, войлочные или роговые, или только набедренники. У лошадей были прикрыты ребра и голова.

2. Непокрытые панцыремъ (афракты) дѣлились на копейщиковъ и стрѣлковъ.

а) *Копейщики* назначались для ближняго боя; они стремительно атаковали врага съ опущенными копьями и поэтому ихъ нѣкоторые называли ударяющими или систрофами. По длинѣ копій, которыми они были вооружены, они дѣлились на три рода: доратофоровъ, контофоровъ (или ксестофоровъ) и лонхофоровъ; былъ еще четвертый, видъ называвшійся щитоносцами или тиресфорами; они имѣли кромѣ копья еще длинный щитъ.

б) *Стрѣлки (акроболисты)* предназначались вообще для дальняго боя и соотвѣтственно были вооружены. Ихъ оружіе состояло частью изъ дротиковъ, частью изъ луковъ и стрѣлъ, и сообразно этому они дѣлились на два вида—тарентинцевъ и лучниковъ. Тарентинцы имѣли короткіе дротики, которыми они пользовались двояко и поэтому опять подраздѣлялись на два вида; въ то время какъ одни, такъ называемые метатели копій, или гиппаконисты исключительно дѣйствовали издалека, постоянно окружали врага и забрасывали его дротиками, другіе, собственно, тарентинцы, называемые также елафри или быстрые, бросивъ въ непріятеля свои дротики, нападали на него еще съ копьемъ или мечомъ (спата) въ рукахъ. Мы уже упоминали выше еще объ одномъ видѣ тарентинцевъ-амфиппахъ, которые имѣли по двѣ лошади и перескакивали въ бою съ уставшей или раненной на свѣжую.

Конные стрѣлки (гиппотоксаты) дѣйствовали преимущественно лукомъ и стрѣлами. Нѣкоторые называли ихъ также скиѳами, но это имя,

также какъ названіе тарентинцевъ, вовсе не относилось всегда къ ихъ національности. Впослѣдствіи появляются лучники въ панцыряхъ.

3. Димахи или двоеборцы были введены Александромъ Македонскимъ о чемъ ниже будетъ упомянуто подробнѣе. Здѣсь скажемъ только, что они предназначались для дѣйствій верхомъ и пѣшкомъ и отъ этого получили свое имя. Соотвѣтственно назначенію они были вооружены нѣсколько тяжелѣе нежели обыкновенные легкіе всадники, но не такъ тяжело какъ пѣхота. Они имѣли при себѣ прислугу, которая должна была держать лошадей, когда димахи спѣшивались для пѣшаго боя.

Тактическое дѣленіе греческой, а по ея образцу и македонской конницы было тѣсно связано съ дѣленіемъ фаланги тяжело вооруженной пѣхоты, а потому необходимо напомнить организацію фаланги.

Греческо-македонская фаланга имѣла въ глубину 16 шеренгъ, одна отъ другой на 3 фута.

По фронту было 256 человѣкъ: 1 рядъ (16 чел.), въ глубину назывался ротой (лохосъ); 2 роты (32 чел.) — дилохія; 4 роты — (64 чел.) — тетрархія; 8 ротъ (128 чел.) — таксисъ или таксіархія; 16 ротъ — синтагма или ксенагія (256 чел.); 32 роты — пентакозіархія, у спартанцевъ морія — (512 чел.); 64 роты — хиліархія (1.024 чел.); 128 ротъ — мерархія или телосъ — (2.048 чел.) и наконецъ 256 ротъ изъ 4.096 чел. составляли обыкновенную фалангу или стратегію.

Больше этого не ставили безъ интерваловъ, но соединяли двѣ фаланги (8.192 челов.) въ дифалангархію (также меросъ или крыло), а 4 фаланги (16.384 челов.) въ тетрафалангархію.

За фалангой тяжело вооруженной пѣхоты или гоплитовъ ставили (въ позднѣйшее время) вторую линію легковооруженныхъ пелтастовъ, глубиною въ 8 шеренгъ, но съ такимъ же дѣленіемъ по фронту, какъ и фалангѣ. Тетрафалангархіи гоплитовъ соотвѣтствовала эпитагма пелтастовъ изъ 8.192 челов., и она дѣлилась на 2 стифоса, 4 эпиксенагіи, соотвѣтствовавшія фалангамъ, 8 систреммъ, 16 ксеннагій; 32 псилагіи, 64 гекатонтархіи, 128 пентеконтархій и 256 систазисовъ (соотвѣтствовавшихъ тетрархіи) по 32 чел., т. е. 4 роты.

При каждой тетрафалангархіи гоплитовъ состояла эпитагма конницы изъ 4.096 коней въ 4 шеренги; эпитагма дѣлилась на тѣхъ же основаніяхъ и наименьшую единицу составляла ила въ 64 лошади, которая соотвѣтствовала синтагмѣ гоплитовъ и пентеконтархіи пелтастовъ.

Кромѣ пелтастовъ (названныхъ такъ по щиту) фалангѣ придавались еще легко вооруженные — псилиты, состоявшіе изъ лучниковъ (токсоты) метатели копій (аконтисты) и пращники (сфендонеты). Эти однако повидимому не имѣли такой организаціи, а скорѣе представляли иррегулярныя войска, что и было вполнѣ естественно, такъ какъ они могли дѣйствовать своимъ оружіемъ только въ разсыпномъ строю. Какъ было сказано

выше, правильно организованной пѣхотѣ и кавалеріи придавались колесницы и слоны съ аналогичнымъ дѣленіемъ, т. е., что 64 штуки соотвѣтствовали фалангѣ, къ полной же тетрафалангархіи принадлежали 256 колесницъ и 256 слоновъ.

Надо однако замѣтить, что собственно греки древнихъ временъ едва-ли могли выставить болѣе одной фаланги, четверная получила примѣненіе только у македонянъ. Точно также вышеприведенная организація кавалеріи, съ тактическимъ дѣленіемъ, внѣ зависимости отъ національности, выработалась постепенно при Александрѣ Македонскомъ, а достигла полнаго развитія, въ особенности въ наименованіяхъ частей, уже послѣ него. Точно также слѣдуетъ повидимому отнести къ эпохѣ послѣ Александра всю комбинацію со слонами и колесницами. Но что эта комбинація не есть теоретическая шалость тактическихъ писателей тѣхъ временъ, какъ это можно было бы думать, то это видно изъ того, что названія и мѣста начальниковъ отрядовъ колесницъ и слоновъ часто встрѣчаются у историческихъ писателей той эпохи и въ Библіи. Въ Библіи мы встрѣчаемъ положительный примѣръ подобнаго непосредственнаго соединенія различныхъ родовъ оружія (хотя и не въ томъ отношеніи между собой, какъ только что приведено), а именно въ войнѣ маккавеевъ противъ сирійцевъ. Эти послѣдніе, въ сраженіи при Бетсахарѣ въ 106 году до Р. Х. раздѣлили слоновъ по отрядамъ „такъ что къ каждому слону было придано по 1.000 человѣкъ пѣшихъ въ желѣзныхъ шлемахъ и панцыряхъ и 500 лошадей. Эти отряды смотрѣли на слона и не отходили отъ него, а куда его направляли туда и они должны были идти“.

V. Кавалерія Александра Македонскаго [1]).

У македонянъ, какъ и у грековъ главная сила войска была въ тяжело вооруженной пѣхотѣ и она была болѣе способна и обучена именно для службы въ фалангѣ со времени Филиппа. Кавалерію вначалѣ менѣе цѣнили и набирали изъ союзныхъ вспомогательныхъ войскъ особенно изъ Ѳессаліи и Ѳракіи. Между тѣмъ повидимому уже Филиппъ началъ

---

[1]) Berneck, Ciriacy, La Roche.—Arrian's Feldzüge Alexander's. Aus dem griech., übers. von Borheck und Schulze. 3 Bde. Frankf. a M. 1790, 1792, 1813.— Curtius. Q. Rufus von dem Leben und Thaten Alexand. des Grossen. Mit Johann Freinsheims Ergänzungen, übers. und mit erläut. Anmerk. begleitet v. Ostertag 2 Bnde Wien und Prag 1799.— Diodor's von Sicilien historische Bibliothek in 40 Büch., übers. v. Wurm. 19 Bdchen. Stuttgart 1827 — 1480.— Droysen, Geschichte Alexander's des Grossen (der Gesch. d. Hellenismus 1 Theil) 2 Auflage. 2 Halbbde. Gotha 1877. — Derselbe. Alexander des Grossen Armee, im Hermes. Zeitschrift f. class. Philologie. Berlin 1876. XII p. 226 — 252.— Justinius' Philippische Geschichte in 44 Büchern, übers. und mit erklärenden Anmerk. versehen von Schaumann. 6 Bdchen. Prenzlau 1830 und 1831.— Plutarch's vergleichende Lebens-Beschreibungen übers. von Klaiber, Fuchs und Campe. 16 Bändchen: Alexandros. Stuttgart.

формировать національную македонскую конницу, для которой выбиралъ юношей изъ лучшихъ семействъ государства; ихъ называли гетерами, т. е. друзьями, товарищами, и эта конница поэтому вначалѣ имѣла характеръ почетной гвардіи. Слово гетеры вообще обозначало македонцевъ въ отличіе отъ иностранцевъ, выражало то довѣріе, которымъ ихъ дарилъ царь и указывало на положеніе, которое они занимали въ войскѣ. Были также и пѣшіе гетеры или пезетеры.

Когда Александръ Великій вступилъ на престолъ, онъ прежде всего приложилъ особенныя старанія къ усиленію и увеличенію кавалеріи. Вообще Александръ былъ изъ первыхъ въ исторіи, который правильно опредѣлилъ цѣну и значеніе этого рода оружія, соотвѣтственно имъ пользовался и, благодаря ему, одерживалъ самые рѣшительные успѣхи. При Александрѣ македонская кавалерія состояла частью изъ македонцевъ, частью изъ наемныхъ грековъ, частью изъ вспомогательныхъ контингентовъ союзныхъ народовъ.

1. Собственно македонская конница, представлявшая ядро и лучшую часть этого рода оружія, состояла изъ тѣлохранителей въ тѣсномъ смыслѣ и гетеровъ.

а) *Тѣлохранители или тробаиты верхомъ* (σωμαζοφύλακες) были почетнѣйшей частью войска и ближайшей свитой царя. Это были его лучшіе друзья, служившіе непосредственно при его особѣ. Такимъ образомъ они были не столько солдатами, сколько придворными, какъ оно и видно изъ ихъ числа — ихъ было сначала шесть, потомъ семь и наконецъ восемь. Повидимому тѣлохранители были учреждены при Филиппѣ, по крайней мѣрѣ о нихъ упоминается у Арріана какъ о храбрыхъ воинахъ въ бою, уже съ самаго начала царствованія Александра.

б) *Гетеры* (εταῖροι) составляли привилегированное войско — что-то въ родѣ современной гвардейской кавалеріи, которая комплектовалась отдѣльными эскадронами по городамъ или провинціямъ. По словамъ Арріана, такихъ эскадроновъ или „илъ“ вначалѣ было 4, изъ коихъ одна, какъ особенно выдающаяся, называлась королевской (ἴλη βαδιλική) или агемой, (αγημα) остальныя же обыкновенно носили имя ихъ начальниковъ — иларховъ, изрѣдка города или провинціи, какъ напр. аполлонская подъ начальствомъ Сократа, антемузская — Перида и лагейская — Пандордама.

Общая численность гетеръ, по Діодору и Курціусу, доходила при началѣ дѣйствій противъ Персіи до 1.500 — 1.800 челов., т. е. примѣрно по 375 — 450 челов. на каждый эскадронъ. Весь корпусъ былъ подчиненъ Филотосу.

Въ позднѣйшее время, вскорѣ, каждый эскадронъ былъ повидимому раздѣленъ на двѣ части, за которыми были оставлены старыя наименованія, такъ что всего было 8 илъ. Изъ нихъ одна называлась только агема, другая королевской, а остальныя по старому иногда назы-

вались по провинціямъ, а чаще по имени начальника. Первыя двѣ илы, какъ отборныя занимали почетное мѣсто на правомъ или лѣвомъ крылѣ. Какъ кажется, одновременно большіе отряды, составленные каждый изъ 2 илъ, стали называться гитархіями, которыхъ слѣдовательно было 4. Однако это обозначеніе вначалѣ не всегда выражало величину частей, такъ какъ и у Арріана и у Діодора иногда небольшія части называются гиппархіями; только позднѣе это раздѣленіе окончательно утвердилось. Силу гиппархій слѣдуетъ повидимому принимать въ 500 чел., а эскадрона въ 250, принимая въ соображеніе, что общее число конныхъ гетеровъ у Гидраорта было 1.700 челов., послѣ утомительныхъ маршей и потерь, а также что въ Пазаргадахъ Александръ, при выборѣ ветерановъ, оставилъ только 2.000 всадниковъ. Впрочемъ послѣ битвы при Арбеллахъ каждая ила была раздѣлена на 2 лохоса; этого дѣленія раньше не существовало. Кажется позднѣе появилась еще промежуточная единица—центурія или гекатостисъ. Послѣ такъ называемой измѣны и казни Филотоса, Александръ раздѣлилъ весь отрядъ (таксисъ) гетеровъ на отдѣленія подъ начальствомъ Гефестіона и Элиты, потому что онъ считалъ опаснымъ оставлять въ рукахъ одного лица начальство надъ этимъ многочисленнымъ корпусомъ, который составлялъ по значенію и храбрости ядро всей кавалеріи. Эти отдѣленія были названы хиліархіями, что выражало ихъ приблизительную численность.

Такимъ образомъ въ послѣдніе годы царствованія Александра, гетеры составляли корпусъ около 2 тысячъ человѣкъ въ слѣдующей организаціи: 1 таксисъ изъ 2 хиліархій, 4 гиппархій, 8 илъ, 16 гекатостисовъ и 32 лохосовъ по 62 лошади въ каждомъ. Въ этой организаціи можно узнать, хотя и подъ другими названіями, вышеупомянутое раздѣленіе конницы двойной фаланги.

Когда Александръ, по возвращеніи изъ индійскаго похода задумалъ сліяніе народа и войска македонскаго и персидскаго, онъ изъ послѣдняго зачислилъ въ гетеры нѣкоторое количество юношей, отличавшихся родомъ, красотой сложенія или другими качествами и вслѣдствіе этого образовалась 5-я гиппархія. Она хотя и не состояла вся изъ варваровъ, но тѣмъ не менѣе таковые были въ корпусѣ гетеровъ. Даже въ агему были поставлены 9 значительныхъ персовъ изъ такъ называемыхъ гомотитовъ [1]). Кромѣ того была организована собственная персидская конница гетеровъ и въ ней вторая царская агема. До того въ рядахъ гетеровъ служили только представители лучшихъ родовъ македонянъ и очень немногіе изъ грековъ другихъ племенъ.

---

[1]) Гомотиты, или царскіе родственники, составляли, по словамъ Курціуса особый корпусъ около 15.000 чел., который первоначально при основаніи, вѣроятно, состоялъ только изъ принадлежащихъ къ царскому дому, впослѣдствіи же только сохранилъ за собой одно названіе какъ отличіе.

Вооруженіе гетеровъ составляли главнымъ образомъ короткія копья изъ боярышника, часть же начальниковъ имѣла еще мечи, но ими пользовались только въ крайности и предпочитали мечу даже сломанное копье. Предохранительное вооруженіе составляли: металлическіе шлемы и латы изъ бронзы, желѣза, или другого закаленнаго металла или панцыри изъ металлическихъ чешуекъ, кольчуги или сплетенные шнуры (bilices, trilices), кромѣ того наручники, щиты, а у предводителей еще стальные нашейники и кушаки; у лошадей были закрыты голова и грудь.

Въ сраженіи при Иссѣ упоминается еще о другихъ македонскихъ всадникахъ, и вѣроятно тѣхъ 300, которые прибыли съ первымъ подкрѣпленіемъ и еще не были зачислены въ гетеры, какъ это, повидимому, обыкновенно дѣлалось.

2. Иноземная конница въ македонскомъ войскѣ первоначально состояла изъ ѳракійцевъ изъ Беотіи и Амфиполиса подъ начальствомъ Гераклида Сопола; они въ бою сначала бросали стрѣлы, а потомъ шли въ атаку.

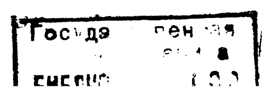
Къ началу же персидской войны, по словамъ Діодора, кромѣ собственно македонцевъ было 1.500 (по Курціусу 1.800) ѳессалійскихъ, 600 греческихъ, 900 легкихъ ѳракійскихъ и пэонскихъ всадниковъ.

а) *Ѳессалійскіе всадники*, изъ которыхъ наиболѣе многочисленными и храбрыми были фарсальцы, составляли вмѣстѣ съ македонцами тяжелую или линейную кавалерію; на македонцевъ и ѳессалійцевъ смотрѣли какъ на ядро кавалеріи. Ѳессалійскіе всадники, подобно гетерамъ, комплектовались изъ лучшихъ родовъ Ѳессаліи, которые были вполнѣ преданы властителямъ Македоніи и служили отлично въ конницѣ, соперничая съ гетерами, и имѣя съ ними, какъ кажется, и одинаковую организацію.

Послѣ сраженія при Арбеллахъ и завоеванія персидскаго царства они были отпущены домой, такъ что не принимали участія въ походѣ въ Индію.

Однако лошади ихъ были оставлены при арміи.

б) *Греки.* Когда греческія государства, еще при Филиппѣ, рѣшили принять участіе въ національной войнѣ противъ Персіи, они обязались, по словамъ Курція и Юстина, поставить вспомогательный корпусъ въ 200.000 челов. пѣхоты и 15.000 всадниковъ. Однако со смертью Филиппа они отказались отъ своего слова и часть ихъ даже открыто возстала противъ Александра. Послѣ подавленія мятежа можно было присоединить къ македонскому войску только весьма сокращенный контингентъ грековъ и въ немъ было лишь 600 всадниковъ. Эти всадники назывались союзной конницей (σύμμαχοι ἱππεῖς) и состояли изъ пелопонезцевъ, ахейцевъ, фтіотовъ, маливезуевъ, локрійцевъ и фокейцевъ. Они не были наемниками и были отпущены домой изъ Экбатаны, по окончаніи собственно персидской войны.

Кромѣ того, послѣ взятія Галикарнасса, Александръ послалъ Элеандра въ Пелопонезъ, снабдивъ его большими суммами денегъ для найма пѣхотинцевъ и всадниковъ.

Такихъ наемщиковъ присоединилось къ войску 4.000 въ Сидонѣ, а позднѣе за ними послѣдовали и другіе.

Такимъ образомъ рядомъ съ союзной греческой конницей образовалась еще другая изъ наемниковъ (μισθοφόροι ἱππεῖς), которая частью осталась въ гарнизонахъ въ завоеванныхъ областяхъ, частью же приняла участіе въ индійскомъ походѣ.

Обѣ греческія кавалеріи — союзная и наемная были регулярными и имѣли устройство и организацію подобно македонской и ѳессалійской конницамъ.

в) *Ѳракійцы и пэонійцы* составляли легкую конницу въ македонскомъ войскѣ и потому высылались въ авангардъ. Спеціально для этой цѣли была назначена часть ѳракійскихъ всадниковъ, которые были вооружены длинными копьями и поэтому назывались копьеносцами (σαρισσοφόροι), или же, сообразно различнымъ назначеніямъ — передовыми всадниками, передовыми бойцами, развѣдчиками, (πρόδρομοι) или всадниками передоваго отряда (πρόδρομοι ἱππεῖς).

По словамъ Арріана, ихъ было 4 илы, но кромѣ нихъ были еще ѳракійскіе всадники.

Пэонійцы, о которыхъ часто упоминается вмѣстѣ съ этими развѣдчиками, не принадлежали къ нимъ повидимому постоянно, а еще менѣе того одризійцы, тоже легкая кавалерія ѳракійцевъ.

Впрочемъ надо замѣтить, что послѣ вступленія Александра въ Экбатану, объ этихъ легкихъ войскахъ больше не упоминается, вѣроятно потому, что они стали лишними, вслѣдствіе сформированія конныхъ метателей стрѣлъ, лучниковъ и прибавленія къ войску многочисленныхъ иррегулярныхъ конныхъ частей.

г) *Прочіе вспомогательные контингенты.* Съ завоеваніемъ Персіи, многія ей подвластныя или платившія ей дань племена перешли подъ власть Македоніи и потому въ войскѣ Александра появились всадники: арахозскіе или паропамизскіе, бактерійскіе, согдіанскіе, скиѳскіе, дрангійскіе, арійскіе и парѳянскіе, а по временамъ даже и индійскіе.

Эти всадники составляли въ большинствѣ иррегулярныя части; но принадлежавшіе къ настоящимъ подданнымъ, какъ арахосійцы, бактрійцы, согдіане, дрангійцы, арійцы и парѳяне и называемые персами еваки, были обращены впослѣдствіи въ регулярную кавалерію.

Сотню фальшивыхъ амазонокъ, которыхъ мидійскій сатрапъ выдавалъ за настоящихъ, вооруживъ какъ всадниковъ, снабдивъ ихъ только топорами вмѣсто пикъ и щитами меньшихъ размѣровъ чѣмъ обыкновенные, и привелъ къ Александру; этотъ послѣдній тотчасъ отпустилъ ихъ къ ихъ королевѣ.

3. Вновь сформированныя Александромъ Македонскимъ части были: конные метатели стрѣлъ, конные лучники и димахи.

а) *Конные метатели стрѣлъ или агріанскіе всадники* (ἱππακοντισταί) комплектовались агріанами, народомъ ѳракійскаго или паннонскаго происхожденія, составлявшими особый легкій пѣшій отрядъ, дѣйствовавшій метательными копьями или стрѣлами. Подъ именемъ агріанскихъ всадниковъ они встрѣчаются впервые въ сраженіи при Арбеллахъ, гдѣ они спасли Александра отъ большой опасности смѣлымъ ударомъ на нападавшихъ съ тылу персовъ. Обыкновенное-же названіе ихъ „конные метатели стрѣлъ", подъ какимъ они впослѣдствіи часто и встрѣчаются.

б) *Конные лучники* (ἱπποτοξόται) были повидимому организованы немного позднѣе, въ 329 г., вѣроятно по образцу подобныхъ же всадниковъ персидскихъ, особенно даховъ и надо думать изъ нихъ и сформированы. Они встрѣчаются числомъ въ 1.000 человѣкъ въ первый разъ при форсированіи Сузскихъ дефиле на границѣ собственно Персіи.

в) *Димахи или двоеборцы,* (διμάχαι) были сформированы приблизительно въ то же время. При преслѣдованіи Бесса, уводившаго плѣненнаго имъ Дарія, въ окрестностяхъ Ктезифона (нынѣшній Каханъ), Александръ посадилъ верхомъ вмѣсто 500 всадниковъ столько же самыхъ храбрыхъ пѣхотинцевъ съ ихъ своеобразнымъ вооруженіемъ и снаряженіемъ.

Впослѣдствіи эта чисто временная мѣра была примѣнена еще разъ во время похода въ Индію, когда было посажено 800 пѣхотинцевъ. Такимъ образомъ изъ этихъ случайно конныхъ пѣхотинцевъ постепенно образовался новый родъ оружія, который могъ дѣйствовать въ духѣ позднѣйшихъ драгунъ, въ тяжеломъ вооруженіи, верхомъ или пѣшкомъ, сообразно мѣстности и обстановкѣ. Для пѣшаго боя каждаго димаха сопровождалъ слуга для держанія лошади, такъ что спѣшившійся всадникъ тотчасъ былъ готовъ къ бою.

Вооруженіе димаховъ первоначально было тоже, что и тяжелой пѣхоты, впослѣдствіи же немного облегчено, такъ что заняло среднее мѣсто между вооруженіемъ тяжелой пѣхоты и конницы.

Какъ видно изъ вышеизложеннаго, организація кавалеріи Александра основывалась вначалѣ на принципѣ національности, такъ что каждое племя выставляло свой конный отрядъ подъ начальствомъ своихъ вождей. Рядомъ съ этимъ однако ясно выступаетъ дѣленіе на тяжелую и легкую кавалерію и димаховъ и къ этимъ еще прибавились иррегулярныя вспомогательныя войска подвластныхъ азіатскихъ народовъ.

Тяжелая или линейная конница состояла вначалѣ, не считая немногихъ тѣлохранителей, исключительно изъ гетеръ, къ которымъ впослѣдствіи присоединились ѳессалійскіе и греческіе всадники, частью въ качествѣ свободныхъ союзниковъ частью какъ наемники.

Легкая кавалерія состояла первоначально изъ ѳракійцевъ, пэонійцевъ и одризійцевъ, а затѣмъ ихъ мѣсто заступили метатели копій и лучники.

Димахи были всѣ македонцы и выбраны изъ фаланги.

Всѣ эти войска имѣли приблизительно ту-же организацію, особенно-же тяжелая конница, которая вся была одинаково вооружена и отдѣльныя части ея отличались только національностью. Эту разницу Александръ тоже уничтожилъ, когда онъ по окончаніи персидской войны и завоеванія Вавилона, во время своего долгаго пребыванія въ провинціи Сатрапене назначалъ предводителей во всей конницѣ не по національности, а по своему усмотрѣнію. Этимъ измѣненіемъ, а также упомянутымъ выше постепеннымъ развитіемъ тактическаго раздѣленія, у гетеръ пріобрѣтались всѣ данныя, которыя повели позднѣе къ организаціи кавалеріи въ тѣсномъ соединеніи съ фалангой тяжелой пѣхоты. Примѣненіе конницы Александръ поставилъ также высоко, какъ и ея организацію.

Поставленная на одномъ, чаще же на обоихъ крыльяхъ, предводительствуемая самимъ Александромъ и его ближайшими друзьями, дѣйствуя въ цѣлесообразномъ взаимодѣйствіи съ пѣхотой, она въ большинствѣ случаевъ рѣшала бой.

Подобнымъ-же образомъ и одинаково успѣшно исполняла она на походѣ роль авангарда, отчасти вмѣстѣ съ легкой пѣхотой. Не менѣе образцово она дѣйствовала при преслѣдованіи, а именно послѣ сраженія при Арбеллахъ и затѣмъ при преслѣдованіи Дарія, когда онъ былъ плѣненъ измѣнникомъ Бессомъ. При этомъ Александръ сдѣлалъ въ 11 дней 33.000 стадій (80 миль) большею частью по горамъ, подъ конецъ шелъ днемъ и ночью, на протяженіи 500 стадій (12 миль), но за то настигъ уже убитаго Дарія всего съ половиной всадниковъ, по Плутарху же съ 60 изъ бывшихъ у него 6.000.

При другомъ случаѣ Александръ прошелъ тоже 1.500 стадій (36 миль) въ 3 дня.

Послѣ сраженія при Арбеллахъ онъ преслѣдовалъ Персовъ прямо съ поля сраженія на протяженіи 600 стадій (болѣе 14 миль), но при этомъ потерялъ 100 человѣкъ и 1.000 лошадей. Вообще эти усиленные переходы стоили многихъ коней, такъ какъ на дурныхъ каменистыхъ дорогахъ Кавказа (Паропамиза) очень страдали неподкованныя копыта, такъ что Александру пришлось сильно ремонтировать свою конницу на берегахъ Оксуса, гдѣ это и было ему всего удобнѣе сдѣлать. Остается сказать еще нѣсколько словъ объ общей численности кавалеріи и ея отношеніи къ пѣхотѣ. При Ѳивахъ у Александра было 30.000 пѣх., 3.000 всадниковъ (т. е. $^1/_{10}$). При началѣ войны съ Персіей на 30—43.000 пѣх. (по разнымъ источникамъ), 4—5.000 конницы (т. е. $^1/_8$—$^1/_6$); при Арбеллахъ и Гаугамелѣ 7.000 всадниковъ на 40.000 пѣх. (т. е. $^1/_6$); при возвращеніи же съ Гисдаспа 15.000 всадниковъ на 120.000 пѣхоты (т. е. $^1/_8$), но изъ нихъ онъ не привелъ и $^1/_4$ обратно въ Персію.

Когда же, наконецъ, Александръ выдѣлилъ въ Пасаргадѣ старѣйшихъ македонянъ для отправленія ихъ на родину, онъ оставилъ всего 13.000 пѣхотинцевъ и 2.000 всадниковъ, т. е. какъ разъ сколько нужно было для образованія двойной фаланги гоплитовъ съ пелтастами и всадниками.

VI. Конница въ консульской арміи[1]).

Чтобы понять способъ постановки кавалеріи въ римскомъ войскѣ, надо ознакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ его боевымъ порядкомъ.

Во время республики консульское войско обыкновенно состояло изъ 4 легіоновъ — 2-хъ римскихъ въ центрѣ и 2-хъ союзныхъ на флангахъ [2]). Въ каждомъ легіонѣ было, не считая легкихъ войскъ, 30 (вначалѣ 45) манипулъ пѣхоты, которыя строились (сообразно главнымъ родамъ пѣхоты — гастаты, принципы и тріаріи), въ 3 линіи по 10 (прежде по 12) манипулъ въ каждой, на полныхъ интервалахъ, обыкновенно въ шахматномъ порядкѣ. Манипулы первыхъ двухъ линій (гастаты и принципы) были, при нормальной численности легіона въ 3.000 человѣкъ, силой въ 120 человѣкъ (12 по фронту, 10 въ глубину); манипулы тріаріевъ, называемыя также пили, имѣли по 60 человѣкъ — 12 по фронту и 5 въ глубину. Сверхъ того 1.200 легко вооруженныхъ или велитовъ, которые ставились частью передъ фронтомъ, частью въ интервалахъ между линіями и манипулами.

Такимъ образомъ полный составъ легіона былъ 4.200 челов. пѣхоты, иногда же онъ увеличивался, но только въ численности гастатовъ, принциповъ и велитовъ, число же тріаріевъ оставалось неизмѣннымъ.

Три, стоявшія одно позади другаго, отдѣленія гастатовъ, принциповъ и тріаріевъ съ соотвѣтственнымъ числомъ велитовъ составляли когорту, которая однако первоначально представляла единицу административную, а не тактическую.

Таковою она сдѣлалась только при Цезарѣ, прежнія же когорты Марія составлялись изъ 2-хъ рядомъ стоящихъ манипулъ того же рода въ каждой линіи.

---

[1]) Berneck, Carrion Nisas, Ciriacy, La Barre Duparcq, La Roche, D'Hauteville, Hasse, Hugo, Pauly, Lazius, Lipsius, Löhr, Nast, Ottenberger, Patricii, Rückert, Salmasius.

[2]) Маркардтъ говоритъ, что союзная пѣхота, приданная консульскому войску изъ 2-хъ легіоновъ, дѣлилась не на легіоны, но на 2 крыла (alae), одинаковой, впрочемъ, численности съ легіонами. Каждое крыло состояло изъ 10 когортъ, каждая изъ контингентовъ отдѣльныхъ племенъ, силою въ 420 чел. и изъ 4 когортъ extraordinarii по 400 чел. Союзная кавалерія, втрое сильнѣе римской состояла изъ 6 крыльевъ, изъ коихъ 2 extraordinarii, по 5 (двойныхъ) турмъ по 60 коней.

Маркардтъ утверждаетъ, что подобная организація во всякомъ случаѣ существовала въ періодъ между окончаніемъ латинскихъ войнъ и до конца пуническихъ, т. е. впродолженіе двухъ столѣтій — отъ 338 — 146 г. до Р. Х.

Поэтому при Маріѣ еще сохранилось старое различіе трехъ родовъ тяжелой пѣхоты въ легіонѣ, тогда какъ при Цезарѣ оно мало-по-малу исчезло.

Конница консульской арміи изъ 4-хъ легіоновъ состояла обыкновенно изъ 10 турмъ (300 коней) при каждомъ римскомъ легіонѣ и 15 турмъ (600 коней) при союзномъ, т. е. всего 50 турмъ въ 1.800 коней. Размѣщеніе ея въ боевомъ порядкѣ было слѣдующее:

На правомъ флангѣ легіоновъ стояла римская кавалерія въ 20 турмахъ по 30 коней въ турмѣ, на лѣвомъ флангѣ главная масса союзной кавалеріи — 20 турмъ по 40 коней; восемь лучшихъ турмъ союзной конницы (extraordinarii sociorum) стояли рядомъ съ римской на крайнемъ правомъ флангѣ, двѣ же отборныхъ турмы (ablecti sociorum) союзной же съ 1/2 когорты старыхъ испытанныхъ, добровольно вновь поступившихъ на службу, воиновъ, составляя охрану главнокомандующаго, стояли въ серединѣ боеваго порядка, между второй и третьей линіями. Впрочемъ и въ союзной пѣхотѣ также выбиралась 1/5 часть (extraordinarii pedites), которая ставилась въ 2 отдѣленіяхъ по 2 когорты въ каждомъ, въ 3-й линіи на флангахъ римскихъ тріаріевъ между ними и союзными войсками.

VII. Римская кавалерія при послѣднихъ императорахъ[1]).

Въ позднѣйшія времена Римской Имперіи всадники составляли отдѣльный корпусъ тогда какъ сначала они были распредѣлены по легіонамъ и даже по когортамъ.

Такимъ образомъ при раздѣленіи Имперіи на Западную и Восточную, въ первой всѣ конныя части были подъ начальствомъ особаго своего полководца comes и magister equitum praesentalis, во второй же онѣ были распредѣлены между 5 magistri militum, но тѣмъ не менѣе не имѣли никакого отношенія къ легіонамъ.

Основной единицей въ то время была vexillatio (штандартъ или корнетъ), сила которой не была вездѣ одинакова, доходила иногда до 500 чел., въ среднемъ же можно принять въ 200 чел. Подраздѣленіями ея или вообще меньшими частями были: alae или крылья, cunei или клины, turmae — эскадроны, numeri — отдѣленія и ordines — ряды.

Объ организаціи и силѣ этихъ частей ничего точно неизвѣстно; сила ихъ была очень различна, но въ среднемъ можно ее принять въ 100 чел.

---

[1]) Hugo, Nast. Röm. Kriegsalterth. — Hoyer. Geschichte der Kriegskunst seit der ersten Anwendung des Schiesspulvers zum Kriegsgebrauch bis an das Ende des achtzehnten Jahrhunderts. 2 Bände. Göttingen 1797. 1799.—Biturici Notitia Dignatum Imperii Romani, Ex nova recensione. Parisiis 1651.—Panziroli Notitia utraque dignitatum cum Orientis ultra Arcadii Honoriique tempora. Venetüs 1602.

Vexinationes были, сообразно съ общимъ раздѣленіемъ войскъ, частью палатинскія, частью комитатскія.

Первыя считались выше и получили названіе отъ palatium, резиденціи императора, вторыя же отъ comes, что тогда означало графа или высшаго военноначальника, или отъ comitatus, потому что они принадлежали къ комитату или свитѣ императора.

Кромѣ этого общаго раздѣленія конныхъ частей были еще другія, отличавшія всадниковъ по званіямъ—comites, equites promoti и простые equites; по вооруженію—cataphractarii (латники), clibanarii (панцырники), Armigeri armaturarum equites—вооруженные, scutarii (щитоносцы—тоже закованные въ броню), cetrati—названные такъ по ихъ короткому щиту подобному тому, который имѣли африканцы и испанцы, sagittarii или лучники.

Кромѣ того каждая отдѣльная часть имѣла свое названіе—или по народу или провинціи, откуда она комплектовалась, или гдѣ была расположена, или по имени императора ее сформировавшаго, или по какому либо почетному или особому качеству, какъ напр.: alites, felices, feroces.

Если двѣ части носили тоже названіе, то онѣ назывались по старшинству сформированія или seniores и juniores или по порядку нумераціи—primi, secondi и т. д.

Согласно Notitia, т. е. въ концѣ IV столѣтія послѣ Р. Х. общее число vexillationes доходило до 84, изъ которыхъ 43 стояли на Востокѣ и 41 на Западѣ; силу ихъ круглымъ числомъ надо считать 17.000 чел.

Часть этихъ войскъ была назначена для занятія различныхъ границъ государства и подчинена пограничнымъ графамъ и герцогамъ.

Эти вожди имѣли сверхъ того еще другія, собственныя войска, которыя можно считать какъ бы мѣстными. Число ихъ было: въ Восточной Римской Имперіи—3 alae, 5 cunei, 58 turmae,—всего около 6.500 всадн.

Въ западной—4 vexillationes, 23 alae, 14 cunei, 34 turmae, 3 ordines, всего около 9.200 всадниковъ.

Кромѣ того въ Восточной Имперіи были еще войска, не внесенныя въ основное росписаніе всѣхъ частей, такъ какъ таковое сдѣлалось бы слишкомъ большимъ, при постоянно возраставшей величинѣ имперіи; эти войска были включены въ другое, меньшее росписаніе. Сила ихъ доходила до 66 alae, т. е. приблизительно 8.400 всадниковъ (2 alae были въ 1.000 чел. каждая), наименованіе этихъ меньшихъ частей было въ общемъ тоже, что и vexillationes. Такимъ образомъ численность всѣхъ конныхъ частей доходила до 41.000 челов.: 23.000 въ Восточной Имперіи и 17.500 въ западной. Распредѣленіе ихъ видно изъ приложенной таблицы (см. стр. 48).

Кромѣ того, какъ въ Восточной, такъ и въ Западной Имперіи было по одной schola въ 400 челов. каждая изъ domestici equites—нѣчто въ родѣ тѣлохранителей для непосредственной службы во дворцахъ.

	Число. Vexill.		Различные роды конныхъ частей.														
			Cataphract.		Clibanarii.				Sagittarii.					Прочихъ.			
											Equites.						
	Палатинс.	Комитатс.	Comites.	Equites.	Comites.	Eq. promoti.	Equites.	Eq. Sag. Clib.	Comites.	Equites.	Armigeri.	Scutarii.	Cetrati.	Comites.	Eq. promoti.	Equites.	Dromedarii.
Въ Восточной Римской Имперіи.																	
Подъ начал. 1-го Magister militum praesentalis	5	—	—	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1	1	1	—
	—	7	—	1	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	1	2	—
Подъ начал. 2-го Magister militum praesentalis	6	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	1	—	3	—
	—	6	—	2	—	—	1	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—
Подъ начал. Mag. milit per Orientem	—	10	1	—	—	1	1	—	—	1	1	1	—	—	—	4	—
Кромѣ того 1 Cuneus Clibanarii и 2 отдѣл. Equites подъ начал. Mag. mil. per Thracias	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	1	—
	—	4	—	1	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	1	—
Подъ начал. Mag. mil. per Illyricum	—	2	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1	—
	14	—	—	—	1	—	1	—	2	—	—	—	—	4	1	5	—
	—	29	1	4	—	1	3	—	—	4	2	4	—	—	1	9	—
Всего	14	29	1	4	1	1	4	—	2	4	2	4	—	4	2	14	—
Мѣстныя войска подчиненныя пограничнымъ графамъ и герцогамъ:																	
3 Alae, 5 Cunei, 58 Turmae	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—	8	—	—	15	21	—
Войска мелкихъ наименованій:																	
66 Alae	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	61	4
Въ Западной Римской Имперіи.																	
Подъ начал. Comes и Mag. equit. praesent	9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	6	—
	—	32	—	—	—	—	—	1	—	9	3	2	2	1	2	12	—
Всего	9	32	—	—	—	—	—	1	—	9	3	2	2	3	3	18	—
Мѣстныя войска подъ начальств. погранични. графовъ и герцоговъ:																	
4 Vexillationes	—	4	—	1	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—	1	—
23 Alae, 14 Cunei, 34 Turmae, 3 Ordines	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	9	2	—	—	3	53	—

VIII. Военное искусство славянъ и русскихъ и конница ихъ[1]).

Изъ славянъ раньше всѣхъ упоминается въ исторіи объ южныхъ—дунайскихъ, потому что они сталкивались съ Византійцами. Вначалѣ въ основаніи ихъ военнаго устройства лежала общеобязательная военная повинность, по племенамъ, подъ начальствомъ своихъ старшинъ или жупановъ, позднѣе же отдѣльныя племена стали заключать между собою союзы съ военными цѣлями и тогда постепенно, военное устройство стало принимать болѣе опредѣленныя формы по образцу византійцевъ.

У Западныхъ Славянъ военное устройство развивалось первоначально на тѣхъ же основаніяхъ, но съ болѣе монархическимъ направленіемъ, быстрѣе и успѣшнѣе. Оно ранѣе вылилось въ форму дружинъ[2]) или военныхъ товариществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе столкновеній съ нѣмцами, стало приближаться къ феодально-рыцарскому образцу военнаго устройства Западной Европы. Еще рѣзче проявляется монархическій

[1]) Berneck, Band IV; Ueb. d. Cavall. — Meynert. Geschichte des Kriegswesens und der Heeresverfassungen in Europa. 3 Bde. Wien 1868. — Brix. Geschichte der alten Russischen Heereseinrichtungen von den frühesten Zeiten bis zu den von Peter dem Grossen gemachten Veränderungen. Berlin 1867. — Geschichte der Kriegskunst in Russland vom Anfange Russien's bis zur Regierung des Zaren Alexei Michailowitsch. Militair-Journal 1856 № 1. 3, 4. — Geschichtlicher Abriss der Versorgung der entlassenen Mannschaften in Russland seit dem 14. bis zum Ende des 17. Jahrhunderts. Militairischer Sammler 1863 № 12. — Golizin. Abriss der Geschichte des Generalstabes in Russland. Mil. Journ. 1857 № 3 etc. — Obrutscheff. Betrachtung der geschriebenen und gedruckten Denkmäler über die Kriegskunst in Russland bis 1725. Mil. Journ. 1853 № 4, 5. — (Wiskowatoff). Geschichtliche Beschreibung der Bekleidung und Bewaffnung der Russischen Truppen. 7 Bnde. St. Petersburg.

[2]) Дружина, — совершенно своеобразное учрежденіе, господствовавшее надо всѣмъ гражданскимъ и военнымъ устройствомъ русскихъ до середины XIII столѣтія, и даже наложило на него, въ извѣстной степени, свою печать вплоть до преобразованій Петра Великаго. Оно стояло въ тѣсной связи съ тогдашнимъ раздѣленіемъ народа и отношеніемъ сословій между собою.

Народъ былъ раздѣленъ на два класса высшій или мужей и низшій — людей.

Служить знатному мужу или князю не только не считалось несообразнымъ съ личной свободой свободнаго, благороднаго человѣка, но даже было почетнымъ. Это особенно касалось военной службы.

Чѣмъ знатнѣе былъ человѣкъ, тѣмъ болѣе служило у него людей, которые и составляли его дружину, т. е. друзей, товарищей, спутниковъ и помощниковъ. Служба дружины была домашняя или придворная и общая – гражданская и военная.

Въ мирное время дружина составляла придворный штатъ лица, которому служила и помогала ему во всемъ совѣтомъ и дѣломъ.

Въ военное время она составляла его штабъ и сражалась подъ его предводительствомъ въ качествѣ тѣлохранителей. Князья и бояре, имѣвшіе дружину, были очень осторожны въ выборѣ лицъ, желавшихъ въ нее поступить и, по свидѣтельству лѣтописцевъ, они принимали только „хорошихъ, благородныхъ, разумныхъ и храбрыхъ людей". Особенно дружина великаго князя состояла изъ людей знатнѣйшаго рода или выдающихся способностей и заслугъ и они частью занимали высшія должности въ войскѣ и при дворѣ и составляли въ гражданскомъ управленіи государственный совѣтъ или думу.

принципъ у болгарскихъ славянъ, тогда какъ у сѣверовосточныхъ племенъ, которыя были дальше всѣхъ отъ тогдашняго цивилизованнаго міра, первоначальныя формы сохранились въ общественной жизни и военномъ устройствѣ дольше, чѣмъ у другихъ. Вообще славяне, согласно всѣмъ источникамъ, уже тогда считались храбрыми воинами. Собственной конницы у нихъ не было, а въ случаѣ нужды набирали ее изъ угровъ и печенѣговъ. Вооруженіе состояло изъ мечей, дротиковъ, луковъ съ отравленными стрѣлами и большихъ щитовъ. Одежда изъ широкихъ рубахъ и штановъ, а черезъ плечо носили звѣриныя шкуры.

Призванные изъ-за моря Варяги-Руссы внесли въ славянскую жизнь новый скандинавско-нормандскій элементъ, который оставался руководящимъ одновременно съ продолжавшимся вліяніемъ Византіи въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Въ военномъ устройствѣ система дружинъ была болѣе распространена и развита. Дружины были 3-хъ родовъ: великокняжескія, княжескія (потомковъ Рюрика) и боярскія.

Въ составъ первыхъ двухъ входили: княжескіе бояре, мечники, гридни, дѣтскіе, отроки и тіуны (судьи), въ боярскихъ-же были только мечники, отроки и тіуны. Въ случаѣ нужды къ дружинамъ присоединялось еще земское ополченіе и вмѣстѣ они составляли войско, которое тогда называлось вой, а затѣмъ явилось и равнозначущее слово — полкъ.

Начальство надо всѣмъ войскомъ велъ самъ Великій Князь, затѣмъ слѣдовали воеводы и потомъ прочіе чины великокняжеской дружины.

Низшими начальниками были тысяцкіе, сотники и десятники.

Вооруженіе было улучшено по норманскому образцу и состояло изъ большихъ мечей, бердышей, длинныхъ копій, дротиковъ и ножей. При этомъ носили большіе щиты, кольчуги и шлемы съ забраломъ и сѣткой. Въ одеждѣ византійское вліяніе постоянно усиливалось.

Собственная, національная конница появилась у Русскихъ только въ концѣ X столѣтія, а потомъ была значительно усилена по образцу угорской, половецкой и печенѣжской.

Она была снаряжена совершенно какъ норманская со сбруей, сѣдлами и стременами, отчасти и со шпорами; вооруженіе было выше описано, главное же оружіе составляли пики съ разноцвѣтными флюгерами (прапорцы), ножи носились за голенищемъ.

Во все время удѣльнаго періода (1054—1243 гг.) военное устройство не измѣнилось, т. е. войско каждаго князя состояло изъ дружины и собиравшагося къ ней земскаго ополченія.

Дружины частью пѣшія, частью же (все въ возрастающемъ числѣ) конныя, были главнымъ образомъ двухъ видовъ: великокняжеская и помѣстныхъ бояръ; сверхъ того иногда были еще наемныя или союзныя войска.

Съ конца XII столѣтія, великокняжескія дружины получаютъ кое гдѣ названіе: двора (хотя ихъ составъ ни въ чемъ не измѣнился), и со-

ВСАДНИКЪ КОНЦА X СТОЛѢТІЯ.

отвѣтственно этому, состоящіе въ нихъ чины, кромѣ бояръ, получаютъ названіе дворянъ.

Подобнымъ же образомъ чины боярскихъ дружинъ стали называться дѣтьми боярскими; они составляли въ военной іерархіи третій классъ, слѣдовавшій послѣ бояръ и дворянъ.

Что касается дружинъ изъ другихъ народовъ, то первоначально ихъ набирали изъ варяговъ, но со времени Ярослава I (1019 г.) ихъ больше не брали, а стали ихъ замѣнять наемными или союзными дружинами печенѣговъ, хозаръ, торковъ, половцевъ, угровъ, черныхъ клобуковъ, бродниковъ и т. д. Наборъ земскаго ополченія не распространялся вообще на города, которые обыкновенно ставили лошадей для конницы.

Конница въ это время, значительно увеличенная въ числѣ по образцу татарской, была, какъ и эта, вооружена саблями и кинжалами, частью также пиками и луками; предохранительное вооруженіе состояло, по прежнему, изъ кольчугъ и шлемовъ, но, вслѣдствіе дороговизны, было доступно только богатымъ и знатнымъ. Раздѣленныя, впродолженіе удѣльнаго періода, военныя силы Россіи, стали собираться во время монгольскаго ига; особенно стала замѣтна централизація силъ въ Великомъ княжествѣ Московскомъ, начиная съ Іоанна Калиты.

Естественнымъ послѣдствіемъ этого были важныя улучшенія въ военномъ устройствѣ, изъ которыхъ важнѣйшее было значительное возрастаніе всѣхъ трехъ главныхъ составныхъ элементовъ войска: бояръ, дворянъ и боярскихъ дѣтей и лучшая организація земскаго ополченія.

Впрочемъ развитіе русскаго военнаго устройства было обусловлено въ это время главнымъ образомъ двумя факторами: вліяніемъ татарскаго элемента и появленіемъ огнестрѣльнаго оружія въ 1389 г. Въ XIV и XV столѣтіи войска состояли почти исключительно изъ кавалеріи, такъ что пѣхота рядомъ съ ней совершенно пропадала и ея даже не вводили въ разсчетъ войсковыхъ частей, а присчитывали только при случаѣ. Даже названія „пѣхота“ не существовало, такъ какъ пѣшія части арміи, принадлежавшія скорѣе къ обозу ея, назывались большею частью, по обыкновенному способу передвиженія, „судовою ратью“ и лишь изрѣдка „пѣшею“.

Первую и выдающуюся часть войска составляли лица великокняжескаго Московскаго двора, который становился все могущественнѣе и блестящѣе благодаря притоку прежнихъ удѣльныхъ князей, татарскихъ мурзъ, польскихъ и литовскихъ знатныхъ лицъ.

Ко двору принадлежали прежде всего бояре, составлявшіе высшій классъ, а затѣмъ высшіе придворные чины, составлявшіе три, непосредственно за боярами слѣдовавшіе, класса придворной и военной іерархіи. Пятый и шестой классы составляли дворяне и дѣти боярскіе — по своей многочисленности главная составная часть русскаго войска.

Около того же времени москвичи старались выдѣлиться и занять особое, болѣе высокое, положеніе сравнительно съ остальными.

Войска не раздѣлялись болѣе на дружины, войсковыя же части назывались: — меньшія — сотнями, большія — полками.

Таковыхъ было, по образцу татаръ, 5: — передовой полкъ — авангардъ; большой полкъ — главныя силы, полки правой и лѣвой руки и сторожевой полкъ — резервъ.

Впослѣдствіи прибавился еще Эртоульный полкъ — конный отрядъ, дѣйствовавшій впереди авангарда. Главное начальство имѣлъ самъ Великій Князь или, за него, старшій воевода, затѣмъ слѣдовали воеводы, командовавшіе двумя или тремя полками; потомъ темники (отъ слова тьма — 10.000), тысячники, сотники и десятники.

Одежда и вооруженіе были измѣнены преимущественно по татарскому, отчасти же по польскому образцу. Отъ поляковъ перешли латы изъ легкаго желѣза и рядомъ съ ними оставлены были въ употребленіи шлемы и щиты разныхъ видовъ; оружіе осталось почти тоже, только татарскія сабли вошли почти во всеобщее употребленіе. Изъ огнестрѣльнаго оружія прежде всего были приняты только пушки, но онѣ вначалѣ не имѣли замѣтнаго вліянія на дѣйствія.

IX. Конницы польская и литовская [1]).

Военное устройство въ Польшѣ становится извѣстнымъ только съ того времени, когда подъ вліяніемъ неудачной борьбы западныхъ славянъ съ побѣдно надвигающимся германизмомъ, первоначальныя формы уже претерпѣли значительныя измѣненія и у славянъ, жившихъ болѣе къ востоку.

Первоначально главную силу польскаго войска составляла кавалерія, какъ это можно заключить, отчасти изъ способа веденія войны, отчасти изъ опредѣленныхъ показаній современныхъ писателей. Конница вначалѣ пополнялась дворянствомъ, коего привилегіей и единственной гражданской обязанностью была военная служба; дворяне обязаны были являться лично, въ вооруженіи, съ конемъ и приводить съ собою всадниковъ, число которыхъ зависѣло отъ величины помѣстья. Главнымъ оружіемъ сначала были лукъ и стрѣлы. Пѣхота долгое время была въ запущеніи и только въ XIV столѣтіи опять стали обращать на нее нѣкоторое вниманіе. Литовцы отдѣлились отъ герульскаго племени въ эпоху великаго переселенія народовъ, поселились въ дѣвственныхъ лѣсахъ береговъ Нѣмана и послѣ того объ нихъ вновь упоминается въ исторіи только въ X вѣкѣ.

---

[1]) Berneck, Brandt, La Roche, Meynert, Brix. — Карновичъ. О военномъ искус. въ старой Польшѣ. „Воен. Сбор." 1858 г. № 4 — Шрейеръ. Военное устройство въ Литвѣ. „В. Сб." 1861 г. № 12 — Журавскій. Объ организаціи и довольствіи войскъ въ Польшѣ до послѣдняго раздѣла. „В. Сб." 1859 г. № 10.

ФИГ. I.

ФИГ. 2.

Фиг. 1 и 2. ВООРУЖЕНІЕ СЛАВЯНЪ ВЪ X ВѢКѢ.
(послѣ призванія варяговъ).

ОДЕЖДА РУССА ВЪ НАЧАЛѢ X ВѢКА.
(до призванія варяговъ).

Ихъ военное устройство въ это время было довольно первобытное; оружіе и доспѣхи состояли изъ луковъ, закаленныхъ въ огнѣ палокъ и деревянныхъ сѣделъ; сабли попадались развѣ только у Гетмана и у высшихъ начальниковъ. Вмѣсто панцыря они носили шкуры зубровъ, оленей, медвѣдей и волковъ. Въ XIV столѣтіи въ литовскомъ войскѣ было приблизительно одинаковое количество конницы и пѣхоты.

Конница была вооружена до XVI столѣтія отравленными дротиками и мачугами—пулями прикрѣпленными къ цѣпи и употреблявшимися для пробитія непріятельскихъ латъ. Единственное предохранительное оружіе состояло изъ маленькаго щита; тѣло прикрывали попрежнему шкурами, голову — войлочной шапкой (неромки).

При Великомъ Князѣ Витольдѣ литовская кавалерія была усилена поселившимися въ странѣ татарами. Они образовали неизвѣстную въ то время въ Западной Европѣ легкую конницу, которая исполняла всю сторожевую и развѣдывательную службу на походѣ и на остановкахъ, а въ бою тревожила врага непрестанными нападеніями.

Послѣ соединенія Польши съ Литвой при Ягелло (1386 — 1434 г.), хотя въ каждомъ изъ этихъ государствъ и сохранились свои особыя формы и самостоятельное управленіе, но тѣмъ не менѣе военная организація ихъ въ общихъ чертахъ имѣла много сходнаго, имѣя въ основаніи прежнее устройство. Такъ напр., служба въ кавалеріи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, пользовалась большимъ почетомъ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ кавалерія дѣлилась на тяжелую и легкую; къ первой принадлежали гусары и панцырные (въ Литвѣ петигорцы), ко второй казаки (въ Литвѣ татары). Кромѣ того, и въ польскомъ и литовскомъ войскѣ были впослѣдствіи комплектовавшіяся по набору конныя части болѣе регулярнаго устройства, обмундированныя и вооруженныя по нѣмецкому образцу и называвшіяся рейтарскими и драгунскими.

Гусары комплектовались наиболѣе богатыми дворянами, имѣвшими до 50.000 ливровъ годового дохода; они являлись на службу на отличныхъ лошадяхъ турецкой породы.

Каждый гусаръ приводилъ съ собой — 4 всадниковъ и каждые 20 гусаръ составляли эскадронъ въ 100 коней, въ которомъ гусары составляли первую шеренгу, а остальные люди вторую.

Эскадрономъ командовалъ ротмистръ, при которомъ по постановленію 1590 и 1593 гг. состояли лейтенантъ и 4 замѣстителя (намѣстники) — всѣ изъ высшаго дворянства.

Гусары имѣли полное предохранительное вооруженіе, состоявшее изъ стальныхъ: шлема, кирасъ, набрюшника, наручей, набедренниковъ, наплечниковъ и перчатокъ; главное оружіе составляла пика въ 19 футъ длины, съ двухцвѣтнымъ флигеромъ въ 4 — 5 локтей длины — для пуганія непріятельскихъ лошадей.

Затѣмъ они носили на поясѣ кривую саблю и прикрѣпленный къ сѣдлу, подъ лѣвымъ колѣномъ, прямой палашъ, съ четырехграннымъ остріемъ, для прокалыванія сброшеннаго на землю противника; острый молотъ или топоръ съ длинной рукояткою для раздробленія непріятельскаго шлема и кирасъ.

Ротмистръ или исправлявшій его должность носилъ еще черезъ плечо карабинъ съ кожанымъ патронташемъ, пороховницей и ключъ съ винтомъ, иногда лукъ и колчанъ, и затѣмъ пистолетъ за поясомъ, а на поясѣ сафьяновый мѣшокъ съ вилкой, ножомъ, 6 серебряными ложками, оселкомъ, и кремнемъ, сложенный кожаный мѣхъ для воды, мѣшечекъ для мелкихъ предметовъ, плеть, 2—3 сажени шелковаго снурка для связыванія плѣнныхъ, и наконецъ приборъ для кровопусканія, большое деревянное ведро для водопоя—на правой сторонѣ сѣдла, и 3 кожаныя постромки.

Панцырники комплектовались простыми дворянами; они носили кольчугу, шишакъ, саблю, аркебузу и пистолетъ, лукъ и стрѣлы. Предметы снаряженія и организація были тѣ же, что и у гусаръ.

Казаки появляются въ польско-литовскомъ войскѣ со времени включенія Малороссіи въ составъ этого государства, т. е. въ 1471 г.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности исторіи казаковъ, и мы сдѣлаемъ только нижеслѣдующія замѣчанія.

Происхожденіе ихъ, какъ народа, должно быть отнесено ко времени появленія славянъ въ Россіи, т. е. къ V—VI вѣку, когда эти послѣдніе, оттѣсненные болгарами и валахами отъ Дуная, двинулись на Сѣверо-Востокъ.

Одна колонія была основана ими на берегу Днѣпра и построила тамъ, по польскимъ даннымъ, въ 430 году городъ Кіевъ, который и долженъ считаться колыбелью малороссійскаго народа. Когда-же этотъ народъ принялъ казачье устройство, его съ точностью установить нельзя.

По ихъ собственнымъ преданіямъ начало его относится къ 800 г., первый же войсковой кругъ собрался въ 948 г. Когда бы это ни было, но кажется, что первая организація казачества была уничтожена татарскимъ, а потомъ литовскимъ нашествіемъ. Остатки казачества могли сохраниться на нижнемъ Днѣпрѣ, но уже въ XIII столѣтіи остались отъ него еле замѣтные слѣды, а въ XIV и они исчезли. Только въ концѣ XV столѣтія, уже подъ властью Польши они опять замѣтно появились.

Въ то время многіе изъ жителей юго-восточныхъ областей Польши, спасаясь отъ разбойничьихъ шаекъ татаръ, не защищаемые отъ нихъ польскими королями, бѣжали на островъ нижняго Днѣпра, основались тамъ, съ успѣхомъ оборонялись противъ своихъ притѣснителей и въ постоянной борьбѣ выработались въ тотъ самый народъ, какимъ они себя вездѣ потомъ показывали. Это общество, постоянно возроставшее въ числѣ отъ прибытія новыхъ элементовъ, получило первую организацію въ 1511 г. при старостѣ Дашкевичѣ, который раздѣлилъ ихъ на полки и роты,

ВСАДНИКЪ XIV—XVII СТОЛѢТІЯ ВЪ ТЕГИЛЯѢ.

(СТЕГАНЫЙ НА ВАТѢ КАФТАНЪ, ЗАМѢНЯВШІЙ У НЕИМУЩИХЪ МЕТАЛЛИЧЕСКОЕ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНОЕ ВООРУЖЕНІЕ).

назначилъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ и замѣнилъ ихъ, до того разнокалиберное, вооруженіе огнестрѣльнымъ оружіемъ и саблями.

Нѣсколько времени спустя, а именно въ 1516 году они приняли названіе казаковъ — имя, сдѣлавшееся вскорѣ столь извѣстнымъ, столь страшнымъ или ненавистнымъ.

Стефанъ Баторій (1576 — 1586 г.) придалъ запорожскимъ казакамъ правильную организацію, образовавъ изъ нихъ шесть полковъ по 1.000 чел.; полкъ дѣлился на 10 сотенъ, сотня на 10 десятковъ. Онъ далъ имъ своего гетмана съ особымъ управленіемъ, жалованье и однообразное вооруженіе. Въ мирное время находилось на службѣ, для наблюденія за островами и переправами, 2.000 чел. остальные 4.000 были дома въ постоянной готовности. Эта опредѣленная организація не нравилась казакамъ, которые не хотѣли, ни подчиняться строгой дисциплинѣ, ни быть ограничены въ числѣ. Этого послѣдняго и не удалось отъ нихъ добиться, такъ что въ 1590 г. число ихъ возросло до 2.000.

Съ этого же времени начинаются постоянныя усилія Польши ограничить и искоренить казачество, становившееся по своимъ національнымъ и религіознымъ стремленіямъ все болѣе и болѣе опаснымъ. Усилія эти, послѣ долгихъ кровопролитныхъ войнъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, привели сначала къ многочисленнымъ выселеніямъ, а наконецъ и къ тому, что въ 1654 г. все запорожское войско, въ числѣ 60.000 чел. добровольно приняло русское подданство.

Прежде чѣмъ покончить съ запорожцами, или, какъ ихъ называли также малорусскими или украинскими казаками, мы должны замѣтить, что они вначалѣ совсѣмъ не дѣйствовали верхомъ, а только пѣшкомъ или на судахъ въ ихъ экспедиціяхъ на Черномъ морѣ.

И въ срединѣ XVII вѣка, они, повидимому много, а можетъ быть и преимущественно, сражались пѣшкомъ, хотя этотъ вопросъ не можетъ быть опредѣленно разрѣшенъ, въ виду противурѣчивыхъ данныхъ.

Верхомъ они исполняли въ польскихъ войскахъ службу легкой кавалеріи, какъ татары у литовцевъ.

Они также были одинаково одѣты и вооружены, сидѣли на быстрыхъ, выносливыхъ коняхъ, а также одинаково были способны къ легкой службѣ. Сѣдло и снаряженіе ихъ были чрезвычайно удобны и способствовали ловкому обращенію съ ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и кривыми саблями.

Кромѣ этого оружія они имѣли каждый маленькій топоръ, мѣшокъ для провизіи и фуража, трутъ и огниво.

Вербованныя войска набирались въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянскаго ополченія и казаковъ оказывалось недостаточнымъ, и тогда вербовали или необязанныхъ службой подданныхъ или иностранцевъ. Вначалѣ наборныя войска шли только на комплектованіе, находившейся въ полномъ запуще-

ніи, національной пѣхоты (при Ягелло и Стефанѣ Баторіѣ), позднѣе-же и для кавалеріи.

Вербованныя войска были организованы, вооружены и снабжались довольствіемъ по образцу Западной Европы и дѣлились на полки и роты.

Впрочемъ эти части не были постоянными, набирались въ случаѣ войны и распускались по окончаніи ея. Собственно постоянныхъ войскъ въ Польшѣ долгое время не было, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ гарнизоновъ. Первый шагъ въ организаціи постоянной милиціи былъ сдѣланъ въ 1505 г., когда жители Малой Польши, болѣе подверженные нападеніямъ татаръ, согласились вносить для этой цѣли по 12 грошей.

Жители Великой Польши этого не пожелали, а только въ 1562 г. въ ней былъ сформированъ подобный постоянный отрядъ, получившій названіе кварцьянъ, оттого что на его содержаніе шла четвертая часть доходовъ съ королевскихъ имѣній. Милиція эта, сформированная преимущественно изъ жителей княжествъ Витебскаго и Смоленскаго, и называвшаяся потому также витебскими казаками, была сначала силой въ 10.000 чел. пѣхоты и 2.000 конницы, а затѣмъ выросла до 60.000.

Наконецъ въ Литвѣ въ 1588 г. была сформирована подобная же милиція, при организаціи, такъ называемой, народной обороны.

Къ числу постоянныхъ войскъ слѣдуетъ еще отнести, кромѣ казачьихъ полковъ, придворныя войска короля, которыя онъ содержалъ на собственныя средства и наконецъ „хоругви“ знатныхъ магнатовъ (nadworne hufce i chorągwie możniejszych Panów), численность которыхъ доходила до нѣсколькихъ тысячъ коней.

Первыя были части регулярныя, организованныя по образцу западно-европейскихъ полковъ и впослѣдствіи получили значительную поддержку въ саксонскихъ войскахъ, когда курфюрсты саксонскіе взошли на польскій престолъ.

Что касается вторыхъ, то кажется ихъ происхожденіе надо искать въ учрежденіи, существовавшемъ въ Литвѣ уже съ XV и XVI столѣтій. Тамъ именно были, такъ называемые, Ротмистра конные или пѣшіе, утверждавшіеся въ этомъ званіи гетманами, и внесенные въ особые списки.

Они были обязаны, въ случаѣ нужды и по указу короля (listy przipowiednie) поставлять извѣстное количество вооруженныхъ и обученныхъ солдатъ. Эти дворяне, принадлежавшіе въ большинствѣ къ знатнѣйшимъ родамъ и часто очень богатые, постоянно содержали въ своихъ замкахъ потребное число лошадей, оружіе и прочіе военные припасы и занимались и въ мирное время военными упражненіями, такъ что ихъ контингенты фактически представляли собой постоянныя войска, довольно порядочныя. Что касается силы польскаго войска, то оно конечно было весьма различно въ разныя времена и въ зависимости отъ обстоятельствъ. Обязанное службой дворянство, составлявшее, до послѣднихъ временъ республики,

главную часть войска, обыкновенно не призывалось на службу. Только въ крайности производился общій наборъ (Pospolite, ruszenie) и тогда появлялось все дворянство со свитами, въ числѣ до 150.000 человѣкъ и даже болѣе.

Объ числительности казаковъ уже было сказано, числительность же вербованныхъ войскъ опредѣлялась въ каждомъ случаѣ собраніемъ сообразно потребности.

Уже Стефанъ Баторій (1575—1586 г.) въ войнѣ противъ турокъ имѣлъ въ своемъ 85.000 войскѣ 10.000 иноземныхъ войскъ (пѣхоты), подъ командой 100 ротмистровъ.

При Сигизмундѣ III (1586—1632 г.), кромѣ казаковъ и войскъ, поставленныхъ дворянствомъ на собственный счетъ, было въ войнѣ съ русскими 30.000, а съ турками 35.000 вербованныхъ войскъ. При Іоаннѣ III было таковыхъ, говорятъ, 100.000; противъ Карла XII было набрано 58.000 національныхъ войскъ по обыкновенно принятому разсчету — 2/3 поляковъ и 1/3 литовцевъ. Въ мирное время находились подъ знаменами только войска, необходимыя для несенія внутренней службы, а именно въ Польшѣ 16—18.000, въ Литвѣ 6—8.000.

Въ 1776 году было регулярныхъ войскъ въ Польшѣ 12.439, въ Литвѣ 4.770 чел., изъ нихъ кавалеріи въ *Польшѣ:* 3 бригады, по территоріальному дѣленію по 735 чел. (24 знамени), 2 полубригады по 369 чел. (12 знаменъ). Конная гвардія — 426 чел. 5 полковъ различнаго состава (2 по 390 и 3 по 257 чел.) всего 4.920 чел.

Въ Литвѣ: 2 бригады (гусары и панцырники) по 478 чел. Конная гвардія — 318 чел. и 5 полковъ различной силы (1 въ 395 чел. 1 въ 374, 1 въ 327 и 2 по 150 чел.) всего 2.668 чел.

На собраніи 1788—1792 г., было рѣшено довести силу регулярныхъ войскъ до 100.000 чел., изъ коихъ 67.000 поляковъ и 33.000 литовцевъ. Литовская же кавалерія была доведена до 10.650 чел. — 2 національныя бригады по 2.421 чел. 1 гвардейскій полкъ въ 318 чел. и 5 полковъ по 1.098 чел. При присоединеніи части польскихъ областей къ Россіи въ 1793 г. соотвѣтственная часть польскихъ войскъ вошла въ составъ русской арміи, а именно: 4 бригады національной и 4 полка легкой кавалеріи.

Позднѣе были сформированы изъ жителей этихъ присоединенныхъ областей 1 Литовско-Татарскій и 2 польскихъ рейтарскихъ полка; вскорѣ потомъ переименованные въ уланскіе.

X. Рыцарство и конница во Франціи до французской революціи [1]).

Въ средніе вѣка во Франціи, вслѣдствіе введенія ленной системы и тяжелаго вооруженія, исключавшаго всякую возможность пѣшаго боя и даже движенія, единственнымъ родомъ оружія была конница, что видно изъ одного эдикта Карла Лысаго (отъ 864 г.), въ которомъ при установленіи ленныхъ контингентовъ говорится только о всадникахъ (caballarii).

Въ X столѣтіи, со введеніемъ ленныхъ владѣній, рыцарство приняло опредѣленную форму, по которой каждый свободный владѣлецъ земли, будучи съ одной стороны ея неограниченнымъ господиномъ, съ другой — вассаломъ болѣе могущественнаго сосѣда, становился рыцаремъ (chevalier) съ пріобрѣтеніемъ копья или палицы, латъ и коня.

Если онъ былъ настолько богатъ и могущественъ, что могъ присоединить къ себѣ нѣсколько другихъ рыцарей равныхъ себѣ (milites minores), то онъ становился рыцаремъ съ вымпеломъ (chevalier à pennon), если же его власть распространялась надъ нѣсколькими рыцарями этого ранга и обыкновенными, то онъ назывался баннеретомъ (chevalier à bannière, banneret) и признавалъ надъ собой только власть короля и его высшихъ ленниковъ. Военную службу это такъ называемое ленное рыцарство (chevalerie fieffée) несло во всѣхъ отношеніяхъ на свой счетъ и каждый рыцарь долженъ былъ съ 21 года или старше служить лично, имѣя свое оружіе и своего коня. Только старые и слабые рыцари или несовершеннолѣтніе могли ставить вмѣсто себя, такъ называемыхъ, cavaliers avoués, которые выставлялись также ленами, принадлежащими женщинамъ и духовенству.

---

[1]) Berneck, Brandt, Carrion-Nisas, Hoyer, La Barre Duparcq, La Roche, Meynert; Brezé, D'Hauteville. — Roche-Aymon de la. La Cavalerie de 1300—1834 Annuaire des armées de terre et de mer pour l'année 1836 par J. Corréard jeune. Paris. — Eine Russische Uebersetzung davon im Milit.-Journal 1840 № 3, 4, 6; 1843 № 3, 5. — Ambert Esquisses historiques, psychologiques et critiques de l'armée française. Bruxelles 1840. — Boutaric. Institutions militaires de la France avant les armeés permanentes suivies d'un aperçu des principaux changements survenus jusqu'à nos jours dans la formation de l'armée. Paris 1863. — Daniel. Histoire de la Milice Françoise, et des changements qui s'y sont faites depuis l'établissement de la Monarchie Françoise dans les Gaules, jusqu'à la fin du Règne de Louis le Grand. 2 tomes Paris 1721. — Fieffé, Geschichte der Fremdtruppen im Dienste Frankreichs, von ihrer Entstehung bis auf unsere Tage etc. Deutsch von Symon de Carneville. 2 Bde. München 1857 und 1860. — Gay de Vernon. Essai historique sur l'organisation de la cavalerie légère et principalement sur l'arme des chasseurs à cheval. Paris 1853. — Müller. Ueber die Vergangenheit und Zukunft der Artillerie, vom Kaiser Napoleon III. Berlin 1856. — Napoleon-Louis Bonaparte. Etudes sur le passé et l'avenir de l'artillerie. Tome premier, Paris 1846. — Pascal. Historie de l'armée et de tous les régiments depuis les premiers temps de la monarchie française jusqu'à nos jours. 4 tomes. Paris 1853. — Susane. Historie de la cavalerie française. 3 tomes. Paris 1874. — Кромѣ того вышедшія съ 1758 г. ежегодно. Etat militaire de France. Paris.

Это были большею частью аллодіальные владѣльцы, земли которыхъ были освобождены, по какой-нибудь причинѣ, отъ воинской повинности, и которые затѣмъ поступали на службу за другихъ за извѣстное вознагражденіе.

Первоначально замѣстительство было ограничено указанными условіями, но постепенно оно, и служба за плату, стали распространяться и мало-по-малу ленное рыцарство стало замѣняться добровольнымъ и наконецъ наемнымъ. Оно образовалось изъ раззорившихся дворянъ, вассаловъ безъ земли и имущества, младшихъ и незаконныхъ сыновей, которые нанимались къ леннымъ владѣльцамъ за плату и содержаніе въ качествѣ низшихъ рыцарей (bas chevaliers или bacheliers), оруженосцевъ (écuyers) или жандармовъ. Особый родъ низшихъ рыцарей составляли такъ называемые странствующіе рыцари (chevaliers errants).

Крестовые походы, вызвавшіе большую продолжительность и дороговизну службы, дали системѣ найма большее основаніе и распространеніе, которое привело къ извѣстному регулированію воинской повинности. Всякій простой рыцарь имѣлъ, по меньшей мѣрѣ, двухъ вооруженныхъ или жандармовъ (hommes d'armes) и неограниченное число слугъ верхомъ и пѣшкомъ и всѣ они вмѣстѣ составляли то, что называлось полное копье (lance fournie). Составъ его былъ отъ 3 до 14 всадниковъ. Рыцарь на своемъ, покрытомъ броней, боевомъ конѣ, самъ закованный въ броню съ головы до ногъ, съ копьемъ, мечомъ, часто еще съ палицей или сѣкирой, сражался въ первой линіи; жандармы также тяжело вооруженные, прикрывали его фланги, а конные слуги или трабанты (satellites) составляли легкую кавалерію для открытія и завершенія боя.

Между трабантами почетное положеніе занимали лучники, изъ которыхъ можно было сдѣлаться жандармомъ или рыцаремъ, оруженосцы же, пажи и другіе слуги (écuyers, guisarmiers, coutilliers, pages, valets) стремились въ свою очередь попасть въ лучники. Рыцари съ вымпелами, т. е. треугольными значками, начальствовали надъ нѣсколькими копьями, а баннереты, съ четыреугольными значками, командовали высшими единицами въ 25 — 80 копій, силой въ 150 — 600 коней.

Всѣ баннереты соединялись подъ главнымъ знаменемъ всего войска — бѣлымъ штандартомъ коннетабля (cornette blanche), голубымъ съ золотыми лиліями знаменемъ короля или хоругвью С.-Дени — въ случаѣ національной войны. Бой между рыцарями велся во Франціи, также какъ и вездѣ, и былъ вообще мало кровопролитенъ, тѣмъ болѣе, что при немъ соблюдались нѣкоторые рыцарскіе обычаи, такъ напримѣръ, нападенія сзади совсѣмъ не допускалось. Опасность для рыцарей явилась лишь тогда, когда они, въ слѣпомъ невѣдѣніи, атаковали, въ позднѣйшія времена, лучшую тогда пѣхоту, какъ фламандскую коммунальную, англійскихъ лучниковъ, нѣкоторыя опытныя въ военномъ дѣлѣ банды жакеріи, швейцарскихъ пикинеровъ или испанскихъ аркебузировъ.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ возрожденіе пѣхоты и введеніе огнестрѣльнаго оружія возымѣли и во Франціи вліяніе на рыцарство и обнаружили рѣзче недостатки его и связанной съ нимъ ленной системы.

Подъ вліяніемъ этого уже король Іоаннъ (1350—1364 г.), указомъ отъ 30-го апрѣля 1351 года старался установить болѣе правильную іерархію и раздѣленіе на роты, но первое, какъ кажется, совсѣмъ не удалось, а второе было примѣнено только къ двумъ ротамъ его личной гвардіи [1]). Карлъ V (1364—1380 г.) сдѣлалъ въ 1372 г. подобную же попытку, но она также осталась безъ успѣха и вызвала только еще большую путаницу.

---

[1]) Первая французская королевская гвардія состояла изъ такъ называемыхъ sergents d'armes, servientes armorum, которыхъ сформировалъ Филиппъ II Августъ (1180—1223) въ Палестинѣ, какъ отдѣльный отрядъ для защиты его особы отъ покушеній подосланныхъ къ нему „старцемъ съ горы", этимъ ужаснымъ предводителемъ ассасиновъ, которыхъ онъ считалъ подкупленными англійскимъ королемъ для его (Филиппа) убійства.

Эти sergents были выбраны, въ числѣ 200 челов., изъ наиболѣе знатныхъ лицъ французской арміи, имѣли, подобно легкимъ войскамъ, легкіе шлемы и латы, палицы (за что и назывались также porte-masses), иногда пики и несли службу, въ качествѣ королевскихъ тѣлохранителей и верхомъ, и пѣшкомъ. Съ 1198 года они получили названіе huissiers sergents и составляли до Карла V гвардію Французскихъ Королей, вмѣстѣ со 100 hommes d'armes (которыхъ замѣнила въ 1271 году превотальная гвардія — gardes de prévoté — въ числѣ 88 человѣкъ съ 4 лейтенантами) съ écuyers du corps и съ портальной гвардіей (garde-portes) — учреждена при Людовикѣ IX, съ 1261 г. — portiers de la garde du roi, позднѣе gardes de la porte). Карлъ V положилъ основаніе позднѣйшимъ королевскимъ придворнымъ войскамъ (maison du roi) учрежденіемъ 4 ротъ gardes du corps и гвардейскихъ стрѣлковъ (въ числѣ 24 — позднѣйшіе gardes de la manche), а рядомъ съ этимъ изъ прежнихъ гвардейскихъ частей были оставлены только gardes portes. Эти придворныя войска получили прочную организацію только при Карлѣ VII (1422—1461) съ учрежденіемъ въ 1440 г. шотландской роты жандармовъ (впослѣдствіи 1-я шотландская рота gardes du corps).

Карлъ VII сформировалъ еще 1 роту шотландскихъ королевскихъ лучниковъ и отрядъ изъ 100 дворянъ (или 100 конныхъ копейщиковъ, которые позднѣе получили названіе большой гвардіи au bec à corbin) и оставили изъ старыхъ тѣлохранителей только портальную гвардію.

Людовикъ XI (1461 — 1483) увеличилъ эти войска въ 1475 и 1479 гг. двумя французскими ротами по 200 лучниковъ, которыя впослѣдствіи обратились въ 1-ю и 2-ю французскія роты gardes du corps (не считая роты ста швейцарцевъ, сформированной въ 1478 году).

При Карлѣ VIII (1483—1498) къ этому прибавилась одна рота избранныхъ дворянъ и 200 конныхъ арбалетчиковъ, изъ коихъ первая была расформирована при Людовикѣ XII (1498 — 1515) и замѣнена сформированной въ 1514 году (впослѣдствіи 3-я французская рота gardes du corps) и многочисленной фламандской гвардіей. Францискъ I (1515—1547) сформировалъ въ 1515 году еще 4-ю французскую роту gardes du corps и поставилъ ихъ всѣхъ на одну ногу съ шотландской, а въ 1545 году всѣ gardes du corps короля были раздѣлены на 4 роты (1 шотландская, 2, 3 и 4 французскія) по 100 человѣкъ и въ ихъ же составъ вошли 24 gardes de la manche. Кромѣ того оставались 2 роты по 100 дворянъ au bec à corbin, одна рота портальной гвардіи и 200 конныхъ арбалетчиковъ.

Въ такомъ составѣ королевская конная гвардія оставалась до Генриха IV, который замѣнилъ двѣ дворянскія роты, сначала частью, а въ 1593 окончательно, своими знаменитыми легкоконными ротами (chevaux légers), сформированными изъ остатковъ прибывшихъ съ нимъ изъ Наварры ордоннансовыхъ ротъ и зачисленныхъ въ гвардію.

Эти мысли были проведены въ жизнь только 73 года позже Карломъ VII (1422—1461 г.) организацiей ордоннансовыхъ ротъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное разсмотрѣнiе этого учрежденiя, составлявшаго переходъ отъ ленныхъ войскъ къ правильной наемной службѣ и слѣдовательно исходную точку современнаго французскаго военнаго устройства, —это уже сдѣлано въ сочиненiи Денисона, —скажемъ только, что благодаря этому учрежденiю (которое было введено эдиктомъ отъ 2-го октября 1439 года, вслѣдствiе соглашенiя короля съ государственными чинами), было сформировано въ 1445 году:

15 ордоннансовыхъ ротъ изъ 100 копiй каждая. Въ копьѣ было 6 человѣкъ—1 тяжело вооруженный жандармъ (начальникъ копья или—maître), 3 стрѣлка (archers), 1 оруженосецъ (coutillier) и 1 пажъ (page), всѣ легко вооруженные.

Начальство роты составляли—1 капитанъ, 1 лейтенантъ, 1 прапорщикъ, 1 guidon и 1 вахмистръ (maréchal des logis).

Это число ротъ (въ которое, впрочемъ, введены двѣ шотландскiя роты, сформированныя въ 1422 и 1440 гг.), быстро росло; въ 1449 году было 17-ть ротъ. Людовикъ XI (1461—1483 г.) имѣлъ на своей службѣ, въ такъ называемой войнѣ за общественное благо, 2.200 французскихъ копiй, несмотря на то, что при восшествiя своемъ на престолъ онъ нѣсколько ротъ распустилъ.

Съ присоединенiемъ части владѣнiй Карла Смѣлаго, вѣроятно, число ротъ увеличилось, но за то въ 1479 году, при учрежденiи постоянной пѣхоты, для усиленiя ея, 10 ордоннансовыхъ ротъ были распущены.

Во время итальянскихъ войнъ, въ концѣ XV и двухъ третей XVI столѣтiй, число ротъ увеличилось частью наборомъ новыхъ со стороны уполномоченныхъ на это богатыхъ и знатныхъ владѣльцевъ, частью дѣленiемъ старыхъ, причемъ численность ихъ уменьшилась, такъ что были роты въ 80, 60, 50 и даже 20 копiй.

Въ тоже время была заведена особая легкая кавалерiя. Уже во время первыхъ итальянскихъ войнъ лучниковъ стали отдѣлять отъ жандармовъ и соединяли ихъ въ отдѣльныя роты, которыя вскорѣ, подъ общимъ названiемъ легкой кавалерiи, начали дѣйствовать самостоятельно подъ начальствомъ собственныхъ guidon или корнетовъ.

Образцомъ для дѣйствiй этой легкой конницы послужили бывшiе въ рядахъ непрiятелей Францiи, страдiоты или албанцы, которые, однако, вскорѣ встрѣчаются уже на французской службѣ, въ первый разъ въ 1499 году въ лицѣ одного генералъ-капитана всѣхъ албанцевъ и шеволеже, а въ 1507 году въ числѣ 2.000 страдiотовъ подъ начальствомъ капитана Меркурiо. Два года спустя прибавилось еще 400 мавританскихъ копiй, которыя, будучи увеличены французами до 1.000 копiй, получили названiе новыхъ ротъ легкой кавалерiи. При Францискѣ I составъ этого

рода оружія былъ еще усиленъ, чтобы уравновѣсить его съ испанскими гинетами.

Съ принятіемъ легкой конницы, при Людовикѣ XII (1498—1515 г.), въ составъ войска какъ особаго рода оружія, тяжелая конница, подъ именемъ жандармеріи, заняла высшее мѣсто дворянской резервной конницы, тогда какъ въ легкую былъ открытъ доступъ и гражданамъ. Это было исходной точкой того различія, которое характеризовало кавалерію старой французской монархіи и осталось въ позднѣйшія времена между королевскими придворными войсками (maison du roi) и французской жандармеріей (происходившей отъ ордоннансовыхъ ротъ Карла VII) съ одной стороны и легкой конницей различныхъ родовъ (кирасиры, гусары), съ другой. Драгуны составляли особый, средній родъ оружія между пѣхотой и конницей.

Въ XVI столѣтіи, подъ вліяніемъ распространенія и усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія, жандармерія стала уменьшаться въ числѣ. Первоначально дѣлали неудачныя попытки ослабить вліяніе огнестрѣльнаго оружія утяжелѣніемъ предохранительнаго вооруженія, но во время гугенотскихъ войнъ оно стало постепенно выходить изъ употребленія, и замѣняться кожанымъ колетомъ, который, впрочемъ тоже, скоро былъ оставленъ.

Къ концу XVI столѣтія (1594 г.) была отмѣнена въ кавалеріи и пика и вмѣсто нея введенъ пистолетъ.

Пика потомъ и не пріобрѣтала во французской кавалеріи права гражданства и появлялась только впослѣдствіи отъ времени до времени подъ вліяніемъ временныхъ симпатій въ Польшѣ. Сила вышеуказанныхъ обстоятельствъ безповоротно проявилась при Францискѣ I (1515—1547 г.). Несмотря на то, что этотъ князь-рыцарь ввелъ 10 января 1514 г. новую организацію жандармскихъ ротъ, по которой полное копье состояло изъ 8 человѣкъ (2 жандарма обязанные другъ друга поддерживать и при каждомъ 1 стрѣлокъ, 1 оруженосецъ и 1 пажъ), что онъ въ своемъ декретѣ обращаетъ особое вниманіе на стрѣльбу изъ лука и арбалета верхомъ и пѣшкомъ, онъ не могъ однако воспрепятствовать тому, чтобы стрѣлки, оруженосцы и пажи оставляли копье и становились maitres'ами въ легкой кавалеріи. Даже многіе жандармы, которые не могли надѣяться сдѣлаться офицерами въ своей части предпочитали офицерскія мѣста въ легкихъ ротахъ или даже въ пѣхотѣ, въ которой для нихъ было учреждено особое званіе ланцпассадовъ (отъ lanza spezzata—сломанное копье, въ отличіе отъ lanza fornita—полное копье), званіе среднее между капраломъ и рядовымъ. Убыль въ частяхъ жандармовъ приходилось покрывать частью допускомъ гражданъ, которымъ впрочемъ для сохраненія принципа, давали дворянство.

Полное развитіе получили вышеуказанныя условія при Генрихѣ II (1547—1559 г.), который могъ собрать въ мартѣ 1552 г. для покоренія Меца 6.000 жандармовъ, 6.000 шево-леже,—6.000 конныхъ аркебузировъ,

6.000 нѣмецкихъ пистольеровъ и 8.000 коней ополченія, всего 32.000 всадниковъ или одну четверть всего числа его войскъ. Изъ этого перечня существовавшихъ тогда различныхъ родовъ кавалеріи можно вывести во 1-хъ, что французской легкой кавалеріи было вдвое болѣе нежели жандармовъ и во 2-хъ, что дворянскія ополченія давали еще значительный контингентъ. Организація его была такая же прочная, какъ и легкой кавалеріи.

Послѣ мира въ Шато-Камбрези въ 1559 г. при Францискѣ II (1559—1560 г.) и Карлѣ IX (1560—1574 г.) были произведены многія реформы; иностранныя войска были распущены, большинство французскихъ конныхъ ротъ было расформировано, а оставшіяся по различнымъ причинамъ были обращены въ жандармскія роты, единственныя въ то время части, которыя были постоянными, т. е. содержались на счетъ государства по бюджету военнаго вѣдомства. Такимъ образомъ съ тѣхъ поръ вся французская кавалерія состояла только изъ жандармовъ, число которыхъ въ 1560 г. при началѣ междуусобной войны, доходило, согласно одной, какъ кажется довольно полной росписи, до 65 ордоннансовыхъ ротъ изъ 2.590 копій (4 роты по 100, 4 по 80, 3 по 60, 2 по 50, 4 по 40, 47 по 30 и 1 въ 20 копій). Три года спустя, послѣ первой гражданской войны, на произведенномъ 10 іюня 1563 г. смотру, было 103 роты въ 4.210 копій (2 роты по 100 копій, 6 по 80, 3 по 70, 9 по 60, 7 по 50, 16 по 40, 59 по 30, 1 въ 20).

Однако содержаніе такого числа ротъ настолько превосходило обыкновенныя средства государства, и въ частяхъ было столько неблагонадежныхъ элементовъ, подъ вліяніемъ тогдашнихъ разлагающихъ условій, что пришлось прибѣгнуть къ сокращенію контингента, и черезъ 10 мѣсяцевъ уже, къ 7 апрѣля 1564 г. была только 91 рота въ 3.160 копій (1 въ 100, 1 въ 60, 16 въ 50, 5 въ 40, 64 въ 30, 4 въ 20). По росписанію же отъ 15 марта 1567 г. оставалось только 69 ротъ въ 2.300 копій (1 въ 100, 1 въ 60, 10 въ 50, 4 въ 40, 42 въ 30, 11 въ 20). Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, первоначальная нормальная сила роты въ 100 копій сохранялась только въ одной ротѣ коннетабля, остальныя же роты были гораздо слабѣе, большинство по 30 копій. Если эти сокращенія убавили число и силу ротъ, то они не увеличили ихъ благонадежности, какъ это и испыталъ на себѣ Карлъ IX во 2-ю гражданскую войну. Поэтому не удивительно, что съ тѣхъ поръ короли стали прибѣгать и въ кавалеріи къ иностраннымъ войскамъ, какъ они незадолго до того стали это дѣлать въ пѣхотѣ и въ 1568 г. были приняты на французскую службу рядомъ съ итальянцами и испанцами 6.500 нѣмецкихъ всадниковъ. Подъ ихъ защитой были удалены изъ войскъ эдиктомъ отъ 6 февраля 1569 г. лица сомнительной вѣрности, при помощи распущенія нѣкоторыхъ французскихъ ротъ. Какое значеніе пріобрѣлъ тогда сразу иностранный элементъ во

французской арміи видно изъ состава кавалеріи въ сраженіи при Монконтурѣ (3 октября 1569 г.), гдѣ была 21 французская ордоннансовая рота силой въ 10.500 коней, а иностранныхъ всадниковъ 11.200, а именно: нѣмцевъ 7.000 (въ томъ числѣ 5 корнетовъ по 1.000 копій), итальянцевъ 2.000 и кромѣ того 1.200 всадниковъ, посланныхъ королемъ испанскимъ и 1.000 маркграфомъ баденскимъ. Восемнадцать лѣтъ спустя, при Генрихѣ III (1574—1589 г.) въ сраженіи при Кутра въ королевской кавалеріи было 2.100 копій, раздѣленныхъ на 3 корпуса по роду полковъ съ по меньшей мѣрѣ двойнымъ количествомъ шево-леже, аргулетовъ и албанцевъ, тогда какъ у Генриха Наварскаго было всего 4 эскадрона жандармовъ и 10 эскадроновъ легкой кавалеріи, всего 2.500 всадниковъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда всѣ жандармы сняли тяжелое предохранительное вооруженіе и отбросили копья, то между ними и шево-леже разница осталась только въ почетныхъ правахъ, положеніи и платѣ.

Что касается легкой конницы, то съ самаго начала ея самостоятельнаго существованія, она отличалась большимъ числомъ подраздѣленій.

Въ ней были: стрѣлки, аргулеты, женетеры, пистольеры, шево-леже, аркебузиры, драгуны, карабены, не говоря уже объ иностранцахъ какъ страдіоты или албанцы и нѣмецкіе рейтары. Существенной, типичной разницы между ними было также мало, какъ теперь между драгунами, гусарами, шево-леже и пр.

Стрѣлки (archers) первоначально (когда они, при Людовикѣ XII, были отдѣлены отъ жандармовъ) были вооружены главнымъ образомъ луками или арбалетами, которые вскорѣ были замѣнены длиннымъ пистолетомъ или петриналемъ, съ прикладомъ, прижимавшимся при стрѣльбѣ къ груди, или аркебузой, особенно распространенной среди итальянцевъ и нѣмцевъ.

Аргулеты (argoulets), названіе которыхъ (вѣроятно отъ итальянскаго arcoleti) указываетъ также на то, что въ началѣ ихъ главнымъ оружіемъ былъ лукъ, появляются впервые въ 1499 году, когда ихъ было принято 2.000 чел. на французскую службу и состоятъ въ ней до временъ Генриха III, отличаясь нѣкоторыми особенностями въ снаряженіи и образѣ дѣйствій. Потомъ они были обращены въ карабеновъ.

Шево-леже или женетеры (génétaires) были также, по крайней мѣрѣ по имени, подражаніемъ иностранцамъ, со стороны французовъ, у которыхъ часть стрѣлковъ получила названіе въ 1498 г. отъ итальянскихъ cavallegieri, другая, послѣ сраженія подъ Равенной въ 1512 г., отъ испанскихъ ginetes. Впрочемъ эти существовали недолго и исчезли уже опять при Генрихѣ II.

Драгуны были сформированы во время оккупаціи Пьемонта въ 1550—1560 г. маршаломъ Бриссакомъ или, по крайней мѣрѣ, съ его согласія; его старые, опытные солдаты, при производствѣ ихъ отважныхъ набѣговъ,

садились на захваченныхъ ими въ большомъ количествѣ лошадей, а придя на мѣсто, оставляли ихъ подъ присмотромъ слугъ, сами же спѣшивались и дѣйствовали пикой или аркебузой. Эти пѣхотинцы сами дали себѣ названіе dragons или дракововъ вѣроятно въ знакъ того страха, который они внушали противнику.

Ихъ примѣръ находилъ подражателей со стороны части пѣхоты во время религіозныхъ войнъ, причемъ иногда, при недостаткѣ лошадей, два человѣка сажались на одну лошадь. Мало-по-малу образовалось нѣсколько ротъ аркебузировъ верхомъ, самостоятельно отъ пѣхоты, а позднѣе драгуны выработались въ особый средній родъ оружія между пѣхотой и кавалеріей.

Наконецъ албанцы или страдіоты и нѣмецкіе рейтары, которые довольно долго существовали во французской кавалеріи, были наемные иностранцы, не отличавшіеся какимъ-нибудь особымъ вооруженіемъ или снаряженіемъ. Благодаря ихъ происхожденію и нѣкоторой оригинальности въ одеждѣ и выправкѣ они пользовались славой, которую еще развѣ заслуживали въ нѣкоторой степени нѣмецкіе рейтары благодаря тому, что они составляли болѣе крупныя части, по образцу современныхъ полковъ, подъ начальствомъ командира, и эта организація вызывала большій порядокъ и согласіе при маневрированіи.

Относительно организаціи войскъ въ XVI столѣтіи, надо замѣтить, что въ національныхъ французскихъ войскахъ единственной тактической единицей была рота, нормальная сила которой была въ среднемъ 80 коней, но на дѣлѣ была весьма различна.

Значеніе кавалерійскихъ массъ было извѣстно со временъ гражданскихъ войнъ; передъ глазами былъ примѣръ французскихъ и итальянскихъ конныхъ полковъ; удавалось иногда и собрать на одно сраженіе нѣсколько французскихъ ротъ въ эскадроны, но далѣе того пойдти было невозможно. Требовательность, соперничество и ревность капитановъ во всемъ, что касалось ихъ самостоятельности и интересовъ, служили препятствіемъ. Недоставало промежуточной инстанціи между массой отдѣльныхъ командировъ ротъ и высшимъ командньмъ лицомъ; для легкой кавалеріи и дворянскаго ополченія такой инстанціей былъ съ 1549 года генералъ-полковникъ, тогда какъ жандармы подчинялись исключительно королю, представленному въ лицѣ коннетабля.

Это званіе существовало до 1627 года, званіе же генералъ-полковника легкой конницы до 1788 года, причемъ командиры старыхъ французскихъ полковъ до тѣхъ поръ никогда не назывались полковниками, а только mestre de camp. При генералъ-полковникѣ легкой кавалеріи состоялъ въ качествѣ носителя его знака, бѣлаго штандарта (cornette blanche) безъ герба, одинъ porte-cornette blanche; это званіе пережило званіе коннетабля и упоминается еще въ 1738 году, какъ кажется въ смыслѣ пред-

ставителя дворянскаго ополченія. Съ 1552 г. встрѣчается иногда генералъ-фельдмейстеръ (mestre de camp géneral)—помощникъ генералъ-полковника; это мѣсто становится постояннымъ съ 1578 г. Въ первый разъ упоминается въ 1554 г., а съ 1654 г. становится постояннымъ званіе генералъ-интенданта или генералъ-комиссара легкой кавалеріи (comissaire général).

Оба эти званія существовали до 1788 г. Главныя же обязанности этихъ лицъ состояли въ томъ, чтобъ при существованіи 2 или 3 армій командовать кавалеріей при тѣхъ изъ нихъ, гдѣ не находится генералъ-полковникъ. Вооруженіе легкой кавалеріи состояло вездѣ изъ огнестрѣльнаго оружія—пистолетовъ и эскопеттовъ или аркебузовъ и шпаги, кромѣ того носили желѣзныя латы съ набедренникомъ и шлемы, такъ что названіе легкой кавалеріи произошло только въ противуположность закованнымъ въ желѣзо всадникамъ и конямъ ордоннансовыхъ ротъ.

Для боя роты строились обыкновенно въ 5 или 6 шеренгъ, но никогда не менѣе 3-хъ. Въ бою кавалерія обыкновенно становилась на флангахъ пѣхоты, чтобы охватывать фланги наступающаго противника и безпокоить его выстрѣлами. Часто отдѣльныя роты ставились въ интервалахъ между пѣхотными батальонами для ихъ непосредственной поддержки. Въ обоихъ случаяхъ каждая шеренга отдѣлялась рысью или галопомъ, проскакивала вдоль непріятельскаго фланга, причемъ каждый всадникъ дѣлалъ выстрѣлъ и затѣмъ двумя полувольтами возвращалась на свое мѣсто въ хвостъ колонны или къ главнымъ силамъ роты.

Очень рѣдко производилась атака на пѣхоту, такъ какъ она легко ее отбивала, благодаря своему глубокому построенію съ торчащими пиками и огнемъ.

При дѣйствіяхъ кавалеріи противъ кавалеріи обѣ стороны или проскакивали другъ мимо друга въ противоположномъ направленіи или атаковали по старому въ линіи, послѣ выстрѣла изъ пистолетовъ выхватывали шпаги и начиналась рукопашная. Все это были довольно примитивные маневры [1]), доказывавшіе, что конница, бывшая такъ долго главнымъ, а часто и единственнымъ родомъ оружія, еще не поняла своей роли относительно пѣхоты и артиллеріи и не сознала еще своей настоящей силы.

Вдобавокъ лошади, отлично выѣзжанныя по процвѣтавшей тогда методѣ высшей школы, положительно не имѣли необходимыхъ для шока быстроты, силы и выносливости.

Наконецъ подвижность кавалеріи была чрезвычайно ограничена тогдашними привычками и требованіями разныхъ удобствъ, вслѣдствіе которыхъ дворяне имѣли съ собой цѣлый транспортъ прислуги, заводныхъ лошадей, обозовъ и пр.

---

[1]) Именно „примитивные". Это опредѣленіе весьма подходитъ къ современному намъ проекту подобнаго же образа дѣйствій для нашей конницы. *В. Сухомлиновъ.*

Генрихъ IV (1589 — 1610 гг.) созналъ всѣ эти недостатки и понялъ безцѣльность постепенныхъ или частныхъ реформъ, а потому рѣшилъ покончить сразу со старыми порядками и въ 1592 г. распустилъ почти всю кавалерію и оставилъ только: гвардію въ составѣ 4 ротъ gardes du corps (1 шотландская, основанная въ 1440 г, и 3 французскія, сформированныя въ 1475, 1479 и 1514 гг.), 1 роту его знаменитыхъ шево-леже (сформированы въ 1570 году, вошли въ составъ гвардіи въ 1592 году), 100 аркебузировъ и карабинеровъ и сверхъ того 19 обыкновенныхъ ротъ въ сокращенномъ составѣ 25 или 30 maitre'овъ, всего едва 1.500 коней.

Затѣмъ въ 1600 — 1610 гг. никакого увеличенія численности не послѣдовало, такъ какъ назначенная для службы при дофинѣ и переведенная въ гвардію 14 декабря 1602 г. жандармская рота была взята изъ числа уже существовавшихъ ротъ.

По нормальной организаціи предполагалось 8.000 всадниковъ на 50.000 пѣхоты; сообразно этому сила конницы въ войнѣ съ Австріей въ 1610 г. должна была быть доведена до 8.600 коней, въ томъ числѣ лотарингскій полкъ изъ 6 ротъ по 100 лошадей въ каждой.

При Людовикѣ XIII (1610 — 1643 гг.) была прежде всего урегулирована служба карабеновъ, предоставленная до того желанію и произволу капитана и даже солдатъ; въ 1615 г. каждой ротѣ шево-леже было придано отдѣленіе карабеновъ подъ начальствомъ лейтенанта. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ на прочихъ солдатъ въ томъ смыслѣ, что вскорѣ всѣ аркебузы были замѣнены мушкетами. Такъ какъ послѣ этого дальнѣйшее существованіе карабеновъ при отдѣльныхъ ротахъ оказалось безцѣльнымъ, то они были сведены въ 1621 г. подъ Ла-Рошелью въ отдѣльный корпусъ изъ 16 ротъ подъ командой отдѣльнаго командира, который получилъ 1 апрѣля 1622 г. титулъ генералъ-фельдмейстера (mestre de camp général) всѣхъ карабеновъ и былъ подчиненъ генералъ-полковнику легкой кавалеріи. Корпусъ карабеновъ существовалъ въ составѣ одного или нѣсколькихъ полковъ до 1661 г., званіе mestre de camp général до 1684 г., когда оно перешло, путемъ продажи, въ званіе того же имени у драгунъ.

Во время продолжительной блокады Ла-Рошели, операціи, которая, какъ извѣстно, считалась военной школой, Ришелье сумѣлъ добиться того, что капитаны ротъ слабаго состава соединялись по 2, 3 или 4 въ эскадроны, силой не менѣе 100 копій, и поочереди командовали этими эскадронами. Такимъ образомъ эскадронъ обратился въ кавалеріи въ тактическую единицу, каковою въ пѣхотѣ уже былъ баталіонъ.

Подобный обычай соединенія нѣсколькихъ ротъ въ эскадроны сохранился впрочемъ въ королевскихъ придворныхъ войскахъ и жандарменіи Франціи, которыя до 1788 г. состояли изъ самостоятельныхъ ротъ.

29 сентября 1633 г. королевскій указъ уничтожилъ различіе между старыми ротами существовавшими до реформъ Генриха IV или съ 1610 г.

и ротами новѣйшей организаціи, а 3 октября 1634 г. было окончательно введено дѣленіе на эскадроны, причемъ французская кавалерія была сведена въ 91 эскадронъ (esquadres) конницы и 7 эскадроновъ карабеновъ, примѣрно по 100 лош. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда Франція рѣшительно вмѣшалась въ тридцатилѣтнюю войну, Ришелье привелъ въ исполненіе давно задуманный имъ планъ соединенія конныхъ частей въ полки.

16 мая 1635 года былъ изданъ указъ, по которому изъ 84 ротъ (нѣсколько ротъ принадлежавшихъ вліятельнымъ лицамъ были оставлены) было приказано сформировать 12 полковъ легкой кавалеріи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ были взяты во французскую службу 3 полка — 2 сформированные герцогомъ Савойскимъ [1]) и 1 нѣмецкій (въ составѣ 14 ротъ шево-леже и 2 драгунскихъ) и организовано 2 полка карабеновъ, одинъ изъ всѣхъ французскихъ и другой изъ 9 иноземныхъ ротъ. Затѣмъ приказомъ отъ 27 мая сформированы 6 драгунскихъ полковъ въ 500 коней каждый, въ томъ числѣ одинъ иностранный, затѣмъ по инструкціи кардинала маршалу де-ла-Форсъ въ Лотарингіи, расположенная тамъ легкая кавалерія была соединена въ эскадроны по 4 роты, а 8 іюля тамъ же были набраны еще 6 полковъ — 1 французскій, 2 лотарингскихъ и 3 венгерскихъ. Кромѣ того были сформированы еще нѣсколько полковъ кардиналомъ Ла-Валеттъ и другими начальниками армій.

1 сентября король принялъ на службу 3 полка люттихской кавалеріи, каждый въ составѣ 5 корнетовъ по 100 maitres. 15 сентября были распущены роты силой менѣе 25 человѣкъ наличнаго состава.

26 октября поступили на французское иждивеніе 16 старыхъ нѣмецкихъ полковъ герцога Бернгарда Саксенъ-Веймарнскаго, извѣстные въ исторіи подъ именемъ веймарнцевъ, а послѣ смерти герцога они окончательно перешли на французскую службу. Такимъ образомъ къ концу войны было во Франціи 50 конныхъ полковъ, изъ нихъ 28 чужихъ. Французскіе полки состояли изъ 2 эскадроновъ по 2 роты — одной старой и одной новой. Вся сила конницы была въ 22.329 лошадей, считая въ томъ числѣ отдѣльныя роты, которыя принадлежали королю, принцамъ или отдѣльнымъ знатнымъ лицамъ.

Эта первая попытка введенія полковъ не удалась. Столкновенія между капитанами, привыкшими къ неограниченной самостоятельности, были слишкомъ сильны, а потому полки были расформированы 30 іюня 1636 г. и французская кавалерія раздѣлена на эскадроны по 3 роты.

Однако черезъ 18 мѣсяцевъ кардиналъ Ришелье вернулся къ старой мысли и провелъ ее на сей разъ окончательно, организовавъ патентомъ отъ 24 января 1638 года.

---

[1]) Изъ этихъ двухъ полковъ сформированныхъ уже въ 1630 г., одинъ былъ набранъ въ Піемонтѣ, другой изъ 4 французскихъ кирасирскихъ ротъ.

36 полковъ французской легкой кавалеріи, каждый въ составѣ 6 ротъ шево-леже и 1 роты мушкетеровъ по 100 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ 25 иностранными полками, остававшимися съ 1635 года, это составило 61 полкъ, которые были усилены въ томъ же году еще 9 полками, и общее число ихъ дошло до 70.

Кромѣ этихъ полковъ было еще нѣкоторое число самостоятельныхъ ротъ, какъ, напр., гвардія короля, королевы, брата короля, принцевъ и нѣкоторыхъ другихъ. Кромѣ того оставалось еще дворянское ополченіе. Относительно этого было постановлено 1-го августа 1635 г., что дворяне и другіе подданные, которые служили въ кавалеріи были освобождены отъ службы въ ополченіи.

Указомъ отъ 31 іюля 1636 г. вмѣсто личной службы въ немъ было допущено замѣстительство постановкой одного всадника въ полномъ снаряженіи; указомъ же отъ 14 мая 1639 г. это разрѣшеніе превратилось въ обязательство поставки двухъ пѣхотныхъ солдатъ и такимъ образомъ личная служба дворянъ въ кавалеріи и вообще въ войскѣ была уничтожена.

При смерти Людовика XIII французская кавалерія была въ слѣдующемъ составѣ:

Королевскія придворныя войска (maison du roi): 4 роты gardes du corps (основаны въ 1440, 1475, 1479, 1514 г.), 1 рота мушкетеровъ (1622 г.), 1 рота жандармовъ (1602 г.), 1 рота шево-леже (1592 г.), всего 950 всадниковъ.

Ордоннансовая жандармерія: 20 ротъ въ 2.338 всадниковъ.

78 полковъ легкой кавалеріи, изъ коихъ 52 французскихъ (считая 2 кирасирскихъ) и 26 иностранныхъ, а именно: 3 люттихскихъ, 15 веймарнскихъ, 2 нѣмецкихъ, 2 итальянскихъ, 2 венгерскихъ и 2 кроатскихъ.

2 полка карабеновъ, изъ нихъ одинъ иностранный.

1 полкъ конныхъ фузилеровъ (французскіе драгуны).

3 полка иностранныхъ драгунъ, изъ нихъ 2 нѣмецкихъ.

Жандармы ордоннансовыхъ ротъ были закованы въ латы съ головы до колѣна; со временъ Генриха II они носили длинные кожаные сапоги съ наколѣнниками. Легкая кавалерія, нѣмецкіе и венгерскіе всадники носили только кирасы, каски и желѣзныя перчатки до локтя и имѣли длинное огнестрѣльное оружіе (эскопетты или карабины), нарѣзное, пистолеты и шпаги.

Драгуны были вооружены широкой короткой шпагой и мушкетономъ, носившимся на плечевомъ ремнѣ. Сверхъ того они носили бургундскіе желѣзные шлемы съ проволочной сѣткой на затылкѣ и ушахъ, забрало и стрѣлу. Одежда состояла изъ сюртука сѣраго сукна и коллета изъ буйволовой кожи, башмаковъ и высокихъ гамашъ; конское снаряженіе было очень просто и легко.

Во время продолжительнаго царствованія Людовика XIV (1643—1715 г.) во французской кавалеріи произошли многія существенныя перемѣны.

Въ войскахъ maison du roi была расформирована мушкетерная рота въ 1646 г., взамѣнъ же ея въ 1665 г. были сформированы двѣ новыя, какъ представительницы драгунскаго элемента въ гвардіи. Въ 1676 г. была еще прибавлена одна рота конныхъ гренадеръ, въ качествѣ карабинеровъ гвардіи и такимъ образомъ maison du roi состояла изъ:

4 ротъ gardes du corps (основаны въ 1440, 1475, 1479 и 1514 гг.), которыя въ 1667 г. были силой въ 800 чел., а въ 1678 г. въ 1.400 чел. и съ 1666 г. составляли 1-ю резервную дивизію тяжелой или отборной конницы, имѣвшую отдѣльное управленіе.

1 роты жандармовъ (1602 г.) изъ 200 человѣкъ, 1 роты шево-леже (1592 г.) въ 200 чел., 2 ротъ мушкетеровъ (1657 и 1665 гг.) по 300 чел., и 1 роты конныхъ гренадеръ (1676 г.) въ 200 чел., которыя всѣ вмѣстѣ составляли 2-ю резервную дивизію, обыкновенно называвшуюся maison rouge, по цвѣту мундировъ жандармовъ, шево-леже и мушкетеровъ.

Ордоннансовая жандармерія — единственный остатокъ ордоннансовыхъ ротъ Карла VII состояла въ 1657 году изъ 22 ротъ жандармовъ, шеволеже и мушкетеровъ, которые принадлежали матери короля, герцогамъ Анжуйскому и Орлеанскому, принцу Конде, кардиналу Мазарини и 17 маршаламъ. Въ 1662 году число ихъ было уменьшено на 4 роты жандармовъ и 2 роты шево-леже. Въ 1667 году было всего 7 ротъ по 200 человѣкъ, въ 1678 году — 12 ротъ по 100 человѣкъ; въ 1690 году прибавлено еще 4. Изъ этихъ 16 ротъ принадлежали: 4 роты жандармовъ, шотландская (1422 г. самая старая) англійская, бургундская и фландрская,— королю, 6 ротъ жандармовъ и 6 ротъ шево-леже, по одной каждаго рода, королевѣ, дофину, герцогамъ Анжуйскому, Орлеанскому, Бургундскому и Беррійскому. Вообще число ротъ жандармеріи до ихъ распущенія соотвѣтствовало постоянно числу принцевъ. Онѣ всѣ были соединены въ 3-ю резервную дивизію, силой въ 1.200 — 1.600 человѣкъ, и составляли, вмѣстѣ съ maison du roi, подъ общимъ начальствомъ короля, такъ называемую тяжелую кавалерію.

Собственно линейная или, какъ она тогда называлась, въ отличіе (болѣе офиціальное, чѣмъ логическое) отъ вышеназванныхъ отборныхъ войскъ,—легкая конница, вплоть до Пиринейскаго мира 1659 г. измѣнялась постоянно въ числѣ, доходя даже до 170 полковъ. Въ подробности привести всѣ эти измѣненія невозможно, и мы укажемъ только главнѣйшія изъ нихъ. Прежде всего указомъ отъ 26 февраля 1647 г. всѣ служившія въ 1635 г. во французской арміи иноземныя части были включены въ ея составъ, послѣ чего числительность легкой конницы простиралась до 68 полковъ въ 300 корнетовъ, въ томъ числѣ 12 полковъ иностранныхъ, кромѣ того имѣлось еще 62 вспомогательныхъ итальянскихъ, каталонскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, лотарингскихъ и валлонскихъ полковъ, слѣд. всего 130 — полковъ.

Въ 1654 г. сила ротъ была опредѣлена въ 46 maîtres, слѣд. сила эскадроновъ въ 92 maîtres, вслѣдствіе чего въ немъ получалось при трехшереножномъ строѣ, 30 — 32 ряда.

Въ 1659 г. сила французской національной и вспомогательной конницы доходила до 700 корнетовъ или ротъ и 112 полковъ. Послѣдніе почти всѣ были уничтожены 7 сентября того же года, только по 1 или 2 ротъ mestre de camp и маіора, въ составѣ 50 maîtres должны были остаться. Это рѣшеніе было нѣсколько измѣнено, а въ томъ видѣ какъ это было приведено въ исполненіе въ 1660 и 1661 гг. оно вызвало къ 1662 году слѣдующій составъ легкой кавалеріи: 60 слишкомъ ротъ бывшихъ mestre de camp или маіоровъ и 4 полныхъ полка. Очевидно, подобный порядокъ вещей не могъ долго продолжаться, тѣмъ болѣе, что въ 1664 г. было выслано 40 ротъ въ Венгрію для поддержанія германскаго императора въ его войнѣ съ турками. Однако, только въ 1665 г. было дано прежнимъ командирамъ полковъ разрѣшеніе сформировать 37 таковыхъ, которые слѣд. и могутъ считаться продолженіемъ старыхъ полковъ. Послѣ еще нѣкоторыхъ измѣненій, къ 1667 г. состояло на лицо 45 полковъ легкой конницы (9 въ 6 ротъ, 32 въ 4, 3 въ 3 и 1 — карабены Его Величества въ 14) и 12 вольныхъ ротъ. Въ ротахъ первыхъ девяти полковъ было по 60, прочихъ — по 50 maîtres, слѣд. всего 10.890 человѣкъ при 820 офицерахъ.

Въ фландрской кампаніи французская конница состояла изъ 52 полковъ по 6 ротъ въ каждомъ, всего 6.848 человѣкъ, 28 полковъ по 3 роты по 54 чел. — 4.536 чел. и 2 драгунскихъ полка по 6 ротъ — 985 чел., всего 82 полка съ 12.639 коней. Кромѣ того было еще нѣкоторое число вольныхъ ротъ разныхъ національностей и еще было дано разрѣшеніе на формированіе 125 ротъ конной милиціи, около 100 чел. въ ротѣ.

Въ 1668 г. число легкихъ полковъ возросло до 95. Драгунъ, которые съ 28 января этого года были организованы, какъ особый родъ оружія, было 2 полка, которые были составлены каждый на половину изъ 22 существовавшихъ тогда ротъ карабеновъ и драгунъ короля и потомъ были усилены до 16 ротъ по 60 человѣкъ.

Драгуны, которыхъ при вступленіи Людовика XIV на престолъ было 4 полка, одинъ французскій (фузилерный) и 3 иноземныхъ, затѣмъ уже не исчезали изъ рядовъ конницы. Правда, первый полкъ былъ переформированъ въ 1646 г. въ обыкновенный, а прочіе три распущены въ 1650, 1651 и 1655 гг., но уже въ 1643 и 1645 гг. было приступлено къ набору въ Германіи двухъ новыхъ драгунскихъ полковъ, изъ которыхъ одинъ послѣ мѣсячнаго существованія былъ уничтоженъ при Туттлингенѣ, а другой переформированъ въ 1649 г. въ обыкновенный конный. 25 сентября 1651 г. маршалъ Ла-Ферте опять набралъ нѣмецкій драгунскій полкъ, а 14 іюня 1656 г. графъ Монтекукули, собиравшійся тогда перейти

изъ австрійской службы во французскую, сформировалъ 4-хъ ротный драгунскій полкъ и послалъ его Людовику XIV, который назначилъ себя почетнымъ его шефомъ. Въ этотъ полкъ, бывшій въ числѣ 4-хъ переживших общее сокращеніе 1660—1661 гг. былъ включенъ и полкъ Ла-Ферте, вслѣдствіе чего число ротъ въ немъ возросло до 20. При переформированіи полка въ 1668 г. въ 2 драгунскихъ въ нихъ были включены еще 2 роты карабеновъ, оставшіяся самостоятельными послѣ реформъ 1660—1661 гг.

Послѣ Ахенскаго мира произведена была реорганизація всей легкой кавалеріи и указомъ отъ 14 мая 1668 г. всѣ наскоро организованные полки опять распущены въ самостоятельныя роты по 100 maîtres въ каждой и были тщательно обучены. 1 февраля 1670 г. каждая рота была раздѣлена на 2 по 50 maîtres и составлено 66 эскадроновъ по 2 роты.

1 іюля 1671 г. роты опять усилены до 100 maîtres и въ томъ же году изъ каждой выдѣлено по 30 всадниковъ для сформированія въ эскадронахъ 3-й роты.

Когда въ 1672 г. началась война съ Голландіей, то 4 февраля изъ этихъ 66 эскадроновъ, состоявшихъ изъ 3 ротъ по 60—70 maîtres, большинство было усилено до 6 ротнаго состава и они были переименованы въ 66 полковъ. Съ этого времени во французской кавалеріи формируются постоянныя части, которыя въ пѣхотѣ были сформированы уже за 100 лѣтъ.

Во время второй голландской войны, 1 октября 1676 г. многіе полки были приведены въ 8 ротный составъ, для каковой цѣли нѣкоторые полки были расформированы, другіе же, болѣе сильнаго состава, должны были передать часть людей.

Позднѣе кавалерія была значительно усилена, такъ что къ концу войны въ 1678 г. она состояла изъ 99 полковъ легкой кавалеріи по 8, 6, 4 или 3 роты, всего 47.100 чел. и изъ 14 драгунскихъ полковъ подобной же организаціи, силой въ 9.840 человѣкъ.

Составъ ротъ колебался, смотря по состоянію финансовъ отъ 20 — 60 человѣкъ, въ каждой ротѣ былъ 1 капитанъ, 1 лейтенантъ, 1 корнетъ или прапорщикъ, иногда 1 подлейтенантъ, 1 вахмистръ (maréchal des logis) и нѣсколько бригадировъ по 1 на 12 или 16 maître'овъ. По приказу 1678 г. въ ротахъ кавалеріи было: 1 капитанъ, 1 лейтенантъ, 1 вахмистръ, 2 бригадира, 1 трубачъ и 34 всадника; у драгунъ 1 капитанъ, 1 лейтенантъ, 1 вахмистръ, 3 бригадира, 1 барабанщикъ и 41 драгунъ. Послѣ заключенія мира въ Нимвегенѣ и St. Germain en Laye послѣдовало въ 1679 г. значительное сокращеніе французской кавалеріи, такъ что, указомъ отъ 10 августа, не менѣе 50 полковъ были частью совсѣмъ распущены, частью значительно ослаблены въ составѣ. При этомъ командировъ полковъ не увольняли совсѣмъ, а зачисляли со штабной ротой въ оставшіеся полки, которые такимъ образомъ заключали въ себѣ на нѣкоторое время по 2, 3 или даже 4 такія фельдмейстерскія роты. 24 декабря составъ ротъ былъ

убавленъ до 40 maîtres въ легкой кавалеріи и до 48 въ драгунахъ. Въ томъ же году въ кавалеріи возникъ новый родъ оружія, когда, указомъ отъ 26 декабря каждой ротѣ было придано по 2 карабинера, въ качествѣ отличныхъ стрѣлковъ [1]). При Людовикѣ XIV, 29 октября 1690 г. они были соединены при каждомъ кавалерійскомъ полку въ отдѣльную роту изъ 4 офицеровъ, 1 вахмистра и 30 maîtres.

Въ кампаніи 1691 и 1692 гг. они обыкновенно дѣйствовали въ составѣ отдѣльной бригады, подъ начальствомъ своего бригаднаго начальника и 2 фельдмейстеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ почти вездѣ оставили по 2 карабинера на эскадронъ.

1 ноября 1693 г. послѣдовала постоянная организація карабинеръ въ отдѣльный корпусъ изъ 5 бригадъ изъ 20 эскадроновъ по 5 ротъ, т. е. всего по 100 ротъ въ бригадѣ. Нѣмецкія роты были выдѣлены.

Въ 1698 году, оставивъ дѣленіе на 5 бригадъ, число эскадроновъ уменьшили до 10, по 4 роты каждый, въ ротѣ по 20 карабинеровъ, а съ 1702 г. по 30.

Къ концу 1681 г. король имѣлъ: 380 ротъ кавалеріи по 30 maîtres и 126 ротъ драгунъ по 36 человѣкъ, всего до 18.000 коней, и составъ этотъ былъ усиленъ 8 марта 1682 г., образованіемъ новыхъ полковъ, на 160 ротъ и одновременно драгунскія роты усилены, каждая на 40 человѣкъ, что было распространено 27 сентября 1683 г. на всю кавалерію. Кромѣ того было еще сформировано 15 полковъ по 12 ротъ и 25 отдѣльныхъ драгунскихъ ротъ для побережной службы, всего 205 новыхъ ротъ.

Вслѣдствіе регенсбургскаго перемирія, 26 сентября 1684 года было расформировано 13 полковъ и во всѣхъ ротахъ кавалеріи и драгунъ составъ уменьшенъ до 35 человѣкъ.

Съ возобновленіемъ военныхъ дѣйствій въ 1688 г. 20 августа приступлено было опять къ формированію новыхъ конныхъ полковъ въ числѣ 41 коннаго и 5 драгунскихъ.

Драгуны, которые по постановленію отъ 25 іюля 1665 г. считались въ рядахъ пѣхоты, были съ 1 декабря 1689 г. окончательно присоединены къ конницѣ, причемъ, однако, ихъ полки должны были всегда строиться на лѣвомъ флангѣ остальныхъ полковъ конницы внѣ зависимости отъ старшинства сформированія, только при осадахъ драгуны продолжали становиться съ пѣхотой, на ея лѣвомъ флангѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ численность ихъ была значительно увеличена, къ существовавшимъ въ 1688 году 14 полкамъ было прибавлено въ томъ же году 12, въ 1689 г. еще 9 (изъ коихъ 2 подарилъ королю кардиналъ Виртембергскій а дру-

[1]) Карабинеры были впервые введены въ 1676 г. при maison du roi, а именно въ каждой бригадѣ Gardes du corps было сначала по 4, съ 1677 г. по 5, наконецъ по 17 чел. было вооружено нарѣзными карабинами. Польза, которую сумѣлъ извлечь изъ нихъ маршалъ Креки, повлекла за собой дальнѣйшее ихъ распространеніе.

гіе 7 сформировалъ король), такъ что въ 1690 г., когда было еще прибавлено 8 полковъ, всего оказалось: 43 драгунскихъ полка по 6 ротъ въ 35 — 45 коней, а въ 1697 г. полковъ было 47.

Въ 1693 г. появились во французской кавалеріи гусары.

Были правда во французской арміи венгерскіе конные полки еще съ 1635 г., но они не носили имени гусаръ. Сначала это были дезертиры императорской арміи, которые, въ числѣ 20 человѣкъ явились въ 1691 г. къ маршалу Люксенбургскому и дѣйствовали самостоятельно въ видѣ вольнаго отряда. Вслѣдствіе оказанныхъ ими услугъ, король сформировалъ изъ нихъ, въ декабрѣ 1692 г., полкъ, выступившій въ поле въ составѣ 2 эскадроновъ по 3 роты по 50 maîtres, а 19 ноября 1693 г. принятый на жалованье во французскую армію. Этотъ полкъ былъ распущенъ въ 1697 г., вновь сформированъ въ 1705 г. и окончательно распущенъ въ 1716 г. Въ 1704 году баварскій курфюрстъ прислалъ другой гусарскій полкъ, который перешелъ на французскую службу въ 1706 г. Это старѣйшій изъ подобныхъ, сохранившихся во Франціи полковъ извѣстный съ 1707 г., подъ именемъ Ратскаго. Другой гусарскій полкъ, также поступившій во французскую армію въ 1706 г., перешелъ въ 1709 г. въ испанскую.

Послѣ Рисвикскаго мира въ 1697 г. были сдѣланы значительныя сокращенія, вслѣдствіе которыхъ осталось только 60 конныхъ и 15 драгунскихъ полковъ. Два года спустя, вслѣдствіе возгорѣвшейся войны за испанское наслѣдство пришлось опять возстановить всѣ распущенные полки и сформировать новые; въ 1701 году прибавлено 29 полковъ и 20.000 всадниковъ.

Было бы слишкомъ долго слѣдить за всѣми измѣненіями, происходившими впродолженіе этой войны, продолжавшейся до конца царствованія Людовика XIV, поэтому мы только отмѣтимъ, что число французскихъ конныхъ и драгунскихъ полковъ было болѣе 135 и можно только удивляться, какъ Франція могла содержать такую силу въ теченіе 14 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ съ этого времени начинается финансовое истощеніе страны, ставшее впослѣдствіи одной изъ главныхъ причинъ революціи. Въ 1715 году послѣ утрехтскаго мира были оставлены: 58 полковъ легкой кавалеріи, включая 1 кирасирскій, 1 карабинерный, 1 гусарскій и 15 драгунскихъ. Всѣ эти полки, изъ коихъ старѣйшіе имѣли во время войны по 12 ротъ, были приведены, указомъ отъ 28 апрѣля 1716 г., въ 8 ротный составъ по 25 чел. въ ротѣ. Низшей единицей во французской кавалеріи, во все время царствованія Людовика XIV, была рота, она составляла собственность своего капитана и имѣла свой значекъ. Она была очень слаба по составу, рѣдко превосходя 100 чел. и часто спускаясь до 20 и представляла собой только часть нынѣшняго эскадрона, въ качествѣ котораго она состояла до 1815 года. Эскадронъ же въ то время составлялъ тактическую единицу только для маневровъ и боя. Мѣняясь по времени и обстоятельствамъ въ своемъ составѣ, эскадронъ былъ опредѣленъ силой въ 3 роты,

въ 1671 г. при окончательномъ введеніи полковъ, и былъ подчиненъ старшему изъ капитановъ; такъ это и оставалось до 1733 г.

Въ полку первоначально былъ только одинъ штабъ-офицеръ фельдмейстеръ (mestre de camp); онъ былъ командиромъ полка и собственникомъ одной роты, въ командованіи которой его замѣщалъ капитанъ. Подполковники и маіоры, окончательно введенные во французской кавалеріи въ 1685 и 1686 гг. были сначала старшими капитанами, а потомъ штабъ-офицерами безъ собственныхъ ротъ. Подполковники, какъ замѣстители командировъ полковъ имѣли огромное значеніе, потому что командиры были въ большинствѣ принцы или молодыя знатныя лица, не имѣвшія ни военныхъ познаній, ни опыта. Въ каждомъ родѣ конницы первые полки, принадлежавшіе частью высшимъ генераламъ (обоимъ генералъ-полковникамъ и генералъ-фельдмейстерамъ легкой конницы и драгунъ и генералъ-коммисару первой) частью имѣли шефомъ короля или составляли собственность королевы или принцевъ крови, имѣли постоянное старшинство, которое было введено потомъ и для полковъ, носившихъ названіе провинцій. Прочіе полки, называвшіеся по именамъ своихъ командировъ и извѣстные подъ именемъ полковъ дворянъ (regiments des gentilshommes) или сѣрыхъ полковъ (по цвѣту одежды) вели старшинство по старшинству своихъ командировъ. Чѣмъ полкъ былъ старше и сильнѣе по составу, тѣмъ онъ цѣнился дороже и имѣлъ больше правъ и привиллегій. Это вызывало между полками большое соревнованіе, и командиры старались ставить полкъ такъ, чтобы онъ удовлетворялъ различнымъ вкусамъ и желаніямъ въ смыслѣ удовлетворенія честолюбія или разсчета. Количество ротъ полка цѣнилось во всѣхъ отношеніяхъ. Большія тактическія единицы чѣмъ полкъ вообще не существовали, но на маневрахъ и на войнѣ соединяли по 2, 3 или 4 полка подъ командой бригадира. Введеніемъ этого званія французская кавалерія обязана Тюренну, который, сдѣлавшись 24 апрѣля 1657 года генералъ-полковникомъ легкой кавалеріи, началъ съ того, что произвелъ (8 іюня того же года) 13 полковыхъ командировъ въ генералы, оставивъ за ними полки. Кромѣ того, попрежнему, высшими инстанціями оставались генералъ-полковники легкой кавалеріи и драгунъ, генералъ-фельдмейстеры легкой кавалеріи и карабеновъ (съ 1684 г. драгунъ) и генералъ-коммисаръ легкой кавалеріи. Эти лица командовали на войнѣ кавалеріей всего войска или отдѣльныхъ армій.

Вооруженіе каждаго солдата всей кавалеріи состояло изъ шпаги, съ 1679 г. сабли, двухъ пистолетовъ и мушкета; мушкетеры и драгуны имѣли вмѣсто мушкета ружье (fusil), нѣсколько короче чѣмъ пѣхотное, со штыкомъ, карабинеры-нарѣзной карабинъ. Гусары, кромѣ упомянутаго оружія, имѣли длинную четырехгранную шпагу безъ эфеса; эта шпага носилась вдоль лошади и хватала отъ груди до крупа, при атакѣ же снималась и упиралась въ колѣно. Предохранительное вооруженіе было отмѣнено и

только одинъ кирасирскій полкъ короля, седьмой по списку въ легкой кавалеріи, носилъ еще кирасы.

Королевскимъ же указомъ отъ 5 марта 1676 г. всѣмъ офицерамъ были даны кирасы.

По словамъ Фекьера Людовикъ XIV опять ввелъ въ своей кавалеріи кирасу, въ началѣ XVIII столѣтія, какъ объ этомъ говоритъ Вилларъ въ своемъ письмѣ военному министру Шамильяру (18 января 1703 г.) „кавалеріи опять выдать грудныя латы, чтобы она лучше могла выдерживать огонь имперскихъ всадниковъ“. Во всякомъ случаѣ это была только временная мѣра. Однообразная одежда была введена только при управленіи Лувуа (1669—1673 гг.), но сначала только по полкамъ, причемъ цвѣтъ одежды, отличія и пр. зависѣли отъ командировъ. Съ 1690 г. вводится въ обмундированіи систематичный порядокъ; мундиры и шинели полковъ короля и и принцевъ голубые, у прочихъ полковъ легкой кавалеріи сѣрые (взамѣнъ легко марающихся бѣлыхъ), у драгунъ красные (у нѣкоторыхъ полковъ были зеленые) и вездѣ разноцвѣтные обшлага, отвороты и подкладки. Затѣмъ были кожаные штаны, мягкіе сапоги и черныя шапки съ золотой или серебряной обшивкой и черной кокардой; нѣкоторые полки имѣли особые головные уборы, напр. Royal Allemand польскую шляпу; драгунскія шапки были также особаго вида. Одежда гусаръ состояла изъ пестраго камзола въ обтяжку съ узкими рукавами, узкихъ штановъ и короткихъ сапогъ съ желѣзными каблуками, шкуры или короткаго ментика, который набрасывался съ навѣтренной стороны и отороченной мѣхомъ шапки, а позднѣе кивера безъ козырька и съ языкомъ. Перевязи и портупеи были у всѣхъ изъ бѣлой кожи. Сѣдельный уборъ состоялъ изъ французскихъ сѣделъ съ чапраками краснаго или голубаго цвѣта съ шерстяной бахромой; у гусаръ были венгерскія сѣдла, покрытыя бараньими шкурами вмѣсто чапрака; большихъ подробностей не было установлено относительно формы и цвѣта конскаго снаряженія. Что касается комплектованія, то оно производилось капитанами путемъ вербовки, въ военное же время солдаты набирались по приказанію короля отъ ленниковъ обязанныхъ поставлять людей, или изъ милиціи. Корпусъ офицеровъ пополнялся вообще изъ maison du roi и жандармеріи, особенно изъ мушкетерскихъ ротъ первой, которыя несли службу верхомъ и пѣшкомъ, однѣ изъ конныхъ частей maison du roi стояли въ Парижѣ и во всѣхъ отношеніяхъ представляли лучшій контингентъ. Молодые дворяне, которые тогда еще болѣе чѣмъ теперь, проводили дѣтство въ деревнѣ, поступали въ эти отборныя части 15 лѣтъ, получали тамъ въ строгой дисциплинѣ практическое и теоретическое образованіе и потомъ переходили въ армію съ чиномъ корнета или подпоручика. Въ 1682 г. король рѣшилъ завести въ различныхъ пограничныхъ пунктахъ военныя школы для молодыхъ дворянъ, которые должны были поступать туда въ возрастѣ отъ 14 до 25 лѣтъ и быть воспитаны на счетъ казны. Сна-

чала были заведены двѣ школы, въ цитаделяхъ Турнэ и Меца, вскорѣ однако число ихъ было доведено до 10. Однако эти заведенія просуществовали только около 10 лѣтъ и затѣмъ были упразднены за недостаткомъ средствъ къ ихъ содержанію. Производство шло на различныхъ основаніяхъ — частью по выбору, частью покупкой чиновъ, частью по старшинству. Послѣднее касалось производства изъ подпоручиковъ въ поручики, капитаномъ же можно было сдѣлаться только купивъ роту, производство въ маіоры и подполковники шло опять по старшинству. Командованіе полкомъ иногда бывало жалованнымъ, или получалось черезъ патентъ отъ короля на вербовку полка, въ большинствѣ же доставалось путемъ покупки. Людовикъ XIV нѣсколько разъ старался измѣнить этотъ способъ, но не могъ этого вездѣ добиться. Чтобы, однако, устранить наибольшіе недостатки этой системы, онъ установилъ въ 1689 г. опредѣленную цѣну — за полкъ 22.500 фунтовъ, за роту 12.000 фунтовъ. Производство въ генералы и званіе бригадира доставались по старшинству. Въ бригадиры же производились фельдмейстеръ - лейтенантъ (mestre de camp lieutenant) большихъ полковъ короля или принцевъ. Мѣста генералъ - полковниковъ покупались.

Развернутый строй кавалеріи былъ въ 3 шеренги, съ интервалами въ 50 — 60 шаговъ между эскадронами. Чтобы удлинить фронтъ, французы первые ввели 2 шереножный строй и съ 1700 г. онъ былъ принятъ вездѣ. Колонны были по 3, полуротныя, ротныя и эскадронныя.

Вышеизложенная организація кавалеріи въ общемъ сохранилась до временъ революціи, за малыми измѣненіями въ числѣ, родѣ, составѣ и силѣ полковъ. Измѣненія эти состояли въ слѣдующемъ:

При Людовикѣ XV (1715 — 1774 гг.) почти не было измѣненій въ организаціи кавалеріи до 1740 г. и только были сформированы: въ 1718 г. одинъ драгунскій, въ 1720 и 1734 гг. по гусарскому полку; затѣмъ 1 февраля 1727 года во всѣхъ полкахъ было установлено по 3 эскадрона по 3 роты, а во время войны въ 1733 г. эскадроны приведены въ 4 ротный составъ по 160 maîtres въ ротѣ. Такимъ образомъ въ 1733 г. во французской кавалеріи было maison du roi — 4 роты gardes du corps въ 1.600 чел., 1 рота жандармовъ въ 250, 1 рота шево-леже — 250 чел., 2 роты мушкетеровъ — 540 чел., 1 рота конныхъ гренадеръ — 200 чел.

Жандармерія — 16 ротъ — 1.300 чел.

Французская и иностранная легкая кавалерія: 59 полковъ 28.770 чел. (въ томъ числѣ 2 гусарскихъ №№ 57 и 59 — 1.300 человѣкъ). Драгунъ: 15 полковъ — 10.800 чел. и 12 вольныхъ ротъ драгунъ—партизанъ — 1.600 чел. (включая 93 офицера).

Всего — 44.910 человѣкъ.

При началѣ войны за австрійское наслѣдство въ 1741 г. во французской конницѣ кромѣ maison du roi и жандармовъ было:

60 легко-кавалерійскихъ полковъ (въ томъ числѣ 1 кирасирскій, 1 карабинерный и 3 гусарскихъ) и 15 драгунскихъ.

Каждый полкъ состоялъ изъ 4 эскадроновъ или 8 ротъ по 25 человѣкъ въ мирное время и по 40 въ военное, и 2 музыкантовъ (трубачи въ кавалеріи, барабанщикъ и гобоистъ у драгунъ); почти всѣ полки имѣли кромѣ того литавры и по штандарту въ каждой ротѣ.

Во время войны, подъ нѣмецкимъ вліяніемъ было произведено много перемѣнъ. Число конныхъ полковъ было увеличено на 7, почти исключительно гусарскихъ; драгунскій прибавленъ одинъ. Затѣмъ были сформированы по образцу австрійскихъ пандуровъ, многочисленныя легкія войска; таковыхъ было болѣе 14.000 чел. въ сводныхъ легіонахъ, которые были большею частью въ 1.500 чел. каждый, изъ нихъ 500 конныхъ; послѣ войны они были значительно сокращены. Вообще въ это время сильно ощущалась потребность облегченія войскъ для увеличенія ихъ подвижности, особенно конницы. Вслѣдствіе этого исчезла большая часть легкихъ полковъ, бывшихъ таковыми только по имени и была замѣнена драгунами, гусарами и егерями.

При началѣ 7 лѣтней войны въ 1756 г. во французской кавалеріи было (не считая войскъ короля и принцевъ): 64 легко-конныхъ полка (въ томъ числѣ 1 кирасирскій, 1 карабинерный, 7 гусарскихъ) и 17 драгунскихъ.

Всѣ эти полки состояли, какъ и прежде, изъ 4 эскадроновъ по 160 чел.; исключеніе составлялъ карабинерный полкъ, силой въ 25 ротъ въ 5 бригадахъ.

Все это составляло около 54.000 всадниковъ, а прибавивъ maison du roi, жандармерію и конницу смѣшанныхъ легіоновъ[1]) 60.000 чел.

Семилѣтняя война вызвала во французской кавалеріи самыя существенныя измѣненія. Прежде всего, еще въ первые годы войны, были упразднены 4 гусарскихъ полка (въ 1756 г. — 3 и въ 1758 г. — 1) и взамѣнъ ихъ сформировано 2 другихъ кавалерійскихъ (1756 и 1757 гг.).

---

[1]) Въ существовавшихъ тогда 7 смѣшанныхъ корпусахъ было конницы: 6 ротъ кавалеріи по 20 чел., 11 ротъ драгунъ по 18, 20 или 30 чел., 1 рота конныхъ егерей въ 20 чел. и 6 бригадъ рейтаръ по 60 чел.

Рейтары — Volontaires de Schomberg въ ихъ первоначальной организаціи были первыми уланами во французской арміи. Когда маршалъ Саксонскій сформировалъ въ 1743 г. этотъ корпусъ, онъ былъ силой въ 1.000 чел. и состоялъ изъ 6 бригадъ по 160 чел. — 80 уланъ и 80 пахолковъ (pacolets). Первые были польскіе дворяне, вооруженные пикой, саблей и пистолетомъ, послѣдніе — ихъ слуги имѣли карабины, саблю и по 2 пистолета. Впрочемъ, въ этомъ видѣ корпусъ существовалъ не долго, всадники съ пиками были вскорѣ упразднены. Послѣ смерти маршала Саксонскаго, корпусъ былъ сокращенъ въ январѣ 1751 г. до 360 чел., какъ выше упомянуто, а 1 апрѣля 1762 г. переформированъ въ драгунскій полкъ. По образцу этого корпуса французскіе драгуны получили зеленые мундиры, которые они носили болѣе 100 лѣтъ и каски, которыя они имѣютъ до сихъ поръ. Можно еще упомянуть, что маршалъ Саксонскій, которому нравилось все азіатское, имѣлъ роту тѣлохранителей всю изъ негровъ на бѣлыхъ лошадяхъ.

Указомъ же отъ 1 декабря 1761 г. расформированы 31 кавалерійскій полкъ и включены въ составъ другихъ, увеличивъ силу этихъ вдвое.

Такимъ образомъ составъ кавалеріи оказался слѣдующій:

34 легкихъ конныхъ полка (въ томъ числѣ 1 карабинерный и 3 гусарскихъ) и 17 драгунскихъ, не считая конницы легкихъ смѣшанныхъ частей, которыя были приведены 1 марта 1763 г. въ составъ 6 легіоновъ по 17 ротъ, изъ коихъ 8 драгунскихъ по 29 чел. и 15 лош. въ ротѣ въ мирное время. Того же числа жандармерія была сокращена на 6 ротъ, для чего принцевыя роты шево-леже были включены въ составъ принцевыхъ же ротъ жандармовъ.

Вслѣдствіе этого жандармовъ было: 4 роты (шотландская, англійская, бургундская и фландрская) королевскихъ жандармовъ или большая жандармерія, расположенная въ Версалѣ. 6 ротъ жандармовъ королевы, дофина, и принцевъ беррійскаго, прованскаго, артуа и орлеанскаго — малая жандармерія или люневильская, потому что она стояла въ видѣ почетной стражи у короля Станислава въ Люневиллѣ.

Послѣ того, что въ 1764 г. былъ вновь сформированъ одинъ гусарскій полкъ, составъ французской кавалеріи въ 1769 г. былъ слѣдующій: Maison du roi 9 ротъ — 2.634 maîtres.

Жандармерія: 10 ротъ — 1.200 maîtres.

Легкая кавалерія: 30 полковъ по 4 эскадрона по 2 роты — 13.430 чел., 1 полкъ карабинеровъ (№ 22) въ 5 бригадъ по 3 эскадрона по 3 роты — 1.650 чел.; 4 полка гусаръ (№ 32—35) той же организаціи какъ прочая легкая кавалерія — 1.752 чел.

Драгунъ: 17 полковъ по 4 эскадрона по 2 роты — 6.664 чел. и 48 ротъ при легіонахъ — 1.250 человѣкъ.

Всего 28.580 человѣкъ.

Составъ этотъ мало измѣнился до конца царствованія Людовика XV. Только въ 1769 г. къ смѣшаннымъ войскамъ присоединился корсиканскій легіонъ, въ 1771 и 1773 гг. прибавлено 2 роты gardes du corps для графа прованскаго и Артуа, внука короля, а въ 1772 г. (17 апрѣля), въ подтвержденіе указовъ 1615 и 1679 гг. въ кавалерійскихъ ротахъ опять введены особые отличные стрѣлки, составъ же роты установленъ въ 3 офицера, 7 унтеръ-офицеровъ, 4 карабинера, 24 всадника и 1 трубачъ. Въ полку по 3 эскадрона по 4 роты — всего 432 солдата. Названія полковъ остались безъ измѣненія, только въ легкой конницѣ почти не встрѣчается, со времени семилѣтней войны, полковъ дворянъ, — они получили имена принцевъ или сдѣлались королевскими, получивъ наименованія по провинціямъ, напротивъ того драгунскіе полки въ большинствѣ носили имена знатныхъ лицъ. Важнѣе всѣхъ перемѣнъ была мѣра, принятая министромъ Шуазель: онъ отнялъ изъ рукъ капитановъ заботу о снаряженіи и содержаніи солдатъ и вообще все хозяйство въ ротѣ. Вслѣдствіе

этого прекратились злоупотребленія съ численнымъ составомъ, такъ какъ до того было общепринято показывать на бумагѣ несуществующихъ солдатъ, и генералы получили возможность водить конницу большими аллюрами, не опасаясь заявленій капитановъ, что ихъ разоряютъ и лошадей заганиваютъ. Каждый полкъ получилъ квартермистра, кассу и было заведено правильное счетоводство.

Вооруженіе было мало измѣнено при Людовикѣ XV. Какъ и прежде только одинъ полкъ носилъ кирасы, остальные, за исключеніемъ гусаръ,— буйволовые коллеты, вскорѣ замѣненные камзолами изъ шкуры дикихъ козъ. Кирасы остались только у генераловъ, у офицеровъ же онѣ были замѣнены буйволовыми коллетами. Уставомъ 1762 г. приведеннымъ въ исполненіе въ 1763 г. были произведены большія упрощенія въ обмундировкѣ. Легкая кавалерія вся получила голубые, драгуны зеленые мундиры съ разноцвѣтными воротниками, отворотами и другими отличіями; легкая конница носила жилеты и штаны изъ дикой козы, мягкіе сапоги и шляпы съ бѣлой или розовато-красной тесьмой и черной кокардой. У драгунъ были мѣдныя каски. Плащи были у всѣхъ свѣтло-сѣрые, чапраки у легкой кавалеріи голубаго сукна съ галуномъ. Гусары сохранили свою венгерскую форму со шнурами, шарфы изъ красной шерсти, шапки съ полураскрытымъ клапаномъ и зеленые плащи.

Людовикъ XIV (1774—1792 гг.), при вступленіи на престолъ располагалъ слѣдующей кавалеріей:

Maison dn roi; 4 роты gardes du corps — 1.427 чел., 1 рота жандармовъ — 224 чел., 1 рота шево-леже — 222 чел., 2 роты мушкетеровъ — 454 чел., 1 рота конно-гренадеръ — 145 чел., всего 2.472 чел. Жандармерія — 10 ротъ —942 чел.

Легкая кавалерія: 30 конныхъ полковъ (1 кирасирскій) въ 3 эскадрона 4 ротнаго состава — 432 чел. и 384 лош., въ полку; 1 полкъ карабинеровъ изъ 5 бригадъ по 2 эскадрона по 3 роты — 1.560 чел. и 1.200 лош., 4 гусарскихъ полка по 3 эскадрона по 4 роты — 480 чел. и лошадей въ полку.

Драгунъ 17 полковъ по 3 эскадрона по 4 роты — 384 чел. и 288 лош. въ полку и 56 ротъ (семи легіоновъ) по 29 чел. и 15 лошадей.

Всего 28.006 чел. и 22.790 лошадей.

Въ бытность С. Жермена военнымъ министромъ было сдѣлано нѣсколько важныхъ преобразованій.

15 декабря 1775 г. были распущены гвардейскіе мушкетеры и гренадеры и жандармы Берри и Орлеанскаго.

25 марта 1776 г. произошла во всей кавалеріи полная реорганизація, по которой, послѣ переформированія 7 легкихъ полковъ въ драгунскіе, и распущенія 7 легкихъ легіоновъ, составъ кавалеріи былъ установленъ въ 24 легкихъ полка, 4 гусарскихъ и 24 драгунскихъ.

Карабинерный полкъ былъ въ составѣ 8 эскадроновъ въ 2 бригадахъ, прочіе кавалерійскіе и драгунскіе полки по 6 эскадроновъ, въ томъ числѣ одинъ шево-леже (у драгунъ конно-егерскій) и 1 запасный эскадронъ. Эскадроны шево-леже были сформированы изъ приданныхъ легкой конницѣ въ 1772 г. карабинеровъ, конно-егерскіе изъ 48 ротъ, бывшихъ при 6 легкихъ легіонахъ. Изъ конницы 7 легіона былъ сформированъ гусарскій полкъ.

Такимъ образомъ было эскадроновъ: 8 карабинерныхъ, 92 конныхъ (въ томъ числѣ 4 кирасирскихъ), 23 шево-леже, 16 гусарскихъ, 96 драгунскихъ, 24 конно-егерскихъ и 47 запасныхъ. Но эта организація недолго существовала и была измѣнена 29 января 1779 г. въ томъ смыслѣ, что эскадроны шево-леже и конно-егерскіе были отдѣлены отъ своихъ полковъ и соединены по 6 въ полки, которые именовались по номерамъ отъ 1—6. Одновременно съ этимъ былъ прибавленъ одинъ гусарскій полкъ и всѣ гусары были соединены въ отдѣльный корпусъ, подъ начальствомъ своего генералъ-полковника — герцога Шартрскаго.

Такимъ образомъ въ 1779 году составъ кавалеріи былъ слѣдующій:

Maison du roi: 4 роты gardes du corps, 1 рота жандармовъ и 1 рота гвардейскихъ шево-леже.

Maison des princes: 2 роты gardes du corps брата короля, 2 графа Д'Артуа.

Жандармерія: 4 роты (шотландская, англійская, бургундская и фландрская) большой жандармеріи и 4 роты малой (королевы, дофина, брата короля и графа д'Артуа).

Конница: 24 полка легкой кавалеріи, 6 шево-леже, 5 гусарскихъ, 24 драгунскихъ и 6 конно-егерскихъ.

14 сентября 1783 г. сформированъ новый гусарскій полкъ. Въ 1784 г. еще разъ вернулись къ системѣ смѣшанныхъ корпусовъ, а именно соединили въ 6 легіоновъ конно-егерскіе полки съ пѣшими батальонами.

17 марта 1788 г. это было отмѣнено и конно-егеря стали попрежнему самостоятельны. Въ тоже время 6 драгунскихъ полковъ обратили въ конно-егерскіе, которыхъ стало 12 и всѣ они получили наименованія по провинціямъ.

Затѣмъ 6 полковъ шево-леже, бывшіе подъ соотвѣтственными названіями, съ 1784 г. въ рядахъ легкой кавалеріи, были совсѣмъ упразднены, а карабинеры соединены въ бригаду изъ 2 полковъ и черезъ 3 года заняли первое мѣсто среди конныхъ полковъ какъ гренадеры кавалеріи.

Полки карабинерные, гусарскіе и егерскіе были въ 4, прочіе въ 3 эскадронномъ составѣ. Въ эскадронѣ было по 2 роты, въ ротахъ легкой кавалеріи и драгунскихъ было по 80 чел. (incl. 3 офицера), въ военное время на 13 чел. больше, въ гусарскихъ и егерскихъ по 32 чел. съ прибавкой 25 чел. въ военное время, такъ что сила полка была: карабинернаго 682 чел. въ мирное время и 786 въ военное; легкой кавалеріи и драгунскаго 516 и 594, гусарскаго и егерскаго 699 и 899 чел. Изъ этого

числа было пѣшихъ людей какъ въ мирное, такъ и въ военное время: въ карабинерныхъ полкахъ 59, въ легко-кавалерійскихъ и драгунскихъ по 24, въ гусарскихъ и егерскихъ по 46.

Всего въ кавалеріи было:

26 легко-кавалерійскихъ полковъ (въ томъ числѣ 2 карабинерныхъ и 1 кирасирскій), 18 драгунскихъ, 6 гусарскихъ и 12 конно-егерскихъ—206 эскадроновъ — 35.618 чел. и 33.723 лош. въ мирное время и 42.702 чел. и 40.807 лош. въ военное.

Вся жандармерія была распущена 1 апрѣля 1788 г. и отъ всѣхъ войскъ maison du roi остались только 4 роты gardes du corps. Названіе жандармовъ перешло на корпусъ, носившій прежде названіе maréchaussée. 12 сентября 1791 г. уничтожены, въ жертву духу времени, и gardes du corps — эти послѣдніе остатки привиллегированныхъ войскъ — и во французской кавалеріи остались только 62 полка — 206 эскадроновъ, которые королевство и передало республикѣ и имперіи. Что касается организаціи войскъ, то указомъ отъ 17 марта 1788 г. было постановлено, что каждые 2 однородные полка должны были образовать бригаду, которыхъ и составилось: 13 легко-кавалерійскихъ (включая карабинерную), 9 драгунскихъ, 3 гусарскихъ и 6 конно-егерскихъ. Въ военное время гусары и егеря, согласно роду ихъ службы, должны были дѣйствовать отдѣльными полками. Высшей, нежели бригады, единицей, были дивизіи, которыя были введены въ 1776 г. графомъ С. Жерменъ, какъ территоріальное дѣленіе (въ числѣ 16), затѣмъ упразднены, а 17 марта 1788 г. вновь возстановлены, но уже въ качествѣ войсковыхъ единицъ съ тою цѣлью, чтобы „мирное время служило для войскъ постоянной школой дисциплины и образованія, а для генераловъ — искусства командованія“.

Дивизіи должны были „быть распредѣлены по различнымъ пунктамъ государства и состоять изъ войскъ обоихъ родовъ оружія или только одного, смотря по мѣстнымъ условіямъ и сообразно съ военными и административными требованіями“.

Всего была 21 дивизія различной силы и состава. Составъ колебался отъ 1 — 4 пѣхотныхъ и 1 — 3 кавалерійскихъ бригадъ.

4 дивизіи состояли только изъ пѣхоты и одна (7-я или 2-я лотарингская) только изъ кавалеріи, а именно изъ 2 драгунскихъ и 1 конно-егерской бригады. Въ проэктѣ устава отъ 18 августа 1788 г. было предписано дѣленіе на пѣхотныя и кавалерійскія дивизіи; ими должны были командовать генералы соотвѣтственныхъ родовъ оружія.

Въ томъ же 1788 г., когда происходила такая радикальная ломка старыхъ порядковъ, уничтожены званія: генералъ-полковниковъ легкой кавалеріи, драгунъ и гусаръ, генералъ-фельдмейстера легкой кавалеріи и драгунъ и генералъ-коммиссара легкой кавалеріи; полковые командиры кавалеріи получили званіе полковниковъ вмѣсто бывшаго mestre de camp.

Въ вооруженіи кавалеріи не было произведено существенныхъ перемѣнъ. Зато въ обмундированіи было сдѣлано 25 марта 1776 г. упрощеніе: покрой одежды и форма его были установлены одинаковые для легкой кавалеріи и драгунъ, основные цвѣта мундира и плаща и головные уборы были оставлены старые, введены были бѣлые жилеты и штаны, а относительно отличій было положено, чтобы каждые 3 полка имѣли одинаковые отвороты и обшлага, но различнаго цвѣта воротники и пуговицы.

Гусары, одежда которыхъ въ общемъ мало измѣнялась, имѣли въ каждомъ полку мундиры особаго цвѣта въ слѣдующемъ порядкѣ: голубые, коричневые, серебристо-сѣрые и зеленые. Въ 1799 году 29 января были введены нѣкоторыя измѣненія въ покроѣ и формѣ, но основные цвѣта остались тѣже.

Шево-леже получили, соотвѣтственно кавалеріи, голубые мундиры, конно-егеря подобно драгунамъ зеленые, а также — первые шлемы, вторые маленькія каски съ гребнемъ. Вновь сформированные гусарскіе полки получили: одинъ красные ментики, голубые доломаны и рейтузы съ желтыми шнурами, другой (основ. въ 1783 г.) бѣлые ментики, небесно-голубаго цвѣта доломаны и рейтузы. 1 октября 1786 г. вышелъ новый уставъ касательно конскаго убора и значковъ. Конница того времени была вообще плохо ремонтирована; на различіе лошадей для тяжелой и легкой конницы обращалось мало вниманія; кромѣ того она была всегда въ не комплектѣ и въ рѣдкомъ полку было болѣе 450 человѣкъ, такъ что она мало была подготовлена къ великимъ подвигамъ.

XI. Конница Карла Смѣлаго Бургундскаго.

Карлъ Смѣлый для сформированія конницы воспользовался перешедшимъ къ нему отъ отца многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, который онъ поставилъ совершенно на военную ногу.

Различныя его отдѣленія составляли въ военное время небольшіе конные отряды, коихъ предводители имѣли опредѣленныя обязанности въ арміи. Такимъ образомъ подъ значкомъ оберъ-камергера шли 40 рыцарей, а онъ самъ, во главѣ ихъ, несъ въ бою главное знамя вассаловъ. Форшнейдеръ (Escuyer tranchant) несъ личное знамя герцога (pennon), оберъ-мундшенкъ (Echanson) имѣлъ въ своемъ отрядѣ 50 юнкеровъ, оберъ-шталмейстеръ

[1]) Berneck, Brand, Hoyer, Meynert. — Guillaume. Histoire de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne. Mémoire en reponse à la question suivante (de l'Academie): „Faire l'histoire de l'organisation militaire en Belgique, depuis Philipp le Hardi jusqu'à l'avénement de Charles Quint, en temps de guerre comme en temps de paix.— v. Rodt. Die Feldzüge Karl's des Kühnen von Burgund und seiner Erben. 2 Bde Schaffhausen 1843 und 1844.

(Escuyer de l'Escuyerie) въ сопровожденіи 50 конныхъ дворянъ несъ большой бургундскій штандартъ — главное войсковое знамя.

Кромѣ конныхъ дворянъ этихъ 4 отрядовъ къ придворному штату принадлежали еще тѣлохранители, которыхъ при Филиппѣ Добромъ было только 200 конныхъ дворянъ, и отдѣленіе лучниковъ, при Карлѣ же Смѣломъ число ихъ было увеличено до 6 отрядовъ, силой въ 1.400 коней слишкомъ.

Это были:

1) Англійская гвардія, 480 лучниковъ, раздѣленные на 12 взводовъ (esquades), изъ которыхъ каждый, по очереди, выставлялъ по 10 человѣкъ (par dixains) на внутреннюю службу во дворцѣ.

2) Лейбъ-лучники (archers du corps) — 80 человѣкъ.

3) 400 лучниковъ въ 4-хъ эскадронахъ.

4) Подкрѣпленіе гвардіи (renfort de la garde) — 160 чел.

5) 62 лейбъ-лучника (archers du corps), составлявшіе пѣшую свиту герцога, но въ походѣ они сидѣли на хорошихъ клепперахъ (courteaux) и такимъ образомъ были вродѣ позднѣйшихъ драгунъ.

6) Дворянская гвардія (Garde d'Escuyers ou gentillhommes) изъ 126 всадниковъ и стольkихъ же стрѣлковъ въ 4 взводахъ, подъ общимъ начальствомъ своего капитана.

Всего 1.434 человѣка и лошади.

Организація прочей конницы, какъ и всего войска, была основа на ленной системѣ: всякій владѣлецъ лена обязанъ былъ, по призыву своего леннаго господина, являться лично въ полномъ снаряженіи и вооруженіи на конѣ, сопровождаемый нѣсколькими болѣе легко снаряженными всадниками — что составляло полное копье (lance fournie). Въ Нидерландахъ оно состояло изъ 9 человѣкъ — оруженосцевъ, слугъ и лучниковъ, которыхъ приводилъ всадникъ (homme d'armes) подъ знамя своего леннаго господина.

Извѣстное время, смотря по роду войны, ленная милиція должна была служить на свой счетъ, но затѣмъ, а равно въ случаѣ перехода за границу, она получала нѣкоторое содержаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ было разрѣшено отказаться отъ личной военной службы; получаемыя деньги шли на наемъ солдатъ.

Ленная система давала возможность выставлять очень многочисленныя войска, такъ напр. Карлъ Смѣлый собралъ въ 1471 г. при Арассѣ около 80.000 чел., въ томъ числѣ изъ Нидерландовъ 4.000 копій (по 10 чел. верхомъ и пѣшкомъ); изъ Бургундіи 1.200, изъ Люксенбурга 160 копій. Но всѣ прочія ея невыгоды отзывались тѣмъ болѣе тяжело на Бургундіи, что во Франціи, ея исконнемъ врагѣ, были произведены значительныя перемѣны въ войскѣ, особенно въ кавалеріи, гдѣ были введены ордоннансовыя роты, доставлявшія французской конницѣ рѣшительный перевѣсъ.

Карлъ рѣшилъ ввести ихъ и въ своемъ войскѣ. Въ 1471 г., съ согласія штатовъ, онъ организуетъ постоянный корпусъ изъ 5 ордоннан-

совыхъ ротъ въ 800 копій по 3 коня, всего 2.400 всадниковъ, которые, на жалованьи, были предназначены для занятія крайнихъ пограничныхъ пунктовъ.

Уже въ слѣдующемъ 1472 году корпусъ усиливается до 1.200 копій въ 12 ротахъ по 100 копій изъ 8 человѣкъ каждое — homme d'armes 1 оруженосецъ (coustillier), 2 конныхъ лучника, 2 стрѣлка (coulevriniers) и 2 пѣшихъ пикинера, къ которымъ скоро были добавлены 1 пажъ и 1 арбалетчикъ (cranequinier или arbalestrier), такъ что копье состояло изъ 6 всадниковъ и 4 пѣшихъ.

Къ концу того же года числительность ордоннансовыхъ частей простиралась до 1.200 hommes d'armes, 3.000 лучниковъ и 800 конныхъ арбалетчиковъ; пѣшихъ же: 600 стрѣлковъ, 1.000 лучниковъ и 2.000 пикинеровъ; всего 8.400 чел., считая же вооруженныхъ слугъ (оруженосцевъ и пажей) — 10.800 чел. постояннаго войска. Въ 1473 г. полное копье было установлено въ 6 коней — 1 homme d'armes, 1 оруженосецъ, 1 пажъ, 2 лучника и 1 арбалетчикъ, кромѣ того неопредѣленное количество пикинеровъ, но зато стрѣлки были уничтожены.

Въ 1474 г. число ордоннансовыхъ ротъ было доведено до 22. Сила роты осталась въ 100 копій по 6 коней (въ томъ числѣ 3 лучника), всего 13.200 коней; въ ордоннансовой пѣхотѣ пикинеры замѣнены въ каждомъ копьѣ 3 лучниками и 3 стрѣлками, которые въ полѣ выдѣлялись въ особые отряды по 400 человѣкъ, дѣлившіеся па 4 отдѣленія въ 100 человѣкъ каждое, подъ командой центуріоновъ и затѣмъ на мелкія части по 30 человѣкъ подъ командой тридесятниковъ (Trenteniers).

Ордоннансовая пѣхота была силой въ 6.600 чел.; прибавивъ къ нимъ конницу и 1.434 гвардейскіе всадника, составлялось 20.000 чел. постояннаго войска. Конные лучники должны были дѣйствовать и пѣшкомъ и сидѣли на лошадяхъ только на переходахъ; такимъ образомъ въ каждомъ копьѣ было соединено 3 рода оружія — конница, пѣхота и конная пѣхота.

Во время приготовленій ко 2-му походу въ Швейцарію въ маѣ 1476 г., Карлъ Смѣлый спѣшилъ своихъ конныхъ лучниковъ и приказалъ имъ — или отослать лошадей обратно въ Бургундію, или продать ихъ, такъ какъ „они должны были отнынѣ нести службу пѣшкомъ, потому что съ одной стороны было очень трудно достать необходимый фуражъ въ гористой странѣ, а съ другой — стрѣлокъ могъ лучше дѣйствовать изъ своего лука пѣшкомъ, чѣмъ верхомъ".

При дальнѣйшихъ приготовленіяхъ, послѣ битвы при Муртенѣ, Карлъ Смѣлый назначилъ изъ числа 2.000 копій, которыя онъ хотѣлъ вывести въ поле (800 изъ Лотарингіи, 1.000 оставшихся изъ 1.600 бывшихъ въ вышеупомянутомъ сраженіи, и 200 вновь призванныхъ), 1.000 — исключительно для пѣшаго боя. Каждое копье изъ 9 человѣкъ — 3 лучника, 3 съ длинными копьями и 3 стрѣлка или арбалетчика. Остальныя 1.000 копій съ

3.000 лучниковъ должны были оставаться верхомъ и всѣ числиться въ гвардіи; придворныя войска составляли тогда 400 копій.

Ордоннансовыя роты дѣлились сначала на десятки (dixains), подъ командой десятника (dixenier), позднѣе на 4 взвода, подъ командой взводнаго, который распредѣлялъ своихъ людей на 4 камеры, (chambres), изъ 5 копій и начальника; изъ числа взводныхъ выбирался одинъ поручикъ.

Всѣ эти должностныя лица, а равно и знаменщикъ (каждая рота имѣла знамя) входили въ число копій роты.

Вооруженіе и снаряженіе ордоннансовой конницы по указамъ 1472 и 1473 гг. было слѣдующее: жандармы носили полное предохранительное вооруженіе и имѣли копье, длинный прямой мечъ (estoc) и легкій ножъ (couteau), прикрѣплявшійся къ лѣвой сторонѣ сѣдла, большей частью еще и молотокъ,—на правой сторонѣ сѣдла. Лошади, которыя должны были съ наскоку ломать копья, были также совершенно защищены (bardé) и только въ крайнемъ случаѣ имѣли закрытіе только на головѣ (chanfrain). Оруженосцы имѣли кольчуги, жестяные шлемы съ нашейниками, набедренники, наручники и жестяныя перчатки; оружіе ихъ состояло изъ дротиковъ для метанія и удара (javelots), мечей и обоюдоострыхъ кинжаловъ. Лошади оруженосцевъ стоили 20, пажей 30 — талеровъ. Конные лучники и арбалетчики имѣли кольчуги (безъ рукавовъ), поверхъ которыхъ носился стеганный кафтанъ, шлемъ, стальные рукава, полусапоги со шпорами, длинные обоюдоострые мечи, кинжалы и метательное оружіе. Лошади лучниковъ могли быть хуже и стоили дешевле (6 фр.), чѣмъ лошади арбалетчиковъ (10 фр.), такъ какъ первыя служили только перевозочнымъ средствомъ, а вторыя — для боя. Каждый жандармъ долженъ былъ имѣть, кромѣ верховой еще и вьючную лошадь.

И послѣ сформированія ордоннансовыхъ ротъ, Карлъ Смѣлый продолжалъ нанимать иноземныя части для усиленія своего войска. Онѣ состояли преимущественно изъ англичанъ и итальянцевъ, иногда же изъ нѣмцевъ, люттихцевъ и въ началѣ даже швейцарцевъ.

Англійскіе наемники находились въ бургундскомъ войскѣ уже въ сраженіи при Монлери въ 1465 г. въ числѣ одного отдѣленія; впослѣдствіи число ихъ было значительно увеличено вербовкой и доведено къ 1474 году до 6.000 конныхъ и пѣшихъ. Они состояли преимущественно изъ лучниковъ, такъ въ отрядѣ, присланномъ въ этомъ году въ Бургундію Эдуардомъ IV, было болѣе 1.000 конныхъ лучниковъ и всего 13 копейщиковъ. Это было обыкновенное отношеніе въ англійскихъ войскахъ.

Итальянцы, напротивъ того, поставляли преимущественно тяжелую конницу, ихъ пикинеры сидѣли большею частью на закованныхъ въ латы коняхъ и отличались своей воинственностью, вооруженіемъ и снаряженіемъ. Особенно выдавались банды графа Кампобассо и Галеотти, которыхъ замѣтилъ Карлъ Смѣлый въ битвѣ при Монлери и тотчасъ принялъ на свою службу. Затѣмъ прибавились еще другіе отряды, такъ что къ 1474 г.

ихъ было всего 8.900 чел. конницы и 3.000 пѣхоты. Большая часть итальянскихъ копій была въ 6 коней, таковы были напр. банды Траило и Леньяно, каждая изъ 150 копій и 200 пѣхотинцевъ, а первая еще и изъ 100 конныхъ стрѣлковъ; но были копья и въ 4 коня, напр. неаполитанскій отрядъ Монфора изъ 250 копій и 600 пѣхотинцевъ. Банда Кампобассо состояла въ 1475 г. изъ 237 копейщиковъ, 132 конныхъ арбалетчиковъ, 164 пѣшихъ слугъ, 27 нѣмецкихъ стрѣлковъ и штаба изъ 15 человѣкъ, слѣдовательно всего 576 человѣкъ.

Изъ остальныхъ вышеназванныхъ національностей, поставлявшихъ наемниковъ, нѣмцы, а главнымъ образомъ швейцарцы выставляли только пѣшія части; фламандцы дали въ 1474 г. отрядъ изъ 1.200 всадниковъ и 600 пѣхотинцевъ, нидерландцы — 700 всадниковъ и 300 пѣхотинцевъ; люттихцы — присланные за извѣстную плату своимъ епископомъ, — 800 всадниковъ и 700 пѣхотинцевъ. Въ тоже время курфюрстъ пфальцскій и долголѣтняя, вѣрная союзница Карла, герцогиня Савойская Іоланта, дали свои войска въ наймы Бургундіи.

Наконецъ, въ дополненіе ко всѣмъ перечисленнымъ войскамъ могли быть призваны дворянское ленное ополченіе, городскія и земскія милиціи.

Такъ какъ войска Карла Смѣлаго пользовались въ то время особенной извѣстностью, то будетъ не безъинтересно очертить въ нѣсколькихъ словахъ ихъ образъ дѣйствій, о которомъ можно судить по уставамъ 1472 и 1473 гг., а отчасти по описаніямъ военныхъ дѣйствій.

Бой вела тяжелая, вооруженная копьями конница, которая строилась сомкнутой шеренгой — en haye; во второй линіи слѣдовали пажи, въ третьей — оруженосцы, которыми иногда пользовались какъ легкой конницей. Иногда строили колонну „en escadre“ въ видѣ клина, имѣя 7 коней въ передней шеренгѣ, впереди которой ставился одинъ изъ храбрѣйшихъ вождей; при Нанси — самъ Карлъ Смѣлый; въ такомъ случаѣ пажи и оруженосцы пристраивались къ четырехугольнику, составлявшему основаніе клина.

Образъ дѣйствій жандармовъ заключался въ ударѣ въ копья; затѣмъ переходили къ мечу или молоту. Люди ордоннансовыхъ ротъ получали самое заботливое обученіе еще въ мирное время, упражнялись въ атакахъ сомкнутымъ строемъ, въ разсыпаніи и сборѣ, въ полномъ вооруженіи или только въ кирасахъ. При осадахъ, штурмахъ и другихъ случаяхъ жандармы должны были дѣйствовать пѣшкомъ.

Конные лучники сражались пѣшкомъ и лошадьми пользовались только при походныхъ движеніяхъ. Послѣ спѣшиванія — чему также старательно обучали въ мирное время — лошади каждаго копья передавались пажу и привязывались къ особо устроенному на его сѣдлѣ крюку. Пажъ долженъ былъ смотрѣть за лошадьми и вести ихъ за спѣшенными людьми. Спѣшенные лучники двигались тонкимъ строемъ въ одной, много двухъ шеренгахъ и шли впередъ неразрываясь и стрѣляя; съ фронта они были при-

крыты слѣдовавшими впереди ихъ пѣшими пикинерами, съ фланговъ конницей или тяжелой пѣхотой.

Англійскіе лучники охраняли себя съ фронта заостренными кольями, которые каждые два человѣка вбивали передъ собой крестообразно въ землю.

Конные арбалетчики сражались верхомъ.

Тяжелая пѣхота (Fanteria) строилась сначала не въ глубокомъ боевомъ порядкѣ, а въ 3 — 4 шеренги въ видѣ пустого внутри четыреугольника или круга.

Въ нормальномъ боевомъ порядкѣ пѣхота располагалась въ центрѣ, по ея сторонамъ лучники, на флангахъ жандармы со своими слугами.

При достаточной силѣ строились въ нѣсколько линій, вначалѣ въ три. Орудія ставились или впереди пѣхоты, или въ сторонѣ на подходящей позиціи, по батарейно. По уставу 1476 г. все войско должно было быть раздѣлено на 8 линій (batailles): первыя 7 составлялись изъ придворныхъ частей, гвардіи и ордоннансовыхъ ротъ; восьмая изъ бургундскихъ и савойскихъ ополченій.

Первыя были построены вышеописаннымъ образомъ: собственно конница — на флангахъ, тяжелая пѣхота — въ центрѣ, между ними спѣшенные лучники. Во второй линіи, состоявшей исключительно изъ придворныхъ войскъ и гвардіи, находился въ центрѣ отрядъ придворныхъ чиновъ съ герцогскимъ знаменемъ, вправо и влѣво отъ него два отряда лучниковъ, еще ближе къ флангамъ пѣхота, на крайнихъ флангахъ лучники и копья — на лѣвомъ дворянской гвардіи, на правомъ 4-хъ придворныхъ отрядовъ. Передъ фронтомъ кирасиръ этихъ послѣднихъ выносилось передъ началомъ сраженія знамя въ рукахъ Обершталмейстера или его лейтенанта, подъ прикрытіемъ придворнаго эскадрона. Знамя охранялось и сопровождалось придворными войсками.

Особый отрядъ, предназначенный для авангарда, не входилъ въ составъ линій, онъ состоялъ изъ двухъ англійскихъ *сотенъ*, 200 полукопій, 500 пѣхотинцевъ и извѣстнаго числа копій изъ ордоннансовыхъ ротъ.

Послѣ сраженія при Муртенѣ Карлъ Смѣлый совершенно отдѣлилъ конницу отъ пѣхоты и собралъ всю послѣднюю, изъ 1.000 копій или 10.000 человѣкъ пикинеровъ, назначенныхъ для пѣшей службы кирасиръ и лучниковъ, въ одну массу, по швейцарскому образцу.

Она составила при Нанси центръ боевого порядка и была расположена, въ видѣ продолговатаго, глубокаго, тѣсносомкнутаго четырехугольника, за частымъ заборомъ и ручьемъ; по обѣимъ ея сторонамъ и нѣсколько позади стояла конница; влѣво пѣхота, на небольшомъ холмѣ 30 орудій.

Въ уставахъ отъ 13 апрѣля 1473 г. и 10 мая 1476 г. находятся подробныя указанія на счетъ пѣхоты и артиллеріи, мостовъ и обозовъ, порядка походныхъ движеній и расположенія лагеремъ, дисциплины, снабженія и военнаго бюджета.

XII. Испанская конница до конца XVI ст. [1]).

Еще въ древнія времена при кареагенянахъ, а потомъ и при римлянахъ, конница въ Испаніи пользовалась большимъ почетомъ. По завоеваніи страны готами, она развилась еще больше, такъ какъ у нихъ конница была главнымъ родомъ оружія. Сначала, подобно тому какъ у древнихъ германцевъ, она подраздѣлялась на роды и семейства, а впослѣдствіи, по римскому образцу, на десятки (decanias) и сотни (centurias). Одежда готовъ сначала была также германская, а затѣмъ все болѣе и болѣе измѣнялась въ римскую; она состояла изъ стеганныхъ кафтановъ изъ хлопчатой бумаги или фильца (zabas), чешуйчатыхъ панцырей (lorigas), шлемовъ, кромѣ того они имѣли щиты, мечи, копья (lancas), дротики (pilos), стрѣлы (saetas) иногда съ отравленными остріями (escorpios), дротики съ закаленнымъ концомъ безъ желѣзнаго наконечника (contos), кинжалы (dolones) и ножи (escramas). Въ общемъ конница носила болѣе полное предохранительное вооруженіе чѣмъ пѣхота; самыя богатыя и знатныя лица были закованы въ желѣзо съ ногъ до головы, а равно и лошади ихъ.

Въ началѣ среднихъ вѣковъ организація войска основывалась на всеобщей воинской повинности, которой подлежали всѣ испанцы въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ. Богатыя и знатныя лица (hidalgos) должны были являться верхомъ (caballeros, ginetes). Владѣльцы помѣстій (merinos), судьи или алькады округовъ и мѣстечекъ были обязаны имѣть лошадь и оружіе изъ „дерева и желѣза“ (armes de fuste y fiero). Кромѣ нихъ конницу составляли еще (уже позже) рыцарскіе ордена и королевскія придворныя войска.

Составленная изъ hidalgo отдѣльныхъ городовъ, деревень и мѣстечекъ конная часть образовала для каждаго мѣста или округа, независимо отъ ея силы, особую единицу, называвшуюся mesnada (собственно стадо) или cavalcada подъ начальствомъ своего вождя (mesnadero, capdiello), при которомъ состояли лейтенантъ (adalid), извѣстное число десятниковъ (decenarios), знаменщикъ (porta pendon) и посыльный (anubdator) для передачи приказаній, преимущественно-же для увѣдомленія о созывѣ ополченія. По прибытіи всѣхъ отдѣльныхъ контигентовъ на сборный пунктъ, они сводились въ роты (companas), силой въ 100—150 коней, дѣлившіяся на десятки (cuadrillos, decenas). Это раздѣленіе было впрочемъ введено уже позже, въ 1407 г.; начальники ротъ назывались маіорами, десятковъ —

[1]) Berneck, Brandt, Carrion Nisas, Hoyer, La Barre Duparcq, La Roche, Meynert.— Brix. Geschichte der Organisation der Infanterie und Cavallerie der Königlich Spanischen Armee von den frühesten Zeiten bis zum Jahre 1855. Aus dem Spanischen Berlin 1861. — Clonard, Conde de Historia organica de las armas de infanteria y caballeria espanolas des de la creation del ejercito permanente hasta el dia Madrid 1851 etc.

десятниками (cuadrilleros, decenarios). Каждая „mesnada“ имѣла свое знамя, (pendon), а если она была сильнѣе 100 коней, то еще и штандартъ (pendon-posadero), кромѣ того еще трубы и литавры.

Лица, выставлявшія извѣстное число воиновъ на свой счетъ, могли составить изъ нихъ особый отрядъ подъ своимъ личнымъ начальствомъ, со своими значками и трубами; эти лица носили названіе „богатыхъ людей со знаменемъ и литаврами“ (rico homes de pendon y caldera); они составили съ теченіемъ времени особую конную территоріальную милицію и привиллегированный классъ въ обществѣ.

Другой подобнаго же рода классъ образовался изъ семействъ, не вступившихъ въ бракъ съ арабами и, въ качествѣ христіанъ чистой крови, пользовавшихся особымъ почетомъ. Такимъ образомъ и въ Испаніи еще въ началѣ среднихъ вѣковъ конница сдѣлалась родомъ оружія богатыхъ и знатныхъ людей, всадникъ обратился въ рыцаря.

Этому всего болѣе способствовали рыцарскіе ордена, которые представляя собой извѣстную военную силу, по ихъ количеству и могуществу составляютъ совершенно своеобразное учрежденіе Испаніи.

Первый изъ нихъ былъ орденъ Дуба, основанный въ 722 г. въ Наваррѣ. Затѣмъ, по старшинству (на сколько можно точно установить), слѣдовали: орденъ Бѣлой лиліи (или de la Jarra, Наварра 1050 г.), Тампліеровъ (Іерусалимъ 1118 г.), С. Сальвадора (Монреаль въ Аррагоніи 1118 г.), Калатрава (Кастилія 1158 г.), Крыла Св. Михаила (Португалія 1171 г.), Сантьяго (Велецъ въ Кастиліи 1175 г.), Алькантара (сначала—С. Жуана грушеваго дерева, Леонъ 1177 г.), Ависъ (Евора въ Португаліи 1180 г.), Монте Гаудіо (затѣмъ Монфанъ или Монгоіа, Валентина 1180 г.), Іисуса Христа и С. Доминго (1200 г.), Богородицы розоваго вѣнка (Толедо 1209 г.), Св. Маріи милосердія и выкупа плѣнныхъ (Аррагонія 1218 г.), Голубя (Кастилія 1290 г.), Монтеза (позже Св. Георгія и затѣмъ Альфама въ Аррагоніи 1311 г.), Орденъ Христа (Португалія 1320 г.), Шарфа (Кастилія 1320 г.), Чешуи (Кастилія 1420 г.), Золотого руна (Брюгге въ Бургундіи 1430 г.). Эти ордена, изъ которыхъ многіе существовали впрочемъ очень недолго, сильно способствовали развитію военнаго искусства. Такъ какъ они имѣли постоянную организацію и непрестанно занимались военными упражненіями, то и составили ядро, вокругъ котораго группировались прочія воинскія части, собиравшіяся только временно и потому очень нуждавшіяся въ такомъ кадрѣ.

Королевскія придворныя войска (militia regalis palatii), какъ они называются въ одной грамотѣ Альфонса VI отъ XI ст., состояли подъ командой королевскаго оруженосца (Armiger Regis), котораго должность, наравнѣ съ маіордомской, считалась одной изъ высшихъ. Armiger Regis несъ въ бою оружіе короля. По словамъ Альвара Гомеца-де-Кастро со временъ готовъ и до Генриха IV (1454 — 1474 гг.) состояло постоянно

2.000 джинетовъ, подъ именемъ гвардейскаго отряда или когорты, при Генрихѣ-же, они были распущены по неразумію или вѣрнѣе по хитрости грандовъ.

Большая часть испанской конницы состояла изъ тяжеловооруженныхъ всадниковъ; о конныхъ арбалетчикахъ упоминается еще въ XIII ст. и даже раньше. Давно также существовала сформированная по маврскому образцу легкая конница, подъ именемъ альмогаваровъ, которая состояла изъ людей обученныхъ и хорошо подготовленныхъ къ войнѣ, и употреблялась преимущественно для развѣдывательной и сторожевой службы, для нечаянныхъ нападеній, вообще для операцій малой войны; она дѣлилась на роты (companas), начальники которыхъ назывались альмокаденами.

Оружіе было въ первые годы среднихъ вѣковъ почти тоже, что и прежде: копья, пращи, мечи, луки со стрѣлами, топоры, палицы и косы; носили панцыри или стеганные камзолы, шлемы съ проволочными сѣтками и щиты. Съ XI ст. панцыри (brunia, certenia, alsebergo, или asberch), стеганные кафтаны (velmez, gambax, perpunte) и шлемы (capellina, capiello, cervellera, позже yelmo) стали чрезвычайно разновидны; начали употреблять перчатки (lua, luva, wuantos или chirotecas), сапоги (calcias, brafoneras) со шпорами (efpolas, sporas, sporones) и принесенные крестоносцами изъ Азіи кинжалы (taragula, misericordia и пр.), длинную шпагу и ножъ.

Сѣдла (barda, cocera, rosa, blanca, lidona, morcerel, mauricea) были кожаныя; поводья—изъ колецъ, мунштукъ — со стальнымъ удиломъ; лошадь была покрыта желѣзомъ отъ шеи до хвоста, а голова защищена особыми желѣзными пластинками на шарнирахъ (testera, testinia). Съ XII ст. введены нѣкоторыя измѣненія въ вооруженіи и прибавлены нѣкоторыя части, какъ напр., тассеты (cujas, cufas, quijotes), наножники (canilleras, grevas) и наплечники (fojas, espatelleres), украшенные шлемы и гербовыя мантіи (cota de armas). Въ XIV ст. было еще дополнено оружіе и предохранительное вооруженіе, по англійскимъ и французскимъ образцамъ, и тогда полное вооруженіе (comleja armes съ 1255 г., а позднѣе armadure de punta en blanco) было такое какъ и повсюду въ другихъ странахъ.

Въ постановленіи Кацереса отъ 1229 г. каждый всадникъ долженъ былъ имѣть щитъ, копье, мечъ и шпоры. (Всадникъ, приведшій боевого коня съ панцыремъ и бубенчиками, освобождался отъ 9 — 12 податей). Цѣна лошади колебалась между 30 — 1.200 мараведи.

Въ 1338 — 1348 гг. король Альфонсъ XI приказалъ, чтобы всѣ обязанные службой всадники являлись съ плащемъ, шлемомъ, панцыремъ и нашейникомъ, а „хорошіе люди, имѣвшіе значки“ выставляли бы 10 человѣкъ и въ томъ числѣ одного всадника съ лошадью, оба въ полномъ вооруженіи.

Въ 1390 г. вооруженіе, въ которомъ обязаны были являться, было поставлено въ зависимость отъ средствъ каждаго: имѣвшій 20.000 мара-

веди и болѣе долженъ былъ быть въ полномъ вооруженіи; затѣмъ — менѣе (20.000) до 2.000 мараведи постепенно разрѣшалось не имѣть той или другой части; при 2.000 — 6.000 мараведи — арбалетъ и 36 стрѣлъ, при меньшемъ состояніи — копье и дротикъ.

При Фердинандѣ Католическомъ (1474 — 1516 гг.) было обращено большое вниманіе на конницу и вообще на войско. При этомъ слѣдуетъ прежде всего упомянуть о святой германдадѣ. Она произошла изъ составлявшихся уже гораздо раньше, въ разныхъ мѣстахъ Испаніи, добровольныхъ братствъ или союзовъ (hermandades) для защиты противъ разбойниковъ и бандитовъ. Фердинандъ и Изабелла воспользовались этими учрежденіями и соединили ихъ всѣхъ, придавъ имъ военно-политическую организацію, въ одно цѣлое, которое, обращенное прежде всего противъ сильныхъ вассаловъ, выражало идею постояннаго войска.

Учрежденіе германдады относится, въ этомъ смыслѣ, съ согласія братствъ къ 1476 г. Каждые 100 гражданъ должны были внести сумму въ 18.000 мараведи на снаряженіе, вооруженіе и содержаніе одного всадника. Число послѣднихъ было установлено въ 2.000, которые должны были быть постоянно готовы. Имъ назначили капитановъ изъ храбрыхъ и опытныхъ воиновъ и главнокомандующаго ими генералъ-капитана, при которомъ, въ качествѣ судебнаго учрежденія, состояла юнта изъ знатныхъ лицъ.

Чтобы возвысить значеніе этого учрежденія, оно было поставлено подъ покровительство религіи и названо святой германдадой. Оно дѣлилось, согласно закону, на роты изъ 10 копій и 1 стрѣлка (espingardero) каждая. Всѣ солдаты германдады носили бѣлую одежду съ краснымъ крестомъ на груди, а поверхъ одѣвалась шпага. Первоначально назначенная для дѣйствія противъ внутреннихъ враговъ, германдада позднѣе принимала участіе и въ войнахъ, поставляя многочисленныя войска и давая большія деньги.

Въ 1488 г. ея организація получила значительное развитіе въ военномъ смыслѣ и одновременно войска ея были обращены исключительно въ пѣхоту.

Большое значеніе для испанской кавалеріи имѣло учрежденіе 2 мая 1493 г. старой гвардіи Кастиліи изъ 25 капитаній или ротъ въ 100 человѣкъ, при 3 офицерахъ, штандартѣ и трубачѣ каждая. Штабъ состоялъ изъ 5 лицъ, всего 2.630 человѣкъ.

$^{4}/_{5}$ каждой роты были тяжелые всадники или жандармы (hombres de armas), $^{1}/_{5}$ — легкіе или джинеты. Каждый жандармъ имѣлъ двухъ лошадей; на одной онъ ѣздилъ самъ, на другой, — запасной, (dobladura) — пажъ. Они носили полное предохранительное вооруженіе, копье, палицу, длинную шпагу и щитъ. Легкіе всадники имѣли латы, набедренники, панцыри, шлемы безъ забрала, шпаги, кинжалы и арбалеты. Лошади должны были быть цѣнностью не менѣе 8.000 мараведи, закованы въ броню, быть съ хорошимъ мундштукомъ съ цѣпкой, недоуздкомъ, поводьями и сѣдломъ съ

подпругами и двойными стремянами. Черезъ нѣсколько времени число джинетовъ было значительно увеличено; они были отдѣлены отъ жандармовъ и составили самостоятельныя капитаніи различной силы. Въ началѣ XVI ст. старая гвардія Кастиліи имѣла слѣдующій составъ:

Жандармы: (линейная кавалерія) — 6 старыхъ и одна новая капитанія по 47 — 93 копій, всего 548 копій и, кромѣ того, 450 копій въ Арагоніи, Каталоніи и Валенціи.

Джинеты (легкая конница): 13 старыхъ и 10 новыхъ капитаній въ 20 — 97 копій, всего 1.283 копья и, кромѣ того, 550 копій въ Арагоніи, Каталоніи и Валенціи. Слѣдовательно всего 2.831 копье.

Также и въ прочей конницѣ, еще до завоеванія Гренады (1492 г.) жандармы и джинеты составляли тяжелую и легкую конницы, причемъ въ вооруженіи ихъ были введены важныя измѣненія въ смыслѣ облегченія и уменьшенія предохранительнаго вооруженія. Жандармы носили еще полное предохранительное вооруженіе, но не такое тяжелое какъ прежде, съ лошадей же оно было совершенно снято.

Джинеты же носили только кольчуги (alpartaz) съ проволочными сѣтками на головѣ (almofar), наплечники (brafaneros), наколѣнники (guardos de rodillo) и буйволовые коллеты (jaco de ante).

Жандармы имѣли тяжелое копье, палицу, длинную шпагу и мечъ съ чашкой; джинеты — легкое копье и шпагу съ чашкой.

Въ 1495 г. было рѣшено, что всѣ подданные, сообразно положенію и состоянію, должны были обзавестись соотвѣтственнымъ оружіемъ, а вслѣдъ затѣмъ была сдѣлана всеобщая перепись и установлено, что на 12 человѣкъ населенія, способныхъ носить оружіе, одинъ долженъ былъ быть призванъ на службу, что дало кавалеріи около 2.000 коней.

Въ 1496 г. было издано нѣсколько общихъ постановленій, остававшихся въ силѣ до 1503 г., когда, 13 сентября, всѣ старыя узаконенія были собраны въ одно цѣлое и составили сводъ въ 62 параграфа, касающихся жалованья, веденія книгъ, расквартированія, комплектованія, увольненія отъ службы, отпусковъ, инспектированія и довольствія лошадей.

Объ обмундированіи рѣчи не было.

Вооруженныя силы страны настолько увеличились къ тому времени, что при вторженіи въ томъ же году французовъ въ Руссильонъ было выставлено 2.000 жандармовъ и 4.500 гинетовъ только изъ Галиціи, Астуріи, Бискайи и Мурціи.

Въ 1502 г. испанская легкая конница была усилена 150 бургундскими конными лучниками, которые прибыли съ Филиппомъ Красивымъ, супругомъ инфанты Іоанны. 22 мая они были приняты на жалованье и назначены для непосредственной службы при особахъ королевской фамиліи. Ихъ вооруженіе состояло изъ кольчуги съ наручниками и желѣзными перчатками, наножниковъ, желѣзныхъ башмаковъ, бургундскаго шлема съ забра-

ломъ и длиннымъ перомъ. Сверху они надѣвали бѣлый кафтанъ съ краснымъ бургундскимъ крестомъ на груди и на спинѣ. Оружіе состояло изъ луковъ со стрѣлами и мечей для дѣйствія двумя руками. Лошади были богато убраны, съ перомъ на головѣ, поводья обиты желѣзомъ, сѣдло вышито и украшено бахрамой; на крупѣ и бокахъ стальной панцырь.

Другой легкой кавалеріей были страдіоты, которые прибыли изъ Италіи въ 1507 г., въ составѣ одной роты легкихъ всадниковъ въ свитѣ короля Фердинанда V.

Организованные по образцу корпуса легкихъ войскъ, который имѣли Венеціанцы въ Мореѣ и Албаніи, страдіоты носили шлемы и кольчугу, сверху широкій кафтанъ (ojaco) и имѣли пики, шпаги, молоты и деревянный щитъ.

8 января 1508 г. кавалерія была сокращена въ числѣ до 800 тяжелыхъ и 800 легкихъ всадниковъ и вскорѣ затѣмъ она подверглась еще измѣненіямъ, изъ которыхъ самое важное было въ маѣ 1509 г., а именно: окончательное введеніе конныхъ стрѣлковъ (escopeteros).

Вооруженіе этихъ всадниковъ состояло изъ длинныхъ ружей (escopetas) и мечей для дѣйствія обѣими руками, а предохранительное изъ латъ, ручныхъ и ножныхъ кирасъ и шлемовъ съ сѣтками на затылкѣ и шеѣ; у лошади была покрыта голова, шея, грудь, бока и крупъ отъ сѣдла до хвоста.

Въ войскѣ, которое кардиналъ Цисперосъ набралъ въ 1509 году въ Толедо для дѣйствія противъ Орана, каждый кавалерійскій корпусъ состоялъ изъ 3-хъ родовъ конницы: стрѣлковъ, жандармовъ и джинетовъ. Но такъ какъ опытъ не оправдалъ подобнаго соединенія, то въ 1512 году опять вернулись къ раздѣленію конницы только на тяжелую и легкую.

Тяжелая (линейная) тогда состояла изъ 26 ротъ по 104 чел., легкая же — изъ 17 ротъ или куадретовъ страдіотовъ по 114 человѣкъ.

При каждой ротѣ было отдѣленіе стрѣлковъ, прочіе же люди имѣли пики со значками, шпаги, кинжалы и молотъ и носили шлемъ, легкіе наручники, набедренники и кафтаны одного цвѣта. Лошади имѣли среднія сѣдла и суголовье, какъ носили и раньше. Штабъ былъ усиленъ 6 лицами.

При Карлѣ V (1516—1555 гг.) въ кавалеріи были произведены многія измѣненія.

Въ 1516 г. были назначены генералъ-полковники въ каждую изъ 3-хъ дивизій, расположенныхъ во Фландріи, Ломбардіи и Неаполѣ, всего же было конныхъ войскъ:

38 ротъ жандармовъ или ордоннансовыхъ бандъ (изъ нихъ 20 во Фландріи, 10 въ Ломбардіи и 8 въ Неаполѣ), 20 ротъ легкой конницы (10 во Фландріи, 10 въ Ломбардіи) и 8 ротъ страдіотовъ въ Неаполѣ.

Всего 1.900 коней.

Составъ-же постоянной конницы, расположенной въ Испаніи, согласно указу отъ 1525 г., былъ въ мирное время слѣдующій: 18 ротъ жандар-

мовъ — 1.020 чел.; 17 ротъ джинетовъ — 640 чел. и 1 рота испанской гвардіи — 50 чел., а по росписанію 1538 года: 22 роты жандармовъ по 37 копій, 100 копій при дворѣ и еще 47 копій жандармовъ и 14 ротъ джинетовъ различной силы (1 въ 100 чел., 1 въ 65, 3 въ 45, 9 по 40).

Нормальная сила линейной роты была 37 всадниковъ, легкой въ 45 и въ каждой по 2 трубача и по 2 кузнеца. Кромѣ того, въ составъ конницы входили части, поставляемыя различными лицами; напр. въ 1535 г. было выставлено грандами, титулованными лицами и дворянами 250 жандармовъ и 1.520 гинетовъ; въ 1542 г. они же выставили 1.450 копій, а прелаты 410.

Наконецъ, во время войны нанимались еще иностранныя войска, число которыхъ въ легкой конницѣ было довольно значительно.

Такъ, напримѣръ, въ 1536 году въ войскѣ дѣйствовавшемъ противъ Франціи при 2-хъ испанскихъ ротахъ изъ 460 копій была одна пьемонтская въ 100 копій и еще 30 копій; въ легкой же кавалеріи на 1.930 коней испанцевъ было 180 флорентинцевъ, 420 савойцевъ, 100 венеціанцевъ, 2.060 нѣмцевъ и 50 миланцевъ.

Въ 1537 г. при дивизіяхъ департаментовъ введены генералъ-коммисары, маіоръ-сержанты, генералъ-лейтенанты и генералъ-адъютанты.

Въ то же царствованіе герцогъ Альба, будучи намѣстникомъ испанскихъ владѣній въ Италіи, сформировалъ тамъ въ 1554 г. нѣсколько ротъ конныхъ аркебузировъ, вооруженныхъ мечами и фитильнымъ оружіемъ. Они дѣйствовали въ разсыпномъ строю, стрѣляли при атакѣ и отступленіи, а при ударѣ на конницу бросали, привязанную на ремнѣ, аркебузу и атаковали съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ.

Главную силу конницы составляли попрежнему жандармы и джинеты и при вступленіи на престолъ Филиппа II (1555—1598 гг.) было 17 ротъ жандармовъ и 11 ротъ джинетовъ. Сила роты въ 1560 г. была установлена въ 50 коней.

Однако, этотъ составъ конницы былъ очень слабъ и не соотвѣтствовалъ дѣйствительной потребности, такъ какъ военный совѣтъ въ своемъ докладѣ говоритъ, что для обороны государства необходимо имѣть 3.500 жандармовъ и 6.400 джинетовъ, а именно для внутренней службы 500 жандармовъ и 1.400 джинетовъ, а для внѣшнихъ операцій 3.000 жандармовъ и 5.000 джинетовъ (въ томъ числѣ 1.000 стрѣлковъ и аркебузировъ).

Изъ того же доклада усматривается существованіе особаго корпуса береговыхъ стражниковъ Гренады, который долженъ былъ препятствовать высадкамъ варварскихъ мавровъ. Этотъ корпусъ, содержавшійся на счетъ особаго налога съ жителей, подверженной нападеніямъ территоріи, получилъ въ 1567 г. полную организацію, по которой сила его конницы установлена въ 235 копій.

Въ указѣ 1560 г. упоминается въ 1-й разъ объ особомъ видѣ легкой конницы подъ именемъ herreruelos (отъ ихъ плаща herreruelo) замѣнив-

шей страдіотовъ. Они носили латы, ручныя и ножныя кирасы и были вооружены шпагами и пистолетами, отчего ихъ также называли пистольерами (pistoletes). Лошади ихъ не имѣли никакой брони, какъ впрочемъ уже давно и у жандармовъ. Въ бою они обыкновенно выстраивали линію впереди жандармовъ, затѣмъ шли въ атаку, имѣя пистолетъ въ правой рукѣ, а шпага висѣла на большомъ пальцѣ лѣвой. Давъ выстрѣлъ, они брались за шпагу и бросались въ рукопашную. Къ ихъ особымъ обязанностямъ относилась сторожевая служба ночью, которая неслась днемъ легкой кавалеріей, имѣвшей поэтому также пистолетъ, носившійся въ лѣвой кобурѣ.

Легкая кавалерія также дѣйствовала въ разсыпномъ строю, жандармы же всегда атаковали эскадрономъ. Какъ кажется herreruelos были подражаніемъ столь страшнымъ въ то время нѣмецкимъ рейтарамъ, но что это не были они сами, это видно изъ того, что о „raitres alemanes" упоминается рядомъ съ herreruelos'ами.

Въ 1579 г. въ Испаніи также вводятся конные аркебузиры, при чемъ въ каждую роту ихъ было назначено по 12, вмѣсто прежнихъ отдѣленій стрѣлковъ, и такимъ образомъ сила ротъ возросла до 60 человѣкъ. Аркебузиры носили короткій плащъ съ рукавами (hungarina) изъ желтаго сукна съ бургундскимъ крестомъ, бургундскій шлемъ и вмѣсто набедренниковъ кожаные сапоги со шпорами.

Жандармы получили такой же плащъ (brandenburgo) темно-фіолетоваго сукна съ краснымъ крестомъ на груди и на спинѣ; носился плащъ поверхъ кирасъ. Когда herreruelos послѣ безрезультатной перестрѣлки открывали фронтъ, аркебузиры должны были дѣйствовать огнемъ на флангахъ жандармовъ, а при атакѣ этихъ охватывать фланги противниковъ. Кромѣ того они несли сторожевую и развѣдывательную службу. Такимъ образомъ въ это время испанская конница была 4-хъ родовъ: жандармы, легкая конница, аркебузиры и herreruelos. Всего 9.260 коней въ 4-хъ дивизіяхъ департаментовъ.

Кромѣ этихъ регулярныхъ войскъ выставлялись еще, какъ и прежде, въ случаѣ необходимости, копья грандовъ, знатныхъ лицъ и прелатовъ, командоровъ, рыцарскихъ орденовъ и такъ называемыхъ помѣстныхъ рыцарей Мурціи и Андалузіи. Подъ названіемъ послѣднихъ въ этихъ двухъ провинціяхъ понимались такіе владѣльцы, которые имѣли состоянія болѣе 4.000 дукатовъ. Эти лица должны были, главнымъ образомъ, охранять побережную полосу отъ нападеній мавровъ (подобно побережнымъ войскамъ Гренады) и служить лично конны и оружны. Число ихъ доходило до 5.000 — 6.000 чел., но послѣ возстанія морисковъ (1569 г.) число ихъ такъ сократилось, что до 1571 г. ихъ болѣе не собирали.

Первыя двѣ категоріи, изъ которыхъ особенно много войскъ поставляли въ прежніе времена рыцарскіе ордена, тоже не могли выставлять

много копій потому что многія лица перешли на придворную службу. Прочіе дворяне и богатѣйшіе классы городскаго и сельскаго населенія, обязанные, по старымъ постановленіямъ, нести конную службу, были такъ ослаблены численно и матеріально долгой борьбой съ маврами, что отъ нихъ нельзя было многаго ожидать.

Кромѣ національной конницы у Филиппа II были еще различныя наемныя нѣмецкія конныя роты, предводительствуемыя въ 1555 г. однимъ въ 1568 г. — 12-ю, въ 1574 г. — 2-мя, и въ 1596 г. — 3-мя капитанами.

Одно офиціальное объявленіе отъ 6 сентября 1591 г. даетъ понятіе объ организаціи, составѣ и стоимости содержанія испанскихъ войскъ въ концѣ XVI ст. Согласно этому объявленію въ испанскихъ войскахъ было: 2.100 всадниковъ, 15.000 чел. пѣхоты и 12 орудій. Конница состояла изъ кастильской гвардіи, контингента поставленнаго знатными лицами и конныхъ аркебузировъ.

Кастильская гвардія состояла изъ штаба въ 10 чел. (въ томъ числѣ одинъ Генералъ-Инспекторъ съ лейтенантомъ и 2 инспекторами) *15 ротъ жандармовъ*, въ составѣ каждая: 1 капитана, 1 прапорщика, 1 казначея, 60 жандармовъ, 2 трубачей, 2 кузнецовъ; и *4 ротъ легкой конницы*—по 1 капитану, 1 прапорщику, 1 казначею и 50 всадниковъ.

Поставленная знатными лицами конница состояла изъ 8 ротъ.

Въ ротѣ были: 1 капитанъ, 1 лейтенантъ и 100 копій. При всѣхъ 800 копьяхъ состояло 18 трубачей и 18 кузнецовъ.

Аркебузиры составляли 2 роты и въ каждой: 1 капитанъ, 1 лейтенантъ, 4 капрала и 96 солдатъ (включая трубачей и кузнецовъ).

XIII. Савойско-Пьемонтско-Сардинская кавалерія до конца Наполеонскихъ войнъ [1]).

Въ земляхъ, составившихъ впослѣдствіи Пьемонтское Королевство, какъ и вообще въ большей части Италіи, кавалерія состояла по преимуществу изъ дворянскихъ ленныхъ ополченій, основанныхъ сначала на ломбардскихъ, а съ Императора Фридриха I на римскихъ законахъ. Вассалы раздѣлялись на маркизовъ, графовъ, бароновъ (которые получали право на свой титулъ и знамя, если имѣли 24 вассала изъ дворянъ), баннергеровъ (ими можно было быть по рожденію, или по назначенію князя, выставляя не менѣе 12 вооруженныхъ людей), баккалавровъ (bacheliers), штальмейстеровъ (écuyers), которые, будучи дворянами, не могли имѣть знамени, хотя

[1]) Berneck. Brandt, Carrion Nisas, Hoyer, La Barre Duparcq, La Roche, Meynert. — Pinelli. Piemonts Militair-Geschichte vom Frieden von Aachen bis auf unsere Tage. Aus dem Italienischen von A. Riese. 4 Bände. Leipzig 1856 und 1857. — Saluces, A. de Histoire militaire du Piemont. 5 tomes. Turin. 1818.

бы и выставляли требуемое число людей и даже имѣли въ своемъ подчиненіи баннергеровъ. Во главѣ Пьемонтской конницы стоялъ особый вождь, носившій титулъ начальника (Condottiere) дворянства, о которомъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1618 г. Особенность савойской ленной конницы была савойская хоругвь (или эскадронъ), составлявшая важнѣйшую часть арміи. Относительно подробностей ея организаціи ничего достовѣрнаго неизвѣстно; несомнѣнно только, что она состояла изъ дворянъ съ ихъ свитой, но въ нее не входило все дворянство, такъ какъ многіе владѣльцы имѣли право поднимать свое знамя по ту и другую сторону Альпъ.

Она имѣла своего вождя, своего генералъ-коммисара, носителя бѣлаго корнета (военное знамя Савойи), извѣстное количество капитановъ и лейтенантовъ и численность ея доходила, во времена ея высшаго развитія, до 1.600 дворянъ съ 7.000 и болѣе человѣкъ свиты, которые однако не всегда всѣ были въ рядахъ. Съ разрушеніемъ ленной системы, хоругвь также стала приходить въ упадокъ, но пережила, хотя и номинально, ленную систему, подвергаясь измѣненіямъ одновременно съ остальной конницей.

Въ началѣ XVII ст. сила ея доходила только до 600 человѣкъ; при Викторѣ Амедеѣ II, она была собрана въ послѣдній разъ въ составѣ 12 ротъ по 30 maîtres, но имъ же была окончательно распущена въ 1692 г.

Ленная кавалерія состояла изъ дворянъ, закованныхъ въ латы и съ пиками (barbute); лошади тоже были покрыты броней. Свита была легче вооружена, имѣла луки или арбалеты, а въ савойскомъ эскадронѣ еще и кинжалы, состояла изъ не дворянъ (satellites) и была предназначена для коннаго и пѣшаго боя.

Въ общемъ это учрежденіе было подобно ленной кавалеріи другихъ странъ, но итальянскіе рыцари не имѣли ни столько лошадей, ни столько стрѣлковъ, какъ напр. французскіе. Обыкновенно въ копьѣ было не менѣе 4 человѣкъ свиты, но было до 8 и 12 слугъ. Они составляли легкую конницу, которая сначала не имѣла ни опредѣленной организаціи, ни опредѣленныхъ офицеровъ. Только позже, когда появились албанцы или страдіоты, стали, по ихъ образцу, отдѣлять satellit'овъ отъ тяжеловооруженныхъ и дали имъ отдѣльныхъ начальниковъ, но и то только въ тактическомъ отношеніи, во всемъ же остальномъ осталась та же феодальная связь между господами и ихъ слугами. Вскорѣ затѣмъ появились, какъ и вездѣ, аргулеты, карабены и шево-леже, ихъ соединяли въ роты и пробовали придать имъ прочную организацію; тогда слугъ опять присоединили къ рыцарямъ.

Кромѣ дворянской ленной кавалеріи въ Италіи, еще раньше чѣмъ во Франціи, коммуны стали поставлять свою конную милицію, но за ленной конницей осталось первенствующее мѣсто.

Съ начала XIII до конца XV ст. и даже XVI ст. итальянская, военная сила оставалась въ рукахъ кондоттьери. Ихъ войска, первоначально

состоявшія почти исключительно изъ иностранцевъ (по образцу коихъ образовались и итальянскія національныя роты) были почти исключительно конными. Они набирались изъ гражданъ и поселянъ, а въ большинствѣ изъ бродягъ.

Кондоттьери потому предпочитали конницу, что, не имѣя помѣстій, они не могли получить высокаго положенія содержаніемъ небольшаго количества пѣхоты, много же они имѣть не могли по недостатку средствъ. Что же касается конницы, то обладаніе ею и въ маломъ количествѣ доставляло добычу и почетъ.

Организація и вооруженіе итальянскихъ конныхъ ротъ были тѣ же, что и французскихъ, но немного слабѣе и стоили онѣ значительно дешевле, такъ какъ рота въ 100 копій обходилась въ годъ только 10.000 зол. тал.

Во время полнаго развитія эпохи кондоттьери часто служили и дворяне, не присоединяясь къ ротамъ, а дѣйствовали самостоятельно, или имѣли свои части. Такой дворянинъ со своими слугами составлялъ копье — lancia, но въ отличіе отъ копій кондоттьери назывался lancia spezzata. Этотъ обычай службы рыцарей добровольцами сохранялся очень долго и именемъ lanzie spezzate называлась еще въ XVIII ст. дворянская гвардія папы.

Атаковала-ли итальянская конница, подобно французской въ концѣ XV ст., этого достовѣрно сказать нельзя. О ея дѣйствіяхъ въ сраженіи при Форново (1495 г.) Коминъ говоритъ; „ils venoient le petit pas, bien serrés, tant qu'a merveilles il les faisoit beau voir“ [1]).

Въ теченіи XVI ст., вслѣдствіе продолжительныхъ войнъ, совершенно раззорившихъ страну, и даже лишившихъ ее, на много лѣтъ, самостоятельности, ленная система, а съ ней и большинство прежнихъ военныхъ учрежденій, приходили все въ большій упадокъ. Поэтому, какъ только самостоятельность страны была возстановлена, и Эмануилъ Филиберъ вступилъ на престолъ (1559—1580 г.), онъ тотчасъ приступилъ къ реорганизаціи арміи и сформировалъ настоящую линейную конницу. При его вступленіи въ Пьемонтъ было:

13 ротъ шево-леже, изъ 6 савойскихъ и 7 пьемонтскихъ, которыя однако были скоро распущены и замѣнены 2 отрядами жандармовъ и однимъ аркебузировъ, по 200 чел. каждый, въ большинствѣ, иностранцы. Одновременно была реорганизована maison du roi герцога савойскаго, причемъ гвардейская рота (которой онъ былъ шефомъ) была распущена и придворныя войска были сокращены до 54 челов., конныхъ стрѣлковъ (съ 24 аркебузирами и 12 аллебардистами). Кромѣ того королевскіе жандармы остались обязанными конной службой, и даже было предположено дальнѣйшее развитіе ихъ повинности.

[1]) Они шли маленькимъ шагомъ очень сомкнуто, такъ что хорошо было на нихъ смотрѣть.

*

При Карлѣ Эмануилѣ I (1580—1630 г.), оно выразилось въ томъ, что съ 1625 г. маркизы должны были выставить по $1^1/_2$, графы по 1, дворяне $^1/_2$ или $^1/_4$ cellade. Подъ этимъ названіемъ подразумѣвались всадники (вѣроятно отъ слова шлемъ — cellata), въ отличіе отъ прежнихъ названій копейщиковъ, лучниковъ и арбалетчиковъ.

Въ остальномъ, при этомъ князѣ, уничтоженіе ленной системы стало вездѣ государственнымъ принципомъ. Какъ низшій классъ ленной конницы появились аргулеты, опять распущенные въ 1594 г. Взамѣнъ ихъ были введены указами отъ 11 декабря 1594 г. и 20 февраля 1595 г. роты карабеновъ, или конныхъ аркебузировъ и шево-леже, частью изъ иностранныхъ наемниковъ, частью набранные савойскими и пьемонтскими лицами на основаніи особыхъ соглашеній съ правительствомъ. Всѣ эти части существовали только въ военное время.

Въ 1589 г. Карлъ Эмануилъ нанялъ для экспедиціи въ Провансъ 30 ротъ шево-леже по 45 — 60 чел. въ ротѣ и столько же иностранной кавалеріи сопровождало его при вступленіе въ Э.

При томъ же случаѣ упоминается еще о гвардейской ротѣ изъ 60 дворянъ, несшей службу при особѣ герцога, распущенной въ 1607 г. и замѣненной савойской дворянской ротой гвардейскихъ лучниковъ.

Короткое царствованіе Виктора Амедея I (1630—1637 г.) ознаменовано сформированіемъ первой національной и постоянной конницы въ составѣ 1 полка изъ 10 ротъ по 50 чел. изъ существовавшей тогда полицейской конной стражи. Въ періодъ несовершеннолѣтія Карла Эмануила II (1637—1675 г.) военная сила страны пришла въ упадокъ, вслѣдствіе гражданскихъ войнъ между его матерью — регентшей и двумя дядями, полкъ былъ распущенъ и вмѣсто него 19 декабря 1660 г. былъ сформированъ кирасирскій полкъ изъ существовавшихъ тогда со временъ Эмануила Филибера жандармскихъ ротъ, называвшихся въ то время кирасирскими. Этотъ полкъ тоже распущенъ въ 1668 г.

Въ 1671 г. былъ сформированъ, на французскія деньги, для службы въ Нидерландахъ, пьемонтскій конный полкъ изъ 10 ротъ по 50 чел., а въ 1672 г. другой — изъ 20 ротъ, силой въ 1.000 человѣкъ, но этотъ послѣдній просуществовалъ только одинъ годъ.

При этомъ же герцогѣ ленная система почти окончательно перестала существовать, такъ какъ почти всѣ вассалы откупались отъ личной службы или податью des cavolcades, или правомъ des cellades, или d'acquéroge.

При Викторѣ Амедеѣ II (1675 — 1730, съ 1713 г. король) была сформирована еще во время его малолѣтства, 18 января 1677 г., 1 рота кирасиръ, въ качествѣ гвардіи регентши, а полкъ, сформированный въ 1671 г. для французской службы, окончательно предоставленъ Франціи, гдѣ онъ и оставался до революціи, подъ именемъ Piemont cavalerie. Такимъ образомъ, кромѣ названныхъ кирасиръ, осталось только maison du Prince,

которая, послѣ многихъ перемѣнъ, сохранила въ своемъ составѣ только одну роту gardes du corps и нѣсколько карабеновъ. 28 декабря 1682 г. эта рота была усилена одной, 4 августа 1685 г. еще двумя ротами; въ 1710 г. (26 декабря) оставлено всего 2 роты, въ 1714 г. опять прибавлена одна,— такъ что всего стало 3 роты gardes du corps.

По послѣдней организаціи рота состояла изъ 3 офицеровъ, 15 унтеръ-офицеровъ, 41 рядовыхъ и 2 трубачей; штабъ состоялъ изъ двухъ офицеровъ.

Съ распущеніемъ савойскаго эскадрона (хоругви) 8 апрѣля 1682 г., ленная конница была совершенно уничтожена, а на суммы, шедшія на эскадронъ, сформированы 4 роты жандармовъ по 50 человѣкъ.

Въ 1683 г. были сформированы 3 драгунскихъ и 1 конный полкъ по 6 ротъ по 50 чел., въ 1684 г. эти полки были усилены до 8 ротнаго состава, а въ 1685 г. всѣ полки были расформированы, кромѣ одного драгунскаго.

Въ 1689 г. и 1690 г. было опять прибавлено по 1 драгунскому полку, такъ что ихъ вновь стало 3,—въ 1691 г., они обращены въ 9-ротный, а въ 1703 г. въ 10-ротный составъ, по 70 чел. въ ротѣ.

Жандармы, послѣ непродолжительнаго существованія, были захвачены въ 1692 г. при нечаянномъ нападеніи у Савилльяно французами и включены въ ихъ армію. Вскорѣ они однако вышли изъ нея и въ томъ же году послужили ядромъ для сформированія 2-хъ тяжелыхъ кавалерійскихъ полковъ по 450 чел. Одинъ изъ этихъ полковъ былъ распущенъ въ 1699 г. а въ 1701 г. вторично сформированъ въ составѣ 8 ротъ по 60 коней.

21 октября 1703 г. была сдѣлана попытка сформировать еще два милиціонныхъ полка изъ 5 ротъ по 100 чел., но попытка эта не удалась.

За то въ 1726 г. были сформированы въ Сардиніи 3 роты легкихъ драгунъ, вскорѣ обращенныя въ 2 эскадрона.

Такимъ образомъ къ концу этого долгаго царствованія пьемонтская конница состояла изъ:

3 драгунскихъ, 2 конныхъ полковъ, 3 ротъ gardes du corps и 2 сардинскихъ эскадрона легкихъ драгунъ или шево-леже.

Всего около 3.500 чел.

Въ это же царствованіе были введены „отборные люди“ — у драгунъ конные гренадеры, въ конницѣ — карабинеры, сначала въ числѣ $^{1}/_{10}$, потомъ — $^{1}/_{6}$ кавалеріи.

Карлъ Эмануилъ III (1730—1773 г.) далъ дальнѣйшее развитіе учрежденіямъ своего отца.

Какъ первую, отборную, часть онъ сформировалъ въ 1734 г. гусарскую роту, которая въ 1736 г. была распущена и послужила кадромъ къ формированію 4 драгунскаго полка.

Въ 1741 г. всѣ кавалерійскіе полки приведены въ составъ 5 эскадроновъ по 130 коней, но уже въ 1742 г. драгунскіе были усилены на счетъ тяжелыхъ.

Тяжелые полки носили съ 1739 г. буйволовые коллеты, которые у нихъ оставались, какъ и кирасы, до полной отмѣны предохранительнаго вооруженія.

Послѣ Аахенскаго мира былъ, повидимому, опять возстановленъ одинаковый составъ для всѣхъ 6 конныхъ полковъ — 450 чел. и 400 лошадей.

Кромѣ этихъ полковъ было еще 3 роты gardes du corps и 2 эскадрона драгунъ въ Сардиніи и сверхъ того упоминаются, такъ называемые драгуны-охотники, въ числѣ 100 чел., которые, хотя и не принадлежали собственно къ войскамъ, но въ военное время часто несли службу ординарцевъ или фельдъегерей. Сила всѣхъ этихъ частей доходила до 3.500 чел. и 3.000 коней.

При Викторѣ Амедеѣ III (1773 — 1796 г.) была введена новая организація арміи, по которой, въ 1774 г. кавалерія была раздѣлена на два крыла, въ крылѣ по 2 бригады изъ 2-хъ полковъ каждая [1]).

Для достиженія этого состава надо было вновь сформировать 1 конный и 1 драгунскій полкъ, что и было исполнено отдѣленіемъ отъ каждаго стараго полка 2-хъ ротъ и такимъ образомъ получилось:

8 полковъ по 4 эскадрона, по 2 роты изъ 48 коней каждая. Одна изъ ротъ была отборной.

Одинъ изъ драгунскихъ полковъ былъ при этомъ обращенъ въ шеволежс. Предполагавшееся сформированіе отряда въ 385 чел. шево-леже или драгунъ для придачи къ составленнымъ тогда легкимъ легіонамъ, не было приведено въ исполненіе.

Наступленіе французской революціи вызвало новыя формированія: въ 1792 г. было набрано 1.000 провіантскихъ драгунъ для перевозки продовольственныхъ запасовъ; въ 1794 г. прибавленъ 3-й сардинскій эскадронъ легкихъ драгунъ; въ 1795 г. увеличено число драгунъ охотниковъ и вся конница доведена до состава 80 коней въ эскадронѣ. По заключенію Туринскаго мира, было приступлено къ сокращенію, а именно были распущены 2 новыхъ полка и 2 эскадрона сардинскихъ драгунъ (переведенныхъ до того съ острова на материкъ), уничтожено дѣленіе на роты и отмѣнены отборныя части.

Такимъ образомъ, конница осталась въ слѣдующемъ составѣ: 6 полковъ (3 драгунскихъ, 1 шево-леже, 2 конныхъ) — по 4 эск., по 106 коней въ полку — 434 чел.

Сверхъ того, 3 роты gardes du corps и 2 эскадрона драгунъ въ Сардиніи.

При Карлѣ Эммануилѣ III (1796—1802 г.) и Викторѣ Эммануилѣ I (1802 — 1821 г.), власть которыхъ простиралась, съ 1798 — 1814 г., только на Сардинію, вся конница состояла изъ 1 роты gardes du corps и

[1]) Подобная схематическая организація введена въ 1786 г. въ пѣхотѣ. Она была раздѣлена, подобно древней греческо-македонской фалангѣ, на 2 линіи, 4 дивизіи, 8 крыльевъ, 16 бригадъ, 32 полка, 64 батальона, 128 центурій, 256 ротъ, 512 взводовъ по 12 рядовъ въ мирное и по 16 въ военное время.

2 эскадроновъ шево-леже, которые были силой въ 1799 г. въ 300 коней, въ 1807 г.—376 коней, а затѣмъ доведены до 560 и были переименованы въ сардинскій полкъ шево-леже. Кромѣ того, среди многочисленной милиціи были конныя части, имѣвшія въ своихъ рядахъ до 2.500 всадниковъ, незадолго до прибытія короля.

На материкѣ, при включеніи пьемонтскихъ войскъ во французско-италійскую армію 6 декабря 1798 г. изъ полковъ были составлены 4 пьемонтскихъ драгунскихъ полка, а 2 роты gardes du corps въ 160 чел. образовали отборныхъ карабинеровъ.

Во время неудачнаго для французовъ 1799 г. и занятія страны русскими и австрійцами зимой 1799—1800 г. всѣ пьемонтскія войска разошлись, но затѣмъ Меласъ, возстановивъ королевскія войска, набралъ одинъ конный полкъ. Когда французы, послѣ сраженія при Маренго, опять установили свою власть, Массена организовалъ 6 конныхъ жандармскихъ ротъ, а Сультъ установилъ кадры, изъ которыхъ по окончаніи войны, были сформированы 1 гусарскій и 1 драгунскій полкъ, включенные 26 августа 1801 г. во французскую армію подъ именемъ 17 конно-егерскаго (съ мая 1803 г. 26) и 21 драгунскаго полковъ. Эти полки, продолжая комплектоваться изъ той же провинціи, состояли во французской арміи до паденія Имперіи.

Кромѣ того, многіе пьемонтцы служили и въ другихъ полкахъ, главнымъ образомъ, въ карабинерахъ и кирасирахъ.

Въ 1813 г. былъ сформированъ въ Туринѣ весь 14 гусарскій французскій полкъ изъ добровольцевъ, а затѣмъ еще одинъ пьемонтскій эскадронъ итальянской почетной гвардіи; обѣ эти части принимали участіе въ походахъ въ Германію и Францію подъ знаменами Наполеона.

Въ 1814 г., послѣ возстановленія самостоятельности Пьемонта, король Викторъ Эмануилъ сформировалъ прежде всего роту gardes du corps, по присоединеніи же Генуи, въ ней была сформирована еще такая же рота. При реорганизаціи арміи на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ она существовала до мира 1796 г., кавалерія тоже была возстановлена въ составѣ 6 полковъ (2 конныхъ, 2 драгунскихъ, 2 шево-леже) по 6 эскадроновъ — 597 чел.

Кромѣ того прежде существовавшій 1 полкъ шево-леже въ Сардиніи—470 чел. и еще основанный въ 1814 г. карабинерный корпусъ въ 610 коней

XIV. Русская конница въ XVI и XVII столѣтіяхъ [1]).

Послѣ сверженія татарскаго ига, силы русскаго государства, соединеннаго въ однѣхъ рукахъ, стали безпрепятственно развиваться, уже съ середины XV ст. и принимать одинаковыя общественныя формы.

[1]) Гудимъ-Левковичъ.—Очеркъ историческаго развитія вооруженныхъ силъ Россіи до 1708 г. съ разборомъ кампаніи 1708 г. „Воен. Сборн." 1876 г. № 1—4. Hammerdörfer. Geschichte der Ukraineschen und Saporogischen Kasaken. Leipzig 1789.— Историч. акты

При Іоаннѣ III и особенно при Іоаннѣ Грозномъ русское военное искусство вылилось въ тѣ формы, въ которыхъ оно оставалось, съ небольшими измѣненіями, до реформъ Петра Великаго.

Характеристической чертой военнаго искусства того времени было повсемѣстное распространеніе огнестрѣльнаго оружія и возрожденіе пѣхоты, затѣмъ введеніе болѣе твердой и опредѣленной организаціи арміи; съ 1-й половины XVII ст. къ прежнимъ составнымъ частямъ арміи прибавляются новые элементы болѣе опредѣленной организаціи, частью въ видѣ найма иностранцевъ изъ Западной Европы, частью при помощи формированія новыхъ русскихъ частей по иностранному образцу.

Конница, которая, до реформъ Петра Великаго, составляла главную часть русскаго войска, включала въ себѣ два элемента — національный и чужой.

1. Русскія конныя части составлялись изъ высшихъ придворныхъ чиновъ, дворянъ и боярскихъ дѣтей и земскаго ополченія. Къ нимъ присоединились потомъ татары, конные стрѣлки и городовые казаки, различныя казачьи части и инородцы и наконецъ шляхта, возвращенныхъ отъ Польши древнихъ русскихъ городовъ.

а) *Высшіе придворные чины.* Съ увеличеніемъ пространства и могущества страны увеличилось также число придворныхъ должностей, кото-

---

собранные и изданные Археограф. Ком. Спб. 1841 и 1842 г.— Hupel. Von den Kosaken. Riga 1790. — Кошихинъ. Объ Россіи въ царствованіе Царя Алексѣя Михайловича. Спб. 1840.— Красновъ. Область войска Донскаго (въ матеріалахъ по географ. и статист. Россіи, собранныхъ офицерами Генерал. Штаба). Спб. 1863. — Лифляндскій походъ Царя Іоанна Васильевича Грознаго въ 1577 и 1578 г. „Воен. Жур.“ 1852 г. № 1—5; 1853 г. № 5, 6.— Mayerberg. Iter in Moschoviam.....a 1661.— Свѣдѣнія о первыхъ маневрахъ при Петрѣ I и особенно о Кожуховскомъ походѣ „Воен. Журн.“ 1830 г. № 1.— Собраніе указовъ. Въ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ 4 т. Москва 1813 — 1826.— Семевскій. Кожуховскій походъ въ 1694 г. „Воен. Сбор.“ 1860 г. № 1.— Дополненія къ истор. актамъ Археограф. Ком. 6 т. Спб. 1846 — 1857 г. Turgenev. Historica Russiae Monumenta ex antiquis externarum gentium archivis et bibliothecis deprompta 2 т. Спб. 1841 и 1842 гг. — Устряловъ. Русское войско до Петра Великаго. Спб. 1856. — Его-же. Лефоршъ и потѣшные Петра Великаго до 1689 г. „Воен. Журн.“ 1852 г. № 1.— Vsévolojskij. Dictionnaire géographique historique de l'Empire de Russie 3-me édit. 2 tomes St. Pét. et Leipzic 1833.

Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ русскаго государства Археографической Экспедиціи Академіи наукъ. 4 тома Спб. 1836. — Акты Археографической Комиссіи по Исторіи Западной Россіи 5 том. Спб. 1846. — Походы царей Михаила Θеодоровича. Алексѣя Михаиловича и Θеодора Алексѣевича. Москва 1844 г.— A. v. B. Die Kosaken in ihrer geschichtlichen Entwickelung und gegenwärtigen Zuständen. Berlin 1860.— Бѣляевъ. О рус. войскѣ въ царств. царя Мих. Θеод. и послѣ до реформъ Пет. Вел. Москва 1846. — Гербель. Изюмскій слободской Казачій полкъ (1651 — 1764) Спб. 1852 г. — Письма русскихъ государей и другихъ особъ царской фамиліи, издан. Археографичес. Комиссіи 1 т. Москва 1848. — Карамзинъ. Исторія государства Россійскаго въ переводѣ на нѣмецкій языкъ Разрядныя книги Спб. 1855 г.— О Черноморскомъ казачьемъ войскѣ. „Воен. Журн.“ 1843 г. № 2 — v. Engel. Gesch. der Ukraine und der Königreiche. Halitsch und Wladimir. Halle 1796. — Полное Собраніе законовъ Россійской Имперіи, изданіе 1649 — 1825 г. Спб. 1830 т. 1 — 4.

БОЯРИНЪ въ XVII СТОЛѢТІИ

ВОЕВОДА БОЛЬШОГО ПОЛКА.

рыхъ было 6, а потомъ 7 классовъ; изъ нихъ первые 3 — бояре, окольничьи и думные люди, занимали высшія гражданскія должности; вторые 2 класса — стольники и стряпчіе — были придворными чинами и послѣдніе два — дворяне и дѣти боярскіе — военными.

Въ серединѣ XVI ст. выдѣлились изъ двухъ послѣднихъ классовъ еще два новыхъ — московскіе дворяне и жильцы, которые слѣдовали непосредственно за стольниками и стряпчими и съ ними обыкновенно составляли въ войскѣ особый отрядъ, который потомъ получилъ названіе „московскіе чины". Такимъ образомъ получилось всего 9 классовъ, которые потомъ были увеличены до 12, раздѣленіемъ думныхъ людей на думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ и прибавленіемъ спальниковъ, слѣдовавшихъ за думными дьяками и дьяковъ, между московскими дворянами и жильцами.

Всѣ эти классы имѣли свои опредѣленныя права при дворѣ на военной и гражданской службѣ.

Первые три, а впослѣдствіи 5 высшихъ классовъ были въ военное время военачальниками или составляли совѣтъ при особѣ Государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ они и ихъ многочисленныя свиты образовали (какъ ленные владѣльцы западной Европы) великолѣпную иррегулярную конницу, занявшую по своему положенію и значенію первое мѣсто среди русскихъ конныхъ частей.

Одежда ихъ была изъ самыхъ дорогихъ матерій, вышита золотомъ и серебромъ, оторочена дорогими мѣхами и украшена жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Поверхъ нея, а иногда подъ ней носились военные доспѣхи, состоявшіе изъ очень искусно приготовленныхъ кольчугъ и чешуйчатыхъ латъ, отдѣланныхъ золотомъ, серебромъ и камнями. Броней было покрыто не только все тѣло съ головы до ногъ, но иногда даже надѣвалась кольчуга и на латы или наоборотъ; оружіе состояло изъ лука со стрѣлами, сабли, трехъ ножей въ однѣхъ ножнахъ, кинжала и особой гири, приспособленной къ рукояткѣ, для удара.

Иные всадники имѣли менѣе предохранительнаго вооруженія, но множество наступательнаго, какъ напр. лукъ, саблю, одно или два ружья и т. д.

Это оружіе тоже часто было очень роскошное, а колчаны и ножны были изъ лучшаго матеріала и богато разукрашены. Тоже можно сказать и о попонахъ (которыхъ было иногда по 3 — 4 одна на другой), сѣдлахъ и о всемъ конскомъ уборѣ. Сѣдла покрывались бархатомъ, сукномъ, шелкомъ и парчей и отдѣлывались золотой, серебряной и шерстяной бахромой и вышивкой, цѣпками и султанами изъ перьевъ и волосу.

Снаряженіе свиты было конечно проще и ограничивалось иногда стеганнымъ кафтаномъ, желѣзнымъ шлемомъ, копьемъ и дротикомъ.

Московскіе чины составляли первоначально самостоятельный отрядъ, подчиненный непосредственно Великому Князю или Царю и называвшійся „Государевъ полкъ". Это была отборная часть тѣлохранителей царя. Они выставляли при немъ въ походѣ караулы изъ головы, 1 или 2 стольни-

ковъ и 6—8 жильцовъ. Впослѣдствіи московскіе чины съ ихъ конной и вооруженной свитой, составляли въ качествѣ гвардіи, исключительно этотъ полкъ, раздѣленный на стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ.

Затѣмъ выбиралось еще 1.000 человѣкъ изъ государева полка и по 100 чел. съ полковъ воеводъ и изъ нихъ составляли особыя отборныя сотни.

Каждая сотня имѣла голову, офицеровъ, знаменщиковъ, трубачей и литаврщика.

Въ 1682 г. московскіе чины получили новую организацію, по которой они были раздѣлены на роты по 60 чел., подъ командой ротмистровъ и поручиковъ. Каждыя 6 ротъ составляли полкъ, подъ командой старшаго ротмистра. Кромѣ того были хорунжіе, обозные дозорщики, заемщики и сторожеставцы.

И въ мирное время часть московскихъ чиновъ, обыкновенно половина, несла службу по полугоду, непосредственно при особѣ Царя. Съ 1653 г. они дѣлились на 4 очереди, а съ 17 іюня 1683 г. на 5 очередей, служившихъ каждая по 3 мѣсяца.

Изъ московскихъ же чиновъ, сообразно ихъ положенію, назначались начальники болѣе или менѣе крупныхъ частей, напр. стольники, стряпчіе и московскіе дворяне получали стрѣлецкіе приказы и полки русскіе и „иноземнаго строя", сформированные по западно-европейскому образцу.

Эти же три класса получали мѣста въ гражданскомъ вѣдомствѣ въ судахъ и посольствахъ, а стольники и стряпчіе при дворѣ.

Жильцы не занимали чиновныхъ мѣстъ, а служили придворными войсками для охраны Царя и занимали разныя мѣста въ пѣшихъ и конныхъ войскахъ, а впослѣдствіи назначались офицерами въ регулярные полки. Общая численность московскихъ войскъ въ точности неизвѣстна.

Во второй половинѣ XVII ст. было около 500 стольниковъ, 800 стряпчихъ, неизвѣстное число московскихъ дворянъ и 2.000 офицеровъ; по росписанію полковъ въ концѣ царствованія Ѳеодора Алексѣевича московскихъ чиновъ было 6.097 чел., свиты ихъ 11.830 чел.

Вооруженіе, снаряженіе и одежда московскихъ чиновъ были тѣже, что и высшихъ придворныхъ, только менѣе дорогія, но все же достаточно богатыя и украшенныя. Для отличія отъ низшихъ дворянъ они носили на шлемахъ крылья. Въ позднѣйшее время всѣ московскіе чины и ихъ свиты должны были имѣть хорошія ружья и пистолеты, а лошади должны были быть пріучены къ выстрѣлу. Жильцы носили въ мирное время въ парадныхъ случаяхъ красные кафтаны изъ бархата или изъ розоваго муара на мѣху съ кушакомъ, шапки изъ золотой парчи, отороченныя мѣхомъ и перчатки съ вышитыми крагами.

Часто они ѣздили всѣ на лошадяхъ одной масти, напр. на бѣлыхъ.

Оружіе ихъ состояло изъ сабель и сѣкиръ или аллебардъ и иногда они имѣли золотыхъ драконовъ вмѣсто флаговъ. Дьяки и подъячіе, зани-

ЖИЛЬЦЫ.

Ж И Л Е Ц Ъ.

мавшіе обыкновенно высшія и низшія канцелярскія мѣста въ штабахъ, были впослѣдствіи привлечены къ составленію изъ нихъ ротъ. Въ извѣстномъ Кожуховскомъ походѣ Петра Великаго въ 1694 г. такихъ ротъ было 2 изъ дьяковъ, подъ начальствомъ 1 генерала и 1 поручика каждая и 11 конныхъ ротъ изъ подъячихъ по 70 — 80 чел. въ ротѣ при 1 ротмистрѣ и 1 поручикѣ. Вооруженіе и снаряженіе было тоже, что и у дворянъ и боярскихъ дѣтей. По указу 1646 г. они должны были имѣть и постоянно содержать въ исправности: луки, ружья, пики, пантронташи и пороховницы.

б) *Дворяне и боярскія дѣти* составляли до XVII ст. главную часть русскаго войска, но понемногу, вслѣдствіе частыхъ и продолжительныхъ войнъ и дробленія земскихъ владѣній на все болѣе мелкія части, многіе изъ нихъ оказались не въ состояніи нести службу, особенно конную и поэтому перешли или въ мелкія пѣхотныя части или въ регулярные полки иноземнаго строя.

Въ серединѣ XVII ст. оба класса распались на 3 категоріи каждый: выборные, дворовые и городовые; разница впрочемъ была только въ общественномъ, а не въ служебномъ положеніи.

Въ мирное время дворяне и боярскія дѣти жили разбросанными по всей странѣ въ городахъ, помѣстьяхъ, занимаясь своими дѣлами или состоя въ гражданской службѣ, безъ всякой военной организаціи, но всѣ помѣченные въ особыхъ спискахъ. Въ военное время они, вмѣстѣ съ татарами и казаками того-же города, образовали городовой полкъ, дѣлившійся на сотни по своимъ тремъ составнымъ элементамъ. Въ каждой части выдѣлялся особый отборный отрядъ.

Общее число дворянъ и боярскихъ дѣтей простиралось въ XVI ст. до 300.000 чел., но ко времени Ѳеодора Алексѣевича во всѣхъ 9 отрядахъ, на которые и раздѣлялась русская армія, способной къ полевой службѣ ихъ осталось всего 9.712 чел.

Вооруженіе состояло изъ панцырей разнаго рода, шлемовъ, луковъ, карабиновъ и другого огнестрѣльнаго оружія, пистолетовъ, сабель и копій. Особенное значеніе придавалось метательному оружію и уже въ 1643 г. было постановлено, что дворяне и боярскія дѣти должны имѣть, по крайней мѣрѣ, по два экземпляра таковыхъ, а люди ихъ свиты — по одному, будь то лукъ или ружье; по указу же 1680 г. всѣ люди свиты должны были имѣть длинныя, гладкія ружья и топоры. Вообще же все вооруженіе и снаряженіе было крайне разнообразно, завися отъ состоянія и средствъ лица; такъ что общеупотребительное выраженіе „конны, людны и оружны“ было строго опредѣлено только для каждаго отдѣльнаго лица. Богатые выѣзжали на отличныхъ коняхъ въ блестящемъ вооруженіи, съ отличнымъ оружіемъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты и съ большими запасами; бѣдные-же на маленькихъ лошадяхъ, безъ предохранительнаго вооруженія, только съ саблей и двумя пистолетами, съ однимъ чело-

вѣкомъ прислуги, вооруженные копьемъ и съ запасомъ, состоявшимъ изъ мѣшка сухарей.

в) *Татары* начали входить въ составъ русскаго войска со времени завоеванія Казани и Астрахани. Часть ихъ, жившая, подобно дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ, въ различныхъ городахъ и помѣстьяхъ, выставляла свои отдѣльныя сотни городового полка; другая-же кочевала въ степяхъ и выставляла только, по востребованію, совершенно иррегулярныя толпы.

г) *Городовые казаки* существовали еще во время монгольскаго ига: размѣщенные по разнымъ городамъ баскаки или сборщики податей имѣли для своего охраненія и для разсылокъ сотню вооруженныхъ всадниковъ, которые назывались казаками, „такъ какъ это были все бездомные люди, жившіе на получаемое ими содержаніе". По образцу ихъ, впослѣдствіи, почти въ каждомъ городѣ были заведены подобные казаки. Они служили частью въ городовомъ полку, вмѣстѣ съ дворянами и боярскими дѣтьми и назывались полковыми казаками, которые вначалѣ всѣ были конными, частью — въ выставляемыхъ стрѣльцами конныхъ и пѣшихъ частяхъ (городовые казаки въ тѣсномъ смыслѣ). Независимо этихъ двухъ родовъ казаковъ, были еще казачьи войска, о которыхъ будетъ сказано ниже.

д) *Стрѣльцы,* обыкновенно принимаемые за пѣшее войско, вначалѣ служили какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ. Они были, впервые, какъ кажется, учреждены Іоанномъ Грознымъ въ 1547 г. въ Новгородѣ. Они дѣлились на царскихъ, городовыхъ и земскихъ; впослѣдствіи,— на московскихъ и городовыхъ, изъ которыхъ первые считались старше и пользовались нѣкоторыми преимуществами. Стрѣльцы составляли постоянное войско, сохранявшее военную организацію и въ мирное время. Каждый городъ, смотря по величинѣ и значенію, имѣлъ извѣстное число ихъ: отъ 20 до 1.000. Небольшія части до 100 чел. включительно, поручались сотникамъ, свыше—головамъ, при соотвѣтствующемъ числѣ сотниковъ; были еще и большія тактическія единицы, называвшіяся вначалѣ приборами, а затѣмъ приказами и у московскихъ стрѣльцовъ съ 1682 г. — полками. Нормальная сила приказа была въ 500 чел., но были приказы и большей и меньшей численности; такъ у московскихъ стрѣльцовъ было вначалѣ XVII в. приказы въ 6, 7, 9, 10, 12 и 14 сотенъ. Приказомъ командовалъ голова, сотней—сотникъ; у московскихъ стрѣльцовъ, съ усиленіемъ приказовъ, были введены еще полуголовы или пятисотники, у нихъ-же съ 1680 г. были введены названія: полковникъ, полуполковникъ или подполковникъ и капитанъ. Унтеръ-офицеры назывались пятидесятниками или десятниками. Каждый приказъ или полкъ имѣлъ извѣстное число пушкарей, составлявшихъ прислугу при полковыхъ орудіяхъ. Большія части состояли почти исключительно изъ стрѣльцовъ, но въ нѣкоторыхъ городовыхъ приказахъ соединялись стрѣльцы съ казаками; въ маленькихъ городахъ городовые аказаки и стрѣльцы были въ такой тѣсной связи, что ни въ чемъ не отли-

чались другъ отъ друга. Стрѣлецкія части носили названіе тѣхъ мѣстностей, гдѣ онѣ были сформированы, не всегда соотвѣтствующія мѣстамъ ихъ стоянки, такъ отнюдь не всѣ московскіе стрѣльцы стояли постоянно въ Москвѣ. Приказы или полки именовались по фамиліямъ ихъ командировъ.

Что касается конныхъ стрѣльцовъ, то таковыхъ былъ сначалъ одинъ отборный московскій приказъ; называвшійся „стременнымъ", потому, что онъ состоялъ „при стремени", т. е. постоянно сопровождалъ царя и царицу для обереганія ихъ. Онъ былъ вначалѣ силой въ 2.000 чел., позднѣе, повидимому, уменьшенъ до 1.400. Въ числѣ городскихъ стрѣльцовъ упоминается всего 4 конныхъ приказа, именно 2 астраханскихъ (сначала по 5 сотенъ, съ 1672 г. по 3, а позже по 4), 1 тверской (въ 4 сотни), 1 — въ Михайловѣ (въ 3 сотни), о которомъ говорится только разъ въ XVII ст.; кромѣ того были конные стрѣльцы еще въ 10 городахъ.

Можно считать, что число конныхъ стрѣльцовъ доходило во 2-й половинѣ XVII ст., когда ихъ было больше всего, до 5.000 (на 45.000 пѣшихъ).

Въ снаряженіи стрѣльцовъ, какъ постояннаго войска, раньше всѣхъ введено извѣстное однообразіе. Всѣ московскіе стрѣльцы носили уже вначалѣ XVI столѣтія одинаковые кафтаны изъ краснаго сукна. Головной уборъ составляли вначалѣ шлемъ, затѣмъ мѣховыя шапки. Съ самаго основанія стрѣльцовъ они почти всѣ имѣли огнестрѣльное оружіе, затѣмъ сабли, топоры; конные кромѣ того, луки и стрѣлы. Патроны носились на бѣлой перевязи, вначалѣ въ деревянныхъ коробкахъ, потомъ въ мѣшкахъ.

е) *Конные даточные люди* носили вполнѣ характеръ ополченія. Они поэтому рѣдко дѣйствовали въ рядахъ арміи, а больше назначались для охраненія артиллеріи или обоза, для постройки укрѣпленій и лагерей и т. п.; позже они не составляли отдѣльныхъ частей, а ими пополнялись другія войсковыя части, преимущественно полки иноземнаго строя; часто замѣняли ихъ натуральную повинность денежной.

ж) *Различныя казачьи народности.* Изъ обѣихъ главныхъ казачьихъ вѣтвей, образовавшихся почти одновременно — малороссійской и донской, послѣдняя вошла гораздо раньше въ составъ Русскаго Государства и войска. Когда въ V и VI ст. южные и дунайскіе славяне, тѣснимые болгарами и валахами, потянулись на сѣверо-востокъ, то часть ихъ остановилась на Днѣпрѣ, часть дошла до Волхова и Ладожскаго озера. Первая послужила основаніемъ малороссійскимъ казакамъ, вторая — донскимъ она понемногу распространялась все болѣе и болѣе на югъ и, наконецъ, заняла всю степь между Чернымъ и Каспійскимъ морями, уже въ IX ст. названную греческимъ императоромъ Константиномъ Багрянороднымъ — Казакіей. Въ 1021 г. казаки (какъ ихъ называли татары), или половцы (какъ ихъ называли русскіе лѣтописцы за ихъ жизнь въ полѣ, и занятіе — ловцы) вошли въ соприкосновеніе

съ русскими, а затѣмъ въ 1064—1065 гг. были имъ подчинены. Съ нашествіемъ татаръ въ 1240 г. прекратилось существованіе половцевъ или первыхъ казаковъ и только въ XVI ст., по сверженіи татарскаго ига, опять зарождаются русскіе казаки, о которыхъ упоминается въ первый разъ въ 1549 г. подъ названіемъ „донскихъ"; въ 1554 г. они появляются въ рядахъ русскаго войска, въ которыхъ затѣмъ и остаются.

Организація, кажется, была строго демократическая: высшая власть находилась въ рукахъ войсковаго круга, въ которомъ участвовали всѣ способные носить оружіе. Онъ выбиралъ изъ своей среды войсковаго атамана, 2 войсковыхъ есаула (помощники или адъютанты атамана) и войсковаго дьяка, къ которымъ впослѣдствіи прибавились обозный (начальникъ войсковой артиллеріи), хорунжій, нѣсколько войсковыхъ старшинъ и судья. Совершенно также было устроено и управленіе станицами: оно состояло изъ станичнаго круга, атамана и 2—3 есауловъ; въ позднѣйшее время на 10—35 станицъ назначался старшина.

Организація въ военное время оставалась таже; всѣ способные носить оружіе люди собирались по станицамъ и входили въ составъ войска, причемъ станицы теряли свою самостоятельность какъ единицы, а все войско сливалось въ одно общее цѣлое.

Въ случаѣ выступленія въ походъ, если войсковой атаманъ шелъ, то его мѣсто заступалъ дома наказной атаманъ, если же войсковой атаманъ оставался дома, то командованіе идущими въ походъ частями поручалось особому походному атаману.

Военные походы казаковъ совершались какъ моремъ, такъ и сухимъ путемъ; въ послѣднемъ случаѣ обыкновенно на коняхъ, а при дѣйствіяхъ противъ исконнихъ враговъ — ногайскихъ татаръ и азовскихъ турокъ — пѣшкомъ.

Еще въ XVI ст. часть донскихъ казаковъ отдѣлилась и образовались казаки: волжскіе, гребенскіе и терскіе (на Кавказѣ), яикскіе или уральскіе и сибирскіе. Организація ихъ была въ маломъ видѣ таже, что и донскихъ, за исключеніемъ только сибирскихъ, которые вслѣдствіе обширности территоріи не составляли сомкнутой общины, а были разселены по городамъ и мѣстечкамъ, образуя нѣчто въ родѣ городовыхъ казаковъ или стрѣльцовъ.

Малороссійскіе казаки, коихъ исторія подъ польскимъ владычествомъ изложена выше, перешли добровольно въ 1654 г. въ русское подданство въ числѣ около 60.000 чел. хорошо обученныхъ легкихъ войскъ. Они окончательно вошли въ составъ Россіи только въ 1686 г. Они состояли изъ двухъ элементовъ: собственно малороссійскихъ украинскихъ или гетманскихъ казаковъ, офиціально называвшихся запорожскими, и собственно запорожцевъ, т. е. жившихъ въ сѣчи у пороговъ Днѣпра и офиціально называвшихся нижними.

Первые, какъ въ территоріальномъ, такъ и въ военномъ отношеніи, раздѣлялись на извѣстное число полковъ, которыхъ въ разное время упоминается 25, 12 на лѣвомъ — и 13 на правомъ берегу Днѣпра, долгое время составлявшаго границу между русской и польской Украиной.

Послѣ ряда войнъ съ 1654 г. по 1686 г., когда произошло окончательное ихъ присоединеніе, число казаковъ настолько уменьшилось, что явилась возможность имѣть всего только 10 малороссійскихъ полковъ, которые и продолжали существовать до 1784 г., когда они были переименованы въ регулярные карабинерные полки и до сихъ поръ существуютъ въ 6 и 12 драгунскихъ полкахъ[1]). Сила казаковъ колебалась между 6 и 21 сотнями; кромѣ того, до 1672 г., имѣлись особыя регулярныя, по западному образцу организованныя, кампаніи тѣлохранителей при полковникахъ. Въ каждомъ полку былъ полковникъ — командиръ полка и полковая старшина или штабъ изъ 6 — 10 чел.; въ каждой сотнѣ — сотникъ, командовавшій ею, есаулъ и хорунжій. Каждые 10 чел. были подъ командой атамана. Собственно казачьи полки собирались только въ военное время, въ мирное же время казаки жили разбросанно, но въ расположеніи своихъ полковъ и сотенъ... Для службы въ мирное время былъ постоянно на лицо отрядъ сердюковъ въ числѣ нѣсколькихъ полковъ, при гетманѣ, и затѣмъ извѣстное число городовыхъ и добровольныхъ полковъ, конныхъ и пѣшихъ. Часть послѣднихъ, а именно компанейскіе полки, были впослѣдствіи (1775 г.) переформированы въ легкоконные полки и вошли въ составъ современной русской кавалеріи. Отъ нихъ происходитъ 9-й гусарскій полкъ.

Настоящіе запорожцы, т. е. жившіе въ сѣчи въ началѣ XVI ст. болѣе къ югу, къ устью Днѣпра и составлявшіе какъ бы заслонъ Малороссіи, стали совершенно самостоятельны и подчинились русскому владычеству только въ 1675 г. Организація ихъ была почти таже, что и украинскихъ казаковъ; они раздѣлялись территоріально и тактически на 38 куреней подъ командой атамановъ; общимъ начальникомъ былъ кошевой, имѣвшій при себѣ старшину изъ 5 чел., ограниченный въ своей власти и отвѣтственный передъ радой. Вообще, всѣ порядки въ сѣчи носили характеръ безправія, насильственности и самоволія, что видно и изъ образа дѣйствій болѣе разсчитаннаго на разбой, чѣмъ на военный успѣхъ. Вначалѣ они дѣйствовали просто какъ рѣчные разбойники, а затѣмъ перешли къ дѣйствію на сухомъ пути на коняхъ, причемъ по татарскому образцу, каждый велъ съ собой двухъ заводныхъ лошадей. Ихъ безграничная дикость, наклонность къ грабежу и неповиновеніе оставались тѣже на сушѣ, какъ и на водѣ и привели въ 1709 г. къ первому разоренію и уничтоженію сѣчи.

Другой вѣтвью украинскихъ казаковъ были слободскіе, вышедшіе изъ Украйны въ русскіе предѣлы, раньше перехода ея въ русское подданство.

---

[1]) Ничего подобнаго не существуетъ теперь. *В. Сухомлиновъ.*

Переселеніе ихъ началось въ 1640 году и продолжалось 210 лѣтъ почти безпрерывно.

Они образовали 5 полковъ той же организаціи какъ и малороссійскіе, но только они всѣ не составляли одного цѣлаго, а каждый полкъ былъ самостоятеленъ. Всего ихъ было 15—16 т. чел. Въ 1765 г. полки эти были переформированы въ гусарскіе и отъ нихъ происходили 1, 11, 12 гусарскій и 4 уланскій полки.

Что касается вооруженія казаковъ, то оно было почти вездѣ одинаковое и состояло изъ пики, длиной въ 9 футъ, съ цвѣтнымъ флюгеромъ, сабли безъ дужекъ у эфеса, ружья или карабина, пистолета, иногда лука и стрѣлъ; у малороссійскихъ казаковъ были кромѣ того кинжалы и ножи; всѣ почти имѣли нагайку и арканъ. Конечно, не всѣ казаки носили все это оружіе и вообще однообразіе отсутствовало, а обладаніе тѣмъ или другимъ оружіемъ было дѣломъ случая. Болѣе однообразія было въ малороссійскихъ полкахъ.

з) *Прочія подвластныя народности*, которыя въ XVI и XVII ст. вошли въ составъ русскаго государства, не произвели существеннаго усиленія военныхъ силъ, отчасти потому что выставляемыми ими частями можно было пользоваться только на мѣстѣ, отчасти по малонадежности ихъ. Сюда относятся: мордва, чуваши, черемисы, вотяки, башкиры, мещяряки, черкесы, кабардинцы, грузины, ногайскіе татары, вогулы, остяки, якуты, тунгузы, самоѣды, юкагиры, камчадалы, киргизы, калмыки. Они принесли извѣстную пользу только въ томъ смыслѣ, что удерживали нападеніе другихъ, еще худшихъ, сосѣдей.

и) *Шляхта* бывшихъ польскихъ городовъ, перешедшихъ къ Россіи въ серединѣ XVII ст., образовала родъ дворянской городовой милиціи съ довольно регулярнымъ характеромъ, по крайней мѣрѣ съ европейскими названіями должностей. Подробное устройство ихъ впрочемъ неизвѣстно. Самой сильной (изъ нѣсколькихъ полковъ) была смоленская шляхта, которая вошла въ составъ русской арміи и была распущена только въ 1765 г.; рославльская шляхта была переформирована въ 1775 г. въ драгунскій полкъ (бывшій 3-й Уланскій).

2. Конныя части иноземныя и иноземнаго строя. Уже съ весьма раннихъ временъ мы встрѣчаемъ иностранцевъ въ русской службѣ; такъ въ XIV ст. мы находимъ иностранныхъ ремесленниковъ, въ XV преимущественно артиллеристовъ, литейщиковъ, инженеровъ, позднѣе врачей и аптекарей. Но вскорѣ иностранныя войска стали охотно приниматься на русскую службу; у Іоанна III (1462—1505 г.) былъ иноземный отрядъ въ 2.000 человѣкъ; въ концѣ XVI ст. на русской службѣ было всего 8.000 иностранныхъ солдатъ. Борисъ Годуновъ (1598—1605 г.) набралъ иноземную дружину въ 2.500 чел. изъ нѣсколькихъ ротъ подъ командой ротмистровъ — иностранцевъ же. Лжедмитрій I сформировалъ въ

1605 г. изъ французовъ, англичанъ и итальянцевъ отрядъ тѣлохранителей въ 3 роты по 100 человѣкъ каждая и привлекалъ сколько могъ нѣмцевъ и лифляндцевъ. Въ 1609 г. черезъ посредство Швеціи было нанято до 18.000 иностранныхъ солдатъ. Всѣ эти части продолжали существовать очень недолго, но многіе изъ входившихъ въ ихъ составъ остались жить въ странѣ и были извѣстны подъ именемъ иностранцевъ стараго въѣзда. Михаилъ Федоровичъ (1613—1645 г.) собралъ ихъ всѣхъ, прибавилъ къ нимъ вновь имъ вызванныхъ иностранцевъ (новаго въѣзда) и сформировалъ изъ нихъ роты, по большей части конныя, подъ начальствомъ собственныхъ ротмистровъ. Между 1619 и 1633 гг. въ различное время упоминается о 16 такихъ полкахъ. Въ 1633 г.—13. Сила ихъ была весьма различна, въ среднемъ около 100 чел.

Въ 1631—1634 г. были впервые набраны заграницей регулярные полки, по образцу которыхъ были впослѣдствіи сформированы изъ русскихъ, жившихъ въ Россіи, иностранцевъ и вновь прибывавшихъ, такъ называемые полки иноземнаго строя. Конныя части состояли изъ рейтаръ, пикинеровъ, гусаръ, драгунъ и регулярныхъ казаковъ.

Рейтары — первая регулярная конница въ Россіи — упоминаются впервые въ 1633 г., когда въ составъ войска, посланнаго для осады Смоленска, находился, подъ командой нѣмецкаго полковника Деберта или Дельберта, рейтарскій полкъ изъ русскихъ дворянъ и боярскихъ дѣтей, при иностранныхъ офицерахъ. Послѣ Смоленской катастрофы 1634 г., полкъ этотъ, при которомъ находились 95 драгунъ, былъ распущенъ, но вслѣдъ за тѣмъ приступлено къ формированію новыхъ частей. При этомъ, частью въ видѣ отдѣльныхъ полковъ, а частью въ видѣ отборной дружины рейтарскихъ полковъ, появились копейщики. Числившіеся въ этихъ полкахъ люди жили въ мирное время по городамъ и мѣстечкамъ и призывались только для упражненій. Полки были силой въ 5, 10, 12, 14 и даже 26 ротъ, большею же частью въ 10. Никакихъ постановленій касательно числа людей въ ротѣ и въ полку не было, а были таковыя, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, относительно офицеровъ. Вслѣдствіе сего численность полковъ была весьма различна, колеблясь между 700 и 2.600 чел.

Каждый полкъ имѣлъ свои знамена, трубы, литавры и орудія съ извѣстнымъ числомъ канонировъ и гранатчиковъ. Въ 1679 году было (не считая 4-хъ особыхъ ротъ копейщиковъ), 11 полковъ копейщиковъ и рейтаръ, 15 исключительно рейтарскихъ полковъ и сводный полкъ изъ копейщиковъ, рейтаръ, драгунъ и казаковъ; всего 27 полковъ около 40.000 чел., въ томъ числѣ 3.700 копейщиковъ. Только одинъ изъ этихъ полковъ, выставленный Смоленской шляхтой, перешелъ въ составъ новой русской арміи и существовалъ подъ разными именами до 1800 г.

Гусары были учреждены почти одновременно съ копейщиками и отличались отъ нихъ, какъ кажется, только именемъ; они были немного-

численны и упоминаются очень рѣдко; встрѣчаются въ Новгородѣ въ 1679 и 1681 г. въ числѣ 5 ротъ и 417 и 465 человѣкъ и въ Кожуховскихъ походахъ въ 1694 г. въ числѣ 3 ротъ.

Рейтары, копейщики и гусары составляли тяжелую конницу, одѣтую въ броню, въ каскахъ и вооруженную шпагами или саблями, мушкетами или карабинами и пистолетами, а копейщики и гусары еще и длинными пиками.

Въ болѣе поздпія времена, какъ кажется, только гусары и сохранили предохранительное вооруженіе; передняя шеренга, еще въ 1694 г. была у нихъ съ ногъ до головы закована въ желѣзо.

Драгуны появились почти одновременно съ рейтарами, частью изъ наемниковъ — иностранцевъ, частью изъ русскихъ съ иностранными офицерами; они или составляли отдѣльные полки, или присоединялись небольшими частями, можетъ быть по-ротно, къ рейтарамъ. Такъ въ 1634 г. къ первому рейтарскому полку былъ присоединенъ отрядъ драгунъ и въ тоже время сформированъ цѣлый драгунскій полкъ въ 1567 человѣкъ подъ командой полковника А. Гордона; такъ продолжалось и впослѣдствіи. При Алексѣѣ Михаиловичѣ (1645 — 1676 гг.) были основаны драгунскія поселенія: въ 1646 г. въ Украйнѣ силой въ 4 полка и въ 1648 г. на шведской границѣ силой, какъ кажется, въ 1 полкъ. Драгунскіе полки дѣлились на роты, обыкновенно по 12 въ каждомъ, различной силы. Все число драгунъ никогда не превосходило 11.000 человѣкъ. Въ 1679 г. было нхъ всего 6 полковъ, изъ которыхъ 4 (поселенцы украинскіе) несли службу при обозѣ, а только 2 — употреблялись для военныхъ дѣйствій. Драгуны были предназначены, какъ и вездѣ, для дѣйствія верхомъ и пѣшкомъ и имѣли соотвѣтственно этому снаряженіе и вооруженіе. Они были вооружены частью мушкетами, частью короткими пиками, затѣмъ шпагами или саблями и имѣли топоры. Они носили желѣзные шлемы съ наушниками и иногда латы или кольчуги. Кромѣ того перевязи съ патронами, фитиль, принадлежности и патронташи.

Регулярные казаки были поселены почти одновременно съ поселенными драгунами на польской границѣ въ числѣ 5.000 человѣкъ. Они были организованы какъ рейтары въ полки и вооружены саблей, карабиномъ и 2 пистолетами. Послѣ польскихъ войнъ 1659 — 1667 г. ихъ осталось очень немного.

Кромѣ вышеприведенной регулярной конницы, въ началѣ царствованія Петра Великаго (1694 г.) была еще одна рота палашниковъ и одна рота конныхъ гранатчиковъ, которые не перешли во вновь сформированную имъ армію.

XV. Организація шведской конницы въ тридцатилѣтнюю войну[1]).

Древнѣйшее извѣстное намъ постановленіе о конной службѣ въ Швеціи было издано королемъ Магнусомъ Ладуласомъ въ 1285 г.; въ немъ значилось, что всѣ служащіе на коняхъ, „въ чьей бы службѣ они ни состояли“, освобождаются отъ всякихъ налоговъ за себя и за свои земли, причемъ это касалось не только дворянъ, но и крестьянъ. Такимъ образомъ въ Швеціи, съ самаго начала, появилось два рода конницы: дворянская и мѣщанская, къ которымъ впослѣдствіи присоединились вербованныя конныя части, сначала въ видѣ тѣлохранителей при особѣ короля; въ походѣ короля Карла Кнутсона противъ Даніи въ 1452 г. упоминается о 150 подобныхъ драбантахъ. Вообще конница составляла въ это время цвѣтъ всего войска. Какъ всадники, такъ и лошади были закованы въ желѣзо и вооруженіе ихъ было почти такое же, какъ и у рыцарей другихъ народовъ.

Густавъ Ваза (1523 — 1560 г.) поставилъ службу въ конницѣ въ зависимость отъ извѣстнаго годоваго дохода, будь то съ наслѣдственныхъ земель или леновъ, и положилъ въ Швеціи основаніе своеобразнымъ поселеннымъ войскамъ.

Густавъ Ваза довелъ число своей собственной конницы, получавшей извѣстное содержаніе, къ концу своего царствованія до 1.379 человѣкъ (на 12.934 пѣхотинца); затѣмъ, въ его вербованной нѣмецкой гвардіи въ Стокгольмѣ было 296 всадниковъ (на 549 пѣхотинцевъ). Такимъ образомъ было положено основаніе тремъ элементамъ, входившимъ въ составъ шведскаго войска: наемнымъ, частнымъ и вербованнымъ войскамъ. Эти три элемента клали особый отпечатокъ на шведскія войска до Карла IX (1660 — 1697 гг.) и слѣды ихъ сохранились и до настоящаго времени.

При преемникахъ Густава Вазы военное искусство пошло назадъ, причемъ преимущественно терпѣла ограниченія и приходила въ упадокъ служба дворянства на коняхъ (1562, 1569 — 1592 гг.). Карлъ IX

---

[1]) Berneck, Brandt, Carrion, Nisas, Hoyer, La Roche, Meynert. Heilmann, Das Kriegswesen der Kaiserlichen und Schweden zur Zeit des 30-jährigen Krieges. Leipzig und Meissen 1850. — Historische Skizze der königl. schwedischen Armee und Uebersicht ihres gegenwärtigen Zustandes. Oesterreichische militär. Zeitschrift Wien 1818. 2 u. 4 Heft. — Pufendorf, v. 26 Bücher der Schwedisch und Deutschen Kriegsgeschichte. Frankfurt a. M. u. Leipzig 1688. — Renard. Notice historique sur l'organisation militaire de la Suède. Paris 1858. — Riese. Karl X. Gustav's von Schweden Kriegszug über das Eis gegen Kopenhagen. i. J. 1658 mit einem Rückblick auf die damalige Kriegsverfassung Schwedens. Berlin 1861. — Vegesack, v. Svenska arméens samfäldta regementes uniformer, jemte en kort historik öfver hvart regemente. Stockholm 1853. — Wijkander. Öfversigt af Svenska Krigsförfattningens historiska utveckling från äldre tider till indelningsverkets afslutande år 1733. Stockholm. — Mankell. Anteckningar rörande Finska arméens och Finlands krigshistoria. Stockholm.

(1604 — 1611 гг.) нѣсколько пріостановилъ этотъ упадокъ, но и онъ не могъ ничего сдѣлать противъ все возраставшаго отвращенія дворянства къ личной службѣ въ рядахъ войска. Онъ обратилъ особенное вниманіе на развитіе поселенной на казенныхъ земляхъ конницы, исключилъ все негодное, установилъ штаты частей и жалованье въ военное время, вооруженіе и снаряженіе и опредѣлилъ подворный участокъ и содержаніе кавалериста. Цвѣтъ конницы составляли придворная хоругвь или конная гвардія и конные драбанты. Затѣмъ шла дворянская конница, которая выставляла всего 2 — 3 знамени въ Швеціи и одно знамя въ Финляндіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ были учреждены (1601 г.) особыя фогтовыя знамена (Fogde fanor), существовавшія уже при Карлѣ Іоаннѣ и которыя выставлялись фогтами въ особо для того назначенныхъ дворахъ (hemman); лифляндскіе штатгальтеры также обязаны были выставлять на свои средства всадниковъ. Лѣсничіе и рудокопы выставляли по одному знамени конницы; даже священники, мѣщане и юристы, имѣвшіе казенные лены, должны были нести конную службу. Для дальнѣйшаго увеличенія числа конницы Карлъ IX обязалъ отдѣльныя провинціи выставлять всадниковъ; разрѣшилъ всѣмъ, имѣвшимъ желаніе и средства, служить въ конницѣ, въ 1606 г. далъ дворянскія привиллегіи всѣмъ не дворянамъ, несшимъ конную службу въ собственномъ снаряженіи. Кромѣ туземныхъ, были еще и иноземныя конныя пѣшія части, вначалѣ исключительно изъ нѣмцевъ, позже также и изъ шотландцевъ; послѣднихъ, по приказанію короля Эрика XIV (1560 — 1568 г.) было набрано, кромѣ 6 знаменъ пѣхоты, еще 2 конныхъ знамени. Преемникъ его, Іоаннъ III, прибавилъ къ нимъ еще одно знамя англійскихъ всадниковъ; Карлъ IX содержалъ преимущественно нидерландскихъ всадниковъ; впрочемъ, у него былъ и французскій полкъ.

Шведская конница того времени состояла изъ тяжеловооруженныхъ копейщиковъ и легкихъ стрѣлковъ; при королѣ Іоаннѣ вся кавалерія получила пищали, кромѣ части легкой, сохранившей лукъ. Въ послѣдній годъ царствованія Карла IX упоминается объ одномъ эскадронѣ драгунъ. Тактической единицей шведской конницы было съ древнѣйшихъ временъ — знамя (fanan), сила котораго была весьма различна: при Густавѣ Ваза — 400 человѣкъ; при Эрикѣ XIV — безъ штаба, 300 человѣкъ въ 5 квартирахъ по 4 роты, въ 15 человѣкъ каждая, хотя это было уже наибольшей его величиной, такъ какъ были знамена и въ 100 человѣкъ; при Карлѣ IX въ 1603 г. сила знамени была опредѣлена въ 120 чел. При Эрикѣ XIV было введено раздѣленіе конницы на полки; но впослѣдствіи опять позабыто; Карлъ IX въ 1603 г. установилъ, что каждый всадникъ долженъ имѣть хорошаго коня, непробиваемое снаряженіе, 2 короткія и 2 длинныя винтовки; хорошую рапиру, исправное сѣдло и конское снаряженіе.

Въ подобномъ состояніи находилась конница при вступленіи на престолъ Густава II Адольфа (1611 — 1632 г.). При немъ было введено

много преобразованій и улучшеній, которыя поставили шведскую армію на нѣкоторое время на первое мѣсто въ Европѣ и сдѣлали ее образцовой. Особенно это касается конницы и ея службы, которая и теперь продолжаетъ занимать въ войскѣ почетное положеніе и занимаетъ въ немъ первое мѣсто.

Въ организаціи ея прежнія, вызванныя обстоятельствами, основанія остались безъ измѣненія; она состояла попрежнему изъ конныхъ частей: дворянскихъ, поставленныхъ помѣстьями и вербованныхъ. Первыя (Adelus rustning) находились въ такомъ упадкѣ, что на смотру въ Еребро въ 1612 г. передъ войной съ Даніей оказалось всего на лицо 30 всадниковъ дворянскаго знамени, а на самую войну короля сопровождало всего 8 лицъ дворянскаго сословія. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ въ томъ же году строжайшій приказъ Густава-Адольфа, которымъ предписывалось всѣмъ шведскимъ дворянамъ, подъ страхомъ потери преимуществъ и ленныхъ правъ, лично прибыть къ войску. Когда это, по всѣмъ вѣроятіямъ, не привело ни къ чему, то былъ избранъ противуположный путь: въ 1622 г. конная служба дворянъ была почти уничтожена; требовалось только, чтобы 2—3 бѣдныхъ дворянина содержали коня. Въ 1626 г. было постановлено, что тѣ изъ дворянъ, которые, по бѣдности своей, не могутъ служить на свой счетъ, должны для несенія службы поступать въ королевскую гвардію. Одновременно съ этимъ король обратилъ усиленное вниманіе на конницу поселенную, т. е. поставленную ленными владѣльцами и чинами (Rustningen af förläningar och embeten), отдѣльныхъ всадниковъ (Indelta ryttare) или такъ называемыхъ деревенскихъ всадниковъ (lands ryttarne) Она давала въ каждомъ округѣ 3, въ Финляндіи 12 знаменъ, силой всего въ 3.500 человѣкъ и въ 1625 г. была поставлена на ногу регулярной конной милиціи. Всадники, входившіе въ ея составъ, получали дворъ (gård) для жительства и извѣстную ежегодную плату; также и офицеры, которые за то обязаны были являться на службу въ сопровожденіи опредѣленнаго числа конныхъ людей. Каждый всадникъ долженъ былъ имѣть сѣдло и конское снаряженіе; непробиваемую кирасу и 2 хорошія сабли. Третій родъ конницы (вербованная—Värfning) состоялъ частью изъ туземныхъ, частью изъ иноземныхъ частей; первыхъ было въ 1615 г. 1.200 человѣкъ; вторые начали вербоваться только послѣ 1623 г. и значительно усилены во время тридцатилѣтней войны.

Еще до высадки въ Германію въ 1628 г. шведская конница состояла изъ кирасиръ, переформированныхъ изъ копейщиковъ отнятіемъ копья, и изъ драгунъ, переформированныхъ изъ стрѣлковъ. Драгуны не были конной пѣхотой; преимущественная ихъ служба была верхомъ, а пѣшкомъ они сражались только въ исключительныхъ случаяхъ. Подраздѣлялась конница, какъ и прежде, на знамена, силой (1622 г.) въ 125 человѣкъ безъ должностныхъ. Въ этомъ же году начали называть знамена ротами (kompanier), но при этомъ сохранилось и прежнее названіе, особенно у дра-

гунъ; у кирасиръ же его замѣнили также и именованіями: корнетъ, штандартъ. Съ 1625 г. встрѣчается и раздѣленіе на полки, но окончательное введеніе таковыхъ произошло не ранѣе, какъ передъ тридцатилѣтней войной, причемъ они были сдѣланы силой въ 8 ротъ по 66—75 человѣкъ каждый. Въ 1633 г. при реорганизаціи шведской арміи сила ротъ была доведена до 125 человѣкъ и оставалась таковой, какъ кажется, до Вестфальскаго мира; однако, бывали исключенія: такъ въ Вестготскомъ конномъ полку (1648 г.) было 8 ротъ и 1.200 коней, слѣдовательно по 150 на роту. Впрочемъ, всѣ эти постановленія касались только шведскихъ полковъ; въ иноземныхъ допускались большія отступленія какъ въ числѣ ротъ (отъ 1 до 12; лейбъ-полкъ королевы имѣлъ въ 1646 г. даже 18 ротъ), такъ и въ силѣ ихъ. Такъ, при Брейтенфельдѣ конные полки шведской арміи имѣли по 3, 4, 8, 12 ротъ и всѣ 17 или 18 полковъ въ 130 ротахъ—8.850 коней; слѣдовательно, на кругъ около 66 коней на роту. При Люценѣ они были, какъ кажется, еще слабѣе: въ 24 полкахъ было 11.000 коней, слѣд. 458—на полкъ и 58—на роту. При Ольдендорфѣ (1633 г.) въ одномъ полку была одна рота, въ двухъ—4, въ одномъ—7, въ одномъ—12 и въ двѣнадцати остальныхъ по 8-мь ротъ. Вообще, нормальной силой полка считалось 6—8 ротъ. Кромѣ ротъ и полковъ, встрѣчаются въ то время уже и эскадроны. Подъ этимъ названіемъ понималось временное соединеніе въ бою 2—4 и даже 6 ротъ въ одну единицу; такъ, при Лейпцигѣ (1631 г.)[1]) 40 корнетовъ праваго крыла были сведены въ 8 эскадроновъ, 15 корнетовъ второй линіи—въ 4 эскадрона и 37 корнетовъ лѣваго крыла въ 9 эскадроновъ. Такимъ образомъ, въ эскадронѣ было 300—400—600 коней; сильные полки давали 2—3 эскадрона, слабые—иногда одинъ. Штабъ полка состоялъ изъ 1 полковника, 1 оберъ-вахтмейстера и еще изъ 18 человѣкъ; а каждая рота имѣла 3 офицеровъ, 2 унтеръ-офицеровъ, нѣсколькихъ капраловъ и 2—3 трубачей.

Что касается до числа шведскихъ ленныхъ полковъ, то таковое было установлено только для поселенныхъ частей. Въ 1621 г. ихъ было всего 8 пѣхотныхъ полковъ; какъ кажется, въ 1625 г. они были значительно усилены и доведены до 8 конныхъ и 20 пѣхотныхъ полковъ. Изъ числа первыхъ (которыхъ было 6 въ Швеціи, 2—въ Финляндіи), первый или лейбъ-гвардейскій полкъ состоялъ всего изъ 2 ротъ въ одномъ эскадронѣ; финляндскій—изъ 12, позже 16 штандартовъ, которые дѣлились часто на два полка; прочіе—изъ 8 штандартовъ каждый. Курляндія и Лифляндія обязаны были выставлять по одному конному полку. Число вербованныхъ иноземныхъ полковъ было очень различно и сообразовалось въ каждомъ частномъ случаѣ съ необходимостью; обыкновенно оно значительно превосходило число туземныхъ полковъ. По даннымъ „Josua redivivus“, шведская конница въ 1630 г., не считая лифляндскихъ, прусскихъ, англійскихъ

[1]) Брейтенфельдѣ.

и шотландскихъ частей, была силой въ 118 корнетовъ по 100 человѣкъ каждый; изъ нихъ было: кирасиръ — 68 корнетовъ (въ томъ числѣ 14 лифляндскихъ) и аркебузировъ — 38 корнетовъ (въ томъ числѣ 36 шведскихъ и финляндскихъ); кромѣ того формировались въ это время еще 10 слабыхъ знаменъ драгунъ. Въ вышеприведенное число вѣроятно не включены шведскіе милиціонные полки, или во всякомъ случаѣ не всѣ. Изъ нихъ Густавъ-Адольфъ взялъ съ собой въ Германію въ 1631 г. всего 2 конныхъ полка или 16 ротъ; при Брейтенфельдѣ (Лейпцигѣ) ихъ уже было 4, изъ которыхъ финляндскій былъ раздѣленъ на два; при Люценѣ — 5 шведскихъ и финляндскихъ, 1 лифляндскій и 1 курляндскій. Иноземныхъ полковъ было: въ первой битвѣ — 11, во второй — 17. Во все время тридцатилѣтней войны число національныхъ войскъ все уменьшалось, а число вербованныхъ иноземныхъ все возрастало. Въ 1648 и 1649 г. было въ Германіи 44 конныхъ полка, среднимъ числомъ изъ 8-ми ротъ каждый.

XVI. Конница Имперцевъ въ тридцатилѣтнюю войну [1].

Имперская конница состояла въ первой половинѣ XVII столѣтія изъ слѣдующихъ видовъ.

1) Копейщики или всадники съ копьями. 2) Кирасиры — всадники въ кирасахъ.	тяжелая конница.
3) Аркебузиры или карабинеры — всадники съ аркебузой на перевязи. 4) Драгуны съ мушкетомъ и пикой.	легкая конница.
5) Гусары (Венгерцы и Кроаты). 6) Казаки и поляки.	Иррегулярная конница.

Копейщики могли быть примѣняемы какъ тяжелая и какъ легкая конница; впрочемъ, число ихъ было очень незначительно и они придавались коннымъ полкамъ только въ первые годы 30-лѣтней войны и то больше для украшенія. Такъ въ 1616 г. полковникъ Дампьерръ набралъ отрядъ изъ 100 аркебузиръ и 300 копейщиковъ; при 4 ротахъ тѣлохранителей герцога Фридландскаго находилось 200 копій подъ начальствомъ

[1]) Berneck, Brandt, Carrion Nisas, Hoyer, La Barre Duparcq, La Roche, Meynert. — Heilmann, Pufendorf, Gatti. Allgemeine Geschichte v. Oesterreich mit steter Bezugnahme auf die Militair-Geschichte. Wien 1868.— Kriegsmacht, Die, Oesterreichs, 2 Auflage. Wien 1875.— Meynert. Geschichte der K. K. österreichischen Armee, ihrer Heranbildung und Organisation, sowie ihrer Schicksale, Thaten und Feldzüge, von der frühesten bis auf die jetzige Zeit. 4 Bände. Wien 1852—1854.— Müller. Die K. K. oesterreichische Armee seit Errichtung der stehenden Kriegsheere bis auf die neueste Zeit. 2 Bände, Prag 1845.— Oberleitner. Beiträge zur Geschichte des dreissigjährigen Krieges mit besonderer Berücksichtigung des österreichischen Finanz- und Kriegswesens. Wien 1857. — Reiter-Regimenter, Die, der K. K. Oester. Armee. Historische Skizzen, Chronologisch geordnete Bruchstücke Regimenterweise bearbeitet. 2 Auflage 3 Bände Wien 1866.

Пикколомини. Также императорская лейбъ-гвардія, учрежденная еще предшественниками Фердинанда II состояла изъ 100 конныхъ копейщиковъ. Казаки и поляки появлялись только временно въ 1625 и 1632 гг. въ рядахъ Имперской арміи. Валлгаузенъ, издавшій свой Art'militaire à Cheval въ 1616 г., различаетъ конницы, по вооруженію, на наступательную — аркебузиръ и драгунъ и оборонительную — кирасиръ, тогда какъ копейщики могутъ быть отнесены какъ къ той, такъ и къ другой.

Имперская конница дѣлилась на полки изъ крайне разнообразнаго числа ротъ. Нѣсколько ротъ составляли эскадронъ, — единицу чисто тактическую, вообще группу всадниковъ, внѣ зависимости отъ числа ихъ. Въ томъ же смыслѣ нѣсколько эскадроновъ составляли бригаду, которая дѣлилась на авангардъ, главныя силы и арьергардъ, правое и лѣвое крыло и центръ и на линіи: первую — фронтъ, вторую и третью — резервъ. По Валлгаузену, роты у кирасиръ были силой въ 100 человѣкъ, у карабинеровъ — 60 — 64, у драгунъ, какъ въ пѣхотѣ — 200 — 300, именно или 100 пикинеровъ и 100 мушкетеровъ, или 120 пикинеровъ, 160 мушкетеровъ и 20 аллебардщиковъ. Валленштейнъ установилъ въ 1627 г. силу полной конной роты въ 110 коней, въ 1632 г. уменьшилъ ее, какъ прежде, до 100 коней; полки должны были состоять изъ 10 ротъ, хотя были и въ 5 ротъ. Кирасирскимъ ротамъ придавалось по 24 аркебузира на каждую. Въ 1647 г. было постановлено, чтобы всѣ кирасирскіе и драгунскіе полки были силой въ 1.000 коней и имѣли 5 эскадроновъ и 10 ротъ. Впрочемъ, это было только штатное число, отъ котораго на дѣлѣ допускались различныя отступленія, какъ въ силѣ полковъ, такъ и въ силѣ ротъ.

Послѣдовательныя, въ хронологическомъ порядкѣ приведенныя, данныя лучше всего покажутъ дѣйствительный составъ и силу имперской конницы въ различные періоды 30-лѣтней войны. Такъ, въ 1619 г. конныхъ частей, не называвшихся еще полками, а отрядами Букуа и Дампьера, было 2 по 1.000 человѣкъ (одна — изъ 500 кирасиръ и 500 аркебузировъ, другая — изъ 1.000 кирасиръ), 5 — по 500 и 2 по 100; всего 3.000 кирасиръ и рейтаръ и 1.600 аркебузировъ; кромѣ того, было 3.384 гусара. Въ 1620 г. 11 конныхъ полковъ графа Букуа въ Богеміи были силой въ 200 — 800 коней каждый. Изъ нихъ въ сраженіи при Бѣлой горѣ участвовало 6 по 500 коней и 3 въ 1.000, 1.400 и 1.900 коней. Въ первой вербованной арміи Валленштейна въ 1625 г. было 5 конныхъ полковъ неизвѣстной силы; другихъ конныхъ частей (опять не называвшихся полками) было: 1 въ 2.000 коней (въ томъ числѣ 1.000 казаковъ), 7 по 1.000, 1 въ 600, 4 по 500 и 2 по 100 коней. Въ 1626 г. въ корпусѣ герцога Брауншвейгскаго 4 полка имѣли по 10 ротъ, одинъ — 9. Въ 1631 г. одиннадцать имперскихъ конныхъ полковъ арміи графа Тилли были силой въ 200 — 600 коней; при Брейтенфельдѣ 17 полковъ имѣли по 5 эскадроновъ въ 150 коней, слѣдовательно 750 коней каждый полкъ. Передъ Люценскимъ сра-

женіемъ въ имперской конницѣ было 18 конныхъ и 5 драгунскихъ полковъ, всего 170 эскадроновъ (ротъ?) по 100 коней. При Ольдендорфѣ въ 1633 г. 9 полковъ были силой въ 3, 5, 6, 8, 10 и 13 ротъ; роты—въ 40, 45, 60 и 65 человѣкъ; полки—въ 195—650 человѣкъ. Въ Мартѣ 1634 г. изъ 7 кроатскихъ полковъ два имѣли по 10 ротъ, два по 9, прочіе 3—8, 7 и 5 ротъ; изъ 23 конныхъ полковъ: 8 по 10, 4 по 9, 2 по 8, 2 по 6, 2 по 4, прочіе 5—23, 13, 5, 3 и 2 роты; въ маѣ того же года вновь набранная конница короля Фердинанда венгерскаго имѣла 20 полковъ или 221 эскадронъ конницы и 5 полковъ или 84 эскадрона кроатовъ. На сколько конныя части являлись иногда слабыми, видно изъ состоянія имперской конницы въ Эльзасѣ въ 1636 г., гдѣ роты ея имѣли 12—15, а одна даже всего 5 коней.

Шефомъ полка былъ генералъ или полковникъ, затѣмъ слѣдовали: полковникъ, затѣмъ по указамъ 1640 и 1648 гг., полковникъ-вахмистръ и штабъ изъ 9—12 человѣкъ; рота имѣла 3 офицеровъ, различное число унтеръ-офицеровъ и нестроевыхъ и 2—3 трубача, всего, согласно названнымъ указамъ, 12 или 13 человѣкъ, не считая рядовыхъ.

Кирасиры и отчасти копейщики, до полнаго ихъ упраздненія, были съ ногъ до головы закованы въ желѣзо и вооружены длиннымъ, прямымъ палашомъ, годнымъ для рубки и для уколовъ, и двумя пистолетами, длиной въ два фута каждый; копейщики имѣли, кромѣ того, пики. Карабинеры или аркебузиры имѣли шлемъ и защищавшую грудь желѣзную кирасу, шпагу, по два пистолета, карабинъ съ колеснымъ замкомъ, длиной въ 3—3½ фута, или аркебузу и патронташъ. Драгуны, подобно пѣхотѣ, были вооружены частью пиками и шпагами, частью мушкетами и саблями, безъ всякаго предохранительнаго вооруженія, кромѣ, иногда, желѣзной каски; къ сѣдлу былъ притороченъ небольшой топоръ. Кроаты или гусары, пополнявшіеся изъ низшаго венгерскаго дворянства, имѣли частью кольчуги, обыкновенно никакого предохранительнаго вооруженія, и только сабли, пистолеты и карабины, которые, подобно конскому снаряженію, были богато убраны серебромъ. Казаки и поляки носили свой національный костюмъ, снаряженіе и вооруженіе.

Относительно числа шеренгъ данныя расходятся. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ кирасиры строились въ 5—10, по Фолару—въ 8, легкая конница въ 4—6 шеренгъ. Валлгаузенъ располагаетъ конницу въ 3, 4, 5, 6, 8 и 10 шеренгъ, копейщиковъ—постоянно 2. Ученье производилось въ разомкнутомъ или сомкнутомъ строю. Послѣдній былъ 4 видовъ.

Кирасиръ обучали уколу палашемъ, направленнымъ въ забрало противника или въ грудь его лошади, и стрѣльбѣ изъ пистолета. Стрѣляли тогда, когда могли различить бѣлокъ глаза противника. Наступленіе производилось послѣдовательно разомкнутыми шеренгами, которыя, выстрѣливъ, поворачивали направо и налѣво и кругомъ фланговъ скакали назадъ.

При атакѣ лошадей пускали въ карьеръ за 60 шаговъ отъ непріятеля. Карабинеры должны были умѣть стрѣлять на полномъ ходу; выстрѣливъ изъ карабиновъ, они поворачивали лошадь налѣво и стрѣляли изъ праваго пистолета, затѣмъ поворачивали въ другую сторону и стрѣляли изъ другаго пистолета. Стрѣляли на фронтъ или на флангъ противника, причемъ первая шеренга, давъ выстрѣлъ, поворачивала и очищала фронтъ, уходила за строй и тамъ вновь выстраивалась; вторая шеренга ее замѣняла и поступала также и т. д. Драгуны сражались у имперцевъ исключительно пѣшкомъ. Кроаты употреблялись только для малой войны, для начала боя или для дѣйствія противъ фланговъ; при наступленіи они шли сначала въ полъ-оборота направо и стрѣляли изъ лѣваго пистолета, затѣмъ въ полъ-оборота налѣво и стрѣляли изъ праваго пистолета; наконецъ, поворачивались направо и стрѣляли изъ карабина. Энергичной атаки холоднымъ оружіемъ они не выдерживали.

Въ сраженіяхъ конница строилась въ большія массы изъ нѣсколькихъ эскадроновъ; между массами этими сохранялись интервалы, равные протяженію ихъ фронта, а между эскадронами интервалы въ 4 фута. Массы второй линіи строились, по старому нѣмецкому обычаю, противъ интерваловъ первой. Иногда въ интервалахъ располагали небольшія отдѣленія мушкетеръ, напр. при Люценѣ, но безъ особенной видимой пользы.

Всѣ имперскія войска, участвовавшія въ 30 лѣтней войнѣ были вербованныя и потому не постоянныя. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ полковъ сохранились до настоящаго времени; напримѣръ, основанный въ 1618 г. кирасирскій полкъ, данный въ слѣдующемъ году полковнику Дампіерру (нынѣ драгунскій № 8 полкъ) и сформированный въ 1640 г. драгунскій полкъ de la Corona (нынѣ уланскій № 9 полкъ) [1]).

XVII. Англійская конница до учрежденія постоянной арміи и преимущественно во время борьбы Карла I съ парламентомъ [2]).

Главную силу древнихъ бриттовъ составляла пѣхота, но они были въ состояніи вывести, въ случаѣ необходимости, и многочисленную конницу. Въ древности они пользовались колесницами. Бритты были обыкновенно вооружены широкими мечами и маленькими щитами и пользовались и у

[1]) По другимъ даннымъ, оффиціально однако до сихъ поръ не признаннымъ, этотъ полкъ былъ сформированъ пѣхотнымъ въ 1628 г., а въ 1632 г. обращенъ въ кавалерійскій князя О. Пикколомини. Также теперешній 7-й драгунскій полкъ, существующій оффиціально съ 1655 года, будто бы происходитъ отъ полка, сформированнаго герцогомъ Юліемъ Саксенъ-Лауенбургскимъ въ 1618 году.

[2]) Brandt. Meynert. — Geisler. Geschichte und Zustand der Königlich Gross-Brittanischen Kriegsmacht zu Wasser und zu Lande von den frühesten Zeiten bis an's Jahr 1784. Dessau und Leipzig 1784. — Grose. Military antiquities respecting a history of the english

друзей и у враговъ репутаціей храбраго, весьма воинственнаго народа. Также и у древнихъ англосаксовъ пѣхота составляла главную силу войска; конница состояла преимущественно изъ тановъ, т. е. владѣльцевъ земли, составлявшихъ свиту вождей и изъ такихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, которые имѣли конскій заводъ. Въ бою конные, однако, нерѣдко спѣшивались и пристраивались къ пѣхотѣ. Конница саксовъ ѣздила безъ стремянъ и была вооружена только копьями; только вожди и знатныя лица имѣли полное снаряженіе.

Вильгельмъ Завоеватель ввелъ около 1086 года феодальную систему и ленную службу въ кавалеріи; именно владѣлецъ королевскаго лена, ежегодный доходъ съ котораго былъ при Генрихѣ II и Эдуардѣ II установленъ въ 20 фунтовъ, долженъ былъ являться лично и состоять на службѣ въ теченіе сорока дней. Такихъ лицъ было около 60-ти тысячъ. Затѣмъ, лица, имѣвшія съ лена или изъ другаго источника доходъ въ 16 марокъ, должны были, по закону 1118 г., имѣть полное предохранительное вооруженіе, шлемъ, щитъ и копье; при десяти маркахъ дохода — кольчугу или панцырь, шлемъ и копье и т. д. Въ 1284 г., такъ называемымъ Винчестерскимъ статутомъ Эдуарда I-го, было постановлено, что каждый, получающій съ своего помѣстья доходъ въ 15 фунтовъ или владѣющій имуществомъ въ 40 марокъ, долженъ служить въ конницѣ и имѣть латы, шлемъ, мечъ и ножъ.

Кромѣ ленныхъ войскъ, были еще второстепенныя части, выставляемыя графствами для мѣстной службы (posse comitatus) и вербованные солдаты, какъ изъ туземцевъ, такъ и изъ иноземцевъ; въ числѣ этихъ находились впослѣдствіи столь извѣстные нѣмецкіе рейтары.

Англійская конница состояла, вскорѣ послѣ норманнскаго завоеванія, частью изъ тяжеловооруженныхъ рыцарей (Paunceners, men at arms), частью изъ легкихъ всадниковъ (hobilers). Первые были съ ногъ до головы закованы въ желѣзо. Сначала они имѣли обыкновенные панцыри, а съ середины XIV столѣтія чешуйчатые. Оружіе ихъ состояло изъ одного или двухъ мечей, копья, маленькаго кинжала (misericordias) и иногда желѣзной палицы. Лошади были тяжелыя, тоже покрытыя броней (barbed, barded, covered horses). Образъ дѣйствій ихъ былъ тотъ же, что и у прочихъ рыцарей. Гобилеры, — названіе это встрѣчается въ первый разъ въ 1322 г. при Эдуардѣ II, — употреблялись преимущественно для рекогносцировокъ, развѣдокъ, преслѣдованія, нападенія на транспорты и т. п. Они носили менѣе тяжелое вооруженіе, не имѣли ножныхъ кирасъ, иногда

army from the conquest to the present time. 2 vols. London 1786 u. 1788. — Luard. A history of the dress of the british soldier, from the earliest period to the present time. London 1852. — Macaulay. Die Geschichte Englands seit dem Regierungsantritte Jacob's II, übers v. Bülau. Leipzig 1850. — Peacock. The Army Lists of the Roundheads and Cavaliers of 1642 2 Edit. London 1874. — Rafter. The Guards; or the Housсehold Troops of England, London.

только стеганный камзолъ (hoqueton) или грудную кирасу и соотвѣтственно раздѣлялись на панцырныхъ и не панцырныхъ (hobilers armed и not armed). Оружіемъ служили: мечъ, ножъ и пика.

Иногда сажали лучниковъ на легкихъ лошадей; они назывались въ такомъ случаѣ hobiler archers или просто конными лучниками (archers on horseback) и встрѣчаются подъ этимъ именемъ съ 1347 года очень часто; сражались они преимущественно пѣшкомъ.

Правильной организаціи конницы вначалѣ не существовало; каждый рыцарь со своей свитой сражался совершенно самостоятельно; позже она была раздѣлена на констабуляріи въ 25 — 30 коней подъ начальствомъ констабля. Первое названіе встрѣчается впервые въ 1324 г., а второе, въ смыслѣ начальника маленькой части, употреблялось еще во времена короля Іоанна (1199—1126 г.). Прочіе начальники назывались: ирлы, бароны и баннереты, рыцари, эсквайры, сотники (centenary), вожди (leaders) и двудесятники (vintenars).

Во времена рыцарства конница въ Англіи была тоже главнымъ и почетнымъ родомъ оружія, но при этомъ и пѣхота, въ противуположность остальной Европѣ, продолжала играть очень важную роль.

Введеніе огнестрѣльнаго оружія, которое, впрочемъ, распространялось въ Англіи относительно медленно, повлекло за собою тѣ же перемѣны, что и въ другихъ странахъ. Тяжеловооруженная конница отходитъ на задній планъ; прежнее имя жандармовъ (menatarms) начинаетъ замѣняться въ срединѣ XVI столѣтія новыми — сначала вооруженныхъ всадниковъ (armed horsemen), потомъ копейщиковъ и наконецъ кирасиръ. Легкая конница также потеряла, еще лѣтъ за 50 раньше тяжелой, свое названіе гобилеровъ и раздѣлилась на полукопья (demy launces) и легкоконную (light horse). Съ 1557 г. существовало только 2 рода конницы: тяжелая и легкая; вслѣдъ затѣмъ былъ прибавленъ третій: аркебузиры, позднѣе карабены. При королевѣ Елисаветѣ (1558—1603 г.) піонеры были временно причислены къ конницѣ. При Іаковѣ I (1603 — 1625 г.) были только кирасиры и карабены; при Карлѣ I (1625 — 1649 г.) были введены, какъ кажется, сперва въ парламентской арміи, драгуны, и тогда англійская кавалерія, подобно прочимъ, состояла изъ трехъ родовъ: кирасиръ или пистольеровъ, аркебузировъ или карабеновъ и драгунъ. Во время республики (1649 — 1660 г.) существовали только кирасиры и драгуны; одно время даже вся кавалерія называлась рейтарами, безъ различія видовъ ея. Съ возстановленіемъ монархіи явилось опять дѣленіе на три вида: рейтаръ, гренадеръ и драгунъ. Въ смыслѣ организаціи кавалеріи первымъ прогрессомъ было соединеніе констабулярій по двѣ въ высшія единицы, которыми начальствовали баннереты (bannerets), имѣвшіе свои значки (pennons, banners). Въ срединѣ XVI столѣтія появилось, въ арміи при С. Кентенѣ (1557 г.), сохранившееся до сихъ поръ, раздѣленіе на

troops; тамъ не было, 10 — 5 troops тяжелой и 5 легкой конницы, силой каждая въ 100 рядовыхъ, при капитанѣ, лейтенантѣ, знаменщикѣ, врачѣ, квартермистрѣ, священникѣ трубачѣ и кузнецѣ. Въ 1598 г. въ арміи Эссекса въ Ирландіи troops были силой всего въ 50 рядовыхъ при 3 офицерахъ (капитанѣ, лейтенантѣ и корнетѣ). При приготовленіяхъ къ походу въ 1620 г. на помощь курфюрсту Фридриху Пфальцскому конница была силой въ 50 troops (35 кирасиръ и 15 карабеновъ), по 100 коней, при 3 офицерахъ, 3 капралахъ, 2 трубачахъ, квартермистрѣ и хирургѣ. Въ 1639 г. въ выставленной Карломъ I арміи противъ Шотландіи было 12 troops конницы, силой по 100 человѣкъ каждая, считая въ томъ числѣ должностныхъ. Высшая тактическая единица явилась уже во время междоусобной войны, когда 21 troops въ арміи короля были соединены по двѣ или по три подъ начальствомъ одного лица, и кромѣ того, упоминается еще о troopee принца Роберта въ 500 коней. Затѣмъ и для 75 конныхъ республиканскихъ troops (по 1 капитану, 1 лейтенанту, 1 корнету, 1 квартермистру, 3 капрала, 2 трубача, 60 рядовыхъ, 1 сѣдельнику, 1 кузнецу каждая) было назначено всего 6 полковниковъ при 5 маіорахъ и 4 хирургахъ. Полки, которые вообще были введены Елисаветой и никакъ не ранѣе 1583 г. встрѣчаются въ конницѣ въ первый разъ въ 1645 г.; они состояли въ то время у рейтаръ изъ 6, у драгунъ — изъ 10 troops. Въ 1659 г. англійская конница состояла: изъ 9 полковъ по 6 troops каждая (въ troop было — 1 полковникъ, маіоръ или капитанъ — начальникъ ея, лейтенантъ, корнетъ, квартермистръ, 2 капрала, 1 — 2 трубача, 80 рядовыхъ и врачъ); всего 524 человѣка, потомъ изъ 1 troop конной гвардіи: 3 офицера, квартермистръ, 4 капрала, 4 трубача, 160 рядовыхъ; наконецъ, изъ отряда при гарнизонѣ на островѣ Джерсеѣ: капралъ, квартермистръ, трубачъ и 19 рядовыхъ. По паденіи республики было опять введено раздѣленіе конницы на самостоятельныя troops, которыя въ 1683 г. были сведены въ три полка, и съ тѣхъ поръ дѣленіе на полки остается.

Какой-либо высшей инстанціи для всей конницы сначала не было. Въ 1557 г. былъ назначенъ генералъ; при немъ: лейтенантъ, священникъ, врачъ, трубачъ, 15 аллебардщиковъ и 4 повозки. Въ 1588 г. было по одному генералъ-капитану для тяжелой и для легкой конницы; при каждомъ: лейтенантъ, прапорщикъ, трубачъ, писарь, фельдшеръ, 10 аллебардщиковъ. Въ 1598 г. — одинъ генералъ и 1 генералъ-лейтенантъ конницы. Въ 1620 г. генералитетъ конницы состоялъ изъ: лордъ-генерала, генералъ-лейтенанта и сержантъ-маіора, съ генералъ-квартермистромъ, профосомъ, вагенмейстеромъ, проповѣдникомъ и главнымъ врачомъ. — Въ 1639 г.: генералъ, генералъ-лейтенантъ, сержантъ-маіоръ или генералъ-коммисаръ, генералъ-квартермистръ, профосъ-маршалъ, вагенмейстеръ, проповѣдникъ и хирургъ. Въ 1642 г. въ королевской арміи принцъ Рупрехтъ былъ генераломъ конницы; въ парламентской графъ Бедфордъ — лордъ-

генераломъ конницы съ генералъ-лейтенантомъ, генералъ-квартермистромъ, 2 комиссарами, 1-мъ генералъ-профосмаршаломъ. Въ 1645 г. въ пуританской арміи былъ генералъ-лейтенантъ конницы (Кромвель), 2 генералъ-комиссара, генералъ-квартермистръ, 2 генералъ-адъютанта, генералъ-маршалъ и генералъ-маркмейстеръ; въ 1659 г. было всего: генералъ-лейтенантъ, генералъ-комиссаръ и генералъ-адъютантъ.

Вооруженіе и снаряженіе англійской конницы было въ общемъ тоже, что и въ другихъ странахъ. Въ теченіе всего XVI ст. носилось полное предохранительное вооруженіе; затѣмъ всадники имѣли копья въ 16 — 18 футъ длиной, мечи и петронели нѣсколько большей длины, чѣмъ тогдашніе пистолеты. Кирасиры также сохранили полное предохранительное вооруженіе, подъ которымъ они носили буйволовые коллеты; они имѣли и мечи, и пистолеты или петронели. Конское снаряженіе состояло изъ сѣделъ съ высокой передней лукой и мундштука съ поводьями, усиленными желѣзными цѣпками.

Полукопья, несмотря на то, что они составляли легкую конницу, были также въ предохранительномъ вооруженіи и имѣли копья, короткіе пистолеты, топоры, мечи и кинжалы; лошади ихъ были крѣпки и хорошо выѣзжены. Онѣ были наскаканы, на мѣстѣ останавливались, быстро поворачивались въ стороны и назадъ на ходу и на мѣстѣ; сѣдла были стальныя, на груди лошадей кираса; управлялись онѣ мундштукомъ. Настоящіе легкіе всадники (шево-леже) имѣли каски, грудныя кирасы съ нашейниками и металлическія перчатки, тонкія пики, иногда пистолеты, мечи и кинжалы. Лошади ихъ были маленькіе, ловкіе мерины, съ большой рысью, хорошо выѣзженные; сѣдла мавританскія; мундштуки и легкій конскій уборъ.

Также и въ теченіе большей части XVII ст. предохранительное вооруженіе не было облегчено. Кирасиры или пистольеры были съ ногъ до головы закованы въ желѣзо и вооружены шпагами и длинными пистолетами и носили пороховницу и формочку для литья пуль; они сидѣли на жеребцахъ лучшей породы и отлично выѣзженныхъ; конское снаряженіе состояло изъ сѣдла съ двумя луками съ ремнями для прикрѣпленія пистолетовъ и чемодана, мундштука и трензеля. Аркебузиры или карабены имѣли болѣе легкіе шлемы, предохранительное вооруженіе безъ ножныхъ кирасъ, аркебузы длиной въ три фута и 3 дюйма и хорошія шпаги, пороховницу и т. п. Драгуны, бывшіе, собственно говоря, посаженной на коней пѣхотой, носили открытыя каски съ наушниками, буйволовые камзолы, драгунскія ружья, носившіяся черезъ правое плечо и хорошую шпагу. По одной рукописи 1649 г. драгуны должны были быть вооружены какъ можно легче и имѣть только аркебузы со штыремъ (calivers) и пороховницы, а на поясѣ двѣ рогатины $4^1/_2$ ф. длины, съ острыми наконечниками.

Принятіе однообразной формы одежды совершилось въ Англіи ранѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Уже въ 1512 г. Генрихъ VIII ввелъ извѣстныя

отличія въ вооруженіи (badges, tokyns) и при помощи шарфовъ, какъ это прежде было принято, или ливрей. Позже онъ ввелъ форму: въ 1545 г. для тѣлохранителей — синіе кафтаны съ красными отличіями, штаны на одну полу синіе, на другую — красные, съ широкими красными лампасами, камзолы (arming doublette) изъ плиса или парусины и шапку. Прочія части носили, повидимому, обмундированіе бѣлаго цвѣта. Общимъ знакомъ отличія служилъ красный крестъ Св. Георгія. При Елисаветѣ вся конница носила красные плащи безъ рукавовъ, затѣмъ камзолы, штаны, шляпы, сапоги и т. д. Красный цвѣтъ англійскихъ мундировъ сдѣлался преобладающимъ въ XVIII ст.; еще въ 1693 г. кафтанъ и штаны были сѣрые. Упражненія въ англійской кавалеріи не представляютъ никакихъ особенностей.

При Іаковѣ I конница строилась въ 6 шеренгъ, въ сомкнутомъ или разомкнутомъ строю. Въ первомъ всадники каждой шеренги становились вплотную другъ къ другу, колѣно къ колѣну; заднія шеренги на хвосту впереди стоящихъ. Во второмъ какъ ряды, такъ и шеренги имѣли 6 шаговъ интервала и дистанціи. Эволюціи заключались въ смыканіи и размыканіи рядовъ и шеренгъ направо, налѣво и въ обѣ стороны; во вздваиваніи шеренгъ и рядовъ; въ поворотахъ и заѣздахъ направо, налѣво и кругомъ; въ контрмаршахъ, съ помощью заѣздовъ, направо, налѣво и въ обѣ стороны; иногда конница строила клинъ, ромбъ и другія излюбленныя тогда фигуры. Для дѣйствія изъ пистолета и аркебузы была издана инструкція въ 1632 году. Драгуны обучались и сражались, какъ пѣхота. Они строились, со временъ Елисаветы, въ 10 шеренгъ; на каждые 10 человѣкъ былъ одинъ коноводъ; дистанціи между шеренгами были: 6 футъ въ разомкнутомъ строю (open order) и 3 фута въ обыкновенномъ (distance of order); интервалы между рядами были: 6 футъ въ разомкнутомъ строю (for open order); 3 фута въ обыкновенномъ (for order) и $1^1/_2$ фута въ сомкнутомъ (close order) послѣдній строй, впрочемъ, принимали только пикинеры при оборонѣ. Эволюціи состояли въ контрмаршахъ, выстраиваніи фронта, захожденіяхъ, вздваиваніи шеренгъ и рядовъ; маневры — въ построеніи крыльевъ, клиньевъ, ромбовъ, четырехугольниковъ, треугольниковъ и многихъ другихъ рѣдкихъ фигуръ.

Въ 1588 г. было постановлено, что изъ свѣтскихъ лицъ обязаны службой въ конницѣ тѣ, кто имѣетъ 100 марокъ ежегоднаго дохода, при которомъ слѣдовало имѣть легкую лошадь и вооруженіе на два человѣка; отъ болѣе богатыхъ людей требовалось больше: лица, владѣвшія землей, которая приносила 1.000 фунтовъ ежегодно, должны были имѣть 6 лошадей, годныхъ для службы въ полукопьяхъ, 10 легкихъ лошадей съ соотвѣтствующимъ снаряженіемъ и вооруженіе на 40 человѣкъ. По списку того времени видно, что въ конницѣ въ Англіи и Валлисѣ было: 1.246 копейщиковъ, 5.403 легкихъ всадника, 3.545 аркебузиръ и 8.857 піонеръ.

Изъ нихъ были собраны для охраны трона и обороны страны 377 копейщиковъ, 2.127 легкихъ всадниковъ и 2.300 аркебузиръ. По другому списку, составленному около того же времени, сила всей конницы простиралась до 50.000 человѣкъ, не считая дворянскаго ополченія; впрочемъ, это были все массы не организованныя, милиціоннаго характера. Главную силу войска составляли наемныя части, поставляемыя со временъ Эдуарда III (1327—1377 г.) по договору короля съ кѣмъ-либо изъ подданныхъ или съ какимъ нибудь другимъ лицомъ. Производить наборы по указу короля, хотя и было противно конституціи, но тѣмъ не менѣе это дѣлалось, несмотря на постоянныя жалобы и протесты. Вообще наемники, за исключеніемъ гарнизоновъ крѣпостей, вербовались только на время войны и, слѣдовательно, не составляли постояннаго войска; однако постоянныя войска попадались и въ то время, и первыми частями этого рода были тѣлохранители короля, какъ напримѣръ: учрежденные Ричардомъ Львиное Сердце сержанты (serjeants at arms), сформированные при Генрихѣ VII въ 1485 г. лейбъ-драбанты (yeomen of the guard) и основанный Генрихомъ VIII, вѣроятно въ 1509 г., корпусъ дворянъ-пенсіонеръ (band of gentlemen pensioners), которые продолжаютъ частью существовать и въ настоящее время, хотя подъ другими именами. Впрочемъ, эти части были больше блестящими придворными, чѣмъ боевыми. Во время борьбы Карла I съ парламентомъ обѣ стороны производили очень частыя вербовки частей войскъ, но и онѣ недолго существовали, также какъ и сформированныя при республикѣ части, которыя были затѣмъ распущены и частью сейчасъ же опять возстановлены уже въ качествѣ королевскихъ. Первой дѣйствительно постоянной частью и старѣйшею изъ нынѣ существующихъ была сформированная при Карлѣ II въ 1660 г., конная гвардія.

При началѣ военныхъ дѣйствій между Карломъ I и парламентомъ, королевская конница состояла изъ 2.015 человѣкъ, которымъ оставшіеся вѣрными лорды обязались собрать по подпискѣ и выплатить трехмѣсячное жалованье. Въ арміи былъ отрядъ принца Рупрехта изъ 500 человѣкъ и 21 труппъ всадниковъ; у возставшихъ же было 75 труппъ по 71 человѣку и 5 труппъ драгунъ по 103—106 человѣкъ: кромѣ того, 1 труппъ кирасиръ въ 103 и 1 труппъ карабеновъ въ 53 человѣка, которые служили тѣлохранителями генералъ-капитана лорда Эссекса и состояли при его пѣхотномъ полку. Если преимущество въ силѣ было на сторонѣ возставшихъ, то за то королевскія войска были гораздо лучшаго качества. Конечно, тѣ и другія состояли изъ новобранныхъ людей, но все-таки между ними была большая разница. Парламентскія войска состояли изъ наемниковъ, въ которые шли преимущественно бѣдные люди по нуждѣ и нерасположенію къ труду, королевскія же пополнялись храбрыми кавалерами, изъ внутренняго убѣжденія вставшими на защиту дорогого имъ начала и притомъ искусные въ ѣздѣ, фехтованіи, стрѣльбѣ и другихъ рыцарскихъ

упражненіяхъ. Они сидѣли на своихъ лучшихъ лошадяхъ и вели за собою небольшіе отряды изъ своихъ младшихъ братьевъ, рейткнехтовъ, лѣсничихъ и т. п.—все людей, которые по своему роду занятій имѣли какъ-бы предварительное солдатское обученіе, хотя, конечно, имъ недоставало стройности движеній, порядка и т. п., встрѣчающихся у настоящихъ солдатъ. Но такъ какъ имъ приходилось имѣть дѣло съ противникомъ, который въ этомъ смыслѣ былъ не сильнѣе ихъ, а въ остальномъ положительно слабѣе, а къ тому же парламентъ вначалѣ былъ очень несчастливъ въ выборѣ своихъ полководцевъ, то и вышло, что въ первыхъ стычкахъ кавалеры оставались почти всегда побѣдителями. Къ сожалѣнію, они не сумѣли воспользоваться своими преимуществами, а у противниковъ ихъ поднялась фанатическая партія независимыхъ, подъ предводительствомъ геніальнаго и энергичнаго Кромвеля. При первомъ своемъ же вступленіи въ ряды войскъ (въ 1642 г., корнетомъ въ 8-мъ труппѣ капитанъ-лейтенанта С.-Джона) онъ увидѣлъ, въ чемъ сила роялистовъ, и нашелъ средство поправить дѣло. Онъ понялъ, что парламентское войско требовало совершенной реорганизаціи, и рѣшился привлечь въ военную службу не простыхъ наемниковъ, а людей порядочнаго происхожденія, серьезныхъ, религіозныхъ и преданныхъ идеѣ, за которую они шли сражаться. Изъ подобныхъ людей онъ сформировалъ свой полкъ, знаменитыхъ Ironsides и подчинивъ ихъ, незнакомой тогда въ странѣ, дисциплинѣ, сумѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ поднять ихъ духъ.—Событія 1644 г. показали справедливость мѣръ, принятыхъ Кромвелемъ и дали ему, съ удаленіемъ прежнихъ, неспособныхъ вождей, возможность распространить мѣропріятія на всю армію. Этимъ былъ рѣшенъ исходъ борьбы. Но не только кавалеры и роялистская идея пали подъ ударами этого новаго войска, самъ парламентъ вынужденъ былъ лѣтомъ 1647 г. подчиниться своимъ же солдатамъ, и въ теченіе нѣкотораго времени Англія управлялась дѣйствительно мечемъ.

Войско это не имѣло никакого сходства ни съ прежде бывшими, ни съ послѣдующими. Въ настоящее время англійскій солдатъ, получая жалованья меньше, чѣмъ послѣдній поденщикъ, отдѣленный пропастью отъ офицера, обреченный на продолжительную жизнь внѣ родины, въ дурномъ климатѣ, очевидно набирается изъ подонковъ общества, тогда какъ при Кромвеллѣ условія были совершенно обратныя. Такъ какъ солдаты получали плату, значительно превосходившую ту, которую могъ получить рабочій, несли службу въ своей странѣ и имѣли возможность достигнуть самыхъ высшихъ ступеней, то въ армію шли элементы, стоявшіе выше средняго уровня по происхожденію и образованію. Ихъ влекла въ ряды арміи не нужда, а религіозное и политическое воодушевленіе и стремленіе къ движенію впередъ и отличіямъ. При подобнаго рода обстоятельствахъ войско должно было получить извѣстную свободу, которая была бы немыслима при другихъ обстоятельствахъ. Солдаты, которые имѣли свои

политическіе клубы, свергали комитеты, разсуждали о важныхъ государственныхъ вопросахъ, при другихъ условіяхъ сбросили бы съ себя узы дисциплины; въ полкахъ, гдѣ бывали религіозныя собранія подъ руководствомъ твердо знающаго библію капрала или другого нижняго чина, легко могла бы быть подорвана субординація. Но люди, собранные Кромвеллемъ, такъ серьезно относились къ своему дѣлу, имѣли столько самообладанія, что все, происходившее въ ихъ лагерѣ, нисколько не расшатывало военной организаціи. Люди, внѣ службы самыхъ крайнихъ идей и поучавшіе на собраніяхъ, въ вопросахъ религіозныхъ, своихъ начальниковъ, отличались въ караулѣ, на ученіи, въ бою — выносливостью и безпрекословнымъ послушаніемъ.

Въ бою это была сила непобѣдимая. Стойкое мужество, которымъ вообще отличаются англичане, было системой Кромвелля возбуждено и упорядочено. Строгая дисциплина, полная пунктуальность соединялись съ глубокимъ патріотизмомъ, горячимъ религіознымъ и политическимъ фанатизмомъ. Бой былъ для нихъ религіознымъ обрядомъ. Особенно же отличалась армія строгой нравственностью и богобоязненностью. Въ лагерѣ не было слышно ругательствъ, не видно пьяныхъ или игроковъ, и во время войнъ строго соблюдалась неприкосновенность собственности мирныхъ гражданъ и чести женщинъ. Было только одно обстоятельство, которое могло довести пуританъ до бѣшенства, такъ что ихъ офицерамъ было трудно съ ними справиться, — это все, что имѣло отношеніе къ прежней вѣрѣ; самому Кромвеллю было очень трудно удержать своихъ копейщиковъ и драгунъ отъ расправы съ духовными лицами, проповѣди которыхъ имъ не нравились.

Конечно, подобное войско не могло имѣть продолжительнаго существованія, что и было на самомъ дѣлѣ.

XVIII. Шведская конница при Карлѣ XII[1]).

Въ общемъ организація шведской конницы, равно и всей арміи, осталась неизмѣненной и послѣ тридцатилѣтней войны и была перенесена и во вновь завоеванныя земли. Благодаря этому, военныя силы государства получили значительное приращеніе: на смотру въ 1654 г. оказалось, что одни герцогства Бременъ и Вреденъ могутъ выставить 1.300 коней рыцарей, фогтовъ и т. п.; въ теченіе 12 лѣтъ однако общій упадокъ дворян-

[1]) Кромѣ источниковъ, приведенныхъ въ гл. XV. — Adlerfeld. Histoire militaire de Charles XII, Roi de Suède, depuis l'an 1700 jusqu'à la bataille de Pultava en 1709, 4 tomes. Amsterdam 1740. — Büsching. Neue Erdbeschreibung. 1 Theil. 7 Auflage. Hamburg 1777. 1 Band § 25 pag. 459 — 461. — Die Königlich Schwedische Armee von einem Schwedischen Offizier. Deutsche Wehrzeitung № 467. 5 Jahrgang № 64. — Eine Schwedische Darstellung der Schlacht bei Fehrbellin. Milit.-Wochenblatt 1876. № 83.

ской конной службы продолжался и въ 1666 г., въ конницѣ осталось 1.100 коней. При реорганизаціи арміи Карломъ XI дворянскія знамена должны были формироваться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и прочіе земскіе полки, образуя въ каждой изъ главныхъ частей государства (Швеція съ Финляндіей, Эстляндія, Лифляндія, Померанія, Бременъ) самостоятельный полкъ, подъ названіемъ дворянскаго знамени или дворянскаго полка такой-то провинціи.

Также и поселенные полки получили значительное приращеніе: существовавшіе съ 1625 г. 6 шведскихъ и 2 финляндскихъ конныхъ полка были увеличены по крайней мѣрѣ, семью новыми полками. Эти полки составляли конницу постоянной арміи, комплектовавшуюся ежегодными наборами или съ извѣстнаго числа головъ (mantal), или (съ 1642 г.) по числу дворовъ (hemman). Еще Густавъ-Адольфъ, однако, желалъ замѣнить этотъ древній способъ, совершенно не соотвѣтствовавшій новымъ обстоятельствамъ, и потому вызывавшій большія несправедливости, другимъ, а именно, чтобы извѣстное число дворовъ выставляло и содержало одного солдата. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только при Карлѣ XI (1672—1697 гг.) со введеніемъ поселенныхъ войскъ Indelnings verket) и продолжаетъ держаться въ Швеціи до настоящаго времени. Мысль новаго закона заключалась въ томъ, что взамѣнъ конскрипціи, отдѣльныя провинціи обязывались поставлять и содержать извѣстное количество солдатъ, которые взамѣнъ содержанія получали земельные участки. Такимъ образомъ былъ проведенъ старый принципъ поселенныхъ войскъ, сохранившійся надолго, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ и удачному примѣненію. Нѣкоторыя его подробности, преимущественно, относительно конницы, могутъ быть, будутъ не излишними.

По проекту Карла XI каждый офицеръ и солдатъ долженъ былъ имѣть свое жилище и свой кусокъ земли, разработка котораго доставляла бы ему все необходимое для поддержанія дома и семьи. Необходимая земля давалась солдатамъ подданными, офицерамъ и унтеръ-офицерамъ казной. Такъ какъ число дворовъ, имѣвшихся съ давнихъ временъ въ распоряженіи военнаго вѣдомства, было совершенно для этого недостаточно, то, по соглашенію съ народными представителями, въ 1680 г. было постановлено, чтобы всѣ земли, нѣкогда принадлежавшія казнѣ и отчужденныя [1]) со времени Густава Вазы тѣмъ или другимъ путемъ, отобрать назадъ въ казну, и значительная ихъ часть была предназначена для содержанія

[1]) Внутреннія смуты послѣ смерти Густава Вазы и войнъ Густава-Адольфа и его преемниковъ дали случай дворянству дорого продавать свои услуги трону. Оно выхлопотало себѣ графства, баронства, всякія права и вольности и забрало себѣ большинство доходовъ казны. Дошло до того, что придворные просто торговали документами, дававшими разныя права личныя и имущественныя, такъ что при королевѣ Христинѣ пришлось поставить въ заголовкѣ дарственныхъ писемъ: „предполагая, что эти имѣнія не отданы уже другому лицу“.

войска. Одновременно съ этимъ было произведено генеральное межеванiе всей страны съ разцѣнкой различныхъ участковъ, по которому во всей Швецiи оказалось 80.000 hemmans. Затѣмъ оставалось только получить согласiе сословiй. Таковое на собранiи 1682 г. было дано большею частью провинцiй, которыя, такъ называемыми Knekte Kontrakter, взяли на себя обязательство выставлять и содержать извѣстное число солдатъ, подъ условiемъ, что за то рекрутскiе наборы и всѣ права, которыя имѣла казна относительно древнихъ hemmans, уничтожаются навсегда. Провинцiя Далекарлiя, которая еще въ 1623 г. взялась выставлять, вмѣсто конскрипцiи, 1.400 чел., первая вступила въ соглашенiе съ казной, а Iемтландъ, Хельсингландъ, Вестботнiя и Остботнiя удержали еще надолго прежнiй способъ набора; послѣдняя провинцiя присоединилась къ прочимъ только въ 1732 г.

На основанiи заключенныхъ съ отдѣльными провинцiями договоровъ, въ каждой изъ нихъ вся земля была раздѣлена на столько участковъ, сколько она должна была выставлять и содержать солдатъ. Каждый изъ такихъ участковъ получалъ названiе „рота“ (въ пѣхотѣ) или „рюстгелль“ (въ конницѣ) и былъ составленъ, смотря по плодородiю почвы, изъ одного или нѣсколькихъ hemmans, замѣнивъ эти послѣднiя. Прежде всего во всемъ государствѣ были выбраны тѣ hemmans, которыхъ доходность была достаточно велика для содержанiя одного всадника; гдѣ не хватало отдѣльныхъ, достаточно состоятельныхъ hemmans, тамъ соединяли по нѣскольку вмѣстѣ. На тѣхъ же основанiяхъ были привлечены дворянскiя земли, кои были даны во время оно ихъ владѣльцамъ въ вознагражденiе за несенiе личной конной службы. Затѣмъ Карлъ XI утвердилъ за этими лицами земельные участки съ тѣмъ, чтобы они и потомки ихъ выставляли и содержали всадника съ лошадью. Эти люди, распредѣленные по всему государству, составили дворянскiя знамена или дворянскiе полки.

Каждый солдатъ получалъ отъ выставлявшихъ его дворянъ, крестьянъ и т. д. дворъ или торпъ, состоявшiй изъ дома, конюшни и амбара съ небольшимъ полемъ, выгономъ и лѣснымъ участкомъ или, вмѣсто послѣдняго, дровами; кромѣ того, ежегодное вознагражденiе деньгами или продуктами, такъ что при достаточномъ прилежанiи онъ могъ существовать безбѣдно. Обо всемъ этомъ составлялся контрактъ между солдатомъ и владѣльцемъ. Если нѣсколько землевладѣльцевъ обязаны были выставить одного всадника, то обыкновенно болѣе богатый давалъ ему дворъ, лошадь и пр. и самъ получалъ затѣмъ отъ прочихъ участниковъ по большей части около 60 талеровъ серебромъ ежегодно. Одежду, снаряженiе и содержанiе человѣка и лошадей во время мирныхъ упражненiй должны были давать лица, поставлявшiя солдатъ; оружiе же, и въ военное время уплату жалованья и продовольствiе, брала на себя казна.

Что касается до содержанiя офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, то Карлъ XI предназначилъ на это часть отобранныхъ земель въ количествѣ около

4.050 геммановъ. Онъ раздѣлилъ ихъ на участки различной величины и доходности, смотря по чинамъ лицъ, для которыхъ они были предназначены, снабдилъ ихъ соотвѣтствующими постройками и передалъ по назначенію вмѣсто жалованья. Если доходъ съ имѣнія не соотвѣтствовалъ размѣрамъ жалованья, то разница выдавалась владѣльцу на руки большей частью продуктами изъ тѣхъ помѣстій, которыя солдатъ н содержали.

Основанныя на такихъ началахъ конныя части состояли въ Швеціи изъ: гвардейскаго полка въ 1.505 человѣкъ, разбросаннаго по всему королевству дворянскаго знамени въ 421 чел., 5 конныхъ полковъ (Вестготландскій, Остготландскій, Смоландскій, Нордшонскій и Остшонскій) по 1.000 человѣкъ, драгунскаго полка (Богусленскаго) той-же силы и драгунскаго эскадрона (Іемтландскаго) въ 100 человѣкъ; въ Финляндіи—изъ 3-хъ полковъ (лейбъ-драгунскій, ньюландскій и карелійскій). При Карлѣ XII гвардейскій полкъ былъ усиленъ до 1.600 человѣкъ, дворянскій—до 1.000 человѣкъ и драгунскій эскадронъ до 200 человѣкъ; число финляндскихъ поселенныхъ конныхъ частей было увеличено двумя (Аболенскимъ и Выборгскимъ) полками, Іогенскими драгунами и Скогскимъ эскадрономъ. Затѣмъ, Карлъ XII обязалъ каждыхъ 3, 4 или 5, обязанныхъ поставкой всадника крестьянъ, выставлять вмѣстѣ еще одного таковаго и сформировалъ изъ послѣднихъ новые полки. Они назывались трехъ-четырехъ и пяти людными (tre, fyr, femmänningar). Первые сформированы въ 1700 г., а въ Финляндіи уже въ 1699 г. Прочіе съ 1702 г. Въ 1706—1709 гг. было три трехлюдныхъ и 1 пятилюдный полкъ. Всѣ они предназначались для мѣстной службы, хотя одинъ изъ нихъ былъ взятъ въ походъ. Кромѣ того въ Финляндіи въ 1700 г. были сформированы еще двойные полки (fördubbeings regementer, т. е. двухлюдные); изъ нихъ два были въ походѣ въ 1708 г. Карлъ XII позаботился также и о сформированіи запаса: всѣ находившіеся при конныхъ полкахъ обозные люди—по одному на 4 всадника—были обучены военному дѣлу и предназначались для замѣны убывшихъ людей. Всѣ эти мѣры дали, правда, королю возможность вести продолжительныя и кровопролитныя войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно истощили всѣ средства страны и повлекли за собою упадокъ поселенной системы, такъ что ко времени смерти короля было всего 6 поселенныхъ конныхъ полковъ, кромѣ Іемтландской роты; изъ дворянскаго знамени, раздѣленнаго на 6 ротъ, только офицеръ и 20 людей и батальонъ въ Каянѣ въ 150 человѣкъ. Усадьбы поселенцевъ тоже пришли въ упадокъ.

Кромѣ поселенныхъ частей были еще другія, которыя выставлялись дворянствомъ, духовенствомъ и чиновниками. При Карлѣ XII ихъ собирали въ 1700, 1712 и 1715—1716 годахъ. Самый извѣстный изъ нихъ былъ выставленный духовенствомъ пасторскій драгунскій полкъ, бывшій въ походѣ въ 1707 году.

Въ нѣмецкихъ провинціяхъ продолжала дѣйствовать прежняя система конскрици, по которой Померанія и Временъ, кромѣ вышеупомянутыхъ двухъ дворянскихъ полковъ, обязаны были выставлять по одному конному полку каждая. Лифляндія и Эстляндія выставляли только по дворянскому полку.

Наемные всадники вербовались частью въ самомъ государствѣ, преимущественно въ нѣмецкихъ провинціяхъ и въ Лифляндіи, частью за границей, безъ различія національностей и по уговору съ полковниками, получавшими патентъ на формированіе полка. Вербованныя части составляли главную силу шведской арміи. Такъ при Варшавѣ въ 1656 г. было шведовъ только гвардія и 5 полковъ и рядомъ съ ними 25 эскадроновъ, то-есть по крайней мѣрѣ 12 — 15 полковъ, вербованныхъ нѣмцевъ. Обыкновенно вербованныя части существовали только во время войны и затѣмъ распускались. Исключеніе составляла королевская гвардія, которая со времени Карла XI комплектовалась только туземцами, вѣроятно преимущественно дворянами, не имѣвшими достаточныхъ средствъ для несенія конной службы и потому служившими за плату. Она была впослѣдствіи переформирована въ корпусъ драбантовъ и была при Карлѣ XII силой въ 1 эскадронъ изъ 2 ротъ, всего 200 человѣкъ; во время его походовъ она понесла значительныя потери и къ концу его царствованія имѣла всего 128 человѣкъ. Была еще нѣмецкая конная гвардія — того-же характера, какъ и драбанты.

Шведская конница состояла преимущественно изъ кирасиръ и драгунъ; первые, которые при Карлѣ XII состояли большей частью изъ туземныхъ полковъ, составляли линейную конницу; вторые, среди которыхъ преобладали вербованные солдаты, несли службу конной пѣхоты и были особенно пригодны при форсированныхъ маршахъ Карла XII. Они же выдѣлялись въ отдѣльные отряды, посылались въ разъѣзды и т. д. При Карлѣ XII появились первые зачатки легкой конницы въ лицѣ сформированныхъ въ составѣ нѣсколькихъ ротъ волошей, вѣроятно польскаго происхожденія, которые употреблялись преимущественно для предпріятій малой войны. Въ 1702 г. графъ Стенбокъ сформировалъ, подъ названіемъ товарищей, роту въ 150 человѣкъ изъ бѣдныхъ польскихъ дворянъ.

Въ первое время послѣ 30-ти-лѣтней войны шведскіе полки продолжали имѣть крайне разнообразный характеръ, составъ и силу. Роты, носившія также названія штандартовъ, знаменъ, корнетовъ, имѣли съ 1653 г. 63 — 66 коней, но допускались значительныя отклоненія отъ этой цифры: были роты въ 60 до 100 — 150 и даже 164 человѣка. Также разнообразно было и число ротъ въ полку. Въ 1658 г. большая часть полковъ, какъ кажется, состояла изъ 4 — 6 ротъ, то-есть 400 — 500 человѣкъ, а въ 1674 г. изъ 480 — 960 человѣкъ. Для тактическихъ цѣлей 2 — 4 и даже 6 ротъ сводились въ эскадронъ. При Карлѣ XI каждый эскадронъ состоялъ изъ

2 ротъ по 125 человѣкъ каждая. При введеніи поселенныхъ частей, гвардейскій конный полкъ состоялъ изъ 6-ти эскадроновъ, всѣ прочіе — въ 4 эскадрона, по 250 человѣкъ въ 2 ротахъ каждый; — такъ что въ первомъ было всего 1.500 человѣкъ, въ другихъ — 1.000; таковая же ихъ организація и сила частей продолжала существовать и при Карлѣ XII. При немъ гвардейскій полкъ въ 1700 г. имѣлъ 1.600 человѣкъ; въ эскадронѣ по 266 человѣкъ; въ 1706 г.—1.200 человѣкъ, въ 1707 г. — 1.500 человѣкъ. Драгунскіе полки были въ 1706 г. такого же состава, какъ конные, то-есть по 4 эскадрона по 2 роты — 1.000 человѣкъ; въ 1707 г. были силой въ 1.250 — 1.500 человѣкъ; одинъ полкъ, сформированный въ январѣ того же года полковникомъ Герцемъ, имѣлъ даже 3.000 человѣкъ, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ, послѣ кончины командира его, былъ раздѣленъ на два, по 1.500 человѣкъ каждый.

Общая сила всей конницы была въ различныя времена весьма различна и зависѣла преимущественно отъ его вербованныхъ частей. Въ 1658 и 1659 гг., когда шведская армія при Карлѣ Густавѣ, во время войны съ Даніей, была доведена до значительной силы, было 51 конныхъ полка по 4 — 8 ротъ, силой всего около 34.000 человѣкъ. Изъ этихъ полковъ 6 драгунскихъ — имѣли по 500 человѣкъ. Въ 1661 г. было всего 14.000 всадниковъ, считая въ томъ числѣ 1.100 человѣкъ конныхъ дворянскихъ частей; было также 2 драгунскихъ полка; въ 1673 г.—16.000 человѣкъ. При Карлѣ XII сила конницы возрасла въ значительной степени, такъ что уже въ 1701 г. было 25.686 всадниковъ. Въ 1708 г. она состояла изъ:

1 эскадрона драбантовъ въ 150 человѣкъ и одной роты нѣмецкой конной гвардіи изъ нѣсколькихъ сотенъ;

25 конныхъ полковъ: гвардейскій изъ 6-ти эскадроновъ — 1.500 человѣкъ, 5 дворянскихъ различныхъ провинцій изъ 800 — 1.000 человѣкъ каждый, 5 шведскихъ поселенныхъ и 4 полка 3-хъ и 5-ти людныхъ изъ 4 эскадроновъ — по 1.000 человѣкъ каждый, 6 таковыхъ же финляндскихъ, померанскій и бременскій, и 2 вербованныхъ.

21 драгунскаго полка: финляндскій лейбъ-драгунскій поселенный въ 1.500 человѣкъ, пасторскій драгунскій въ 1.250 человѣкъ, поселенскій шведскій въ 1.000 человѣкъ, финляндскій драгунскій и 17 вербованныхъ (большею частью нѣмецкіе, 1 французскій), 3 по 1.500 каждый, остальные по 1.250.

Два отдѣльныхъ поселенныхъ драгунскихъ эскадрона по 200 человѣкъ и нѣсколько ротъ волошей.

Всего круглымъ числомъ, по штатамъ, 53.000 человѣкъ. Въ годъ смерти Карла XII оставалось всего только 17 конныхъ и 6 драгунскихъ полковъ.

Вооруженіе и снаряженіе оставались тѣ-же, что и прежде, только Карлъ XII отмѣнилъ кирасы и сдѣлалъ шпагу главнымъ оружіемъ. Драгуны, унтеръ-офицеры которыхъ получили въ 1691 г. винтовки, имѣли

иногда ручныя гранаты, какъ объ этомъ опредѣленно упоминается въ 1702 г. Окончательно введенное, въ 1656 г., однообразное обмундированіе было, согласно приказа 1687 г., для всей арміи синяго цвѣта, только для драгунъ — сѣраго.

Во время войны плѣнныхъ часто ставили въ ряды войска, даже формировали изъ нихъ отдѣльныя части; такъ, напр., въ 1658 г. изъ 195 плѣнныхъ датскихъ всадниковъ полка Шака были сформированы 4 драгунскія роты. При Карлѣ XII практиковалось то-же самое, только не въ кавалеріи. Въ 1665 г. графъ Кенигсмаркъ, пфальцграфъ Зульцбахскій, Эрикъ Оксенстьерна, Левенгауптъ и другія знатныя лица выставили на свой счетъ конные полки и, вѣроятно, это было не единственнымъ примѣромъ. Вообще же выборъ людей для пополненія конницы производился очень строго.

Для образованія офицеровъ не существовало какихъ-либо особыхъ заведеній или учрежденій; почти непрерывавшіяся войны были лучшей школой; значительная часть шведскаго дворянства служила также въ иностранныхъ арміяхъ, преимущественно во французской. Производство было для высшаго дворянства очень быстрое, такъ что совсѣмъ молодые люди достигали высшихъ степеней. Особенно блестящую карьеру сдѣлалъ графъ Магнусъ де-ла-Гарди, который былъ 22 лѣтъ полковникомъ лейбъ-гвардіи, 26 — генералъ-лейтенантомъ. Примѣромъ болѣе нормальнаго, хотя все-таки хорошаго производства можетъ служить Ашебергъ, который родился въ 1621 г., поступилъ на службу рядовымъ въ 1640 г., былъ корнетомъ — въ 1644 году, ротмистромъ — въ 1646 г., полковникомъ — въ 1656 г., генералъ-маіоромъ въ 1660 г., генералъ-лейтенантомъ въ 1674 г.

Лошади покупались преимущественно въ Даніи и Германіи, такъ какъ шведскія лошади хотя и неутомимы, смѣлы, терпѣливы и невзыскательны, но малы ростомъ и потому не обладаютъ достаточной силой при шокѣ. Платилось, обыкновенно, 35 — 50 талеровъ за лошадь; за послѣднюю цѣну можно было получить довольно хорошаго коня.

При Карлѣ XII всѣ работы о довольствіи лежали на начальникахъ отдѣльныхъ частей, во-первыхъ, потому, что король не хотѣлъ лишать ихъ нѣкоторыхъ выгодъ, которыя они при этомъ имѣли, и, во-вторыхъ, потому, что онъ полагалъ, что они будутъ заботиться о своихъ людяхъ больше, чѣмъ существовавшіе до него военные коммиссары, преслѣдовавшіе личныя цѣли. При походахъ въ пустынную, малонаселенную Россію нужно было все таскать за собой; войска имѣли при себѣ и ручныя мельницы, на которыхъ два человѣка въ 24 часа перемалывали 6 тоннъ = 24 шеффеля.

Строилась конница еще при Густавѣ Адольфѣ въ три шеренги, а при Карлѣ XII часто переходила къ двухшереножному строю, напримѣръ, въ 1705 году въ дѣлѣ при Варшавѣ. Даже и при первомъ построеніи, са-

мая атака производилась обыкновенно 2 шеренгами, такъ какъ на третью возлагалась атака противника во флангъ, или преслѣдованіе его. Обыкновенно эскадроны строились на полныхъ интервалахъ, при чемъ каждый полкъ составлялъ двѣ линіи въ шахматномъ порядкѣ или въ затылокъ и въ такомъ случаѣ съ разомкнутыми рядами, чтобы задняя линія могла пройти черезъ переднюю. Иногда первая линія — безъ всякихъ интерваловъ, вторая — на полныхъ, какъ напримѣръ въ 1705 г. при Гемауертгофѣ.

Въ 1705 г. былъ изданъ новый уставъ, державшійся вначалѣ въ большомъ секретѣ, заключавшій всѣ прежнія перестроенія, приведенныя въ лучшую систему. Карлъ XII преслѣдовалъ главнымъ образомъ двѣ цѣли: быстроту движенія, въ которой его всадники превосходили всѣхъ прочихъ, даже французовъ, и атаку холоднымъ оружіемъ, которую они производили, отнюдь не задерживаясь стрѣльбой, полнымъ ходомъ съ палашомъ въ рукахъ, совершенно въ духѣ стараго, настоящаго рыцарства; только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ шведская конница пользовалась огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ бояхъ конница располагалась въ большинствѣ случаевъ на флангахъ, обыкновенно каждый полкъ въ двѣ линіи; иногда ставили для фланговъ, какъ и для состоящаго изъ пѣхоты, центра, третью линію (1676 году сраженіе при Лундѣ). Иногда позади каждой пѣхотной линіи стояло нѣсколько эскадроновъ конницы; также случалось, что на флангахъ между конными частями ставили мушкетеръ (1658 году въ отдѣленіяхъ по 200 человѣкъ) или спѣшенныхъ драгунъ (въ 1656 г. при Варшавѣ цѣлые 5 полковъ были подобнымъ образомъ распредѣлены мелкими частями). Подобное же перемѣшиваніе обоихъ родовъ оружія, примѣнявшееся часто Карломъ Густавомъ, встрѣчается и при Карлѣ XII: Саладинъ 1703 г., Калишъ 1706 г.; при Фрауштадтѣ генералъ Рейншильдъ распредѣлилъ на каждомъ крылѣ по два баталіона между конными частями и поставилъ 14 эскадроновъ на большихъ интервалахъ во вторую линію позади пѣхоты; при Лѣсной (1709 г.), напротивъ того, обѣ переднія линіи были составлены изъ конницы, пѣхота же стояла позади, такъ что во время боя могла продвинуться впередъ между интервалами конницы. Вообще же Карлъ XII былъ противъ подобнаго перемѣшиванія конницы съ пѣхотой, лишавшаго первую возможности развить всѣ ея качества; напротивъ того, онъ, отчасти изъ убѣжденія, отчасти вслѣдствіе характера театра войны, обращалъ особенное вниманіе на конницу и не жалѣлъ стараній ее обучать и содержать въ хорошемъ состояніи.

Насколько онъ не щадилъ себя самого ни на ученьи, ни въ бою — это извѣстно. Между прочимъ, на смотру одного коннаго полка въ 1707 г. онъ загналъ двухъ лошадей. Что всѣ его усилія не пропали даромъ, доказывается почти постояннымъ успѣхомъ его конницы, которая при немъ была въ арміи главнымъ родомъ оружія; она безъ малѣйшаго колебанія

атаковала не только пѣхоту и артиллерію, но даже укрѣпленія и почти одна рѣшала дѣло, правда, что она была на столько многочисленна, что нерѣдко превосходила втрое пѣхоту.

Воинскій духъ былъ доведенъ въ арміи до высшей степени; строгая дисциплина, энергично поддерживаемая и Карломъ XII, отличала шведскую армію отъ всѣхъ прочихъ. Солдаты были образцомъ терпѣнія, невзыскательности, мужества; холодъ, голодъ, труды, лишенія, усталость и страданія переносились ими съ рѣдкой выносливостью. Въ бою они были почти непреоборимы; они не допускали возможности неудачи. Въ уставѣ не было упражненій въ отступленіи и таковыя запрещено было дѣлать. Никто не оставлялъ рядовъ и даже, одержавъ побѣду, когда передъ передними рядами лежали мертвые враги, никто не нагибался, чтобы ихъ раздѣть, пока, послѣ благодарственной молитвы, не давалось разрѣшеніе.

Не меньшаго удивленія, чѣмъ войско, заслуживаетъ и страна. Если вспомнить продолжительныя войны, почти не прекращавшіяся со временъ Густава-Адольфа, сильныя потери при этомъ понесенныя, въ особенности же во времена Карла XII, когда было выставлено (по Фрикселлю) съ начала войны до Полтавскаго сраженія 400.000 солдатъ, изъ которыхъ 300.000 никогда не вернулись домой, то становится трудно понятнымъ, какъ могла все это вынести страна, столь бѣдная и всего съ двумя милліонами населенія (по Рюсу).

И все-таки тотъ государь, который довелъ всѣ эти тягости до такого напряженія и кончилъ страшной катастрофой для себя и для страны, извѣстенъ послѣднему крестьянину и имя его пробуждаетъ духъ патріотизма еще въ большей степени, чѣмъ даже имя Густава-Адольфа. Происходитъ это оттого, что армія послѣдняго, большинство которой составляли наемники, исчезла вмѣстѣ съ нимъ; оттого, что побѣды его извѣстны изъ книгъ только высшимъ классамъ и оттого, что городское населеніе забывчивѣе; между тѣмъ войска Карла XII были въ большинствѣ національныя и, вернувшіеся въ свои торпы, воины передавали въ длинные зимніе вечера своимъ дѣтямъ и сосѣдямъ о полныхъ приключеній и славы дѣйствіяхъ и жизни ихъ несчастнаго, но тѣмъ болѣе почитаемаго короля и такимъ образомъ создали настоящаго національнаго героя.

И мы должны сказать, что Карлъ XII, какъ о немъ ни судить съ другихъ точекъ зрѣнія, былъ мужественный воинъ, настоящій всадникъ и рыцарь и ему подобаетъ отвести почетное мѣсто на этихъ страницахъ, посвященныхъ исторіи кавалеріи.

XIX. Происхожденіе, развитіе и составъ русской регулярной конницы при Петрѣ Великомъ[1]).

Петръ Великій (1682 — 1725 г.), положившій какъ извѣстно основаніе современной русской регулярной арміи, позаботился также и о конницѣ, сформировавъ 25 іюня въ 1700 г. въ Москвѣ 2 драгунскихъ полка (на 27 пѣхотныхъ), силой въ 8 и 10 ротъ, въ 800 и 996 чел. Затѣмъ формировалось таковыхъ же полковъ: въ 1701 г. — 12, въ 1702 г. — 1, въ 1703 и 1704 гг. по два, въ 1705 — 7 и отдѣльный эскадронъ въ 1706 и 1707 гг. — по 3 и въ 1708 г. еще два, такъ что всего было 34 полка и одинъ эскадронъ; сначала они назывались по именамъ командировъ, а затѣмъ (съ 10 марта 1708 г.) по названіямъ провинцій и городовъ. Сформированные въ 1701 г. полки были 10 ротные въ 1.000 человѣкъ. По предложенію перешедшаго изъ австрійской службы фельдмаршала Огильви, въ 1704 г. было постановлено, что всѣ драгунскіе полки, которыхъ онъ положилъ имѣть 16, должны имѣть 6 эскадроновъ и 12 ротъ по 87 рядовыхъ каждая, всего 1.239 чел.; но изъ списковъ видно, что на дѣлѣ они большей частью состояли изъ 10 фузилерныхъ ротъ, къ которымъ въ 1705 г. была прибавлена одна гренадерская, и были силой въ тысячу человѣкъ. Въ 1709 г. (27 января) гренадерскія роты отдѣлены отъ полковъ и временно сведены въ 3 конногренадерскіе или драгунскіе гренадерскіе полка, по 10 ротъ въ каждомъ; въ такой же составъ были тогда же переведены и драгунскіе или, какъ ихъ тогда называли, драгунскіе фузилерные полки.

19 февраля 1711 г. были установлены первые штаты для русской арміи, по которымъ конница состояла изъ 33 драгунскихъ полковъ, по

[1]) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ гл. VIII и XIV: Adlerfeld. — Brix. Gesch. d. modern. Russischen Armee im ersten Jahrh. ihres Bestehens. (Manuscript). — Хронологическія таблицы Импер. Рос. Арміи. Сост. редакторомъ „Рус. Воен. Хроники“. Спб. 1865 и 1866 гг. — Долгорукій. Хроника Рос. Имп. Арміи. Спб. 1799 г. — Exercitia, Marsch u. Pflichten, wie auch Devoir der Reg.-Schargen (v. 30 März 1716) St. Petbg. 1756. — Journal de Pierre le Grand depuis l'année 1698 jusqu'à la conclusion de la paix de Nystadt. 2 tomes. Londres 1773. — Ивановъ. Составъ и организація регул. рус. кав. отъ Петра Вел. до нашихъ дней. Спб. 1864 г. — Kriegs-Reglem. (v. 30 März 1716. v. Gen. Feldmar. Ogilvie). St. Petbg. 1753. — Mannstein, v. Histor., polit. u. militär. Nachrichten v. Russl. v. d. J. 1727 — 1744. Leipzig 1771. — Plotho, v. Ueber die Entstehung, die Fortschritte u. die gegenwärt. Verfassung, d. Rus. Armee. Berlin 1811. — Пушкаревъ. Исторія Импер. Рос. Гвардіи отъ ея основанія при Петрѣ Вел. до конца царствов. Импер. Павла I. 2 части. Спб. 1844 и 1845 гг. — Сраженіе подъ Полтавой 27 Іюня 1709 г. „Воен. Жур.“ 1845 г. № 3. — Schmidt. Darstellung d. Ursprungs u. Fortgangs des regul. Kriegsheers u. d. Seemacht in Russ. Moskau 1798. — Журавскій. Статистическій обзоръ расходовъ на военныя надобности съ 1711—1825 г. „Воен. Сбор.“ 1859 г. № 9, 10, 11, 12. — Stein., v. Das Russ. Heer, seine Geschichte u. sein gegenwär. Zustand (Manuscript) 1860. — Таблица рисунковъ, форма знаменъ и штандартовъ Имп. Рос. войска съ указаніемъ времени основанія полковъ и ихъ отличій. 5 частей Спб. 1850. Вейде. Воинскій уставъ, составленный и Петру Великому посвященный. 1698 г. „Воен. Журн.“ 1853 г. № 5. — Висковатовъ. Исторія Кавалергардовъ и Кавалергар. Ея Вел. полка съ 1724—1851 г. Спб. 1851 г. („Воен. Журн.“ 1851 г. № 6).

10 ротъ, силой въ 1.328 человѣкъ, 1.000 строевыхъ и 300 обозныхъ лошадей. Такъ какъ полковъ, считая въ томъ числѣ такъ называемыхъ генеральный шквадронъ и не считая 3 конногренадерскихъ полковъ, было 35, то лишніе четыре полка были распущены, а три конногренадерскіе включены въ штатъ. Въ 1711 г. были сформированы для мѣстной службы гарнизонные драгунскіе полки, получавшіе меньшее содержаніе и, при приблизительно одинаковой силѣ съ полевыми, стоившіе вдвое меньше. Въ 1712 г. такихъ частей было: 2 полка и 1 эскадронъ и, кромѣ того, продолжалъ существовать сверхъ штата сформированный въ 1708 г. изъ рославльской шляхты драгунскій эскадронъ.

Въ 1720 г. были изданы новые штаты, по которымъ было постановлено имѣть полевыхъ полковъ: 3 гренадерскихъ и 30 фузилерныхъ драгунскихъ, по 10 ротъ, силой въ 1.253 чел., 1.101 строевую и 100 обозныхъ лошадей; а гарнизонныхъ 4 полка по 10 ротъ, силой въ 1.106 чел. и 1.030 верховыхъ лошадей, и одинъ эскадронъ въ 5 ротъ, силой въ 560 чел. и 515 верховыхъ лошадей. Сверхштатный эскадронъ продолжалъ существовать.

Затѣмъ, штаты эти оставались при Петрѣ 1 вообще безъ измѣненія, только въ 1721 г. (7 марта) былъ сформированъ новый драгунскій полкъ, который долженъ былъ войти въ общій штатъ, былъ переформированъ впослѣдствіи въ Лейбъ-Региментъ изъ дворянъ и былъ, подобно двумъ пѣхотнымъ лейбъ-гвардіи полкамъ, разсадникомъ для офицеровъ кавалеріи. Въ 1724 г. полевые драгунскіе полки получили новый временный составъ въ 1.260 чел., вслѣдствіе предполагавшагося обращенія всей арміи въ поселенную.

Кромѣ входившихъ въ составъ регулярной арміи драгунскихъ полковъ, въ Россіи были еще и другія конныя части, напримѣръ, гусары, составлявшіе нѣчто среднее между регулярной конницей и иррегулярными казаками. Такъ какъ послѣдніе не отвѣчали всѣмъ условіямъ регулярной легкой конницы, то Петръ поручилъ въ 1707 г. нѣкоему Апостолу Кигечу сформировать изъ венгерскихъ, сербскихъ, молдавскихъ и валахскихъ выходцевъ конный отрядъ въ 308 чел., по образцу венгерскихъ и сербскихъ гусарскихъ полковъ австрійской арміи и подъ названіемъ Валахской хоругви. Она постепенно настолько увеличивалась, что къ Турецкой войнѣ 1711 г. было уже 6 валахскихъ полковъ, и, кромѣ того, одна сербская и одна польская хоругвь, подобныхъ же войскъ. По возвращеніи изъ Прутскаго похода, въ виду чрезвычайной дороговизны этихъ войскъ, ихъ было оставлено всего три роты по 500 человѣкъ, а по окончаніи Сѣверной войны 1721 г. они были окончательно распущены. Однако, необходимость въ легкой конницѣ все продолжала чувствоваться и уже въ 1723 г. Петръ рѣшилъ сформировать нѣсколько гусарскихъ полковъ въ Украйнѣ, затѣмъ эта мысль была оставлена; вмѣсто того, сербскій маіоръ

Альбанесъ получилъ предложеніе набрать среди сербовъ нѣсколько такихъ полковъ по 10 ротъ въ 1.216 чел. каждый. Но это удалось не вполнѣ: набрано было всего 459 человѣкъ, но это число постепенно уменьшалось, такъ что къ смерти Петра I ихъ осталось всего 94 человѣка.

Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о ландмилиціи, сформированной для мѣстной обороны, прежде всего въ Украйнѣ. Въ 1713 г. была учреждена пѣшая ландмилиція изъ 5 пѣшихъ полковъ, скоро распущенная; 4 апрѣля 1723 г. вышелъ указъ о сформированіи конной ландмилиціи иррегулярнаго характера; 29 апрѣля это было измѣнено въ томъ смыслѣ, что двѣ трети ея должны были быть иррегулярной, одна треть — регулярной.

2 мая того же года было постановлено, что каждый полкъ долженъ былъ быть въ составѣ 10 ротъ по 150 рядовыхъ каждая и силой: регулярный въ 1.533 чел., иррегулярный — въ 1.521 чел. Комплектованіе этихъ полковъ было произведено наборомъ одного чел. изъ 16, что при народонаселеніи въ 82.992 души дало 5.187 чел., раздѣленныхъ на 6 полковъ (2 регулярныхъ, 4 иррегулярныхъ), къ которымъ вскорѣ былъ прибавленъ еще одинъ. Сила ихъ была установлена въ 1724 г. для регулярныхъ — въ 1.063 чел., для иррегулярныхъ — въ 1.041 чел.

На одинаковомъ положеніи съ ландмилиціей продолжали свое существованіе шляхетскія милиціи разныхъ бывшихъ польскихъ городовъ, въ томъ числѣ смоленская — въ составѣ одного полка.

Такимъ образомъ ко времени смерти Петра I въ составѣ русской конницы входили: 3 гренадерскихъ и 30 фузилерныхъ полевыхъ драгунскихъ полковъ по 1.260 чел., 4 полка и 2 эскадрона гарнизонныхъ драгунскихъ по 1.106 и 560 чел.; отрядъ сербскихъ гусаръ въ 94 чел., 2 регулярныхъ и 5 иррегулярныхъ ландмилицкихъ полковъ по 1.063 и 1.041 чел. и одинъ полкъ смоленской шляхты; всего круглымъ числомъ около 55.000 чел. Затѣмъ была еще многочисленная казачья конница: донскіе и волжскіе—около 20.000, терскіе и гребенскіе — около 500 чел., постоянно находившихся на службѣ; яикскіе (впослѣдствіи уральскіе)—3.196 чел., малороссійскіе—10 казачьихъ и 3 компанейскихъ полка; 5 полковъ слободскихъ казаковъ, бахмутскіе, хоперскіе, семейные и сибирскіе казаки; чугуевцы, калмыки, башкиры и иррегулярные отряды армянъ и грузинъ, состоявшіе при корпусѣ, расположенномъ на персидской границѣ. Всего иррегулярныхъ всадниковъ было не менѣе 125.000.

Постоянныхъ тактическихъ единицъ выше полка въ то время не было. При учрежденіи регулярнаго войска въ 1700 году оба драгунскіе полка были приданы двумъ дивизіямъ, образованнымъ изъ 16 сформированныхъ въ Москвѣ пѣхотныхъ полковъ; но съ увеличеніемъ численности кавалеріи система смѣшанныхъ дивизій была оставлена. Вообще постояннаго раздѣленія арміи не существовало, а отряды составлялись сообразно необходимости.

Конница въ боевомъ порядкѣ стояла на флангахъ, во 2-й линіи. Каждая линія каждаго фланга имѣла своего начальника и кромѣ того на фронтѣ боеваго порядка 3 — 4 полка были распредѣлены сообразно обстановкѣ подъ начальствомъ генералъ-маіоровъ или бригадировъ.

По воинскому уставу 1716 г. 2, 3 или большее число конныхъ (а равно и пѣхотныхъ) полковъ образовывали бригаду, а нѣсколько бригадъ — дивизію, которая могла состоять изъ одного рода оружія или изъ двухъ, смотря по желанію главнокомандующаго; въ арміи Шереметева въ 1712 г. въ Германіи уже было двѣ конныя дивизіи, генераловъ Януса и Ренне, всего 17 полковъ и 2 пѣхотныя дивизіи.

Кромѣ этого тактическаго дѣленія, зависѣвшаго отъ обстановки, было другое, административное — по провинціямъ, въ которыхъ извѣстныя части были расположены и которыми онѣ содержались. Эта система привела въ концѣ царствованія Петра, къ мысли поселенія арміи по всему государству, что и было примѣнено около 100 лѣтъ спустя въ военныхъ поселеніяхъ. Наконецъ, конница имѣла своихъ особыхъ начальниковъ, такъ называемыхъ аншефовъ, во главѣ которыхъ стоялъ генералъ-аншефъ; мѣсто это очень долго занималъ Меншиковъ.

Одежда, снаряженіе и вооруженіе были вначалѣ крайне разнообразны даже въ одномъ полку. Только въ 1711 г. въ вооруженіи и въ 1720 г. въ одеждѣ было введено нѣкоторое однообразіе. Драгуны имѣли палашъ, ружье на правомъ, пистолетъ безъ кобуры на лѣвомъ плечѣ; четыре пятыхъ людей — топоры, прочіе поровну — лопаты и кирки; аммуниція заключалась въ перевязи съ подставкой для ружья и мѣшка на ремнѣ; конское снаряженіе состояло изъ сѣдла нѣмецкаго образца, съ чепракомъ и чемоданомъ, и мундштука. Каждый полкъ имѣлъ 5 (до 1711 г. — 10) знаменъ, 160 палатокъ и 60 повозокъ. По положенію 1720 г. одежда полевыхъ драгунъ состояла изъ синяго кафтана съ бѣлой опушкой и подкладкой, камзола и штановъ изъ оленьей кожи, бѣлаго галстука и чулковъ, высокихъ сапогъ съ отворотами и со шпорами и треуголокъ; вооруженіе и снаряженіе — изъ палаша, ружья безъ штыка, пистолета, перевязи со штыремъ, пороховницы, патроновъ, водяныхъ фляжекъ, топора, сѣделъ съ оковкой, кобурами и карманами, попонами, мундштуковъ, недоуздковъ и скребницъ. Каждый полкъ имѣлъ 10 знаменъ, 240 лопатъ, 100 косъ, 50 кирокъ, 250 палатокъ, 36 чахловъ, 10 патронныхъ и гранатныхъ ящиковъ и 25 другихъ повозокъ и всякій инструментъ. Гарнизонные драгуны имѣли зеленые мундиры съ красными отличіями, красные камзолы и штаны; прочее вооруженіе и снаряженіе — тоже, что и полевые, но пистолеты имѣла только половина людей и совсѣмъ не было водяныхъ фляжекъ, шанцеваго инструмента, палатокъ и повозокъ. Полевые драгуны при самомъ основаніи получили „конныя мортиры“, о числѣ и калибрѣ которыхъ ничего неизвѣстно; затѣмъ каждый полкъ получилъ 2 трехфунтовыя пушки.

Это были зачатки конной артиллеріи, которая была введена въ Россіи 100 годами позже.

Относительно обмундированія, снаряженія и вооруженія прочей кавалеріи не было общаго положенія.

Про гусаръ извѣстно только то, что они имѣли въ 1709 г. пики, а по положенію 1720 г. должны были имѣть сабли, по два пистолета и треть — карабины, а двѣ трети — пики. Въ томъ же году украинской ландмилиціи было приказано, чтобы двѣ трети были вооружены карабинами или драгунскими ружьями, одна треть — пиками и пистолетами; вскорѣ это было измѣнено въ томъ смыслѣ, что регулярные полки милиціи получили одинаковое вооруженіе съ драгунами; иррегулярные: половина людей — карабины или ружья и палаши, другая половина — пики и всѣ по два пистолета. Но вначалѣ тѣмъ не менѣе царило полное разнообразіе и недостатокъ въ оружіи.

Казаки и другія иррегулярныя части оставались на старомъ положеніи. Что касается обученія кавалеріи при Петрѣ Великомъ, то въ 1716 г. былъ изданъ воинскій уставъ, впрочемъ очень несовершенный. Драгуны строились верхомъ въ 3, пѣшкомъ — въ 4 шеренги; повороты производились по одному, а не отдѣленіями. Петръ Великій желалъ, подобно своему славному противнику Карлу XII, чтобы конница дѣйствовала въ бою исключительно холоднымъ оружіемъ, но старая привычка была еще очень сильна и въ конницѣ нерѣдко прибѣгали къ стрѣльбѣ. Вообще въ обученіи и употребленіи конницы все зависѣло отъ взглядовъ частныхъ начальниковъ, уроженцевъ разныхъ странъ, что должно было повести за собой полное разнообразіе и не даетъ возможности высказать общее сужденіе.

XX. Организація и составъ прусской конницы при Фридрихѣ Великомъ[1]).

Послѣ смерти Фридриха Вильгельма I составъ прусской конницы былъ слѣдующій:

[1]) Berneck, Carrion Nisas, Hoyer, La Roche Meynert. — Alt. Das Königlich Preussische Heer. Kurzgefasste Geschichte seiner sämmtlichen Truppenkörper. 2 Bnde Berlin 1869, 1870. (unvollendet.) — Bismark. General der Reiterei Friedrich. Wilhelm v. Seydlitz. Im 4 Theil der Reiter-Bibliothek. Karlsruhe 1828. — Ciriacy. F. v. Chronologische Uebersicht der Geschichte des Preussischen Heeres, dessen Stärke, Verfassung und Kriege seit dem letzten Kurfürsten von Brandenburg bis auf die jetzigen Zeiten. Berlin 1820. — Courbière. R. de l'Homme de. Geschichte der Brandenburgisch-Preussischen Heeres-Verfassung. Berlin 1852. — Denkwürdigkeiten zur Charakteristik der Preussischen Armee unter dem König Friedrich dem Zweiten. Aus dem Nachlasse eines alten preuss. Officiers. Glogau 1826. — Frédéric II. Oeuvres posthumes de —, roi de Prusse. 15 tomes. Berlin 1738, (Band I — V); Oeuvres de Frédéric le Grand. 30 tomes. Berlin 1846 — 1857. (I — VII oeuvres historiques, XXVIII — XXX Oeuv. militaires). — (Friedrich der Grosse). Des Königs von Preussen Abhandlung von der preussischen Kriegsverfassung in den ältesten Zeiten bis zum Ende

12 кирасирскихъ полковъ по 5 эскадроновъ (въ 2 роты по 60 коней) каждый (№ 10 назывался жандармскимъ, № 11 — лейбъ-карабинерскимъ);

6 драгунскихъ полковъ, 3 по 10, 3 по 5 эск. (№ 3 въ видѣ особеннаго отличія носилъ названіе конногренадерскаго), два гусарскихъ полка въ 6 и 3 эск.; всего 20 полковъ и 114 эскадроновъ.

Всѣ эти полки имѣли старшинство въ каждомъ родѣ конницы по году своего основанія и имѣли номера [1]); кромѣ того назывались по имени шефа. Вообще прусская конница того времени не пользовалась особенной извѣстностью. По наружному виду, чистотѣ, аккуратности она не отставала отъ пѣхоты; также и въ упражненіяхъ и эволюціяхъ она могла поравняться съ послѣдней: „они двигаются съ правильностью гренадеръ", писалъ Фридрихъ. Уставы „для королевско-прусскихъ конныхъ полковъ" и „для королевско-прусскихъ драгунскихъ полковъ", оба изданные въ Потсдамѣ 1-го марта 1727 года и служившіе дополненіемъ прежнихъ уставовъ 1720 г., были проникнуты истинно-кавалерійскимъ духомъ и построены на правильныхъ основаніяхъ. Тѣмъ не менѣе боевая годность этихъ красивыхъ войскъ была самая незначительная; „въ виду непріятеля они никуда не годятся и постоянно опаздываютъ", характеризовалъ ихъ великій король. Происходило это оттого, что конница не дѣйствовала на основаніи правильныхъ взглядовъ, что вся ея организація была построена на пѣхотныхъ началахъ и на предвзятыхъ взглядахъ Фридриха-Вильгельма I и его совѣтника, князя Леопольда Ангальтъ-Дессаускаго, вслѣдствіе чего, по словамъ Фридриха, „люди ея не были обучены и потому, когда впослѣдствіи въ ней оказалась нужда, то ее нельзя было употребить. Она „пополнялась, подобно пѣхотѣ, очень высокими людьми и сидѣла на чрезвычайно рослыхъ лошадяхъ. Это были колоссы на сло-

---

der Regierung des Königs Friedrich Wilhelm (I). Aus dem französischen übers. Frankfurt, Leipzig und Augsburg 1771.—Merkwürdigkeiten zur Brandenburgischen Geschichte. Frankfurt u. Leipzig 1756. — Gansauge, v. Das brandenburgisch-preussische Kriegswesen um die Jahre 1440, 1640 u. 1740. Berlin, Posen u. Bromberg 1839. — Haber, v. Die Cavallerie des Deutschen Reiches, derselben Entstehung, Entwickelung und Geschichte, nebst Rang-Quartier-, Anciennetäts-Liste und Uniformirung. III Jahrgang. Hannover 1878. — Kähler. Die Kavalleristischen Reglements und Instructionen Friedrich des Grossen. Berlin 1876. — Lange. Die Soldaten Friedrich's des Grossen. Mit 31 Original-Zeichnugen von A. Menzel. Leipzig 1853. — Mauvillions. Geschichte und Darstellung des Brandenburgischen und Preussischen Soldatenwesens bis zu der Regierung Friedrich Wilhelm II. Aus der französischen Handschrift übers. von F. v. Blankenburg. Leipzig 1796. — Reglement, vor die Königl. Preuss. Cavallerie-Regimenter und vor die Königl. Preuss. Dragoner-Regimenter. Gegeben und gedruckt Berlin den 1 Junii 1743. Reglement vor die Königl. Preuss. Husaren-Regimenter. Berlin den 1 Decembris 1743.—Stammliste der Königl. Preuss. Armee seit dem 16. Jahrhundert bis 1840. Berlin. — Tactique prussienne on système militaire de la Prusse. Paris 1789. — Warnery, des Herrn Generalmajor von, sämmtliche Schriften. Aus dem Franz. 9 Theile. Hannover 1785 — 1791. — Geschichte des 7-jährigen Krieges u. s. w., von den Officieren des (Preuss.). gr. Generalstabes. 6 Theile in 7 Bänden. Berlin 1824 — 1847.

[1]) Номера полковъ введены только съ семилѣтней войны, но для простоты обозначенія въ этомъ трудѣ ими полки именуются и раньше означенной эпохи.

нахъ, которые не умѣли ни двигаться, ни сражаться. Не было ни одного ученія, на которомъ всадники не падали бы по ихъ собственной неловкости. Они не владѣли своими лошадьми; офицеры не имѣли понятія о конной службѣ, о войнѣ вообще, о мѣстности и совсѣмъ не были обучены тому, что приходится дѣлать конницѣ въ бою". „Кромѣ всего вышеприведеннаго, продолжительное мирное время развило нѣкоторую небрежность въ службѣ. Въ началѣ царствованія Фридриха-Вильгельма занялись приведеніемъ полковъ въ порядокъ и дисциплиной людей. Когда въ этомъ отношеніи нечего было больше дѣлать, то обратили вниманіе на другія вещи, бросающіяся въ глаза. Оружіе, мундштукъ, сѣдло, даже сапоги должны были блестѣть; гривы лошадей украшались ленточками. Похвальная забота о чистотѣ перешла въ смѣшную мелочность. Если бы миръ продолжался долѣе 1740 г., то, вѣроятно, было бы введено употребленіе румянъ, бѣлилъ и мушекъ. Самое важное на войнѣ было совершенно заброшено, а способность оцѣнки становилась ежедневно слабѣе, благодаря занятію мелочами".

Ко всѣмъ этимъ недостаткамъ прибавлялся еще тотъ, что въ числѣ высшихъ вождей не было ни одного настоящаго кавалерійскаго генерала, такъ что слава, пріобрѣтенная конницей при Великомъ Курфюрстѣ, переходила все болѣе и болѣе къ пѣхотѣ. Фридриху II суждено было опять поднять конницу, при помощи такихъ кавалерійскихъ генераловъ, какъ Зейдлицъ и Цитенъ, и поднять на такую высоту, на которой она врядъ ли находилась когда-либо до и послѣ него. Не входя въ подробности ея подвиговъ, частью изложенныхъ у Денисона, частью извѣстныхъ всѣмъ, мы ограничимся только указаніемъ на организаціонныя измѣненія, сдѣланныя великимъ королемъ.

Вскорѣ по вступленіи Фридриха Великаго на престолъ, онъ учредилъ гвардейскій конный отрядъ, названный Gardes du corps, который въ 1756 г. былъ обращенъ въ полкъ и получилъ № 13 среди кирасирскихъ полковъ, по образцу которыхъ онъ былъ снаряженъ и вооруженъ. Значительно увеличено было число драгунскихъ полковъ, частью раздѣленіемъ существовавшихъ, частью сформированіемъ новыхъ. Такъ, въ 1741 г. изъ № 3 (съ уничтоженіемъ названія конно-гренадерскаго) полка были сформированы полки № 3 и № 4; въ 1743 г. изъ № 1 — № 9 и изъ послѣдняго — № 10; въ 1744 г. изъ № 7 — № 8. Вновь были сформированы полки №№ 11 и 12 въ 1741 и 1742 гг. Еще болѣе увеличено было число гусарскихъ полковъ, такъ какъ уже опытъ первой Силезской войны показалъ всю необходимость обратить на нихъ особенное вниманіе; число ихъ увеличилось при Фридрихѣ болѣе чѣмъ въ десять разъ: къ 9 существовавшимъ эскадронамъ было прибавлено 81 гусарскихъ и 10 боснійскихъ эскадроновъ, сведенныхъ въ 10 полковъ. А именно: въ 1740 г. сформированы гусарскіе полки № 2 и 4 (послѣдній сначала былъ уланскимъ и только съ 1742 г. гусарскимъ); въ 1741 г. — 1, 3, 5 и 6, въ 1743 — № 7; въ 1745 —

№ 9 (изъ босняковъ); въ 1758—№ 8, въ 1773—№ 10. Что касается состава и силы полковъ, то кирасирскіе полки имѣли 5 эск., исключая Gardes du corps, которыхъ сначала было всего 1 эск., силой въ 6 офицеровъ и 178 нижнихъ чиновъ; въ 1756 г. они были усилены до 3 эскадроновъ, въ составѣ 8 офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 2 трубачей и 200 всадниковъ каждый. Драгунскіе полки №№ 1, 3 и 5 имѣли 10 (№ 1—5 тяжелыхъ и 5 легкихъ), прочіе — 5 эскадроновъ; въ 1740 г. № 1 былъ усиленъ еще 5 легкими эскадронами, т. е. приведенъ въ 15 эск. составъ, а №№ 6 и 7—тоже 5-ю эск., слѣдовательно приведены въ 10 эск. составъ. Затѣмъ раздѣленіемъ нѣкоторыхъ полковъ всѣ полки были доведены до 5 эскадроновъ, за исключеніемъ №№ 5 и 6, которые сохранили прежніе 10 эскадроновъ, такъ что всего было 70 эскадроновъ въ 12 полкахъ. Какъ у кирасиръ, такъ и у драгунъ каждый эскадронъ состоялъ изъ двухъ ротъ. Гусарскіе полки во время войны имѣли неодинаковый составъ и силу; по заключеніи мира были приведены въ 10 эскадронный составъ. 10 эскадронные полки дѣлились на 2 батальона, по 5 эскадроновъ въ каждомъ.

Штатъ полка измѣнялся при Фридрихѣ очень часто [1]). По уставу въ 1743 г. въ кирасирскомъ 5-ти эскадр. 10 ротномъ полку было: 32 офицера, 60 унтеръ-офицеровъ, 1 литаврщикъ, 11 трубачей, 660 всадниковъ, 10 нестроевыхъ, 742 лошади (безъ офицерскихъ), 60 сверхкомплектныхъ и 12 должностныхъ лицъ унтеръ-штаба. Въ драгунскомъ 5-ти эскадронномъ полку: 32 офицера, 60 унтеръ-офицеровъ, 1 литаврщикъ, 4 гобоиста, 15 барабанщиковъ, 660 драгунъ, 5 нестроевыхъ, 745 строевыхъ лошадей, 60 сверхкомплектныхъ и 12 должностныхъ лицъ унтеръ-штаба. Въ драгунскомъ 10-ти эск. полку: 64 офицера, 120 унтеръ-офицеровъ, 1 литаврщикъ, 5 гобоистовъ, 30 барабанщиковъ, 1.320 драгунъ, 10 нестроевыхъ, 1.486 строевыхъ лошадей, 100 сверхкомплектныхъ, 17 лицъ унтеръ-штаба. Въ гусарскомъ 10-ти эск. полку: 36 офицеровъ, 80 унтеръ-офицеровъ, 10 трубачей, 1.020 рядовыхъ, 20 нестроевыхъ, 1.130 строевыхъ лошадей и 6 лицъ унтеръ-штаба.

Послѣ Губертсбургскаго мира всѣ конные полки были ослаблены до 600 коней, въ каждомъ эскадронѣ было уволено по 52 человѣка, считая 12 сверхкомплектныхъ; впрочемъ, встрѣчается нѣсколько исключеній. По спискамъ 1785—86 гг. было въ кирасирскомъ 5-ти эскадронномъ полку: (т. е. 10-ти ротномъ): 37 офицеровъ, 70 унтеръ-офицеровъ, 12 трубачей (въ томъ числѣ литаврщикъ), 720 рядовыхъ, (въ томъ числѣ 60 сверхкомплектныхъ), 22 нестроевыхъ и 740 лошадей; въ драгунскомъ 5-ти эскадронномъ: 37 офицеровъ, 70 унтеръ-офицеровъ, 15 музыкантовъ (въ томъ числѣ 10 трубачей), 7 гобоистовъ, 740 рядовыхъ, 17 нестроевыхъ, 740 лошадей; въ драгунскомъ 10-ти эскадронномъ: 72 офицера, 140 унтеръ-

[1]) Гусарскіе полки №№ 2 и 6 не были связаны никакими штатами и пользовались правомъ имѣть столько людей, сколько могли навербовать.

офицеровъ, 36 музыкантовъ, 1.440 рядовыхъ, 27 нестроевыхъ, 1.440 лошадей; въ гусарскомъ полку: 51 офицеръ, 110 унтеръ-офицеровъ, 10 трубачей, 1.320 гусаръ, 24 нестроевыхъ и 1.440 лошадей.

Кромѣ этихъ постоянныхъ полковъ, во время семилѣтней войны были сформированы еще и временныя части; таковы въ 1757 г. въ Помераніи, Бранденбургѣ, Магдебургѣ и Гальберштадтѣ, провинціальные гусары, служившіе съ отличіемъ въ теченіе всей кампаніи и изъ которыхъ стали особенно извѣстны: сформированный въ 1757 г. Померанскій и Гогендорфскій полкъ изъ двухъ эскадроновъ; Курмаркскій гусарскій отрядъ или Берлинскіе гусары ротмистра фонъ-Натцмера, сформированный въ 1759 г. силой въ 112 чел. и Неймаркскіе или Кюстринскіе гусары—160 чел.

Затѣмъ, такъ какъ австрійская легкая конница все-таки значительно превосходила въ числѣ прусскую, то было выставлено много вольныхъ отрядовъ, какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ (вольные драгуны и вольные гусары). Таковы: вольные егеря или драгуны, сформированные въ 1758 г. въ Прагѣ и Бреславлѣ, при вольномъ отрядѣ № 8 (ф. Хоссильона и Монжона); вольные драгуны или конногренадеры при отрядѣ № 13, сформированные генераломъ Клейстомъ въ 1759 — 60 гг. въ Берлинѣ, Магдебургѣ и Мекленбургѣ, сначала въ составѣ трехъ, а затѣмъ 8 эскадроновъ. 1 эскадронъ вольныхъ драгунъ при вольномъ отрядѣ № 16, вольные драгуны ф. Глазенаппа основаны въ 1761 г. въ составѣ 5 эскадроновъ; наконецъ, черная бригада Фаврата въ 1763 г. изъ драгунъ, гусаръ, егерей и гренадеръ. Еще многочисленнѣе были вольные отряды гусаръ, а именно: гусары Клейста, сформированные въ 1759 г. силой въ 2 эскадрона при гусарскомъ № 1 полку въ качествѣ отдѣльнаго отряда подъ названіемъ Volontaires de Prusse и доведенные въ 1761 г. до 5-ти; въ 1762 г. до 10-ти и въ 1763 г. до 11-ти эскадроновъ; гусары Бауера или Баверскій гусарскій баталіонъ, сформированный въ 1761 г. при союзной арміи въ Ганноверѣ, силой въ 5 эскадроновъ; въ тоже время и тамъ же сформированные гусары Бекиньоля или Volontaires auxiliaires; гусары Шони — въ 1761 г. 3 эскадрона; наконецъ гусары въ бригадѣ Фаврата. Кромѣ того при смѣшанномъ вольномъ корпусѣ Гшрая былъ отрядъ легкихъ всадниковъ.

Всѣ эти отряды, по окончаніи войны, были частью включены въ составъ постоянной арміи, частью распущены и въ войнѣ за Баварское наслѣдство въ 1778 — 79 гг. конныхъ частей болѣе не набирали.

Слѣдуетъ еще упомянуть объ учрежденномъ въ 1740 г. для курьерской службы фельдъегерскомъ корпусѣ въ числѣ 60 чел. и увеличенномъ въ 1744 г. до 172 чел.

Тактической единицы, высшей полка, въ то время не было. Только въ 1763 г. были учреждены генералъ-инспекціи и между ними распредѣлена по провинціямъ, по родамъ оружія, вся армія. Ихъ было сначала (не считая артиллерійской) — 6, изъ которыхъ каждая (кромѣ Вестфаль-

*

ской, заключавшей только пѣхоту) дѣлилась на инспекціи: пѣхотную и кавалерійскую. Въ 1770, 1771, 1784 и 1785 гг. число ихъ измѣнялось и увеличивалось съ формированіемъ новыхъ частей, такъ что въ 1786 г. было инспекцій: 10 пѣхотныхъ, 1 артиллерійская и 7 кавалерійскихъ. Распредѣленіе полковъ между послѣдними было слѣдующее:

Маркская: полкъ Gardes du corps № 13, жандармскій № 10, кирасирскій № 2, гусарскій № 2; конный фельдъегерскій корпусъ.

Прусская, съ 1783 г. раздѣленная на первую и вторую: драгунскіе полки №№ 6, 7, 8, 9 и 10; гусарскіе №№ 5, 7 и 10; полкъ босняковъ № 9.

Померанская: кирасирскій полкъ № 5, драгунскіе №№ 1, 3, 4, 5 и 12; гусарскій полкъ № 8.

Магдебургская: кирасирскіе полки №№ 3, 6, 7 и 11.

Силезская, раздѣленная съ 1773 г. на верхнесилезскую и нижнесилезскую: кирасирскіе полки №№ 1, 4, 8, 9 и 12; драгунскіе №№ 2 и 11; гусарскіе №№ 1, 3, 4 и 6.

Инспекторами назначались офицеры, чиномъ не ниже полковника, пользовавшіеся особымъ довѣріемъ короля, который желалъ, съ ихъ помощью, возстановить значительно утраченныя во время войны дисциплину, порядокъ и исполнительность, ввести однообразіе въ арміи и добиться того, чтобы офицеры и солдаты всѣхъ полковъ подчинялись одинаковымъ требованіямъ. Для достиженія этой цѣли инспекторы имѣли право производить подвѣдомственнымъ имъ частямъ ежегодные смотры отъ имени короля. Каждые два года король лично объѣзжалъ каждую инспекцію, причемъ всѣ части, къ ней принадлежащія, стягивались къ одному какому-либо пункту, гдѣ располагались на квартирахъ или лагеремъ. Смотры эти продолжались 6 — 8 дней, причемъ король смотрѣлъ всѣ части въ три послѣдніе дня: въ первый день — подробный осмотръ, во второй — ученья и въ третій — маневръ. Всѣ эти смотры имѣли, дѣйствительно, большое вліяніе на однообразіе обученія во всѣхъ частяхъ; чтобы удовлетворить требованіямъ короля, требовалась самая усиленная и настойчивая работа всѣхъ начальниковъ и подчиненныхъ въ теченіе всего періода отъ одного смотра до другого.

Объ одеждѣ, снаряженіи и вооруженіи можно сказать слѣдующее: Кирасиры носили колеты изъ каразеи, цвѣта кожи, только у № 2 полка — желто-лимонныя, съ 1776 г. выкрашенные въ бѣлый цвѣтъ съ разноцвѣтными воротниками, обшлагами и отворотами; суконные жилеты безъ кармановъ; кожаные штаны, сапоги съ отворотами, черные галстуки, перчатки съ крагами и суконные плащи безъ рукавовъ съ отложнымъ воротникомъ синяго цвѣта (у № 5 — бѣлаго), войлочную шляпу съ желѣзнымъ каркасомъ и съ 1762 г. съ бѣлымъ плюмажемъ, полукирасу [1]) черненаго же-

[1]) Послѣ того, что Великій Курфюрстъ отмѣнилъ въ своей кавалеріи полное предохранительное вооруженіе, кирасиры имѣли сначала латы, какъ въ настоящее время, т. е. переднія и заднія, но съ 1731 г. заднія были отняты и остались только переднія.

лѣза (у № 13 — посеребреную), палашъ съ мѣдной или высеребреной рукояткой, впослѣдствіи эфесомъ въ кожаныхъ ножнахъ на портупеѣ; съ 1754 г., 2 длинныхъ пистолета, карабинъ, только для аванпостной службы, а вмѣсто него на 10 чел. въ эскадронѣ нарѣзныя винтовки. Поверхъ портупеи шерстяной кушакъ и кромѣ того патронташъ и ремень для носки карабина со штыремъ. Конское снаряженіе состояло изъ нѣмецкаго сѣдла съ полу-чепракомъ, мунштука и трензеля; чемодана для фуража, сапогъ и вещей; сверху свернутый плащъ, сѣно, конновязный колъ и для части людей косы и котелки. Лошади, за исключеніемъ трубаческихъ, допускались только вороныя и караковыя. Унтеръ-офицеры имѣли галуны на воротникѣ и обшлагахъ колетовъ; въ домашней службѣ носили шпагу и трость. Офицеры носили бархатные воротники и обшлага, серебряные шарфы и портупеи, безъ всякаго наружнаго отличія въ чинахъ до генерала. На службѣ и внѣ ея они носили палки и имѣли различную одежду на различные случаи.

Драгуны носили сначала бѣлые, съ 1745 г. голубые мундиры съ разноцвѣтными воротниками, обшлагами, отворотами и подкладкой, бѣлый и соломеннаго цвѣта жилеты, бѣлые штаны; сапоги, перчатки, плащи, шляпы, конское снаряженіе — какъ у кирасиръ, палаши съ мѣднымъ эфесомъ и штыковыми ножнами, карабины со штыками (до 1787 г.) и по два пистолета. Офицеры и унтеръ-офицеры — какъ выше сказано.

Гусары носили извѣстную венгерскую форму съ ментиками и доломанами разныхъ цвѣтовъ, кожаными, а зимой суконными штанами, полувысокіе сапоги, плащи, чемоданы, сабли и карабины.

Нѣкоторые полки (1, 2, 3, 4 и 10) имѣли медвѣжьи шапки съ цвѣтнымъ колпакомъ, другіе (№ № 5—8)—войлочный киверъ въ видѣ сахарной головы съ перьями. Отдѣльные полки носили венгерки слѣдующихъ цвѣтовъ: свѣтло-зеленыя, красныя, голубыя, коричневыя, желтыя, малиновыя, одинъ полкъ имѣлъ на шапкѣ мертвую голову съ надписью, „Vincere aut mori“, офицеры имѣли золотые и серебряные шнуры. Босняки были вооружены саблей, пистолетомъ и пикой съ желѣзнымъ наконечникомъ и бѣло-зеленымъ флюгеромъ. Гусарскій № 4 полкъ тоже имѣлъ пики до 1742 г.

XXI. Австрійская конница при Маріи Терезіи[1]).

По смерти императора Карла VI, въ 1740 г., составъ австрійской конницы былъ слѣдующій:

18-ть кирасирскихъ полковъ по 6-ти эскадроновъ или 12 ротъ въ 75—76 чел. и 1 карабинерной роты въ 94 чел., всего въ полку 1.009 чел.;

[1]) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ гл. XVI: Schema der K. K. Armeen Pro Majo 779 (Manuscript.) — Gesch. des 7-jähr. Krieges v. Preuss. Generalst.

14 драгунскихъ полковъ той же силы и состава, полкъ съ одной гренадерской ротой вмѣсто карабинерной.

8 гусарскихъ полковъ по 5 эскадроновъ или 10 ротъ въ 80 чел. каждая; всего въ полку 809 чел.

Всего сорокъ полковъ или 232 эскадрона и 32 отборныхъ роты = 38.746 чел. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что 19 полковъ, расположенныхъ въ Ломбардіи, Тосканѣ, Нидерландахъ, Семиградіи, Банатѣ и Славоніи, имѣли некомплектъ въ 3.694 чел. и 5.078 лошадей, изъ чего можно заключить, что такой же приблизительно некомплектъ долженъ былъ быть и въ остальныхъ 21 полкахъ.

При Маріи Терезіи произошли значительныя измѣненія. Было сформировано новыхъ: одинъ драгунскій (1758 г.) и 6 гусарскихъ (1741 г. и 1756 по 2, 1743 и 1762 по 1) полковъ; затѣмъ, напротивъ того, были распущены: въ 1768 г.—3 кирасирскихъ, 1 драгунскій и 2 гусарскихъ полка; въ 1775 г.—4 кирасирскихъ, 1 драгунскій и 2 гусарскихъ полка. Въ 1767 г. два драгунскихъ полка были переформированы въ легкоконные (шево-леже), въ 1775 г. 3 и въ 1779 г. еще одинъ. Въ 1768 г. отборныя роты кирасирскихъ и драгунскихъ полковъ были сведены въ два карабинерные полка. Въ 1773 и 1779 гг. было переформировано по одному кирасирскому полку въ драгунскіе, чѣмъ былъ отчасти покрытъ вышеуказанный некомплектъ въ драгунахъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ перемѣнъ численность австрійской конницы была въ разныя времена весьма различна.

При началѣ семилѣтней войны было полковъ: 29 кирасирскихъ (10.569 чел.) и драгунскихъ (5.091 чел.) и 6 гусарскихъ (3.660 чел.); всего 35 полковъ въ 19.320 чел.

Въ 1769 г. было полковъ: 2 карабинерныхъ, 15 кирасирскихъ, 11 драгунскихъ, 2 шево-леже и 15 гусарскихъ (въ томъ числѣ 5 пограничныхъ); всего 45 полковъ.

Въ 1780 г. по смерти Маріи Терезіи — 2 карабинерныхъ, 10 кирасирскихъ, 6 драгунскихъ, 6 шево-леже и 13 гусарскихъ (въ томъ числѣ 5 пограничныхъ); всего только 37 полковъ.

Также и въ составѣ полковъ происходили частыя измѣненія. Прежде всего гусарскіе полки получили 6 эскадроновъ или 12 ротъ, но безъ отборныхъ, а въ 1748 г. возвращены полки къ прежнему 5-ти эскадронному или 10 ротному составу. Прочіе полки имѣли по регламенту 1749 г. по одной карабинерной или гренадерской и 12 обыкновенныхъ ротъ во все продолженіе семилѣтней войны, причемъ во время боя отборныя роты отдѣлялись отъ полковъ и сводились въ особыя части. Гусары во время семилѣтней войны были опять доведены до 6-ти эскадроннаго или 12 ротнаго состава. Въ 1768 г. отборныя роты были окончательно отдѣлены отъ полковъ и сведены въ 2 карабинерные полка, сначала 6, затѣмъ 7,

а съ 1769 года — 8 эскадроннаго (1.295 чел.) состава. Въ 1770 году были введены новые штаты (для всѣхъ остальныхъ кавалерійскихъ полковъ), которыми упразднялись роты (въ гусарахъ съ 1767 г.) и оставлялось только дѣленіе полка на эскадроны, сводившіеся по 2 въ дивизіоны; затѣмъ, полки должны были имѣть въ мирное время 6, въ военное — 7 эскадроновъ; поэтому въ мирное время состояло: въ кирасирскомъ полку 1.059 чел. (по 174 чел. въ эскадронѣ), въ драгунскомъ и шево-леже по 1.173 чел. (193 въ эск.); въ гусарахъ, въ коихъ число эскадроновъ было скоро доведено до 8 — 1.557 чел. (192 въ эскадронѣ). Карабинерные полки получили въ 1773 г. новые штаты изъ 6 карабинерныхъ и 2 шево-леже эскадроновъ — 1.448 чел. (174 и 193 въ эскадронѣ). Въ военное время при каждомъ полку формировался резервный эскадронъ, одинаковой силы съ дѣйствующими, и прибавлялись, какъ строевые, такъ и нестроевые нижніе чины. Мирный составъ гусарскихъ полковъ мѣнялся часто, такъ какъ былъ въ зависимости отъ вербовки и отъ утвержденія ландтага; но и помимо этого были полки въ 10, а въ военное время въ 11 эскадроновъ. Изъ пограничныхъ гусарскихъ полковъ три имѣли по 3 роты = 501 чел., одинъ 6 ротъ — 995 чел. и одинъ — 12 ротъ = 2.252 чел.; всѣ они; за исключеніемъ послѣдняго (секлерскаго), были распущены въ 1780 г.

Что касается *обмундированія, снаряженія и вооруженія*, то по положенію 1720 г. каждый всадникъ имѣлъ суконный плащъ, подбитый байкой, штаны изъ оленьей кожи, юфтовые сапоги со шпорами, шляпу, пару рубашекъ, галстуковъ и кожаныхъ перчатокъ, патронташъ съ ремнемъ, шпагу или палашъ на кожаной перевязи, карабинъ и пару пистолетовъ. Сѣдло съ пистолетными кобурами, передній и задній вьюкъ съ подпругами и стремена. Цвѣтъ одежды у кирасиръ былъ бѣлый, у драгунъ — до семилѣтней войны и даже до 1770 г. — красный, а затѣмъ частью бѣлый, частью зеленый. Кирасиры имѣли полную кирасу и каску. Драгунское ружье было вначалѣ на кулакъ длиннѣе карабина и имѣло штыкъ. Карабинеры и гренадеры имѣли ту же форму одежды, какъ и ихъ полки, но только первые носили гамаши, а гренадеры имѣли медвѣжьи шапки съ изображеніемъ гранаты и карманы для ручныхъ гранатъ [1]); и тѣ, и другіе были вооружены длинными, кривыми саблями. Гусары носили свою національную одежду: цвѣтные ментики и доломаны съ бѣлыми и красными шнурами, красные и синіе штаны и сапоги иногда изъ цвѣтной кожи. Офицеры имѣли на парадахъ, смотрахъ и т. п. ту же форму, что и нижніе чины; отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства служилъ черно-золотой шарфъ, носившійся на службѣ черезъ правое плечо, внѣ ея — вокругъ тальи. Въ 1751 г. были упразднены всѣ дорогія вышивки и украшенія на мундирахъ и только штабъ-офицерамъ оставлены жилеты, обшитые

[1]) Ручныя гранаты вышли изъ употребленія въ 1760 году.

золотымъ и серебрянымъ галуномъ. Въ 1767 году обмундированіе было изъято изъ вѣдѣнія полковъ и возложено на особыя обмундировальныя коммисіи въ видахъ государственной экономіи. Въ 1768 г. были введены дальнѣйшія измѣненія въ одеждѣ и вооруженіи: прежніе широкіе, просторные кафтаны были замѣнены короткими мундирами прусскаго образца и плащемъ; заведены, вдобавокъ къ сапогамъ, башмаки; понемногу начали входить въ употребленіе шляпы, замѣнившія даже у кирасиръ шлемы, такъ что кирасиры почти всѣ носили треуголки между 1720—1770 гг. Впрочемъ, каски скоро опять появились. Такимъ образомъ единственнымъ предохранительнымъ вооруженіемъ осталась кираса, которую, кромѣ кирасиръ, носили еще и карабинеры, имѣвшіе вообще почти ту же форму, что и кирасиры. И тѣ, и другіе получили позднѣе холодное оружіе, называемое Eisenhauer. Карабинеры сидѣли только на вороныхъ и караковыхъ лошадяхъ. Легкоконные полки имѣли въ общемъ тоже снаряженіе и вооруженіе, какъ и драгунскіе; у двухъ полковъ мундиры были зеленые, у остальныхъ—бѣлые. Въ 1770 г. кирасиры лишились литавръ, драгуны—барабановъ, замѣненныхъ трубами, и получили карабины вмѣсто мушкетовъ со штыками.

XXII. Русская конница въ XVIII столѣтіи послѣ Петра Великаго [1]).

Во время непродолжительныхъ царствованій ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, въ арміи было произведено очень мало перемѣнъ.

При Екатеринѣ I (1725 — 1727 гг.) прежде всего (10 мая 1725 г.) уничтожено различіе между гренадерскими и фузилерными драгунскими

[1]) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ гл. VIII, XIV и XIX: Büsching. Neue Erdbeschreibung. 7 rechtmässige Auflage 1 Th. 1 B. Hamburg 1777. — Campagnes de Finlande 1741 et 1742. Relation Succinte des principaux événements de la dernière guerre de Finlande (Manuscript). — Geschichte des 7-jährigen Krieges v. Preuss. Generalst. — Hupel. Beschreib. der Russ. Kais. Armee. Der Nordischen Miscellaneen 5. u. 6. Stück. Riga 1782. — Инструкція полковнику коннаго полка 1766 г. — Keralio. Gesch. des letzt. Krieg. zwischen den Russen u. d. Türken, a. d. französ. übers. 2 Th. Leipzig 1778. — „Военный календарь" 1765 г. Спб. — Манзей. Исторія Л.-Гв. Гусарскаго Его Величества полка съ 1775—1857 г. Спб. 1859. Военн. Сборн. 1860 г., № 2. — Матеріалы для русской военной исторіи. „Воен. Журн". 1853 г., № 3. — Michailowsky-Danilevsky und Miliutin. Gesch. d. Krieg. Russl. mit Frankr. unter der Regier. des Kais. Paul I. im J. 1799. Uebers. v. Schmitt. 5 B. München 1857—1858. — Neuestes Reglement d. Russischkaiserlichen Truppen zu Pferde u. zu Fuss mit taktischen Versuchen, Coppenhagen 1776. — Notizen über die Gattschinaschen Truppen, St. Petbg. 1835. — Russ. Kayserl.-Schleswig-Hollsteinisches Kriegs-Reglement f. d. Cavallerie. St. Petbg. 1762. — Storch. Historisch-Statistisches Gemälde d. Russischen Reichs am Ende des 18. Jahrh. 6 Theile. Riga 1797—1801. — Tabelle über den Zustand der regulären und irregul. Truppen Ihrer Kais. Maj. in Haigold's Beylagen zum Neuveränderten Russland 2 Theil. Riga und Leipzig 1770. — Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи. „Воен. Журн." 1851 г., № 5 и 6; 1852 г., № 1. Кромѣ того другія статьи въ „Военномъ Журналѣ" и „Военномъ Сборникѣ".

полками: всѣ были приведены въ одинаковый составъ изъ 1 гренадерской и 9 фузилерныхъ ротъ. Затѣмъ (21 декабря 1726 г.) былъ окончательно сформированъ лейбъ-регимeнтъ по плану Петра Великаго; въ отличіе отъ прочихъ драгунъ онъ получилъ красныя отличія и камзолы съ золотыми шнурами; снаряженіе и вооруженіе было одинаковое съ гвардіей; вмѣсто одного пистолета — два, и не было топоровъ.

Въ 1727 г. было предписано сербскій отрядъ обратить въ полкъ силой въ 1.000 чел. Ландмилиція уменьшена до 6 полковъ (1 марта 1725 г.) вмѣсто 7. Въ иррегулярныхъ частяхъ произведены тоже кое какія перемѣны.

Самой важной мѣрой этого царствованія было окончаніе предпринятой Петромъ I колонизаціи арміи въ государствѣ (21 декабря 1726 г.) и всѣ штатные полки получили новыя названія по тѣмъ провинціямъ, въ которыхъ они были поселены (16 февраля 1727 г.).

Въ 1726 г. предписано вести обученіе драгунъ по австрійскому образцу.

Въ царствованіе Петра II (1727—1730 гг.) было уничтожено разселеніе войскъ, и полкамъ возвращены ихъ прежнія имена (6 и 13 ноября 1727 г.). Сербскій гусарскій полкъ былъ уменьшенъ до 600 чел. (3 сентября 1728 г.). Ландмилиціонные полки доведены въ 1729 г. до 10: 4 регулярныхъ и 6 иррегулярныхъ и вмѣсто названій по шефамъ стали именоваться по городамъ (6 ноября 1727 г.). По образцу западноевропейскихъ армій были введены косы, пудра, манжетки и гамаши; въ 1727 г. былъ установленъ образецъ одежды для офицеровъ, которая до тѣхъ поръ была произвольна и потому разнообразна. Полковыя пушки драгунъ были уничтожены и всего оставлено 12 трехфунтовыхъ пушекъ, на случай пѣшаго боя.

При Аннѣ Іоанновнѣ (1730 — 1740 гг.) иностранный элементъ получилъ преобладающее значеніе въ арміи. Одной изъ первыхъ мѣръ Императрицы было переформированіе лейбъ-регимента въ лейбъ-гвардіи конный полкъ (31 декабря 1730 г.) со всѣми гвардейскими правами, черезъ что было положено прочное начало гвардейской конницѣ; 2 октября 1732 г. полкъ получилъ окончательный штатъ: 5 эскадроновъ по 2 роты въ каждомъ, 1.423 чел., 1.111 строевыхъ, 81 драгунская и 120 обозныхъ лошадей.

По предложенію особой военной коммисіи (28 октября 1731 г.) конница должна была быть приведенной въ слѣдующій составъ:

10 кирасирскихъ полковъ, по 5 эскадроновъ въ 2 роты каждый, 977 чел. въ мирное, 980 въ военное время, 830 строевыхъ и 120 обозныхъ лошадей.

22 драгунскихъ полка, по 5 эскадроновъ или 10 ротъ (въ каждой 10 гренадеръ), 1.096 чел., 858 строевыхъ, 90 обозныхъ лошадей — въ мирное время, 1.229 чел., 1.078 верховыхъ и 120 обозныхъ лошадей въ военное время.

Кирасиры, по первоначальному плану, должны были составлять отборную конницу и пополняться лучшими офицерами и нижними чинами, съ одно-

временнымъ сокращеніемъ украинскихъ драгунскихъ полковъ. Исполненіе этой идеи не было, однако, доведено до конца: всего было сформировано 3 кирасирскихъ полка изъ 3 драгунскихъ (въ 1731 и 1732 гг.); въ 1740 г. долженъ былъ быть переформированнымъ еще одинъ полкъ, но кончина Императрицы остановила это. Въ 1733 г. всѣ конные полки были приведены въ военный составъ, а въ 1734 г. въ каждую роту было еще прибавлено по 12 конныхъ рядовыхъ, но въ 1736 г. роты были приведены въ составъ 1734 г.

Число гусаръ было значительно увеличено, особенно съ началомъ Турецкой войны 1736 г. Сербскій полкъ былъ доведенъ до 1.160 чел. въ 10 ротахъ; предписано было навербовать еще венгерскій въ 1.123 чел., но удалось набрать до 1740 г. всего 510 чел.; въ 1737 г. начали формировать валахскій корпусъ изъ молдаванъ и валаховъ, предполагая составить нѣсколько полковъ, но былъ сформированъ только одинъ 6-ти эскадронный, который при смерти Анны Іоанновны былъ силой въ 948 чел. и 699 лошадей. Наконецъ, въ 1738 г. (25 марта) изъ грузинскихъ князей и дворянъ, переселившихся въ Россію, была сформирована гусарская рота въ 87 чел.; она усилилась въ 1739 г. до 4-хъ эскадроновъ, а 14 апрѣля 1740 г. составилось 255 чел. въ 3 ротахъ; имѣлось въ виду довести силу ихъ до полка изъ 10 ротъ въ 1.153 чел.

15 января 1731 г. число ландмилицкихъ полковъ было доведено до 16 конныхъ и 4 пѣшихъ, изъ которыхъ — 2 иррегулярныхъ. Каждый полкъ (по штату 22 января 1731 г.), въ составѣ 5 эскадроновъ или 10 ротъ, былъ силой въ 1.059 чел. (иррегулярные 1.041) и 1.020 лошадей. Въ теченіе 1732 г. формированіе этихъ полковъ было окончено, при чемъ оба иррегулярные полка были обращены въ регулярные ландмилицкіе драгунскіе полка, и каждый полкъ получилъ 100 (по 10 на роту) иррегулярныхъ пикинеровъ. Въ 1734 г. эти послѣдніе были уничтожены и полки сдѣланы силой въ 1.212 чел. и 1.020 лошадей; въ каждой ротѣ было, подобно какъ у полевыхъ драгунъ, 10 гренадеръ. Въ 1736 г. было окончательно постановлено, что украинская ландмилиція должна составлять особый корпусъ изъ 20 полковъ, по 5 двухротныхъ эскадроновъ въ каждомъ, силой по 1.135 чел. и 769 лошадей. Полки были всѣ конные, на положеніи драгунскихъ, но одна четверть ихъ состава (въ каждой ротѣ — 1 капральство: капралъ и 22 рядовыхъ) была пѣшая; число гренадеръ оставлено прежнее; на каждаго бывшаго въ рядахъ человѣка полагался еще запасный человѣкъ, которые всѣ также получили извѣстную военную организацію, и, въ случаѣ нужды, давали возможность удвоить численность ландмилиціи.

Затѣмъ, 19 февраля 1731 г. была сформирована закамская ландмилиція изъ 1 пѣшаго и 3 конныхъ полковъ; послѣдніе, по 5 двухротныхъ эскадроновъ въ каждомъ, были силою по 1.059 чел. и 1.020 лошадей.

Полкъ Смоленской шляхты продолжалъ существовать попрежнему. Гарнизонные драгуны по штатамъ 1731 г. имѣли слѣдующій составъ: 4 полка, по 5 эскадроновъ или 10 ротъ, силой въ мирное время: 1.056 чел., 841 строевая и 60 обозныхъ лошадей; въ военное: 1.180 чел., 1.061 строевая и 60 обозныхъ лошадей; кромѣ того два отдѣльныхъ пятиротныхъ эскадрона,—564 чел. и 516 лошадей. 18-го мая 1734 г. было прибавлено еще два полка и 7 сентября 1736 г. — одинъ.

Такимъ образомъ, въ 1740 г. составъ регулярной конницы, при кончинѣ Императрицы Анны, былъ слѣдующій:

Лейбъ-гвардіи конный полкъ, 3 кирасирскихъ, 29 полевыхъ драгунскихъ, 4 гусарскихъ, 23 ландмилицкихъ драгунскихъ и 7 гарнизонныхъ драгунскихъ полковъ; 2 гарнизонныхъ драгунскихъ эскадрона и 1 полкъ Смоленской шляхты. Всего 75.000 чел. и 60.000 строевыхъ лошадей въ мирное время и свыше 100.000 чел. и 67.000 лошадей въ военное время.

Составъ иррегулярной конницы былъ въ тоже время слѣдующій: донскіе казаки — 15.000 чел., гребенскіе — 500 чел. на дѣйствительной службѣ яикскіе — 3.196 чел., астраханскіе — 1.000 чел., волжскіе — 1.057 чел. и малороссійскіе (10 казачьихъ полковъ и 3 компанейскихъ) — 50.000 чел.; 5 слободскихъ казачьихъ полковъ, (1 въ 10, 4 по 8 сотенъ и по 1 регулярной ротѣ — въ 1.145 и 941 чел.). 1 слободскій драгунскій полкъ; 1 казачій полкъ—на границѣ противъ калмыковъ, азовскій казачій полкъ 364 чел., 2 сотни хоперскихъ казаковъ — 222 чел.; рота бахмутскихъ казаковъ 102 чел.; запорожцевъ 38 куреней — 12.000 — 15.000 чел.; небольшія части кизлярскихъ моздокскихъ, терскихъ и проч. казаковъ. Иррегулярныя сотни въ Сибири (дворяне, боярскія дѣти и казаки) — 7.766 чел., на оренбургской линіи — 8.000 — 10.000 чел.; чугуевскіе казаки и калмыки 337 чел. обоего пола, ставропольскіе калмыки — (крещеные) — 20.000 чел.: киргизъ-кайсаки въ 2-хъ ордахъ 80.000 чел.; каракалпаки, башкиры, мещеряки, кубанскіе татары въ 4 ордахъ — 30.000 кибитовъ или семействъ: грузинскій и армянскій иррегулярные эскадроны. Всего, по меньшей мѣрѣ, 200.000 иррегулярныхъ всадниковъ.

О высшихъ тактическихъ единицахъ также мало извѣстно, какъ и прежде; въ военное время полки сводились въ дивизіи, часть которыхъ существовала и въ мирное время. Съ цѣлью обученія всѣ полевые, гарнизонные и ландмилицкіе полки, раздѣлены 7 декабря 1731 г. по четыремъ департаментамъ.

Одежда, снаряженіе и вооруженіе были прежняго образца. Всѣмъ было дано огнестрѣльное оружіе того же калибра съ кремневымъ замкомъ. Полевые драгуны получили красныя отличія вмѣсто бѣлыхъ, манжеты на рубашкахъ и сапогахъ, бѣлые полотняные галстуки и кажется перчатки съ крагами.—Они имѣли шпаги, короткія ружья со штыками, по 2 пистолета, патронташи на правомъ плечѣ, перевязи для ружей на лѣвомъ,

пороховницы и на половину людей топоры, нѣмецкія сѣдла съ кабурами, башмакомъ для ружья, переднимъ и заднимъ вьюкомъ, подушками, подпругами и желѣзными стременами, войлочныя потники съ кожаной покрышкой, чепраки и попоны, ремни, сумки, мунштуки и недоуздки. Гренадеры носили ружья не въ башмакѣ, а на лѣвомъ плечѣ, патронташъ на сабельной портупеѣ, и вмѣсто него мѣшокъ для двухъ ручныхъ гранатъ, которыя, главнымъ образомъ, служили при атакѣ на артиллерію, для порчи лафетовъ.

Кирасиры имѣли, при обыкновенной формѣ, ту же одежду, что и драгуны, только камзолъ былъ красный (въ конной гвардіи и красные штаны); при парадной—коллеты, подколетъ и штаны изъ оленьей кожи, желѣзную полу-кирасу съ мѣдными щитами, палаши на поясной портупеѣ, карабины безъ штыковъ съ перевязью и по два пистолета. Снаряженіе и конскій уборъ, какъ у другихъ. Легкія части были снаряжены по образцу гусаръ: доломанъ, ментики, узкіе штаны, гусарскіе шарфы, черные галстуки, короткіе сапоги, кивера, арканы, длинные, суконные плащи; цвѣтъ одежды у валаховъ былъ бѣлый, у прочихъ гусаръ—васильковый и красный; вооружены они были палашами, карабинами со штыкомъ на перевязи, по два легкихъ пистолета, шашки, патронташи и т. д.; валахи имѣли сабли, ружья со штыкомъ, по 2 пистолета, а половина людей еще и пики. Кромѣ того, при ихъ корпусѣ было два орудія. Ландмилиція имѣла сначала одежду того-же образца, какъ и дѣйствующая армія, которая и передавала въ нее старое вооруженіе и снаряженіе, какъ людское, такъ и конское вслѣдствіе чего, все это было уже старо и притомъ разнообразнаго и плохаго достоинства. Съ 1736 года вся ландмилиція начала получать новыя вещи (старыя — перешли къ резервнымъ частямъ) и ей было дано однообразное обмундированіе: бѣлые кафтаны съ красными отличіями, красные камзолы и штаны изъ козлиной кожи, плащи — по желанію, головной уборъ, какъ у полевыхъ драгунъ, бѣлые галстуки, манжеты, сапоги и перчатки. Гарнизонные драгуны имѣли форму общую съ полевыми и только штаны изъ козлиной кожи.

Въ пѣшемъ строю всѣ драгуны носили башмаки съ гамашами и чулки. Въ снаряженіи иррегулярныхъ частей перемѣнъ произведено не было; можно только замѣтить, что уже тогда у нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, донскихъ и запорожскихъ казаковъ, было въ употребленіи нарѣзное оружіе.

Конница строилась въ конномъ строю въ 3, въ пѣшемъ — въ 4 шеренги. Мѣсто ея въ боевомъ порядкѣ было всегда на флангахъ, внѣ зависимости отъ мѣстности; въ дѣлахъ противъ турокъ она иногда строила каре: такъ поступили, напр., 12-го мая 1736 г. при Черной долинѣ 2.000 драгунъ ген. Шпигеля, первая шеренга которыхъ при этомъ спѣшилась.

Во время кратковременнаго царствованія Іоанна III Антоновича (1740 — 1741 гг.), распредѣленные по разнымъ ротамъ гренадеры были

сведены, по образцу гвардіи, въ особыя гренадерскія роты при драгунскихъ полкахъ; 14 октября 1741 г. было постановлено содержать 4 гусарскихъ полка, по 10 ротъ, въ 963 чел. каждый, всѣ одинаковой организаціи; отличіе было только въ цвѣтѣ мундировъ.

По вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны (1741 — 1761 гг.), наступила реакція противъ иностраннаго вліянія, но болѣе по внѣшности, нежели по существу дѣла, которое продолжалось въ томъ же духѣ. Такимъ образомъ 11 декабря 1741 г. введеніе вновь гренадерскихъ ротъ при всѣхъ полевыхъ, гарнизонныхъ и ландмилицкихъ драгунскихъ полкахъ было окончательно утверждено; 12 октября 1744 г. число унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ въ полкахъ было установлено, согласно существовавшихъ при Петрѣ Великомъ штатамъ. Оно, впрочемъ, было тоже и по штатамъ 1731 г. 30 марта 1756 г. вся дѣйствующая линейная конница получила новую организацію: число полковъ осталось тоже, но нѣкоторые были переформированы и такимъ образомъ составъ конницы получился слѣдующій:

6 кирасирскихъ полковъ, по 5 эскадроновъ или 10 ротъ, 947 чел. и 766 лошадей каждый.

6 конногренадерскихъ, той-же силы и состава, съ постоянной артиллерійской командой.

18 драгунскихъ, въ составѣ 1 гренадерскаго и 5 драгунскихъ эскадроновъ или 12 ротъ, 1.141 чел., 930 лошадей и артиллерійская команда въ каждомъ.

2 сибирскихъ драгунскихъ полка сверхъ штата, въ составѣ 1 гренадерскаго и 5 драгунскихъ эскадроновъ или 12 ротъ, 1.251 чел. въ каждомъ полку.

Число гусаръ было значительно увеличено. 24 декабря 1751 г. австрійской службы полковнику Хорвату было разрѣшено поселиться въ южной Россіи и сформировать изъ сербовъ 2 регулярныхъ гусарскихъ полка (и 2 пѣшихъ полка пандуровъ), по 20 ротъ и 4.000 чел. въ каждомъ. Ему былъ данъ участокъ земли по ту сторону Днѣпра, между устьями Каварлика и Амельника, въ сѣверной части нынѣшней Херсонской губерніи, получившей названіе Ново-Сербіи. Такимъ же образомъ въ 1753 г. два перешедшіе изъ австрійской службы сербскіе подполковника Шевичъ и Прерадовичъ получили разрѣшеніе поселиться съ другими сербами между Бахмутомъ и Луганскомъ (Славяно-Сербія), въ сѣверной части нынѣшней Екатеринославской губерніи, и порученіе (31 марта 1754 г.) сформировать два гусарскихъ полка, сначала по 1.000, а затѣмъ по 2.132 чел. каждый. Также и оба новосербскіе полка были въ 1759 г. усилены до 4.254 чел. каждый.

Кромѣ этихъ четырехъ поселенныхъ гусарскихъ полковъ, было сформировано еще 4 таковыхъ непоселенныхъ: въ 1756 г. 29 сентября: одинъ — изъ слободскихъ казаковъ (вмѣсто выставлявшагося ими прежде и упраздненнаго въ 1743 г. драгунскаго полка) въ составѣ 10 ротъ, который по

штату 1759 г. былъ силой въ 1178 г. въ мирное и 1179 г. въ военное время, 1.141 строевая и 120 обозныхъ лошадей; 9 марта и 10 мая 1759 г. генералъ Хорватъ сформировалъ 2 полка того-же состава и силы, сверхъ его поселенныхъ полковъ; въ 1760 г. еще одинъ, силой въ 10 ротъ и 1.204 чел. Въ этотъ же составъ были приведены къ концу царствованія и старые 4 гусарскіе полка.

Въ украинскихъ и закамскихъ ландмилицкихъ полкахъ не было произведено существенныхъ перемѣнъ и только первые доведены до 1.107 чел. каждый. Въ Сибири же было предписано 4 сентября 1761 г. сформировать регулярный и 4 иррегулярныхъ ландмилицкихъ полка изъ тамошнихъ казаковъ, но кончина Государыни помѣшала привести это въ исполненіе.

Составъ гарнизонныхъ полковъ былъ усиленъ до 1.199 чел.; отдѣльные эскадроны — до 575 чел.; въ 1755 г. при Якутскомъ гарнизонномъ пѣхотномъ полку была сформирована 1 рота конногренадеръ въ 125 человѣкъ.

Такимъ образомъ, ко времени кончины Елисаветы Петровны было полковъ:

1 лейбъ-гвардіи конный, 6 кирасирскихъ, 6 конногренадерскихъ, 20 полевыхъ драгунскихъ, 8 полевыхъ гусарскихъ, 4 поселенныхъ гусарскихъ, 20 украинскихъ и 3 закамскихъ ландмилицкихъ драгунскихъ и 7 гарнизонныхъ драгунскихъ; затѣмъ 2 гарнизонныхъ драгунскихъ эскадрона, 1 рота конногренадеръ и 1 полкъ смоленской шляхты, всего около 95.000 чел. и 80.000 строевыхъ лошадей.

Иррегулярная конница, послѣ многихъ перемѣнъ и улучшеній, состояла изъ 6 казачьихъ войскъ: донскаго — 15.724 человѣкъ, сводного гребенскаго и терско-семейнаго — 645 человѣкъ, яикскаго — 3.196 чел., волжскаго — 1.057 чел., оренбургскаго — 3.885 чел. и малороссійскаго съ 10 казачьими и 3 компанейскими полками и запорожскими казаками въ 38 курняхъ, — всего 92.754 чел.; затѣмъ изъ 10 казачьихъ полковъ: 5 слободскихъ — 7.500 чел., поселеннаго на Ново-Сербской границѣ — 3.377 чел., астраханскаго—5 ротъ—541 чел., азовскаго—516 чел. бахмутскаго—3 роты—311 чел., чугуевскаго—3 казачьи и двѣ калмыцкія роты—541 чел.; наконецъ, изъ сибирскихъ казачьихъ и другихъ иррегулярныхъ частей (въ томъ числѣ 1 тунгузскій 5-ти-сотенный полкъ — 501 чел.), 6.067 чел., сотни хоперскихъ казаковъ — 122 чел., кизлярскихъ казаковъ съ грузинскимъ и армянскимъ эскадрономъ — 1.167 чел., иррегулярнаго отряда въ Камчаткѣ — 2.412 чел., ставропольскихъ калмыковъ — 11 ротъ—3.344 чел., калмыковъ подъ начальствомъ ихъ хана—40.000 чел. киргизовъ—2 орды—30.000 чел., каракалпаки—10.000 чел., башкиры и мещеряки — 10.000 — 12.000 чел., кумыки 20.000 чел. и чеченскія горныя племена—3.000 чел. Всего болѣе 260.000 чел., преимущественно конницы, которая въ случаѣ нужды могла быть еще значительно увеличена въ числѣ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ войскъ и совершенно отъ нихъ самостоятельно, были шлезвигъ-голштинскія войска наслѣдника, въ которыхъ въ

1761 году было конныхъ полковъ: 3 кирасирскихъ, 2 драгунскихъ и 2 гусарскихъ.

Высшихъ тактическихъ единицъ и теперь еще не было, хотя названія дивизій, бригадъ и встрѣчаются неоднократно. Такъ, во второй годъ семилѣтней войны (1758 г.), упоминается о конной дивизіи генерала графа Румянцова въ 9.000 — 10.000 коней. Боевой порядокъ былъ такой, какой былъ принятъ тогда вездѣ, а именно въ 2 линіи: пѣхота — въ центрѣ, линейная конница (кирасиры и конногренадеры) — на флангахъ, въ первой линіи еще гусары; для охраненія фланговъ — казаки. Кромѣ того, была часто еще и третья линія — изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія или только изъ регулярной конницы и казаковъ. Каждая линія, а равно и крылья обѣихъ первыхъ линій, имѣли своихъ начальниковъ; кромѣ того, каждые 1 — 3 полка одного рода оружія сводились въ бригады, подъ командой генерала; для какихъ-либо особыхъ цѣлей, напр. партизанскихъ дѣйствій, формировались каждый разъ особые отряды. Въ обмундированіи, снаряженіи и вооруженіи сначала не было сдѣлано никакихъ перемѣнъ, только въ легкой кавалеріи шпаги были замѣнены палашами и карабинами со штыками, у кирасиръ — болѣе укороченные. 29 декабря 1759 г. были произведены нѣкоторыя перемѣны по австрійскому образцу, такъ напр., конногренадерскія непрактичныя шапки были замѣнены шляпами кирасирскаго образца и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнены ручныя гранаты, благодаря которымъ особенность конногренадеръ исчезла. Далѣе и у нихъ, и у драгунъ предположено было замѣнить палаши саблями, а, взамѣнъ отмѣненныхъ въ 1756 г. сумокъ, введены чемоданы съ холщевыми мѣшками и карманами.

Въ 1761 г. къ плащамъ были прибавлены капюшоны для надѣванія на голову и полы плащей можно было отворачивать. Гусары носили разноцвѣтные доломаны, ментики, штаны, чепраки, шапки и шнуры; они были вооружены саблями въ кожаныхъ ножнахъ, карабинами со штыками и пистолетами. Въ ландмилиціи, гарнизонныхъ драгунахъ и казакахъ не было никакихъ перемѣнъ, только слободскимъ казакамъ была дана въ 1743 г. форма. Шлезвигъ-голштинскій отрядъ былъ снаряженъ совершенно по прусскому образцу. Въ 1745 г. была опять введена полковая артиллерія: каждый полевой драгунскій полкъ получилъ одно орудіе, а въ военное время таковыхъ должно было быть по два. При введеніи въ 1757 г. новыхъ артиллерійскихъ штатовъ, конногренадерскіе и 18 штатныхъ полковъ получили по двѣ трехфунтовыя пушки новаго образца, изъ которыхъ каждая имѣла на своемъ лафетѣ двѣ шестифунтовыя кегорновы мортиры.

Говоря объ обученіи и веденіи кавалеріи, слѣдуетъ упомянуть объ уставѣ, 15 октября 1755 г. содержаніе котораго вкратцѣ слѣдующее: строились въ 3, иногда и въ 2 шеренги на 2 шага дистанціи; эскадроны — на полуэскадронныхъ интервалахъ; люди одного эскадрона — колѣно къ

колѣну. Эскадроны разсчитывались на 2 полуэскадрона (роты), 4 взвода; по четыре для поворотовъ; по два — для слѣзанія; третья шеренга дѣлилась на 4 части, для пристраиванія къ флангамъ первыхъ 2-хъ и при построеніи 2 шеренгъ.

Повороты производились по четыре, рысью, заѣзды взводами или эскадронами — всегда на твердой оси, съ мѣста — большой рысью, на ходу — большимъ галопомъ. Колонны были: эскадронныя — по-ротныя, получавшіяся вздваиваніемъ, взводныя, полувзводныя по четыре и по два, получавшіяся движеніемъ головныхъ частей рысью; полковыя эскадронныя колонны.

При атакѣ, разомкнутыя шеренги, послѣ правильнаго нацѣливанія, шли 100 шаговъ большимъ шагомъ; 300 — короткой, затѣмъ большой рысью и широкимъ галопомъ; за 150 шаговъ отъ противника останавливались, быстро выравнивались и шли съ мѣста карьеромъ. Послѣ удачной атаки — остановка, выравниваніе и опять карьеръ. Чтобы помѣшать противнику собраться — разсыпались, или цѣлые эскадроны за исключеніемъ 4 рядовъ, или по 4 — 5 рядовъ съ каждаго фланга галопомъ, причемъ каждый человѣкъ стрѣлялъ изъ пистолета по своему усмотрѣнію. Собирались послѣ разсыпки въ 3 шеренги, не обращая вниманія на прежній порядокъ. Такъ называемый скрытный маршъ, для введенія противника въ заблужденіе, заключался въ слѣдующемъ: строили нѣчто вродѣ двойной полуколонны или уступной колонны изъ середины, причемъ 3-й эскадронъ шелъ впередъ, 2-й и 4-й — во-второй, 1-й и 5-й — въ третьей линіи; заднія линіи выступали за фланги переднихъ на 2 — 3 взвода; (у драгунъ — два средніе полуэскадрона составляли первую линію, слѣдующіе два — вторую, 2-й и 5-й эскадроны — третью, 1-й (гренадерскій) и 6-й — четвертую); за 600 — 900 шаговъ отъ непріятеля построеніе фронта галопомъ и атака; подобнаго-же рода движеніе могло быть произведено и съ одного изъ фланговъ. У драгунъ былъ еще отступной боевой порядокъ, — нѣчто вродѣ подвижнаго открытаго каре: 3-й и 5-й эскадроны — въ переднемъ фасѣ, 2-й и 4-й въ шахматномъ порядкѣ — въ заднемъ, 1-й и 6-й — во взводныхъ колоннахъ на флангахъ; такъ-же строились кирасиры и конногренадеры, выдѣляя изъ каждаго эскадрона 4 ряда для сформированія одного изъ эскадроновъ задней линіи. Иногда примѣнялось и каре на мѣстѣ въ 2 или 3 шеренги „противъ иррегулярнаго или слабаго противника, особенно при конвоированіи транспортовъ и фуражировкахъ“. Оно строилось изъ эскадронной колонны, имѣя по 1 эскадрону впереди и сзади и по 3 или 4 полуэскадрона на фасахъ, образованныхъ заѣздомъ направо и налѣво. Отступленіе производилось въ шахматномъ порядкѣ, поэскадронно или по полуэскадронно. Наконецъ, былъ предвидѣнъ и пѣшій бой; въ немъ первая шеренга стрѣляла съ колѣна, вторая и третья — стоя, повзводно, поротно или поэскадронно, стрѣльба одиночная и залпами, а драгуны также и рядами; послѣдніе строили еще и каре.

Петръ III (1761—1762 г.), какъ извѣстно, глубокій почитатель Фридриха Великаго, составилъ предположеніе совершенно переформировать армію по прусскому образцу, но успѣлъ привести въ исполненіе только нѣсколько реформъ. Въ 1762 г. всѣ конногренадерскіе и сначала 1, а затѣмъ еще 4 драгунскихъ полка, были переименованы въ кирасирскіе, однако безъ измѣненія состава и названія полковъ, вслѣдствіе чего кирасирскихъ полковъ оказалось 17, а драгунскихъ 15. Вскорѣ затѣмъ всѣ кирасирскіе и 6 драгунскихъ получили названія по фамиліямъ шефовъ.

При Екатеринѣ II (1762 — 1796 г.) прежде всего были уничтожены всѣ сдѣланныя въ предъидущее царствованіе перемѣны, а вслѣдъ затѣмъ была произведена совершенная реорганизація всей арміи, на основаніи опыта семилѣтней и турецкихъ войнъ и при содѣйствіи Румянцева, Потемкина и Суворова.

Гвардейская конница оставалась сначала безъ измѣненія: 1 полкъ 5-ти эскадроннаго состава, согласно старымъ штатамъ и только временно въ 1788 г. полкъ былъ усиленъ до 1.000 рядовыхъ. Затѣмъ въ 1774 г. были прибавлены 2 команды Собственнаго Ея Величества конвоя (77 чел. и 144 лошадей донскаго войска и 74 чел. 70 строевыхъ и 8 обозныхъ лошадей чугуевскаго полка), составлявшія въ строю 1 эскадронъ лейбъ-казаковъ и въ 1775 г.—лейбъ-гусарскій эскадронъ (159 чел., 150 строевыхъ и 8 обозныхъ лошадей). Кавалергарды во время этого, какъ и предъидущихъ царствованій, составляли только придворную стражу, а потому и не введены въ разсчетъ. Относительно линейной кавалеріи надо замѣтить, что исключительное положеніе, которое занимали гусары, будучи не то линейной, не то иррегулярной конницей, все болѣе утрачивалось и потому вся регулярная конница стала дѣлиться на тяжелую и легкую. Такъ какъ, съ теченіемъ времени, вся ландмилиція и гарнизонныя конныя части тоже были включены въ составъ линейной кавалеріи, то въ концѣ концовъ оставалось только различіе между регулярной и иррегулярной конницей, но и изъ послѣдней часть полковъ была обращена въ регулярные; остальные, оставаясь казачьими, получили регулярное устройство.

Послѣ того, что были отмѣнены распоряженія Петра III, сдѣланныя 5 іюля 1762 г., было приступлено къ полной реорганизаціи арміи (14 января 1763 г.), причемъ относительно конницы было постановлено: на каждые 2 полка пѣхоты имѣть 1 полкъ линейной конницы, способной атаковать пѣхоту; на каждые 2 эскадрона линейной конницы имѣть 1 эскадронъ гусаръ (непоселенныхъ) или 1 сотню казаковъ поровну отъ каждой части. Вслѣдствіе этого на существовавшіе 50 пѣхотныхъ полковъ потребовалось 25 полковъ тяжелой конницы, съ тѣмъ чтобы было 6 кирасирскихъ и 19 карабинерныхъ полковъ, изъ 5 двухротныхъ эскадроновъ и 942 чел., 766 строевыхъ и 90 обозныхъ лошадей каждый. Карабинерные полки были сформированы изъ всѣхъ 6 конногренадерскихъ и изъ 13 драгун-

скихъ полковъ, такъ что послѣднихъ осталось еще 7 (считая 2 сверхштатныхъ) и они пока были оставлены безъ измѣненія состава и рода службы. Въ этихъ 32 полкахъ было 31.752 чел., т. е. на 2.700 чел. меньше, чѣмъ прежде. Въ томъ же году, 26 ноября, было приказано сформировать 2 карабинерныхъ полка въ Сибири, но на самомъ дѣлѣ былъ сформированъ только одинъ изъ коннаго ландмилицкаго полка. 13 мая 1764 г. установлена новая организація драгунъ, по которой всѣ 7 гарнизонныхъ драгунскихъ полковъ были переформированы въ дѣйствующіе, вслѣдствіе чего послѣднихъ получилось 14, по 5 двухротныхъ эскадроновъ, 970 чел., 794 строевыхъ и 102 упряжныхъ лошади (въ томъ числѣ 24 чел., 18 строевыхъ и 12 упряжныхъ лошадей для обоихъ полковыхъ орудій).

Изъ гусарскихъ полковъ были распущены, для укомплектованія прочихъ, въ 1762 г. одинъ и въ 1763 г. два, такъ что осталось ихъ 4, по 8 двухротныхъ эскадроновъ, 1.358 чел., 1.217 строевыхъ и 107 обозныхъ лошадей каждый. Кромѣ того, слободской полкъ изъ 10 ротъ, 1.179 чел., 1.141 строевыхъ и 120 обозныхъ лошадей. Въ 1764 г. послѣдовала также реорганизація поселенныхъ гусаръ и пандуръ Новой Сербіи (22 марта) и Славянской Сербіи (11 іюня) и по придачѣ къ нимъ одного находившагося тамъ бахмутскаго и одного полеваго гусарскаго полка, было сформировано: 4 поселенныхъ гусарскихъ полка, по 16 ротъ, 4.891 чел. (въ томъ числѣ 2.208 запасныхъ, не получавшихъ содержанія) 2.385 строевыхъ и 107 обозныхъ лошадей, и 4 поселенныхъ пикинерныхъ полка, по 20 ротъ, 5.156 чел. (въ томъ числѣ 100 пѣшихъ стрѣлковъ) каждый, которые выходили на войну въ составѣ 8-ми эскадроновъ и 1.318 чел.

Въ 1765 г. изъ казаковъ 5-ти слободскихъ полковъ распущеннаго слободскаго гусарскаго полка было сформировано 5 полевыхъ гусарскихъ полковъ и впредь было установлено имѣть 8 полевыхъ гусарскихъ полковъ изъ 6-ти двухротныхъ эскадроновъ — 1.034 чел., 913 строевыхъ и 85 обозныхъ лошадей. Въ томъ же году два поселенныхъ гусарскихъ полка сведены въ одинъ и такимъ образомъ ихъ осталось всего 3.

14-го января 1766 г. была издана подробная инструкція полковнику конницы, — нѣчто вродѣ устава. 16 января 1769 г. 4 украинскіе и закамскіе ландмилицкіе полки были переформированы въ 4 драгунскіе, а 3 октября выключены изъ состава кавалерійскихъ полковъ 3 драгунскіе и 1 гусарскій полки, обращенные на сформированіе конницы московской дружины и составлявшіе 4 эскадрона карабинеръ=745 чел., 613 строевыхъ и 73 обозныхъ лошади. 2-го сентября была сформирована изъ рекрутовъ такая же петербургская дружина. Въ томъ же году вновь сформировано 2 гусарскихъ полка, изъ которыхъ одинъ — поселенный.

31 августа 1771 г. 1 карабинерный и 11 драгунскихъ полковъ были употреблены на сформированіе 25 легкихъ полевыхъ командъ смѣшаннаго состава и пѣшихъ гарнизонныхъ частей, учрежденныхъ для лучшаго

охраненія границъ Сибири, Оренбурга и Астрахани. Въ составъ команды вошло 75 драгунъ, 66 строевыхъ и 6 обозныхъ лошадей.

16 января 1775 г., по окончаніи турецкой войны, изъ существовавшихъ 4 драгунскихъ, 2 слабыхъ карабинерныхъ и 1 ландмилицкаго коннаго полковъ, 8-ми карабинерныхъ эскадроновъ московской и петербургской дружинъ и изъ драгунъ легкихъ полевыхъ командъ было сформировано: 5 драгунскихъ полковъ, по 10 эскадроновъ, 1.872 чел., 1.565 строевыхъ и 172 упряжныхъ и обозныхъ лошадей каждый (въ томъ числѣ 46 чел., 34 верховыя и 24 упряжныя лошади для 4 полковыхъ орудій), и 10 отдѣльныхъ драгунскихъ эскадроновъ. Одновременно произошла реорганизація гусаръ, по которой гусарскіе эскадроны обоихъ легіоновъ сведены въ полкъ, и два полка обращены въ поселенные, такъ что оказалось 7 полковъ 6-ти эскадроннаго состава, въ томъ числѣ одинъ вновь сформированный 9-го сентября.

Въ томъ же году въ тяжелой кавалеріи 1 кирасирскій и 2 карабинерныхъ полка были распредѣлены по прочимъ полкамъ тяжелой конницы, черезъ что эти послѣдніе приведены въ 6-ти эскадронный составъ (1.125 чел.); 4 карабинерные полка переформированы въ 2 драгунскіе 10-ти эскадроннаго состава; 2 карабинерныхъ полка распредѣлены по всѣмъ полкамъ для приведенія ихъ въ комплектъ. Такимъ образомъ въ тяжелой кавалеріи осталось: 5 кирасирскихъ и 9 карабинерныхъ полковъ 5-ти эскадроннаго состава, 7 драгунскихъ полковъ 10-ти эскадроннаго состава и 10 отдѣльныхъ драгунскихъ эскадроновъ, всего 164 эскадрона, т. е. на 11 эскадроновъ менѣе, чѣмъ прежде. Это уменьшеніе было вознаграждено въ легкой конницѣ переформированіемъ 3 компанейскихъ полковъ малороссійскихъ казаковъ-добровольцевъ въ 3 легко-конныхъ полка 6-ти эскадроннаго состава (1.032 чел.).

24 декабря 1776 г., поселенные въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ, 6 гусарскихъ и 4 пикинерныхъ полка получили новую организацію; изъ нихъ, изъ 7 гусарскихъ эскадроновъ и прежнихъ запорожцевъ (образовавшихъ 2 пикинерныхъ полка), было сформировано 9 поселенныхъ гусарскихъ полковъ, по 6 эскадроновъ, 744 чел., 613 строевыхъ и 86 обозныхъ лошадей каждый, и 6 поселенныхъ пикинерныхъ полковъ, по 6 эскадроновъ, 618 чел., 487 строевыхъ и 86 обозныхъ лошадей каждый. Эти части должны были, при походахъ свыше 100 верстъ, быть приведены въ тотъ же составъ, какъ и полевые гусарскіе, и для этого имѣть въ постоянной готовности, при мобилизаціи, гусары по 288 и пикинеры по 414 чел. на полкъ.

18 января 1777 г. всѣ 10 отдѣльныхъ драгунскихъ эскадрона были сведены въ одинъ полкъ той же силы, какъ и прочіе.

28 іюня 1783 г. всѣ поселенные гусарскіе и пикинерные полки были уничтожены и изъ нихъ, съ придачей одного малороссійскаго казачьяго

полка, было сформировано 9 легкоконныхъ полковъ 6-ти эскадроннаго состава, которые, вмѣстѣ съ однимъ кирасирскимъ полкомъ, составили такъ называемую Екатеринославскую конницу; 7 полевыхъ гусарскихъ полковъ составили Украинскую конницу.

9 февраля 1784 г. тяжелая кавалерія была значительно усилена тѣмъ, что изъ малороссійскихъ казаковъ и легкоконныхъ полковъ (сформированныхъ въ 1775 г. изъ бывшихъ трехъ компанейскихъ полковъ) было сформировано 10 новыхъ карабинерныхъ полковъ.

26 февраля всѣ гусарскіе полки были переименованы въ легкоконные и такимъ образомъ вся легкая кавалерія состояла изъ 16 легкоконныхъ полковъ, изъ нихъ по старому 9 въ Екатеринославской и 7 въ Украинской конницѣ.

11 сентября и 14 декабря того-же года были сформированы 2 новыхъ драгунскихъ полка, по предложенію князя Потемкина.

10 апрѣля 1786 г. были введены въ конницѣ новые штаты, по которымъ въ конницѣ было полковъ: 5 кирасирскихъ [1]) и 19 карабинерныхъ 6-ти эскадроннаго состава (1.106 чел., 907 строевыхъ и 97 обозныхъ лошадей), 10 драгунскихъ 10-ти эскадроннаго состава (1.882 чел. 1.565 строевыхъ и 185 обозныхъ лошадей; полковыя орудія — какъ прежде) и 16 легкоконныхъ 6-ти эскадроннаго состава (1.047 чел., 907 строевыхъ и 97 обозныхъ лошадей).

14 сентября 1787 г. при арміи Потемкина былъ сформированъ изъ охотниковъ гусарскій полкъ въ 2.000 чел., а 2 января 1788 г. предписано дальнѣйшее пополненіе его охотниками изъ уволенныхъ гусаръ.

Въ 1788 г. ко всѣмъ легкоконнымъ полкамъ и Екатеринославскому кирасирскому полку было придано по отряду егерей въ 65 чел.[2]).

Затѣмъ, 3 августа было предписано набрать изъ охотниковъ гусарскій полкъ въ 6 эскадроновъ, изъ которыхъ на дѣлѣ было набрано только 5, приданныхъ къ одновременно съ тѣмъ переформированному изъ карабинернаго въ драгунскій Псковскому полку; 2 легкоконныхъ же полка переименованы опять въ гусарскіе, и еще сформированъ, 6 сентября, для усиленія войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Швеціи, 1 конноегерскій эскадронъ.

30 мая 1789 г. гусарскій полкъ изъ охотниковъ, находившійся въ арміи Потемкина, былъ распущенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ введены при ея главной квартирѣ — 2 конвойныхъ гусарскихъ эскадрона. Затѣмъ, 6 іюня, 4 карабинерныхъ полка были переформированы въ 2 конноегерскихъ 10-ти

---

[1]) Кирасирскій полкъ, входившій въ составъ Екатеринославской конницы, имѣлъ почти тотъ же составъ, какъ и легкоконные полки.

[2]) Еще 10 лѣтъ до того, въ 1778 г., Суворовъ, бывшій тогда генералъ-лейтенантомъ и командовавшій войсками въ Крыму и на низовьяхъ Днѣпра, приказалъ при каждомъ капральствѣ въ Кубанской конницѣ имѣть по 6 стрѣлковъ, которые могли быть сведены въ легкій конноегерскій эскадронъ или дѣйствовать въ пѣшемъ строю.

эскадроннаго состава. 27 сентября сформированъ третій конноегерскій изъ 1 легкоконнаго и всѣхъ находившихся при конныхъ полкахъ егерскихъ командъ.

8 апрѣля 1790 г. былъ сформированъ при арміи Потемкина, въ видѣ отборной или резервной конницы, лейбъ-кирасирскій полкъ, въ составѣ 30 эскадроновъ въ 15 дивизіонахъ, изъ 3 кирасирскихъ и одного конногренадерскаго полка, только что передъ тѣмъ переформированнаго изъ 2 карабинерныхъ. Комплектовался онъ въ Малороссіи.

Затѣмъ, 16 мая былъ сформированъ тамъ же изъ пѣхотнаго гренадерскаго полка конногренадерскій полкъ въ 10 эскадроновъ или 5 дивизіоновъ, получившій, впрочемъ, лошадей только 3 года спустя. Екатеринославская конница усилена 2 конногренадерскими полками, сформированными 26 мая изъ 6 эскадроновъ карабинерныхъ малороссійской конницы и 2 легкоконныхъ полковъ и того числа былъ установленъ новый штатъ для конноегерскихъ полковъ: 10 эскадроновъ въ 5 дивизіонахъ, 1.838 чел., 1.531 строевыхъ и 161 обозныхъ лошадей; карабинерные же полки малороссійской конницы остались въ составѣ 5 эскадроновъ — 932 чел., 756 строевыхъ и 185 обозныхъ лошадей.

6 сентября 1790 г. распущенъ егерскій эскадронъ, сформированный въ 1788 г., 14 сентября сформировано изъ 2 легкоконныхъ полковъ регулярный казачій, 18 октября одинъ легкоконный, переименованный въ казачій и 29 ноября изъ другихъ двухъ — конноегерскій.

31 января 1792 г., по окончаніи турецкой войны, были возстановлены легкоконные полки, переформированные въ казачьи и распущены 2 гусарскіе эскадрона, находившіеся въ конвоѣ при главной квартирѣ арміи скончавшагося Потемкина; 8 февраля лейбъ-кирасирскій полкъ раздѣленъ по старому на 3 кирасирскихъ и 2 карабинерныхъ; и наконецъ послѣдній сформированный конноегерскій полкъ опять обращенъ въ 2 легкоконные.

5 мая 1793 г. состоялось дѣйствительное переформированіе пѣшаго гренадерскаго полка въ конный, въ составѣ 10 эскадроновъ 1.918 чел., 1.685 строевыхъ и 185 упряжныхъ и обозныхъ лошадей (въ томъ числѣ 46 чел., 34 строевыхъ и 24 упряжныхъ лошади — для 4 полковыхъ орудій). Затѣмъ, 6 мая приняты были на русскую службу 4 польскіе легкіе конные полка и 4 бригады національной польской конницы, которые всѣ были въ слѣдующемъ же году, по случаю польскаго возстанія, распущены. Слѣдуетъ еще упомянуть, о такъ называемыхъ гатчинскихъ войскахъ, которыя, съ 1782 г., находились въ исключительномъ распоряженіи Наслѣдника. Конница ихъ, сформированная въ 1787 и 1792 гг., состояла изъ полковъ 2-хъ эскадроннаго состава: жандармскаго (181 чел.), драгунскаго (165 чел.) и гусарскаго (175 чел.), которые всѣ считались по списку въ составѣ кирасирскаго, Наслѣдника, полка. Относительно ландмилиціи и гарнизонныхъ войскъ къ сказанному выше остается добавить слѣдующее:

Въ 1763 и 1764 гг. составъ украинской ландмилиціи былъ установленъ въ 1 конный и 10 пѣшихъ полковъ, причемъ конный былъ въ 5 эскадроновъ или 10 ротномъ составѣ — 952 чел., 776 строевыхъ и 98 упряжныхъ лошадей. Эти полки были въ 1769 г. переформированы 16 января въ полевые: драгунскій и пѣхотные. Также было поступлено въ тоже время и съ тремя конными и 1 пѣшимъ полками закамской ландмилиціи. Въ Сибирской ландмилиціи былъ сформированъ къ концу 1763 г. одинъ конный полкъ, переформированный 29 ноября въ карабинерный. 11 января 1765 г. былъ распущенъ конный полкъ смоленской шляхты, считавшій въ послѣднее время въ своихъ рядахъ 1.388 чел.; 7 гарнизонныхъ полковъ обращены въ полевые (13 мая 1764 г.), а изъ оставшагося Рославльскаго эскадрона сформированъ Смоленскій ландмилицкій конный полкъ 5-ти эскадроннаго состава (922 чел. и 798 лошадей), обращенный 16 января 1775 г. въ драгунскій Смоленскій. Такимъ образомъ, ландмилиція окончила свое существованіе, а изъ гарнизонныхъ частей, послѣ распущенія въ 1765 г. Московскаго гарнизоннаго драгунскаго эскадрона, осталась только 1 конногренадерская рота въ Сибири. Въ 1788 и 1790 гг. при московскомъ гарнизонѣ было сформировано два гусарскихъ эскадрона, по 325 чел. въ каждомъ, включенные въ 1800 г. въ гусарскій полкъ Линденера (Ахтырскій).

Ко времени кончины Императрицы Екатерины II регулярная конница состояла изъ слѣдующихъ частей:

1 лейбъ-гвардіи конный полкъ, 1 лейбъ-гусарскій эскадронъ и 2 конвойныя команды при Императорскомъ дворѣ; 5 кирасирскихъ, 16 карабинерныхъ (8 по 6 и 8 по 5 эскадроновъ), 1 конногренадерскій, 11 драгунскихъ, 2 гусарскихъ, 11 легкоконныхъ и 4 конноегерскихъ полковъ и 5 гусарскихъ эскадроновъ (при Псковскомъ драгунскомъ полку).

Всего 51 полкъ, 368 эскадроновъ, силой въ 67.926 чел. и 56.965 строевыхъ лошадей (въ это число включены 3 полка гатчинскихъ конныхъ частей, но не вошли 1 конногренадерская рота и 2 эскадрона гарнизонныхъ гусаръ, силой въ 460 чел. и 320 лошадей).

Казачьи и прочія иррегулярныя части, испытавшія значительныя перемѣны во время этого царствованія, къ концу его имѣли слѣдующій составъ:

6 казачьихъ войскъ: Донское — 28.138 служащихъ казаковъ, раздѣленныхъ въ военное время на пятисотенные полки въ 514 чел., которыхъ въ 1782 г. было, напр., выставлено 32 въ 5 бригадахъ (съ 1774 г. былъ отрядъ личнаго конвоя Государыни, а 1775 г. Атаманскій казачій полкъ, постоянный, въ качествѣ образцовой части для внутренней службы войска). Астраханское — 1 пятисотенный полкъ и 3 отдѣльныя команды: Уральское (до 1775 г. — Яикское) — 8.000—10.000 казаковъ, собранные для обыкновенной службы въ сотни; Оренбургское — 4 пятисотенныхъ регулярныхъ казачьихъ полка (всего 2.400 чел.) и отдѣльныя команды въ различныхъ укрѣпленіяхъ, всего 8.000—10.000 человѣкъ, причемъ легко могло быть выставлено вдвое

больше; Екатеринославское (съ 1787 г.) — выставившее въ 1796 г. свыше 10.000 человѣкъ въ 10 полкахъ; Черноморское (съ 1788 г.) — несшее службу верхомъ, пѣшкомъ и на морѣ. Затѣмъ 4 регулярныхъ казачьихъ полка: 3 чугуевскихъ, 8 сотенныхъ по 1.341 чел. (съ 1774 г. отрядъ личнаго конвоя Государыни) и одинъ изъ почтовыхъ мужиковъ разныхъ губерній, 1.000 чел. Кромѣ того 4 полка оренбургскаго войска и 2 на кавказской линіи; поселенные кавказскіе казаки — 5 полковъ различной силы, всего около 3.500 чел. (въ томъ числѣ 1 регулярный), 4 дружины кабардинцевъ горцевъ (636 и 318 чел.), ингушей (300 чел.) и осетинъ (500 чел.); сибирскіе казаки и др. иррегулярныя части: 1 полкъ тунгусовъ въ 500 человѣкъ, 4 полка бурятъ (въ 2 бригадахъ) по 6 сотенъ — 599 чел.; 8 командъ пограничныхъ казаковъ въ 1 сотню каждая и казаки, дворяне и боярскія дѣти въ различныхъ городахъ и укрѣпленіяхъ, всего около 14.000 чел., изъ которыхъ 4.000 — 5.000 въ Камчаткѣ; ставропольскіе калмыки — 11 ротъ, калмыки — 40.000 чел., киргизы 80.000 всадниковъ, башкиры 27.000 семействъ, татары — 2 дивизіона, около 200 чел. каждый. Всего болѣе 300.000 иррегулярныхъ войскъ, преимущественно конницы.

Высшихъ тактическихъ единицъ въ конницѣ не существовало, а части сводились вмѣстѣ, на основаніи ordre de bataille, принятаго въ линейной тактикѣ. Сообразно этому по штатамъ 1763 года полагалось въ конницѣ: 1 полный генералъ — высшій начальникъ ея, 4 генералъ-лейтенанта для командованія двумя крылами и двумя линіями (кромѣ того, еще 2 — для ландмилиціи) и 12 генералъ-маіоровъ для командованія бригадами (кромѣ того 2 — для гусаръ и 6 — для ландмилиціи). Но это было только фиктивное раздѣленіе. Позже послѣдовало присоединеніе конницы, сначала тяжелой, къ сформированнымъ прежде исключительно изъ пѣхоты территоріальнымъ дивизіямъ, которыхъ было при учрежденіи ихъ 4, въ 1763 г. — 8, съ 1775 г. 10 и съ 1779 г. — 11; кромѣ того, было два отдѣльныхъ корпуса: Оренбургскій и Сибирскій. Вся тяжелая конница была подчинена фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому, и вся легкая — генералъ-аншефу князю Потемкину. Съ 1780 г. въ числѣ дивизій происходили частыя перемѣны; въ концѣ царствованія ихъ было опять 10, въ составъ которыхъ входили, кромѣ всей армейской пѣхоты и кавалеріи, еще и 3 чугуевскихъ и 9 донскихъ казачьихъ полка. Независимо отъ нихъ, существовали съ 1785 г. постоянно, подъ наблюденіемъ генералъ-инспектора князя Потемкина, двѣ инспекціи: для конницы и для пѣхоты. На войнѣ войска дѣлились на арміи, на корпуса и сводные отряды, на дивизіи, состоявшія иногда изъ одной пѣхоты, обыкновенно же изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, и наконецъ, на бригады изъ 2 — 3 полковъ. Составъ всѣхъ этихъ частей не былъ постояннымъ, но измѣнялся очень часто въ зависимости отъ обстоятельствъ; онѣ не имѣли также почти никакого отношенія къ существовавшимъ въ мирное время дивизіямъ.

Обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе были установлены въ 1763 г. по прусскому образцу. Кирасиры носили колеты цвѣта лосиной кожи съ зелеными воротниками, обшлагами и съ бѣло-зеленой выпушкой на галунахъ, пару шерстяныхъ эполетъ различныхъ цвѣтовъ по полкамъ, зеленые камзолы и плащи, лосины, черные галстухи, бѣлые жабо, сапоги съ отворотами и желѣзными шпорами, трехуголки, перчатки съ крагами, волосы напудренными и заплетенными въ одну косу, карабины безъ штыковъ, палаши, по 2 пистолета, желѣзныя кирасы и подъ ними желѣзный поясной ремень, ташки, патронташи; они имѣли нѣмецкія сѣдла съ зелеными чепраками, чемоданы, фуражныя саквы, мѣшки, торбы, деревянныя фляги для воды, конюшенные недоуздки и коновязные колья. Карабинеры имѣли тоже самое, но только голубые мундиры съ красными воротниками, отворотами, обшлагами и подкладкой различнаго цвѣта, эполеты на лѣвомъ плечѣ, красные камзолы и чепраки, синіе плащи и чемоданы и не имѣли кирасъ. Драгуны были одѣты подобно карабинерамъ (кромѣ отворотовъ) и имѣли синіе камзолы и чепраки и вмѣсто карабиновъ — ружья со штыками. Полковая артиллерія имѣла черныя отличія. Гусары имѣли свою извѣстную національную одежду различнаго цвѣта, по полкамъ, шапки съ языкомъ, волоса на затылкѣ часто острижены, спереди 2 локона; вооруженіе ихъ — сабля, карабинъ и 2 пистолета; венгерскія сѣдла съ вальтрапами угломъ. Пикинеры имѣли бѣлые мундиры съ разноцвѣтнымъ прикладомъ, цилиндрическія изъ бараньей шкуры шапки съ цвѣтнымъ верхомъ и въ остальномъ подобно гусарамъ, но только еще пики, и четвертая часть каждой роты, въ качествѣ стрѣлковъ, имѣла ружья и охотничьи ножи. Ландмилиція—бѣлые мундиры съ красными отличіями.

Въ 1775 г. драгуны получили зеленые мундиры съ краснымъ прикладомъ, палевые камзолы и штаны, короткіе сапоги, шляпы безъ металлическаго каркаса, бѣлые плащи, сабли вмѣсто палашей и венгерское сѣдло съ краснымъ вальтрапомъ. Въ 1778 г. кирасиры и карабинеры получили тѣже шляпы, плащи и сѣдла, у кирасиръ отмѣнена кираса и они получили палевые колеты съ разноцвѣтнымъ прикладомъ (на камзолахъ, кушакахъ, ташкахъ, вальтрапахъ и чемоданахъ), желтые аксельбанты и эполеты; послѣдніе были даны и карабинерамъ, а также красные кушаки и ташки. Пикинеры получили въ 1776 г. форму въ родѣ казачьей (основной цвѣтъ бѣлый) и четыреугольныя суконныя шапки, отороченныя мѣхомъ. Легкоконные полки были одѣты подобно карабинерамъ но только имѣли бѣлыя пуговицы и аксельбанты.

4 апрѣля 1782 г., по предложенію Потемкина, были приняты различныя измѣненія и улучшенія въ обмундированіи, окончательно введенныя въ 1788 г. Форма состояла изъ длинныхъ куртокъ съ маленькими отложными воротниками, отворотами и обшлагами и широкими кушаками, шароваръ съ лампасами, подбитыми кожей въ ходу, кожаныхъ касокъ съ

КИРАСИРЫ въ 1763 году.

шерстянымъ гребнемъ поперекъ и бѣлыхъ плащей. Волосы были коротко острижены; косы, локоны, пудра, манжеты и все излишнее было отмѣнено, исходя изъ того правильнаго военнаго принципа, что: „солдатское снаряженіе должно быть таково, что солдатъ, какъ всталъ, такъ и готовъ". Цвѣта были: у кирасиръ — палевые, у карабинеръ и легкоконныхъ — синіе, у драгунъ — зеленые съ красными отличіями; штаны были у кирасиръ — разныхъ цвѣтовъ по полкамъ, у прочихъ — красные; у кирасиръ имѣлись синіе суконные супервесты. Гусары сохранили прежнюю форму. Конноегерскіе полки имѣли ту же форму, что и легкоконные, только зеленаго цвѣта съ черными отличіями; въ 1789 г. они получили вмѣсто касокъ гусарскія шапки.

Съ 1769 г. состоящіе на службѣ казачьи полки начали носить однообразную одежду; донскіе, уральскіе и оренбургскіе голубаго цвѣта, волжскіе и чугуевскіе — краснаго, астраханскіе — коричневаго.

При упражненіяхъ и ученіяхъ руководствовались новѣйшимъ уставомъ, изданнымъ въ 1776 г. въ Копенгагенѣ на нѣмецкомъ языкѣ. Основанія его въ общемъ тѣже, что и въ уставѣ 1756 г. Разсчетъ, ранжировка и дѣленіе остались прежніе; равненіе — всегда направо; всѣ заѣзды — карьеромъ; колонны — прежнія, но строились изъ средины по 3-му, а не по 2-му взвода. При атакѣ офицеры становились на фланги и въ замокъ; эскадронный командиръ — въ срединѣ первой шеренги, выдаваясь впередъ на полъ-лошади; послѣ 100 шаговъ, пройденныхъ шагомъ, — остановка и выравниваніе; затѣмъ продолжалось движеніе короткой рысью, крупной рысью и галопомъ на 100 саж.; опять остановка и выравниваніе, причемъ „лошади нѣсколько оправляются, особенно если очень жарко"; затѣмъ полный карръеръ, преслѣдованіе противника на 50 саж. и остановка. Чтобы помѣшать сбору противника, — опять съ мѣста маршъ маршъ, разсѣянный противникъ преслѣдуется разсыпной атакой съ пальбой или всѣмъ эскадрономъ, или 5 — 6 рядами съ обоихъ фланговъ. Если появляются свѣжія непріятельскія силы, то преслѣдующіе собираются полнымъ галопомъ къ штандарту, все равно въ какомъ порядкѣ, и встрѣчаютъ ихъ атакой съ мѣста. Скрытые марши (также и съ обоихъ фланговъ), каре, отступленіе и пѣшій бой — какъ прежде. На счетъ первыхъ, весьма сложныхъ, имѣется слѣдующее характерное замѣчаніе: „этотъ маневръ, ловко исполненный, производитъ хорошее впечатлѣніе; онъ изобрѣтенъ преимущественно для того, чтобы забавлять высокихъ лицъ, а также и для упражненія младшихъ офицеровъ. Передъ непріятелемъ, однако, простѣйшіе маневры — наилучшіе. Я часто слышалъ, что говорили: оно все-таки хорошо, чтобы внушить идею молодому офицеру. Конечно, очень полезно внушать имъ правильныя мысли о службѣ, но очень вредно внушать ложныя мысли; такъ какъ они очень часто не могутъ отдѣлаться отъ нихъ въ теченіе всей жизни".

Въ „Инструкціи полковнику коннаго полка“ отъ 14 января 1766 г. не заключается никакихъ уставныхъ построеній, только въ 5 главѣ есть общія правила объ обученіи рекрутъ (на что назначается 2 — 2½ мѣсяца); больше же говорится объ административныхъ и экономическихъ вопросахъ и о лошади.

Вообще въ это время начали обращать большее вниманіе на обученіе ѣздѣ, что видно, между прочимъ, изъ учрежденія полковыхъ берейторовъ, обучавшихъ всѣхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ и по 4 рядовыхъ съ каждой роты. Фельдмаршалъ Румянцевъ, бывшій съ 1769 по 1774 годъ генералъ-инспекторомъ всей конницы, ввелъ исключительное употребленіе холоднаго оружія съ безусловнымъ воспрещеніемъ дѣйствовать огнестрѣльнымъ, и (въ 1774 г.) двухшереночный строй для боя, вслѣдствіе чего число рядовъ во взводѣ дошло до 17. Однако, сила привычки и предубѣжденія была еще такъ велика, что на дѣлѣ еще очень долгое время продолжали стрѣльбу съ коня.

Потемкинъ особенно высоко цѣнилъ драгунъ, „такъ какъ они, будучи пріучены дѣйствовать и пѣшкомъ, и верхомъ, допускаютъ двойное употребленіе, не нуждаясь въ поддержкѣ ни пѣхоты, ни конницы“, и легкую конницу, которую онъ ставилъ въ примѣръ, предпочиталъ тяжелой, „которая тяжела сама по себѣ, но не въ ударахъ по непріятелю“. Онъ возставалъ противъ изнѣживанія и излишней чистки лошадей и противъ заводскихъ лошадей, требовалъ отъ людей свободной посадки, умѣлаго владѣнія саблей и ловкихъ поворотовъ отдѣленіями и по одному и вывода на ученія возможно большаго числа рядовъ во взводахъ.

Благодаря Суворову, стороннику вездѣ самого рѣшительнаго наступленія („пуля дура, а штыкъ молодецъ“), тѣже требованія стали ставиться и конницѣ. Всѣ его дѣйствія отличались живостью и быстротою; ученія его, не продолжавшіяся долѣе 1½ часа, представляли истинную картину боя и обыкновенно заканчивались атакой конницы на пѣхоту, причемъ первая проскакивала черезъ разомкнутые ряды второй, что производилось всегда съ полной энергіей, такъ какъ люди и лошади отлично знали, что вслѣдъ затѣмъ немедленно слѣзали.

При подобныхъ вождяхъ и имѣя почти постоянный военный опытъ, русская конница, большая часть полковъ которой чаще видѣла берега Дуная, Вислы и Кубани, Крымскія степи и берега Чернаго моря, чѣмъ свои штабъ-квартиры, достигла высокой степени военнаго образованія. Конечно, полкамъ недоставало ровности въ движеніяхъ, тонкости въ ломкѣ фронта, какія были въ прусской и другихъ европейскихъ конницахъ; встрѣчались частыя и большія злоупотребленія во внутреннемъ хозяйствѣ войскъ; но тѣмъ не менѣе, военная ея дѣятельность должна быть признана заслуживающей полнаго удивленія. Полки соперничали въ выносливости и способности къ преодолѣнію разнаго рода препятствій; они со-

вершали поразительные форсированные марши, переплывали большія рѣки, преодолѣвали безъ малѣйшей задержки высокія горы и глубокія пропасти и отличались въ бою смѣлостью и воодушевленіемъ, достойными высшей похвалы. Вслѣдствіе недостатка высшаго руководства многое было предоставлено личной отвѣтственности полковыхъ командировъ, а эти послѣдніе были опять пріучаемы разсчитывать на условія и знанія своихъ подчиненныхъ. Въ этомъ разгадка, почему въ это время было такъ много отличныхъ начальниковъ—Хорватъ, Текели (о которомъ Суворовъ говорилъ, что какъ онъ самъ со штыкомъ, такъ и Текели съ саблей всюду пройдутъ), Чорба, Шевичъ, Древичъ и др. Дѣйствительно, русская конница во второй половинѣ царствованія Екатерины II была отличной и вполнѣ національной конницей; особенно это можно сказать о легкой конницѣ,— гусары были особенно любимы.

Любопытную противоположность представляли состоявшія въ вѣдѣніи Наслѣдника такъ называемые гатчинскіе гусары. Здѣсь мы встрѣчаемъ полное подражаніе прусскимъ порядкамъ, съ которыми Наслѣдникъ лично познакомился въ 1776 г. и которыми былъ восхищенъ; царствовала строгая мирная школа съ установленными формами.

По вступленіи Павла I (1796—1801 г.) на престолъ, онъ немедленно распространилъ на всѣ части, можетъ быть слишкомъ круто и радикально, испробованную имъ въ теченіе болѣе 10 лѣтъ систему. Средствомъ для этого послужили гатчинскія войска. Жандармы и драгуны были включены въ конную гвардію (1796 г.), гатчинскіе гусары и казаки составили съ лейбъ-гусарскимъ эскадрономъ и обѣими конвойными казачьими командами лейбъ-гусарскій казачій полкъ (7 ноября), получившій права и преимущества старой гвардіи (14 ноября). Гусары получили 13 декабря штатъ: 2 эскадрона — 342 чел., 293 строевыхъ и 36 обозныхъ лошадей. Въ 1797 г. было отмѣнено раздѣленіе въ конной гвардіи эскадроновъ на роты и изъ 5 эскадроновъ сдѣлано 10 въ двухъ баталіонахъ. Въ томъ же году былъ сформированъ 3-й гусарскій эскадронъ и въ 1798 г. гусары отдѣлены отъ казаковъ. Такъ что въ 1798 г. (10 іюня) въ гвардейской конницѣ было:

1 лейбъ-гвардіи конный полкъ, силой въ 2 баталіона, 10 эскадроновъ, 1.559 чел., 1.200 строевыхъ [1]) и 228 обозныхъ лошадей; лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ — 3 эскадрона, 570 чел., 429 строевыхъ, и 64 обозныхъ лошадей; лейбъ-гвардіи казачій полкъ — 2 эскадрона, 361 чел.

Послѣдній былъ доведенъ въ томъ же году до 3 эскадроновъ съ 543 чел. и 433 лошадей, а гусарскій — до 2 баталіоновъ, 10 эскадроновъ,

[1]) При Павлѣ I въ первый разъ офицеры русской конницы, начиная съ чина ротмистра или капитана включительно, получили право на казенныхъ лошадей, каковыя и находятся въ вышеприведенныхъ цифрахъ (58 и 20). Обозныя лошади были частью упряжныя, частью вьючныя, частью верховыя, простой породы, для ѣзды различныхъ нестроевыхъ.

по 100 рядовыхъ въ каждомъ.—Въ 1800 г. составъ лейбъ-гвардіи коннаго полка уменьшенъ до 5 эскадроновъ, 952 чел., 765 строевыхъ (включая 33 офицерскихъ) и 107 обозныхъ лошадей.

Въ 1799 г., по принятіи Павломъ I званія гросмейстера ордена іоаннитовъ, была учреждена кавалергардія [1]), въ составѣ 189 чел. (въ томъ числѣ 84 денщика и рейткнехта), 89 строевыхъ и 4 обозныхъ лошадей, какъ гвардія при особѣ гросмейстера. Въ 1800 г. она была переформирована въ 3 эскадронный полкъ, силой въ 573 чел., 457 строевыхъ и 55 обозныхъ лошадей. Казачьи гвардейскія части были усилены въ 1798 г. уральской сотней.

Въ 1796 г. армейская конница была совершенно переформирована и при этомъ значительно сокращена. 9 карабинерныхъ, конногренадерскій и 1 легкоконный полки были переформированы въ кирасирскіе, 6 карабинерныхъ — въ драгунскіе, 6 легкоконныхъ и 1 конноегерскій — въ гусарскіе; а 1 карабинерный, 1 драгунскій, 1 гусарскій, 4 легкоконныхъ, 3 конноегерскихъ полки и 5 гусарскихъ эскадроновъ при Псковскомъ драгунскомъ полку распущены и употреблены на укомплектованіе прочихъ полковъ. Такимъ образомъ осталось полковъ:

16 кирасирскихъ — по 5 эскадроновъ, 10 ротъ и 1.107 чел. въ каждомъ; 16 драгунскихъ — по 5 эскадроновъ — 1.164 чел.; 8 гусарскихъ — по 10 эскадроновъ — 1.620 чел. Число лошадей не было установлено; но по даннымъ устава, вышедшаго въ то время, ихъ было въ кирасирскомъ полку — 908 строевыхъ и 103 обозныхъ, въ драгунскомъ — 970 строевыхъ и 97 обозныхъ, въ гусарскомъ 108 обозныхъ. Въ 1798 г. были изданы новые штаты, по которымъ въ полкахъ было: кирасирскомъ — 899 чел., 716 строевыхъ и 102 обозныхъ лошади; драгунскомъ — 908 чел., 729 строевыхъ и 114 обозныхъ лошадей; гусарскомъ — 1.643 чел., 1.358 строевыхъ и 172 обозныхъ

---

[1]) Кавалергарды встрѣчались и прежде въ русской арміи, впрочемъ, только временно и притомъ въ качествѣ дворцовой части и безовсякой связи съ теперешнимъ кавалергардскимъ полкомъ. Вотъ ихъ краткая исторія. Первое учрежденіе кавалергардіи относится къ 1724 г., когда Петръ Великій приказалъ генералъ-маіору Лефорту, для предстоящаго коронованія Императрицы Екатерины I, набрать конную роту драбантовъ или кавалергардію изъ офицеровъ, въ числѣ 60 чел., которая, впрочемъ, въ томъ же году была опять распущена. Въ 1728 г. послѣдовало вторичное ея сформированіе въ числѣ 75 чел.; въ 1730 г. она была уменьшена до 72 чел. (въ томъ числѣ 48 въ чинѣ капитана и 24 — въ чинѣ поручика) и въ 1731 г. распущена. При Елисаветѣ ея мѣсто заняла гренадерская рота лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, отдѣленная отъ полка и получившая названіе лейбъ-кампаніи; всѣ, входившіе въ составъ ея, получили дворянство и офицерскіе чины. Въ 1742 г. для коронаціи Императрицы было опять набрано 60 чел. кавалергардовъ изъ ея числа. Когда въ 1762 г. лейбъ-кампанія была распущена, то Екатерина II приказала сформировать изъ нея кавалергардовъ, по штату 1724 г. — Въ 1764 г. они, въ числѣ 80 чел., получили названіе Кавалергардскаго корпуса. Въ 1796 г. былъ сформированъ новый Кавалергардскій корпусъ, въ составѣ 1 эскадрона, а прежніе кавалергарды распущены; затѣмъ, было прибавлено еще 2 эскадрона, и корпусъ названъ кавалергардскими эскадронами, со штатомъ всего въ 1.103 чел. (въ томъ числѣ 334 денщика). Въ 1797 г. было опять приказано ихъ распустить.

лошади; число и составъ полковъ остались тѣ же, только гусарскіе полки были раздѣлены на 2 баталіона каждый. Кромѣ того, субалтернъ-офицеры и чины штаба полка всѣ получили казенныхъ лошадей, въ кирасирскомъ полку 33, въ драгунскомъ 36 и въ гусарскомъ 46. Все число конницы было: 40 полковъ, 240 эскадроновъ, 42.056 чел., 32.512 строевыхъ (безъ офицерскихъ) и 4.832 обозныхъ лошади.

Кромѣ того существовали еще съ 1797 г. сформированные во вновь присоединенныхъ польскихъ областяхъ два полка, вооруженныхъ пиками, по 10 эскадроновъ въ 2 баталіона и 1.180 чел. каждый; 1.160 собственныхъ верховыхъ и вьючныхъ и 48 поставленныхъ населеніемъ обозныхъ лошадей. Одинъ полкъ изъ литовскихъ татаръ, другой — изъ поляковъ. Затѣмъ, къ регулярной же конницѣ были причислены 2 чугуевскихъ казачьихъ полка, по 10 эскадроновъ, 1.307 чел. и 1.300 строевыхъ лошадей, и 2 драгунскіе полка, по 5 эскадроновъ, изъ сформированнаго изъ французскихъ эмигрантовъ корпуса Конде. Въ 1798 г. было сформировано еще 3 кирасирскихъ, 2 драгунскихъ и 1 гусарскій полки, изъ которыхъ къ 1800 г. оставлено всего 1 кирасирскій и 1 драгунскій. Затѣмъ въ томъ же году было распущено еще 4 кирасирскихъ и 2 драгунскихъ полка; 6 драгунскихъ полковъ сведены въ 3, по 10 эскадроновъ; корпусъ Конде распущенъ; 2 чугуевскіе казачьи полка сведены въ одинъ двухбаталіонный. Съ 1796 г. гусарскіе полки, а въ 1798 г. всѣ прочіе — стали называться по фамиліямъ шефовъ.

Къ кончинѣ Павла I конница имѣла слѣдующій составъ: кавалергардскій полкъ, полки лейбъ-гвардіи: конный, гусарскій и казачій; лейбъ-гвардіи уральская сотня; 13 кирасирскихъ, 12 драгунскихъ, 8 гусарскихъ, 2 конныхъ и 1 регулярный казачій полкъ; всего 40 полковъ; 272 эскадрона, 45.649 чел. и 36.124 лошади (безъ офицерскихъ).

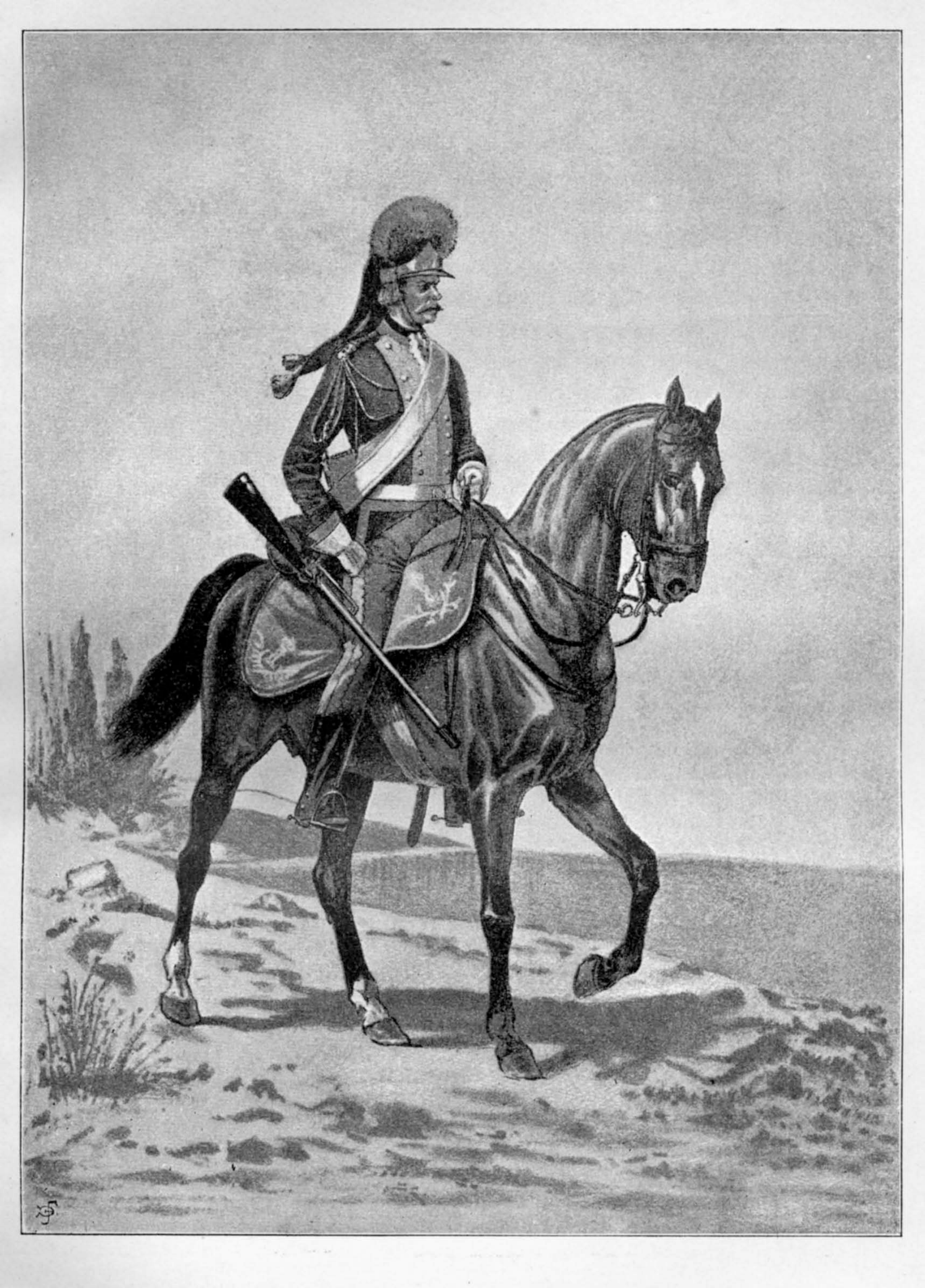
Что касается до иррегулярныхъ частей, то въ 1800 г. были упразднены: Екатеринославское казачье войско, крымскіе дивизіоны и казачій полкъ изъ почтовыхъ мужиковъ. Зато въ 1798 г. былъ сформированъ въ Оренбургскомъ войскѣ второй пятисотенный полкъ тептярей. Во время войны съ Франціей въ 1799 г. находилось на службѣ 47 казачьихъ полковъ (большей частью донскихъ, 2 уральскихъ), изъ которыхъ 39 были заграницей или на западной границѣ.

Что касается высшихъ единицъ, то въ 1796 г. всѣ вооруженныя силы, кромѣ гвардіи, были раздѣлены на 12 дивизій (позже инспекцій) смѣшаннаго состава; онѣ назывались по мѣстамъ расположенія и каждая имѣла двухъ инспекторовъ: одного — для конницы, другаго — для пѣхоты. Въ случаѣ войны онѣ не выступали въ полномъ составѣ, но изъ нихъ формировались отряды различнаго состава: на маршѣ — колонны съ подраздѣленіями; въ бою — линіи, каждая изъ которыхъ распадалась на центръ или corps d'armée и 2 крыла.

Въ 1796 г. вернулись къ прежнему обмундированію, появились опять косы, пудра и т. п. Вообще кирасиры носили палевые колеты; (съ 1798 г. бѣлые), драгуны — свѣтло-зеленые мундиры съ разноцвѣтнымъ прикладомъ, по выбору шефа полка; гусары — разноцвѣтные доломаны и ментики; изъ конныхъ полковъ одинъ — темно-синіе кафтаны съ краснымъ воротникомъ и обшлагами, лѣтомъ — красные доломаны съ синими воротниками и обшлагами и со шнурами, другой — красные мундиры польскаго покроя съ синимъ прикладомъ.

Снаряженіе и вооруженіе оставалось въ общемъ безъ перемѣны, только кирасирамъ были возвращены въ 1798 г. полныя кирасы, вмѣсто которыхъ кавалергарды носили малиновыя супервесты; они имѣли также красные мундиры, конная же гвардія — общекирасирскіе мундиры съ краснымъ прикладомъ. Первая шеренга обоихъ польскихъ конныхъ полковъ, чугуевцы и всѣ казаки были вооружены также и пиками.

Обученіе конницы было также основано на прусскихъ началахъ. Въ 1796 г. былъ изданъ уставъ въ 2-хъ частяхъ: первая, болѣе общая, — „Воинскій уставъ о полевой конной службѣ", — касается преимущественно кирасиръ и драгунъ; вторая, болѣе спеціальная — „Правила конной службы" — гусаръ. Въ немъ встрѣчается много хорошаго и дѣльнаго, напримѣръ окончательное введеніе двухшереножнаго строя при силѣ взводовъ въ 16 рядовъ; колонны изъ середины, развертываніе, движеніе на опредѣленный предметъ, а не въ пустую, и прежде всего совершенная точность исполненія; но вмѣстѣ съ тѣмъ оставалось еще много неудобнаго; повороты по четыре, разныя парадныя упражненія, разсчитанныя исключительно на эффектъ. Атака была сомкнутая, съ выскакиваніемъ 4-го взвода и разсыпная. Впрочемъ, уставъ говорилъ не только объ ученіяхъ (они занимали въ общей части изъ 79 главъ — 16, а въ спеціальной изъ 26 — 5), но онъ касался вообще службы конницы какъ на квартирахъ, такъ и въ походѣ, пополненія, отпусковъ и увольненія людей, ремонтированія, обмундированія. И здѣсь, рядомъ съ хорошимъ, встрѣчается много вреднаго, излишняго, особенно касательно ухода за лошадьми. Собственно же ѣздѣ, на которую прусская система обращала особенное вниманіе, не придавали должнаго значенія. Правда, берейторы продолжали существовать въ полкахъ, по штатамъ 1796 и 1798 гг., у многихъ лицъ встрѣчались правильные взгляды и сужденія, какъ это видно изъ приказа графа Палена въ 1797 г., вскорѣ по вступленіи имъ въ командованіе лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ, и Государь не упускалъ этого тоже изъ виду, какъ напримѣръ въ 1800 г. было даже дано приказаніе о постройкѣ манежа въ штабъ-квартирѣ каждаго коннаго полка; тѣмъ не менѣе, однако этотъ важный отдѣлъ не стоялъ, какъ кажется, на надлежащей высотѣ.

РУССКІЙ ДРАГУНЪ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ВРЕМЕНИ

1783—1796 г.

XXIII. Организація и составъ французской конницы во времена первой республики и Наполеона I[1]).

Французская революція почти совершенно уничтожившая, въ угоду крайнимъ партіямъ, всю старую пѣхоту, не коснулась конницы, отстранивъ только все то, что напоминало прежнее время. Такъ въ 1791 г. были уничтожены всѣ древнія, историческія названія, замѣненныя просто номерами, правда, по возможности, въ порядкѣ дѣйствительнаго старшинства частей.

Первое мѣсто среди конницы заняли 2 карабинерныхъ полка, оставленные не безъ оживленной борьбы съ парламентомъ. Затѣмъ слѣдовали 24 конныхъ, 18 драгунскихъ, 12 конноегерскихъ и 6 гусарскихъ. Число эскадроновъ въ полку осталось прежнее: у карабинеръ, егерей и гусаръ — 4; въ конныхъ и драгунскихъ — 3; эскадроны были раздѣлены на 2 роты, по 4 офицера и 67 нижнихъ чиновъ (въ томъ числѣ 4 пѣшихъ) каждая.

Въ послѣдующіе годы конные полки претерпѣли много измѣненій, хотя все-таки не столько, какъ пѣхота. Съ одной стороны число полковъ уменьшилось послѣдовавшей въ 1792 году эмиграціей 15-го коннаго (бывшій Royal Allemand) и 4-го гусарскаго (бывшій Saxe) полковъ; съ другой, однако, въ этомъ и въ послѣдующіе годы нарождались съ изумительной быстротой, кромѣ легіоновъ[2]) смѣшаннаго состава, множество конныхъ вольныхъ ротъ и департаментскихъ отрядовъ[3]), подъ разными фантастическими названіями.

---

[1]) Кромѣ указанныхъ въ X главѣ источниковъ: La Roche. Geschichte der Kriegskunst seit dem 19. Jahrh. Mannheim 1844. — Bellangé. Die Soldaten der französischen Republik und des Kaiserreichs. Leipzig 1843. — Chambray. Ueber die Veränderungen in der Kriegskunst seit 1700 bis 1815., a. d. franz. Berlin 1830. — Kausler u. Woerl. Die Kriege von 1792 bis 1815. 2 Bde. Karlsruhe und Freiburg 1840 u. 1842. — Plotho. Der Krieg in Deutschland und Frankreich in den Jahren 1813 u. 1814. 3 Bde. Berlin 1817. Der Krieg der Verbündeten Europas gegen Frankreich im J. 1815. Berlin 1818. — Sporschil. Die Freiheitskriege der Deutschen i. d. Jahren 1813, 1814, 1815. Sechste Auflage. 9 Bde. Braunschweig 1845, 1846. — Saint-Hilaire. Histoire anecdotique, politique et militaire de la Garde impériale. 4 tomes. Bruxelles et Leipzig 1846 — 1847. Geschichte der Kaisergarde. Leipzig 1848.

[2]) Декретомъ отъ 24 сентября 1791 г. было предписано сформировать изъ существующихъ частей 6 легіоновъ, въ составѣ 2 егерскихъ батальоновъ и 1 конноегерскаго полка каждый. Декретъ не былъ приведенъ совершенно въ исполненіе. По образцу сформированныхъ легіоновъ появилось множество, болѣе или менѣе подобной организаціи, подъ весьма различными названіями: аллоброговъ, Альпъ, Арденнъ, центра, франковъ, 1 франковъ, 2 франковъ или красный, свободныхъ иностранцевъ, жандармскій, германскій горный или микелеты, горный или популярныхъ обществъ, сѣверный, 1 и 2 полицейскій пиренейскій, Розентальскій, Ваатландскій, Мозеля и Нейстріи. Любопытнымъ образчикомъ можетъ служить сформированный въ 1793 г., во время осады Майнца, легіонъ франковъ, составъ котораго долженъ былъ быть слѣдующій: 4 эскадрона легкихъ кирасиръ, 4 эскадрона конныхъ пикинеръ, 2 баталіона пѣшихъ егерей, 1 баталіонъ аркебузировъ и 1 рота артиллеріи.

[3]) Въ 1793 г. было, кромѣ 2 карабинерныхъ, 29 конныхъ, 20 драгунскихъ, 23 конноегерскихъ и 11 гусарскихъ полковъ регулярной конницы, еще 38 эскадроновъ вольныхъ легіоновъ или отрядовъ. Всего въ конницѣ было 96.474 всадника.

Наряду съ прежними родами регулярной конницы (драгунъ, егерей, гусаръ) появились шево-леже и легкія конныя части, развѣдчики, волонтеры, и всѣ эти части, не ограничиваясь, подобно регулярнымъ, только номеромъ, носили еще названія какого-либо города, провинціи или любимаго вождя, или названіе съ какимъ нибудь особымъ смысломъ, бьющій на театральный эффектъ: свобода (нѣсколько разъ), равенство, народъ, республика, революція, смерть и т. п. пользовались особенной любовью. Подъ вліяніемъ воинственнаго воодушевленія число подобныхъ отрядовъ всѣхъ родовъ оружія все возрастало, несмотря на декреты, угрожавшіе имъ немедленнымъ включеніемъ въ линейныя части. Произошло много недоразумѣній и непріятностей, сказался даже недостатокъ продовольственныхъ запасовъ, такъ что конвентъ оказался вынужденнымъ нѣсколько умѣрить подобное патріотическое рвеніе, извлечь и привести въ извѣстный порядокъ нужные элементы и распустить прочіе. Въ 1794 году былъ изданъ декретъ, коимъ всѣ части легіонной и департаментской конницы, не входившія въ составъ полковъ, и всѣ конные вольные отряды включались въ составъ регулярныхъ войскъ и запрещалось впредь формированіе ихъ. Мы не имѣемъ возможности входить въ подробное изложеніе организаціи всѣхъ этихъ отрядовъ и ограничимся только указаніемъ на тѣ, которые имѣли отношеніе къ регулярнымъ полкамъ. Между 24 кирасирскими полками, вслѣдствіе эмиграціи 15-го полка, всѣ слѣдующіе полки повысились на одинъ номеръ. Въ 1791 г. было сформировано при военной школѣ 2 конныхъ полка, въ 1792 г. — еще два, такъ что общее число таковыхъ возросло до 27, при національномъ конвентѣ. Въ 1795 г. два изъ нихъ (одинъ — по причинѣ вновь изобрѣтеннаго преступленія негражданственности — incivisme) были распущены. Въ 1793 г. число драгунскихъ полковъ было увеличено тремя (№№ 19 — 21), а конноегерскихъ за время 1793 — 96 гг. — тринадцатью. Изъ 6 гусарскихъ полковъ № 4 эмигрировалъ, а за 1792 — 1794 гг. было прибавлено ихъ 8, изъ которыхъ два носили тотъ же № 7, такъ что номерація ихъ шла только до 12. Въ октябрѣ 1795 г. въ войскахъ конвента было всего полковъ: 2 карабинерныхъ, 25 конныхъ, 21 драгунскій, 25 конноегерскихъ и 13 гусарскихъ; всего 86 полковъ.

Составъ и сила полковъ мѣнялись до 1794 г. неоднократно; большей частью въ полку было 4 эскадрона, по 2 роты въ 86 чел. каждый. Въ 1794 г. въ тяжелой конницѣ было 4 эскадрона въ полку, въ легкой, къ которой относились драгуны [1]) — 6 эскадроновъ; каждый эскадронъ дѣлился на 2 роты, — по 86 чел., въ каждой — въ тяжелой конницѣ, по

---

[1]) Драгуны, бывшіе первоначально среднимъ родомъ оружія между пѣхотой и конницей, были отнесены въ 1791 г. къ тяжелой конницѣ, въ 1792 г. къ легкой, въ 1793 г. къ тяжелой и въ 1794 г. опять къ легкой и соотвѣтственно этому мѣняли организацію. Но привычка и предразсудокъ были сильнѣе закона, и на нихъ продолжали смотрѣть какъ на тяжелую или, по меньшей мѣрѣ, какъ на среднюю конницу.

РУССКІЙ ДРАГУНЪ временъ Императора Павла I.
1796—1800 г.

116 — въ легкой. Въ 1795 г. разницы между тяжелой и легкой конницей не было; она вся дѣлилась на линейную, драгунъ, егерей и гусаръ.

Директорія имѣла одно время намѣреніе значительно уменьшить конницу, опредѣливъ ея составъ декретомъ отъ 8 января 1796 г. въ 20 линейныхъ, 12 драгунскихъ, 11 конноегерскихъ и 8 гусарскихъ полковъ; всего — 51; первые должны были имѣть 3 эскадрона и 531 чел. (карабинеры — 703 чел. и 696 лошадей); прочіе—4 эскадрона и 940 чел. Но уже 17 января декретъ былъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что рѣшено было оставить число полковъ прежнее. Затѣмъ, до консульства, никакихъ перемѣнъ не произошло, за исключеніемъ того, что въ 1795 г. было распущено два конноегерскихъ полка (№№ 17 и 18), бельгійскаго происхожденія, и въ 1798 г. уничтоженъ одинъ драгунскій полкъ. Учрежденіе двухъ полковъ на дромадерахъ — Бонапарта и Дезе въ Египтѣ, если только полки эти могутъ быть причислены къ конницѣ, имѣло характеръ временной и чисто мѣстный. При директоріи же было положено начало гвардейской конницѣ: въ параграфѣ 166 конституціи III года говорится объ учрежденіи, для охраны директоріи, гвардіи изъ 120 пѣхотинцевъ и 120 всадниковъ; послѣдніе были въ 1796 г. въ числѣ 112 чел. раздѣлены на 2 роты и получили въ 1797 г. назначеніе конногренадеръ.

Консульство. 18 брюмера VIII г. (1799) гвардія директоріи получила названіе консульской гвардіи, а вслѣдъ затѣмъ и новую организацію, по которой конница ея состояла изъ 2 эскадроновъ конногренадеръ (по 2 роты въ 117 чел. каждая) — 497 чел. и 1 рота конноегерей — 117 чел. Первые были скоро доведены до 3, вторые до 2 эскадроновъ. Въ 1802 г. они были доведены до 2 полковъ: конногренадерскаго и конноегерскаго; въ первомъ должно было быть 4, во второмъ, предварительно, только 2 эскадрона, по 2 роты въ 115 чел. въ каждомъ; штабы полковъ — изъ 25 человѣкъ.

Въ армейской конницѣ всѣ полки были въ началѣ 1800 г. переведены въ 5-ти эскадронный составъ, при 860 коняхъ, но скоро снова уменьшены до 3 эскадроновъ. Въ 1801 г. было принято на службу 2 пьемонтскихъ драгунскихъ полка, и тѣмъ увеличено число драгунъ и конногренадеръ по одному полку, а въ 1802 г. даны кирасы линейнымъ полкамъ №№ 5, 6 и 7, черезъ что число кирасирскихъ полковъ (прежде былъ только № 8) возросло до 4. Въ 1803 г. была введена совершенно новая организація конницы, по которой въ ней было полковъ: 2 карабинерныхъ, 12 кирасирскихъ, 30 драгунскихъ, 24 конноегерскихъ и 10 гусарскихъ; тяжелые полки имѣли 4 эскадрона, по 2 роты въ 102 чел. въ каждой, драгунскіе и легкіе — 5 эскадроновъ, по 2 роты, причемъ въ каждомъ полку одна рота называлась отборной (compagnie d'élite), всего въ полку — 1.300 чел. Для перехода къ новой организаціи 12 линейныхъ полковъ (въ томъ числѣ 4 уже имѣвшіе кирасы) были переформированы въ кирасиры,

6 слѣдующихъ (№ 22 — 27) — въ драгуны, а остальные 7 — распредѣлены по всѣмъ полкамъ; кромѣ того, 3 гусарскихъ полка были переформированы въ драгунскіе (№ 28—30). Вслѣдствіе распущенія въ 1795 г. двухъ конно-егерскихъ полковъ, у нихъ были вакантны №№ 17 и 18 и потому ихъ нумерація шла до 26; прочіе полки нумеровались правильно по числу полковъ.

Имперія. Одной изъ первыхъ мѣръ Наполеона, по принятіи имъ императорскаго титула, было переформированіе гвардіи, послѣ котораго составъ гвардейской конницы оказался слѣдующій: 1 конногренадерскій и 1 конноегерскій полки 4-хъ эскадроннаго состава, по 2 роты (въ 123 чел. каждая) въ эскадронѣ; штабъ полка изъ 33 чел.; приданная второму полку рота мамелюковъ въ 124 чел. и 2 эскадрона отборныхъ жандармовъ, по 2 роты въ 89 чел. каждая. Въ 1805 г. былъ прибавленъ корпусъ конныхъ велитовъ изъ 8 ротъ, по 119 чел. въ каждой, который былъ приданъ обоимъ гвардейскимъ коннымъ полкамъ, по четыре роты каждому, и служилъ школой для офицеровъ армейской конницы [1]).

Въ 1806 г. гвардейская конница была усилена драгунскимъ полкомъ 4-хъ эскадроннаго состава, по 2 роты въ 124 чел. въ эскадронѣ, съ полковымъ штабомъ въ 51 чел. и 1 эскадрономъ велитовъ въ двѣ роты, по 125 чел. въ каждой. Во всѣхъ полкахъ гвардіи при переходѣ на военное положеніе первые 4 эскадрона доводились, включеніемъ въ каждый изъ нихъ 50 велитовъ, до 250 чел.; и затѣмъ каждый полкъ, оставляя въ депо 98 чел., развертывался въ 2 полка 2-хъ эскадроннаго состава, по 2 роты въ эскадронѣ. Оставленная при конноегерскомъ полку рота мамелюковъ была доведена до 160 чел.; 4 роты отборныхъ жандармовъ приравнены по числу людей къ прочимъ ротамъ полковъ.

Въ числѣ полковъ армейской конницы въ теченіе 1806 г. не произошло никакой перемѣны; но 31 августа всѣ они были приведены въ 4-хъ эскадронный составъ, по 2 роты въ эскадронѣ, силой каждый полкъ въ 820 чел. и 831 лошадь. Въ томъ же году 24 сентября были опять вызваны къ жизни ордонансовые жандармы прежняго французскаго королевства; должно было быть сформировано 6 ротъ таковыхъ изъ молодыхъ дворянъ древнихъ фамилій той же силы, какъ и гвардейскія конноегерскія роты; на дѣлѣ же было сформировано 5 ротъ, силой всего въ 24 офицера, 60 унтеръ-офицеровъ и бригадировъ и 310 жандармовъ, которые въ 1807 г., по окончаніи войны, были распущены, причемъ часть ихъ была произведена въ офицеры въ конные полки. 2 марта 1807 г. гвардейская конница была усилена польскимъ уланскимъ или легкоконнымъ уланскимъ (chevaux-légers lanciers) полкомъ того-же состава, какъ и прочіе гвардей-

[1]) Для комплектованія офицерами кавалеріи, постоянно уничтожавшейся безпрерывными войнами и вновь формировавшейся, Наполеонъ учредилъ въ с. Жерменѣ кавалерійское училище по образцу с. Сирскаго, выпускавшее ежегодно 150 — 200 кавалерійскихъ офицеровъ.

ГУСАРЪ И КИРАСИРЪ (ВЪ ПЛАЩѢ)
ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ I.

скіе полки, но безъ велитовъ, слѣдовательно силой въ 968 чел. Затѣмъ 10 марта всѣ армейскіе полки были доведены до 5 эскадроннаго состава (1.040 чел., въ томъ числѣ 41 офицеръ, и 1.053 лошади). 10 марта 1808 г. были сформированы для испанской арміи изъ ротъ депо различныхъ полковъ 16 временныхъ полковъ: 3 тяжелыхъ, 6 драгунскихъ (доведенныхъ въ слѣдующемъ году до 9), 4 конноегерскихъ и 3 гусарскихъ. Всѣ эти части были затѣмъ или включены въ полки, изъ которыхъ были взяты, или послужили основаніемъ для новыхъ. Въ томъ же году число конноегерскихъ полковъ было увеличено тремя (№ 27—29), переформированными: одинъ— изъ учрежденнаго въ 1806 г. бельгійскаго легкоконнаго, другой — изъ тосканскаго драгунскаго и третій — изъ 3-го легкаго временнаго полка.

Въ 1809 г. были сформированы 2 кирасирскихъ полка: № 13 изъ 1-го и 2-го временныхъ тяжелыхъ и № 14—изъ 2-го голландскаго кирасирскаго. Одновременно съ этимъ оба карабинерные и 12 прежнихъ кирасирскихъ полковъ были переведены изъ 5-ти эскадроннаго въ 4 эскадронный составъ. Только 13-й кирасирскій полкъ сохранилъ 5 эскадронный составъ — 1.500 коней.

Въ 1810 г. гвардейская конница, послѣ отреченія Голландскаго короля и присоединенія Голландіи, была усилена голландскимъ гвардейскимъ коннымъ полкомъ, получившимъ названіе 2-го легкоконнаго уланскаго полка или, по цвѣту мундировъ, красныхъ уланъ. 2 голландскій гусарскій полкъ былъ названъ 11 гусарскимъ (французскимъ); въ Гамбургѣ формировался 30-й конноегерскій полкъ. Вся армейская конница была приведена въ 4-хъ эскадронный составъ, по 240 чел. и 200 лошадей въ эскадронѣ; слѣд. въ полку — 960 чел. и 800 лошадей.

Въ 1811 г. заслуги, оказанныя гвардейскими польскими уланами, побудили сформировать 9 подобныхъ же полковъ въ арміи подъ названіемъ chevaux-légers lanciers изъ 6 драгунскихъ (№№ 1, 3, 8, 9, 10 и 29), 2 польскихъ уланскихъ (№№ 1 и 2) и 1 конноегерскаго (№ 30) полковъ. Номера выбывшихъ полковъ остались вакантными. Затѣмъ было сформировано 7 сентября 3 конноегерскихъ полка, изъ которыхъ 2 получили вакантные съ 1795 г. №№ 17 и 18, а третій (изъ 1-го и 2-го временныхъ легкихъ полковъ испанской арміи) получилъ № 31. Въ гвардейской конницѣ были уничтожены велиты, а вмѣсто нихъ конногренадерскому, конноегерскому и драгунскому полкамъ даны 5 эскадроны; конные егеря сохранили свою роту мамелюковъ. Эта рота была силой въ 120 чел., каждый эскадронъ — въ 250 чел., полкъ — 1.250 чел. Ту-же силу имѣли и гвардейскіе уланскіе полки; жандармъ было 450 чел. въ 2 эскадронахъ.

10 января 1812 г. былъ сформированъ въ Испаніи гусарскій полкъ, носившій сначала № 9 bis, а съ 17 февраля 1813 г. № 12. Гвардейская конница была усилена 2 легкоконными уланскими полками, 5-ти эскадроннаго состава, силой въ 1.375 чел. каждый. 1-й польскій уланскій полкъ былъ

усиленъ до 1.500 чел. Во время пребыванія Наполеона въ Вильнѣ, гвардейскимъ польскимъ уланамъ былъ приданъ, въ видѣ развѣдчиковъ, эскадронъ литовскихъ татаръ. Армейскіе полки были приведены въ 5 эскадронный составъ, силой: кирасирскій — въ 1.100 чел., уланскіе — 755 и конноегерскіе — 1.049 чел.

При реорганизаціи 1813 г., по которой основанія остались тѣже, гвардейскому конногренадерскому полку былъ данъ 5-й эскадронъ въ 300 чел.; конноегерскій и 2-й легкоконный уланскій приведены въ 8 эскадронный составъ, по 250 чел. въ эскадронѣ, а затѣмъ второй изъ нихъ, со включеніемъ въ него парижской гвардіи, въ 10-ти эскадронный (2.500 чел.); до того-же состава доведенъ и конноегерскій—включеніемъ въ него мамелюковъ. 1-й и 3-й уланскіе полки, оба польскіе, введены въ составъ 1-го легкоконнаго гвардейскаго уланскаго. Далѣе приказано было сформировать 4 полка почетныхъ гвардейцевъ (gardes d'honneur) по 10 двухротныхъ эскадроновъ, 2.505 чел. и 2.696 лошадей въ каждомъ, которые тоже были включены въ гвардейскую конницу. Гвардейская кавалерія была еще усилена придачей 1-му уланскому полку 7-го эскадрона (вслѣдствіе чего сила полка доведена до 1.750 чел.), и сформированіемъ 3-хъ полковъ конныхъ развѣдчиковъ, по 4 двухротныхъ эскадрона и 1.000 коней въ каждомъ. Предположенное усиленіе линейной конницы, путемъ сформированія 5 полковъ развѣдчиковъ, вооруженныхъ пиками, не было приведено въ исполненіе.

Въ 1814 г. было прибавлено 2 гусарскихъ полка: № 13 — изъ Вестфальскаго гусарскаго и № 14 — изъ 2 сформированныхъ въ Италіи полковъ. Уже предписанное увеличеніе числа драгунскихъ полковъ не могло быть приведено въ исполненіе.

Такимъ образомъ, къ концу имперіи во французской конницѣ было слѣдующее число полковъ:

Гвардія: конногренадерскій — 1.250 чел., конноегерскій — 2.500 чел. и при немъ 1 эскадронъ мамелюковъ въ 250 чел., 2 эскадрона отборныхъ жандармъ — 450 чел., драгунскій полкъ — 1.250 чел., легкоконныхъ уланскихъ полка — 6.500 чел.. 4 полка почетныхъ гвардейцевъ — 10.000 чел. и 3 полка развѣдчиковъ — 6.000 чел.; всего по штатамъ — 28.382 чел., на лицо-же было гораздо меньше.

Армія: 2 карабинерныхъ, 14 кирасирскихъ, 24 драгунскихъ, 9 легкоконныхъ уланскихъ, 30 конноегерскихъ и 14 гусарскихъ; всего 93 полка.

Изъ всей этой многочисленной конницы при императорѣ на островѣ Эльбѣ остался всего 1 эскадронъ польскихъ уланъ (escadron Napoléon), въ составѣ 7 офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 4 трубачей, 1 кузнеца и 65 всадниковъ.

Первая реставрація. На основаніи заключеннаго 6 апрѣля перемирія и конвенціи съ княземъ Шварценбергомъ, всѣ служившіе во фран-

цузской арміи поляки и иностранцы были распущены. Черезъ это, а равно и уничтоженіе нѣкоторыхъ частей, осталось всего:

Въ гвардіи — 1 конногренадерскій, 1 конноегерскій, 1 драгунскій и 1 уланскій полки, изъ которыхъ первый былъ переименованъ, впослѣдствіи, въ кирасирскій, послѣдній—въ легкоконный и всѣ 4—въ королевскій корпусъ.

Въ арміи — по указу отъ 12 мая 1814 г.: 2 карабинерныхъ, 12 кирасирскихъ, 15 драгунскихъ, 6 уланскихъ, 15 конноегерскихъ и 7 гусарскихъ полковъ; всего 57 полковъ, по 4 эскадрона въ 2 роты, изъ которыхъ одна въ полку отборная.

При всѣхъ этихъ переформированіяхъ были удержаны старѣйшіе номера, такъ что всѣ полки прежней монархіи, сохранившіеся во времена республики и имперіи, продолжали и дальнѣйшее существованіе; было всего 5 полковъ, сформированныхъ послѣ 1789 г.

Сто дней. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы онъ прежде всего постановилъ, указами отъ 20-го марта и 25 апрѣля 1815 г., привести; всю армію въ тотъ составъ, въ которомъ она была въ моментъ его отреченія; очевидно, это не могло быть исполнено въ короткое время. Поэтому къ 4 полкамъ гвардейской конницы, состоявшимъ по штату 8 апрѣля изъ 4 двухротныхъ эскадроновъ — 800 чел., были прибавлены только 1 рота отборныхъ жандармъ въ 100 чел. и 2-й конноегерскій полкъ молодой гвардіи, формированіе котораго, впрочемъ, не успѣли окончить. Также и въ арміи не удалось сформировать предположенные, указами отъ 8 и 14 апрѣля, полки: 7-й легкоконный уланскій и 16-й конноегерскій; только у драгунъ встрѣчаются въ спискахъ полки съ большими номерами, даже до 20-го.

Всѣмъ полкамъ, находившимся въ 3-хъ эскадронномъ составѣ, предписано было сформировать кадры для 4-хъ и 5-хъ эскадроновъ; однако очень немногіе полки имѣли на войнѣ 4-хъ эскадронный составъ; бо̀льшая часть имѣла 3, нѣкоторые всего 2 эскадрона. 13 мая 1815 г. вся императорская армія была распущена.

Раздѣленіе на высшія единицы. Въ первые годы революціонныхъ войнъ высшихъ тактическихъ единицъ во французской конницѣ не существовало: большею частью полки, обыкновенно 1 драгунскій и 1 легкій, иногда 1 тяжелый, были разбросаны по дивизіямъ и совсѣмъ не сводились въ крупныя массы. На плохихъ лошадяхъ, слабые числомъ, разбросанные въ силу организаціи, примѣняемые на невыгодной мѣстности, они нигдѣ не могли противустоять австрійской и прусской коннницѣ и оказали только второстепенныя услуги при развѣдываніи и преслѣдованіи. Особенно тяжело отзывались эти условія на тяжелой кавалеріи и на столь славныхъ прежде драгунахъ, которыхъ бросали то въ тяжелую, то въ легкую конницу, то къ пѣхотѣ, такъ что они сдѣлались посмѣшищемъ всей арміи, подъ названіемъ „деревянныхъ сабель“. Соединеніе конныхъ полковъ въ

дивизію (резервную) состоялось впервые въ мааской арміи въ 1794 г. Въ началѣ 1796 г. Бонапарте совершенно отдѣлилъ конницу отъ пѣхоты, формируя дивизіи отдѣльно изъ того и другого рода оружія; позже, въ іюнѣ, были опять приданы пѣхотнымъ дивизіямъ по 1—2 конныхъ полка, но прочіе остались сведенными въ одну резервную конную дивизію. Впрочемъ и впослѣдствіи, во время самого похода, Бонапарте неоднократно отбиралъ легкую конницу отъ пѣхотныхъ дивизій и придавалъ ее или авангарду или резерву, такъ какъ тяжелая конница нуждалась въ ней, какъ при развѣдываніи, такъ и при преслѣдованіи. Какъ примѣръ разнообразнаго примѣненія, которое этотъ великій человѣкъ умѣлъ уже тогда дѣлать изъ конницы, можно указать на то, что при Бассано спѣшенный драгунскій полкъ отрѣзалъ на очень пересѣченной мѣстности непріятельскую колонну. Въ 1797 г. конница собирается уже въ значительныя массы; такъ генералъ Гошъ, вступивъ въ командованіе арміей Самбры и Мааса, соединилъ всю конницу, по родамъ ея, въ 4 отдѣльныя дивизіи и тѣмъ вернулъ ее къ ея истинному назначенію.

Во времена имперіи каждый изъ корпусовъ войскъ Булонскаго лагеря, состоявшихъ изъ 2—3, позднѣе даже изъ 4 пѣхотныхъ дивизій, имѣлъ 1—2 бригады легкой конницы, которыя иногда сводились въ дивизію въ 3—4 полка. Вся остальная конница была сведена въ дивизіи: кирасирскія, драгунскія, конноегерскія, гусарскія. Уже въ 1805 г. изъ тяжелой конницы былъ сформированъ резервный корпусъ подъ командой Мюрата, изъ 2 дивизій тяжелой конницы по 2 бригады, 4 дивизій драгунъ по 3 бригады и 1 дивизіи пѣшихъ драгунъ[1]) въ 2 бригады, съ 1 дивизіей артиллеріи и инженеровъ; всего 40 полковъ (въ томъ числѣ 6 пѣшихъ) въ 22.015 чел.— Изъ этихъ войскъ только кирасиры были предназначены для составленія резерва въ бою, драгуны обыкновенно слѣдовали въ авангардѣ всей арміи или назначались въ самостоятельные отряды. Въ кампанію 1805 г. конный резервъ Мюрата состоялъ изъ 2 кирасирскихъ и карабинерныхъ, 4 драгунскихъ и 3 конноегерскихъ и гусарскихъ дивизій; въ 1807 г.—изъ 3 тяжелыхъ и 5 драгунскихъ дивизій. Въ 1809 г., когда Наполеонъ задумалъ особенное примѣненіе своей конницы противъ австрійской пѣхоты, онъ соединилъ всѣ 14 кара-

[1]) Еще при реорганизаціи 1803 г. на всѣ драгунскіе полки не хватило лошадей, почему пѣшіе были сведены въ батальоны и обучены пѣхотной службѣ. Въ лагерѣ при Булонѣ, въ виду готовившейся экспедиціи въ Англію, у драгунъ были отняты ихъ лошади; они должны были взять съ собою сѣдла и конное снаряженіе и получить лошадей уже на мѣстѣ. Когда затѣмъ армія была направлена въ Германію, то часть драгунъ слѣдовала пѣшкомъ до тѣхъ поръ, пока не были забраны лошади у непріятеля. Недостатокъ лошадей вообще привелъ къ тому, что по штатамъ при каждомъ легкомъ полку полагалось довольно значительное число (100 чел.) пѣшихъ людей, которые получали лошадей уже во время самого похода изъ отбитыхъ у непріятеля; даже тяжелые полки брали съ собою, по усмотрѣнію командировъ полковъ, извѣстное число пѣшихъ людей.

бинерныхъ и кирасирскихъ полка или 56 эскадроновъ въ 3 дивизіи, къ которымъ были приданы еще двѣ легкія дивизіи, въ 24 эскадрона конно-егерей и гусаръ, и 2 бригады въ 17 эскадроновъ, всего 97 эскадроновъ, 12.732 чел. и 12.614 коней. Весь этотъ отрядъ онъ въ отсутствіи Мюрата подчинилъ Бессьеру. Промежутокъ отъ 1809—1812 гг. былъ временемъ высшей славы Имперіи. Насколько расширялось государство, настолько росли и военныя его силы, которымъ императоръ посвящалъ очень много заботъ. Кавалерія не стояла болѣе постоянно на флангахъ, искавшихъ защиту въ мѣстности, а стала помогать пѣхотѣ, которая нуждалась въ конницѣ отчасти и на флангахъ, но, главнымъ образомъ, для обезпеченія и довершенія побѣды. Это вызывало иное примѣненіе конницы, столь зависящей отъ мѣстности. Поэтому легкую конницу разбивали частью между пѣхотными дивизіями для развитія успѣха, главная же масса стояла въ общемъ резервѣ.

Въ 1811 г. отъ принципа несмѣшанныхъ дивизій отступили въ томъ, что каждой кирасирской дивизіи былъ приданъ легкоконный уланскій полкъ. Въ 1812 г. впервые встрѣчается формированіе большихъ кавалерійскихъ корпусовъ, сохранившихся затѣмъ во все время кампаній 1813, 1814 и 1815 гг. Въ 1812 г. были сформированы, подъ общей командой Мюрата, слѣдующія крупныя конныя части:

Гвардейская конница, маршала Бессьера 27 эскадроновъ	6.000	чел.
I-й корпусъ Нансути, 2 кирасирскія и 1 легкая дивизіи, 60 эскадроновъ	12.000	„
II-й корпусъ Монбрюнъ (позже Себастіани), тоже 60 эскадроновъ	10.000	„
III-й корпусъ Груши, 1 кирасирская, 1 драгунская, 1 легкая дивизіи, 60 эскадроновъ	10.000	„
IV-й корпусъ Лятуръ-Мобура, 1 кирасирская и 1 легкая дивизіи, 44 эскадрона	8.000	„
Итого 251 эскадронъ въ . .	46.000	чел.

Дивизіи состояли изъ 2—3 бригадъ; бригады изъ 1—3 четырехъ-эскадронныхъ полковъ. Кромѣ того, при 2 корпусахъ (VII и VIII) было по одной, при 6-ти (I, II, IV, VI, IX и X)—по двѣ, при одномъ (V)—3 и при одномъ (IV)—даже четыре конныя бригады, изъ 1—3 четырехъ-эскадронныхъ полковъ, изъ числа которыхъ легкіе придавались поочереди резервной конницѣ для авангардной службы. Гвардейскія и австрійскія конныя части состояли изъ тяжелой и легкой конницы. Вся сила собранной противъ Россіи конницы доходила до 526 эскадроновъ въ 96.000 человѣкъ.

Въ 1813 г. вся французская конница была сведена въ 5 корпусовъ, имѣвшихъ по окончаніи перемирія, съ августа по октябрь, слѣдующій составъ:

I-й корпусъ Латуръ-Мобура, 2 легкія и 2 кирасирскія дивизіи (по 8 и 10 полковъ) — 34 полка	10.000	чел.
II-й корпусъ Себастіани, 2 легкія и 1 кирасирская дивизіи (по 6 и 7 полковъ) — 19 полковъ .	6.000	„
III-й корпусъ Арриги, 2 легкія и 2 драгунскія дивизіи (по 8 и 10 полковъ) — 36 полковъ	8.000	„
IV-й корпусъ Келлермана, 3 смѣшанныя дивизіи (по 9, 3 и 2 полка) — 14 полковъ	5.000	„
V-й корпусъ Мильо, 1 легкая и 2 драгунскихъ дивизіи	5.000	„

Кромѣ того:

Гвардейская конница Нансути; 3 дивизіи. . .	5.000	„
Распредѣленная по пѣхотнымъ корпусамъ конница	10.000	„

Изъ числа послѣдней каждый корпусъ долженъ былъ имѣть вмѣсто дивизіи, какъ прежде, по одной бригадѣ, но на дѣлѣ распредѣленіе ея было весьма разнообразно. Такъ, по боевому росписанію 10 августа 1813 г., I и XII корпуса имѣли 4, III и VII — по 2, XI — 2½ полка, VIII — дивизію, XIII — 1 полкъ, II, IV, V, VI и XIV корпуса и резервная армія вовсе не имѣли конницы: напротивъ того, въ сентябрѣ и октябрѣ 10 корпусовъ (I, II, III, V, VI, VII, VIII, XI, XIII и XIV) имѣли по 1 легкой бригадѣ, IV — 2 легкія бригады, силой отъ 4 — 13 эскадроновъ.

Въ 1814 г. французская резервная конница была также сведена въ корпуса, очень слабаго состава. Въ 1-мъ и 2-мъ было сначала по одной, въ 3-мъ — двѣ дивизіи; 4-й, состоявшій главнымъ образомъ изъ польскихъ частей, долженъ былъ быть окончательно расформированъ; только 5-й сохранилъ свою прежнюю организацію; кромѣ того былъ еще 6-й (резервный) корпусъ. Со временемъ корпуса были доведены до состава въ 2 — 3 дивизіи; распредѣленіе это въ точности трудно установить, такъ какъ, повидимому, оно неоднократно мѣнялось. Въ февралѣ корпуса 1-й Груши, (впослѣдствіи Бордесу), 2-й Себастіани (впослѣдствіи Келлермана) и, какъ кажется, 3-й С.-Жермена, имѣли по 2 дивизіи, около 3.000 чел., 5-й Мильо и 6-й Келлермана (по другимъ даннымъ Арриги, впослѣдствіи Эксельмана) — по 3 дивизіи, 4.400 и 4.200 чел.; кромѣ того, прибывшая изъ Испаніи драгунская дивизія Брише въ 3.000 чел. Всего — 13 дивизій въ 20.000 чел. Гвардейская конница имѣла 4 дивизіи, одну въ 2.400 и 3 по 1.600 чел.; всего — 7.200 чел.; 1-й, 2-й, 3-й и 5-й корпуса были соединены подъ общимъ начальствомъ Груши, но находились на разныхъ театрахъ войны, въ измѣнявшейся группировкѣ.

Въ 1815 г. вся конница, гвардейская и армейская, въ составѣ 62 полковъ, по 3 эскадрона и 480 чел. каждый полкъ, была разбита вначалѣ по всей арміи. Гвардія имѣла свои 4 полка; изъ армейскихъ корпусовъ: I и II — по 6; III и VII — по 4; IV — 10; V — 9; VI — 3; VIII, IX и X — по 1; резервная армія — 13 полковъ. Впослѣдствіи резервная конница была опять сведена въ 4 корпуса слѣдующаго состава:

I-й	Пажоля: 2 легкія дивизіи по 3 полка и 1 конная батарея, 18 эскадроновъ, 16 орудій	2.760 чел.
II-й	Эксельмана: 2 драгунскія дивизіи по 4 полка и 1 конная батарея, 23 эскадрона и 16 орудій	2.840 „
III-й	Келлермана: 1 драгунская и 1 кирасирская дивизіи по 4 полка и 1 конная батарея, 24 эскадрона и 16 орудій	2.850 „
IV-й	Мильо: 2 кирасирскія дивизіи по 4 полка и 1 конная батарея, 20 эскадроновъ и 16 орудій	2.800 „
	Гвардейская конница, 6 полковъ, 32 эскадрона .	4.200 „

Прочая конница была распредѣлена по 5 корпусамъ дѣйствующей арміи, изъ которыхъ каждый имѣлъ одну легкую дивизію въ 3 — 4 полка, 9 — 12 эскадроновъ и 1 конную батарею.

XXIV. Прусская конница отъ кончины Фридриха Великаго до ея реорганизаціи послѣ войны за освобожденіе [1]).

Фридрихъ Великій при своей кончинѣ оставилъ прусскую конницу въ слѣдующемъ составѣ:

13 кирасирскихъ полковъ, изъ нихъ (№ 13) garde du corps въ 3, прочіе въ 5 двухротныхъ эскадроновъ, слѣдовательно всего 63 эскадрона (№ 10

[1]) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ главѣ XX: La Roche. Gesch. der Kriegsk. seit dem 19. Jahrh. Mannh. 1844. — Anton. Die Gesch. der Preuss. Landwehr. Magdeburg 1854. — Auszug aus den Verordnungen über die Verfassung der Königl. Preuss. Armee, welche seit dem Tilsiter Frieden ergangen sind. Berlin 1810. — Die Formation der freiwilligen Jäger-Detaschements bei der Preuss. Armee im Jahre 1813. Beihefte z. Milit.-Wochenblatt pro Sept. b. Dec. 1845, Jan. u. Feb. 1847. — Gesch. des Organis. der Landwehr in den verschied. Provinz. des Preuss. Staat. in den Jahren 1813 — 1814. Beih. zum Mit.-Wochenbl. pro Mai u. Juni 1845, Jan. bis Oct. 1846, pro 1, 2 u. 3 Quartal 1857, 3 u. 4 Quart. 1858. — Lange II. Gesch. der Preuss. Landwehr seit Entstehung derselben bis 1856. Berlin 1857. — (Mila). Gesch. der Bekleidung und Ausrüstung der Königl. Preuss. Armee i. d. J. 1808—1878. Berlin 1878. — Die Reorganisation, der Preuss. Armee nach d. Tilsiter Frieden. Redigirt v. d. histor. Abtheil. d. Generalstabes 2 Bde. Berlin 1862, 1866. (Beiheft z. Mil.-Wochenbl. v. Oct. 1854 bis Juni 1855; v. Mai bis Dec. 1856; v. Juli bis Dec. 1862 u. v. Aug. 1865 bis Oct. 1866). — Zedlitz. v. Frhr. Die Staatskräfte der Preuss. Monarchie unter Friedrich Wilhelm III 3 Bde. Berlin 1830.

и 11 носили, попрежнему, названія: первый жандармовъ, второй лейбъ-карабинеровъ);

12 драгунскихъ, изъ нихъ 2 (№ 5 и 6) по 10, прочіе по 5 эскадроновъ, всего 70 эскадроновъ.

10 гусарскихъ по 10 эскадроновъ, всего 100 эскадроновъ (№ 9 боснякскій).

Всего 35 полковъ = 233 эскадрона.

Кромѣ того корпусъ конныхъ фельдъегерей въ 172 чел.

Во время царствованія Фридриха Вильгельма II (1786—1797 г.) въ конницѣ было сдѣлано очень мало измѣненій. Въ 1789 г. во всѣхъ кирасирскихъ полкахъ, кромѣ garde du corps, было уничтожено раздѣленіе на роты. Въ 1792 г. былъ сформированъ гусарскій батальонъ № 11 въ 5 эскадроновъ изъ маркграфскихъ garde du corps, каммеръ-гусаръ княжествъ Анспаха и Байрейта и выдѣленіемъ людей изъ другихъ гусарскихъ полковъ. Въ 1793 г. — драгунскій эскадронъ для сторожевой службы въ Данцигѣ, и въ 1795 г. — татарскій 5-ти эскадронный полкъ, вооруженный пиками. Всѣ кирасиры, кромѣ № 2 полка, получили бѣлые колеты и у нихъ были отмѣнены кирасы [1]); въ 1788 г. драгуны получили карабины вмѣсто ружей со штыками. Въ 1788 г. былъ изданъ новый уставъ для всѣхъ войскъ, а въ 1796 г. — уставы для кирасиръ и драгунъ и для гусаръ. Такимъ образомъ, ко времени кончины Фридриха Вильгельма II въ прусской конницѣ было эскадроновъ: 63 кирасирскихъ, 71 драгунскихъ, 95 гусарскихъ и 15 пикинерныхъ; всего 244 эскадрона = 41.000 чел.

При Фридрихѣ-Вильгельмѣ III (1797—1840 г.) прежде всего, въ 1798 г. полкъ garde du corps былъ приведенъ въ 5-ти эскадронный составъ, причемъ каждый эскадронъ продолжалъ дѣлиться на 2 роты. Въ 1800 г. изъ боснякскаго корпуса и татарскаго полка былъ сформированъ корпусъ легкой, вооруженной пиками, конницы, въ составѣ одного 10-ти эскадроннаго полка и одного 5-ти эскадроннаго баталіона, подъ названіемъ товарищей; въ 1802 и 1803 гг. были сформированы драгунскіе полки: № 13 (изъ драгунскаго эскадрона) и № 14 (изъ Мюнстерскаго коннаго полка ф. Нагеля въ Вестфаліи). Такимъ образомъ къ началу войны 1806 г. было полковъ:

13 кирасирскихъ, по 5 эскадроновъ (въ томъ числѣ garde ducorps (№ 13) и жандармы (№ 10);

14 драгунскихъ, изъ нихъ 2 (№№ 5 и 6) — по 2 баталіона и 10 эскадроновъ, прочіе — по 5 эскадроновъ;

9 гусарскихъ, по 10 эскадроновъ и 1 гусарскій баталіонъ въ 5 эскадроновъ;

полкъ товарищей въ 10 и 1 баталіонъ въ 5 эскадроновъ.

---

[1]) Въ 1787 г. полки №№ 6 и 7, а въ 1792 г. — и всѣ прочіе, при выступленіи въ походъ, оставили кирасы дома; а въ 1795 г. онѣ были совершенно отмѣнены.

Кромѣ того конный фельдъегерскій корпусъ — 1 офицеръ, 6 оберъ-егерей и 160 коней.

Всего — 255 эскадроновъ въ 1.429 офицеровъ, 3.757 унтеръ-офицеровъ, 727 трубачей, 35.189 рядовыхъ и 39.673 строевыхъ лошадей (безъ офицерскихъ); затѣмъ, въ депо — 224 офицера, 470 унтеръ-офицеровъ, 47 трубачей и 4.880 рядовыхъ.

Не входя въ болѣе подробное разслѣдованіе организаціи и устройства этихъ частей, ограничимся замѣчаніемъ, что изо всѣхъ войскъ, одна только конница, въ которой жилъ еще духъ Зейдлица и Цитена, противостояла разлагающимъ условіямъ того времени и несомнѣнно выдѣлялась своими качествами, но и она страдала общимъ всей арміи недостаткомъ — крайней старостью вождей. Тѣмъ не менѣе и для нея катастрофа 1806 г. оказалась совершенно безпримѣрной; только 2 кирасирскіе полка (№№ 4 и 13), 5 драгунскихъ (№№ 5, 6, 7, 8 и 13), 4 гусарскихъ (№№ 4, 5, 6 и 8) и товарищи (№ 9) вышли полными частями изъ катастрофы; изъ всѣхъ прочихъ полковъ спаслись только отдѣльные эскадроны, взводы или одиночные люди, также какъ и большая часть депо. Изъ всѣхъ этихъ остатковъ были сформированы въ декабрѣ 1806 г. и январѣ 1807 г. бригады: 1 кирасирская, 2 драгунскія и 4 гусарскія, по 4 эскадрона. Кромѣ того, въ Силезіи изъ 11 депо (3 кирасирскихъ, 3 драгунскихъ и 5 гусарскихъ) и изъ выкупленныхъ людей разныхъ полковъ, было сформировано 20 эскадроновъ въ 4 баталіонахъ, которые въ февралѣ 1807 г. почти совершенно разошлись, но вскорѣ были опять собраны, впрочемъ въ составѣ всего 10 эскадроновъ. Затѣмъ, во время войны, составилось еще нѣсколько вольныхъ отрядовъ: Марвица — въ 500 коней, Кроковскій — 90 коней, Шилля — въ 5 эскадроновъ конницы, и еще нѣсколько болѣе мелкихъ.

Послѣ Тильзитскаго мира, отнявшаго у Пруссіи почти половину территоріи и населенія, была составлена, съ цѣлью реорганизаціи арміи, особая коммисія подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Шарнгорста. На основаніи ея предложенія была введена для конницы, указомъ отъ 16 октября 1807 г., новая организація, по которой конница къ концу 1807 г. состояла изъ слѣдующихъ частей:

3 полка (въ томъ числѣ garde du corps) и 1 бригада кирасиръ, по 4 эскадрона (только garde du corps имѣла до 15 марта 1808 г. — 5 эскадроновъ);

4 полка и 2 бригады драгунъ, по 4 эскадрона;

1 полкъ и 4 бригады гусаръ, первый въ 8, послѣднія — по 4 эскадрона;

1 полкъ уланъ (товарищи) въ 8 эскадроновъ.

Кромѣ того, 10 эскадроновъ въ Силезіи и 5 эскадроновъ конницы Шилля въ Помераніи.

Всего — 88 эскадроновъ или одна треть прежней численности. Бригады были сводныя части, сформированныя изъ остатковъ старыхъ частей,

4 эскадронный полкъ долженъ былъ имѣть 501, 8-ми эскадронный—1.001; бригада — 500 коней; штатъ 4-хъ эскадроннаго полка — 25 офицеровъ, 60 унтеръ-офицеровъ, 13 трубачей, 528 рядовыхъ (въ томъ числѣ 48 карабинеровъ)[1]), 8 нестроевыхъ и 601 лошадь.

Въ этой организаціи послѣдовали затѣмъ многія перемѣны. Въ 1808 г. 15 марта полкъ garde du corps былъ переведенъ въ составъ 4-хъ эскадроновъ или 8 ротъ, силой всего въ 29 офицеровъ, 64 унтеръ-офицера, 1 литаврщикъ, 9 трубачей, 528 garde du corps и 20 нестроевыхъ. Конница Шилля переформирована 7 сентября въ 4-хъ эскадронный гусарскій полкъ; названіе „бригада" замѣнено „полкомъ"; всѣмъ полкамъ, кромѣ garde du corps, драгунъ королевы, лейбъ-гусаръ и уланъ, даны названія по провинціямъ; 20 сентября 8-ми эскадронный Лейбъ-гусарскій полкъ раздѣленъ на два 4-хъ эскадронныхъ полка; 21 ноября изъ 10 эскадроновъ силезской конницы выбраны лучшіе люди для сформированія лейбъ или гвардейскаго уланскаго эскадрона, а изъ остальныхъ сформированъ 4-хъ эскадронный гусарскій полкъ; 23 ноября уланскій полкъ раздѣленъ на два 4-хъ эскадронные, а 5 декабря 2 гусарскихъ сведены въ одинъ. Такимъ образомъ къ концу 1808 г. было полковъ:

4 кирасирскихъ, 6 драгунскихъ, 7 гусарскихъ и 2 уланскихъ (всѣ по 4 эскадрона) и 1 уланскій эскадронъ. Кромѣ того существовалъ еще конный фельдъегерскій корпусъ, сокращенный роспускомъ волонтеровъ до 80 чел.

Между тѣмъ, вслѣдствіе Парижской конвенціи 8 сентября 1808 г., по которой все войско, которое могло быть содержимо въ теченіе слѣдующихъ 10 лѣтъ, было уменьшено до 42.000 чел.[2]), пришлось сдѣлать нѣкоторыя сокращенія. Согласно личнымъ начертаніямъ короля сокращенія эти состояли въ слѣдующемъ: полки garde du corps и Лейбъ-гусарскій были зачислены въ число гвардейскихъ; а изъ остальныхъ 16 полковъ не было уничтожено ни одного, а всѣ они переведены номинально въ 4-хъ ротный составъ, на дѣлѣ же оставлены тѣ же 4 эскадрона, только въ уменьшенномъ составѣ: 12 унтеръ-офицеровъ, 3 трубача и 110 рядовыхъ. Вслѣдствіе этого въ томъ же 1808 г. былъ изданъ новый штатъ коннаго полка: 26 офицеровъ, 48 унтеръ-офицеровъ, 48 ефрейторовъ, 392 рядовыхъ, 13 трубачей, 12 нестроевыхъ и 501 лошадь. Въ полку garde du corps было: 29 офицеровъ, 64 унтеръ-офицера, 440 рядовыхъ, 1 литаврщикъ, 9 трубачей, 16 нестроевыхъ и 514 лошадей; въ Лейбъ-

[1]) Карабинеры, получившіе это названіе отъ короткаго ружья безъ штыка, которымъ были вооружены въ 1787 г., какъ разсадникъ для унтеръ-офицеровъ конницы. Въ Лейбъ-карабинерномъ полку они назывались ефрейторами; въ полку garde du corps ихъ не было вовсе. Въ 1808 г. они были всѣ переименованы въ ефрейтора, но старое имя карабинеръ продолжало еще долго держаться, пока это не было окончательно воспрещено въ 1814 г.

[2]) Разрѣшалось имѣть всего: 10 пѣхотныхъ полковъ—22.000 чел.; 8 конныхъ полковъ или 32 эскадрона — 8.000 чел.; артиллеріи, минеръ и саперъ — 6.000 чел.; гвардіи пѣшей и конной — 6.000 чел.

уланскомъ эскадронѣ — 6 офицеровъ, 12 унтеръ-офицеровъ, 12 ефрейторовъ, 98 рядовыхъ, 3 трубача, 2 нестроевыхъ и 125 лошадей.

Въ 1808 же году все государство раздѣлено на 6 военныхъ округовъ, а армія — на 6 бригадъ смѣшаннаго состава, по числу провинцій; каждая бригада состояла изъ 7 — 8 баталіоновъ, 12 эскадроновъ (одна — 16) и сначала не установленнаго количества артиллеріи (впослѣдствіи 2 батареи). Обмундированіе было вообще упрощено, изготовляемо изъ лучшаго матеріала, сдѣлано болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Кирасиры имѣли бѣлые, драгуны — голубые, уланы — синіе мундиры съ двумя рядами желтыхъ или бѣлыхъ пуговицъ и разноцвѣтными воротниками и обшлагами; у гусаръ — доломаны и ментики различныхъ цвѣтовъ; затѣмъ длинные суконные штаны, подшитые кожей и съ пуговицами по канту. Плащи были опять введены въ 1807 г. Вмѣсто большихъ шляпъ кирасиры получили кожаныя каски съ волосянымъ гребнемъ, гвардейскіе уланы [1])—шапки, всѣ прочія части, кивера. Кожаный уборъ у кирасиръ былъ бѣлый, у уланъ черный. Унтеръ-офицеры имѣли галуны на воротникѣ, трубачи — наплечники; офицеры имѣли погоны, обшитые галунами и получили нѣкоторыя отличія по чинамъ, чего прежде не было. Косы и локоны постепенно совсѣмъ вышли изъ употребленія. Вооруженіе осталось почти безъ измѣненія, но карабины съ 1807 г. были оставлены только на 16 чел. въ каждомъ эскадронѣ; прочимъ людямъ даны пистолеты.

Въ 1809 г. сформированный въ Силезіи уланскій эскадронъ получилъ названіе Лейбъ-уланскаго и составъ въ 125 чел. Гусарскій полкъ Шилля (2-й бранденбургскій), участвовавшій въ патріотическомъ, но неоправдываемомъ съ военной точки зрѣнія поступкѣ его шефа, былъ вычеркнутъ изъ списковъ арміи, а вмѣсто него сформированъ 3-й уланскій. Этимъ была закончена организація конницы, которая оказалась въ слѣдующемъ составѣ:

полковъ — 4 кирасирскихъ (въ томъ числѣ garde du corps № 3), 6 драгунскихъ, 6 гусарскихъ и 3 уланскихъ, всѣ по 4 эскадрона, и 1 эскадронъ лейбъ-уланъ, всего 77 эскадроновъ.

Эскадроны должны были быть доведены до полнаго штатнаго состава 125 коней и, кромѣ того, на каждый изъ нихъ должно было быть наготовѣ еще 25 чел. (въ томъ числѣ 3 вицъ-унтеръ-офицера) для пополненія рядовъ въ случаѣ мобилизаціи. Въ томъ же 1809 г. была окончательно введена новая система комплектованія арміи, причемъ вербовка людей за границей окончательно уничтожена.

---

[1]) Армейскіе уланы получили шапки въ 1815 г. Въ этомъ же году у уланскихъ унтеръ-офицеровъ были отняты пики, которыя они, слѣд., носили во все время войны за освобожденіе. Въ уланскомъ № 3 полку до 1812 г. даже офицеры имѣли пики. Впослѣдствіи въ уланскихъ полкахъ №№ 4 и 6 (и соотвѣтствующихъ ландверныхъ) унтеръ-офицеры опять получили пики, которыя и сохранили до 1859 г.

Въ 1810 г. было постановлено, чтобы эскадроны назывались по имени шефа и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли свой постоянный номеръ; строиться стали всегда по № эскадроновъ, тогда какъ прежде на правомъ флангѣ становился эскадронъ командира, а на лѣвомъ — 2-го штабъ-офицера; первый эскадронъ сохранилъ вездѣ названіе лейбъ-эскадрона. Лейбъ-уланскій эскадронъ получилъ названіе гвардейскаго уланскаго эскадрона и права и преимущества гвардіи. Кирасирскимъ и драгунскимъ полкамъ было дано вмѣсто 16, по 20 карабиновъ на эскадронъ и по 48 винтовокъ на полкъ; прочіе люди сохранили пистолеты, за исключеніемъ гусаръ, которые были всѣ вооружены карабинами.

Въ 1811 г. былъ сформированъ учебный эскадронъ съ правами гвардіи: изъ 1 роты драгунъ, куда посылались люди изъ кирасирскихъ и драгунскихъ полковъ, и 1 роты гусаръ (и уланъ); сила каждой роты сначала — 8 унтеръ-офицеровъ, 1 трубачъ и 54 рядовыхъ; черезъ полгода была увеличена до 10 унтеръ-офицеровъ и 77 рядовыхъ; каждый полкъ послалъ по 1 унтеръ-офицеру и 8 рядовыхъ, полкъ garde du corps и гвардейскіе уланы вмѣстѣ — 2 унтеръ-офицера и 10 рядовыхъ. Въ томъ же году эскадроны были на дѣлѣ доведены до состава въ 125 коней; кромѣ того было призвано по 6 чел. на эскадронъ изъ отпускныхъ, и временно задержаны, сверхъ штата, бракованныя лошади; но ранѣе чѣмъ эти мѣры принесли плоды, число лошадей уменьшилось до того (въ концѣ августа было всего 7.902 лошади), что оказалось необходимымъ перевести временно полки въ составъ 3-хъ дѣйствующихъ эскадроновъ и депо для выѣздки молодыхъ лошадей. Однако мѣра эта не была вполнѣ приведена въ исполненіе, и позднею осенью всѣ полки имѣли опять по 4 эскадрона. Затѣмъ, драгуны получили, вмѣсто палашей, сабли англійскаго образца, подобныя гусарскимъ.

Въ 1812 г. были изданы новые уставы для всѣхъ родовъ оружія; учебный эскадронъ переформированъ въ учебные гвардейскіе эскадроны: драгунскій и уланскій (оба были названы гвардейскими въ апрѣлѣ 1813 г.). Въ походѣ въ Россію приняли участіе по 2 эскадрона отъ 4 драгунскихъ, 6 гусарскихъ и 2 уланскихъ полковъ, сведенные въ 6 полковъ (2 драгунскихъ, 3 гусарскихъ и 1 уланскій) и 3 бригады; всего около 4.000 чел. Оставшіеся въ депо два эскадрона отъ каждаго полка были соединены въ отдѣльныя части по 4 эскадрона въ каждый, но не по родамъ кавалеріи, а въ зависимости отъ дислокаціи.

1813 годъ принесъ, вмѣстѣ съ возстаніемъ страны противъ иноземнаго ига, формированіе многихъ новыхъ конныхъ частей, изъ которыхъ нѣкоторыя были чисто временнаго характера. Изъ оставшихся прежде всего былъ сформированъ 13-го февраля гвардейскій казачій эскадронъ, который вмѣстѣ съ гвардейскимъ уланскимъ и двумя учебными эскадронами образовалъ легкій гвардейскій кавалерійскій полкъ изъ 4 эскадроновъ. Затѣмъ,

весной (на основаніи разрѣшенія короля отъ 27 марта)—такъ называемые національные полки. Сначала были выставлены: Восточной Пруссіей 3 полка, вооруженныхъ пиками, въ одеждѣ на подобіе гусарской, въ 5 эскадроновъ; Помераніей — конноегерскій въ 3 эскадрона, Силезіей — гусарскій въ 2 эскадрона; нѣсколько позднѣе, съ развитіемъ операцій и возвращеніемъ прежнихъ областей, еще два гусарскихъ: эльбскій и бергскій. Кромѣ того появилось значительное число вольныхъ отрядовъ (Шилля, Гельвига и т. д.), по 2 эскадрона гусаръ и Лютцова, конница котораго доходила до 5 эскадроновъ (сначала — 3 гусарскихъ и 1 уланскій; затѣмъ 2 гусарскихъ, 1 егерскій и 2 уланскихъ).

Изъ временныхъ частей, сформированныхъ только на время войны, упомянемъ прежде всего о резервныхъ эскадронахъ или депо, которые были сформированы при отдѣльныхъ конныхъ полкахъ, до начала военныхъ дѣйствій, въ числѣ 36, по 150 чел. каждый; затѣмъ вольныя егерскія команды, которыя были сформированы на основаніи воззванія короля при всѣхъ конныхъ полкахъ; на каждый полкъ полагалось по эскадрону въ 4 офицера, 15 оберъ-егерей, 3 горниста (впослѣдствіи 2 трубача) и 182 егеря. Дѣйствительно, такія команды были сформированы при всѣхъ полкахъ, включая національные и вольныя дружины, всего набралось около 2.350 чел. При гвардейскомъ легкомъ полку такихъ командъ было даже 2, подъ именемъ гвардейскихъ волонтерныхъ егерскихъ эскадроновъ; состоявшій же при полку garde du corps назывался гвардейскимъ волонтернымъ казачьимъ эскадрономъ. Кромѣ того, къ временнымъ частямъ надо отнести ландверную кавалерію, которой до окончанія перемирія въ августѣ мѣсяцѣ было сформировано въ 6 старыхъ провинціяхъ, 31 полкъ въ 3 — 4 эскадрона, по 72 — 96 всадниковъ (на дѣлѣ эскадроны были сильнѣе — до 111 чел.); всего 113½ эскадроновъ — 12.054 чел. Впослѣдствіи всѣ полки были сдѣланы 4 эскадроннаго состава, силой въ 14 офицеровъ, 40 унтеръ-офицеровъ, 9 трубачей, 288 рядовыхъ, 9 нестроевыхъ и 373 лошади, а 18 августа 1813 г. сформированы 5-е (запасные) эскадроны. Затѣмъ къ концу года были сформированы еще 10 эскадроновъ или 2 полка, въ возвращенныхъ Пруссіи ея старыхъ провинціяхъ.

Въ 1814 г., по заключеніи перваго Парижскаго мира (30 мая), вольные егеря и ландверныя части были распущены; но послѣднія, по закону отъ 3 сентября, должны были опять, въ случаѣ войны, образовать 31 четырехъ-эскадронный полкъ. Этимъ же закономъ была подтверждена обязательная воинская повинность (введенная еще 9 февраля 1813 г.). Въ концѣ марта кирасы были опять введены, причемъ воспользовались отбитыми у французовъ.

Въ 1815 г. послѣдовала новая организація арміи, вызванная измѣненіемъ территоріальныхъ владѣній. Изъ легкаго гвардейскаго полка и

національныхъ полковъ были сформированы 3 новые гвардейскіе полка: гусарскій, драгунскій и уланскій по 4 эскадрона. Въ армейской кавалеріи были сформированы вновь — изъ національныхъ полковъ вольныхъ отрядовъ, изъ частей вновь пріобрѣтенныхъ областей, русско-нѣмецкаго легіона и частью изъ существовавшихъ полковъ:

1 кирасирскій (№ 4), 2 драгунскихъ (№№ 7 и 8), 6 гусарскихъ (№№ 7—12) и 5 уланскихъ (№№ 4 — 8) полковъ; всего 14 полковъ 4-хъ эскадроннаго состава. Резервные эскадроны полковъ должны были быть распущены, кромѣ 4-хъ, находившихся на Рейнѣ. При полученіи извѣстія о высадкѣ Наполеона, не только не послѣдовало этого распущенія, но еще были сформированы вольныя егерскія команды при 2 кирасирскихъ, 3 драгунскихъ, 8 гусарскихъ и 6 уланскихъ полкахъ, и призваны на службу ландверныя части въ прежнемъ составѣ 31 полка, къ которымъ впослѣдствіи прибавилось еще 8. По окончаніи весьма непродолжительной войны, вольныя егерскія команды и резервные эскадроны были распущены, а ландверная конница 3 октября распредѣлена иначе, соотвѣтственно величинѣ и населенію провинціи, а 21 ноября ей дана совершенно новая организація, по которой она должна была состоять изъ 136 эскадроновъ перваго и 136 эскадроновъ втораго призыва; въ каждомъ же эскадронѣ — 4 офицера, 12 унтеръ-офицеровъ, 2 трубача, 120 рядовыхъ и 1 кузнецъ въ военное время; въ мирное же время содержался только небольшой кадръ — 1 офицеръ, 1 вахмистръ, 3 ефрейтора и 1 трубачъ для каждаго эскадрона перваго призыва. Эскадроны соединялись при мобилизаціи по 4 въ полки; въ каждомъ призывѣ было 32 полка и 8 отдѣльныхъ эскадроновъ. Къ 1817 г. эта новая организація довела силу ландверной кавалерія до 201 эскадрона въ 67 полкахъ.

Въ 1816 г. былъ основанъ военный институтъ верховой ѣзды (въ 1820 г. — учебный эскадронъ) въ Берлинѣ.

Въ 1817 г. было положено начало гвардейской ландверной конницѣ, а именно былъ сформированъ одинъ (Познанскій) ея эскадронъ. Въ 1818 г. былъ прибавленъ еще одинъ (Литовскій) и затѣмъ два (Тюрингенскій и Клевскій). Въ 1819 г. еще 4 (Бранденбургскій, Померанскій, Силезскій и Рейнскій), которые съ 4 прежними были сведены въ гвардейскій ландверный конный полкъ изъ 8 (такъ называемыхъ основныхъ) эскадроновъ, по 76 коней въ каждомъ; всего — 27 офицеровъ, 64 унтеръ-офицера, 16 трубачей и 528 рядовыхъ. Въ томъ же году 4 драгунскіе полка (№№ 1, 2, 4 и 8) были переформированы въ кирасирскіе №№ (2, 4, 5 и 8), и ландверной конницѣ дана новая организація, по которой она должна была состоять изъ 104 эскадроновъ перваго и 104 эскадроновъ втораго призыва, по 162 чел. (безъ офицеровъ) каждый; изъ нихъ въ военное время формировалось въ каждомъ призывѣ 16 шести-эскадронныхъ полковъ и 8 резервныхъ эскадроновъ. Въ этомъ же году рядовымъ драгунамъ и гусарамъ даны, вмѣсто пистолетовъ, карабины, и оставлено извѣстное число винтовокъ.

Въ 1820 г. была учреждена конная войсковая жандармерія[1]) въ 150 коней, изъ которой должны были въ военное время формироваться штабныя стражи.

Въ 1821 г. гвардейскій уланскій полкъ переформированъ въ гвардейскій кирасирскій, а гвардейскій ландверный полкъ раздѣленъ на два четырехъ-эскадронныхъ, по 146 коней въ эскадронѣ; за то во всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ каждый эскадронъ уменьшенъ на 4 чел. и 4 лошади.

Такимъ образомъ, въ 1821 г. прусская конница состояла изъ слѣдующихъ частей:

4 гвардейскихъ полка: garde du corps, кирасирскій, драгунскій и гусарскій, всѣ по 4 эскадрона, и учебный эскадронъ;

32 армейскихъ полка: 8 кирасирскихъ, 4 драгунскихъ, 12 гусарскихъ и 8 уланскихъ, — всѣ по 4 эскадрона;

2 гвардейскихъ ландверныхъ полка, вооруженныхъ пиками, — по 4 эскадрона; 104 ландверныхъ эскадрона 1-го и 104 ландверныхъ эскадрона 2-го призыва, — всѣ вооруженные пиками.

Кромѣ того: конный фельдъегерскій корпусъ и жандармерія: войсковая, земская и пограничная (послѣдняя до 1826 г.).

Этотъ составъ прусская конница сохранила, безъ большихъ измѣненій, до кончины Фридриха-Вильгельма III и даже до 1852 и 1860 гг.

XXV. Австрійская конница въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. (1780 — 1815 г.)[2]).

При Іосифѣ II (1780—1790 г.) окончена, начатая послѣ семилѣтней войны, реорганизація арміи по прусскому образцу. Что касается до конницы, то въ первый же годъ были сокращены всѣ пограничные гусарскіе полки, кромѣ Секлерскаго. Затѣмъ, въ 1784 г. было предписано сформировать уланскій (первый постоянный; до него былъ только въ 1760 г. одинъ иррегулярный) полкъ „въ 300 товарищей и 300 поздонковъ“ сначала только на время войны; но затѣмъ онъ былъ сдѣланъ постояннымъ и получилъ составъ въ 2 дивизіона или 4 эскадрона, отъ 180 до 202 чел. въ эскадронѣ, всего 821 чел. Люди набирались: двѣ трети изъ Галиціи, Буковины и Польской республики, одна треть изъ подходящихъ нижнихъ чиновъ галиційскаго происхожденія изъ конныхъ и пѣхотныхъ полковъ. Одежда была польская и состояла изъ кафтана съ рукавами,

---

[1]) Кромѣ войсковой жандарменіи въ 1820 г. заведены 8 бригадъ мѣстной и 6 отдѣленій пограничной; послѣдняя была уничтожена въ 1826 г.

[2]) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ XVI и XXI гл.: — La Roche. Gesch. d. Kriegsk. s. d. 19 Jahrh.

сверху голубой куртки съ желтой отдѣлкой, голубыхъ штановъ, польскихъ сапогъ для офицеровъ, плащей, какъ въ нѣмецкой кавалеріи, и желтыхъ шапокъ; вооруженіе состояло изъ пики съ флюгеромъ, сабли и 2 пистолетовъ. Въ 1785 г. полкъ этотъ былъ усиленъ 3-мъ и въ 1787 г. — 4-мъ дивизіономъ и распредѣленъ по эскадронно по легкоконнымъ полкамъ, каждый изъ которыхъ получилъ 2 эскадрона уланъ, въ составѣ 4 офицеровъ, 8 унтеръ-офицеровъ и 340 рядовыхъ, образовавшихъ 2-й маіорскій дивизіонъ. Одновременно были даны бѣлые кафтаны и куртки, польскаго покроя, съ воротниками и отворотами цвѣта полка, но оставлены голубые штаны (потомъ 2 полка получили бѣлые) и желтыя шапки (у офицеровъ бѣлыя). Вооруженіе въ общемъ осталось безъ перемѣны и только 3 дивизіона, расположенные по турецкой границѣ на постахъ, получили, на время своего нахожденія тамъ, карабины вмѣсто пикъ; въ прочихъ 3-хъ только 6 лучшихъ стрѣлковъ каждаго эскадрона получили нарѣзныя винтовки. Въ 1790 г. пики были опять введены во всѣхъ уланскихъ дивизіонахъ, и только командирамъ ихъ предоставлено право, при исключительныхъ обстоятельствахъ, вооружать извѣстную часть людей карабинами. Изъ остальныхъ нововведеній, сдѣланныхъ въ конницѣ Іосифомъ II, упомянемъ о слѣдующихъ: въ 1781 г. гусарскіе полки были приведены въ составъ 10 эскадроновъ въ 5 дивизіонахъ съ 1 резервнымъ эскадрономъ, въ 1785 г.—отмѣнены шарфы у офицеровъ; въ 1788 г., во время турецкой войны, нѣкоторые драгунскіе полки получили кирасы и каски; затѣмъ, сколько извѣстно, при немъ же нѣсколько драгунскихъ полковъ были вооружены, впрочемъ очень непродолжительное время, изобрѣтеннымъ въ то время въ Готѣ генераломъ Бербигсдорфомъ, ружьемъ, шомполъ котораго, снабженный наверху трехугольнымъ остріемъ, выдвигался на половину и, прикрѣпленный кольцомъ, могъ служить штыкомъ.

При Леопольдѣ II (1790—1792 г.) уланы были отдѣлены въ 1791 г. отъ легкоконныхъ полковъ и сведены въ особый полкъ, который долженъ былъ имѣть сначала, подобно гусарскимъ полкамъ, 10 эскадроновъ въ 5 дивизіонахъ, но на самомъ дѣлѣ получилъ 4 дивизіона и 8 эскадроновъ, по 151 рядовому въ каждомъ. Мундиры были зеленые съ ярко-краснымъ прикладомъ и желтыми пуговицами, штаны — бѣлые, узкіе, шапка — желтая; вооруженіе — прежнее, по 6 винтовокъ на эскадронъ. Кромѣ того, въ 1790 г. былъ сформированъ въ Галиціи уланскій вольный корпусъ въ 3 дивизіона, въ 6 эскадроновъ. Въ 1791 г. одинъ драгунскій полкъ переформированъ въ легкоконный.

Такимъ образомъ, при вступленіи на престолъ Франца II (впослѣдствіи I-го, 1792—1835 г.) было въ австрійской конницѣ полковъ:

2 карабинерныхъ, 9 кирасирскихъ, 6 драгунскихъ, 7 легкоконныхъ, 10 гусарскихъ, 1 уланскій и 1 уланскій вольный корпусъ.

Карабинерные полки состояли изъ 6 карабинерныхъ и 2 легкоконныхъ эскадроновъ; кирасирскіе, драгунскіе и легкоконные — изъ 6; гусарскіе — изъ 10, уланскій—изъ 8 эскадроновъ; вольный корпусъ — 6 эскадроновъ. Въ эскадронѣ тяжелой конницы было 160, въ эскадронѣ драгунскихъ, легкоконныхъ и гусарскихъ полковъ по 200 коней. Всего 35 полковъ и 1 вольный корпусъ или 262 эскадрона и 42.000 — 45.000 чел.

Въ 1798 г. были произведены въ конницѣ большія перемѣны. Карабинерные полки переформированы въ кирасирскіе, легкоконные — въ драгунскіе; изъ отдѣленныхъ отъ карабинерныхъ полковъ легкоконныхъ эскадроновъ сформированы еще 3 кирасирскихъ полка; затѣмъ еще 2 новыхъ драгунскихъ полка; число гусарскихъ полковъ увеличено тремя, съ одновременнымъ уменьшеніемъ состава каждаго полка на 1 дивизіонъ; еще сформированы: новый 4-хъ дивизіонный уланскій полкъ изъ галиційскаго вольнаго корпуса и 8-ми эскадронный конноегерскій полкъ. Такъ что въ концѣ XVIII ст. австрійская конница состояла изъ полковъ: 12 кирасирскихъ, 15 драгунскихъ, 12 гусарскихъ, 2 уланскихъ и 1 конноегерскаго, всего 42 полка — 282 эскадрона. Гусарскіе полки выставляли во время войны такъ называемые дивизіоны велитовъ.

Полки назывались по именамъ шефовъ и, кромѣ того, имѣли номера. Кирасиры и драгуны имѣли палаши, карабины и по 2 пистолета; вмѣсто треуголокъ даны каски римской формы; мундиры у первыхъ — бѣлые, у вторыхъ — темно-зеленые съ разноцвѣтнымъ прикладомъ, длинные венгерскіе штаны и короткіе сапоги. У гусаръ и уланъ все осталось безъ перемѣны; конноегеря получили сѣрые мундиры, штаны съ зелеными обшлагами, желтыя пуговицы и каски съ зеленымъ гребнемъ.

Въ 1800 г. одинъ гусарскій полкъ былъ расформированъ, а другой, палатинатскій, вновь сформированъ; венгерской инсуррекціи придана правильная организація, при чемъ она могла выставить 36.000 всадниковъ. Въ 1801 г. были распущены 3 кирасирскихъ, 4 драгунскихъ, 1 гусарскій и конноегерскій полки, а въ Краковѣ сформированъ уланскій полкъ. Въ 1802 г. 1 кирасирскій (№ 6) полкъ переформированъ въ драгунскій, а 6 драгунскихъ (№№ 1, 4, 10, 11, 12 и 13) — въ легкоконные, съ бѣлыми мундирами и разноцвѣтными обшлагами; вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ тяжелые полки получили по 4-му дивизіону изъ распущенныхъ въ предыдущемъ году кирасирскихъ и драгунскихъ полковъ. Въ этомъ же году было уничтожено обязательство пожизненной службы и установленъ извѣстный срокъ, — въ конницѣ 12 лѣтъ, съ правомъ поступать еще на сверхсрочную службу, но не менѣе какъ на шестилѣтній срокъ. Въ 1805 году былъ изданъ для конницы новый, выработанный генераломъ графомъ Грюнне, уставъ, которымъ вводился двухшереножный строй и отмѣнено ношеніе косы. Въ это время конница состояла изъ полковъ: 8 кирасирскихъ (9.600 чел.), 6 драгунскихъ (7.200 чел.), 6 легкоконныхъ (9.480 чел.), 9 гусарскихъ

(14.240 чел.), 3 уланскихъ (4.740 чел.) и 3 секлерскихъ гусарскихъ (4.740 чел.); всего 35 полковъ — 50.000 чел.; кромѣ того, 800 чел. штабныхъ драгунъ. Комплектовалась кавалерія въ нѣмецкихъ и галиційскихъ земляхъ; Венгрія комплектовала 10 полковъ съ 16.980 чел. Секлерскіе гусары принадлежали къ пограничнымъ войскамъ.

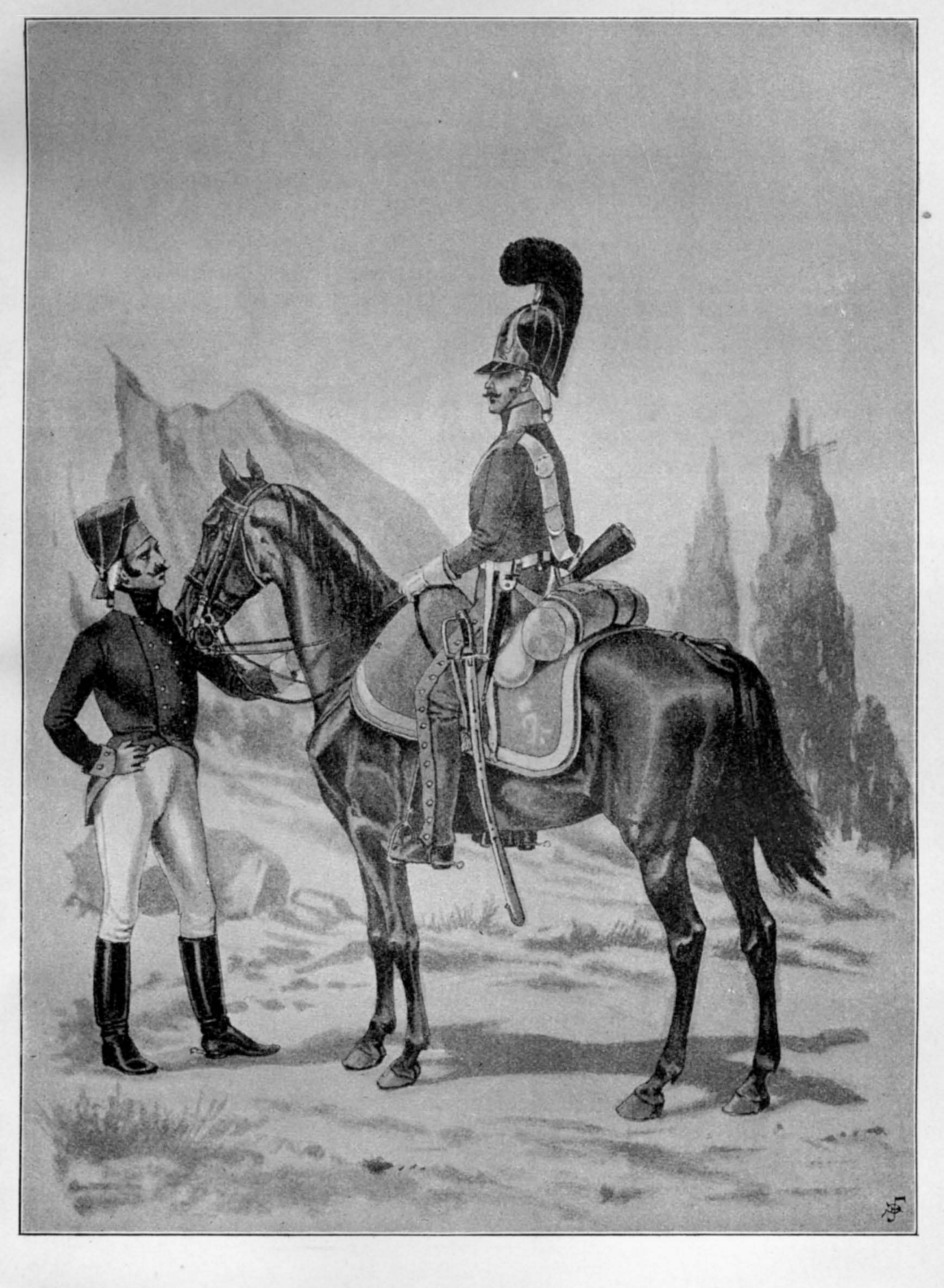
Въ 1806 г. были опять уничтожены въ тяжелой конницѣ 4-е дивизіоны; 3 легкоконныхъ полка (№№ 1, 2 и 4) получили темно-зеленые мундиры съ красными обшлагами, а прочіе 3 сохранили бѣлые мундиры. Въ 1807 г. были опять изданы новые уставы. Въ 1808 г. учреждена въ Винеръ-Нейштадтѣ школа верховой ѣзды.

При началѣ войны 1809 г. австрійская конница имѣла тотъ же составъ и силу, какъ и въ 1805 г., т. е. 35 полковъ; тяжелые полки (кирасиры и драгуны) имѣли 3 дивизіона или 6 эскадроновъ по 133 коня (съ офицеромъ и унтеръ-офицеромъ), всего 788 строевыхъ чел.; легкіе — 4 дивизіона или 8 эскадроновъ по 149 коней, всего 1.192 строевыхъ чел.; во время войны всѣ полки имѣли еще по 1 резервному эскадрону, а нѣкоторымъ гусарскимъ полкамъ приданы 5-е дивизіоны, снаряженные на счетъ богатыхъ венгерцевъ, но къ началу войны еще не совсѣмъ готовые. Кромѣ того, было еще 6 эскадроновъ штабныхъ драгунъ. Всего было въ линейной конницѣ — 11.172 и въ легкой — 25.032; на войну могло выступить 32.799 чел. Конныя части были распредѣлены между только что передъ тѣмъ введенными въ арміи 9-ю корпусами такимъ образомъ, что 6 корпусовъ (I—V и VIII въ 23 — 28 батальоновъ) имѣли по 16 эскадроновъ; одинъ (VI — 31 батальонъ) — 24, одинъ (IX — 30 батальоновъ) — 28 и одинъ (VII — 25 батальоновъ) — 44 эскадрона; кромѣ того, при резервной арміи (12 батальоновъ) — 36 и резервномъ корпусѣ (въ 5 батальоновъ) — 24 эскадрона. Всего 252 эскадрона. Резервныя конныя части простирались въ началѣ войны до 5.779 коней; венгерская конная инсуррекція — до 98 эскадроновъ и 15.107 чел. Всего на всего — 57.090 чел. конницы.

Въ 1813 г. галиційскія собранія выставили 4-й уланскій полкъ, а въ Венгріи были навербованы изъ охотниковъ дивизіоны велитовъ, которые были приданы по два каждому гусарскому полку. Въ 1814 г. легкая конница была усилена 7-мъ легкоконнымъ полкомъ, сформированнымъ въ Ломбардіи.

Такимъ образомъ, къ 1815 г. въ австрійской конницѣ было полковъ: 8 кирасирскихъ, 6 драгунскихъ, 7 легкоконныхъ, 12 гусарскихъ и 4 уланскихъ. Тяжелые полки (кирасиры и драгуны), имѣли по 6, легкіе — по 8 эскадроновъ; кромѣ того, въ военное время еще по одному резервному эскадрону, на который возлагалось пополненіе полка людьми и лошадьми. Слѣдовательно, всего 37 полковъ въ 268 эскадроновъ въ мирное и 305 эскадроновъ въ военное время.

Этотъ составъ австрійская конница сохранила до 1835 г. и даже до 1848 года.

РУССКІЙ ДРАГУНЪ
ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

XXVI. Русская конница при Александрѣ I (1801—25 г.)[1]).

При Императорѣ Павлѣ I русское государство и войско получили формы западноевропейскія, и Россія, будучи, уже подъ конецъ его царствованія вовлечена въ борьбу между европейскими государствами, при Александрѣ I окончательно вошла въ водоворотъ событій, происходившихъ въ Западной Европѣ, и армія, часто сталкиваясь съ иностранными, была теперь совершенно поставлена на европейскую ногу. Такимъ образомъ царствованіе Александра I, подобно царствованію Петра Великаго, составляетъ эпоху, и при немъ законченъ періодъ реформъ въ государствѣ и войскѣ.

Одной изъ первыхъ мѣръ Александра I (въ 1801 г.) было возвращеніе полкамъ прежнихъ названій по городамъ и губерніямъ; затѣмъ, 3 драгунскіе полка, которые незадолго передъ тѣмъ были приведены каждый въ 10-ти эскадронный составъ, соединеніемъ 2 пятиэскадронныхъ полковъ, были опять переформированы въ 6 пятиэскадронныхъ полковъ, и такимъ образомъ опять образовалось 15 драгунскихъ 5 эскадронныхъ полковъ. Въ этомъ же году была собрана, для реорганизаціи арміи, особая коммисія, подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Константина Павловича, по предложенію которой 7 кирасирскихъ полковъ (изъ 13-ти) были переформированы въ драгунскіе, и для регулярной конницы установленъ слѣдующій составъ:

Гвардія: Кавалергардскій, Конный, Гусарскій и Казачій полки и уральская сотня.

Армія: 6 кирасирскихъ, 22 драгунскихъ, 8 гусарскихъ, 3 пикинерныхъ и 1 чугуевскій регулярный казачій.

Въ 1801 г. были введены временные штаты для кирасирскихъ и драгунскихъ, въ 1802 г. для гусарскихъ полковъ, и въ этомъ же послѣднемъ году они были окончательно утверждены. Согласно этимъ штатамъ были учреждены вездѣ особые резервные эскадроны и составъ полковъ опредѣленъ слѣдующій:

---

[1]) Bogdanowitsch. Gesch. des Feldz. im J. 1812. A. d. Russ. v. Baumgarten. Leipzig 1863. — Boutourlin. Atlas des plans, légendes et tableaux d'organisation de l'histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. — Brix. Materialien z. Gesch. d. Kaiser. Russ. Armee unter dem Kaiser Alexander I. (Manuscript). — Lyall. Die russ. Militärcolonien, ihre Einrichtung, Verwaltung u. gegenwärt. Beschaffenheit, a. d. Engl. Leipzig 1824. — Михайловскій-Данилевскій. Описаніе первой войны Импер. Александра съ Наполеономъ I въ 1805 г. Спб. 1844; Описаніе второй войны Имп. Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 г. Спб. 1846. Gesch. des Vaterländischen Krieges im J. 1812. a. d. Russ. übersetzt v. Goldhammer, Riga u. Leipzig 1840. Darstellung des Feldz. in Frankreich im J. 1814. Ins Deutsche übertragen v. Kotzebue. Riga u. Leipzig 1837. — Pidoll zu Quintenbach, von Frhr., Einige Worte über die russ. Militärcolonien im Vergleiche mit der K. K. oesterreichischen Militär-Grenze, Wien 1847. — Plotho. D. Krieg i. Deutschl. u. Frankr.

	люд.	оф. лош.	Строев. лош. мир. вр.	воен. вр.	об. лош.
Кирасирскій 5-ти эскадронный полкъ. .	965	38	612	687	82
Резервный эскадронъ	137	—	64	110	3
Драгунскій 5-ти эскадронный полкъ . .	969	38	647	727	90
Резервный эскадронъ	167	—	74	134	3
Гусарскій 2 батальонный (10 эскадроновъ)	1.739	65	1.341	1.491	118
2 резервныхъ эскадрона	265	—	124	216	6

Эти штаты не касались гвардіи; въ ней лейбъ-гвардіи Конный и Гусарскій полки получили также новые штаты. Первый (5 эскадроновъ) 1.000 чел., 773 строевыхъ (изъ нихъ 36 офицерскихъ) и 95 обозныхъ лошадей; второй (5 эскадроновъ) 990 чел., 772 строевыхъ (изъ нихъ 36 офицерскихъ) и 76 обозныхъ лошадей.

Въ 1803 г. для доведенія кавалерійскихъ частей до штатнаго состава 1 пикинерный полкъ былъ раздѣленъ на 2 пятиэскадронные, по 757 чел., 671 строевыхъ и 56 обозныхъ лошадей каждый, и въ тоже время сформированы 4 драгунскіе и 2 гусарскіе полка, первые 5-ти эскадронные, вторые 10-ти эскадронные, и 2 батальоный Чугуевскій казачій полкъ получилъ штатъ, подобно гусарскимъ — 2 батальона по 5 эскадроновъ, 1.467 чел.; но временно, пріобрѣтеніе лошадей, по 1 на человѣка строевыхъ и по 30 обозныхъ на 100 чел., было предоставлено по прежнему казакамъ. Одинъ изъ вновь сформированныхъ гусарскихъ полковъ (Одесскій) былъ скоро переформированъ въ уланскій, въ составѣ 10 эскадроновъ, 1.748 чел. 1.406 строевыхъ (изъ нихъ 65 офицерскихъ) и 118 обозныхъ лошадей. Наконецъ, резервы получили новую организацію, по которой каждый армейскій кирасирскій и драгунскій полки должны были имѣть по резервному полуэскадрону въ 89 и 93 чел., а гусарскій и уланскій по резервному эскадрону въ 150 чел., безъ строевыхъ лошадей и повозокъ, но съ 2 обозными лошадьми. Впослѣдствіи это постановленіе было распространено и на лейбъ-гвардіи конный полкъ.

14 марта 1804 г. кавалергардскій полкъ получилъ новый штатъ: 5 эскадроновъ, 991 чел., 773 строевыхъ и 95 обозныхъ лошадей, а 26 мая резервный полуэскадронъ, по штату кирасирскихъ полковъ.

Въ 1805 г. введенъ новый штатъ для 10-ти эскадроннаго (2 батальона) пикинернаго полка (1.513 чел., 1.341 строевыхъ и 118 обозныхъ лошадей) и сформировано 2 драгунскихъ полка. Такимъ образомъ въ 1805 г., къ началу войны съ французами, конница имѣла слѣдующій составъ:

1813 u. 1814. Berlin 1817. — Quistorp. v. Die Kaiserl. Russisch-Deutsche Legion. Berlin 1860 Das Russische Reich., Eine Darstellung seiner Bevölkerung, Bewohnung, Kultur, Verfassung, seiner Staats- u. Streitkräfte. Berlin 1812. — Sketchs of the Military and Politica Power of Russia in the year 1817. London 1817. — Stork., E. v. Denkschrift über die Kaiserl. Russ. Kriegsmacht, in besonderer Beziehung an den Krieg gegen die Türken Leipzig 1828. и т. д.

гвардія — 2 кирасирскихъ, 1 гусарскій, 1 казачій полкъ и 1 казачью сотню. Армія 6 кирасирскихъ, 28 драгунскихъ, 9 гусарскихъ, 1 уланскій, 3 пикинерныхъ и 1 регулярный казачій полкъ. Всего 52 полка въ 319 дѣйствующихъ эскадроновъ, 58.439 чел. и 44.141 строевыхъ лошадей въ мирное и 48.631 въ военное время. Кромѣ того резервныхъ: 36 полуэскадроновъ и 10 эскадроновъ — 4.816 чел. Казаковъ 110.215 чел.

Въ 1806 г. были вновь сформированы 8 драгунскихъ и 1 гусарскій полкъ, той же силы и состава, какъ старые и съ тѣми же резервными частями.

Въ 1807 г. лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ также получилъ резервный полуэскадронъ въ 89 чел.; были сформированы 1 гусарскій и 1 пикинерный полкъ, оба въ 10 эскадроновъ дѣйствующихъ и 1 резервный. Послѣдній, вмѣстѣ съ 3 прочими пикинерными полками, былъ переименованъ въ уланскій, которыхъ стало теперь 5 полковъ (2 по 11 эскадроновъ, 1 въ 10 и 2 въ 5), изъ которыхъ одинъ, прежде существовавшій, уланскій полкъ былъ причисленъ къ гвардейской конницѣ, безъ включенія въ ея составъ.

Въ 1808 г. всѣ резервныя части получили лошадей согласно штату: полуэскадроны по 20, эскадроны по 40, Чугуевскій казачій полкъ переформированъ въ уланскій; всѣ прежніе уланскіе полки приведены въ 10-ти эскадронный и 2 батальоный составъ, по 1.739 чел., 1.406 строевыхъ (изъ нихъ 65 офицерскихъ) и 118 обозныхъ лошадей въ каждомъ, и 1 резервный эскадронъ въ 150 чел., 40 строевыхъ и 2 обозныя лошади. Для достиженія этого штата три изъ этихъ полковъ должны были получить по 1 резервному эскадрону, а 2 еще и по 5 дѣйствующихъ. Состоявшій при гвардіи уланскій полкъ сохранилъ старый составъ. Слѣдовательно, всего въ конницѣ было полковъ: 4 гвардейскихъ, 6 кирасирскихъ, 36 драгунскихъ, 11 гусарскихъ и 6 уланскихъ, т. е. 329 дѣйствующихъ, 17 резервныхъ эскадроновъ и 45 резервныхъ полуэскадроновъ.

Въ 1809 г. былъ учрежденъ учебный кавалерійскій эскадронъ въ 307 чел., 112 строевыхъ (въ томъ числѣ 6 офицерскихъ) и 8 обозныхъ лошадей, преимущественно для обученія унтеръ-офицеровъ и трубачей, которыхъ выпускалось ежегодно въ армейскую конницу: первыхъ 100, вторыхъ 25 [1]). При 26 изъ основанныхъ въ 1808 г. для пѣхоты (30-ти) резервныхъ рекрутскихъ депо были устроены отдѣленія для конницы, силой въ 80 — 350 чел., для обученія которыхъ были назначены со слѣдующаго года особыя команды отъ 16 чел. и 10 коней до 62 чел. и 40 коней. Изъ этихъ отдѣленій въ томъ же году были сформированы резервные эскадроны съ своимъ обозомъ. Затѣмъ, въ 1809 г. причисленный къ гвардіи уланскій полкъ былъ переформированъ въ два гвардейскихъ полка: драгун-

---

[1]) Эскадронъ этотъ въ дѣйствительности составленъ былъ изъ 200 кантонистовъ-рядовыхъ, при 180 строевыхъ лошадяхъ. *В. Сухомлиновъ.*

скій и уланскій, силой въ 5 дѣйствующихъ эскадроновъ и резервный полуэскадронъ каждый; въ первомъ полку было въ дѣйствующемъ эскадронѣ 1.049 чел., 773 строевыхъ (36 офицерскихъ) и 103 обозныя лошади, въ резервномъ полуэскадронѣ: 92 чел., 20 строевыхъ и 2 обозныя лошади, въ дѣйствующемъ эскадронѣ втораго на 10 чел., 1 строевой и 23 обозныхъ лошади менѣе.

Въ 1810 г. всѣ резервные эскадроны и полуэскадроны были распущены, и постановлено, что въ военное время изъ числа существующихъ и дѣйствующихъ во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ, армейскихъ кирасирскихъ и драгунскихъ остается на мѣстѣ, въ видѣ запасныхъ частей, по 1 эскадрону, а въ гусарскихъ и уланскихъ — по 2 эскадрона, по усмотрѣнію командира полка, а выступаютъ въ первыхъ полкахъ по 4, во вторыхъ по 8 эскадроновъ. Люди уничтоженныхъ резервныхъ частей были распредѣлены между полками такъ, что сила этихъ послѣднихъ была доведена до 14 рядовъ во взводахъ. Слѣдующая таблица показываетъ силу конницы послѣ этихъ измѣненій.

	Прежн. шт.			Нов. шт.		
1. Гвардія.	эск.	люд.	лош.	эск.	люд.	лош.
Дѣйствующій эскадронъ	1	155	147	1	171	151
Резервный полуэскадронъ	½	75	20	—	—	—
Кавалергардскій, Конный и Драгунскій полки	5½	852	757	5	857	757
Гусарскій и Уланскій полки	5½	851	756	5	856	756
Всего въ 5-ти гвардейскихъ полкахъ	27½	4.258	3.783	25	4.283	3.783
2. Армія.						
Дѣйствующій кирасирскій эскадронъ	1	149	137	1	166	145
Резервный полуэскадронъ	½	75	20	—	—	—
Дѣйствующій драгунскій эскадронъ	1	157	145	1	166	145
Резервный полуэскадронъ	½	79	20	—	—	—
Дѣйствующіе гусарскій и уланскій эскадроны	1	146	134	1	164	143
Резервный эскадронъ	1	134	40	—	—	—
Кирасирскій полкъ	5½	822	707	5	832	727
Драгунскій	5½	866	747	5	832	727
Гусарскій и уланскій	11	1.595	1.381	10	1.642	1.432
Всего въ 58 армейскихъ полкахъ (6 кирас., 36 драгунск., 11 гусарск. и 5 уланск.).	407	61.154	53.110	370	61.216	53.446
Итого въ 63 полкахъ	434½	65.412	56.893	395	65.499	57.229
Изъ нихъ дѣйствующіе	395	59.599	55.313	316	52.424	45.808
Резервный	39½	5.813	1.580	79	13.075	11.421
Офицерскихъ вьючныхъ лошадей	—	—	2816	—	—	—

Кромѣ того лейбъ-гвардіи казачій полкъ въ 3 эскадрона и 433 строевыхъ лошадей, уральская сотня въ 100 коней и учебный кавалерійскій эскадронъ въ 112 строевыхъ лошадей. Всего 399 эскадроновъ и 74.024 чел. (по штатамъ военнаго времени).

Въ 1811 г. къ лейбъ-гвардіи казачьему полку была прибавлена гвардейская черноморская сотня и сформировано 2 пятиэскадронныхъ армейскихъ кирасирскихъ полка; затѣмъ, изъ 6.300 чел., взятыхъ изъ 10 артиллерійскихъ рекрутскихъ депо, было сформировано еще 42 резервныхъ эскадрона по 151 лошади каждый; послѣдніе, съ уже ранѣе состоявшими, были приданы, въ качествѣ 6-хъ эскадроновъ, армейскимъ, кирасирскимъ и драгунскимъ полкамъ, и, въ качествѣ 11-хъ и 12-хъ резервныхъ эскадроновъ, армейскимъ уланскимъ (кромѣ Чугуевскаго) и гусарскимъ полкамъ, черезъ что прибавилось 74 эскадрона, 12.412 чел. и 11.174 лошади.

Такимъ образомъ, къ знаменательному для Россіи 1812 г., составъ русской регулярной конницы былъ слѣдующій:

Гвардія. 2 кирасирскихъ, 1 драгунскій, 1 гусарскій и 1 уланскій полки по 5 эскадроновъ, 1 казачій въ 3 эскадрона, 2 сотни казаковъ; всего: 6 полковъ (28 эскадроновъ и 2 сотни), 5.308 чел. и 4.416 строевыхъ лошадей.

Армія. 8 кирасирскихъ полковъ по 5 эскадроновъ, — 949 чел. и 727 строевыхъ лошадей, 36 драгунскихъ по 5 эскадроновъ — 955 чел. и 727 лошадей, 11 гусарскихъ и 5 уланскихъ, по 10 эскадроновъ, — 1.825 чел. и 1.432 лошади. Всего 60 полковъ, 380 эскадроновъ, 71.172 чел. и 54.900 строевыхъ лошадей, сверхъ того 74 резервныхъ эскадрона.

Итого въ конницѣ 66 полковъ, 484 эскадрона, 88.892 чел. и 70.490 строевый лошадей, въ томъ числѣ 329 дѣйствующихъ эскадроновъ съ 47.605 лошадьми, 81 запасный эскадронъ съ 11.711 лошадьми и 74 резервныхъ эскадрона съ 11.174 лошадьми. Кромѣ того, учебный кавалерійскій эскадронъ.

Въ иррегулярной конницѣ, къ началу 1812 г., было: 80 донскихъ, 10 уральскихъ и 2 ногайскихъ полка, по 5 сотенъ и 578 чел.; 10 черноморскихъ, 3 бугскихъ и 2 дунайскихъ полка, по 5 сотенъ и 501 чел.; астраханскій полкъ въ 5 сотенъ и 6 отдѣльныхъ командъ; оренбургскій — 1.074 чел.; 5 поселенныхъ кавказскихъ полковъ и 3 отряда разной силы; 10 пятисотенныхъ полковъ, по 552 чел. и 4 отдѣльныя сотни въ 425 чел. сибирскихъ линейныхъ казаковъ. Всего 124 казачьихъ полка и болѣе мелкія части въ 73.000 чел. Затѣмъ: 2 тептярскихъ и 2 башкирскихъ полка по 5 сотенъ и 518 чел., 4 калмыцкихъ и 4 татарскихъ полка по 5 сотенъ и 578 чел., 1 тунгузскій и 4 бурятскихъ полка по 5 сотенъ и 500 чел. и моздокская горная команда. Всего въ иррегулярной конницѣ 141 полкъ и 3 отряда, около 90.000 чел. Кромѣ того, сибирскіе пограничные и городовые казаки 8.000 чел., иррегулярныя туземныя кавказскія и сибирскія части, киргизы и т. д.

Перемѣны въ теченіе 1812 г. касались въ началѣ въ регулярной кавалеріи исключительно резервныхъ и запасныхъ частей, которыя были значительно усилены. Онѣ, въ числѣ 69 запасныхъ (въ томъ числѣ 3 гвар-

дейскихъ) и 58 резервныхъ эскадроновъ были сведены въ дивизіоны, даже полки и употреблены для военныхъ дѣйствій, затѣмъ, уже позже, послѣ оставленія французами Москвы, тамъ былъ сформированъ, частью изъ нихъ, частью изъ отставшихъ отъ полковъ людей и выпущенныхъ изъ лазаретовъ, частью изъ рекрутовъ, общій резервъ кавалеріи, а именно на каждый изъ находившихся въ дѣйствующей арміи 47 конныхъ полковъ, по 2 эскадрона въ 208 чел. каждый, по 20 рядовъ во взводахъ. На тѣхъ же основаніяхъ въ Петербургѣ для гвардейской конницы былъ сформированъ резервъ гвардейской кавалеріи, по 2 эскадрона на полкъ, затѣмъ, 5 резервныхъ частей для каждаго изъ 5 гвардейскихъ полковъ по 300 чел. и наконецъ 20 эскадроновъ для армейской конницы, такъ что всего резервныхъ частей было 124 эскадрона и 5 резервныхъ частей — 27.292 чел. [1]). Но вмѣстѣ съ усиленіемъ резервныхъ частей, дѣйствующія части настолько были ослаблены, въ особенности въ главной арміи, при безостановочномъ преслѣдованіи французовъ, что во многихъ полкахъ было на лицо 120 — 150 и даже всего 60 чел., такъ что они могли выставить только 3, 2, а иногда даже и 1 эскадронъ, имѣя по 10 — 12 рядовъ во взводахъ [2]). Подобный порядокъ вещей требовалъ, очевидно, полной реорганизаціи конницы, каковая и была произведена въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1812 г.: 18 драгунскихъ полковъ были переформированы въ 2 кирасирскихъ, 1 гусарскій, 7 уланскихъ и 8 конноегерскихъ полковъ, затѣмъ, всѣ гвардейскіе (за исключеніемъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, сохранившаго 3 эскадрона), и армейскіе полки, были приведены въ составъ 6 дѣйствующихъ, по 213 чел. и 179 лошадей, и 1 резервнаго эскадрона (214 чел.) по 20 рядовъ во взводахъ; слѣдовательно, въ полку было 1.639 чел. и 1.254 строевыхъ лошади (не считая офицерскихъ вьючныхъ). На это переформированіе ушли всѣ существовавшіе тогда резервные эскадроны.

Иррегулярныя части были также значительно усилены. Было сформировано: 4 украинскихъ казачьихъ полка, по 8 эскадроновъ и 1.343 чел. каждый; 6 выставленныхъ сверхъ штата донскихъ полка, по 578 чел., и 1 бугская дружина въ 500 чел.; 15 полковъ, добровольно выставленныхъ казаками Полтавской и Черниговской губ., по 1.200 чел., распущенные

[1]) Всего, по январь 1814 г., т. е. въ теченіе 15 мѣсяцевъ, было сформировано резервныхъ конныхъ частей 319 эскадроновъ, 65.000 чел. и 57.100 коней, изъ которыхъ къ вышеозначенному времени 169 эскадроновъ было отослано въ армію, а 150 еще находились въ составѣ резервной конницы.

[2]) Чтобы судить о потеряхъ русской арміи при отступленіи французовъ изъ Москвы достаточно слѣдующихъ данныхъ: 24 сентября, при выступленіи изъ Тарутина, въ главной арміи было 102.254 чел. при 622 орудіяхъ, а 7 декабря въ Вильнѣ — 27.464 чел. при 200 орудіяхъ. При началѣ дѣйствій въ 1 и 2 арміи было 172.000 чел., во время войны онѣ были усилены на 134.000 чел. и въ Вильну пришло 70.000. Еще болѣе пострадала бывшая Дунайская армія, шедшая усиленными переходами на перерѣзъ отступающимъ французамъ и преслѣдовавшая ихъ послѣ Березины.

въ 1816 г., и 1 полкъ, добровольно поставленный Лифляндской губ., въ 8 сотенъ 2.000 чел.; 1 оренбургскій и 2 калмыцкихъ полка, по 501 чел.; кромѣ того, было приказано сформировать еще 10—30 и болѣе башкирскихъ полковъ изъ башкиръ и мещеряковъ въ губ.: Оренбургской, Вятской, Саратовской и Пермской, и взято 3.748 казаковъ изъ почтовыхъ крестьянъ.

Затѣмъ, по манифесту 6-го іюля о народномъ ополченіи, было выставлено въ 16 губерніяхъ:

14 казачьихъ полковъ, по 6—10 сотенъ отъ 600—1.369 чел.
и 3 сотни, всего около 11.000 всадниковъ.

Кромѣ того, въ другихъ губерніяхъ было добровольно выставлено: 11 конныхъ полковъ и 1 конная команда Императорскихъ лѣсничихъ въ числѣ всего около 9.250 всадниковъ, не считая отрядовъ народнаго ополченія, которые стали собираться тотчасъ при вступленіи французовъ въ предѣлы Россіи.

Къ этому надо прибавить еще конныя и пѣшія части, выставленныя частными лицами, такъ напримѣръ: дворянскій отрядъ конныхъ стрѣлковъ поручика Нирода въ 70 чел., гусарскій полкъ графа Салтыкова въ 10 эскадроновъ, казачій полкъ графа Дмитріева-Мамонова въ 5 эскадроновъ и конный эскадронъ помѣщика Скаржинскаго въ 180 чел.

Всѣ эти отряды, за исключеніемъ очень немногихъ, были распущены, частью по изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, частью по заключеніи перваго Парижскаго мира; послѣднія ополченскія отряды были распущены въ октябрѣ 1814 г.

Остается еще упомянуть, что изъ непріятельскихъ плѣнныхъ, добровольно поступавшихъ въ русскую службу, стали формировать съ іюня 1812 г. особыя части, получившія названіе легіоновъ, при нѣкоторыхъ изъ которыхъ находилась и конница. Наибольшей извѣстностью среди нихъ пользовался русско-нѣмецкій легіонъ, формированіе котораго было начато въ августѣ 1812 г., а окончено только въ слѣдующемъ году [1]).

Въ 1813 г., при окончательной организаціи этого легіона, русская конница получила приращеніе на 2 гусарскихъ полка, по 4 эскадрона въ 158 чел. въ эскадронѣ, и по 643 чел. въ полку, которые однако въ 1814 году, вмѣстѣ со всѣмъ легіономъ, перешли въ прусскую службу. Остальныя перемѣны въ составѣ конницы касались только гвардіи: къ ней былъ причисленъ, съ правами молодой гвардіи, лейбъ-кирасирскій Его Величества полкъ; Черноморская гвардейская сотня переименована въ эскадронъ, и наконецъ предписано привести лейбъ-гвардіи Казачій полкъ въ 6-ти эскадронный составъ, причемъ 4 эскадрона должны были находиться на службѣ въ С.-Петербургѣ, а 2 на Дону, на льготѣ.

---

[1]) Какъ любопытный фактъ можно упомянуть, что въ составѣ отряда графа Орлова-Денисова (1 гусарскій и 3 казачьихъ полка) находился въ ноябрѣ 1812 г. 1 баталіонъ 23 егерскаго полка, который былъ посаженъ на отбитыхъ у непріятеля и крестьянскихъ лошадей.

Въ 1814 г. былъ сформированъ лейбъ-гвардіи Конноегерскій полкъ. Такимъ образомъ, по окончаніи французскихъ войнъ, въ русской коннницѣ было полковъ: въ гвардіи — 3 кирасирскихъ, 1 драгунскій, 1 уланскій, 1 гусарскій и 1 конноегерскій; въ арміи — 9 кирасирскихъ, 18 драгунскихъ, 12 гусарскихъ, 12 уланскихъ и 8 конноегерскихъ. Всего 66 полковъ, 462 эскадрона, 108.174 чел. и 82.764 строевыхъ лошади, въ томъ числѣ дѣйствующихъ: 396 эскадроновъ, 94.050 чел. и 70.950 лошадей, и резервныхъ: 66 эскадроновъ, 14.124 чел. и 11.814 лошадей. Кромѣ того: лейбъ-гвардіи Казачій полкъ, бывшій еще въ прежнемъ составѣ 3 эскадроновъ, лейбъ-гвардіи Черноморскій эскадронъ, Уральская сотня и учебный кавалерійскій эскадронъ въ 216 строевыхъ лошадей.

Въ 1815 г. были организованы войсковые жандармы, а именно: 1 драгунскій полкъ въ полномъ составѣ 6 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ былъ переименованъ въ жандармскій и сформированъ лейбъ-гвардіи жандармскій полуэскадронъ, получившій въ 1816 г. штатъ въ 122 чел., 96 строевыхъ (въ томъ числѣ 4 офицерскихъ) и 4 обозныхъ лошади. Въ томъ же 1816 г. 4 регулярныхъ казачьихъ украинскихъ полка были переформированы въ уланскіе.

Въ 1817 г. были учреждены полицейскіе жандармы при корпусѣ внутренней стражи, въ составѣ 2 двухъ-эскадронныхъ дивизіоновъ въ 334 чел. и 310 лошадей (18 офицерскихъ) для обѣихъ столицъ; 43 команды по 30 чел. и 29 лошадей (1 офицерская) для различныхъ губерній, и 3 команды по 15 чел. и 14 лошадей для нѣкоторыхъ портовыхъ городовъ, которыхъ потомъ было прибавлено еще 8. Затѣмъ, были сформированы 4 полка бугскихъ уланъ изъ 3 бугскихъ казачьихъ и 2 украинскихъ уланскихъ полковъ; оставшіеся 2 послѣдніе были раздѣлены каждый на два, такъ что число украинскихъ уланскихъ полковъ осталось безъ измѣненія. Въ Варшавѣ изъ природныхъ поляковъ было сформировано 2 гвардейскихъ полка: лейбъ-гвардіи кирасирскій и лейбъ-гвардіи уланскій, по 4 дѣйствующихъ эскадрона въ 213 чел. и 186 лошадей (7 офицерскихъ) каждый, и пѣшій резервъ въ 61 чел., всего же по 750 конныхъ въ полку. Въ этомъ же году были сдѣланы первыя попытки учрежденія конныхъ поселенныхъ частей [1]) для чего были предназначены 4 уланскіе полка Харьковской губ.,

---

[1]) Общія основанія этого замѣчательнаго учрежденія, были, вкратцѣ, слѣдующія. Жители мѣстностей, отведенныхъ подъ военныя поселенія, были освобождены отъ всѣхъ повинностей и отъ рекрутскаго набора, но были обязаны давать помѣщеніе, провіантъ и фуражъ поселеннымъ у нихъ войскамъ. Участки именовались по названіямъ расположенныхъ въ нихъ полковъ.

Нижніе чины поселенныхъ полковъ не занимались замледѣліемъ, но располагались въ извѣстномъ районѣ у крестьянъ по квартирамъ, крестьяне же въ извѣстной степени пріобщались къ составу полка и подчинялись войсковому начальству въ административномъ и судебномъ отношеніи.

Вслѣдствіе этого всякій поселенный кавалерійскій полкъ раздѣлялся на 2 состава:

8 уланскихъ же въ Херсонской губ.; въ 1820 г. было поселено 4 кирасирскихъ полка въ Херсонской губ., а въ 1821 г. еще 4 кирасирскихъ же въ Харьковской губ. Слѣдовательно, при Александрѣ I было всего поселенныхъ частей: 8 кирасирскихъ и 12 уланскихъ полковъ въ 120 дѣйствующихъ эскадроновъ, занимавшихъ въ 1822 г. около 300 деревень съ 30.000 государственныхъ крестьянъ.

Вообще же за время 1818—1821 гг. въ регулярной конницѣ произошло очень мало измѣненій. Въ 1819 г. была основана берейторская школа въ составѣ 82 чел., 100 манежныхъ и 8 обозныхъ лошадей. Въ 1821 г. получило болѣе широкое развитіе благодѣтельное постановленіе объ офицерскихъ вьючныхъ лошадяхъ. Сверхъ существовавшаго на этотъ счетъ

строевой или пахатные солдаты и поземельный. Кромѣ того, какъ бы средній между ними классъ: резервисты или замѣстители.

Когда кавалерійскій полкъ назначался на поселеніе, то изъ 6 дѣйствующихъ эскадроновъ полка выдѣлялось 33 человѣка (только люди лучшаго поведенія, прослужившіе, по крайней мѣрѣ, 3 года, уроженцы мѣстности куда ставили полкъ и по возможности женатые) и 32 лошади (кобылы), изъ коихъ составлялся сводный эскадронъ въ 206 чел. и 195 лошадей; къ нему присоединялся 7-й (запасный) эскадронъ полка въ полномъ составѣ 217 чел. безъ лошадей и оба эти эскадрона, подъ названіемъ кадра полка, отправлялись въ назначенный округъ. Тамъ выбирались изъ населенія крестьяне, сначала старше 50 лѣтъ, а по мѣрѣ надобности и болѣе молодые въ квартирные хозяева или поселенцы и кромѣ того столько же молодыхъ людей для резерва. Изъ выбранныхъ людей и 2-хъ прибывшихъ изъ полка эскадроновъ формировали 3 эскадрона поселенцевъ и 3 эскадрона резерва. Каждый эскадронъ поселенцевъ получалъ изъ кадра 3 (позже 4) офицера, 10 унтеръ-офицеровъ (кромѣ того 8 изъ хозяевъ) и 1 трубача; эскадроны резерва получали каждый по 2—3 (позже 4) офицера, 18 унтеръ-офицеровъ, 1 трубача, 94 рядовыхъ, 1 кузнеца и 65 лошадей и комплектовались изъ резервовъ населенія.

Когда было окончено внѣшнее устройство колоній, т. е. раздѣленіе земли на участки, постройка новыхъ домовъ, дворовъ и деревень, устройство экономій, исправлены дороги и вообще, когда все было приготовлено къ пріему полка, то таковой вступалъ со своими 6 дѣйствующими эскадронами въ отведенный ему округъ, и расквартировывался по деревнямъ, смотря по ихъ величинѣ, по 1, 1/2 или 1/4 эскадрона такъ, чтобы на каждомъ дворѣ стоялъ одинъ солдатъ съ лошадью.

Офицеры, унтеръ-офицеры и трубачи жили въ отдѣльныхъ, для нихъ построенныхъ домахъ; полковой штабъ помѣщался въ центрѣ округа въ отдѣльной усадьбѣ и тутъ же находились сараи, экзерциргаузъ, манежъ, лазаретъ, фуражный и провіантскій магазины и т. п.

Каждый кавалерійскій полкъ имѣлъ и свой заводъ (1819—1843 гг.), который по числу 3-хъ поселенныхъ эскадроновъ раздѣлялся на 3 отдѣленія по 9 жеребцовъ и 115 кобылъ.

Все мужское населеніе округа распадалось по роду службы и возрасту на 7 разрядовъ: поселенцы и ихъ помощники, строевые резервисты, не расположенные у жителей штабные, кантонисты и инвалиды, поселенцы, они же домохозяева и владѣльцы участковъ земли были коренные жители поселенія; они получали отъ казны жалованье, землю (по 90 десятинъ въ кавалеріи и по 60 въ пѣхотѣ), домъ съ инвентаремъ, сѣмена для посѣва, провіантъ за первый годъ, нѣкоторое количество земледѣльческихъ орудій и скота. (Каждому двору полагалось 3 пары воловъ для работъ, 1 пара запасныхъ, 2 лошади, 2 коровы и 12 овецъ; кто имѣлъ меньше этого количества, тотъ составлялъ одно хозяйство съ другими малоимущими, и обратно одинъ хозяинъ могъ имѣть 2 хозяйства безъ увеличенія повинности). За это поселенцы должны были размѣщать и кормить расквартированныхъ у нихъ солдатъ съ ихъ семействами и лошадьми, содержать дома, обрабатывать землю и, кромѣ извѣстныхъ оброчныхъ работъ, пополнять запасные магазины.

положенія, еще было разрѣшено увеличить число лошадей въ гвардіи на $1/4$, въ арміи на $1/2$ штатнаго числа офицеровъ, что составило 2.073 лошади. Лошади эти въ мирное время состояли при штабѣ полка, объѣзжались берейторами и давались офицерамъ только на смотры и парады. Фуражъ сталъ выдаваться офицерамъ въ натурѣ въ извѣстномъ размѣрѣ. Въ 1823 году число рядовъ во взводахъ гвардейскихъ конныхъ полковъ было уменьшено на 4, а въ армейскихъ 8-ми драгунскихъ и 4 конноегерскихъ на 8, всего на 7.168 чел. и лошадей. За то гвардейская кавалерія была усилена въ 1824 г. сформированіемъ изъ поляковъ гвардейскаго гусарскаго полка, въ 4 дѣйствующіе эскадрона и пѣшій резервъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ 4 уланскихъ полкахъ, приданныхъ польской національной арміи, 7 резервныхъ эскадроновъ были замѣнены пѣшими резервными частями.

Для помощи въ работѣ каждый поселенецъ могъ себѣ выбрать сына, родственника или постороннее лицо. Когда у поселенца было нѣсколько сыновей, то обыкновенно старшій былъ помощникомъ, второй резервистомъ, а 3-й строевымъ. Всѣ поселенцы были обмундированы, обучены и выводились на ученье 3 раза въ недѣлю (во время жатвы 2 раза). Они не выводились въ поле, а составляли 3 поселенные эскадрона полка. Пахотными солдатами были рядовые дѣйствующихъ эскадроновъ.

Они жили по квартирамъ у поселенцевъ со своими семействами и лошадьми (впослѣдствіи въ каждой деревнѣ лошади стояли всѣ въ одной конюшнѣ), довольствовались отъ поселенцевъ и должны были имъ помогать въ работѣ въ свободное время.

Всѣ солдаты, которые были раньше забраны въ разныя части изъ мѣстности, обращенной въ поселеніе, переводились въ поселенный полкъ и возвращались къ своимъ семействамъ.

Строевые получали отъ казны жалованье, обмундированіе и снаряженіе, оружіе и лошадей и по окончаніи жатвы участвовали на маневрахъ. Срокъ службы ихъ былъ 20 лѣтъ, изъ коихъ 5 въ резервѣ.

Резервисты или замѣстители были сыновья или родственники поселенцевъ и должны были замѣщать пахотныхъ солдатъ, въ случаѣ ихъ смерти или вообще выбытія изъ строя. До того-же они помогали крестьянамъ въ обработкѣ земли или занимались ремеслами и жили въ особыхъ домахъ, рядомъ съ домами поселенцевъ. Они были вполнѣ обучены, получали отъ казны тоже обмундированіе, какъ и строевые, составляя 3 резервные эскадрона полка и представляли собой готовый резервъ для комплектованія и усиленія дѣйствующихъ частей. Офицеры, унтеръ-офицеры и музыканты поселенныхъ частей принадлежали къ резерву, но не считались въ резервныхъ эскадронахъ. Они жили въ отдѣльныхъ домахъ и получали отъ казны содержаніе по положенію частей не поселенныхъ. Офицеры получали еще добавочное половинное жалованье и должны были обучать нижнихъ чиновъ и несли административную службу въ поселеніи.

Кантонистами были младшіе сыновья (моложе 18 лѣтъ) поселенцевъ строевыхъ и резервистовъ.

Они дѣлились по возрасту на 3 разряда. Старшіе — отъ 14—18 лѣтъ (въ пѣхотѣ отъ 12) были собраны при штабѣ полка въ учебный эскадронъ въ 200 чел. (впослѣдствіи 2 эскадрона кантонистовъ по 240 чел.). Они были вполнѣ обмундированы и вооружены, обучались строевой службѣ на общемъ основаніи, получали небольшое жалованье и, кромѣ того, посѣщали полковую школу, гдѣ проходили извѣстный курсъ, обучались ремесламъ, ѣздѣ и ветеринарному дѣлу. Кантонисты втораго разряда — отъ 7 до 14 лѣтъ (въ пѣхотѣ до 12) жили при родителяхъ и посѣщали эскадронную школу, гдѣ обучались по методу взаимнаго обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ. Они тоже носили форму, но безъ оружія и получали маленькое жалованье. Кантонисты 3 разряда — мальчики моложе 7 лѣтъ, оста-

Такимъ образомъ, ко времени кончины Императора Александра I, русская регулярная конница состояла изъ полковъ: гвардейскихъ — 4 кирасирскихъ, 1 драгунскаго, 2 гусарскихъ, 2 уланскихъ и 1 конноегерскаго (кромѣ того: казачій — полкъ, эскадронъ и сотня); армейскихъ — 9 кирасирскихъ, 17 драгунскихъ, 12 гусарскихъ, 20 уланскихъ и 8 конноегерскихъ. Всего 66 полковъ, 619 эскадроновъ, 7 резервныхъ пѣшихъ частей, 135.241 чел. и 91.328 строевыхъ лошадей, изъ нихъ 450 дѣйствующихъ эскадроновъ, — 100.272 чел. и 74.581 лошадь, 49 запасныхъ 60 резервныхъ и 60 поселенныхъ эскадроновъ и 7 пѣшихъ резервныхъ частей — 34.969 чел. и 16.747 лошадей. Кромѣ того, гвардейскій полуэскадронъ и полкъ въ 7 эскадроновъ жандармовъ, гвардейская берейторская школа и учебный эскадронъ. Затѣмъ, въ польской національной арміи полковъ: 1 гвардейскій конноегерскій, 4 конноегерскихъ и 4 уланскихъ, по 4 эскадрона, и пѣшій резервъ въ 828 чел. и 720 лошадей.

вались при родителяхъ. Позднѣе были заведены и для дѣвочекъ школы по Бель-Ланкастерской системѣ. Сироты содержались поселенцами за извѣстное вознагражденіе.

Инвалиды, — выслужившіе срокъ солдаты, носили ту-же форму какъ и кантонисты и, — или сами были поселенцами, или квартировали у этихъ, какъ строевые, или несли внутреннюю полицейскую службу.

Такимъ образомъ, поселенный кавалерійскій полкъ состоялъ изъ штаба, 6 дѣйствующихъ, 3 резервныхъ, 3 поселенныхъ и учебнаго эскадроновъ (съ 1836 г.—2 кантонистскихъ). Каждый эскадронъ имѣлъ тотъ же строевой составъ, какъ и въ поселенныхъ полкахъ.

Нестроевыхъ и лошадей было одинаковое количество въ поселенныхъ и непоселенныхъ полкахъ, только въ дѣйствующихъ эскадронахъ; поселенные эскадроны имѣли по 50 строевыхъ лошадей, резервные по 100 (въ томъ числѣ 50 выслужившихъ срокъ для кантонистовъ). Полный штатъ поселеннаго полка былъ: 12 эскадроновъ (безъ кантонистовъ), 2.673 чел. и 1.525 лошадей. Впослѣдствіи наличный составъ дѣйствующихъ поселенныхъ эскадроновъ былъ сильнѣе чѣмъ въ остальныхъ частяхъ.

Внутреннее управленіе поселенныхъ полковъ въ смыслѣ чисто военномъ было тоже какъ и въ прочихъ частяхъ; хозяйственное управленіе было сначала тоже въ рукахъ полковаго начальства, но впослѣдствіи было совершенно отдѣлено, въ виду оказавшихся неудобствъ.

Въ каждомъ полковомъ округѣ былъ комитетъ, подъ начальствомъ полковника или подполковника, — начальника округа и въ составѣ — священника, 3 ротмистровъ (начальниковъ волостей) и 2 ежегодно избираемыхъ оберъ-офицеровъ. Каждый полковой округъ дѣлился, въ административномъ отношеніи, на 3 волости, по числу поселенныхъ эскадроновъ. Въ волости были — начальникъ-ротмистръ, поручикъ, 2 корнета и нѣсколько унтеръ-офицеровъ, которые были непосредственно подчинены комитету. Этому начальству подчинялись всѣ жители поселеній не воинскаго званія и все управленіе поселеній.

Кромѣ того, въ каждой волости были еще волостные комитеты изъ 3 выборныхъ домохозяевъ, въ томъ числѣ не менѣе одного унтеръ-офицера. Они выбирались ежегодно рѣшали мелкіе вопросы по сельскому хозяйству и разбирали ссоры между хозяевами и постояльцами.

Затѣмъ, въ каждой волости имѣлся волостной судъ въ составѣ начальника волости, 1 поручика, 1 вахмистра, 1 священника и 6 выборныхъ поселенцевъ (изъ нихъ 3 запасныхъ).

Въ полку — полковой или окружной судъ изъ начальника округа, 4 ротмистровъ, 2 оберъ-офицеровъ, священника и аудитора. Въ обоихъ учрежденіяхъ вопросы рѣшались, въ обѣихъ инстанціяхъ, большинствомъ голосовъ. 1 декабря 1826 г. былъ изданъ для военныхъ поселеній подробный уставъ.

Иррегулярная конница имѣла слѣдующій составъ: 6 казачьихъ войскъ: Донское—80 полковъ, Астраханское—3 полка, Уральское—12 полковъ,—всѣ по 578 чел., Черноморское—10 полковъ, Сибирское линейное—10 полковъ по 552 чел. и 4 сотни въ 425 чел., Сибирское городовое—1 полкъ въ 682 чел. и 5 полковъ по 571 чел., Кавказскіе линейные казаки—6 полковъ по 2.000—4.000 чел. и 4 команды, 1 Оренбургскій казачій полкъ, 2 тептярскихъ полка по 500 человѣкъ, 2 ногайскихъ полка по 518 чел. Всего 136 казачьихъ полковъ и командъ и около 100.000 всадниковъ. Кромѣ того: ставропольскіе и другіе калмыки, мещеряки, башкиры, тунгузы (1 полкъ), буряты (5 полковъ) и т. д.

Что касается до соединенія конныхъ частей въ высшія тактическія единицы, то слѣдуетъ сказать, что сначала части эти были распредѣлены по всѣмъ 14 инспекціямъ, на которыя дѣлилось все войско, кромѣ гвардіи, и только одна 1-я (финляндская) инспекція не имѣла конницы. Тоже продолжалось и по замѣнѣ въ 1806 г. 11 инспекцій 13 дивизіями, а также и впослѣдствіи, когда было сформировано изъ прежнихъ и вновь сформированныхъ частей 25 дивизій, смѣшаннаго состава: 12—27 батальоновъ, 42—120 орудій и 10—29 эскадроновъ (большею частью 10 и 20).

Въ 1810 году были организованы особыя конныя дивизіи и бригады, а именно: 2 кирасирскія дивизіи, по 2 бригады въ 2 полка каждая, и 2 смѣшанныя дивизіи, первая въ 5 бригадъ (съ 1-й по 5-ю) изъ 4 легкихъ гвардейскихъ, 7 драгунскихъ, 2 гусарскихъ и 1 уланскаго полковъ, и вторая въ 3 бригады (съ 6-й по 8-ю) изъ 6 драгунскихъ, 3 гусарскихъ и 1 уланскаго полковъ. Независимо отъ этого соединенія, имѣвшаго характеръ скорѣе техническій, чѣмъ тактическій, тяжелые полки (кирасиры и драгуны) были приданы къ вновь сформированнымъ послѣ 1806 г. 5 корпусамъ, въ 2—3 дивизіи каждый, а легкіе состояли при дивизіяхъ. Состоявшіе въ Молдавской арміи и расположенные въ Грузіи и на Кавказѣ 23 конныхъ полка были также приданы попрежнему къ пѣхотнымъ дивизіямъ Оставленные на мѣстѣ при выступленіи въ походъ запасные эскадроны были сведены въ запасныя бригады.

Въ 1811 г. вся регулярная конница была раздѣлена на 9 дивизій и 27 бригадъ.

1-я и 2-я кирасирскія дивизіи по 2 бригады (гвардейская 1-я, 2-я и 3-я), въ 2 и 3 полка, слѣд. по 5 кирасирскихъ полковъ въ каждой.

1-я кавалерійская дивизія—5 бригадъ (1-я до 5), по 2 полка, изъ 4 легкихъ гвардейскихъ, 4 драгунскихъ, 1 гусарскаго и 1 уланскаго полковъ.

2-я до 7 кавалерійской дивизіи по 3 бригады (6-я до 23), въ 2 полка каждая, изъ 4 драгунскихъ и 2 гусарскихъ или уланскихъ полковъ (14 бригада—3 легкіе полка), 24-я—27 бригады, не сведенныя въ дивизіи, по 2—3 полка, всего 8 драгунскихъ и 1 гусарскій полкъ. Запасные

эскадроны были сведены для каждой кирасирской дивизіи въ 1, для кавалерійскихъ дивизій въ 2 запасныя бригады, изъ 4—5 эскадроновъ.

Въ 1812 году конница была организована въ 1 гвардейскую, 2 кирасирскихъ (1-я и 2-я) и 8 кавалерійскихъ (1-я—8-й) дивизій, къ нимъ впослѣдствіи было прибавлено еще 8 (9-я—16-й), изъ которыхъ первыя четыре были составлены изъ 23, 14, 16 и 16 запасныхъ эскадроновъ, а прочія четыре изъ 24, 10, 8 и 16 резервныхъ эскадроновъ рекрутскихъ депо. Нѣсколько времени спустя, когда всѣ стянутыя на западной границѣ войска были раздѣлены на корпуса и арміи, конница, отдавъ каждому корпусу отъ 1—5 полковъ, была сведена въ 5 корпусовъ (которые, однако, были по составу слабѣе прежнихъ дивизій), а именно:

I-й	резервн.	корп.	3	гвардейскихъ	и 2	драгунскихъ	полка	20	эскадрон.
II-й	„	„	4	драгунскихъ	1	уланскаго	„	24	„
III-й	„	„	4	„	1	гусарскаго	„	24	„
IV-й	„	„	4	„	1	уланскаго	„	24	„

Резервный корпусъ графа Ламберта—7 драгунскихъ и 1 уланскаго полка, 36 эскадроновъ.

При каждомъ корпусѣ состояла конноартиллерійская рота. 6-я и 7-я кавалерійская дивизіи входили въ составъ Дунайской арміи.

Всѣ, не входившіе въ составъ конныхъ корпусовъ и не приданные пѣхотнымъ дивизіямъ, полки были разбросаны по различнымъ пунктамъ страны. Иррегулярные полки были также частью сведены въ корпуса: летучій корпусъ атамана Платова, при 1-й западной арміи, состоялъ изъ 8 донскихъ, 2 бугскихъ, 2 татарскихъ, 1 башкирскаго и 1 калмыцкаго полковъ; при 2 западной и 3 резервной обсерваціонной арміяхъ было по 9 казачьихъ полковъ, при Дунайской—10 донскихъ, 2 уральскихъ и 2 оренбургскихъ казачьихъ полка. Впрочемъ это распредѣленіе часто мѣнялось во время хода военныхъ операцій.

При реорганизаціи конницы въ концѣ 1812 года она была раздѣлена на 16 дивизій: 1 гвардейская, 3 кирасирскихъ, 4 драгунскихъ, 2 конноегерскихъ, 3 гусарскихъ и 3 уланскихъ; въ первой были всѣ гвардейскіе полки, за исключеніемъ кирасиръ, составлявшихъ 1-ю бригаду 1-й кирасирской дивизіи, всѣ прочія дивизіи состояли изъ 2 бригадъ по 2 полка; оба кавказскіе драгунскіе полка не принадлежали ни къ какой дивизіи.

Въ 1813 г. при организаціи резервной арміи, входившая въ ея составъ кавалерія составила 2 кавалерійскихъ корпуса, образованныхъ изъ запасныхъ эскадроновъ; 1-й изъ кирасирскихъ, уланскихъ и конноегерскихъ (всего 32), 2-й изъ гвардейскихъ, драгунскихъ и гусарскихъ (всего 31). Позднѣе они были переформированы въ 3 корпуса,—1-й изъ гвардейскихъ и кирасирскихъ резервныхъ эскадроновъ, 2-й изъ драгунскихъ и конноегерскихъ, 3-й изъ гусарскихъ и уланскихъ.

Въ 1814 году, по возвращеніи изъ Франціи, армія была раздѣлена на гвардію, 1 гренадерскій и 8 пѣхотныхъ корпусовъ; конница сохранила раздѣленіе на 16 дивизій, изъ которыхъ легкая гвардейская состояла при гвардіи; 4 драгунскихъ и 3 гусарскихъ по порядку при II, V, III, VIII, I, VI и IV корпусахъ, остальныя были сведены по двѣ въ 4 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса: первые три — каждый изъ 1 кирасирской и 1 уланской дивизій одинаковаго нумера, четвертый изъ 1 и 2 конноегерскихъ дивизій; 4 украинскихъ казачьихъ полка были также сведены въ дивизію, которая впослѣдствіи, съ 1816 года была обращена въ уланскую и придана VI корпусу. Вообще въ распредѣленіи кавалерійскихъ дивизій по пѣхотнымъ корпусамъ происходили очень частыя перемѣны.

Въ 1815 г. 1-я кирасирская дивизія получила 3, прочія кирасирскія, всѣ уланскія и конноегерскія дивизіи по 2 конно-артиллерійскія роты; драгунскія, гусарскія и украинскія казачьи дивизіи по 2 конноартиллерійскихъ и по 1 понтонной ротѣ.

Въ 1817 г. послѣдовало новое раздѣленіе арміи; въ конницѣ: 2 драгунскія (3-я и 4-я), 3 гусарскія и украинская уланская дивизіи были приданы VII, IV, I, III, II и VI корпусамъ, а вся прочая конница сведена въ 5 резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ: три — каждый изъ 1 кирасирской и 1 уланской дивизій, два — каждый изъ 1 драгунской и 1 конноегерской дивизіи. Въ томъ же году прибавилась еще одна (бугская) уланская дивизія.

Въ 1818 г. 2-я уланская дивизія была названа литовской и придана корпусу того же имени (въ Польшѣ), 3-я уланская названа 2-й, украинская 3-й уланской, и обѣ онѣ поступили въ составъ II и III резервныхъ корпусовъ, бугская же уланская дивизія замѣстила украинскую при VI корпусѣ.

Въ 1819 г. всѣ конныя дивизіи получили по конноартиллерійской бригадѣ изъ 2 ротъ, за исключеніемъ бугской, при которой состояла 1 донская казачья конноартиллерійская рота.

Ко времени кончины Александра I русская конница имѣла слѣдующую организацію:

I	резервный	кавалерійскій	корпусъ	1-я кирасирская	и	1-я уланская див.
II	"	"	"	2-я "		4-я драгунск. "
III	"	"	"	3-я "		3-я уланская "
IV	"	"	"	1-я драгунская		1-я конноег. "
V	"	"	"	2-я "		2-я " "

При пѣхотныхъ корпусахъ состояли дивизіи: легкая гвардейская при гвардіи; 3-я драгунская при VII; 1-я, 2-я и 3-я гусарскія при I, II и III; гвардейская бригада и литовская уланская дивизіи при отдѣльномъ Литовскомъ; 2-я и бугская уланская дивизіи при отдѣльномъ корпусѣ военныхъ поселеній; 1 драгунскій полкъ при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ.

Каждая дивизія состояла изъ 2 бригадъ въ 2 полка, 2-я бригада легкой гвардейской кавалерійской дивизіи и гвардейская бригада при Литовскомъ корпусѣ изъ 3 полковъ.

Сверхъ того, въ польской національной арміи была 1 конноегерская и 1 уланская дивизіи, по 2 бригады въ 2 полка; гвардейскій конноегерскій полкъ состоялъ при гвардейской дивизіи этой арміи.

Въ обмундированіи, снаряженіи и вооруженіи русская армія слѣдовала образцу западно-европейскихъ армій, преимущественно прусской. Первымъ измѣненіемъ было (1801 г.) уничтоженіе локоновъ и укороченіе косы. Въ 1802 г. были изданы новыя правила объ одеждѣ, которыми прежніе длинные кафтаны замѣнялись мундирными фраками съ 2 рядами пуговицъ, съ высокимъ стоячимъ воротникомъ, круглыми обшлагами и погономъ на лѣвомъ плечѣ; рейтузы у кирасъ — кожаные, у драгунъ и гусаръ суконные узкіе, бѣлаго цвѣта; для обыкновенной службы и похода служили сѣрые суконные рейтузы, обшитые кожей. Кирасиры имѣли высокіе сапоги, прочіе кавалеристы — короткіе. Плащи были изъ темносѣраго или свѣтлосѣраго сукна съ воротниками и погонами, какъ на мундирахъ; затѣмъ черные суконные галстухи, довольно высокія шляпы съ кокардой, разноцвѣтными кисточками и бѣлымъ султаномъ, у гусаръ — высокія войлочныя шапки съ языками, шнурами и султаномъ. Основной цвѣтъ мундировъ былъ: у кирасиръ — бѣлый, у драгунъ — свѣтлозеленый (съ 1807 г. темнозеленый) съ разноцвѣтнымъ прикладомъ и желтыми или бѣлыми пуговицами, у пикинеръ — синій съ краснымъ, у гусаръ — въ каждомъ полку свой. Кирасиры были вооружены палашами, карабинами и пистолетами; драгуны — саблями, ружьями со штыками и пистолетами; гусары — саблями, карабинами и пистолетами; пикинеры — саблями и пистолетами, а передняя шеренга — еще и пиками. Кирасы, отмѣненныя въ 1801 г., были опять введены въ 1812 г.

Въ 1803 г. уланы получили по 16 винтовокъ на эскадронъ, прочая конница новый головной уборъ, а именно: кирасиры и драгуны — каски съ волосянымъ гребнемъ, гусары — кивера.

Въ 1806 г. вездѣ, за исключеніемъ гвардіи и гусаръ, были отмѣнены парики, а у гусаръ кромѣ того косы и локоны; драгуны получили сапоги до колѣнъ и палаши новаго образца, всѣ рядовые уланскихъ полковъ — пики.

Въ 1807 г. гусары и въ 1808 г. уланы получили новую форму одежды, а именно: у гусаръ отмѣнены, какъ основные цвѣта, бѣлый и желтый, уланы получили голубыя куртки и штаны, разноцвѣтные воротники, отвороты, канты и шапки.

Въ 1809 г. уничтожена пудра, драгуны получили болѣе короткіе мундиры, гусары разноцвѣтные брюки и новаго образца кивера. Сформированный въ этомъ году учебный эскадронъ былъ снаряженъ и вооруженъ совершенно по драгунскому образцу.

*

Въ 1812 г. вновь введены кирасы, и временно отобраны у всей конницы карабины и ружья для вооруженія ими ополченія, — осталось только у кирасиръ и уланъ по 12 ружей, у гусаръ по 12 мушкетоновъ на эскадронъ, у драгунъ только пистолеты. Сформированные въ концѣ года конноегерскіе полки получили темнозеленые мундиры съ воротникомъ того же цвѣта, разноцвѣтными выпушками, обшлагами съ мыскомъ, погонами и бѣлыми пуговицами, темнозеленые рейтузы съ кантомъ полковаго цвѣта, кивера гусарскаго образца съ зеленымъ помпономъ и бѣлымъ султаномъ; оружіе — сабли и карабины.

Въ 1814 г. кирасирскимъ колетамъ данъ новый покрой съ однимъ рядомъ пуговицъ, распространенный впослѣдствіи и на всю армію. Сѣрыя рейтузы съ пуговицами замѣнены того же цвѣта брюками съ широкимъ кантомъ по цвѣту воротника, полки получили опять карабины и по 16 винтовокъ на эскадронъ. Драгунамъ, у которыхъ эти перемѣны введены въ 1817 г., одновременно даны, вмѣсто касокъ, кивера, гарусные эполеты и перчатки безъ крагъ. Обмундированіе жандармъ состояло по постановленіямъ 1815, 1816 и 1817 гг., изъ голубыхъ мундировъ, съ того же цвѣта воротникомъ, обшлагами и подкладкой, съ краснымъ (у полицейскихъ жандармовъ желтымъ) кантомъ и бѣлыми пуговицами, сѣрыхъ штановъ, касокъ и перчатокъ съ крагами. Вооружены они были палашами, ружьями со штыками и пистолетами.

Въ 1818 г. конноегерямъ даны вмѣсто карабиновъ ружья со штыками, гусарамъ безъ штыковъ.

Въ 1815 и 1816 гг. въ кирасирскіе и драгунскіе полки было запрещено принимать лошадей свѣтлыхъ мастей, за исключеніемъ трубачей, у которыхъ должны были быть бѣлыя лошади. Въ 1821 г. было постановлено для кирасиръ, а въ 1825 г. для конноегерей, что полки должны быть на одномастныхъ лошадяхъ: вороныхъ, караковыхъ, гнѣдыхъ и рыжихъ.

У казаковъ также было введено извѣстное однообразіе въ одеждѣ: въ 1801 г. для донскихъ — темнозеленые мундиры съ краснымъ, въ 1803 г. для оренбургскихъ — синіе съ краснымъ, для бугскихъ — синіе съ бѣлымъ и т. д. Вооружены они были пиками, саблями, пистолетами, а большая часть и карабинами.

Ополченіе 1812 г. носило широкіе сѣрые кафтаны и штаны крестьянскаго сукна, широкіе пояса и шапки съ бронзовымъ крестомъ; вооруженіе состояло преимущественно изъ пикъ, имѣлись также сабли, а у нѣкоторыхъ полковъ и пистолеты.

Относительно обученія и образованія вначалѣ не было опредѣленныхъ правилъ и тѣмъ болѣе устава. Только въ 1816 г. вышелъ уставъ эскадроннаго ученія, въ 1819 г. — полковаго. Одновременно была издана небольшая брошюра, подъ заглавіемъ: „Школа кавалериста", въ которой

говорилось о посадкѣ и нѣкоторыхъ упражненіяхъ на выѣзженныхъ лошадяхъ. Новый кавалерійскій уставъ вышелъ въ 1823 г.

Вслѣдствіе неимѣнія таковаго, офицеры армейскихъ полковъ посылались въ Петербургъ для ознакомленія со службой.

Строй былъ двухшереножный, сила взводовъ до 1812 г. 16 рядовъ, послѣ 20; фланговые ряды во взводахъ назывались карабинерами и предназначались для фланкированія, для чего, впрочемъ, легкая конница употребляла и цѣлые взводы, причемъ 1/3 оставалась въ сомкнутомъ строю, а 2/3 разсыпались. Атаки были сомкнутыя и разсыпныя, послѣднія преимущественно для преслѣдованія, причемъ 3—4 ряда, а въ штандартныхъ эскадронахъ 6—8, оставались сомкнутыми. Походныя движенія производились до 1812 г. въ колоннахъ по 4, впослѣдствіи — по 6, по 3, рядами и по одному. Для встрѣчи эскадронъ строился во взводную, полкъ въ сомкнутую эскадронную или полуэскадронную колонну, во взводныхъ же колоннахъ располагалась иногда и 2-я линія. Атаки колоннами, какъ дѣлали французы, не производили. Нѣсколько полковъ въ боевомъ порядкѣ строились въ двѣ или три линіи, въ шахматномъ построеніи, эскадроны каждой линіи развернутымъ строемъ, на полныхъ интервалахъ, иногда эскадроны первой линіи строились на взводныхъ интервалахъ и тогда эскадроны 2-й стояли развернутыми или во взводныхъ колоннахъ. Иррегулярная конница дѣйствовала, какъ и прежде лавой — иногда клиномъ, причемъ доброконные всадники становились въ хвостѣ, чтобы въ минуту удара вынестись впередъ и охватить противника съ фланговъ и тыла.

О порядкѣ службы вообще и верховой ѣздѣ въ частности есть нѣсколько любопытныхъ указаній у позднѣйшихъ заслуженныхъ кавалерійскихъ генераловъ — графа Остенъ-Сакена и Броневскаго. До 1812 г. конные полки выступали ежегодно къ 1 мая въ лагерь на 6 недѣль. Въ тоже время пригонялись ремонты въ табунахъ, только гвардейскіе и кирасирскіе полки получали заводскихъ лошадей. Кто изъ эскадронныхъ командировъ раньше другихъ поставитъ молодыхъ лошадей въ строй, считался молодцомъ. Выѣздка производилась слѣдующимъ образомъ: когда лошадь оказывалась дикой, то ее бросали на землю, наваливали на нее мѣшки съ пескомъ до 5 — 6 пуд. вѣсомъ, надѣвали капцунъ и гоняли на кордѣ до полнаго изнеможенія. По прошествіи двухъ дней, повторяли тоже самое, но уже подъ сѣдломъ. Затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, какой нибудь смѣлый и сильный ѣздокъ, вооруженный нагайкой, внезапно вскакивалъ на нее и гналъ ее полнымъ ходомъ, около полумили, по большому кругу до совершеннаго ея утомленія, потомъ онъ, понемногу уменьшая круги, переходилъ въ рысь, въ шагъ, приближаясь понемногу къ конюшнѣ, гдѣ и слѣзалъ съ дрожавшей всѣми членами лошади. Если нужно было, то таже процедура повторялась еще и на слѣдующій день, и этимъ выѣздка кончалась. Очевидно, при этомъ многія лошади сильно страдали, а нѣкоторыя

и совсѣмъ погибали. Вообще выѣздка лошадей была такъ плоха, что ни одно ученье не обходилось безъ паденій и несчастій. Кромѣ того, уходъ за лошадьми былъ самый нераціональный: зимой, въ наиболѣе удобное время для работы лошади, люди отдыхали и самое частое ѣздили два раза въ недѣлю на сѣдлахъ или на попонкахъ до легкаго пота, а все прочее время лошади стояли и наѣдали жиръ. Весною онѣ выгонялись на 6 недѣль на пастбище, гдѣ становились вновь настолько дикими, что требовалось опять пріучать ихъ къ людямъ и т. д.

Только въ 1816 г. была введена манежная ѣзда, но такъ какъ не было людей ее понимающихъ и опытныхъ, то она отражалась очень вредно на конскомъ составѣ, такъ что большая часть конницы сидѣла на лошадяхъ испорченныхъ. Понемногу, однако, дѣло стало улучшаться, сначала выучились употребленію развязки, корды и бича, привлекая спеціалистовъ изъ цирка, затѣмъ стали дѣлать манежи, огороженные тростникомъ и съ дорожкой изъ навоза и уже въ 1817 г. были сдѣланы попытки къ выѣздкѣ молодыхъ лошадей по правиламъ манежной ѣзды. Очевидно, сначала при этомъ натолкнулись на значительныя затрудненія, благодаря сорту дикихъ степныхъ лошадей, однако, въ теченіе зимы удалось все-таки приручить большинство лошадей и заставить ихъ повиноваться всаднику на шагу и на рыси. Большаго тогда не требовали. Въ томъ же 1817 году дѣло было взято въ руки правительствомъ. Были основаны особыя школы ѣзды для конныхъ полковъ въ Петербургѣ и Варшавѣ, куда по очереди посылалось отъ каждой дивизіи по 1 штабъ-офицеру, отъ каждаго полка по 1 оберъ-офицеру и 2 унтеръ-офицера, которые возвращались затѣмъ, по окончаніи курса, въ свои части. При штабъ-квартирахъ нѣкоторыхъ кавалерійскихъ корпусовъ были устроены особые учебные эскадроны для однообразнаго обученія людей и лошадей. Это дало толчокъ дѣлу, стали заниматься галопомъ и боковыми движеніями и потомъ, съ возвращеніемъ людей въ части, начали проходить и тамъ. Къ 1819 г. дошли до того, что нѣкоторыя части могли показать на смотрахъ правильные аллюры и посадки и производить движенія съ совершенной точностью, и паденія стали рѣже, несмотря на строгія требованія въ чистотѣ и быстротѣ исполненія. Недостаткомъ тогдашняго обученія была любовь къ короткому галопу и собранной рыси, до такой степени, что шедшая этими аллюрами конница отставала отъ идущей шагомъ пѣхоты. При выѣздкѣ свободныя движенія не вырабатывались и лошади скоро разбивались. Императоръ Николай уничтожилъ это, показавъ на первыхъ же смотрахъ всю нецѣлесообразность подобныхъ аллюровъ. Дальнѣйшими неправильными взглядами, установившимися въ конницѣ, были: стремленіе имѣть жирныхъ лошадей, движеніе на походѣ непремѣнно шагомъ, оставленіе лошадей подъ сѣдломъ, послѣ движенія, въ теченіе очень продолжительнаго времени; посадка, правда, красивая, но для молодыхъ солдатъ

весьма затруднительная. Она была заведена Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, который требовалъ, напримѣръ, чтобы плечо, колѣно и носокъ всадника находились на одной отвѣсной линіи. Рекрутъ начинали обучать на попонѣ съ прутьями подъ мышками и колѣнями и такимъ образомъ гоняли съ перваго же дня рысью на кордѣ; когда всадникъ терялъ равновѣсіе, аллюръ тотчасъ усиливали. Съ другой стороны, тогдашняя система имѣла и свои хорошія стороны. Кавалеристы были отличными, смѣлыми ѣздоками, обращеніе съ людьми было отличное, люди свыкались со своими лошадьми, такъ какъ лошадь обыкновенно назначалась солдату та же самая, которую онъ выѣзжалъ, не мѣняя коней постоянно изъ-за стремленія къ тонкой ранжировкѣ. Однимъ словомъ, нельзя не сказать, что русская конница ко времени кончины Императора Александра I значительно подвинулась впередъ въ отношеніи служебномъ и тактическомъ и въ смыслѣ ѣзды.

XXVII. Казаки, ихъ значеніе и дѣятельность, преимущественно въ кампаніяхъ 1812, 13 и 14 гг.

Когда говорятъ о казакахъ и ихъ дѣятельности въ 1812, 13 и 14 гг. то подъ этимъ подразумѣваются обыкновенно всѣ иррегулярныя части, между тѣмъ далеко не всѣ иррегулярныя войска казачьи, а между этими были полки совершенно регулярнаго устройства. Большинство же иррегулярныхъ частей были части, которыя обыкновенно смѣшиваютъ съ казаками, тогда какъ онѣ по вооруженію, свойствамъ и достоинствамъ соотвѣтствовали современнымъ запаснымъ частямъ. Такого же характера были и нѣкоторыя казачьи части. Наконецъ, въ 1812 г. было еще народное ополченіе, часть котораго, напр., въ Малороссіи, тоже называли казаками. Это смѣшеніе двухъ разныхъ понятій и объясняетъ то различіе въ мнѣніяхъ, которое существуетъ о казакахъ, — одни превозносятъ ихъ до небесъ, другіе считаютъ никуда негодными. Къ первымъ должны быть отнесены тѣ, кто считаетъ, что казаки были главными виновниками неудачи Наполеона въ 1812 г. Они, дѣйствительно причинили ему много вреда, взяли, по довольно вѣрному разсчету, около 90.000 плѣнныхъ и 300 орудій [1]), но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что они очень часто пожинали тамъ, гдѣ не сѣяли, и что значеніе ихъ началось именно въ то время, когда противникъ имъ могъ противупоставить очень мало (1812 г.) или ничего даже (1813 г.).

При этомъ нельзя не обратить вниманія на то, до сихъ поръ мало замѣченное, обстоятельство, что въ 1813 г. дѣятельность казаковъ въ партизанской войнѣ, споспѣшествуемая многими вольными отрядами,

---

[1]) Benkendorff. Ueber die Kosaken und ihren Nutzen im Kriege.

поддержанная регулярными частями и мѣстными жителями, достигла высокой степени, съ переходомъ же черезъ французскую границу въ 1814 г. она уже далеко не оказалась столь блестящей, хотя казалось бы, что превосходство союзниковъ въ силахъ, особенно въ конницѣ и притомъ легкой, должно бы было содѣйствовать полному ея развитію.

XXVIII. Русская конница при Николаѣ I (1825—1855) [1].

Дѣятельность Императора Николая по отношенію къ конницѣ выражается, прежде всего, въ возстановленіи драгунъ, въ смыслѣ рода конницы, дѣйствующаго одинаково, какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ, въ уничтоженіи конныхъ егерей, которые однако, въ сущности, были основаны на томъ же принципѣ, затѣмъ, въ дальнѣйшемъ развитіи военныхъ поселеній и кантонистовъ и наконецъ въ упорядоченіи резервныхъ запасныхъ частей. Вообще русская армія за его 30-ти-лѣтнее царствованіе сдѣлала огромные шаги впередъ. Европейскія формы, которыя до него казались какъ бы только наружно приклеенными, вошли при немъ въ плоть и кровь русской арміи, и если борьба, разыгравшаяся въ послѣдніе годы его царствованія, противъ четырехъ державъ, и не окончилась успѣшно, то самая продолжительность ея и въ сущности незначительный для союзниковъ результатъ доказываютъ качества и значеніе мѣропріятій этого незабвеннаго государя, который жилъ только для своей страны и для своей арміи.

Одной изъ первыхъ мѣръ Николая I было сформированіе въ Петербургѣ (въ 1826 г.) образцоваго кавалерійскаго полка для введенія во всей конницѣ однообразія въ строевомъ обученіи, въ обмундированіи, въ пригонкѣ и приготовленіи снаряженія людскаго и конскаго и въ ковкѣ, а равно и для подготовки учителей по всѣмъ этимъ отраслямъ.

Въ декабрѣ полкъ былъ сформированъ изъ командированныхъ отъ полковъ людей въ составѣ 1/2 эскадрона кирасиръ и эскадроновъ драгунскаго, уланскаго и своднаго гусарскаго и конноегерскаго, по 20 рядовъ во взводахъ, и съ постояннымъ кадромъ въ 199 чел. Незначительная

[1]) Bismark Graf v. Die Kaiserl. Russ. Kriegsmacht i. J. 1835 u. meine Reise nach St. Petersburg. Carlsruhe 1836.—Corréard, Annuaire des armées de terre et de mer pour l'année 1836. Paris 1836.—Decker, C. v. Die Truppen-Versammlung bei Kalisch im Sommer 1835. Königsberg 1835. — Haxthausen, Frhr. A. v. Die Kriegsmacht Russl. in ihrer histor., statist., ethnograph. u. polit. Beziehung. Berlin 1852.—Hirtenfeld. Allgem. Milit. Handbuch, Organis. der europ. Heere in Bezug auf Etat, Eintheilung, Dislocat, Bewaffn., Ausrüst., Uniformirung. Wien 1854. — Die Kaiserl. Russ. Armee am 1. Jan. 1854. (Metallographie).— Die grosse Revue bei Kalisch während der Anwesenheit S. Maj. des Königs vom 11—22. Sept. 1835.—Olberg, E. v. Die Herbstübung der Kaiserl. Russ. Cavall. u. reitende Artill. bei Wosnessensk im J. 1837. Berlin 1839. — Organisation der Kaiserl. Russ. (u. mehr. anderer) Armeen. Zu den Vorträgen i. d. Taktik a. d. Königl. Preuss. Allgem. Kriegsschule bestimmt. Berlin 1853. — Schneider, L. Kalisch im Septemb. d. J. 1835. Berlin 1835. — Tansky, Tableau statist. polit. et moral du Système milit. de la Russie. Paris 1833. и др.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ДРАГУНЪ 1826 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ НИКОЛАѢ I).

часть лошадей (6) была передана изъ берейторской школы, большая же часть (392 лошади) изъ полковъ гвардейскихъ и 1-й кирасирской дивизіи. Въ томъ же году 4 драгунскіе полка были переименованы въ гусарскіе.

Въ 1827 г. при поселенныхъ 4 кирасирскихъ и 8 уланскихъ полкахъ были сформированы резервные эскадроны изъ старослужащихъ и кантонистовъ и въ то же время изданы штаты для этихъ полковъ. Они должны были состоять изъ 6 дѣйствующихъ, 3 резервныхъ и 3 поселенныхъ эскадроновъ, первые по $16^1/_2$ рядовъ во взводахъ, 151 конныхъ и 49 пѣшихъ людей, всего 907 строевыхъ лошадей въ полку, вторые по 13 рядовъ, 119 конныхъ и 42 пѣшихъ людей. Всего въ полку—1.264 строевыхъ лошадей[1]). Затѣмъ, въ томъ же году былъ сформированъ лейбъ-гвардіи Крымскій татарскій эскадронъ въ 268 чел., изъ которыхъ на службѣ находилась $^1/_3$, и 4 драгунскіе полка переформированы въ уланскіе.

Такимъ образомъ, къ концу 1827 г. регулярная конница имѣла слѣдующій составъ:

Гвардія: 4 кирасирскихъ, 1 драгунскій, 2 гусарскихъ, 2 уланскихъ и 1 конноегерскій полки (кромѣ того, 1 казачій полкъ, 1 казачій и 1 татарскій эскадроны и 1 сотня); изъ нихъ: 1 кирасирскій, 1 гусарскій 1 уланскій въ Варшавѣ.

Армія — 9 кирасирскихъ, 9 драгунскихъ, 16 гусарскихъ, 24 уланскихъ и 8 конноегерскихъ полковъ, въ томъ числѣ 8 кирасирскихъ и 12 уланскихъ поселенныхъ.

Всего (не считая гвардейскихъ казачьихъ частей) — 76 полковъ, 619 эскадроновъ, 7 пѣшихъ резервныхъ частей и 86.108 строевыхъ лошадей; изъ нихъ 450 эскадроновъ съ 71.221 лошадью дѣйствующихъ, 60 резервныхъ, 49 запасныхъ, 60 поселенныхъ эскадроновъ и 7 пѣшихъ резервныхъ частей съ 14.887 лошадьми.

Кромѣ того: жандармовъ — гвардейскій полуэскадронъ и 7-ми эскадронный полкъ, образцовый полкъ въ $3^1/_2$ эскадрона и учебный эскадронъ.

Въ 1828 г. были сформированы: взводъ горцевъ изъ кавказскихъ жителей для Собственнаго Его Величества Конвоя, учебный эскадронъ[2]) изъ кантонистовъ для подготовки унтеръ-офицеровъ и трубачей и 4 поселенныхъ кирасирскихъ полка, организованныхъ по образцу прочихъ подобныхъ полковъ.

Въ 1829 г. Образцовый кавалерійскій полкъ въ Павловскѣ получилъ новый штатъ: 4 эскадрона, 209 чел. постояннаго и 465 чел. и лошадей перемѣннаго состава. Затѣмъ, вслѣдствіе большихъ потерь, понесенныхъ

[1]) Поселенные эскадроны не имѣли лошадей. Въ нихъ во всѣхъ (60) было 38 860 поселенцевъ. Съ 1832 г. они уже не входятъ въ составъ полковъ въ тактическомъ смыслѣ.

[2]) Прежній, существовавшій въ 1809 г. учебный эскадронъ уже болѣе не упоминается.

въ турецкую войну 1828—29 г.[1]) послѣдовало сокращеніе состава всѣхъ армейскихъ полковъ, кромѣ причисленнаго къ гвардіи Лейбъ-Кирасирскаго Ея Величества полка, какъ въ смыслѣ уменьшенія числа рядовъ во взводахъ въ дѣйствующемъ эскадронѣ, такъ и въ смыслѣ уничтоженія лошадей въ резервныхъ и запасныхъ эскадронахъ. Въ поселенныхъ полкахъ только 5-й и 6-й эскадроны, расположенные въ поселеніяхъ, имѣли по 20 рядовъ во взводахъ и по 207 чел. съ 179 лошадьми въ эскадронѣ, а прочіе 4 дѣйствующіе эскадрона по 14 рядовъ во взводахъ и по 208 чел. съ 129 лошадьми въ эскадронѣ, всего въ полку—1.254 чел. и 1.075 строевыхъ лошадей, кромѣ того: 3 резервныхъ эскадрона прежней силы, но безъ лошадей, и 3 поселенныхъ эскадрона. Непоселенные полки имѣли по 15 рядовъ во взводахъ и по 193 чел. съ 136 лошадьми въ эскадронѣ и, вмѣсто прежняго 7 запаснаго эскадрона, пѣшій резервъ въ 192 чел., всего въ полку — 1.394 чел. и 817 строевыхъ лош. Гвардейскіе полки и Лейбъ-Кирасирскій Ея Величества полкъ остались въ прежнемъ составѣ. Всего въ регулярной конницѣ, кромѣ гвардейскихъ казачьихъ частей, было 76 полковъ, 578 эскадроновъ, 48 пѣшихъ резервовъ и 68.755 строевыхъ лошадей; изъ нихъ 450 дѣйствующихъ эскадроновъ въ 67.594 лошади, 8 запасныхъ, 60 резервныхъ и 60 поселенныхъ эскадроновъ, и 48 пѣшихъ резервныхъ съ 1.176 лошадьми въ первыхъ восьми. Кромѣ того: жандармы, образцовый полкъ въ 4 эскадрона и учебный эскадронъ.

Въ 1830 г. уральская гвардейская сотня была переименована въ эскадронъ, взводъ горцевъ конвоя усиленъ до полуэскадрона и изъ Атаманскаго полка, причисленнаго въ 1829 г. къ гвардіи, вызвана 1 сотня въ Петербургъ.

Въ 1831 г., послѣ подавленія польскаго возстанія, польская армія уже больше не была возстановлена. Лейбъ-гвардіи драгунскій полкъ, за отличія, оказанныя въ польскую кампанію, переименованъ въ лейбъ-гвардіи конногренадерскій. Постановлено, чтобы отъ лейбъ-гвардіи Казачьяго и Атаманскаго полковъ состояло на службѣ по 2 эскадрона.

Въ 1832 г. военныя поселенія на югѣ получили новую организацію, по которой поселенные эскадроны всѣхъ 20 поселенныхъ полковъ были отъ нихъ отдѣлены и подчинены, вмѣстѣ съ округами, особому управленію, командиръ же полка имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи 6 дѣйствующихъ и 3 резервныхъ эскадрона. Затѣмъ, были изданы новые штаты для гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, по которымъ оставался прежній составъ въ 6 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, но число рядовъ во взводахъ въ дѣйствующихъ эскадронахъ уменьшено до 13, въ резервныхъ до 14; сила дѣйствующихъ эскадроновъ — 153 чел. и 123 лошади, въ резервномъ эскадронѣ—190 чел. и 130 лошадей, всего въ полку—1.160 чел.

[1]) Въ 1-й конноегерской дивизіи, понесшей, правда, наибольшія потери, погибло болѣе $^2/_3$ всѣхъ лошадей.

НИЖЕГОРОДСКІЙ ДРАГУНЪ 40-ХЪ ГОДОВЪ
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ НИКОЛАѢ I).

и 869 строевыхъ лошадей. Кавалергардскій и лейбъ-гвардіи Конный полки имѣли по хору музыкантовъ въ 43 чел. Крымскій татарскій эскадронъ былъ приданъ лейбъ-гвардіи Казачьему, Уральская сотня къ Атаманскому полку. Къ конвою придана команда кавказскихъ линейныхъ казаковъ въ 33 чел.

Въ 1833 г. армейская конница была совершенно реорганизована. Опытъ польской кампаніи показалъ всю слабость полковъ въ 6 дѣйствующихъ эскадроновъ, по 15 рядовъ во взводахъ, безъ конныхъ резервовъ, и Императоръ Николай рѣшилъ увеличить силу полковъ, сокративъ ихъ число и совершенно уничтоживъ конноегерей. По новому штату армейскіе—кирасирскій, уланскій и гусарскій полки должны были состоять изъ 8, драгунскіе—изъ 10 дѣйствующихъ эскадроновъ, всѣ съ однимъ резервнымъ эскадрономъ и нестроевой ротой. Число рядовъ во взводахъ въ дѣйствующихъ эскадронахъ было оставлено 15, причемъ въ непоселенныхъ полкахъ въ мирное время каждый дѣйствующій эскадронъ передавалъ по 13 лошадей въ резервный, имѣя затѣмъ во взводахъ по 13 рядовъ; резервные же эскадроны имѣли у гусаръ и уланъ—10, у драгунъ—13 рядовъ во взводахъ и затѣмъ еще нѣсколько запасныхъ лошадей; въ поселенныхъ полкахъ дѣйствующіе эскадроны имѣли постоянно 15, резервные — 14 конныхъ рядовъ и еще нѣсколько лишнихъ лошадей. Сила полковъ была: гусарскаго и непоселеннаго уланскаго—1.578 чел. и 1.089 лошадей, послѣдніе въ военное время находились всѣ въ 8 дѣйствующихъ эскадронахъ (по 188 чел. и 136 лошадей), въ мирное же время въ нихъ было только 985 лошадей, остальныя же 104 находились въ резервныхъ эскадронахъ; въ нестроевой ротѣ было 40 чел.; драгунскаго—1.965 чел. и 1.369 лошадей въ военное время, въ мирное же только 1.239 лошадей, такъ какъ остальныя 130 находились въ резервномъ эскадронѣ; поселеннаго кирасирскаго или уланскаго полка — 1.578 чел. и 1.264 лошади, изъ которыхъ 1.128 дѣйствующихъ и 136 въ резервныхъ эскадронахъ. Въ мирное время резервные эскадроны находились при своихъ полкахъ, въ военное же отдѣлялись, при чемъ каждый служилъ кадромъ для формированія 2 резервныхъ эскадроновъ своего полка, по 20 рядовъ во взводахъ, въ 199 чел. и 179 лошадей сведенныхъ въ резервный дивизіонъ. Изъ дѣйствующихъ эскадроновъ въ уланскомъ и гусарскомъ полкахъ два (7-й и 8-й), такъ называемые фланкерные эскадроны, предназначались для веденія боя въ разсыпномъ строю. Въ драгунскихъ полкахъ первые 8 эскадроновъ предназначались для пѣшаго боя, каждый спѣшенный эскадронъ давалъ взводъ, весь полкъ батальонъ въ 8 взводахъ, остальные два эскадрона (9-й и 10-й) называвшіеся пикинерными, никогда не спѣшивались и служили, въ случаѣ спѣшиванія полка, прикрытіемъ коноводовъ, а въ случаѣ дѣйствія полка въ конномъ строю, фланкерами и для преслѣдованія. На парадахъ пикинерные эскадроны строились на лѣвомъ флангѣ полка, въ бою на обоихъ

его флангахъ, нѣсколько позади 1-й линіи 8-ми драгунскихъ эскадроновъ, построенныхъ въ 2 линіи.

Чтобы привести полки въ новый составъ, который сохранился въ общихъ чертахъ до 1851 г., первые два резервные эскадрона всѣхъ поселенныхъ полковъ были переименованы въ дѣйствующіе, для пополненія же непоселенныхъ полковъ воспользовались людьми и лошадьми уничтоженныхъ 2-хъ гусарскихъ, 2 уланскихъ и всѣхъ 8 конноегерскихъ полковъ.

Новые штаты не касались полковъ гвардіи — лейбъ-Кирасирскаго и Кавказскаго Драгунскаго; только лейбъ-гвардіи Конноегерскій полкъ былъ переименованъ въ лейбъ-гвардіи Драгунскій. Въ томъ же году была увеличена вдвое команда кавказскихъ линейныхъ казаковъ Собственнаго Ея Величества Конвоя.

Такимъ образомъ въ 1833 г. въ русской конницѣ было полковъ: гвардейскихъ — 3 кирасирскихъ, 1 конногренадерскій, 1 драгунскій, 2 гусарскихъ и 2 уланскихъ, кромѣ того, казачьихъ 2 полка, 2 эскадрона, сотня и Собственный Ея Величества конвой. Армейскихъ — 9 кирасирскихъ, 9 драгунскихъ, 14 гусарскихъ и 22 уланскихъ, въ томъ числѣ: 1 кирасирскій полкъ въ составѣ гвардіи, — 8 кирасирскихъ и 12 уланскихъ поселенныхъ и 1 драгунскій полкъ на Кавказѣ особаго штата. Всего (не считая казаковъ) — 63 полка, 560 эскадроновъ, 98.146 чел. и 71.875 строевыхъ лошадей (498 дѣйствующихъ эскадроновъ съ 64.319 лошадей, 10 зап. и 52 резервныхъ эскадрона и 1 пѣшій резервъ въ 7.556 лошадей) въ мирное время, а въ военное — 612 эскадроновъ, 118.842 чел. и 87.771 строевыхъ лошадей (498 дѣйствующихъ эскадроновъ въ 67.855 лошадей, 10 зап. и 104 резервныхъ эскадрона и 1 пѣшій резервъ съ 19.916 лошадьми). Кромѣ того, попрежнему, жандармскія, образцовыя и учебныя части.

Въ томъ же 1833 г. уланы, стоявшіе до того ниже гусаръ, были поставлены выше.

Въ 1834 г. учебный эскадронъ соединенъ съ образцовымъ полкомъ и этотъ послѣдній доведенъ до состава въ 3 дивизіона. При введеніи безсрочныхъ отпусковъ въ гвардіи послѣ 15, въ арміи — 20-ти-лѣтней службы, было постановлено придать въ военное время каждому армейскому полку (кромѣ лейбъ-Кирасирскаго и Кавказскаго Драгунскаго полковъ) по одному полуэскадрону, составленному изъ безсрочныхъ, всего 52 полуэскадрона.

Въ 1835 г. численность конницы была нѣсколько уменьшена: поселенные 8 кирасирскихъ и 8 уланскихъ полковъ обоихъ первыхъ кавалерійскихъ корпусовъ были уменьшены каждый на 2 дѣйствующихъ эскадрона, которые были оставлены на поселеніяхъ и переименованы въ 9—11 резервные эскадроны непоселенныхъ полковъ, прежніе-же резервные эскадроны уничтожены, а лошади ихъ переданы въ дѣйствующіе. Четыре поселенныхъ уланскихъ полка, входившіе въ составъ 5 и 6 легкихъ кавалерійскихъ дивизій,

НИЖЕГОРОДСКІЕ ДРАГУНЫ съ 1846—1855 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ НИКОЛАѢ I).

остались въ составѣ 8 дѣйствующихъ и 1 резервнаго эскадроновъ. Этимъ переформированіемъ дѣйствующіе эскадроны были доведены до 15 конныхъ рядовъ во взводахъ, резервные эскадроны поселенныхъ полковъ остались по 14 рядовъ во взводахъ, резервные эскадроны непоселенныхъ полковъ были доведены, подобно дѣйствующимъ, до 15 рядовъ, съ кадромъ для формированія въ случаѣ войны 2-го резервнаго эскадрона. Сила полковъ была: 16 поселенныхъ полковъ въ 6 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, по 179 чел. и 141 лошадь въ дѣйствующихъ, 221 чел. и 136 лошадей въ резервныхъ и нестроевая рота въ 82 чел., всего — 1.486 чел. и 982 строевыхъ лошади; 8 драгунскихъ въ 10 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ — по 189 человѣкъ (въ 2 по 188 чел.) и 137 лошадей въ дѣйствующихъ, 225 чел. и 141 лош. въ резервныхъ и нестроевая рота въ 40 чел., всего — 2.190 чел. и 1.510 строевыхъ лошадей; 14 уланскихъ (въ томъ числѣ 4 поселенныхъ) и 14 гусарскихъ въ 8 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ—по 188 чел. и 136 лошадей въ дѣйствующихъ, 221 чел. и 141 лошадь въ резервныхъ эскадронахъ и нестроевая рота въ 40 чел. Всего — 1.799 чел. и 1.230 строевыхъ лошадей. Гвардейскіе, лейбъ-Кирасирскій и Кавказскій Драгунскій полки остались въ прежнемъ составѣ, такъ что всего въ регулярной конницѣ въ мирное время было:

63 полка — 528 эскадроновъ, 104.662 чел. и 71.739 строевыхъ лошадей, а именно: 466 дѣйствующихъ эскадроновъ, въ 91.046 чел. и 63.187 лошадей; 10 зап., 52 резервныхъ эскадрона и 1 пѣшій резервъ 13.616 чел. и 8.552 лошади.

Въ военное время прибавлялось еще, въ случаѣ необходимости, 52 резервныхъ эскадрона и 52 запасныхъ полуэскадрона армейскихъ полковъ.

Кромѣ того: гвардейскіе казаки, жандармы и образцовый полкъ въ 6 эскадроновъ, а съ 1833—1845 г. регулярный Узскій казачій полкъ Оренбургскаго войска изъ 6 дѣйствующихъ и 1 запаснаго эскадрона.

Въ 1836 г. было уничтожено 4 запасныхъ полуэскадрона и вновь сформированы: одинъ таковой для драгунскаго полка на Кавказѣ и 10 гвардейскихъ запасныхъ эскадроновъ для гвардейскихъ полковъ, по 153 чел. изъ безсрочныхъ, на случай войны. Существовавшіе же запасные эскадроны переименованы въ 7 резервные. Затѣмъ 2 уланскихъ полка отчислены отъ военныхъ поселеній, и вмѣсто нихъ зачислены 2 гусарскихъ, такъ что всего поселенныхъ полковъ стало: 8 кирасирскихъ, 10 уланскихъ и 2 гусарскихъ, которые всѣ получили по 2 эскадрона кантонистовъ въ 140 чел. и 15 лошадей каждый. Эти эскадроны подготовляли унтеръ-офицеровъ.

Въ 1838 г. была сформирована для конвоя команда лезгинъ, а въ 1839 г. команда мусульманъ изъ состоявшаго при дѣйствующей арміи въ Закавказьѣ коннаго мусульманскаго полка. Были устроены новыя военныя поселенія въ Кіевской и Подольской губерніяхъ, большею частью въ зем-

ляхъ, конфискованныхъ у принимавшихъ участіе въ возстаніи поляковъ; тамъ было поселено 4 уланскихъ и 2 гусарскихъ полка.

Въ 1841 г. Атаманскій полкъ получилъ одинаковый штатъ съ лейбъ-гвардіи Казачьимъ и уничтожены всѣ резервные эскадроны въ армейской конницѣ.

Въ 1842 г. было предписано, въ случаѣ войны, формировать для всѣхъ армейскихъ полковъ, кромѣ лейбъ-Кирасирскаго и Драгунскаго на Кавказѣ, резервъ изъ безсрочныхъ и содержать вмѣсто запасныхъ полуэскадроновъ таковой же эскадронъ; гвардейскіе полки сохранили 7 резервный эскадронъ, и, кромѣ того, предписано содержать при нихъ кадръ 8 эскадрона для формированія запаснаго эскадрона. Черноморскій эскадронъ былъ усиленъ до дивизіона въ 393 чел., изъ котораго одинъ эскадронъ долженъ былъ находиться на службѣ въ Петербургѣ, чередуясь каждые 3 года съ другимъ, находившимся на льготѣ. Затѣмъ, былъ уничтоженъ запасный полуэскадронъ драгунскаго полка, расположеннаго на Кавказѣ.

Въ 1846 г. былъ изданъ новый штатъ для этого полка: 10 дѣйствующихъ эскадроновъ въ 5 дивизіонахъ и пѣшій резервъ, съ 1.801 строев. лош. Уральская гвардейская сотня переименована въ эскадронъ и въ 1847 г. усилена до дивизіона.

Въ 1848 г. былъ введенъ новый штатъ для формирующихся въ случаѣ войны резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ армейскихъ полковъ и сформированы для каждаго изъ послѣднихъ по кадру резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ (кромѣ лейбъ-Кирасирскаго и Кавказскаго Драгунскихъ полковъ).

Въ 1849 г., при приведеніи арміи на военное положеніе, было постановлено доводить резервный и запасный эскадронъ до 20 рядовъ во взводахъ, съ 213 чел. и 180 строевыхъ лошадей. Въ гвардіи эти эскадроны были сведены въ дивизіоны. Затѣмъ, въ теченіе 1850 — 1855 гг. предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ касательно резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ, такъ что ко времени кончины Императора Николая русская конница имѣла слѣдующій составъ:

1. Дѣйствующія части: гвардія — 3 кирасирскихъ, 1 конногренадерскій, 1 драгунскій, 2 уланскихъ и 2 гусарскихъ полка. Армія — 9 кирасирскихъ, 9 драгунскихъ, 18 уланскихъ и 14 гусарскихъ полковъ. Всего — 59 полковъ, 454 эскадрона, 93.369 чел. и 61.759 строевыхъ лошадей. Кромѣ того: гвардейскіе жандармскіе полуэскадроны въ 92 коня, жандармскій 6 эскадронный полкъ въ 1.075 коней, образцовый 6 эскадронный полкъ въ 888 коней, гвардейскихъ казачьихъ 2 полка и 2 дивизіона, 1 татарскій эскадронъ и Собственный Его Величества конвой.

2. Резервныя и запасныя части: 2 сводныхъ кирасирскихъ и 3 сводныхъ легкокавалерійскихъ полка изъ резервныхъ запасныхъ гвардейскихъ дивизіоновъ; 1 сводный уланскій и 1 сводный гусарскій полкъ изъ резерв-

ныхъ и запасныхъ дивизіоновъ 7 легкой кавалерійской дивизіи; 2 сводныхъ уланскихъ и 2 сводныхъ гусарскихъ полка изъ резервныхъ эскадроновъ 6 легкихъ кавалерійскихъ дивизій; 8 резервныхъ и 8 запасныхъ эскадроновъ кирасирскихъ полковъ, 4 резервныхъ и 4 запасныхъ эскадрона уланскихъ полковъ I кавалерійскаго корпуса, 18 резервныхъ и 12 запасныхъ эскадроновъ 9 драгунскихъ полковъ. Всего 11 сводныхъ полковъ, 68 резервныхъ и 38 запасныхъ эскадроновъ, 18.760 строевыхъ лошадей.

Кромѣ того: гвардейскій резервно-запасный полуэскадронъ въ 92 коня, 1 резервный и 1 запасный эскадронъ жандармовъ по 180 коней. Всего 560 эскадроновъ и 80.519 коней (безъ жандармовъ, образцоваго полка и гвардейскихъ казаковъ).

Иррегулярныя конныя части имѣли къ тому же времени слѣдующій составъ: 9 казачьихъ войскъ: Донское — лейбъ-гвардіи Казачій и Атаманскій полки, по 6 дѣйствующихъ, 1 резервному и 1 запасному эскадрону, 54 армейскихъ полка по 6 сотенъ — 896 чел., 1 учебный полкъ такого же состава и 1 рабочій полкъ—1.640 чел., Астраханское — 3 полка по 6 сотенъ — 881 чел., Дунайское (съ 1856 г. Новороссійское) — 2 полка по 5 сотенъ — 868 чел., Черноморское — гвардейскій дивизіонъ въ 2 эскадрона — 393 чел., 12 полковъ по 6 сотенъ — 881 чел., Кавказское линейное — 1 полуэскадронъ конвоя, 1 дивизіонъ въ составѣ своднаго Кавказскаго иррегулярнаго полка въ Польшѣ, 19 полковъ (въ 9 бригадахъ) по 6 сотенъ — 881 чел., Уральское — гвардейскій дивизіонъ и 12 полковъ по 5 сотенъ — 723 чел.[1]), Оренбургское — 10 полковъ по 6 сотенъ — 896 чел., Сибирское линейное — 10 полковъ (въ 4 бригадахъ) по 6 сотенъ — 881 чел. и резервныя команды при всѣхъ полкахъ по 276 чел., Забайкальское — 6 полковъ (4 русскихъ и 2 бурятскихъ въ 3 бригадахъ) по 6 сотенъ — 874 чел., кромѣ того, въ Сибири — 2 полка (въ 1 бригадѣ) по 6 сотенъ — 891 чел., 1 полкъ въ 5 сотенъ — 693 чел. Всего — 133 полка, 20 эскадроновъ, $793^1/_2$ сотни — 120.727 чел. Затѣмъ: Собственный Его Величества конвой, состоявшій изъ полуэскадрона горцевъ, команды лезгинъ, команды мусульманъ и линейныхъ казаковъ; лейбъ-гвардіи Крымскій татарскій эскадронъ, 3 конно-иррегулярныхъ полка, полуэскадронъ горцевъ и около 60 сотенъ милиціи на Кавказѣ, 12 полковъ волжскихъ и 10 ротъ ставропольскихъ калмыковъ, 17 ротъ башкиръ, мещеряковъ и тептярей. Всего — 148 полковъ, 22 эскадрона, $925^1/_2$ сотенъ, 27 ротъ, 3 команды и около 140.000 чел. Изъ числа этихъ войскъ, а частью и сверхъ положенія, состояло на внѣшней службѣ[2]) во время Восточной войны 1853 — 56 гг.: 85 донскихъ, $2^1/_2$ уральскихъ, $12^1/_2$ черноморскихъ, 3 дунайскихъ, 39 кавказскихъ и 2 оренбургскихъ полковъ, 1 сотня азовскихъ казаковъ[3]), $^1/_4$ крым-

[1]) Уральскіе казачьи полки на службѣ внѣ войска имѣли по 6 сотенъ — 896 чел.

[2]) То-есть находились на службѣ внѣ своихъ областей.

[3]) Служили только пѣшкомъ или на водѣ.

скаго татарскаго и 2 башкирскихъ полка, всего — 146½ полковъ, 877 эскадроновъ и сотенъ и 123.060 коней, изъ нихъ 80.208 на европейскомъ, 42.852 на азіятскомъ театрѣ войны. Когда затѣмъ въ 1854 г. послѣдовалъ общій призывъ Донскаго, Черноморскаго, Кавказскаго и Азовскаго войскъ, то всѣ уже уволенные казаки этихъ войскъ, въ возрастѣ отъ 50 — 55 лѣтъ, вызвались идти, что дало свыше 100.000 человѣкъ. Также и на Кавказѣ было выставлено милиціей 212½ конныхъ и пѣшихъ сотенъ, изъ которыхъ было сформировано 4 мусульманскихъ конныхъ полка и нѣсколько дружинъ.

Соединеніе въ высшія единицы. Въ 1826 и 1827 гг. 3-я и 4-я драгунскія дивизіи были переименованы въ 4-ю гусарскую и 3-ю (впослѣдствіи 5-ю) уланскую; украинская уланская дивизія получила № 5, бугская № 6.

Такимъ образомъ, къ началу 1828 г. было дивизій: 2 гвардейскихъ, 2 кирасирскихъ, 2 драгунскихъ, 4 гусарскихъ, 6 уланскихъ и 2 конноегерскихъ — всѣ въ двѣ двухполковыя бригады, только гвардейская конница Варшавскаго отряда состояла изъ 3 полковъ. Первая гвардейская кавалерійская, всѣ 4 гусарскія, 3-я, 4-я и 6-я уланскія дивизіи и Варшавскій отрядъ состояли при пѣхотныхъ корпусахъ; остальныя были сведены по двѣ въ 5 резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ: первые три — изъ 1 кирасирской и 1 уланской дивизіи, другіе два — изъ 1 драгунской и 1 конноегерской дивизіи. При I корпусѣ были еще гвардейскія казачьи части, гвардейскій жандармскій полуэскадронъ и гвардейскій конно-піонерный эскадронъ; при IV корпусѣ — 1-й коннопіонерный эскадронъ. Драгунскій полкъ, расположенный на Кавказѣ, жандармскій и образцовый полки и учебный эскадронъ не входили въ составъ дивизій. При польской арміи были дивизіи: конноегерская и уланская. Всѣ дивизіи состояли изъ 4 полковъ съ 24 дѣйствующими эскадронами (въ польскихъ 16) съ 4.300, поселенные — 3.628 конями. Резервные кавалерійскіе корпуса, назначеніемъ которыхъ были самостоятельныя операціи на театрѣ войны или служить коннымъ резервомъ на полѣ сраженія, были силой въ 48 эскадроновъ и 8.600 (II и III, поселенные, 7.256) коней каждый.

Въ 1830 г. бугская, или 6-я уланская, дивизія была переименована въ 1-ю, украинская, или 5-я, во 2-ю резервную уланскую дивизіи.

Въ 1832 г. гвардейская конница, по расформированіи стоявшихъ въ Польшѣ гвардейскихъ полковъ, была раздѣлена на 3 дивизіи: 1-я кирасирская — изъ 4 кирасирскихъ полковъ, 1-я и 2-я легкія гвардейскія кавалерійскія — изъ лейбъ-гвардіи Конногренадерскаго, лейбъ-гвардіи Драгунскаго и затѣмъ: 1 уланскаго, 1 гусарскаго и казачьяго полковъ каждая. 2-я дивизія, за исключеніемъ входившаго въ ея составъ Атаманскаго полка, была придана гвардейскому корпусу въ составѣ 18 регулярныхъ эскадроновъ съ 2.607 строев. лошадьми; обѣ другія дивизіи, съ

гвардейскими казаками, жандармами и коннопіонерами, составляли гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ — 42 регулярныхъ эскадрона — 6.083 строевыхъ лошади. Въ 1833 году вся армейская конница была реорганизована въ 3 резервныхъ кавалерійскихъ корпуса и 7 легкихъ кавалерійскихъ дивизій.

I-й и II-й резервные кавалерійскіе корпуса состояли изъ 1 кирасирской и 1 уланской дивизій (по 2 бригады по 2 полка), 48 дѣйствующихъ эскадроновъ и 6.768 строевыхъ лошадей.

III-й резервный кавалерійскій корпусъ изъ 2 драгунскихъ дивизій, 80 эскадроновъ и 10.952 строевыхъ лошади, и 2 эскадроновъ коннопіонеръ (274 строевыхъ лошади).

Изъ 7 легкихъ кавалерійскихъ дивизій 6 были приданы шести пѣхотнымъ, 7-я гренадерскому корпусамъ, онѣ состояли изъ одной уланской и одной гусарской бригадъ, 4 полковъ, 32 эскадроновъ, 4.356 строевыхъ лошадей. Въ мирное время 5-я и 6-я дивизіи были отдѣлены отъ своихъ корпусовъ, сведены въ сводный кавалерійскій корпусъ и расположены (до 1848 г.) въ новороссійскихъ военныхъ поселеніяхъ.

Въ военное время формировались еще по числу дивизій 13 резервныхъ бригадъ изъ резервныхъ эскадроновъ армейскихъ полковъ, каждая въ 8 эскадроновъ (въ 4 дивизіонахъ) и 1.432 лошади.

Въ 1851 г. была сформирована легкая резервная кавалерійская дивизія, въ 4 сводныхъ полка, изъ девятыхъ резервныхъ эскадроновъ шести кавалерійскихъ дивизій, въ составѣ 24 эскадроновъ, 5.800 чел. и 4.320 лошадей; I резервный кавалерійскій корпусъ и 1-я уланская дивизія расфомированы; 2-я уланская переименована въ резервную уланскую, и изъ нея и обѣихъ кирасирскихъ дивизій сформированъ новый I резервный кавалерійскій корпусъ, прежній же III (драгунскій) корпусъ названъ II-мъ. Когда два его полка въ концѣ 1853 г. ушли на Кавказъ, то ему были приданы вмѣсто нихъ 2 уральскихъ казачьихъ полка, по 6 сотенъ и 840 лош. каждый.

Въ 1855 г. былъ сформированъ сводный гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ, изъ резервныхъ и запасныхъ частей гвардейской кавалеріи и полковъ 7 легкой кавалерійской дивизіи, въ составѣ 2 дивизій и 7 полковъ, 28 эскадроновъ и 5.040 строевыхъ лошадей, къ которымъ впослѣдствіи были приданы въ видѣ 8-го полка — образцовый полкъ, резервный полуэскадронъ гвардейскихъ жандармъ и резервный эскадронъ гвардейскихъ коннопіонеръ.

Слѣдовательно, ко времени кончины Императора Николая I конница была соединена въ слѣдующія части:

Гвардейскй резервный кавалерійскій корпусъ: гвардейская кирасирская и 1-я легкая гвардейская кавалерійская дивизіи, по 2 бригады, въ 8 полковъ, 1 казачій дивизіонъ и 1 татарскій эскадронъ, всего — 51 эскад-

ронъ и 6.042 строевыхъ лошади. Кромѣ того, гвардейская конноартиллерійская бригада въ 5 батарей и 44 орудія, 2 эскадрона коннопіонеръ съ 32 понтонами и полуэскадрономъ жандармъ.

2-я легкая кавалерійская дивизія, при гвардейскомъ корпусѣ: 2 бригады, 4 полка и 1 казачій дивизіонъ, — 26 эскадроновъ и 3.086 строевыхъ лошадей.

Сводный гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ: 2 дивизіи, 4 бригады, 7 сводныхъ и 1 образцовый полкъ, — 34 эскадрона и 5.928 лошадей. Кромѣ того, сводная гвардейская резервная конноартиллерійская бригада въ 2 батареи и 16 орудій, 1 резервный эскадронъ коннопіонеръ и резервный полуэскадронъ жандармъ.

I-й резервный кавалерійскій корпусъ: 1-я и 2-я кирасирскія и резервная уланская дивизіи, по 2 бригады, — 12 полковъ, 80 эскадроновъ и 11.124 лошади; 1-я конноартиллерійская дивизія 6 батарей и 48 орудій.

II-й резервный кавалерійскій корпусъ: 1-я и 2-я драгунскія дивизіи, по 2 бригады, — 6 драгунскихъ и 2 уральскихъ казачьихъ полка, 60 эскадроновъ, 12 сотенъ и 9.894 лошади; 2-я конноартиллерійская дивизія — 6 батарей и 48 орудій, 2 эскадрона коннопіонеръ съ 42 понтонами.

7 легкихъ кавалерійскихъ дивизій, по 2 бригады, — 4 полка, 32 эскадрона и 4.356 лошадей, при каждой конноартиллерійская бригада въ 2 батареи и 16 орудій.

Сводная легкая резервная кавалерійская дивизія: 2 бригады, 4 сводныхъ полка, 24 эскадрона и 4.320 лошадей; 3 резервныя конныя батареи въ 24 орудія.

3 резервныхъ бригады 1-й и 2-й кирасирской и уланской дивизій, въ 24 эскадрона и 4.320 лошадей; резервная бригада 1-й конноартиллерійской дивизіи въ 2 батареи.

2 резервныхъ бригады 1-й и 2-й драгунскихъ дивизій — 18 эскадроновъ и 3.240 лошадей; резервная бригада 2-й конноартиллерійской дивизіи въ 2 батареи.

Затѣмъ: 3 драгунскихъ полка на Кавказѣ и жандармскій полкъ съ резервными и запасными частями. Изъ иррегулярныхъ частей были сведены въ бригады только части кавказскія (9 бригадъ), сибирскія линейныя (4 бригады) и забайкальскіе казаки (3 бригады) по 2 — 3 полка въ бригадѣ.

Обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе остались до 1833 г. безъ перемѣны; только въ 1829 г. у гусаръ и уланъ были отмѣнены лампасы. Въ 1833 г. кожаные штаны, высокіе сапоги и нѣмецкія сѣдла кирасиръ были замѣнены суконными штанами и венгерскими сѣдлами; тогда же первой шеренгѣ ихъ были даны пики съ флюгерами. Драгуны стали носить ружья на себѣ, а не притроченными къ сѣдлу; въ 1845 г. они получили вмѣсто киверовъ каски и въ 1846 г. вмѣсто сабель шашки, которыя носились сначала на поясной, а съ 1847 г. на плечевой портупеѣ. Кожаный уборъ

былъ у драгунъ съ 1833—46 г. изъ красной юфти, у прочей кавалеріи бѣлый. Внѣ службы люди носили кителя, а съ 1833 г. суконныя куртки-лейбики, зимою — полушубки, которыми должны были обзаводиться сами. Офицеры носили внѣ строя сюртуки и шляпы съ бѣлымъ султаномъ, въ арміи до 1833, въ гвардіи до 1849 года. Въ 1834 г. было введено для всей легкой конницы сѣдло новаго образца, очень неудобное, такъ что въ 1853 г. оно было замѣнено другимъ, предложеннымъ полковникомъ Станковичемъ и основаннымъ на раціональныхъ началахъ. Инструкція для укладки вещей была издана въ 1835 г., а слѣдующая въ 1853 г.

Въ концѣ царствованія Императора Николая русская конница имѣла слѣдующій наружный видъ: колеты у кирасиръ — бѣлаго, у драгунъ — темно-зеленаго, у уланъ — синяго цвѣта, съ разноцвѣтнымъ прикладомъ, желтыми или бѣлыми пуговицами и (у драгунъ и уланъ) эполетами; у гусаръ — доломаны и ментики различныхъ цвѣтовъ (синіе, голубые, темно- и свѣтло-зеленые, сѣрые, коричневые и красные); свѣтло-синія рейтузы поверхъ сапогъ, у кирасиръ для парадовъ лосины и высокіе сапоги, сѣрыя суконныя шинели. Кирасиры носили металлическія, драгуны — кожаныя каски, (кавказскіе — папахи), уланы — шапки, гвардейскіе гусары — медвѣжьи шапки, армейскіе — кивера, лейбъ-гвардіи Конногренадерскій полкъ свою прежнюю каску. Вооруженіе состояло: у кирасиръ изъ палаша, пистолета и въ первой шеренгѣ — пики, а равно изъ желтыхъ, бѣлыхъ или черныхъ металлическихъ кирасъ; у уланъ — изъ сабли, пики и пистолета; у гусаръ — изъ сабли, 2 пистолетовъ и карабина; затѣмъ, во всѣхъ родахъ конницы въ каждомъ эскадронѣ 16 чел. (фланговые ряды во взводахъ) имѣли нарѣзные карабины для фланкерной службы. Драгуны имѣли сабли, пистолеты, и въ гвардіи всѣ, въ арміи люди 8-ми первыхъ эскадроновъ, — ружья со штыками, носимыми у ножны шашки, остальные два эскадрона — пики. Все огнестрѣльное оружіе было ударное. Лошади были одномастныя по полкамъ. Вообще въ 1833 г. было установлено имѣть: въ кирасирскихъ дивизіяхъ въ первыхъ полкахъ — гнѣдыхъ, во вторыхъ — караковыхъ, въ третьихъ — рыжихъ и въ четвертыхъ вороныхъ лошадей; въ драгунскихъ и легкихъ дивизіяхъ: первымъ полкамъ гнѣдыхъ, вторымъ — сѣрыхъ, третьимъ и четвертымъ — вороныхъ; у трубачей вездѣ были сѣрыя лошади.

Казаки носили короткія, узкія куртки безъ фалдъ и широкіе штаны, у оренбургскихъ — зеленаго, у прочихъ — синяго цвѣта, съ разноцвѣтнымъ прикладомъ; мусульманскіе полки и башкиры — синіе или коричневые кафтаны съ разноцвѣтными обшлагами. Головные уборы были: бараньи шапки высокія и низкія, у лезгинъ мѣховыя шапки или турбаны, у черкесовъ шишаки съ сѣткой, а на тѣлѣ кольчуга. Вооруженіе состояло преимущественно изъ пикъ безъ флюгеровъ, сабель, по два пистолета за поясомъ и у нѣкоторыхъ людей (по 10 на сотню, а у черноморцевъ у всѣхъ)

ружья. Кавказскіе линейные казаки и черкесы неимѣли пикъ, а были вооружены длинными турецкими ружьями, 2 — 3 пистолетами, шашками и кинжалами; патроны носили на груди въ потронташахъ, прочіе казаки въ лядункахъ. Всѣ казаки имѣли нагайки и ѣздили на уздечкахъ; сѣдла были высокія, съ подушкой, въ которую укладывались вещи.

Обученіе. Уставы о строевой службѣ были издаваемы при Императорѣ Николаѣ три раза: въ 1835 и 1847 гг. въ 7 частяхъ: рекрутская школа, взводное ученіе, эскадронное ученіе, полковое ученіе, пѣшій строй для драгунъ, линейное ученіе (т. е. упражненіе большими массами), полевая служба въ военное и мирное время; въ 1852 г. былъ изданъ, въ видѣ дополненія, уставъ для драгунскихъ полковъ.

Что касается собственно ѣзды и выѣздки, то въ это время уже были выработаны правила и основанія, которыхъ и придерживались съ большей или меньшей точностью и послѣдовательностью. Основаніемъ для выѣздки, по словамъ гр. Сакена, служила теорія Гюнерсдорфа. Этому распространенію однообразныхъ правилъ много способствовалъ Образцовый полкъ, а равно указанія и инструкціи высшихъ начальниковъ, напр. графа Остенъ-Сакена, въ изданномъ имъ во время командованія II резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ (1836 — 1849 гг.): „Обученіе полевой ѣздѣ“ и барона Оффенберга 1-го въ приказѣ по I резервному кавалерійскому корпусу, въ 1844 г., „Наставленія для выѣздки ремонтной лошади“.

Особенное значеніе въ смыслѣ обученія конницы имѣли тѣ смотры, которые Императоръ производилъ лично. Одинъ изъ первыхъ смотровъ былъ произведенъ V-му резервному кавалерійскому корпусу у Козельца Черниговской губ., въ 1830 г.; онъ имѣлъ особенное значеніе для драгунъ: ловкій образъ дѣйствій конноегерей въ пѣшемъ строю навелъ Императора на мысль довести до того же и драгунъ, сражавшихся при Александрѣ I исключительно въ конномъ строю; на томъ же смотру была сдѣлана такая попытка, по личнымъ указаніямъ Государя, которая имѣла довольно удовлетворительные результаты. Затѣмъ, при Козельцѣ же были уничтожены укороченные аллюры и введены такъ называемыя колонны къ атакѣ. Не избѣгали зоркаго взгляда Государя ни обмундированіе и амуниція, ни посадка и ѣзда офицеровъ и юнкеровъ, представляемыхъ къ производству.

Вновь введенный пѣшій бой драгунъ оказалъ значительную пользу въ польскую кампанію; драгуны неоднократно дѣйствовали очень удачно въ тѣхъ случаяхъ, когда кирасиры, уланы и гусары вынуждены были прекратить свою дѣятельность. Напр., при Нурѣ въ 1831 г. одна кирасирская и одна гусарская дивизіи и уланская бригада были задержаны въ теченіе 3 часовъ ротой пѣхоты и даже, по прибытіи своей пѣхоты, не были въ состояніи помѣшать спокойному отступленію непріятеля; тоже и при взятіи Люблина, при Пулавахъ и вообще при операціяхъ (2-й драгунской дивизіи) въ Люблинскомъ воеводствѣ.

Первый смотръ драгунъ по окончаніи польской кампаніи былъ произведенъ въ 1832 г. и послѣ него былъ изданъ драгунскій уставъ, разъяснившій многія недоразумѣнія. Слѣдующіе смотры, подъ Орломъ въ 1834 г., гдѣ Государь впервые видѣлъ вновь сформированный III резервный кавалерійскій (драгунскій) корпусъ, подъ Курскомъ въ 1836 г., были отличной школой какъ для войскъ, такъ и для начальниковъ. Государь давалъ при этомъ лично различнымъ генераламъ тактическія задачи и присутствовалъ при выполненіи ихъ.

Смотръ соединенныхъ русскихъ и прусскихъ войскъ подъ Калишемъ въ 1835 г. достаточно извѣстенъ, а равно и большіе кавалерійскіе маневры у Вознесенска въ 1837 г., въ которыхъ участвовало 360 эскадроновъ конницы, въ томъ числѣ резервные и сформированные изъ безсрочныхъ запасные эскадроны полковъ. Въ обоихъ случаяхъ присутствовало много иностранныхъ зрителей и всѣ пришли къ заключенію, что по качеству матеріала русской конницѣ нечего опасаться сравненія съ какой бы то ни было другой. Правда, что рѣдко какая конница имѣетъ подобное превосходное поле для дѣйствій, какъ южнорусскія степи.

На этихъ смотрахъ, а равно и на обыкновенныхъ дивизіонныхъ маневрахъ, вырабатывались старшіе и младшіе начальники, получали навыкъ и привычку, такъ что многія перестроенія, казавшіяся въ высшей степени затруднительными, стали производиться легко, спокойно, точно. До какой маневренной ловкости доходили при этомъ части, можно убѣдиться изъ слѣдующаго упражненія, которое производилось неоднократно и безъ малѣйшаго безпорядка; оба пикинерные эскадроны драгунскаго полка, разсыпанные въ качествѣ фланкеровъ, прикрывали съ конной батареей фронтъ полка, затѣмъ они вдругъ поворачивались и полнымъ карьеромъ отходили на полкъ, шедшій галопомъ развернутымъ строемъ; полкъ пропускалъ фланкеровъ и орудія частью черезъ интервалы, частью и сквозь самый строй вздваиваніемъ рядовъ и затѣмъ спокойно, безъ малѣйшей задержки продолжалъ атаку.

Особенное вниманіе обращалось на обученіе драгунъ стрѣльбѣ, для чего Государь еще въ Орлѣ (1834 г.) приказалъ выдавать на каждаго человѣка по 30 патроновъ. Одиночнымъ обученіемъ людей, какъ въ конномъ, такъ и въ пѣшемъ строю, занимались очень старательно и заботливо, что въ значительной степени облегчалось продолжительнымъ 20-ти-лѣтнимъ срокомъ службы.

Вообще нужно сказать, что въ 30-ти-лѣтнее царствованіе Императора Николая конница была доведена до высокой степени совершенства его личными трудами. Что только было въ его силахъ, то онъ сдѣлалъ для своей арміи.

XXIX. Реорганизація русской конницы послѣ Крымской войны при Императорѣ Александрѣ II[1]).

Крымская война приближалась къ концу.

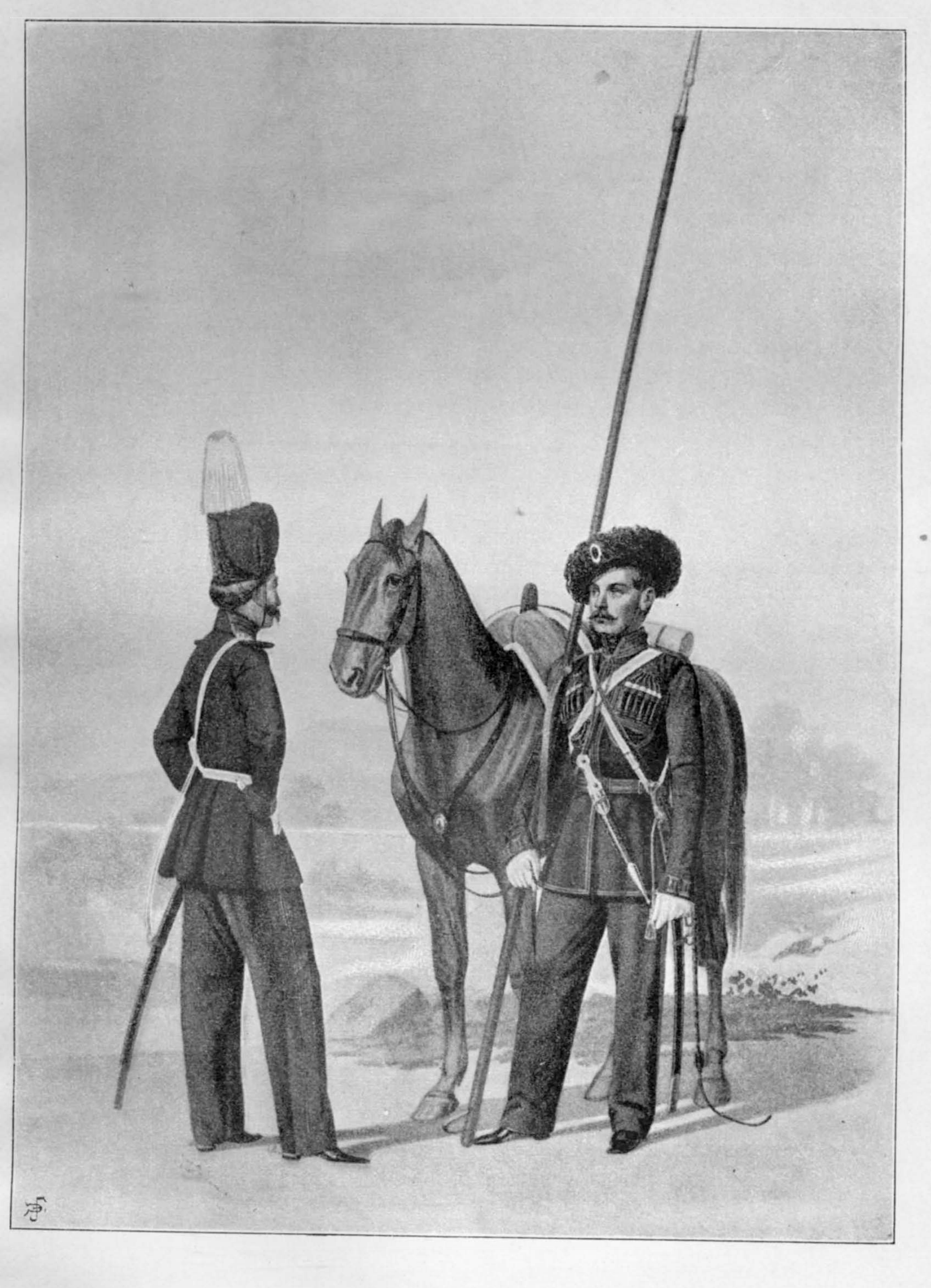
Она показала и могущество Россіи и многіе недостатки въ военной организаціи.

Въ мартѣ 1856 г. былъ заключенъ миръ, и затѣмъ послѣдовала демобилизація арміи и цѣлый рядъ перемѣнъ на основаніи опыта только что оконченной войны[2]). Прежде всего изъ бывшихъ на Кавказѣ 3 драгунскихъ полковъ одинъ былъ возвращенъ въ Россію, а изъ двухъ остальныхъ сформировано 4 полка, которые получили новый штатъ: 6 дѣйствующихъ эскадроновъ, 1.207 чел., 823 строевыхъ и 106 обозныхъ лошадей, 1 резервный эскадронъ, 181 чел., 46 строевыхъ и 4 обозныхъ лошадей, инвалидная рота въ 283 чел. 30 мая была начата демобилизація конницы, причемъ распущены всѣ сформированныя изъ резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ части, которыхъ было: 11 сводныхъ полковъ по 4 эскадрона всего — 68 резервныхъ и 38 запасныхъ эскадроновъ съ 18.760 лошадей, кромѣ жандармовъ (2½ эскадрона, 452 лошади) и гвардейскихъ казаковъ (4 эскадрона, 782 лошади). 26 іюня были введены новые штаты, по которымъ полки должны были состоять: 10 гвардейскихъ и 28 армейскихъ уланскихъ и гусарскихъ, изъ 6 дѣйствующихъ и 1 (въ военное время 2) резервнаго эскадрона, 8 армейскихъ кирасирскихъ, изъ 6 дѣйствующихъ и въ военное время 2 резервныхъ, 7 драгунскихъ (исключая 4 кавказскихъ) изъ 8 дѣйствующихъ и 2 (въ военное время 3) резервныхъ эскадрона. Сила частей была слѣдующая:

---

[1]) Brix. Organisation et composition de l'armée russe au commencement de l'année 1862 trad. de l'allem. par E. Heydt. Paris 1862. — Brix. Die Kaiserl. Russ. Armee in ihrem Bestande, ihrer Organisation, Ausrüstung u. Stärke im Kriege und Frieden am 1. Jan. 1863. Berlin 1863.— Couturier de Vienne. Coup d'oeil histor. et statist. Sur les forces milit. des principales puissances de l'Europe. Paris 1858. — Fircks, Frhr. v. Die militär. Leistungsfähigkeit der europ. Staaten. Leipzig 1873. — Die Heeresmacht Russlands, ihre Neugestaltung und polit. Bedeutung. Von *** Berlin 1870. — Kummer, v. Grundzüge der Heeres-Organisation in Oest.-Ungarn, Russland, Italien, Frankr. u. Deutschland. Nach den neuesten und besten Quellen bearbeitet. Berlin 1870. — Das Militärische Europa. Neueste Statistik aller europ. Staaten, nach Grösse u. Bevölkerung, Finanzen, Produkten; die Armeen, Kriegsflotten pp. Stuttgart 1859. — Petrossi. Vademecum für die militär. Recognoscenten. 3 Liefer. Wien 1863. — Приказы и циркуляры Военнаго Министра до 1868 г. — Russlands Wehrkraft. Im Mai 1871. Wien 1871.—Limouneau. Les effectifs, les cadres et les budgets des armées européennes. Etude de statistique comparée. Paris 1875.

[2]) Еще во время войны было принято нѣсколько мѣръ, касавшихся преимущественно казачьихъ, резервныхъ и запасныхъ частей; Атаманскій полкъ переименованъ въ Лейбъ-Атаманскій; сформировано 6 малороссійскихъ казачьихъ полковъ, но они вскорѣ опять распущены; введены новые штаты для Конвоя; уменьшено число рядовъ, на 2 ряда во взводѣ въ резервномъ и запасномъ эскадронахъ арміи, такъ что у кирасиръ и уланъ I корпуса осталось по 13 рядовъ, у прочихъ полковъ по 18.

ГВАРДЕЙСКІЕ КАЗАКИ 1855 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

	Въ мирное время. людь.	Въ мирное время. лош.	Въ военное время. людь.	Въ военное время. лош.
Гвардейскій полкъ: въ 6 дѣйствующихъ эскадронахъ . . .	971	739	1.107	787
Въ резервномъ эскадронѣ	132	107	483	360
Кирасирскій полкъ: въ 6 дѣйствующихъ эскадронахъ . . .	1.125	846	1.221	846
Въ 2 резервныхъ эскадронахъ (въ военное время въ 2). .	—	—	483	360
Драгунскій полкъ: въ 8 дѣйствующихъ эскадронахъ . . .	1.519	1.097	1.619	1.097
Въ 2 (въ военное время въ 3) резервныхъ эскадронахъ . . .	403	280	723	540
Уланскій и Гусарскій полки: въ 6 дѣйствующихъ эскадронахъ	1.205	817	1.347	913
Въ 1 (въ военное время въ 2) резервномъ эскадронѣ . .	243	180	483	360

Въ гвардейскихъ частяхъ были нѣкоторыя отступленія отъ этихъ штатовъ.

Кавалергардскій и лейбъ-гвардіи Конный полки имѣли по пѣшему музыкантскому хору въ 43 чел.; лейбъ-гвардіи Конногренадерскій и Драгунскій полки въ каждомъ дѣйствующемъ и резервномъ эскадронахъ по 1 конному барабанщику.

4 уланскихъ полка резервной уланской дивизіи были въ іюлѣ распущены. Лейбъ-Кирасирскій полкъ наименованъ лейбъ-гвардіи Кирасирскимъ Ея Величества полкомъ. Было сформировано 7 новыхъ драгунскихъ полковъ, раздѣленіемъ всѣхъ уже существовавшихъ (за исключеніемъ 4 кавказскихъ) на два, и одновременно съ этимъ всѣ гвардейскіе и армейскіе полки (за исключеніемъ 4 кавказскихъ драгунскихъ) приведены въ составъ 4 дѣйствующихъ и въ мирное время 1 резервнаго эскадрона. На дѣлѣ это было приведено въ исполненіе только въ 10 гвардейскихъ и 8 кирасирскихъ полкахъ, которые и имѣли въ дѣйствующемъ эскадронѣ по 15, въ резервномъ по 20 конныхъ рядовъ во взводахъ; всѣ же прочіе полки имѣли 4 дѣйствующихъ эскадрона, по 15 рядовъ, и 2 резервныхъ, по 12 рядовъ. Резервные эскадроны были расположены въ мирное время при полкахъ, въ военное же время отдѣлялись отъ нихъ и усиливались вдвое, т. е. давали въ гвардіи и кирасирскихъ полкахъ по резервному дивизіону въ 2 эскадрона, въ прочихъ — по резервному полку въ 4 эскадрона, по 20 рядовъ во взводахъ; дѣйствующіе эскадроны въ военное время имѣли вездѣ по 18 рядовъ. Сила частей по новымъ штатамъ 22 декабря получилась слѣдующая:

	Въ мирное время. людь.	Въ мирное время. лош.	Въ военное время. людь.	Въ военное время. лош.
Гвардейскій полкъ: въ 4 дѣйствующихъ эскадронахъ	824	561	971	657
Въ 5-мъ резервномъ эскадронѣ (въ военное время дивиз.) . .	283	184	506	360
Кирасирскій полкъ: въ 4 дѣйствующихъ эскадронахъ	817	561	964	657
Въ 5 резервномъ эскадронѣ (въ военное время дивиз.)	326	184	557	360
Драгунскій, Уланскій и Гусарскій полки: въ 4 дѣйств. эскадр.	817	561	964	657
Въ 5 и 6 резервныхъ эскадронахъ (въ военное время въ 4 эскадронномъ полку)	408	232	1.097	721

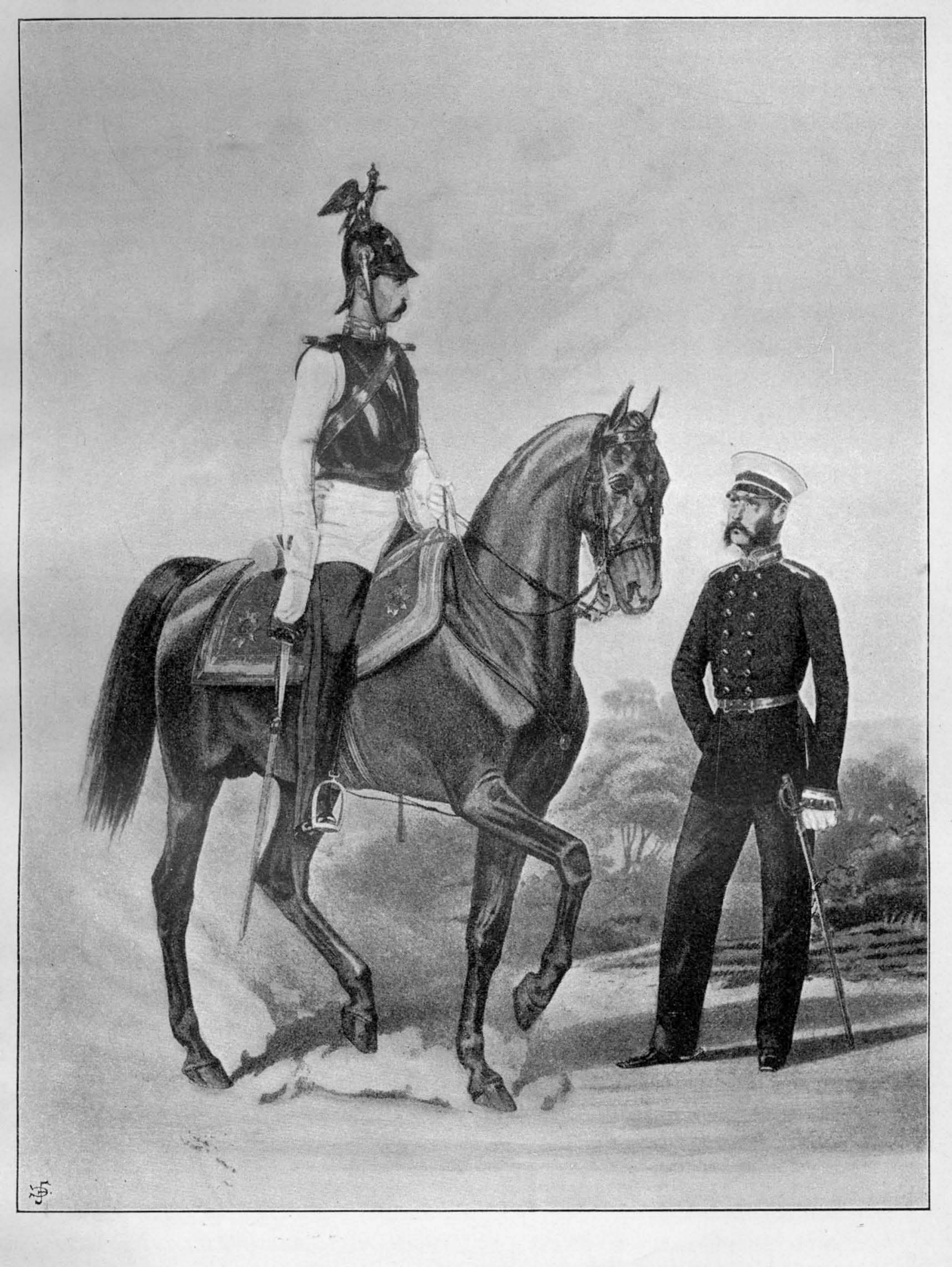
Въ томъ же 1856 г. были введены новые штаты для Собственнаго Его Величества Конвоя, по которымъ онъ долженъ былъ состоять: изъ лейбъ-гвардіи Кавказскаго эскадрона (1-й взводъ — грузины, 2-й — горцы, 3-й — лезгины, 4-й — мусульмане) и лейбъ-гвардіи Кавказскаго казачьяго эскадрона въ 4 взвода, на 2 очереди, по 3 г. службы каждая. Предписано военныхъ кантонистовъ возвратить родителямъ, вслѣдствіе чего въ слѣдующемъ году были распущены находившіеся въ военныхъ поселеніяхъ 44 кантонистскихъ эскадрона. Въ 1857 г. произведены новыя измѣненія: полки получили названія по шефу и историческое, по губерніи или городу. Въ предыдущее же царствованіе полкъ, получившій шефа, утрачивалъ прежнее имя.

4 іюня того же года предписано было уничтожить военныя поселенія, что и было выполнено въ 1861 г. Численность конницы была еще сокращена: всѣ 8 армейскихъ кирасирскихъ полковъ должны были состоять въ военное время изъ 4 дѣйствующихъ, по 15 рядовъ, и 1 резервнаго эскадрона въ 20 рядовъ, въ мирное же — изъ двухъ эскадроннаго дивизіона, по 18 рядовъ; послѣдніе получили названіе кадровыхъ кирасирскихъ полковъ, съ сохраненіемъ прежнихъ именъ, и должны были соединяться въ строю въ мирное время въ 4 сводныхъ полка, по 4 эскадрона. Прочіе полки остались въ томъ же составѣ, и только дѣйствующіе эскадроны въ гвардіи и въ 4 полкахъ гренадерскаго корпуса были уменьшены на 3 ряда во взводѣ. Резервные эскадроны должны были вездѣ имѣть: въ мирное время по 12, въ военное — по 20 конныхъ рядовъ. Послѣ всѣхъ этихъ перемѣнъ сила частей оказалась слѣдующая:

	Въ мирное время.		Въ военное время.	
	люд.	стр. лош.	люд.	стр. лош.
Гвардейскій полкъ: въ 4 дѣйствующихъ эскадронахъ	736	465	875	561
Въ 5 резервномъ эскадронѣ (въ военное время дивизіонъ)	198	116	506	360
Кирасирскій полкъ: въ 2 (или 4) дѣйствующихъ эскадронахъ	565	329	868	561
Въ 5 резервномъ эскадронѣ	—	—	291	180
Драгунскій, Уланскій и Гусарскій полки: въ 4 дѣйствующихъ эскадронахъ 7-й дивизіи	737	465	964	657
Въ прочихъ	833	561	964	657
Въ 5 и 6 резервномъ эскадронѣ (въ военное время 4 эскадронный полкъ)	392	232	1.097	721

Наконецъ установленъ для перемѣннаго состава Образцоваго полка извѣстный штатъ лошадей, которыя до сихъ поръ приводились изъ полковъ.

Въ 1858 г. было приказано содержать изъ лейбъ-гвардіи Черноморскаго и лейбъ-гвардіи Уральскаго казачьихъ дивизіоновъ въ мирное время на службѣ только по 1 эскадрону. Образцовый полкъ получилъ штатъ въ 481 чел., 508 строевыхъ (7 офицерскихъ) и 20 обозныхъ лошадей постояннаго состава и 432 чел. перемѣннаго въ двухъ дивизіонахъ и 4 эскадронахъ, по 12 рядовъ во взводахъ (1-й эскадронъ: половина кирасиры,

ГВАРДЕЙСКІЕ КИРАСИРЫ 1857 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

половина драгуны и жандармы; 2-й — драгуны и коннопіонеры; 3-й — уланы; 4-й — гусары). Учебный эскадронъ распущенъ, а вмѣсто того сформировано въ Елисаветградѣ кавалерійское училище со штатомъ въ 133 чел. (31 постояннаго и 102 перемѣннаго состава) и 64 лошади. Жандармскій полкъ получилъ новый штатъ: въ мирное время — 4 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, 879 чел., 18 офицерскихъ, 541 строевая и 15 обозныхъ лошадей, въ военное — 6 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, 1.416 чел., 24 офицерскихъ, 959 строевыхъ и 74 обозныхъ лошади.

Въ 1859 г. I, II, III и V корпуса приведены были въ военный составъ; въ конницѣ, впрочемъ, это коснулось только дѣйствующихъ эскадроновъ. Резервные дивизіоны отдѣлены и только временно были усилены до 445 чел. и 232 лошадей. Лейбъ-Атаманскій полкъ названъ лейбъ-гвардіи Атаманскимъ.

Въ 1860 г. 8 кадровыхъ кирасирскихъ полковъ были распущены, и ихъ названія, старшинство, штандарты и отличія переданы 8 существовавшимъ драгунскимъ полкамъ (изъ нихъ 7 вновь сформированнымъ), которые при этомъ потеряли свои имена. Для 18 полковъ 4, 6 и 7 легкихъ дивизій изданъ новый штатъ мирнаго времени (кадровый): 4 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, по 10 рядовъ, 637 чел. и 393 лошади въ первыхъ, 181 чел. и 98 лошадей (въ томъ числѣ 54 молодыхъ) во второмъ. Образцовый полкъ былъ переформированъ въ образцовый эскадронъ въ 4 взвода по 18 рядовъ (1-й и 2-й взводы драгуны, жандармы и коннопіонеры, 3-й — уланы, 4-й — гусары), 216 чел., 201 верховыхъ и 12 обозныхъ лошадей постояннаго и (временно) 178 чел. перемѣннаго состава.

Въ 1861 г. расформированъ жандармскій полкъ, а для военно-полицейской службы должно было содержаться: въ 1½ эскадронахъ и 7 командахъ 485 чел., 371 строевая и 6 обозныхъ лошадей въ мирное время и 508 чел., 371 строевая и 38 обозныхъ лошадей въ военное время. Вслѣдствіе переформированія казачьихъ войскъ на Кавказѣ лейбъ-гвардіи Черноморскій дивизіонъ слитъ съ Кавказскимъ эскадрономъ Конвоя; изъ нихъ было составлено 3 гвардейскихъ казачьихъ эскадрона по 203 чел.; 1 былъ въ Петербургѣ на службѣ, а 2 на льготѣ. Издано положеніе объ отдѣленіи резервныхъ дивизіоновъ отъ дѣйствующихъ полковъ, въ случаѣ похода, при этомъ сила дивизіона установлена, если полки остаются на мирномъ положеніи, въ 415 чел. и 233 строевыхъ лошади, при приведеніи же полковъ на военное положеніе въ 571 чел. и 361 лошадь, т. е. въ первомъ случаѣ 12, во второмъ 20 конныхъ рядовъ во взводахъ.

Въ 1862 г. изданъ новый штатъ для 4 кавказскихъ драгунскихъ полковъ: 4 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, рота инвалидовъ и рота нестроевыхъ, 1.300 чел., 549 строевыхъ и 84 обозныхъ лошадей, изъ нихъ 188 чел. и 4 обозныя лошади въ резервномъ эскадронѣ, гдѣ кромѣ того было 32 лошади изъ выранжированныхъ для обученія рекрутъ.

Въ концѣ 1862 г. реорганизація конницы послѣ Крымской кампаніи можетъ считаться оконченной. Составъ ея былъ слѣдующій:

1. Въ мирное время.

10 гвардейскихъ полковъ, по 4 дѣйствующихъ эскадрона, 735 чел. и 465 лошадей; 8 драгунскихъ, 8 уланскихъ и 8 гусарскихъ полковъ 1-й, 2-й, 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, по 4 дѣйствующихъ эскадрона, 834 чел. и 561 лошади; 6 драгунскихъ, 6 уланскихъ и 6 гусарскихъ полковъ 4-й, 6-й и 7-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій, по 4 дѣйствующихъ эскадрона, 638 чел. и 393 лошади; 4 драгунскихъ полка на Кавказѣ, по 4 дѣйствующихъ эскадрона, 1.113 чел. и 549 лошадей. Всего 56 полковъ, 224 дѣйствующихъ эскадрона, 43.302 чел. и 27.384 лошади.

10 гвардейскихъ резервныхъ эскадроновъ по 198 чел. и 116 лошадей, 24 резервныхъ дивизіона 1-й, 2-й, 3-й и 5-й кавалерійской дивизій, по 2 эскадрона, 415 чел. и 233 лошади; 18 резервныхъ эскадроновъ 4-й, 6-й и 7-й кавалерійскихъ дивизій, по 182 чел. и 98 лошадей; 4 резервныхъ эскадрона кавказскихъ драгунскихъ полковъ, по 188 чел. и 32 (выранжированныя) лошади. Всего 80 резервныхъ эскадроновъ, 16.054 чел. и 8.644 лошади.

Итого въ мирное время: 304 эскадрона, 59.356 чел. и 36.028 строевыхъ лошадей.

2. Въ военное время.

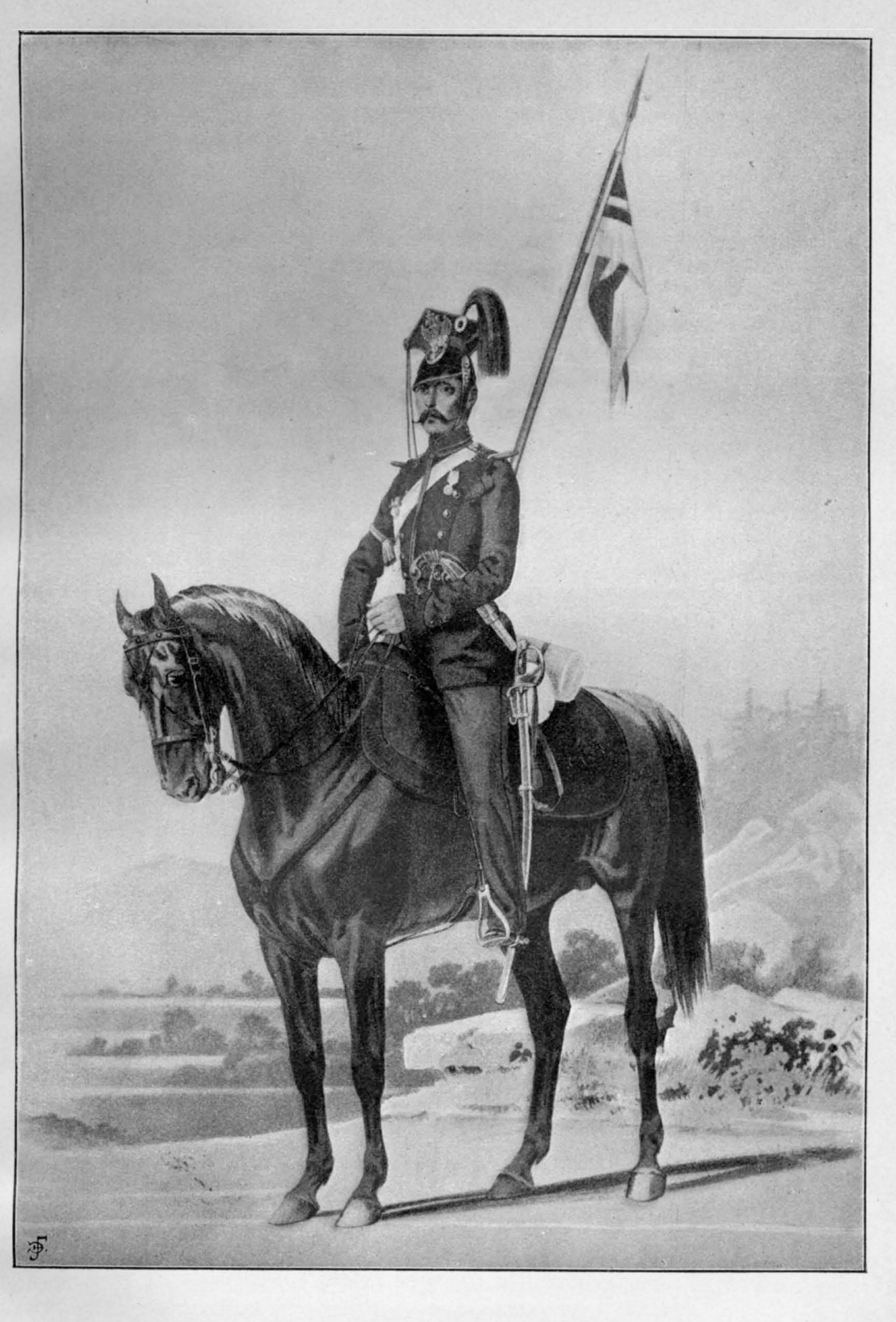
10 гвардейскихъ полковъ, по 4 дѣйствующихъ эскадрона, 884 чел. и 561 строевой лошади, 14 драгунскихъ, 14 уланскихъ и 14 гусарскихъ полковъ, по 4 дѣйствующихъ эскадрона, 967 чел. и 657 лошадей; 4 кавказскихъ драгунскихъ полка — какъ въ мирное время. Всего 56 полковъ, 224 дѣйствующихъ эскадрона, 53.806 чел. и 35.400 лошадей.

10 резервныхъ гвардейскихъ дивизіоновъ по 2 эскадрона, 506 чел. и 360 лошадей; 14 резервныхъ драгунскихъ, 14 резервныхъ уланскихъ и 14 резервныхъ гусарскихъ полковъ — по 4 эскадрона, 1.096 чел. и 721 лошади; 4 резервныхъ эскадрона кавказскихъ драгунскихъ полковъ — какъ въ мирное время. Всего 192 эскадрона, 51.930 чел. и 34.010 лошадей.

Итого въ военное время — 416 эскадроновъ, 105.736 человѣкъ и 69.410 лошадей.

Кромѣ того: 1 учебный эскадронъ, 1 кавалерійское училище, полуэскадронъ гвардейскихъ жандармовъ, 1½ эскадрона и 6 командъ полевыхъ жандармовъ; полицейскіе жандармы — 3 дивизіона въ 3 резиденціяхъ и команды въ губернскихъ, уѣздныхъ и пограничныхъ городахъ, гаваняхъ, крѣпостяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ.

Со времени кончины Императора Николая конница уменьшилась въ мирное время на 256 эскадроновъ и 44.491 лошадь, въ военное на 144 эскадрона и 11.109 лошадей. Разница будетъ еще значительнѣе, если сравнивать между собой только дѣйствующія части.

АРМЕЙСКІЙ УЛАНЪ 1858 г.

(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

Въ 1863 г. былъ учрежденъ комитетъ для разбора необходимыхъ преобразованій въ арміи; во главѣ его кавалерійскаго отдѣла находился Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Частью подъ вліяніемъ работъ комитета, частью независимо отъ нихъ, были произведены различныя измѣненія, которыхъ мы коснемся только вкратцѣ. Въ 1863 г. гвардейскій крымскій татарскій эскадронъ замѣненъ командой татаръ въ 28 чел. при конвоѣ, изъ которыхъ въ мирное время состояло на службѣ 10. Увеличено на 1 рядъ число рядовъ во взводахъ дѣйствующихъ эскадроновъ полковъ — 1-й, 2-й, 3-й и 5-й дивизій, и на столько же уменьшено число рядовъ въ соотвѣтствующихъ резервныхъ эскадронахъ, такъ что въ первыхъ стало 16, во вторыхъ 10 рядовъ. Образцовый эскадронъ переименованъ въ учебный. Въ 4 кавказскихъ драгунскихъ полкахъ даны лошади 5-му резервному эскадрону, и предписано формировать, въ случаѣ войны, 6-й резервный эскадронъ такъ, чтобы въ 5 эскадронѣ въ мирное время было 225 чел. съ 32 (выранжированными) строевыми и 4 обозными лошадьми, въ военное же въ 5 и 6 по 15 конныхъ рядовъ — 430 чел., 274 строевыхъ и 18 обозныхъ лошадей. Затѣмъ полки гвардіи и 1-й, 2-й, 3-й и 5-й дивизій приказано привести на военное положеніе, по 15 и 18 рядовъ во взводахъ, а полки 4-й, 6-й и 7-й дивизій довести до 16 рядовъ, и дана новая организація конницѣ, по которой всѣ полки кромѣ кавказскихъ должны, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, имѣть по 4 дѣйствующихъ и 1 резервный эскадронъ, — первые въ мирное время по 14, въ военное — по 16, второй — постоянно по 20 рядовъ во взводахъ. Сила дѣйствующихъ эскадроновъ полка — 855 чел., 529 строевыхъ и 19 обозныхъ лошадей въ мирное, и 950 чел., 593 строевыхъ и 70 обозныхъ лошадей въ военное время (въ гвардіи на одного человѣка меньше); сила резервныхъ эскадроновъ въ гвардіи 140, въ арміи въ первыхъ полкахъ каждой бригады 341, во вторыхъ — 337 человѣкъ и вездѣ 180 строевыхъ и 4 обозныхъ лошади (на мирномъ положеніи на 4 пѣшихъ человѣка меньше). Резервные эскадроны въ арміи были отдѣлены отъ дѣйствующихъ, въ гвардіи отдѣлялись только при приведеніи полковъ на военное положеніе; назначеніе ихъ было служить запасными частями. При каждомъ гвардейскомъ полку состояла инвалидная команда въ 34 чел.

Въ 1864 г. число обозныхъ лошадей полка было установлено троякое, въ зависимости отъ степени боевой готовности: 70, 31 и 19 лош. Всѣмъ армейскимъ полкамъ даны нумера, особо по каждому роду конницы. Для жандармскихъ частей установленъ слѣдующій составъ: гвардейскій полуэскадронъ въ 117 чел., 93 строевыхъ (3 офицерскихъ) и 2 обозныя лошади, полуэскадронъ въ 77 чел., 53 строевыхъ (3 офицерскихъ) лошади, 3 команды по 28 чел. и 23 лошади (1 офицерская). На кавказскіе драгунскіе полки распространенъ штатъ прочихъ конныхъ полковъ, но до 1866 г. при нихъ продолжала существовать инвалидная рота въ 170 чел.

Въ 1865 г. было положено полкамъ, имѣющимъ повозки новаго образца, имѣть: драгунскихъ въ военное время 56, въ мирное — 45, 15, 10 (при подвижной, обыкновенной и кадровой запряжкахъ) обозныхъ лошадей; въ прочихъ кавалерійскимъ полкахъ — 52, 42, 15 и 10; въ слѣдующемъ году было прибавлено по 8 лошадей для военнаго времени; кавказскіе драгунскіе полки имѣли въ военное время по 80, въ мирное — по 41 обозной лошади.

Въ 1866 г. кавалерійское училище [1]) было соединено съ учебнымъ эскадрономъ, для котораго былъ установленъ составъ въ 4 взвода по 18 рядовъ и 214 чел., 132 офицерскія и 165 строевыхъ лошадей, 20 вьючныхъ и 6 обозныхъ лошадей постояннаго состава и 322 (съ 1867 г. 372) чел. перемѣннаго состава.

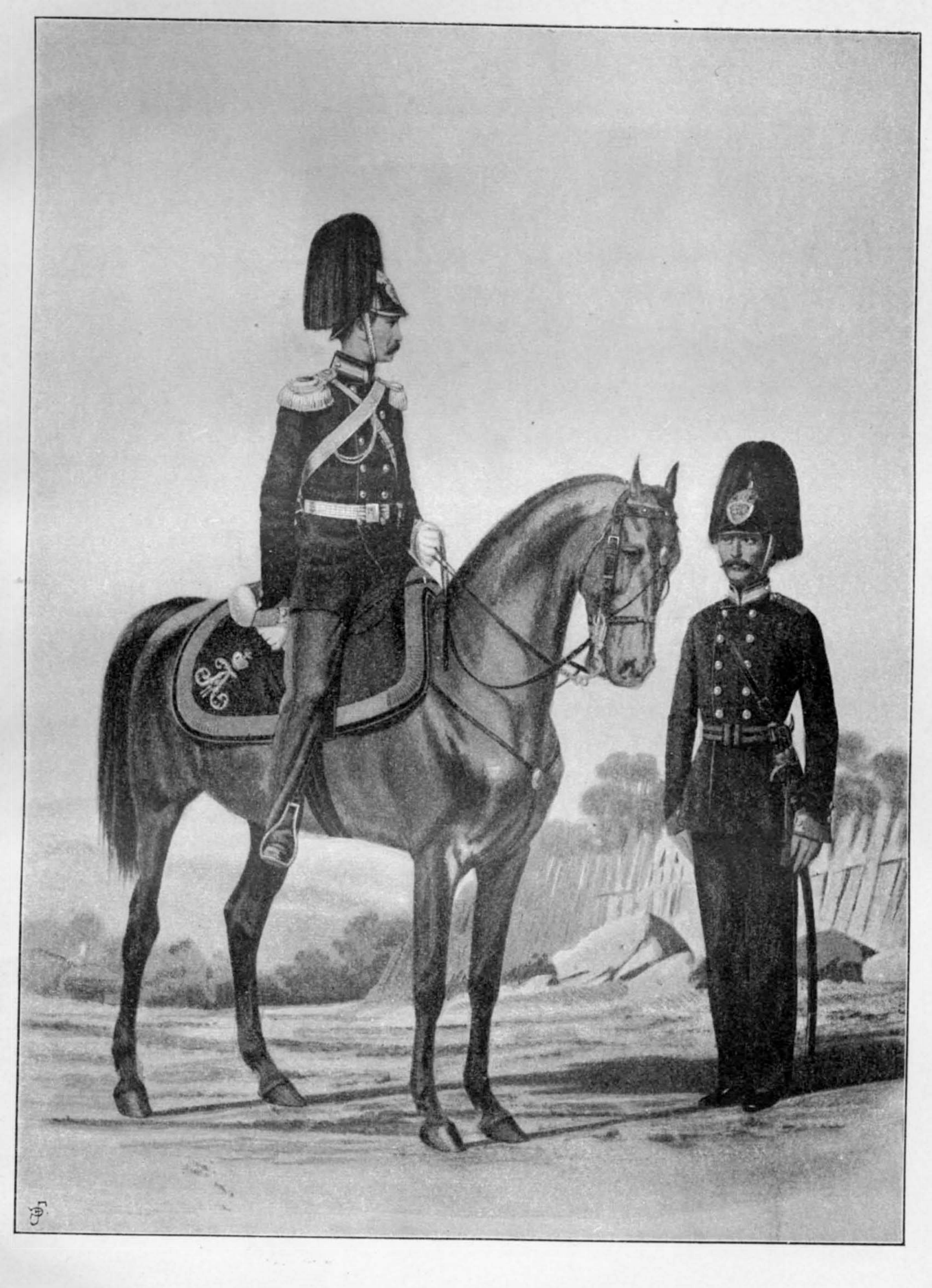
Въ 1867 г. военные жандармы уничтожены, за исключеніемъ гвардейскаго полуэскадрона въ прежнемъ составѣ и 1 команды въ 29 чел. и 23 лошади.

Въ послѣдующіе годы были произведены только самыя незначительныя измѣненія и дополненія. Поэтому мы упомянемъ только о положеніи 1875 г., по которому всѣ полки должны были имѣть 4 дѣйствующихъ эскадрона, 909 чел. и 593 строевыхъ лошади и сверхъ того 16 для вольноопредѣляющихся, обозныхъ — по запряжкамъ. При каждомъ полку вмѣсто резервнаго — запасный эскадронъ, который въ мирное время занимался выѣздкой лошадей, а въ военное долженъ былъ посылать, по мѣрѣ надобности, укомплектованія въ полкъ, для чего формировать маршевыя части изъ призываемыхъ при мобилизаціи запасныхъ людей. Въ гвардіи въ запасномъ эскадронѣ 224, въ арміи — 217 чел.; кромѣ того въ эскадронахъ, отдѣленныхъ отъ полковъ, по 30 рядовыхъ, а въ военное время еще 80 всадниковъ 1-го разряда.

Соединеніе въ высшія единицы. Тотчасъ по заключеніи мира въ 1856 г., съ распущеніемъ резервныхъ и запасныхъ частей, были упразднены штабы: своднаго гвардейскаго кавалерійскаго резервнаго корпуса съ его 2 дивизіями и 2 бригадами, легкой резервной кавалерійской дивизіи и ея двухъ сводныхъ бригадъ и наконецъ пяти резервныхъ бригадъ 1-й и 2-й кирасирскихъ, резервной уланской и 1-й и 2-й драгунской. Полки втораго резервнаго (драгунскаго) кавалерійскаго корпуса были распредѣлены по одному къ семи легкимъ дивизіямъ и кавказской арміи; резервная уланская дивизія распущена, и потому резервный кавалерійскій корпусъ (бывшій 1) остался въ составѣ только двухъ кирасирскихъ дивизій. Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ, въ каждой изъ семи легкихъ армейскихъ кавалерійскихъ дивизій получилось 3 бригады: 1-я изъ 2 драгунскихъ, 2-я изъ 2 уланскихъ и 3-я изъ 2 гусарскихъ полковъ. Впрочемъ, бригады

---

[1]) Елисаветградское, офицерское кавалерійское училище. *В. Сухомлиновъ.*

АРМЕЙСКІЕ ДРАГУНЫ 1860 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

были вскорѣ уничтожены, и въ гвардейскихъ и кирасирскихъ дивизіяхъ назначено по 1, въ прочихъ по 2 генералъ-маіора, въ качествѣ помощниковъ начальниковъ дивизій.

Въ 1857 г. 2-я, 4-я, 5-я и 6-я легкія кавалерійскія дивизіи включены въ составъ отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса, а 1-я и 2-я кирасирскія соединены въ одну изъ 4 сводныхъ полковъ (въ мирное время). Также и обѣ легкія гвардейскія дивизіи соединены въ одну шестиполковую подъ названіемъ 2-й, гвардейская же кирасирская дивизія, съ приданными къ ней гвардейскими казачьими частями, получила названіе 1-й гвардейской кавалерійской дивизіи.

Въ 1859 г. было сформировано 4 резервныхъ бригады для приведенныхъ на военное положеніе 1-й, 2-й, 3-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій; каждая бригада изъ 4 драгунскихъ, 4 уланскихъ, 4 гусарскихъ эскадроновъ; три послѣднія вошли въ составъ отдѣльнаго резервнаго кавалерійскаго корпуса. Въ 1860 г. въ его же составъ вошла и 3 легкая кавалерійская дивизія, а сводная кирасирская была выключена, и тогда корпусъ былъ переименованъ въ сводный кавалерійскій.

Легкія кавалерійскія дивизіи получили названіе просто кавалерійскихъ дивизій (числомъ 7).

Въ 1861 г. было постановлено отдѣлить отъ дѣйствующихъ полковъ резервные эскадроны и собрать таковые каждой дивизіи въ бригады, въ случаѣ приведенія дѣйствующихъ полковъ на военное положеніе; но можно было формировать эти бригады и тогда, когда полки оставались на мирномъ положеніи.

Вслѣдствіе этого были сформированы резервныя бригады для 1-й, 2-й и 3-й кавалерійскихъ дивизій. Послѣднія двѣ вошли въ составъ своднаго кавалерійскаго корпуса, и 2 кавалерійская дивизія изъ него выключена.

Въ 1862 г. были упразднены: гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ, резервныя бригады 1-й кавалерійской дивизіи и своднаго кавалерійскаго корпуса; кромѣ того еще ранѣе изъ состава этого корпуса были исключены 3-я кавалерійская дивизія съ ея резервной бригадой и резервная бригада 2-й кавалерійской дивизіи, и такимъ образомъ въ русской конницѣ корпусовъ уже не оставалось, а высшей единицей были дивизіи: 2 гвардейскія и 7 армейскихъ и двѣ резервныя бригады (2-й и 3-й кавалерійскихъ дивизій).

Въ 1863 г. были сформированы резервныя бригады гвардейскихъ 1-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й кавалерійскихъ дивизій; первая (упраздненная уже въ августѣ 1864 г.) изъ 10, прочія изъ 6 эскадроновъ. Всѣ резервныя бригады были подчинены начальнику резервной кавалеріи, имѣвшему особый штатъ.

Въ 1864 г. Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій былъ назначенъ Генералъ-Инспекторомъ Кавалеріи, и при немъ учреждено особое

управленіе изъ 3 генераловъ и 1 штабъ офицера для особыхъ порученій, начальника канцеляріи, адъютанта и 7 писарей. Званіе и управленіе начальника резервной кавалеріи уничтожено. 4 Кавказскихъ драгунскихъ полка сведены въ кавказскую кавалерійскую дивизію. Въ этомъ же году была введена военно-окружная система, съ упраздненіемъ корпусовъ, такъ что, какъ въ кавалеріи, такъ и въ пѣхотѣ, высшими единицами остались дивизіи. Въ это время конница имѣла слѣдующій составъ:

2 гвардейскія кавалерійскія дивизіи: 1-я изъ 4 кирасирскихъ и 2 казачьихъ полковъ, 2-я изъ конногренадерскаго, драгунскаго, 2 уланскихъ и 2 гусарскихъ полковъ; 7 кавалерійскихъ дивизій: каждая изъ 2 драгунскихъ, 2 уланскихъ и 2 гусарскихъ полковъ; кавказская кавалерійская дивизія изъ 4 драгунскихъ полковъ.

7 резервныхъ кавалерійскихъ бригадъ по 6 эскадроновъ (въ военное время еще гвардейская резервная бригада въ 10 эскадроновъ).

Въ строю дивизіи подраздѣлялись на двухполковыя бригады, но постоянное дѣленіе на бригады было введено только въ 1874 г. Гвардейскія и кавказскія драгунскія бригады состояли изъ 2 полковъ, прочія изъ 3 (драгунскаго, уланскаго и гусарскаго).

Въ 1875 г., при реорганизаціи конницы, число дивизій удвоено: каждая прежняя бригада съ придачей Донскаго казачьяго полка образовала дивизію, такъ что всего было:

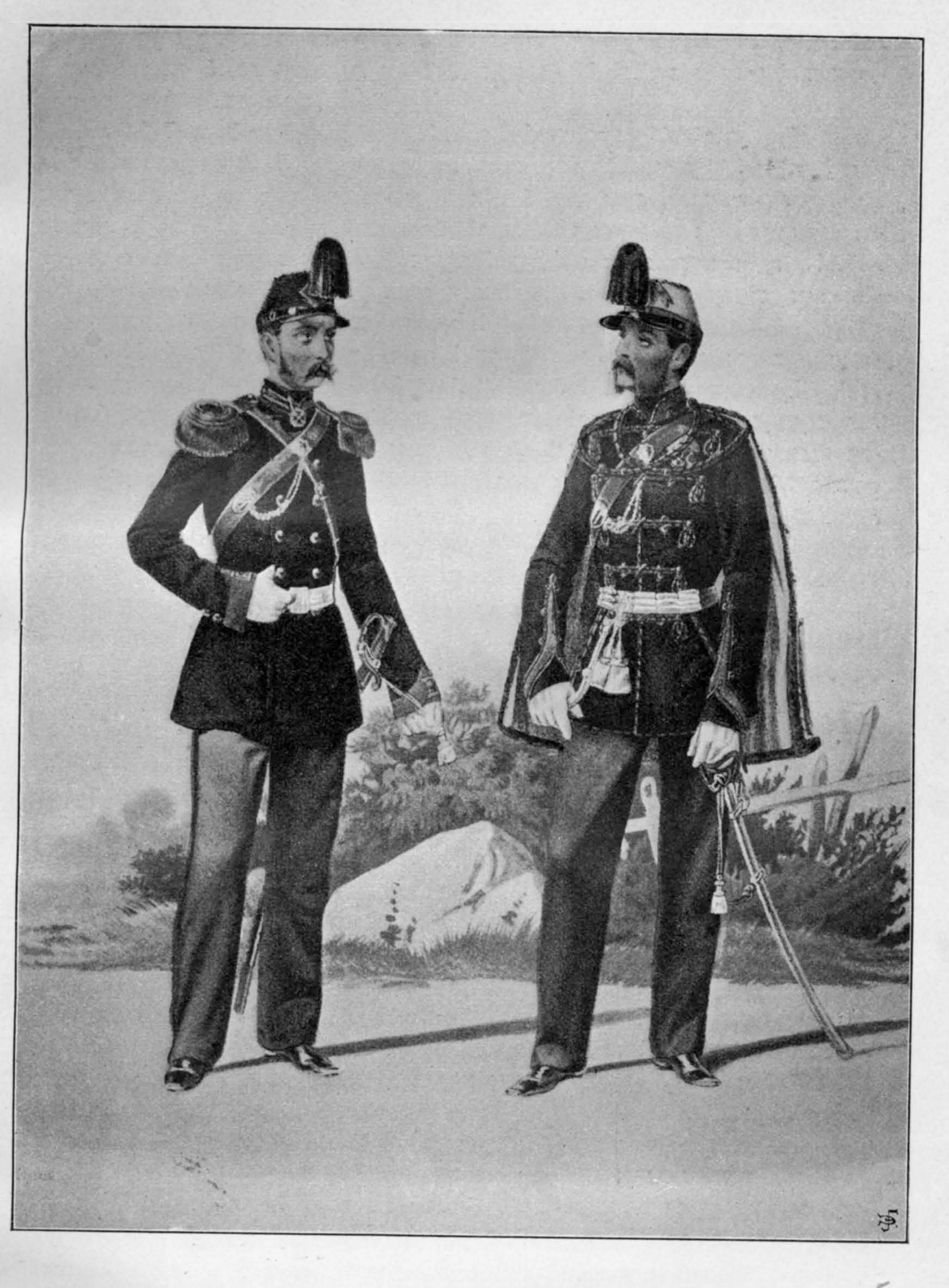
2 гвардейскія кавалерійскія дивизіи: 1-я изъ 4 кирасирскихъ полковъ, 2-я изъ 6 полковъ, какъ прежде (къ ней же причисленъ лейбъ-гвардіи Сводно-Казачій полкъ); въ случаѣ присоединенія обоихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, и раздѣленія лейбъ-гвардіи Сводно-Казачьяго полка на два, формируется всего 3 дивизіи гвардейской кавалеріи: гвардейская кирасирская изъ 4 кирасирскихъ полковъ и лейбъ-гвардіи Уральскаго Казачьяго эскадрона; 1-я гвардейская кавалерійская изъ Конногренадерскаго, Уланскаго, Гусарскаго Его Величества и Казачьяго Его Величества; 2-я—изъ Драгунскаго, Уланскаго Его Величества, Гродненскаго Гусарскаго и Атаманскаго полковъ.

14 (армейскихъ) кавалерійскихъ дивизій, по 2 бригады: 1-я изъ драгунскихъ и уланскихъ, 2-я изъ гусарскихъ и казачьихъ полковъ.

Кавказская кавалерійская дивизія изъ 4 драгунскихъ полковъ въ 2 бригадахъ, Донская казачья дивизія изъ 4 полковъ.

7 запасныхъ бригадъ, по одной на каждыя двѣ кавалерійскія дивизіи; въ случаѣ войны формируется и гвардейская запасная бригада.

Въ обмундированіи, снаряженіи и вооруженіи были сдѣланы измѣненія еще во время самой Крымской кампаніи: въ 1855 г. введены двубортные мундиры прежнихъ цвѣтовъ; у гусаръ отмѣнены ментики, (у офицеровъ они сохранились до 1866 г.), введены шаровары съ кантомъ, подшитые кожей, и въ гвардіи чакчиры; головной уборъ остался въ

ДРАГУНЪ И ПАВЛОГРАДСКІЙ ГУСАРЪ 1862 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

сущности тотъ же съ небольшими измѣненіями; въ 1855 г. введена новаго образца пика; въ 1856 г. постановлено кирасирамъ имѣть палаши и пистолеты, а въ передней шеренгѣ и пики; гусарамъ и уланамъ: въ передней шеренгѣ пики, сабли и пистолеты, въ задней — сабли и нарѣзные штуцера; драгунамъ — шашки и нарѣзныя ружья со штыками.

Въ 1857 г. введены вицъ-мундиры во всѣхъ 4 кирасирскихъ полкахъ, стальныя каски у жандармовъ, эполеты для офицеровъ, высокіе сапоги поверхъ рейтузъ; допущены разномастныя лошади въ полкахъ: у драгунъ — гнѣдыя, вороныя и рыжія, у уланъ и гусаръ — еще и сѣрыя.

Въ 1858 г. введены новаго образца шинели; въ каждомъ эскадронѣ кирасирскихъ, уланскихъ и гусарскихъ полковъ, по 16 чел. фланкеровъ получили нарѣзныя винтовки, прочіе же палаши или сабли и пистолеты.

Въ 1859 г. установлены фланкеры и въ драгунскихъ полкахъ, гдѣ они въ тоже время должны были быть коноводами и получили, кромѣ ружья, еще и пистолетъ.

Въ 1862 г. введены головной уборъ новаго образца и башлыки; гвардейскіе кирасиры сохранили каски, гвардейскіе гусары — медвѣжьи шапки и всѣ уланы свои шапки; у конногренадеръ и жандармовъ также оставлены для парадовъ ихъ каски. Утверждены новые образцы пикъ для тяжелой и легкой конницы; онѣ были совершенно одинаковы, только центръ тяжести былъ у вторыхъ на серединѣ, у первыхъ ближе къ верхнему концу.

Въ 1863 г. былъ принятъ заряжаемый сзади пистолетъ. Въ 1865 г. введены: новое суголовье, новыя кобуры, сѣтки для сѣна, у армейскихъ гусаръ вновь введены чакчиры, у гвардейскихъ драгунъ и полевыхъ жандармовъ кожаныя каски, револьверы вмѣсто пистолетовъ унтеръ-офицерамъ, трубачамъ и рядовымъ кирасирскихъ, уланскихъ и гусарскихъ полковъ первой шеренги; для второй шеренги тѣхъ же полковъ карабины, заряжающіяся съ казны; драгунамъ даны винтовки Крнка, впослѣдствіи Бердана и т. д.

Обученіе. Первыя измѣненія въ уставахъ послѣдовали въ 1856 г. Въ 1857 — 59 гг. вышло новое изданіе устава о кавалерійской службѣ въ 5 частяхъ: рекрутская школа; эскадронное и дивизіонное ученіе; полковое ученіе; ученіе высшихъ единицъ, преимущественно кавалерійскихъ дивизій; драгунская служба. Въ 1858 г. былъ изданъ особый уставъ для спѣшенныхъ драгунскихъ частей, и въ 1861 г. для казаковъ.

Въ 1869 г. изданъ „Уставъ о строевой кавалерійской службѣ“ изъ 3 частей: рекрутская школа, одиночное, шереножное и взводное ученіе; эскадронное ученіе; полковое ученіе. Въ видѣ дополненія, изданы въ 1873 и 1875 гг. правила для спѣшенныхъ стрѣлковъ уланскихъ и гусарскихъ полковъ. „Воинскій уставъ для спѣшенныхъ драгунскихъ полковъ“ изданъ въ 1870 г. и дополненъ въ 1874 г.

XXX. Австрійская конница въ новѣйшее время [1]).

Въ австрійской конницѣ, со времени окончанія Наполеоновскихъ войнъ, было произведено очень мало перемѣнъ. Въ 1848 г. сформированъ новый 13-й гусарскій полкъ; но въ 1851 г. опять расформированъ, и его кадръ обращенъ въ 5-й уланскій полкъ. Въ 1851 же году были уничтожены легкоконные полки: одинъ переформированъ въ драгунскій (№ 7), прочіе шесть въ уланскіе (№№ 6 — 11) полки. Въ 1858 г. были сформированы еще одинъ драгунскій и одинъ уланскій полки, такъ что всего было 40 полковъ: 8 кирасирскихъ, 8 драгунскихъ, 12 уланскихъ и 12 гусарскихъ. Съ учрежденіемъ въ 1852 г. эскадроновъ-депо, тяжелые полки имѣли 7 эскадроновъ, 1.343 чел. и 1.138 лошадей; легкіе—9 эскадроновъ, 2.037 чел. и 1.749 лошадей Въ томъ же году было установлено, чтобы всѣ унтеръ-офицеры, а равно и рядовые кирасирскихъ и уланскихъ полковъ имѣли по 2 пистолета, за исключеніемъ 16 чел. въ каждомъ эскадронѣ, которые были вооружены карабиномъ и однимъ пистолетомъ каждый; всѣ драгуны и гусары имѣли по карабину и пистолету.

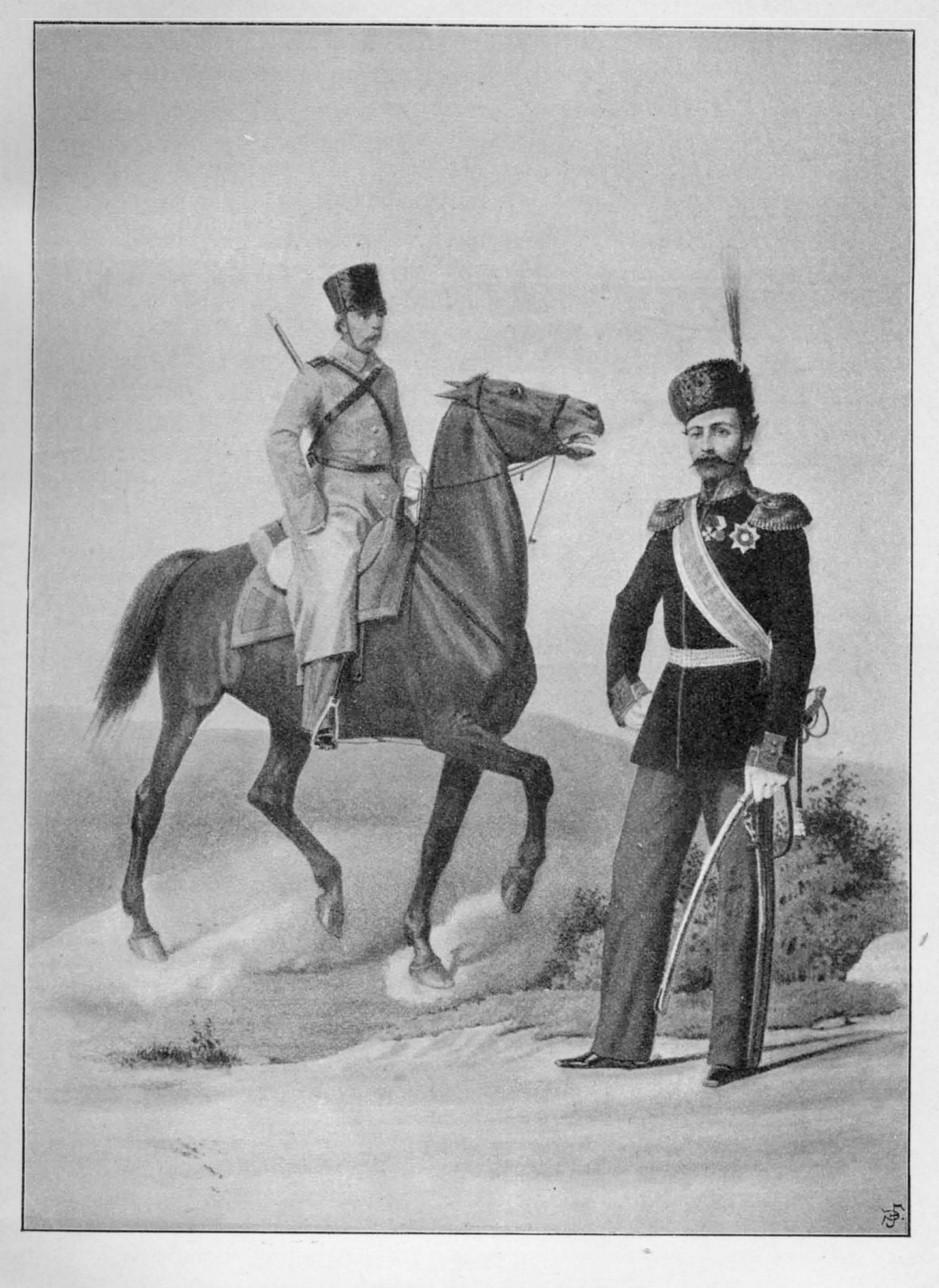
При наступленіи итальянской войны 1859 г. было предписано сформировать 7 иррегулярныхъ легкихъ, 7 конныхъココ сересанскихъ и изъ волонтеровъ въ Венгріи 10 гусарскихъ дивизіоновъ; по окончаніи войны первые 14 были распущены, а изъ послѣднихъ сформировано 2 четырехъ эскадронныхъ гусарскихъ полка (№№ 13 и 14).

Въ 1860 г. была введена новая организація, по которой въ конницѣ было полковъ: 12 кирасирскихъ, 2 драгунскихъ, 14 гусарскихъ (въ томъ числѣ 2 изъ волонтеровъ) и 13 уланскихъ (въ томъ числѣ 1 изъ волонтеровъ), всего 41. Всѣ полки, за исключеніемъ сформированныхъ изъ волонтеровъ, которые сохранили по 4 дивизіи и 8 эскадроновъ, были въ 3 дивизіона, въ военное время всѣмъ полкамъ придавалось еще по эскадрону-депо.

Только одни кирасиры, у которыхъ были, впрочемъ, отмѣнены кирасы, составляли тяжелую; всѣ прочіе легкую конницу. Первые были силою въ мирное время — 6 эскадроновъ, 948 чел. и 788 лошадей, въ военное — 7 эскадроновъ, 1.180 чел. и 1.001 лош.; вторые въ — мирное время 1.020 чел. и 848 лошадей, въ военное — 1.264 чел. и 1.071 лошадь; полки волонтеровъ въ мирное время — 8 эскадроновъ, 815 чел. и 646 лошадей, въ военное — 9 эскадроновъ, 1.898 чел. и 1.652 лошади.

Въ 1862 г. полки изъ волонтеровъ были переформированы въ регулярные въ тотъ же 6 эскадронный составъ, какъ и прочіе, затѣмъ послѣдовало дальнѣйшее уменьшеніе численности конницы: кирасирскіе полки были переведены въ 5-ти, прочіе въ 6-ти эскадронный составъ, всѣ — въ

[1]) Изъ источниковъ гл. XXV: Berneck. La Roche (Gech d. Kriegskunst) Meynert; Gatti, Kriegsmacht, Meynert, D. Reit.-Regtr. и т. д.

ДОНСКІЕ КАЗАКИ 1862 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

2 дивизіонахъ. При переходѣ на военное положеніе одинъ изъ эскадроновъ, по усмотрѣнію командира полка, обращался въ эскадронъ-депо, и полки выступали съ 4 и 5 эскадронами. Тяжелые полки были силой: въ мирное время — въ 833 чел. и 703 лошади, въ военное — 896 чел. и 775 лошадей; легкіе — 1.007 чел., 854 лошади или 1.072 чел., 929 лошадей. Эскадроны-депо, включенные въ вышеприведенныя цифры военнаго времени, имѣли 172 чел. и 150 лошадей; 8-й кирасирскій полкъ, на основаніи даннаго ему въ 1619 г. (тогда кирасирскій полкъ Дампіерра) права никогда не быть ни уменьшеннымъ въ численности, ни уничтоженнымъ, сохранилъ 6 эскадроновъ (изъ нихъ въ военное время 1 эскадронъ-депо) и 863 чел., 723 лошади въ мирное, а въ военное время — 872 чел., и 748 лошадей.

Въ этомъ составѣ и силѣ дѣлала австрійская конница кампанію 1866 г.

Въ 1867 г. всѣ 12 кирасирскихъ полковъ съ сохраненіемъ названій и шефовъ, были переформированы въ драгунскіе, а уже существовавшіе 2 полка этого рода получили №№ 13 и 14. Въ тоже время установленъ одинаковый ростъ для всѣхъ назначаемыхъ въ конницу рекрутъ. Всѣ полки имѣли по указу 18 февраля 1868 г. по 6 эскадроновъ (въ 137 чел., 6 офицерскихъ и 114 строевыхъ лошади каждый), въ 2 дивизіонахъ, и депо (Ergänzungsdepot 23 чел. и 4 лошади, развертывавшееся въ военное время въ эскадронъ), всего 879 чел. и 729 лошадей. Слѣдовательно, всѣмъ полкамъ, за исключеніемъ 8-го драгунскаго, пришлось сформировать по 6-му эскадрону.

Въ 1869 г. былъ назначенъ генералъ-инспекторъ всей конницы въ лицѣ фельдмаршалъ-лейтенанта Эдельсгеймъ-Гіулая; совершенно уничтожено различіе между тяжелой и легкой конницей; всѣ полки получили одинаковыхъ лошадей и вооруженіе. Число полковъ осталось прежнее — 41 (14 драгунскихъ, 14 гусарскихъ, 13 уланскихъ); каждый полкъ въ мирное время изъ 6 дѣйствующихъ эскадроновъ, по 136 чел. и 1 запаснаго кадра (Ergänzungscadre вмѣсто Ergänzungsdepot), въ военное — изъ 6 дѣйствующихъ, по 171 чел., 1 запасному и 1 резервному эскадрону; послѣдніе служили штабной конницей. Вооруженіе состояло изъ сабель и карабиновъ (по 100 на эскадронъ); 4-ые взводы всѣхъ 6 эск. должны были быть обучены піонерному дѣлу и получить соотвѣтствующій инструментъ; сверхъ того, въ каждомъ эскадронѣ слѣдовало имѣть по 5 чел., обученныхъ тому же дѣлу.

Въ 1875 г. было уничтожено 2 уланскихъ (№ 9 и 10) и вновь сформировано 2 гусарскихъ полка (№ 15 и 16).

XXXI. Реорганизація прусской конницы въ 1860 и 1866 гг.[1]).

Ко времени кончины короля Фридриха Вильгельма III прусская конница состояла изъ полковъ: гвардейскихъ — 1 garde du corps, 1 кирасирскаго, 1 драгунскаго, 1 гусарскаго и 2 уланскихъ (ландверныхъ); армейскихъ — 8 кирасирскихъ, 4 драгунскихъ, 12 гусарскихъ и 8 уланскихъ; всѣ по 4 эскадрона. Кромѣ того, 26 сводныхъ ландверныхъ полка, по 4 эскадрона 1-го призыва и 104 ландверныхъ эскадрона 2-го призыва.

Въ началѣ царствованія Фридриха Вильгельма IV (1840 — 1861 г.) въ конницѣ не было произведено никакихъ измѣненій, только она получила въ 1842 г., одновременно со всей арміей, новое обмундированіе, въ общемъ сохранившееся до сихъ поръ, а впослѣдствіи и новое вооруженіе (въ 1850 — 51 гг. ударныя, а въ 1858 — 59 гг. игольчатыя ружья). Болѣе серьезныя измѣненія были сдѣланы въ ландверной конницѣ; въ 1843 г. всѣ ландверные эскадроны 1-го призыва были усилены съ 150 на 200 коней, и изъ нихъ, при призывѣ, долженъ былъ формироваться 4-й эскадронъ, для котораго въ мирное время, однако, кадра не было. Число ландверныхъ полковъ было, такимъ образомъ, доведено въ военное время, съ прежде существовавшими до 34, причемъ каждому изъ нихъ дано по штандарту, который долженъ былъ возиться въ 1-мъ эскадронѣ. Въ 1850 г. было сформировано 2 гвардейскихъ ландверныхъ кавалерійскихъ полка по 4 эскадрона, а оба уланскихъ гвардейскихъ полка (ландверные) были перечислены въ дѣйствующіе. Въ 1852 г. была произведена реорганизація ландверной конницы, на основаніи которой она должна была впредь состоять изъ полковъ: 2 гвардейскихъ, 8 тяжелыхъ, 4 драгунскихъ, 12 гусарскихъ и 8 уланскихъ, всѣ по 4 эскадрона и 8 резервныхъ эскадроновъ. Мобилизація 1850 г. и послѣдующіе опыты показали несостоятельность формированія новыхъ частей въ военное время (безъ кадра), хотя бы и изъ служившихъ прежде солдатъ, но на необъѣзжанныхъ лошадяхъ; поэтому было рѣшено содержать кадры для предположенныхъ къ сформированію въ военное время частей, долженствующихъ идти въ походъ, ландверъ же оставить для 2-й очереди и для крѣпостей. Соотвѣтственно этимъ взглядамъ уже въ послѣдній годъ царствованія Фридриха Вильгельма IV, когда принцъ Вильгельмъ (впослѣдствіи Императоръ Вильгельмъ I) былъ регентомъ, была произведена совершенная реорганизація всей арміи, по которой конница была увеличена на 1 драгунскій и 1 уланскій гвардейскіе и на 4 драгунскіе и 4 уланскіе армейскіе полка; большая же

---

[1]) Кромѣ источниковъ въ гл. XXIV: Baron F. v. Lüdingshausen, gen. Wolff. Organisation und Dienst der K. Preuss. Kriegsmacht 1—18 Auflage. Berlin 1863 — 1876. — Originalorders und Erlasse im Armee-Verordnungs-Blatt (Seit April 1867). Milit. Wochenbl. и т. д. und Werke des K. Pr. Generalstabes über die Kriege 1866 u. 1870—71.

ГВАРДЕЙСКІЙ ГУСАРЪ 1865 г.
(РУССКАЯ КОННИЦА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ II).

часть ландверныхъ полковъ 1-го призыва была уничтожена, и таковыхъ осталось всего полковъ: 1 тяжелый, 1 драгунскій, 5 гусарскихъ и 5 уланскихъ и 8 отдѣльныхъ эскадроновъ; конницы 2-го призыва не предполагалось. Затѣмъ всѣ армейскіе полки получили, сохранивъ нумера, еще и названія по тѣмъ провинціямъ, въ какихъ они стояли, или изъ которыхъ пополнялись, и 4 драгунскихъ и 4 уланскихъ полка были доведены до 5 эскадроннаго состава.

Такимъ образомъ, ко дню вступленія на престолъ короля Вильгельма I въ 1861 г., въ прусской конницѣ было полковъ: гвардейскихъ—1 garde du corps, 1 кирасирскій, 2 драгунскихъ, 1 гусарскій и 3 уланскихъ, всѣ по 4 эскадрона; армейскихъ —8 кирасирскихъ, 8 драгунскихъ, 12 гусарскихъ и 12 уланскихъ (4 драгунскихъ и 4 уланскихъ по 5, прочіе — по 4 эскадрона). Всего 48 полковъ и 200 эскадроновъ.

Ландверныхъ частей: 1 тяжелый, 1 драгунскій, 5 гусарскихъ и 5 уланскихъ полковъ, по 4 эскадрона, и 8 отдѣльныхъ эскадроновъ. Всего 56 ландверныхъ эскадроновъ.

Въ такомъ составѣ прусская конница дѣлала кампанію 1866 г., во время которой было сверхъ того сформировано еще: 1 резервный ландверный драгунскій дивизіонъ въ 2 эскадрона, 2 резервныхъ ландверныхъ гусарскихъ и 2 резервныхъ ландверныхъ уланскихъ полка по 4 эскадрона.

По окончаніи войны 2 кургессенскіе гусарскіе полка были переведены въ прусскую армію съ №№ 13 и 14, и затѣмъ изъ отнятыхъ отъ каждаго полка по 1 или по 2 эскадрона (изъ запасныхъ) сформировано—8 драгунскихъ, 2 гусарскихъ и 4 уланскихъ полка, причемъ всѣ полки были 4-хъ эскадроннаго состава, и ландверная конница совершенно уничтожена.

Въ 1867 г. всѣ полки приведены въ 5 эскадронный составъ, причемъ постановлено, что въ случаѣ войны одинъ изъ эскадроновъ остается на мѣстѣ, въ качествѣ запаснаго.

По заключеннымъ съ различными мелкими государствами конвенціямъ, вошли въ составъ прусской арміи еще 8 драгунскихъ полковъ: въ 1867 г. 1 ольденбургскій, въ 1868 г. — 2 мекленбургскихъ, въ 1870 г. — 3 баденскихъ и въ 1871 г. —2 гессенскихъ; безъ всякой конвенціи: 1 брауншвейгскій гусарскій полкъ. Такимъ образомъ, всего было полковъ: гвардіи—1 garde du corps, 1 кирасирскій, 2 драгунскихъ, 1 гусарскій и 3 уланскихъ; арміи— 8 кирасирскихъ, 24 драгунскихъ, 17 гусарскихъ и 16 уланскихъ. Всего 73 полка [1]) по 5 эскадроновъ, 731 чел. и 730 лошадей въ мирное; 4 эскадрона 684 чел., 711 лошадей и 8 повозокъ въ военное время.

Въ военное время должно было быть еще сформировано 29 резервныхъ полковъ, по 4 эскадрона и 602 чел. Дѣйствительно же сформировано было въ войну 1870 — 71 гг. 2 тяжелыхъ, 3 драгунскихъ, 4 гусарскихъ и 5 улан-

[1]) Сверхъ того Ганноверская школа (вмѣсто учебнаго эскадрона).

скихъ, т. е. всего 16 полковъ, изъ нихъ 2 — по 6, 1 — въ 5, прочіе — по 4 эскадрона. Кромѣ того, для охраненія многочисленныхъ плѣнныхъ было сформировано 59 пѣшихъ ландверныхъ эскадроновъ-депо, по 204 чел.

XXXII. Вольные стрѣлки въ 1870 — 71 гг. и прусская конница.

Денисонъ въ значительной степени преувеличиваетъ значеніе французскихъ вольныхъ стрѣлковъ; совсѣмъ не къ ихъ заслугѣ нужно отнести пріостановку операцій нѣмцевъ и дальніе поиски ихъ конницы; причина этой пріостановки заключается съ одной стороны въ томъ, что нѣмецкія арміи были какъ бы прикованы къ двумъ крѣпостямъ Парижу и Мецу, а съ другой, что никакихъ французскихъ войскъ болѣе и не было. При этихъ условіяхъ, очевидно, нѣмецкой конницѣ не оставалось ничего другого, какъ продолжать держаться отъ своихъ остановившихся армій на томъ же разстояніи, на которомъ она держалась отъ нихъ, пока онѣ двигались. Слѣдствіемъ этого явилась необходимость придавать пѣхотныя части коннидѣ (вынужденной оставаться на мѣстѣ и тѣмъ лишенной главной своей силы), для удержанія наиболѣе важныхъ пунктовъ, особенно ночью. Только это и было задачей пѣхоты, а никакъ не постоянное сопровожденіе и охраненіе конницы во время ея движеній, что, вполнѣ очевидно, явствуетъ и изъ сравнительной слабости пѣхоты — около 1 батальона на кавалерійскую дивизію въ 5 — 9 полковъ. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы пѣхотою была связана подвижность кавалеріи. Какъ только впослѣдствіи появился опять видимый противникъ, то и конница сейчасъ же начала дѣйствовать по старому, т. е. какъ стратегическій авангардъ арміи, и если бы послѣ капитуляціи Парижа военныя дѣйствія продолжались, то, конечно, конница сумѣла бы еще съ большимъ успѣхомъ выполнить свои задачи противъ почти совершенно лишенныхъ кавалеріи, импровизированныхъ французскихъ частей.

Такимъ образомъ, нельзя не оправдывать приданія пѣхотныхъ частей конницѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ при позиціонной войнѣ, при пріостановкѣ по той или другой причинѣ главныхъ операцій, вообще всегда, когда, желая сохранить силы конницы, не будутъ возлагать на нее одну ночную сторожевую службу, совершенно противную ея основнымъ свойствамъ. Но съ другой стороны слѣдуетъ прибавить, что конница, вооруженная дальнобойными винтовками и обученная пѣшему бою, будетъ гораздо менѣе и рѣже нуждаться въ поддержкѣ пѣхоты, чѣмъ не умѣющая сражаться пѣшкомъ.

Что касается собственно до вольныхъ стрѣлковъ 1870 — 71 гг., то это была чистая импровизація со всѣми присущими ей недостатками, причемъ

возлагавшіяся на нихъ задачи не вполнѣ ясно сознавались самими лицами ихъ формировавшими. Одни смотрѣли на нихъ, какъ на легкую пѣхоту, другіе — какъ на кадръ для народной войны; они же сами считали себя совершенно независимыми частями и никому не подчинялись, т. е. придерживались взглядовъ, совершенно несогласныхъ съ военной службой. Послѣдствія этого взгляда были очень печальны для самаго дѣла, на защиту котораго они встали, и французскіе правители стали все болѣе и болѣе склоняться на сторону того мнѣнія, чтобы сдѣлать изъ нихъ легкую пѣхоту, т. е. регулярныя импровизированныя части. Но какъ таковыя онѣ только лишній разъ доказали полную несостоятельность подобныхъ импровизацій.

XXXIII. Огнестрѣльное оружіе въ рукахъ кавалеріи. Взглядъ и предложеніе подполковника Денисона и опытъ исторіи.

Авторъ исторіи кавалеріи, основываясь на положительномъ опытѣ американской войны и отрицательныхъ результатахъ, данныхъ войнами 1870 — 71 гг. и другими, выступаетъ рѣшительно за вооруженіе легкой кавалеріи не только хорошимъ, дальнобойнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ для пѣшаго боя, но и за примѣненіе револьвера верхомъ при шокѣ и во время рукопашки. При этомъ авторъ вновь затрогиваетъ вопросъ, о примѣненіи въ кавалеріи огнестрѣльнаго оружія и отношеніи его къ холодному, съ очень интересной и оригинальной точки зрѣнія.

На этомъ стоитъ остановиться болѣе подробно, основываясь на данныхъ исторіи.

Примѣненіе огнестрѣльнаго оружія и пѣшкомъ и верхомъ почти также старо, какъ и существованіе самой кавалеріи.

Первоначальная мысль — придать части пѣхоты подвижность конницы, причемъ лошадь была бы только средствомъ передвиженія—мало-по-малу переродилось въ томъ смыслѣ, что теперь наоборотъ конница, исполняя свои истинныя задачи, должна быть способна, въ случаѣ надобности, исполнить и задачи пѣхоты, будучи для этого снабжена дальнобойнымъ оружіемъ.

Такимъ образомъ прежнюю конную пѣхоту замѣнила теперь спѣшивающаяся конница.

Какъ эти два типа ни рознятся между собою, въ существѣ ихъ лежитъ однако одна общая мысль — сочетаніе быстроты и подвижности конницы съ огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ пѣхоты. Мысль чрезвычайно старая, и мы здѣсь не будемъ входить въ подробности о необходимости для конницы пѣшаго боя и соотвѣтственнаго вооруженія, снаряженія и обученія.

Что касается примѣненія огнестрѣльнаго оружія въ конницѣ верхомъ, то тутъ мы встрѣчаемся съ меньшей опредѣленностью и ясностью взгля-

довъ, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Мы видимъ сначала караколированіе конницы, съ подъѣзжаніемъ къ пѣхотѣ по одиночкѣ или шеренгами, для стрѣльбы, безъ шока, на подобіе прежнихъ конныхъ лучниковъ или метателей копій; затѣмъ является примѣненіе пистолета или карабина для одиночнаго разсыпнаго коннаго боя, на большихъ дистанціяхъ, на мѣстѣ или на малыхъ аллюрахъ, на подобіе застрѣльщиковъ въ пѣхотѣ, а иногда (на маневрахъ) и противъ таковыхъ; наконецъ, мы встрѣчаемъ стрѣляющія конныя линіи, колонны и даже каре.

При подобнаго рода примѣненіи огня не видно никакой опредѣленной мысли, во всякомъ случаѣ проявлялось полное отсутствіе кавалерійскаго духа и выражалось только желаніе найти средство противъ возрастающаго превосходства пѣхоты — главной представительницы огнестрѣльнаго боя. При этомъ полное непониманіе сути кавалерійскаго дѣла, значенія и настоящаго образа дѣйствія конницы. Мало-по-малу дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ сдѣлалось, въ сознаніи кавалеристовъ, противуположностью шоку и смѣлымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ большинствѣ регулярныхъ конницъ и существуетъ убѣжденіе въ томъ, что дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ на конѣ не слѣдуетъ и что единственное оружіе, пригодное верхомъ, есть холодное.

Денисонъ находитъ, что въ этомъ пошли слишкомъ далеко. При этомъ онъ парализуетъ то возраженіе, на которомъ всегда разбивались предложенія дѣйствовать огнемъ съ коня.

Онъ именно стоитъ за шокъ и за атаку полнымъ ходомъ и только для поддержки ея предлагаетъ, не уменьшая аллюра, стрѣлять по предмету атаки, чтобы пробить себѣ брешь.

Это въ сущности тоже самое, какъ если-бы пѣхота шла въ атаку наклонивъ штыки и въ то же время бы стрѣляла на ходу.

Такого рода взглядъ (подобно которому мы встрѣчаемъ у Густава-Адольфа[1]) на дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ съ коня — взглядъ, при которомъ все-таки главная надежда возлагается на ударъ полнымъ ходомъ, — не можетъ быть отвергнутъ безъ ближайшаго разсмотрѣнія. При этомъ, кромѣ трудности пріученія лошади[2]) къ подобному употреб-

[1]) Его конница строилась въ три шеренги; должна была идти прямо на противника— столкнуться съ нимъ; только первая или, самое большое, первыя 2 шеренги, должны были стрѣлять, когда подойдутъ къ противнику настолько близко, что видецъ „бѣлокъ въ его глазу"; затѣмъ схватиться за холодное оружіе; третья же шеренга, безъ выстрѣла, идти съ шпагой на непріятеля и приберечь оба пистолета (какъ и обѣ переднія—одинъ) для рукопашнаго боя.

[2]) При крайне чувствительномъ отношеніи значительной части лошадей къ выстрѣлу въ непосредственной близости отъ уха и при необыкновенной ихъ памяти, кажется совсѣмъ не легкимъ достичь того, чтобы подобная линія, стрѣляющая залпами или по одному, осталась въ полномъ порядкѣ и сомкнутости. Если же этого нѣтъ, то не только пропадаетъ сила удара, но и атакующимъ всадникамъ угрожаетъ опасность отъ своихъ товарищей.

ленію револьвера, еще и присутствіе офицеровъ передъ фронтомъ атакующей части, становится совершенно невозможнымъ; управленіе же атакой, или вообще какимъ-либо движеніемъ конницы, изъ фронта, или позади его, въ высшей степени затруднительно. Вслѣдствіе этого употребленіе револьвера при атакѣ возможно только, если дать 2 — 3 выстрѣла по сближеніи съ противникомъ па 75 шаговъ, т. е. съ переходомъ въ карьеръ, при чемъ всякое управленіе прекращается и офицеры могутъ, пріостановясь, или совсѣмъ, или на полъ лошади, въѣхать во фронтъ, какъ это дѣлается при пѣхотныхъ, штыковыхъ атакахъ и дѣлалось прежде въ нѣкоторыхъ конницахъ, вооруженныхъ копьями. Послѣ выстрѣла револьверъ, висящій на ремнѣ, бросается и всадникъ хватается за висѣвшую до того на темлякѣ саблю или бывшую въ лѣвой рукѣ пику. Вторая шеренга не стрѣляетъ. Мы никакъ не можемъ согласиться, что изъ револьвера можно дѣйствовать и послѣ столкновенія, въ рукопашномъ бою; слишкомъ легко попасть въ своего вмѣсто непріятеля, да и затѣмъ, выпустивши всѣ заряды, придется хвататься за холодное орудіе, — это критическій моментъ, въ теченіе котораго всадникъ будетъ совершенно безоруженъ. Денисонъ также не исключаетъ совершенно сабли, а оставляетъ ее для дѣйствія, когда всѣ заряды револьвера истрачены, при преслѣдованіи, а частью и для боя съ непріятельскими всадниками.

Мы вкратцѣ резюмируемъ здѣсь взгляды и предложенія Денисона и, параллельно, выскажемъ на тотъ же предметъ нашъ взглядъ. Причины, по которымъ предлагается ввести револьверъ и примѣнять его при шокѣ и рукопашкѣ, слѣдующія:

1. Онъ поражаетъ на болѣе дальнее разстояніе, чѣмъ холодное оружіе и раны, имъ нанесенныя, тяжелѣе, парировать же ударъ нельзя.

2. Дѣйствіе изъ него возможно и безъ особенно тщательнаго прицѣливанія, такъ какъ стрѣляютъ только на близкія разстоянія.

3. Для употребленія его не нужно ни той силы удара, которая необходима при дѣйствіи пикой, ни той поворотливости лошади, которая необходима при дѣйствіи саблей.

4. Длинный револьверъ, кромѣ своего непосредственнаго назначенія, можетъ служить и для парированія ударовъ сабли и уколовъ пики.

5. Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго всадникъ, вооруженный револьверомъ, имѣетъ значительныя преимущества передъ тѣми, которые имъ не вооружены.

Всѣ эти обстоятельства взяты Денисономъ изъ опытовъ Американской междоусобной войны, которая, однако, какъ онъ самъ это признаетъ, происходила при условіяхъ совершенно отличныхъ отъ европейскихъ, а часто и діаметрально имъ противоположныхъ, таковы:

1. Крайне обширный театръ войны и особыя условія мѣстности, а именно: много первобытныхъ, непроходимыхъ лѣсовъ, высокіе заборы и ограды.

2. Развитіе и смѣтливость американцевъ всѣхъ состояній и положеній.

3. Привычка къ постоянному употребленію, еще съ молодыхъ лѣтъ, винтовки и вообще огнестрѣльнаго оружія, и потому особенное къ нему довѣріе; а со времени техасскихъ войнъ развился даже обычай имѣть постоянно при себѣ револьверъ.

4. Высокое мнѣніе объ огнестрѣльномъ оружіи и глубокое презрѣніе къ холодному у всѣхъ американцевъ (особенно южанъ), за исключеніемъ немногочисленной регулярной и организованной по европейскому образцу конницы. Атака холоднымъ оружіемъ считалась безуміемъ, дающимъ вѣрную побѣду противнику; мнѣніе это доводилось иногда до крайности. вспомнимъ только конныя атаки съ пальбой изъ охотничьихъ ружей и затѣмъ дѣйствіе въ рукопашномъ бою прикладами; бой на револьверахъ спѣшенныхъ всадниковъ противъ коннаго противника и противъ превосходной по своимъ силамъ пѣхоты. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественна неудачная конная атака, съ саблей въ рукахъ, противъ спѣшенныхъ кавалеристовъ, вооруженныхъ винтовками и засѣвшихъ за заборомъ, что наблюдалось нерѣдко въ исторіи этой войны.

5. Кромѣ того почти совершенное отсутствіе постояннаго обученнаго и воспитаннаго войска, и невозможность создать таковое въ короткій срокъ.

6. Недостатокъ времени для выѣздки лошадей со всѣми послѣдствіями подобной дурной подготовки, что и выражено въ слѣдующихъ словахъ генерала Дюка: „конечно, очень легко атаковать вдоль по дорогѣ въ колоннѣ по четыре, но очень трудно атаковать по полю длинной линіей и сохранить при этомъ нѣкоторое подобіе строя“.

Всѣ эти совершенно исключительныя обстоятельства, а равно и богатыя средства страны и широкое ими пользованіе, повели къ формированію большихъ отрядовъ конной пѣхоты, вооруженной отличнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Не желая нисколько умалять заслугъ, оказанныхъ подобными конными частями, особенно при преслѣдованіи, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, выраженнымъ тѣмъ же генераломъ Дюкомъ: „мы были собственно не конница, а конные стрѣлки“. Рядомъ съ этими стрѣлками встрѣчаются и настоящіе конные полки, но употребленіе тѣхъ и другихъ было совершенно одинаково. Очевидно, что гдѣ нѣтъ настоящей конницы или ея очень мало, главное значеніе принадлежитъ конной пѣхотѣ, а эта послѣдняя будетъ, конечно, полагаться преимущественно на огнестрѣльное оружіе, такъ какъ холодное требуетъ прежде всего хорошо выѣзженныхъ лошадей.

Мы нисколько не хотимъ, повторяемъ, умалить заслугъ американскихъ всадниковъ; мы твердо убѣждены, что, будучи продуктомъ всѣхъ мѣстныхъ условій и вліяній, они вышли бы побѣдителями изъ борьбы съ любой европейской конницей, внезапно перенесенной въ Америку. Но съ другой стороны мы также твердо увѣрены, что, будучи перевезены въ

Европу съ ея условіями и столкнувшись съ нашей регулярной кавалеріей, они потерпѣли бы фіаско. Наше мнѣніе такое: дайте конницѣ оружіе какое хотите—хотя бы и револьверъ, если она имѣетъ къ нему особое пристрастіе—но только не затрогивайте въ ней духа беззавѣтнаго наступленія и безоглядной рѣшительности; тѣмъ или другимъ путемъ она сумѣетъ проложить себѣ дорогу.

Впрочемъ Денисонъ въ общемъ приходитъ къ тому же выводу, такъ какъ онъ безусловно отвергаетъ возможность перенесенія американскаго образа дѣйствія въ Европу, въ мелочахъ же всегда и вездѣ бываютъ разногласія[1]).

XXXIV. Дѣятельность русской конницы въ послѣднюю войну 1877—78 гг.

Война эта происходила еще столь недавно[2]), и матеріаловъ о дѣятельности конницы еще пока находится въ рукахъ у насъ такъ мало, что мы ограничимся краткой выпиской изъ сочиненія Лебеля.

Русско-турецкая война представила много случаевъ для дѣятельности конницы въ полѣ.

Въ виду въ высшей степени удобной организаціи въ мирное время и стремленія къ подготовкѣ въ истинно боевомъ смыслѣ, можно было ожидать отъ русской конницы выдающейся дѣятельности, тѣмъ болѣе, что кавалерія противника была много хуже; только иррегулярная его конница могла играть нѣкоторую роль. Однако дѣятельность русской конницы вообще не оправдала ожиданій; но насколько правильны возводимыя на нее обвиненія,—еще нельзя рѣшить.

Первымъ приказомъ о мобилизаціи (13 января 1876 г.) были приведены на военное положеніе шесть дивизій (7—12); кромѣ того кавказская казачья дивизія изъ 4 полковъ, скоро уменьшенная до бригады. Донскихъ казачьихъ полковъ 2-й очереди было сначала выставлено 9-ть,

[1]) О стрѣльбѣ съ коня, къ сказанному, не мѣшаетъ привести еще слѣдующіе два взгляда. Морицъ Саксонскій говоритъ: „Въ кавалерійскомъ бою гораздо важнѣе вызвать на себя огонь противника, чѣмъ самому терять на это время; стрѣльба съ коня—не кавалерійское дѣло, и я могу засвидѣтельствовать только то, что конница, занимавшаяся искусствомъ стрѣлянія, всегда была бита“. Такого-же мнѣнія и знаменитый кавалерійскій генералъ, американецъ Стюартъ. Въ наставленіи своей конницѣ онъ говоритъ между прочимъ: „Усвоенная непріятелемъ непохвальная привычка, подсказываемая исключительно трусостью, уже за четверть мили (500 шаговъ) нестись впередъ на быстромъ аллюрѣ, на дистанціи пистолетнаго выстрѣла остановиться и открыть огонь, — есть дѣйствіе безумное и безполезное; пистолетъ (револьверъ) никогда не слѣдуетъ употреблять при атакѣ, за исключеніемъ того развѣ случая, когда непріятель находится за препятствіемъ, за которымъ его не достать рукою, или-же когда человѣкъ дерется пѣшкомъ, — въ этомъ случаѣ оружіе это можетъ принести большую пользу“. *В. Сухомлиновъ.*

[2]) Бриксъ писалъ въ 1879 г

которые были частью приданы пѣхотнымъ дивизіямъ; впрочемъ, послѣдняго рода прикомандированіе было всегда только временнымъ. Позже были призваны и прочіе полки второй очереди, и изъ нихъ сформированы 2-я и 3-я донскія казачьи дивизіи. Изъ 7-ми первыхъ мобилизованныхъ дивизій пять приняли участіе въ военныхъ операціяхъ, а 7-я и 10-я были оставлены для охраны побережья.

4-го мая 1877 года были мобилизованы: 4-я, 13-я и 1-я Донскія казачьи, 3-го августа—2 гвардейскія кавалерійскія (казачьи полки обѣихъ этихъ дивизіи были отправлены на Дунай еще раньше), еще позже — 1-я и 14-я дивизіи, о дѣйствіяхъ этихъ двухъ дивизій свѣдѣній не имѣется.

На азіатскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій находились: кавказская драгунская и кавказская казачья дивизіи и большое число кубанскихъ, терскихъ и иррегулярныхъ частей, вновь сформированныхъ; всего около 25.000 лошадей. На европейскомъ театрѣ—приблизительно вдвое больше.

Вооруженіе. Вторая шеренга уланскихъ и гусарскихъ полковъ (первая шеренга имѣла пики) и казачьи полки первой очереди были вооружены карабинами Бердана. Объ остальныхъ трудно сказать что нибудь опредѣленное: какъ кажется, большая часть драгунъ имѣла винтовки Крнка; донскіе полки второй очереди и кавказскіе казаки—ударныя, а нѣкоторыя иррегулярныя части—кремневыя ружья.

Переходъ черезъ Дунай долженъ былъ очевидно представить для конницы нѣкоторыя трудности. Съ первыми пѣхотными частями переправилось 30-го іюня нѣсколько казаковъ; 2 и 3 іюля—вся прочая конница; шли спѣшившись, рядами, съ дистанціями въ 12—15 шаговъ, такъ что дивизія растягивалась на 5—6 миль.

Послѣ переправы былъ сформированъ отрядъ генерала Гурко изъ $10^1/_2$ батальоновъ, 43 эскадроновъ и 24 орудій. Конница состояла изъ бригадъ: сводной драгунской, сводной изъ полковъ гусарскаго и казачьяго и донской казачьей. Подобный составъ нарушилъ всѣ органическія связи.

Когда 5-го іюля начались операціи, то для стратегическаго развѣдыванія были высланы 3 бригады, которыя, получивъ извѣстіе, что Тырновъ занятъ непріятелемъ, двинулись концентрически къ этому пункту и, съ помощью артиллеріи, спѣшивъ часть людей, овладѣли имъ. Когда затѣмъ Гурко получилъ приказаніе двинуться за Балканы, то онъ выслалъ по Ханкіойскому перевалу герцога Николая Лейхтенбергскаго съ 30 эскадронами и 18 конными орудіями; самъ же пошелъ на Шипкинскій перевалъ. Движеніе было очень затруднительно: спѣшенные люди должны были все время помогать везти орудія, тѣмъ не менѣе въ четыре дня было пройдено 65 километровъ. Высланный къ Еленѣ казачій отрядъ сдѣлалъ въ однѣ сутки 80 километровъ. Кромѣ мелкихъ стычекъ съ черкесами и башибузуками, конница имѣла нѣсколько удачныхъ пѣшихъ боевъ: напримѣръ, во взятіи Казанлыка участвовали 9 спѣшенныхъ эскадроновъ. Отряды

изъ драгунъ и казаковъ разрушили желѣзную дорогу въ двухъ мѣстахъ: между Адріанополемъ и Ямболи и между Адріанополемъ и Филиппополемъ. За все это время конница столько потерпѣла, что, по возвращеніи ея на сѣверную сторону Балкапъ, потребовалось много времени для приведенія ея въ боевую годность.

Неудачнымъ дѣйствіямъ 4-хъ кавалерійскихъ полковъ, которые оставались при IV корпусѣ, прикрывавшемъ армію съ запада, обязаны неожиданнымъ появленіемъ Османа въ Плевнѣ. Это послужило пищей для горькихъ упрековъ.—„Гдѣ наши славные казаки", писалъ „Голосъ": „глаза и уши арміи".

Также мало похвалы заслужила дѣятельность конницы и въ слѣдующій періодъ. Два кавалерійскихъ корпуса, одинъ въ 30 эскадроновъ съ 18 орудіями, другой въ 16 эскадроновъ съ 12 орудіями, должны были отрѣзать всѣ сообщенія Плевны на лѣвомъ берегу Вида, но въ теченіе полутора мѣсяцевъ этого имъ сдѣлать не удалось, такъ что транспортъ въ 2.000 повозокъ, растянувшійся на $2^1/_2$ мили, прошелъ вполнѣ свободно.

Въ восточной арміи мы не встрѣчаемъ самостоятельныхъ большихъ конныхъ массъ; конница дѣйствовала мелкими частями, вмѣстѣ съ пѣхотой.

Сдѣланныя ошибки были однако замѣчены, и изъ опыта извлекли видимую пользу. Дѣятельность гвардейской конницы и 1-й кавалерійской дивизіи на западѣ въ октябрѣ и ноябрѣ была уже гораздо лучше; примѣненіе конницы послѣ второго перехода черезъ Балканы, когда она, двигаясь широкимъ фронтомъ передъ Гурко и Радецкимъ, неотступно преслѣдовала противника, можетъ быть признано образцовымъ.

Дѣятельность конницы на азіатскомъ театрѣ была съ самого начала лучше, а подчасъ были и блестящіе эпизоды. Такъ въ началѣ мая, южнѣе Карса, 27 эскадроновъ съ 16 орудіями разбили 9 батальоновъ, прервали телеграфное сообщеніе съ Эрзерумомъ, захватили нѣсколько транспортовъ и т. д. Князь Челокаевъ сдѣлалъ 12 мая удачный поискъ къ Ардагану. Особенно интересное дѣло было 30 мая у князя Чавчавадзе: высланный съ 8 эскадронами, 30 сотнями и 16 орудіями на югъ отъ Карса, онъ наткнулся у Бегли-Ахмеда на турецкую конницу Мусса-Паши, намѣревавшуюся произвести нечаянное нападеніе на русскую пѣхоту; Чавчавадзе ночью обошелъ турокъ, атаковалъ и на-голову разбилъ, при чемъ особенно отличились волжскіе казаки и Нижегородскіе драгуны, захватившіе 2 орудія и нѣсколько знаменъ. Преслѣдованіе продолжалось очень далеко и было остановлено только за полнымъ утомленіемъ лошадей [1]).

[1]) Чрезвычайно интересны и достойны упоминанія дѣйствія русской кавалеріи при взятіи Карса, въ ночь съ 5 на 6 ноября 1877 г. Она не только съ ранняго утра начала преслѣдованіе отступавшихъ изъ фортовъ турокъ, преслѣдованіе такое энергичное, что спаслись только отдѣльные люди, но, напримѣръ, подполковникъ князь Чавчавадзе съ одной сотней 2-го Волжскаго, 2-мя сотнями 6-го Оренбургскаго казачьяго, 3-мъ Дагестан-

Тактическому употребленію конницы много препятствовалъ характеръ мѣстности, почему мы и не встрѣчаемъ дѣйствій большими массами. Попадается, впрочемъ, нѣсколько интересныхъ эпизодовъ: во второмъ дѣлѣ при Телишѣ гвардейскіе уланы удачно атаковали нѣсколько батальоновъ, на которые отошли черкесы; въ первомъ бою подъ Плевною 3 сотни задерживали турокъ у Опанеца, пока не прибыла пѣхота; 4-й гусарскій полкъ имѣлъ 20 сентября удачное дѣло у Горняго Этрополя и т. д.

Также и при преслѣдованіи конница оказывала важныя услуги: напримѣръ, 5 октября послѣ Ловчи, гдѣ кавказская казачья бригада Тутолмина и эскадронъ конвоя Государя захватили 3.000 плѣнныхъ; 4 ноября послѣ Деве-Бойну, гдѣ 2-й Горско-Моздокскій полкъ съ конной батареей захватилъ у отступавшей непріятельской пѣхоты 6 орудій; послѣ Шипки, когда 3-й Донской полкъ забралъ множество плѣнныхъ.

Пѣшій бой примѣнялся весьма часто. Передъ Карсомъ 1-й Волжскій полкъ спѣшился и открылъ огонь по приближавшейся турецкой конницѣ, затѣмъ, воспользовавшись произведеннымъ стрѣльбой безпорядкомъ, сѣлъ на коней и атаковалъ. — Противъ другого противника подобный маневръ врядъ-ли бы удался; вообще, какъ кажется, часто забывали, что спѣшиваніе должно производиться только въ исключительныхъ случаяхъ.

Конница несла сторожевую службу какъ днемъ, такъ и ночью.

При переходѣ черезъ Балканы Гурко сформировалъ отрядъ конныхъ піонеръ, для чего были избраны люди изъ уральскихъ казаковъ, которые оказали важныя услуги еще при переходѣ черезъ Дунай[1]).

XXXV.

Въ этой главѣ Бриксъ помѣщаетъ составъ современной 1879 г. организаціи кавалерій всѣхъ государствъ различныхъ частей свѣта.

Свѣдѣнія эти теперь потеряли уже интересъ, а потому переводъ этой главы нами выпущенъ. *В. Сухомлиновъ.*

скимъ иррегулярнымъ полкомъ, осетинской сотней и 14-й донской батареей, удачно дѣйствовалъ въ бою ночью, между городомъ и фортомъ Канлы, противъ турецкихъ резервовъ. Въ тоже время 2 спѣшенныя сотни Ейскаго казачьяго и 3-го Дагестанскаго коннаго полковъ принимали участіе въ штурмѣ того же форта.

[1]) Интересна исторія „рейдовъ" въ эту кампанію. Пропагандировались они у насъ особенно энергично и на Вислѣ до похода продѣлывались даже репетиціи; на Дунаѣ-же, несмотря на благопріятную обстановку, ничего изъ этого не вышло.

Вообще-же эта глава у Брикса лишь „взглядъ и нѣчто" на дѣятельность нашей конницы въ турецкую кампанію 1877 — 78 гг. Въ 1879 году ему и трудно было съ нею справиться какъ слѣдуетъ. *В. Сухомлиновъ.*

Часть Вторая.

Мысли объ организаціи, вооруженіи и употребленіи конницы въ новѣйшее время.

ВВЕДЕНІЕ.

Motto: моему идеалу. *Тебѣ* первообразъ совершенства; *Тебѣ*, которому принадлежитъ мое стремленіе, вся моя душа и окрыленное слово, *Тебѣ* же принадлежатъ и мысли, которыя мнѣ прирождены. (Гр. Бисмаркъ. Кавал. Библіотека I, IV).

Кажется, совершенно излишне распространяться о необходимости, конницы и ея положеніи относительно другихъ родовъ оружія. Ознакомившійся съ исторіей этого рода оружія, неминуемо придетъ къ заключенію, что дѣло вообще стоитъ теперь правильно и цѣлесообразно, и что конница, занимая по своему значенію слѣдующее за пѣхотой мѣсто, есть родъ оружія, совершенно необходимый и даже въ настоящее время имѣющій возможность часто дѣйствовать рѣшающимъ образомъ. Хотя мы утверждаемъ это, основываясь на военной исторіи вообще, но нельзя сказать, чтобы всѣ факты подтверждали это положеніе. Напротивъ того, прогрессируя въ общемъ, ходъ развитія конницы часто уклоняется отъ правильнаго пути и цѣлыми столѣтіями иногда шелъ по неправильному направленію. Въ этомъ отношеніи историческая жизнь конницы особенно поучительна.

Взгляды на конницу, господствовавшіе въ древнія времена, часто поражаютъ своей правильностью и могутъ быть вполнѣ раздѣляемы и теперь; преимущественно можно это сказать о тѣхъ взглядахъ, которые приводятся въ теоретическихъ сочиненіяхъ.

Однако надо замѣтить, что и на практикѣ мы видимъ замѣчательныя дѣйствія конницы, причемъ сразу обрисовывается то явленіе, что успѣшныя дѣйствія не связаны съ именемъ того или другого народа или съ какимъ-либо техническимъ улучшеніемъ, а исключительно съ личностями великихъ вождей конницы. Достаточно вспомнить Александра, Аннибала, Цезаря.

Въ средніе вѣка конница, подъ вліяніемъ новыхъ соціальныхъ условій, выступила на первый планъ; она составляла главную силу армій, между тѣмъ на пѣхоту, пополнявшуюся изъ низшихъ классовъ, смотрѣли съ презрѣніемъ. Во времена рыцарства конница употреблялась даже для осады и обороны крѣпостей. Крестовые походы однако показали наглядно неспособность ея къ дѣйствіямъ на всякой мѣстности и къ исполненію всѣхъ боевыхъ назначеній.

Подъ вліяніемъ этого опыта, а равно и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ англо-французскихъ и швейцарскихъ войнъ, пѣхота начинаетъ понемногу обратно завоевывать то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву.

Послѣ введенія огнестрѣльнаго оружія положеніе конницы, главнымъ образомъ по ея же винѣ, становится еще хуже. Она становится на совершенно ложную почву, и начинается борьба,—подобную которой мы видимъ и въ настоящее время, только на другомъ поприщѣ и которая, вѣроятно, окончится тѣмъ же результатомъ,—борьба между огнестрѣльнымъ оружіемъ и панцыремъ. Конница, забывая, что ея главная сила—быстрота, нагружаетъ себя предохранительнымъ вооруженіемъ до невозможности не только двигаться, но и почти что дышать. Далѣе, упуская изъ виду основное условіе, что хорошая стрѣльба возможна только въ устойчивомъ положеніи, она вооружается вся поголовно огнестрѣльнымъ оружіемъ и благодаря этому и неправильному образу дѣйствій низводитъ себя на степень плохой конной пѣхоты.

Эти заблужденія, несмотря на протестующіе голоса нѣкоторыхъ свѣтлыхъ головъ, продолжаются до Густава Адольфа, правильно понявшаго задачи конницы; уроки его однако были опять скоро позабыты. Только съ XVIII столѣтія маршалъ Саксонскій высказалъ въ теоріи то, что Карлъ XII [1]) и впослѣдствіи Фридрихъ Великій примѣнили на практикѣ; они вернулись къ тѣмъ идеямъ, которыя господствовали еще во времена Александра или Аннибала.

Взгляды Фридриха Великаго (Зейдлицъ, Цитенъ, Варнери), получаютъ дальнѣйшее развитіе при Наполеонѣ. На войнѣ появляются большія конныя массы. Она не только несетъ всю сторожевую и развѣдывательную службу въ невѣдомо до тѣхъ поръ широкихъ размѣрахъ, но и указываетъ прямое вліяніе на исходъ сраженій; встрѣчаются, какъ и во времена Фридриха (Россбахъ), такіе примѣры, что конница одна ведетъ сраженіе (Феръ-Шампенаузъ), иногда даже злоупотребляютъ массированіемъ конницы (Лейпцигъ). Своимъ энергичнымъ и образцовымъ преслѣдованіемъ она весьма много способствуетъ успѣхамъ и упрочиваетъ ихъ результаты (1805—1806 г.).

Затѣмъ наступаетъ періодъ нарѣзнаго, затѣмъ заряжаемаго съ казны оружія,—и опять повторяется старая исторія. Новое оружіе порождаетъ панику, совершенно перемѣшивающую всѣ понятія о взаимномъ отношеніи

[1]) А Петръ Великій? *В. Сухомлиновъ.*

родовъ оружія. Высказывается даже взглядъ, что конница — совершенно излишняя роскошь; однако она не замедлила доказать на дѣлѣ, въ американскую и франкогерманскую войны, все свое право на существованіе и даже на существованіе болѣе самостоятельное, чѣмъ то было до сихъ поръ.

Окончивъ этотъ краткій историческій очеркъ, мы прежде всего остановимся на выясненіи вопроса: на сколько измѣнилось отношеніе конницы къ другимъ родамъ оружія, затѣмъ разсмотримъ ея свойства и новыя отъ нея требованія, и, наконецъ, разовьемъ тѣ основанія, на которыхъ должна быть построена организація конницы, чтобы она могла выполнить эти требованія.

Глава I.

Отношеніе конницы къ требованіямъ современнаго образа дѣйствій, ея свойства и задачи.

I.

Свойства конницы, положеніе ея по отношенію къ другимъ родамъ оружія; историческое ея развитіе до настоящаго времени.

Чтобы правильно судить о настоящемъ положеніи конницы, необходимо имѣть въ виду ея исторію, а равно и исторію всего военнаго искусства; однако нѣтъ надобности для сравненій примѣнять масштабъ современныхъ требованій къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ.

Совершенно достаточно будетъ ограничиться временемъ Фридриха, какъ потому, что оно имѣетъ много сходства съ настоящимъ, такъ и потому, что конница была въ это время на весьма высокой степени совершенства, подходя весьма близко къ идеалу, одинаковому для всѣхъ временъ, въ смыслѣ чисто кавалерійской боевой дѣятельности.

При сравненіи этихъ двухъ эпохъ, имѣть постоянно въ виду оба главные рода дѣятельности конницы: внѣ боя и въ бою; мы остановимся сначала на матеріалѣ и свойствахъ конныхъ частей; затѣмъ на обстоятельствахъ, лежавшихъ внѣ ихъ, но имѣвшихъ на нихъ вліяніе, и, наконецъ, выведемъ изъ всего этого заключеніе: что должно и въ настоящее время требовать отъ конницы?

1. *Внутреннія свойства конницы*: а) Люди. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что масса простыхъ солдатъ въ боевомъ отношеніи стоитъ въ настоящее время развѣ только на той же степени совершенства, какъ и прежде. Если и уменьшилось число безграмотныхъ, то изъ этого нельзя еще вывести, что общій уровень развитія значительно поднялся; но если даже и допустить въ этомъ отношеніи нѣкоторый прогрессъ, то вліяніе его будетъ замѣтно можетъ быть въ сторожевой и развѣдыватель-

ной службѣ, и онъ нисколько не возмѣститъ тѣхъ невыгодъ, которыя влекутъ за собою въ боевомъ смыслѣ нынѣшніе короткіе сроки службы. Встрѣчаются, конечно теоретики, возстающіе противъ прежнихъ старыхъ солдатъ; утверждаютъ даже, что солдатъ начинаетъ портиться съ третьяго года службы. Врядъ-ли однако настоящій военный человѣкъ будетъ такого мнѣнія.

Также и въ унтеръ-офицерахъ нѣтъ перемѣны къ лучшему; если среди нихъ уровень образованія, дѣйствительно, и повысился, то трудность комплектованія и короткіе сроки службы имѣютъ здѣсь еще большее вліяніе къ худшему.

Если гдѣ есть значительный шагъ впередъ, то это среди офицеровъ: большая ихъ часть посвящаетъ во всѣхъ арміяхъ всю жизнь военной службѣ и, слѣдовательно, они могутъ вполнѣ воспользоваться всѣми новѣйшими научными данными. Думаю, однако, что и они не отказались бы взять себѣ за идеалъ героевъ фридриховскихъ, полковъ подобныхъ Зейдлицу, Цитену и др.; особенно это можетъ касаться высшихъ чиновъ. Съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить этотъ фактъ.

б) Лошади. Весьма трудно сдѣлать сравненіе между современными лошадью и тѣми лошадьми, которыхъ мы знаемъ только по описаніямъ, картинамъ и аналогіи. Можно сказать только вообще, что теперь лошади кровнѣе, благороднѣе, лучшихъ формъ, выше и, пожалуй, быстрѣе; но, съ другой стороны, фридриховскія были выносливѣе, менѣе требовательны и въ массѣ ровнѣе; тогда какъ въ настоящее время кровныхъ лошадей не хватаетъ на всю конницу, и поэтому принуждены брать и такихъ, которыя никакъ не могутъ считаться лучше прежнихъ; но именно эти-то худшія лошади, и опредѣляютъ тѣ требованія, которыя могутъ быть предъявлены извѣстной конной части.

в) Мертвый матеріалъ. Въ немъ, т. е. обмундированіи, снаряженіи, вооруженіи замѣчается несомнѣнный прогрессъ; но такъ какъ вліяніе послѣдняго одинаково распространяется и на прочіе роды оружія, то особеннаго значенія придавать ему нельзя.

г) Организація. Про нее трудно сказать что нибудь опредѣленное къ выгодѣ или невыгодѣ конницы въ настоящее время; но въ одномъ отношеніи конница Фридриха имѣла огромное преимущество: съ 1763 г. она имѣла надъ собою и въ мирное время высшее руководительство въ видѣ инспекціи.

д) Обученіе. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества на сторонѣ прежней конницы: продолжительный срокъ службы, боевой опытъ, болѣе благопріятныя условія мѣстности, вслѣдствіе меньшаго развитія культуры, подчиненіе всѣхъ прочихъ интересовъ военному дѣлу, выдѣленіе изъ общаго бюджета большаго % на военныя расходы[1]), меньшая забота о сбереженіи людей и лошадей, меньшая программа обученія — все это были

[1]) При Фридрихѣ уходило изъ общаго бюджета 60% на войска вообще, а собственно на кавалерію 18%. *Прим. Брикса.*

обстоятельства, безусловно способствовавшія развитію коннаго дѣла; тогда обращалось преимущественное вниманіе на приготовленіе конницы къ сомкнутому бою въ конномъ строю, съ почти полнымъ исключеніемъ занятій сторожевой и развѣдывательной службой и пѣшаго боя. Вольтижировка, фехтованіе, гимнастика, стрѣльба, грамота, плаваніе, пѣніе, ковка и т. п.—все предметы безусловно полезные, но преподаваніе ихъ при трехлѣтнемъ срокѣ службы было бы возможно только, если бы въ суткахъ было болѣе 24-хъ часовъ.

е) Выводы. Нельзя не сказать, при ближайшемъ разсмотрѣніи, что высокая степень, на которой стояла прусская конница при Фридрихѣ II, была до нѣкоторой степени дѣломъ искусственнымъ, такъ какъ все вниманіе было обращено почти исключительно на одно, съ подчиненіемъ ему всего прочаго. Одно уже отношеніе къ человѣческой жизни, выраженное въ словахъ Зейдлица, и необходимое для достиженія тогдашнихъ цѣлей, немыслимо теперь въ виду современныхъ условій государственной и общественной жизни. Приходится также заботиться теперь о конскомъ матеріалѣ и считаться съ финансовой стороной дѣла. Только, разумѣется, тогда конницѣ можно предъявлять большія требованія, когда ей дается все необходимое и при томъ самое лучшее, въ противномъ же случаѣ приходится мириться съ тѣмъ, что достижимо при имѣющихся ограниченныхъ средствахъ. Было бы безразсудно и даже вредно стараться достигать прежнихъ идеаловъ при новыхъ сокращенныхъ средствахъ.

2. *Отношеніе конницы къ прочимъ родамъ оружія и къ состоянію военнаго искусства.* Въ этомъ смыслѣ конница стоитъ въ гораздо худшемъ и болѣе трудномъ положеніи, чѣмъ прежде. Поверхностнаго взгляда на пѣхоту и артиллерію достаточно, чтобы убѣдиться, въ какое выгодное положеніе ихъ поставило уже одно только новое вооруженіе. Нынѣшнее пѣхотное ружье настолько превосходитъ прежнее въ дальности, силѣ удара, мѣткости, быстротѣ стрѣльбы и независимости отъ погоды, что никакое между ними сравненіе невозможно. Тоже самое можно сказать и про артиллерію, выигравшую еще и въ подвижности.

Затѣмъ, вся тактика и образъ дѣйствій въ бою въ прежнее время были гораздо болѣе благопріятны для конницы. Неподвижныя формы линейной тактики приковывали войска къ ровной мѣстности, на которой онѣ, однако, не господствовали огнемъ пѣхоты и артиллеріи; для кавалеріи же представлялось отличное поле дѣйствій. Самыя эти формы были такого рода, что при развертываніи боевого порядка войскамъ постоянно угрожала катастрофа, подобная Россбахской. Если это не случалось чаще, то потому, что пруссаки обыкновенно держались наступательнаго образа дѣйствій, а у противниковъ ихъ Зейдлица не было. Не подлежитъ сомнѣнію, что иначе марши по линіямъ вдоль всего непріятельскаго фронта, какъ при Прагѣ, Коллинѣ, и т. п., или даже въ обходъ кругомъ почти въ тылъ про-

тивника, какъ при Цорндорфѣ, привели бы къ катастрофѣ, подобно Россбахской.

3. *Заключеніе.* Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ заключеніе объ ошибочности мнѣнія, высказываемаго теперь, что мы можемъ сдѣлать столько же, сколько сдѣлали наши предки. Это совершенно невозможно: въ бояхъ противъ другихъ родовъ оружія кавалерія должна ожидать меньшихъ успѣховъ и большихъ потерь, но за то въ другой области она вполнѣ можетъ сдѣлать тоже, что и прежде, и даже еще гораздо больше. Если ей не удастся повторить Россбаха и Цорндорфа, то все же для нея вполнѣ возможны дѣйствія противъ конницы на флангахъ, какъ при Прагѣ и Лейтенѣ, противъ разстроенной пѣхоты, какъ Зейдлицъ при Коллинѣ и Гесслеръ при Гогенфридбергѣ, хотя и съ большими потерями; затѣмъ прикрытіе отступленія, какъ Цитенъ при Коллинѣ и Гохкирхѣ и наконецъ преслѣдованіе послѣ побѣды; если прибавить къ этому широкія задачи кавалеріи по сторожевой и развѣдывательной службѣ, въ которой конница Фридриха никогда не отличалась, то окажется, что, при правильной подготовкѣ и примѣненіи, дѣятельность конницы не только не сузилась, а скорѣе расширилась.

II.

Особыя свойства конницы.

Главное свойство конницы — быстрота и подвижность, т. е. способность двигаться скоро продолжительное время. Свойство это, благодаря которому она является въ бо̀льшей степени хозяиномъ времени и пространства, чѣмъ пѣхота, съ одной стороны даетъ возможность пользоваться ея услугами на весьма далекомъ разстояніи отъ арміи и притомъ впереди, съ фланговъ и позади нея, а съ другой дозволяетъ ей неожиданно появляться, какъ на полѣ битвы, такъ и на томъ или другомъ пунктѣ театра военныхъ дѣйствій и, слѣдовательно, пользоваться всѣми выгодами внезапности. Въ выгодныхъ свойствахъ конницы кроется однако и опасность — при неправильномъ или неумѣломъ пользованіи она легко ускользаетъ изъ рукъ и тогда легко можетъ погибнуть.

Особенность конницы, могущая показаться съ перваго взгляда не очень важной, но имѣющая значительныя выгоды и невыгоды, есть бо̀льшая высота (на 3 ф.), на которой находится глазъ всадника сравнительно съ глазомъ пѣхотинца: послѣдній часто ничего не видитъ въ полѣ, покрытомъ несжатымъ хлѣбомъ; значеніе большаго кругозора увеличивается, благодаря возможности для конницы быстро перемѣститься съ мѣста на мѣсто. Невыгода же заключается въ томъ, что всаднику, вслѣдствіе именно его сравнительной вышины, труднѣе укрыться отъ взора противника; до извѣстной степени эта невыгода можетъ быть уменьшена удачнымъ пользованіемъ закрытіями и спѣшиваніемъ. Это

послѣднее обстоятельство, при распространеніи его на цѣлыя части, составляетъ опять, по нашему мнѣнію, одно изъ важныхъ преимуществъ конницы; при правильномъ обученіи и примѣненіи конницы, способность ея дѣйствовать пѣшкомъ совершенно устраняетъ одинъ изъ прежде дѣлавшихся, и притомъ совершенно основательно, упрековъ этому роду оружія — недостатокъ оборонительной силы и невозможность въ нѣкоторыхъ случаяхъ обойтись безъ пѣхоты.

Затѣмъ, къ невыгоднымъ особенностямъ конницы относятъ ея зависимость отъ лошади, что особенно проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется какое-либо чрезвычайное напряженіе всѣхъ силъ, предстоятъ особенныя лишенія, или при какихъ-либо устрашающихъ явленіяхъ, напримѣръ, при налетѣ на стрѣляющія орудія или пѣхоту, когда лошадь очень часто противъ воли всадника уклоняется въ сторону или поворачивается назадъ, или, наконецъ, при скрытыхъ движеніяхъ, гдѣ слѣдуетъ избѣгать всякаго шума. На все это можно возразить, что во 1-хъ, послушаніе лошади настолько велико, что она обыкновенно выполняетъ все, что отъ нея требуется, до момента совершенной невозможности, т. е. до смерти; во 2-хъ, обученіемъ и выѣздкой слѣдуетъ довести послушаніе лошади, животнаго по природѣ своей скорѣе съ воинственными, чѣмъ трусливыми инстинктами, до того, чтобы преодолѣть ея нервность; въ 3-хъ, у народовъ, постоянно ѣздящихъ верхомъ, люди настолько сживаются съ лошадьми, что эти какъ бы инстинктомъ чувствуютъ, что отъ нихъ требуется; можетъ быть это было бы до извѣстной степени достижимо и въ регулярныхъ конницахъ.

Сводя вкратцѣ все вышесказанное, мы придемъ къ заключенію, что, по своимъ особенностямъ, конница можетъ служить глазомъ, который съ возвышеннаго пункта обозрѣваетъ мѣстность и всю обстановку; птицей, широкими кругами носящейся вокругъ арміи и распространяющей дѣйствіе своего оружія на далекое разстояніе; наконецъ, молніей, внезапно ударяющей и все сокрушающей.

III.

Задачи конницы.

Задачи конницѣ можно поставить вообще, in abstracto, сообразно ея особеннымъ свойствамъ, т. е. по тому, что она можетъ сдѣлать, а въ частности, in concreto, по требованіямъ войны, то-есть по тому, что она должна сдѣлать.

Дѣятельность конницы на войнѣ распадается на два отдѣльныхъ вида: сторожевая и развѣдывательная служба и бой, при чемъ слѣдуетъ прибавить, что эти два рода дѣятельности не представляютъ изъ себя нѣчто совершенно другъ отъ друга отдѣльное, самостоятельное, а напротивъ того, часто переплетаются между собой, смѣшиваются и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи и внутренней связи. Кромѣ того задачи кон-

ницы устанавливаются во время войны сообразно потребностямъ, являющимся въ разные фазисы хода операцій.

Такимъ образомъ можно установить четыре періода, обусловливающіе различныя задачи конницы:

1. *Во время приготовленія къ войнѣ*, конница должна съ одной стороны, прикрыть мобилизирующіяся войска и стратегическое развертываніе своей арміи, а съ другой — развѣдать о подобныхъ же дѣйствіяхъ непріятеля и по возможности помѣшать имъ; однимъ словомъ, служить, если можно такъ выразиться, стратегическими аванпостами.

2. *Отъ начала операцій армій до ихъ встрѣчи на полѣ сраженія* задачи конницы будутъ въ сущности тѣже, что и выше указаны. Смотря по образу дѣйствій арміи, наступательному или оборонительному, она или служитъ стратегическимъ авангардомъ, прикрывая движеніе впередъ, или же обезпечиваетъ занятое расположеніе съ фронта, фланговъ и, въ случаѣ надобности, тыла; она же поддерживаетъ связь между отдѣльными частями арміи. Затѣмъ, она неотступно наблюдаетъ за противникомъ, развѣдываетъ его расположеніе, силу, направленіе движенія, намѣренія и сообщаетъ объ узнанномъ; окружаетъ непріятеля со всѣхъ сторонъ, отрѣзываетъ его сообщенія, перехватываетъ подвозы, забираетъ мелкіе отряды, всячески его безпокоитъ и вредитъ ему. Наконецъ, конница, на сколько это возможно, снабжаетъ свою армію, съ помощью реквизиціи и фуражировокъ, продовольствіемъ и лишаетъ противника таковаго.

3. *Во время боя* задачи конницы весьма разнообразны: какъ до боя, она дальними рекогносцировками освѣщаетъ обстановку, такъ при началѣ сраженія, она продолжаетъ, въ болѣе тѣсныхъ рамкахъ, наблюденіе за позиціей или развертываніемъ непріятеля, чтобы съ одной стороны помочь своей пѣхотѣ въ выборѣ настоящихъ пунктовъ атаки и кратчайшихъ путей къ нимъ, т. е.—избавить ее отъ потери времени и силъ и ненужныхъ жертвъ; а съ другой — чтобы опредѣлить возможно раньше направленіе наступленія противника, что дастъ возможность разгадать его намѣренія и своевременно принять соотвѣтствующія мѣры.

Развѣдываніе не прекращается и во время самого боя, чтобы возможно раньше узнать о вступленіи въ дѣло непріятельскихъ резервовъ или прибытіи свѣжихъ частей и тѣмъ предохранить свои войска отъ нечаянности; затѣмъ, конница наблюдаетъ все время за ходомъ боя, чтобы заранѣе предугадать моментъ, когда потребуется вмѣшательство ея или другихъ частей, и дать время направить въ соотвѣтственные пункты войска для нанесенія рѣшительнаго удара или для отраженія таковаго со стороны непріятеля.

Наконецъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, конница должна самостоятельно и по своему почину дѣйствовать противъ всѣхъ трехъ родовъ оружія: противъ непріятельской конницы, если эта послѣдняя препятствуетъ ей выполнить возложенныя на нее задачи или угрожаетъ нашей пѣхотѣ;

противъ непріятельской пѣхоты и артиллеріи, какъ для развитія какого либо частнаго успѣха, такъ и для нанесенія рѣшительнаго удара или для выручки своихъ изъ затруднительнаго положенія.

4. *Послѣ боя* на конницу ложится или преслѣдованіе разбитаго непріятеля или прикрытіе отступленія. По окончаніи этой дѣятельности, и переходѣ арміи къ новой операціи, конница опять приступаетъ къ выполненію задачъ, изложенныхъ въ пунктѣ 2-мъ, передъ фронтомъ арміи.

Въ вышеприведенномъ очеркѣ дѣятельность конницы на войнѣ изложена въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ при болѣе подробномъ ея разсмотрѣніи невозможно не коснуться нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся уже самого выполненія той или другой задачи, о чемъ будетъ говориться ниже. По той-же причинѣ мы не упомянули о дѣятельности конницы во время позиціонной войны, о чемъ будетъ сказано въ главѣ шестой.

Глава II.

Организація конницы.

Ознакомившись съ отличительными свойствами конницы и выпадающими на ея долю задачами, мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію вопроса о томъ, какъ конница должна быть организована, чтобы она была въ состояніи удовлетворить на дѣлѣ поставленнымъ ей требованіямъ. Въ основѣ этой организаціи должно быть развитіе полной дѣятельности конницы на войнѣ и этотъ принципъ долженъ проходить красной нитью по всѣмъ отдѣламъ организаціи: силы, состава, комплектованія, обмундированія, снаряженія, вооруженія и обученія; при разсмотрѣніи всѣхъ этихъ вопросовъ, въ частности и вообще, эта цѣль никогда не должна упускаться изъ виду и все должно ей подчиняться.

I.

Сила конницы и различные ея роды.

1. Вопросъ *о численности и силѣ конницы* можетъ быть разсматриваемъ въ общемъ, теоретическомъ изслѣдованіи, очевидно только съ точки зрѣнія отношенія ея къ прочимъ родамъ оружія, преимущественно къ пѣхотѣ. Это отношеніе можетъ быть выведено только историческимъ путемъ. Можно принять за среднюю норму, что конница должна составлять $^1/_{10}$ — $^1/_6$ части пѣхоты, т. е. на каждый батальонъ пѣхоты въ 1.000 чел. слѣдуетъ имѣть дѣйств. эскадронъ въ 120 — 150 коней.

2. *Различные роды конницы.* Задачи, выпадающія на долю конницы, могутъ быть ею выполнены: однѣ — въ связи съ пѣхотой, другія — самостоя-

тельно. Происходящее отсюда раздѣленіе ея на дивизіонную и самостоятельную не вызываетъ однако необходимости организаціи ея въ различные роды. Казалось бы, что вообще, если принять въ соображеніе оба главные вида дѣятельности конницы: развѣдку и бой, въ которыхъ можно ожидать успѣха только отъ возможно полнаго развитія элемента быстроты, совершенно достаточно имѣть только одного рода конницу, а именно легкую. Но вопросъ этотъ не можетъ быть рѣшенъ столь простымъ способомъ, такъ какъ есть еще и другія данныя, которыя должны быть приняты при этомъ во вниманіе. Прежде всего почти ни въ одномъ государствѣ нѣтъ достаточнаго числа легкихъ людей и лошадей, чтобы изъ нихъ можно было сформировать все потребное количество кавалеріи. Это одно обстоятельство уже вызываетъ волей-неволей необходимость дѣленія конницы на болѣе легкую и болѣе тяжелую. Затѣмъ, выступаетъ вопросъ о пользѣ конницы, снабженной предохранительнымъ вооруженіемъ, т. е. кирасиръ. Мы не остановимся при этомъ на непробиваемости или пробиваемости кирасъ пулей, потому что съ одной стороны этотъ вопросъ рѣшенъ уже не въ пользу кирасы, съ другой же онъ и не имѣетъ существеннаго значенія; какую пользу въ самомъ дѣлѣ можетъ принести защита только корпуса, хотя бы дѣйствительно непробиваемыми кирасами, когда голова, руки, ноги и вся лошадь остаются незащищенными? На нашъ взглядъ кирасиры могутъ играть роль только въ бою противъ конницы, и здѣсь эта роль такова, что врядъ-ли можно оправдать совершенное ихъ уничтоженіе. Превосходство всадника, котораго голова, корпусъ и руки защищены отъ ударовъ холоднымъ оружіемъ, надъ противникомъ не имѣющимъ такой защиты, настолько серьезно и вліяніе его на моральную сторону обоихъ бойцовъ столь велико, что стремленіе воспользоваться этимъ превосходствомъ можетъ быть только безусловно оправдано. Эту тяжелую конницу однако необходимо, беречь для боя и не тратить напрасно ея силъ на сторожевую и развѣдывательную службу; на нее должно смотрѣть, какъ на конницу исключительно для сраженій и потому при движеніяхъ и остановкахъ она должна быть охраняема другими частями. Только при этомъ условіи и стоитъ имѣть тяжелую конницу, и тогда она вполнѣ можетъ выказать всѣ свои хорошія качества; но такъ какъ въ этомъ ограниченіи дѣятельности заключается недостатокъ тяжелой кавалеріи, то и численность ея не должна быть велика. Если же въ государствѣ имѣется такое значительное число тяжелыхъ людей и лошадей, что и по сформированіи тяжелой конницы останутся таковыя, то слѣдуетъ сформировать изъ нихъ третій родъ конницы, средній между тяжелой и легкой. Впрочемъ, и въ дѣйствительности подобное раздѣленіе конницы на три рода не только рекомендуется большей частью военныхъ писателей, но и встрѣчается на дѣлѣ, въ большей или меньшей степени, во всѣ времена, почти во всѣхъ государствахъ.

Слѣдуетъ еще прибавить, что мы лично считаемъ существованіе средней

конницы необходимымъ только при особыхъ, вышеприведенныхъ условіяхъ причемъ она должна быть организована и употребляема совершенно одинаково съ легкой. Можно допустить разницу только въ размѣрѣ фуражной дачи.

Затѣмъ, было бы желательно дать различнымъ родамъ конницы рѣзкія отличія въ обмундированіи, что даетъ значительныя выгоды, какъ въ большихъ кавалерійскихъ дѣлахъ, такъ и при нечаянныхъ нападеніяхъ и тревогахъ для облегченія сбора. Невыгода ихъ заключается только въ излишнихъ расходахъ, требующихся отъ офицеровъ при переводахъ изъ одной части въ другую, и не будь этого, мы бы стояли за возможно большее разнообразіе въ формѣ разныхъ частей.

Такимъ образомъ, сводя вкратцѣ все вышесказанное, мы получимъ слѣдующія основанія для организаціи конницы по родамъ ея:

тяжелая, — одного только рода, т, е. кирасиры; средняя, — одного или двухъ родовъ, т. е. карабинеры или тяжелые драгуны и уланы;

легкая, — вслѣдствіе ея многочисленности, нѣсколькихъ родовъ, для чего представляется богатый выборъ въ уланахъ, драгунахъ, гусарахъ, конноегеряхъ, конногренадерахъ, шеволеже, гидахъ и т. п.

3. *Сила различныхъ родовъ конницы.* Отношеніе между дивизіонной и самостоятельной конницей будетъ зависѣть отъ организаціи всей арміи. Если считать на 1 батал. пѣхоты — 1 эскадронъ конницы и придавать дивизіи пѣхоты въ 12 батальоновъ — 4 эскадрона конницы, то придется назначить одну треть имѣющейся конницы въ составъ дивизіонной, а двѣ трети — свести въ отдѣльныя конныя дивизіи. Относительно численности различныхъ родовъ конницы можно сказать слѣдующее:

Тяжелая конница имѣетъ задачу крайне ограниченную, — дѣйствіе въ бою противъ непріятельской конницы, и сообразно съ этимъ она можетъ быть очень немногочисленна. Если допустить, что самостоятельная конница сведена въ 6-ти полковыя дивизіи, то тяжелая конница должна составить одную шестую ея часть или одну девятую всей конницы.

Отношеніе между средней и легкой конницей будетъ зависѣть исключительно отъ оставшагося послѣ сформированія кирасирскихъ полковъ тяжелаго людскаго и конскаго матеріала. Казалось бы наилучшимъ, для достиженія въ обмундированіи большаго разнообразія, которое мы считаемъ весьма желательнымъ, подраздѣлить всю среднюю и легкую конницу на 5 видовъ; сколько изъ нихъ будетъ въ первой, сколько во второй, — зависитъ въ каждомъ случаѣ отъ обстоятельствъ. Желательно, чтобы въ каждой дивизіи было не болѣе одного средняго полка, а остальные 4 — легкіе; при чемъ первые будутъ одного рода, вторые — четырехъ. Напримѣръ, средняя конница — карабинеры (тяжелые драгуны), легкая — уланы, драгуны, конноегеря и гусары. Если необходимо, то можно драгунъ или уланъ также перевести въ среднюю конницу, оставивъ въ легкой 3 вида или прибавивъ, взамѣнъ выбывшаго, четвертый, напримѣръ шеволеже.

Такимъ образомъ, мы признаемъ желательнымъ слѣдующій составъ и силу конницы:

кирасиры—столько полковъ, сколько имѣется въ военное время отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій;

карабинеровъ—столько полковъ, сколько ихъ можно сформировать изъ оставшагося тяжелаго людскаго и конскаго матеріала; часть полковъ входитъ въ составъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій, по одному въ каждой; прочіе составляютъ дивизіонную конницу, при чемъ между тѣми и другими устанавливается извѣстная очередь;

уланы, драгуны, конноегеря, гусары (или шеволеже),—одинаковое число полковъ каждаго рода; часть полковъ, по одному каждаго рода въ каждой дивизіи, входитъ въ составъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій; прочіе составляютъ, чередуясь съ первыми, дивизіонную конницу.

Намъ кажется болѣе основательнымъ чередовать средніе и легкіе полки при пѣхотныхъ дивизіяхъ, чѣмъ постоянно имѣть къ нимъ прикомандированными среднюю конницу, что впрочемъ имѣетъ и нѣкоторыя выгоды.

II.

Тактическое подраздѣленіе конницы.

Всѣми признается, что низшую единицу въ конницѣ составляетъ эскадронъ; только въ англійской арміи встрѣчается отступленіе отъ этого, да и тамъ существующій порядокъ вещей имѣетъ много противниковъ. Взводы должны имѣть, по меньшей мѣрѣ, по 12 рядовъ, т. е. въ эскадронѣ должно быть: 20 (позже увидимъ почему) унтеръ-офицеровъ или ефрейторовъ, и 96 рядовыхъ, 3 трубача и 119 лошадей. Затѣмъ 12—15 молодыхъ лошадей, и такъ какъ будетъ почти такое же число больныхъ, командированныхъ и т. п., то получится всего 143—150 лошадей.

Что касается до числа эскадроновъ въ полку—шесть или четыре (о другихъ числахъ врядъ-ли можетъ быть разговоръ), то въ пользу перваго говорятъ: возможность примѣненія трехлинейной тактики уже къ полку и соображенія экономіи, а въ пользу второго затруднительность для одного лица управлять помощью команды или сигнала большимъ числомъ эскадроновъ и возможность изъ одного и того-же матеріала сформировать большее число отдѣльныхъ дивизій. Наконецъ, можно еще прибавить, что 6 эскадроновъ—слишкомъ большое число для приданія ихъ пѣхотной дивизіи; при раздѣленіи же такого полка пополамъ, получается ни въ какомъ отношеніи не подходящее число 3. Постоянное организаціонное сведеніе каждыхъ 2 эскадроновъ въ дивизіоны врядъ-ли необходимо.

Кромѣ дѣйствующихъ эскадроновъ, каждый полкъ долженъ еще имѣть и запасный. Онъ долженъ существовать уже въ мирное время, такъ какъ конницѣ, въ виду предстоящихъ ей, немедленно съ началомъ операцій,

сложныхъ задачъ, слѣдуетъ быть въ наибольшей боевой готовности. Мы не считаемъ, однако, ни необходимымъ, ни цѣлесообразнымъ, чтобы для этого былъ назначенъ разъ навсегда одинъ и тотъ же эскадронъ и чтобы на него возлагалось исключительно обученіе людей и выѣздка лошадей на весь полкъ. Намъ кажется, что слѣдуетъ просто назначать ежегодно одинъ изъ эскадроновъ запаснымъ и возложить на него исполненіе обязанностей таковаго на все время лагернаго сбора, или, по крайней мѣрѣ, со времени полковыхъ сборовъ; такъ что каждый полкъ выступаетъ на нихъ въ составѣ 4-хъ эскадроновъ, какъ при мобилизаціи, пополняя ихъ всѣмъ подходящимъ конскимъ и людскимъ матеріаломъ изъ остающагося на мѣстѣ эскадрона, которому передаются молодыя лошади и оставшіеся люди. Черезъ это достигалась бы та важная выгода, что мобилизація конницы постояннымъ въ ней упражненіемъ очень бы облегчалась и упрощалась; что выступающіе эскадронные командиры, а также и полковые и высшіе начальники, привыкали бы управлять частями военнаго состава; что при маневрахъ трехъ родовъ оружія, избѣгалось бы ненормальное участіе слишкомъ большаго числа эскадроновъ и что, наконецъ, выѣздка молодыхъ лошадей могла бы продолжаться съ необходимой постепенностью, Если наше предложеніе не считается удобнымъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ увеличить штатъ эскадроновъ, считая молодыхъ лошадей сверхъ комплекта. Учиться же въ мирное время въ составѣ 5-ти эскадроновъ, со слабымъ числомъ рядовъ во взводахъ, когда предстоитъ идти на войну въ составѣ 4-хъ эскадроновъ съ большимъ числомъ рядовъ,— кажется намъ не совсѣмъ основательнымъ.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что конница можетъ быстро мобилизоваться и немедленно начать дѣйствовать, если она находитъ въ самой себѣ особенно конскій, весь необходимый матеріалъ. Но такъ какъ при этомъ всѣ молодыя лошади, а можетъ быть еще и тѣ, которыя въ настоящемъ году выранжировываются, не могутъ быть признаны годными, и затѣмъ есть еще больныя лошади, то, если желательно выступить въ полномъ составѣ, слѣдуетъ держать въ мирное время на одну пятую больше, т. е. полкъ, имѣющій выступить въ составѣ 4 эскадроновъ по 150 коней, долженъ имѣть въ мирное время въ каждомъ изъ своихъ 5-ти эскадроновъ, по крайней мѣрѣ, по 144 лошади.

Въ высшія тактическія единицы будутъ сведены только тѣ части конницы, которыя предназначены къ самостоятельной роли. Казалось-бы, что таковыми должны быть дивизіи изъ трехъ бригадъ и шести полковъ; при этомъ слѣдуетъ, чтобы полки одной и той же дивизіи имѣли возможно рѣзкія отличія другъ отъ друга, т. е. должны быть различныхъ родовъ, но при этомъ имѣть и общіе признаки, положимъ одинаковаго цвѣта пуговицы и прикладъ. Тогда получилось бы въ дивизіи: 1 кирасирскій и 1 карабинерный полки въ одной бригадѣ и 4 легкіе полка разныхъ

видовъ въ двухъ бригадахъ. Оставшіеся затѣмъ свободными полки средней конницы, съ придачей необходимаго числа легкихъ, должны состоять при пѣхотныхъ дивизіяхъ.

Чтобы кавалерійскія дивизіи имѣли возможность выполнить выпадающія на ихъ долю задачи, онѣ должны быть сформированы со всѣми необходимыми управленіями еще въ мирное время; здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, и конечно гораздо болѣе, чѣмъ въ пѣхотѣ, необходимо, чтобы начальникъ и войска сжились, свыклись другъ съ другомъ. Кромѣ того, для полнаго однообразія въ обученіи совершенно необходимы еще инстанціи выше бригадъ. Отсюда вытекаетъ необходимость сводить и полки, предназначенные для дивизіонной конницы, въ бригады и дивизіи, но эти полки никакъ не должны быть сведены навсегда, а только на извѣстный періодъ времени. Всего лучше было бы въ мирное время придавать ихъ къ существующимъ кавалерійскимъ бригадамъ и дивизіямъ, при чемъ первыя состояли бы изъ 3-хъ полковъ, а вторыя — изъ 9-ти (1 тяжелаго, 1 — 2 среднихъ и 7 — 6 легкихъ); 3 изъ нихъ, составляющіе дивизіонную кавалерію, должны на время маневровъ придаваться пѣхотнымъ дивизіямъ, а остальные шесть маневрировать въ составѣ дивизіи, при чемъ къ этой послѣдней должна быть придана соотвѣтствующая конная артиллерія. Сила ея — 3 батареи, по числу бригадъ, въ 6 — 8 орудій каждая. Желательно еще имѣть при кавалерійской дивизіи и конныхъ піонеръ, напримѣръ, одинъ эскадронъ въ 3 взвода, для болѣе удобнаго его распредѣленія, въ случаѣ нужды по бригадамъ.

Касательно формированія конныхъ корпусовъ, мы приведемъ слѣдующія слова извѣстнаго кавалериста графа Бисмарка: „На эволюціяхъ мирнаго времени, на ровномъ мѣстѣ, безъ опредѣленной задачи, самое большое, что можетъ участвовать, дѣйствуя въ одной линіи, это — 4-хъ полковая дивизія. При маневрированіи же на дѣйствительномъ полѣ сраженія, или противъ предположеннаго противника, 8 полковъ необходимы, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ и 12 — 16 полковъ, — чтобы заранѣе обезпечить этотъ успѣхъ. Съ 2-мя полками можно упражняться, но не маневрировать. Съ 1 — 2 полками можно дѣйствовать очень храбро и производить рѣшительныя атаки, но сила ихъ слишкомъ мала, чтобы подготовить атаку маневрированіемъ. Тактика конницы состоитъ не только въ шокѣ, въ нанесеніи фронтоваго удара, — исходъ котораго безъ предварительной маневренной подготовки слишкомъ невѣренъ, — но и въ искусствѣ маневрировать. Не одна храбрость даетъ побѣду, но и порядокъ, взаимное содѣйствіе и искусное пользованіе резервами. Кто хочетъ маневрировать, долженъ имѣть базу. Четыре полка — это минимумъ для маневрированія съ базой, съ 8 — получается свобода въ маневрированіи, съ 12 — 16 и больше являешься хозяиномъ маневра“.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что конница, обученная еще въ мирное

время дѣйствовать такими большими массами, будетъ значительно превосходить необученную и захватить въ свои руки иниціативу, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ стратегической службѣ впереди фронта арміи, — вообще вездѣ, гдѣ требуется дѣйствіе нѣсколькихъ дивизій подъ однимъ общимъ руководствомъ. При дѣйствіи противъ другихъ родовъ оружія подобные случаи будутъ рѣдки; конечно, можетъ случиться, при преслѣдованіи, при самостоятельныхъ дѣйствіяхъ на флангахъ и т. п., что одной дивизіи окажется недостаточно и придется употребить нѣсколько таковыхъ, но случаи эти будутъ исключительные и заранѣе нельзя предвидѣть, гдѣ именно они произойдутъ. Съ другой стороны, здѣсь потребуется не столько искусное маневрированіе, сколько просто дѣйствіе превосходными силами, чего всегда возможно достигнуть совмѣстнымъ дѣйствіемъ нѣсколькихъ частей, подъ временнымъ общимъ руководствомъ.

Такимъ образомъ, сформированіе отдѣльныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, имѣя свои выгоды, можетъ быть признано желательнымъ, но небезусловно необходимымъ; во всякомъ случаѣ еще въ мирное время должны быть подготовлены лица для занятія тѣхъ должностей, которыя могутъ открыться во время войны. Эти лица, при случаѣ, командовали бы временно собранными частями, вообще же служили бы помощниками высшей инстанціи въ кавалеріи для достиженія однообразія въ дѣлѣ обученія и образованія. Этой высшей инстанціей долженъ быть генералъ-инспекторъ всей конницы, начальникъ этого рода оружія, совершенно самостоятельный, со своимъ управленіемъ и съ соотвѣтствующимъ представителемъ въ военномъ министерствѣ. Этотъ органъ мы считаемъ безусловно необходимымъ, чтобы дать конницѣ единство въ обученіи, безъ котораго нельзя направить всѣ ея силы къ одной цѣли, — къ достиженію полной боевой готовности. Для конницы подобнаго рода генералъ-инспекторъ гораздо болѣе необходимъ, чѣмъ артиллеріи, въ которой техническая спеціальная сторона рѣзко отдѣлена отъ боевой. Генералъ-инспектору пришлось бы прежде всего выработать инструкцію, которая бы охватывала всѣ виды дѣятельности конницы и направляла бы ея обученіе и службу, согласно одному, установленному взгляду. При штабѣ генералъ-инспектора, должны состоять: помощники-инспекторы, генералы, предназначенные также къ командованію единицами бо́льшими дивизіи въ военное время и на кавалерійскихъ маневрахъ, съ соотвѣтствующимъ числомъ адъютантовъ и ординарцевъ. Казалось бы, что при подобной организаціи было бы обезпечено въ кавалеріи достиженіе лучшихъ результатовъ дѣятельности въ мирное и военное время.

Глава III.

Комплектованіе и ремонтированіе.

I.

Комплектованіе.

При нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы въ конницу слѣдуетъ назначать людей, состоявшихъ до поступленія своего на службу при лошадяхъ и имѣющихъ привычку къ обращенію съ ними, а равно и изъ тѣхъ частей государства, гдѣ лошадей много. Должно, впрочемъ, прибавить, что не слѣдуетъ совершенно лишать и пѣхоту такихъ людей, такъ какъ они могутъ пригодиться для ухода за лошадьми конныхъ офицеровъ.

Затѣмъ, при назначеніи людей въ конницу, надо, кромѣ роста, имѣть еще въ виду и вѣсъ ихъ. Ростъ, пока онъ не перешелъ извѣстной максимальной границы, довольно безразличенъ, большой же вѣсъ можетъ быть крайне невыгоднымъ. Безусловно лучше имѣть всадниковъ небольшихъ (даже ниже установленной мѣры роста) и легкихъ, но сильныхъ, чѣмъ высокихъ и тяжелыхъ, которые отъ этого не сильнѣе. Мы предпочли бы, вмѣсто назначенія минимальной мѣры роста, поставить максимальную границу какъ роста, такъ и вѣса; послѣдняя должна быть установлена не болѣе 70, самое большое 75 килограммовъ ($4^1/_4$ — $4^1/_2$ пуд.).

Третье наше желаніе — назначеніе въ конницу возможно большаго числа людей развитыхъ и толковыхъ. Достаточно вспомнить тѣ задачи, которыя выпадаютъ на долю каждаго отдѣльнаго всадника въ сторожевой и развѣдывательной службѣ, чтобы понять и оправдать это желаніе.

Четвертое желаніе — увеличеніе срока службы въ конницѣ до 4 — 5 лѣтъ. Если же это совершенно невозможно, то мы предложили бы призывать рекрутъ конницы мѣсяцемъ раньше, такъ какъ совсѣмъ не все равно получить ихъ къ 1-му ноября или къ 1-му октября; лишній мѣсяцъ значитъ очень много, особенно для конницы. Чтобы уравновѣсить общій срокъ службы для всей арміи можно бы за то въ пѣхотѣ призывать людей на нѣсколько дней (по нашему расчету на 5, такъ какъ конница составляетъ одну шестую часть пѣхоты) позже, то есть 6-го ноября вмѣсто 1-го.

Что касается до пополненія конницы во время войны, то мы находимъ лучшимъ прибѣгать при этомъ къ резервистамъ, съ совершеннымъ исключеніемъ рекрутовъ. Съ одной стороны число первыхъ на столько велико, что приведеніе этой мѣры въ исполненіе не встрѣтитъ никакого затрудненія, а съ другой — кратковременность нынѣшнихъ войнъ даетъ возможность окончить обученіе рекрутъ, развѣ только къ самому концу войны. При этомъ является еще та выгода, что можно взять въ походъ всѣхъ годныхъ лошадей, не оставляя ни одной для обученія ѣздѣ рекрутъ.

II.

Ремонтированіе.

Прежде всего желательно, чтобы всѣ находящіяся въ странѣ, годныя для службы лошади легкаго склада попадали въ конницу, чтобы возможно ограничить численность средней конницы, необходимость которой все-таки болѣе или менѣе сомнительна. Лошади средняго склада всегда пригодятся въ качествѣ упряжныхъ для артиллеріи или обоза, или верховыхъ для конной артиллеріи, гдѣ онѣ въ сущности вѣдь служатъ не болѣе, какъ средствомъ передвиженія. Само собою разумѣется, что при ремонтированіи слѣдуетъ руководствоваться исключительно годностью лошадей внѣ зависимости отъ территоріальнаго дѣленія. При мобилизаціи слѣдуетъ пополнять 4 дѣйствующихъ эскадрона исключительно лошадьми 5-го, запаснаго, если даже этимъ путемъ и нельзя будетъ достигнуть штатной численности; зато всѣ лошади, получаемыя по военно-конской повинности, должны непремѣнно назначаться предварительно въ запасные эскадроны и уже оттуда передаваться въ дѣйствующіе.

Этимъ путемъ, можетъ быть, сначала будетъ нѣсколько меньше ртовъ, но никакъ не боевыхъ коней; а между тѣмъ прибывшія лошади за нѣсколько недѣль (6—8) окрѣпнутъ, привыкнутъ и будутъ служить дѣйствительнымъ подспорьемъ.

Глава IV.

Обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе конницы.

I.

Обмундированіе.

1. Мундиръ. Мы считаемъ мундиръ общепринятаго образца, съ умѣренно длинными фалдами, за наилучшій. Онъ долженъ плотно облегать тѣло, но настолько, чтобы давать возможность поддѣвать въ холодное время фуфайку или теплый жилетъ. Желательно имѣть отложной воротникъ, карманы наружные на груди и внутренніе на фалдахъ. Что касается покроя, цвѣта и отличій, то мы уже говорили, что считаемъ необходимымъ возможно рѣзкое различіе родовъ конницы между собою, съ нѣкоторыми затѣмъ отличіями по полкамъ. Такъ, не говоря о кирасирахъ, уланахъ и гусарахъ, которые достаточно рѣзко различаются самимъ покроемъ одежды, мы дали бы прочимъ родамъ конницы мундиры различнаго цвѣта, напримѣръ, карабинерамъ и драгунамъ — синіе и голубые, конноегерямъ — зеленые.

Наилучшимъ отличіемъ по полкамъ будутъ различнаго цвѣта воротники, обшлага, канты и т. д., а равно и пуговицы (у гусаръ — цвѣтъ шнуровъ); все это сгруппированное въ извѣстномъ порядкѣ. Если принять 6 основныхъ цвѣтовъ, то съ помощью бѣлыхъ или желтыхъ пуговицъ можно очень легко составить различныя формы для 12 полковъ каждаго рода, чего, казалось-бы, совершенно достаточно.

Желательно имѣть для всей конницы, кромѣ кирасиръ, металлическіе эполеты или широкія, металлическія же, цѣпочки на кожаной или ватированной суконной подкладкѣ полковаго цвѣта.

2. Рейтузы и сапоги: первые должны быть довольно узкіе, вторые— короткіе, гусарскаго образца; развѣ только кирасирамъ можно дать болѣе длинные сапоги, — до колѣнъ, только для красоты.

3. Головной уборъ: у кирасиръ — легкая стальная каска, у уланъ и гусаръ — ихъ національныя шапки (въ видѣ уступки традиціямъ), во всей прочей конницѣ — легкая, низкая кожаная каска, не теоретически-круглой формы, а овальной, пригнанной по дѣйствительной головѣ живаго человѣка.

4. Плащи — длинные, широкіе, тѣхъ же цвѣтовъ, что и мундиры (чтобы, когда они надѣты, напримѣръ, при дождливой или туманной погодѣ, можно было легко отличить части), съ длиннымъ, круглымъ, отложнымъ, закрывающимъ руки до локтей, пристегиваемымъ воротникомъ, но безъ капюшона, который составляетъ слишкомъ большое искушеніе при сторожевой и развѣдывательной службѣ.

5. Для всей конницы (кромѣ развѣ гусаръ) — перчатки съ крагами, которыя должны сниматься для пѣшаго боя.

II.

Снаряженіе.

Относительно снаряженія мы можемъ высказать слѣдующія пожеланія:

1. Черный кожаный приборъ, то-есть портупеи, ремни и т. п. Онъ не такъ виденъ издалека, какъ бѣлый, и можетъ быть легче поддержанъ въ военное время въ приличномъ видѣ, имѣющимися подъ рукой средствами.

2. Кожаныя ножны. Онѣ не блестятъ, не шумятъ, не ржавѣютъ, легки и лучше сохраняютъ клинки, чѣмъ металлическія.

3. Если считается невозможнымъ постоянное или хотя бы только временное, для пѣшаго боя, прикрѣпленіе сабли къ сѣдлу[1]), то желательна по крайней мѣрѣ другая ея пригонка на всадника, по возможности одинаковая для коннаго и пѣшаго строя, — въ родѣ того, какъ носилось оружіе въ прежнія времена, или какъ теперь носятъ тесаки въ пѣхотѣ.

[1]) Сабля къ сѣдлу притрачивается теперь уже въ германской арміи, по приказу 1895 г. *В. Сухомлиновъ.*

Если же считается болѣе удобной принятая теперь въ конницѣ портупея съ двумя пасиками, длиннымъ и короткимъ, то мы предложили бы первый пропускать сначала черезъ кольцо второго и затѣмъ уже закрѣплять. Если короткій пасикъ оборвется, то при такой пригонкѣ сабля не вывалится изъноженъ; затѣмъ, длинный пасикъ не болтается зря, не зацѣпляетъ за заднюю луку или вьюкъ и т. п. Кромѣ того, нужно еще устроить короткій ремень съ крючкомъ, за который цѣплялась бы сабля въ пѣшемъ строю такъ, чтобы нижній конецъ ея находился на уставной высотѣ надъ землей и не было надобности придерживать ее лѣвой рукой [1]).

4. Сѣдло. При выборѣ образца сѣдла, какъ предмета особенной важности, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія его два качества: во первыхъ, конструкція ленчика должна быть цѣлесообразна въ смыслѣ наименьшаго давленія на спину лошади и во-вторыхъ, ленчикъ долженъ имѣть подходящее и удобное сидѣніе для ѣздока, доставляющее послѣднему возможность лучшаго управленія лошадью [2]). Въ отношеніи перваго условія мы отдаемъ преимущество венгерскому сѣдлу и прежде всего такому образцу его, въ которомъ, изготовленныя сообразно строенію спины лошади, лавки не соединены наглухо съ луками, а могутъ вращаться около горизонтальнаго желѣзнаго прута, связывающаго обѣ луки. Такой ленчикъ, если опъ вѣрно пригнанъ, годится при измѣненіи тѣла лошади, что имѣетъ громадное значеніе для строевыхъ лошадей. Идеаломъ же слѣдуетъ признать такое сѣдло, которое бы годилось для всякой лошади, но безусловной необходимости въ подобномъ сѣдлѣ не представляется. Подполковникъ прусской службы Розенбергъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи слѣдующій опытъ: онъ разрѣзалъ вертикально лавки венгерскаго ленчика и этимъ далъ самостоятельное и независимое движеніе какъ передней, такъ и задней части лавокъ. Такою подвижностью ленчика достиглось плотное прилеганіе сѣдла къ тѣлу всякой лошади внѣ зависимости отъ различныхъ формъ холки и спины каждой лошади.

Эта мысль Розенберга, по своей простотѣ напоминающая яйцо Колумба, встрѣтила техническія затрудненія, которыя, насколько намъ извѣстно, еще не разрѣшены, сѣдло же имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что, при разрѣзаніи лавокъ, нарушается цѣльность ленчика. Это неудобство не такъ трудно было бы устранить болѣе солидной конструкціей желѣзнаго прута, соединяющаго переднюю и заднюю луки. Также могло бы быть полезнымъ прикрѣпить двумя шарнирами, вмѣсто одного, какъ было предложено, заднюю длиннѣйшую часть разрѣзанной лавки къ желѣзному

[1]) Способъ ношенія шашки въ нашей коннацѣ несомнѣнно самый удобный и практичный и не требуетъ никакихъ особыхъ колецъ, крючковъ, пропусканій, подстегиваній и т. п. *Р. ф. Т.*

[2]) Къ сожалѣнію есть еще третье условіе, которому первые два подчиняются — это цѣна. *Р. ф. Т.*

пруту, а переднюю, кратчайшую, часть желательно бы было соединить съ нимъ посредствомъ шароваго шарнира. Обѣ части лавокъ, кромѣ того, должны быть хорошо округлены на краяхъ и углахъ, а къ верху срѣзаны и загнуты.

Другой опытъ для разрѣшенія той же задачи былъ сдѣланъ генераломъ бельгійской службы Леромъ (Leurs). Онъ соединилъ двѣ лавки обыкновенной величины и формы съ обыкновеннымъ ленчикомъ, но съ меньшими лавками, посредствомъ двухъ, пропущенныхъ между этими лавками, ремней съ пряжками на каждой сторонѣ и двухъ деревянныхъ полушарій съ кожаными шайбами.

Такимъ образомъ достигалось то, что нижнія лавки могли вращаться и укладываться сообразно съ формой спины лошади. Этотъ образецъ отличается изящной формой и очень удобнымъ сидѣньемъ, но имѣетъ то неудобство, что единственную связь между лавками каждой стороны составляютъ ремни съ пряжками, а этого, конечно недостаточно.

Кромѣ того, онъ уступаетъ образцу Розенберга въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ въ немъ, по отсутствію самостоятельнаго движенія переднихъ и заднихъ частей лавокъ, онѣ не могутъ ложиться сообразно формѣ холки и спины, во-вторыхъ, онъ вообще менѣе плотно прилегаетъ къ тѣлу лошади и наконецъ, вслѣдствіе отсутствія такъ сказать автоматическаго примѣненія къ строенію лошади, онъ требуетъ постояннаго наблюденія за положеніемъ ленчика.

Третій образецъ — датскаго оружейнаго мастера Шмита основанъ на устройствѣ лавокъ со спирально-пружиннымъ дномъ, для автоматическаго прилеганія къ спинѣ каждой лошади. Трудность осуществленія этой мысли заключается въ конструкціи расположеннаго подъ пружинами листа, который можетъ быть изготовленъ только изъ гибкаго матеріала, какъ напримѣръ изъ крѣпкой, плотной кожи; при большой твердости такой листъ не будетъ достаточно гнуться, если же онъ будетъ мягокъ, то не можетъ достаточно защищать спину лошади отъ неравномѣрнаго давленія пружинъ. Сверхъ того, предполагаемый образецъ неудобенъ своею тяжеловѣсностью и высокимъ сидѣніемъ. Первый недостатокъ безъ, сомнѣнія, можно было-бы уменьшить, послѣдній же едва-ли устранимъ.

Прочія разновидности той или другой системы и матеріала, деревянныя или желѣзныя, могутъ быть обойдены молчаніемъ. Поэтому можно было-бы изъ всѣхъ вышеупомянутыхъ сѣдельныхъ образцовъ считать образецъ Розенберга самымъ подходящимъ въ отношеніи своей легкой пригонки къ каждой лошади, при чемъ предоставить техникѣ рѣшить, какъ кажется, совсѣмъ не трудную задачу, а именно — придать ленчику недостающее въ этомъ образцѣ крѣпкое и солидное соединеніе, опредѣлить мѣсто разрѣза лавокъ (приблизительно треть длины, считая отъ передняго конца) и формы передней и задней части послѣднихъ, принимая въ раз-

счетъ строеніе нормальной спины лошади. Пока же будемъ довольствоваться первымъ описаннымъ здѣсь образцомъ съ подвижными, но цѣльными лавками. При этомъ было бы желательно болѣе удобное сидѣніе для всадника, чего при бывшемъ простомъ живцѣ достигнуть было нельзя, такъ какъ всадникъ, не имѣя трехъ точекъ для сидѣнья, не могъ имѣть уставную и устойчивую посадку; кромѣ того прежній живецъ вызывалъ неправильное и вредное сжиманіе ляжекъ и сидѣніе на разрѣзѣ, поэтому слѣдовало-бы его уничтожить и замѣнить полнымъ сидѣньемъ, какъ въ англійскомъ сѣдлѣ и ленчикѣ генерала Лера, или же двумя крестообразными живцами, которые въ своей передней части, тамъ, гдѣ они соединяются, могли-бы служить упоромъ для точки разрѣза, а въ задней расходящейся, давали-бы двѣ точки сѣдалищу. Натяженіе живцовъ или, такъ сказать, устройство сидѣнія, должно быть таково, чтобы всадникъ на лошади получилъ бы отвѣсную посадку безъ всякой напряженности. При устройствѣ же болѣе низкой передней или задней части сѣдла, всадникъ непремѣнно будетъ наклоняться корпусомъ впередъ или назадъ. Для той-же цѣли, т. е. чтобы дать правильную посадку, слѣдуетъ обращать вниманіе на вѣрную постановку путлищъ, а именно: что-бы онѣ не были поставлены слишкомъ впередъ или назадъ. Подпруги всего лучше имѣть двѣ съ пряжкой на каждой сторонѣ и съ нагрудникомъ, но безъ подхвостника.

4. Вьюкъ. Очень желательно какъ можно больше облегчить передъ лошади, уже и безъ того обремененный шеею и головою, и поэтому помѣстить чемоданъ на заднюю луку. Къ чемодану слѣдуетъ прибавить еще: мѣшокъ для сапогъ, саквы для фуража, кухонную принадлежность, карманы для подковъ и, если угодно, путы и сѣно. На передней лукѣ — плащъ и два кармана для фуражки, щетокъ, мыла, закуски и всего ежедневно необходимаго. Поверхъ всего — чепракъ, который долженъ быть достаточной величины, чтобы служить одѣяломъ.

Желательно, сформированіемъ конныхъ піонеръ, облегчить всю конницу, передавъ первымъ инструментъ для разрушенія желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ и т. п. Слѣдовало бы дать вмѣсто того каждому всаднику необходимый рабочій инструментъ и гвоздь[1]) для заклепки орудій.

5. Мундштукъ. Объ этомъ нечего много говорить. Суголовье должно быть возможно просто и легко, но непремѣнно съ намордникомъ, къ чему, впрочемъ, можетъ быть приспособленъ и недоуздокъ. Наверху суголовья, по его срединѣ, — цѣпочка для предохраненія головы лошади отъ ударовъ; цѣпку желательно имѣть совершенно одинаковую съ мундштучной, чтобы можно было въ случаѣ нужды замѣнить послѣднюю первой. Желѣзо должно быть скрѣплено съ ремнями такъ, чтобы для корма и водопоя оно могло самостоятельно выниматься.

---

[1]) Теперь онъ не нуженъ. *В. Сухомлиновъ.*

III.

Вооруженіе.

При разсмотрѣніи этого вопроса слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на два пункта, которые безусловно важны и могутъ быть приняты за аксіомы: во 1-хъ, всадникъ, пока онъ верхомъ, долженъ дѣйствовать исключительно холоднымъ оружіемъ; во 2-хъ, въ виду важныхъ задачъ, могущихъ быть выполненными только въ пѣшемъ строю, ему слѣдуетъ дать огнестрѣльное оружіе, по возможности, не уступающее пѣхотному.

Установивъ эти два основанія, останется только разсмотрѣть, какимъ именно оружіемъ должны быть вооружены различные роды конницы. Мы бы желали распространить огнестрѣльное оружіе на всю конницу, не исключая тяжелой, или по крайней мѣрѣ части ея, такъ какъ если кирасиры и не предназначены для веденія наступательнаго пѣшаго боя, то все-таки ихъ не слѣдуетъ лишать возможности дѣйствовать оборонительно, когда къ тому представится необходимость. Точно также мы дали бы огнестрѣльное оружіе всѣмъ унтеръ-офицерамъ конницы, подобно тому, какъ это сдѣлано въ пѣхотѣ.

Что касается до вида огнестрѣльнаго оружія, о которомъ мы говорили, то это должно быть ружье или карабинъ, — того-же образца, какъ принятые въ пѣхотѣ, но нѣсколько укороченные, для облегченія ихъ. Носить его слѣдуетъ въ конномъ строю — на сѣдлѣ, въ пѣшемъ — или въ рукахъ, или на ремнѣ, черезъ плечо, или вокругъ шеи. Всѣ люди, которые не получаютъ ружей, должны быть вооружены револьверами.

Переходя къ холодному оружію, мы должны прежде всего остановиться на вопросѣ: уколъ или ударъ, пика или сабля. Вопросъ этотъ служитъ съ давнихъ временъ, а равно и теперь еще предметомъ горячихъ споровъ. Несомнѣнно, что уколъ дѣйствительнѣе удара. Но на практикѣ оказывается, что обучаютъ больше удару, чѣмъ уколу, что вызывается и формой современной сабли. Между тѣмъ, слѣдовало бы, напротивъ, обратить большее вниманія на уколы, особенно у сѣверныхъ народовъ, болѣе склонныхъ рубить, чѣмъ колоть. Если затѣмъ выбирать между пикой и палашомъ, то въ пользу первой можно привести сильное нравственное впечатлѣніе, которое она производитъ на противника и верхомъ и пѣшкомъ. Такимъ образомъ, если мы придемъ къ заключенію, что самымъ подходящимъ оружіемъ для всадника является пика, то необходимо возможно цѣлесообразное ея устройство, которое давало бы возможность удобно дѣйствовать ею, какъ при сомкнутой атакѣ, такъ и въ одиночномъ бою. Очевидно, что палка въ 9 — 10 фут. длиной, вырѣзанная изъ сосноваго дерева, съ слабо прикрѣпленнымъ остріемъ, не пригодна; подобное оружіе, съ придачей значка, можетъ, пожалуй, испугать лошадей противника и нанести ему нѣкоторый вредъ при прямомъ ударѣ,

но совсѣмъ не годится въ одиночномъ, рукопашномъ бою. Для шока нужна болѣе длинная, для рукопашки — болѣе короткая пика; можетъ быть, всего лучше было бы выбрать среднюю длину въ 2 метра. Пику эту при атакѣ слѣдуетъ держать возможно ближе къ нижнему концу, чтобы она выдавалась впередъ настолько-же, на сколько выдается пика въ три метра длиной, которую держатъ за середину; въ одиночномъ же бою ее слѣдуетъ держать ближе къ серединѣ, при чемъ ею также легко управлять, какъ и саблей, съ тою только выгодой, что уколы ея дѣйствительнѣе и можно дѣйствовать обоими концами. Затѣмъ слѣдуетъ добиваться возможной легкости и вмѣстѣ съ тѣмъ прочности пики, почему не слѣдуетъ дѣлать ее изъ сосны, а лучше изъ ясеня, боярышника или другой какой-либо твердой породы [1]). Совершенно необходимо возможно твердое прикрѣпленіе острія и металлическаго нижняго конца къ древку. Можно дать и значекъ, и желательно имѣть темлякъ; пики должны носиться въ прикрѣпленномъ къ стремени бушматѣ, при чемъ, при спѣшиваніи, люди могли-бы передавать вышеприведеннаго устройства легкія, короткія пики, коноводамъ, по три каждому; въ такомъ случаѣ лучше имѣть двойной бушматъ.

Выступая рѣшительнымъ защитникомъ пики, мы вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ сознаемъ необходимость сабли; наилучшимъ образцомъ намъ кажется одинаково приспособленный для укола и удара палашъ или мечъ или слегка кривая сабля, обоюдоострая на концѣ, длиной всего около одного метра, возможно легкая, въ кожаныхъ ножнахъ. Что касается до способа носки сабли, то всего лучше прикрѣплять ее къ сѣдлу, если нельзя постоянно, то хоть на время дѣйствій пѣшкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, энергическая пѣшая атака какого-нибудь упорно обороняемаго пункта невозможна безъ холоднаго оружія; рекомендовать для этого снабженіе винтовки штыкомъ, какъ у русскихъ драгунъ и итальянскихъ шеволоже, мы не можемъ; гораздо лучше снабдить каждаго всадника кинжалообразнымъ ножомъ, длиной въ 25 — 30 сантиметровъ, устроеннымъ такъ, чтобы онъ могъ, въ случаѣ нужды, надѣваться на карабинъ въ видѣ штыка и вмѣстѣ съ тѣмъ могъ бы служить ножомъ, шиломъ, пилой, напилкомъ и молоткомъ. При такомъ устройствѣ онъ могъ бы оказать неоцѣненныя услуги и вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ бы возможность оставлять, при спѣшиваніи, саблю у сѣдла. Лучшее мѣсто для сабли — съ лѣвой стороны передней луки, какъ можно ближе къ колѣну всадника, чтобы не препятствовать движеніямъ лошади. Она же составитъ и нѣкоторый противовѣсъ карабину [2]).

---

[1]) Въ настоящее время въ германской кавалеріи введена металлическая пика.

В. Сухомлиновъ.

[2]) Въ настоящее время по приказу 10 января 1895 г. нѣмецкая конница имѣетъ оружіе прикрѣпленное къ сѣдлу: карабинъ — съ правой стороны, за ногой и саблю съ лѣвой, тоже позади ноги. Въ рукахъ, такимъ образомъ, остается одна только пика.

В. Сухомлиновъ.

*

О предохранительномъ вооруженіи, т. е. кирасахъ, каскѣ, эполетахъ и перчаткахъ, мы уже говорили. Прибавимъ только, что кирасы нужно дѣлать возможно легче и не полировать, а придавать имъ коричневый или голубоватый цвѣтъ.

Такимъ образомъ мы желаемъ, чтобы вся конница имѣла короткія пики, легкіе палаши, кинжалы, карабины или винтовки (нѣкоторые люди — револьверы), а тяжелая — еще и кирасы.

Глава V.

Обученіе конницы.

Очень часто раздѣляютъ военное обученіе на физическое и нравственное, практическое и теоретическое. Нельзя, конечно, отрицать существованія этихъ отдѣловъ, но врядъ-ли основательно строгое ихъ разграниченіе; скорѣе можно сказать, что слѣдуетъ постоянно имѣть ихъ одновременно въ виду и вести параллельно.

Цѣль обученія — одна; ее должно имѣть въ виду при прохожденіи всѣхъ отдѣльныхъ отраслей и съ ней должно строго согласоваться время, удѣляемое тому или другому отдѣлу; безъ этого-же чрезвычайно легко увлечься чѣмъ нибудь однимъ въ ущербъ другому. Другими словами, обученіе должно вестись по строго логической, твердой системѣ. Слѣдствіемъ сказаннаго является для конницы необходимость въ основанномъ на подобной системѣ уставѣ, въ которомъ бы заключалось все — отъ обученія одиночнаго до обученія наиболѣе крупныхъ единицъ — и гдѣ всякой отдѣльной отрасли было бы отведено подобающее ей мѣсто, согласованное съ стремленіями къ одной общей цѣли. Подобный уставъ соединилъ и, такъ сказать, сконцентрировалъ бы всѣ отдѣльно работающія силы и способности въ одно цѣлое и, кромѣ того, представлялъ бы ту огромную выгоду, что понемногу подготовлялъ бы всѣхъ лицъ къ переходу отъ одной должности къ другой и къ веденію, на нихъ всѣхъ, обученія въ одномъ духѣ.

Для составленія вышеупомянутаго устава нужно, по нашему мнѣнію, идти, такъ сказать, обратнымъ путемъ. Прежде всего слѣдуетъ установить тѣ требованія, которыя война ставитъ конницѣ; исходя изъ нихъ, составить уставъ для ученій и маневровъ и уставъ полевой службы, и потомъ уже установить правила для манежной ѣзды, пѣшаго строя, словеснаго обученія и пр. Такимъ образомъ въ этомъ уставѣ было бы соединено все, что касается обученія, примѣненія и веденія конницы.

Послѣ того уже дѣломъ обученія будетъ провести этотъ уставъ въ жизнь среди всѣхъ чиновъ конницы такъ, чтобы и они прониклись конечной

цѣлью военнаго обученія. Мы ѣздимъ въ манежѣ, чтобы упражняться въ полѣ; упражняемся въ полѣ, чтобы умѣть маневрировать; маневрируемъ, чтобы сражаться, и обратно — на ученьяхъ мы продолжаемъ ѣздить, маневрируя мы производимъ ученье, въ бою мы маневрируемъ.

При обученіи по строго логической и цѣлесообразно построенной системѣ, есть извѣстныя важныя основанія, которыя и должны войти въ уставъ.

Прежде всего слѣдуетъ непремѣнно соединять теоретическое обученіе съ практическимъ, чтобы солдатъ вполнѣ ясно понялъ и созналъ, что онъ долженъ дѣлать и какъ онъ это всего легче сдѣлаетъ, при чемъ необходимо соблюденіе правила постепеннаго перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному. Здѣсь слѣдуетъ быть весьма требовательнымъ, даже мелочнымъ, педантичнымъ: все должно быть съ перваго же раза сдѣлано вѣрно и точно, хотя бы и медленно; не слѣдуетъ никакъ увлекаться быстротой успѣховъ въ ущербъ прочности ихъ, — на невѣрномъ фундаментѣ невозможна постройка прочнаго зданія. Конечно, при этомъ не слѣдуетъ вдаваться въ противоположную крайность и засиживаться на азахъ, такъ какъ вполнѣ необходимо быть къ извѣстному сроку совершенно готовымъ.

Всѣ конныя эволюціи должны быть предварительно продѣланы пѣшкомъ, пока люди совершенно не поймутъ ихъ; этимъ облегчаются конныя ученія, такъ и сберегаются лошади.

Совершенно необходимо при обученіи соразмѣрять приказанія и требованія съ предѣлами достижимаго. Есть люди, которые утверждаютъ, что нужно требовать невозможнаго, чтобы добиться возможнаго. Это совершенно ложное и, съ военной точки зрѣнія, очень опасное мнѣніе. Высшіе результаты достигаются только согласнымъ и сознательнымъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ чиновъ; таковое же становится невозможнымъ при неисполненныхъ требованіяхъ. Сверхъ того страдаютъ дисциплина и правильныя отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ, которыя требуютъ, чтобы разъ приказанное было всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, исполнено. Для этого первое условіе заключается въ томъ, чтобы оно при данныхъ обстоятельствахъ было исполнимо. Если же приказаніе, несмотря на всю добрую волю исполнителя, фактически не могло быть исполнено, — то это повлечетъ за собою, съ теченіемъ времени, самыя печальныя послѣдствія. Понемногу начнетъ появляться сомнѣніе, недовѣріе къ получаемымъ приказаніямъ и къ своимъ силамъ, неудовольствіе и неохота, и желавшій получить невозможное не получитъ не только возможнаго, но даже и легко достижимаго. Нужно, впрочемъ, прибавить, что точно также никакъ нельзя допускать лѣниваго исполненія или безпричиннаго неисполненія полученнаго приказанія. Во всякомъ случаѣ вредъ, происшедшій по винѣ высшихъ начальниковъ, всегда больше отзы-

вается, чѣмъ ошибка младшихъ. Со стороны этихъ требуется больше огня, живости, отъ старшихъ — болѣе разсудительное спокойствіе.

Прежде всего тотъ, кто ставитъ высокія требованія другимъ, долженъ поставить себѣ еще высшія. Только тогда онъ будетъ имѣть право и получитъ возможность сознательно доводить свои требованія до самыхъ крайнихъ границъ, при чемъ мы должны сказать, что границы эти, если принять во вниманіе матеріалъ, преимущественно конскій, могутъ быть раздвинуты гораздо дальше, чѣмъ то думаютъ многіе приверженцы старины.

Все сказанное указываетъ на необходимость хорошихъ инструкторовъ и учителей на всѣхъ ступеняхъ іерархіи; они только могутъ дать уставу практическое значеніе и обратно — уставъ выработаетъ учителей.

Очевидно, что достигнуть этого въ короткое время нельзя: много лѣтъ потребовалось пѣхотѣ, чтобы довести стрѣльбу до той высокой степени, какую даетъ возможность достичь новѣйшее оружіе. Пройдетъ еще больше времени, пока вся конница вообще и каждый начальникъ, учитель или инструкторъ въ частности, будетъ работать всегда и вездѣ на основаніи одинаковыхъ принциповъ, ясно сознанныхъ, не упуская ни на минуту изъ виду конечной цѣли всего обученія. При этомъ каждому частному лицу — звену одной и той же цѣпи — представится меньше случаевъ выказать свою индивидуальность, но для общаго дѣла будетъ несомнѣнная, огромная польза.

Первымъ условіемъ для достиженія этого и будетъ вышеупомянутый уставъ кавалерійской службы. Очевидно, нѣтъ никакой необходимости помѣщать его всего въ одной книгѣ; могутъ быть отдѣльныя правила для ѣзды, для фехтованія и дѣйствія оружіемъ, для гимнастики и вольтижировки, для ученій, для маневровъ, для полевой стрѣльбы и т. д. Но все это вмѣстѣ должно составлять одно строго согласованное до мельчайшихъ подробностей цѣлое, наружнымъ выраженіемъ чего будетъ служить одинаковый наружный видъ, форматъ и нумерація.

Совершенно необходимо при составленіи этого устава строго придерживаться извѣстныхъ принциповъ и основаній и сдѣлать его возможно болѣе простымъ. Терминологія должна быть вездѣ одинаковая, для тѣхъ же движеній должны быть одинаковыя команды въ манежѣ и въ полѣ, пѣшкомъ и верхомъ, на мѣстѣ и на ходу. Напримѣръ, выраженія — интервалъ, смыканіе, размыканіе — должны всегда относиться къ рядомъ стоящимъ частямъ; дистанція — къ стоящимъ въ затылокъ другъ другу.

Намъ кажется, далѣе, что необходимо однообразіе въ аналогичныхъ командахъ въ смыслѣ раздѣленія на предварительную и исполнительную. Мы остановимся на командахъ, относящихся къ аллюрамъ.

Въ одной изъ большихъ армій для рыси и шага подаются просто соотвѣтствующія команды: „рысью“ и „шагомъ“, для галопа же отдѣльно — „галопомъ маршъ“. Мы очень хорошо понимаемъ, почему это установлено,

но должны сказать, что и при другихъ аллюрахъ тѣ же основанія могли бы быть дѣйствительны въ одинаковой, а иногда — напримѣръ, при остановкѣ — и въ большей степени. Всѣ переходы изъ одного аллюра въ другой и т. п. требуютъ извѣстныхъ приготовительныхъ движеній, а между тѣмъ они производятся безъ всякихъ подготовительныхъ командъ, точно также, какъ и на ученіяхъ сигналъ „галопъ" подается безъ всякаго предваренія. Весьма вѣроятно, что вслѣдствіе вышеприведенной раздѣльной команды люди получаютъ дурную, особенно для строя, привычку ставить лошадь полуоборотомъ.

Затѣмъ всякая команда должна быть вездѣ и всегда исполняема одинаковымъ, или, по крайней мѣрѣ, аналогичнымъ образомъ. Возьмемъ поворотъ кругомъ. Собственно говоря, совершенно безразлично, дѣлать-ли его направо или налѣво кругомъ; но если поставлено правиломъ дѣлать его въ виду непріятеля такъ, чтобы оружіе было со стороны послѣдняго, т. е. налѣво или направо кругомъ, смотря по тому, вооружено-ли большинство конницы саблями или пиками, то совершенно также должна исполняться команда „кругомъ" и въ манежѣ. Если желаютъ повернуть въ другую сторону, то нужно особо оговорить это въ командѣ. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, нужно-ли тоже однообразіе въ поворотахъ и заѣздахъ повзводно.

Что касается до возможной простоты всего устава и всѣхъ частей его, то таковая становится особенно необходимой въ настоящее время, когда онъ долженъ быть не только выученъ, но и перейти въ кровь и плоть людей въ самое короткое время. Все излишнее должно быть безусловно выпущено; слѣдуетъ оставить только необходимое для дѣла или для подготовки къ нему.

Это же правило должно быть соблюдено и строгой соразмѣрностью всѣхъ частей устава между собой, такъ чтобы въ каждой изъ нихъ стремились достигнуть не наивысшаго результата, а лишь необходимаго для общей конечной цѣли.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію различныхъ отдѣловъ обученія.

I.

Верховая ѣзда.

При составленіи инструкціи для обученія ѣздѣ, прежде всего слѣдуетъ задать себѣ вопросъ о цѣли этого обученія и затѣмъ о средствахъ достигнуть поставленной цѣли, или, другими словами, о томъ, что должны знать и умѣть всадникъ и лошадь къ окончанію манежной ѣзды и ко времени постановки въ строй и какъ ихъ всего лучше обучить.

Вообще говоря, цѣлью обученія манежной ѣздѣ какъ человѣка, такъ и лошади будетъ такое взаимное ихъ согласіе и пониманіе, чтобы первый

распоряжался второй, при условіи сохраненія ею полной силы и огня, также свободно, какъ пѣхотинецъ своими ногами. Средствами для этого являются: поводья, шенкеля и вѣсъ корпуса. Обыкновенно самое важное значеніе придаютъ шенкелю. Нисколько не отрицая пользы и необходимости таковаго, мы желали бы, однако, обратить вниманіе читателя на важность умѣлаго дѣйствія поводомъ и тяжестью корпуса. Первый наиболѣе доступенъ лошади, т. е. сырая, никогда не ѣзжанная лошадь очень скоро понимаетъ, чего отъ нея требуютъ, натягивая оба повода или одинъ. Совсѣмъ не то съ шенкелями; лошадь, дѣйствительно, очень скоро понимаетъ, что нажатіемъ одного изъ шенкелей требуютъ отъ нея отбрасыванія зада въ противоположную сторону, но очень трудно заставить ее понять значеніе нажатія обоими шенкелями — движеніе впередъ или собираніе; это нужно ей разъяснить другими средствами, болѣе удобопонятными: языкомъ, хлыстомъ. Что же касается до тяжести корпуса всадника, то это наиболѣе дѣйствительное вспомогательное средство, не въ томъ смыслѣ, чтобы лошадь была вынуждена ему повиноваться, но потому, что несогласованіе движеній съ измѣненіемъ центра тяжести просто очень неудобно и тяжело для лошади. Особенно это вѣрно касательно невыѣзженныхъ лошадей, которыя и сами то еще не находятся въ равновѣсіи и, получивъ на спину новый грузъ, онѣ невольно подчиняются вліянію новой тяжести.

Затѣмъ, дѣйствіе тяжестью и дѣйствіе поводомъ болѣе дѣйствительны, чѣмъ нажатіе шенкелей еще и потому, что первое дѣйствуетъ на всю лошадь, а второе — на особенно чувствительное мѣсто, и потому оба допускаютъ извѣстные оттѣнки и градацію въ примѣненіи силы. Кромѣ того, первыя два дѣйствія гораздо доступнѣе для всадника, особенно молодого, между тѣмъ какъ дѣйствіе шенкелемъ, даже при правильномъ положеніи ноги, очень затруднительно и можетъ быть успѣшно только послѣ продолжительныхъ упражненій; причина этому лежитъ въ самомъ строеніи человѣческой ноги или преимущественно колѣна, допускающаго только самое ограниченное движеніе голени въ сторону. Молодому всаднику — и это помнитъ всякій кавалеристъ — кажется совершенно невозможнымъ когда нибудь сжать лошадь шенкелями, удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ вмѣстѣ: плоскій шенкель, плотно прилегающее къ сѣдлу колѣно, прямо впередъ обращенный носокъ и внизъ оттянутый каблукъ, — и, однако, подобное положеніе шенкеля необходимо, потому что только при немъ возможенъ крѣпкій шлюсъ и глубокая посадка въ сѣдлѣ, при которой центръ тяжести опускается къ низу ближе къ лошади, а слѣдствіемъ этого является крѣпость посадки и лучшее управленіе. Обратное положеніе шенкеля — т. е. закидываніе его назадъ, съ цѣлью усилить его давленіе и сообразовать посадку съ анатомическимъ строеніемъ ноги, при развернутыхъ и опущенныхъ носкахъ, приводитъ къ противуположному

результату: колѣни отходятъ отъ сѣдла и ослабляется шлюсъ, уменьшается площадь соприкосновенія всадника съ лошадью; при приложеніи одного шенкеля — сворачиваніе съ сѣдла, заваливаніе плечъ, неправильное положеніе лѣвой руки и т. п., т. е. является слабая посадка и неправильное равновѣсіе и управленіе.

Если такимъ образомъ дѣйствіе поводомъ и тяжестью представляетъ значительныя выгоды сравнительно съ шенкелемъ, то слѣдуетъ инструкцію для ѣзды преимущественно основать на нихъ. Мы нисколько не исключаемъ совершенно дѣйствія шенкелемъ, а только хотимъ поставить дѣйствіе другими вспомогательными средствами на подобающее имъ мѣсто, особенно при поворотахъ, и предупредить злоупотребленіе шенкелями. За ними остается крайне важное и необходимое дѣйствіе при посылѣ лошади впередъ, собираніи ея, боковыхъ движеніяхъ, галопѣ. Но примѣняться они должны только тогда, когда всадникъ соотвѣтствующей гимнастикой получитъ возможность правильно ихъ примѣнять. Мы вообще того мнѣнія, что совсѣмъ не нужно, при врожденномъ добродушіи и понятливости лошади, тѣхъ сильныхъ дѣйствій, какія иногда требуются и вдобавокъ отъ слабыхъ ѣздоковъ и даже новобранцевъ. Если только всадникъ, правильно распредѣляя тяжесть корпуса и дѣйствуя умѣренно поводомъ и шенкелемъ, не мѣшаетъ лошади, то послѣдняя, при хорошемъ инструкторѣ, очень скоро получитъ нужное ей для ѣзды въ полѣ равновѣсіе; мы ежедневно видимъ упряжныхъ лошадей, идущихъ въ большемъ равновѣсіи, чѣмъ большая часть верховыхъ лошадей, выѣзженныхъ слабыми ѣздоками.

Слѣдовательно, основными положеніями при ѣздѣ и выѣздкѣ являются:

1. Усиленное вниманіе на дѣйствіе тяжестью корпуса, которая возможна лишь при глубокой, правильной посадкѣ въ сѣдлѣ, и старательная выработка этой послѣдней, отступленія отъ которой допускаются только въ частныхъ случаяхъ, не иначе, какъ съ извѣстной цѣлью и съ полнымъ сознаніемъ, чего именно желаютъ достигнуть.

2. Правильное употребленіе поводьевъ и старательное наблюденіе за этимъ, особенно при ѣздѣ на мундштукѣ.

3. Умѣренныя требованія въ дѣйствіи шенкелями: прежде всего учитель соотвѣтствующей гимнастикой пріучитъ обучаемаго къ правильному прикладыванію шенкеля, никакъ не позволяя отводить при этомъ колѣно; по выработкѣ этого слѣдуетъ, однако, какъ учителю, такъ и обучаемому самому строго слѣдить, чтобы послѣдній не вернулся къ дѣйствію шенкелемъ болѣе соотвѣтствующему строенію ноги, но менѣе правильному и влекущему невыгодныя послѣдствія. Если требуется болѣе сильное дѣйствіе чѣмъ простое нажатіе, напримѣръ при выѣздкѣ лошади, то лучше прибѣгнуть къ помощи хлыста или даже, въ совершенно исключительныхъ случаяхъ, шпоръ.

Основываясь на вышеприведенномъ, мы старались бы достигнуть сначала хорошей посадки, затѣмъ сознательнаго дѣйствія поводомъ и легкимъ шенкелемъ и, наконецъ, полнаго и согласнаго взаимодѣйствія всѣхъ этихъ трехъ элементовъ, доводя его до почти инстинктивнаго чувства. Только тогда будетъ всадникъ чувствовать себя также хорошо на конѣ, какъ пѣхотинецъ на своихъ ногахъ; будетъ толково нести службу сторожевую и развѣдывательную; будетъ умѣло дѣйствовать оружіемъ въ бою. Только тогда онъ извлечетъ дѣйствительную выгоду изъ тѣхъ благопріятныхъ условій, въ которыхъ онъ находится, пользуясь быстротой передвиженія, большимъ кругозоромъ и возможностью передвигаться быстро и далеко, съ меньшимъ утомленіемъ.

Но и въ этомъ дѣлѣ кавалеристъ не долженъ стремиться къ достиженію высшихъ идеаловъ; и здѣсь онъ долженъ помнить, что его задача — боевая, а не берейторская. Нужно выработать не манежныхъ, не скаковыхъ, не охотничьихъ лошадей, а хорошихъ, вѣрныхъ, выносливыхъ солдатскихъ коней. Конечно, было бы отлично, если бы каждый всадникъ могъ поѣхать на всякой лошади, на всякомъ сѣдлѣ, но это невозможно при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы, а если и возможно, то съ громадной тратой силъ и средствъ, которыя могли бы быть употреблены на лучшее. Такимъ образомъ отъ лошади, къ концу ея выѣздки, нужно требовать, чтобы она сохранила и развила свои силы, смѣло шла впередъ всевозможными аллюрами, поворачивалась, останавливалась и стояла на мѣстѣ. Для этого нужны: ровность аллюра и твердое его сохраненіе, особенно полевого галопа; спокойный и вѣрный переходъ изъ одного аллюра въ другой, главнымъ образомъ изъ рыси въ галопъ. И при всемъ этомъ слѣдуетъ не только сохранить силы лошади, но развить ея кости, мускулы и дыханіе, быстроту, выносливость и поворотливость.

Совершенно необходимо какъ можно раньше перейти къ ѣздѣ на воздухѣ въ большихъ открытыхъ манежахъ, чтобы здѣсь пройти тѣ упражненія, которыя не могли быть пройдены въ крытомъ, такъ какъ нужно пройти весь курсъ ко времени начала строевыхъ упражненій. Здѣсь же можно пріучить людей и лошадей къ ровному, спокойному полевому галопу.

Карьеръ, препятствія и взводное ученіе должны быть пройдены исключительно въ полѣ, на большомъ протяженіи и по прямому направленію и, при правильной подготовкѣ, потребуютъ очень немного времени.

Еще два замѣчанія о манежной ѣздѣ: во 1-хъ, нужно съ самаго же начала пріучать людей и лошадей къ немедленному исполненію сигналовъ и командъ, что такъ необходимо при послѣдующихъ ученіяхъ и на войнѣ; во 2-хъ, не слѣдуетъ забывать общей цѣли, преслѣдуемой при одиночномъ обученіи всадника и лошади: не стремиться къ идеальной выработкѣ особенно способныхъ всадниковъ и лошадей, а къ возможно однообразному обученію всѣхъ, т. е. слѣдуетъ обращать преимущественно вниманіе на

слабыхъ, и малоспособныхъ. Кавалерійская часть можетъ выполнить тѣ или другія требованія только въ зависимости отъ состоянія самыхъ неудовлетворительныхъ ея составныхъ элементовъ; для того, чтобы задача была выполнена хорошо, нужно, чтобы всѣ составныя единицы были въ состояніи ее исполнить, и достаточно одного несоотвѣтствующаго человѣка или одной лошади, чтобы испортить все дѣло. Поэтому, при распредѣленіи людей по лошадямъ, и тѣхъ и другихъ — по смѣнамъ, слѣдуетъ, выдѣливъ предварительно рекрутъ, молодыхъ лошадей и особо выдающихся одиночныхъ людей и лошадей, назначить слабымъ или отставшимъ ѣздокамъ лучшихъ лошадей и поручить худшія смѣны лучшимъ учителямъ. Обратный образъ дѣйствія принесетъ пользу только наружному виду части и нарушитъ ея однородность. Лучшимъ и наиболѣе способнымъ къ дѣятельности будетъ не тотъ эскадронъ, котораго лучшія смѣны будутъ къ окончанію зимнихъ занятій отлично ѣздить, а тотъ, въ которомъ исправили возможно большее число худшихъ людей и лошадей. И можно считать достиженіемъ идеала, если всѣ взводы, ко времени начала эскадронныхъ занятій, представятъ совершенно однородныя тѣла; тогда потребовалось бы самое незначительное время для ихъ сплоченія.

Что касается до ѣзды въ полѣ, заканчивающей занятія въ манежѣ и подготовляющей къ строевымъ ученіямъ, то мы бы и здѣсь положили въ основаніе раздѣленіе эскадрона на взводы, отдѣленія и шеренги, и такъ бы ее, и производили не возвращаясь къ мелкимъ раздѣленіямъ на смѣны.

Одиночная ѣзда производится или для выѣздки и доѣздки лошади, при прохожденіи по одному на смотрахъ, или упражненіяхъ въ рубкѣ по прямой линіи или на вольту, или, наконецъ, при одиночномъ боѣ. Слѣдовало бы обучать одиночному бою въ видѣ игръ jeu de rose или jeu de barre, съ полной свободой движенія корпусомъ и правой рукой и съ заботливымъ наблюденіемъ за сохраненіемъ правильности посадки и управленія поводомъ, такъ какъ надо прежде всего умѣть управлять лошадью, чтобы наносить меткіе удары. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на ѣзду сомкнутыми частями для подготовки къ ученіямъ, при чемъ нужно производить все то, чему нельзя было научиться въ манежѣ, какъ-то: одновременное движеніе съ мѣста и остановка на всякихъ аллюрахъ и на всякой мѣстности, безъ выскакиванія или задерживанія фланговъ; равномѣрность движеній въ колоннѣ безъ растягиванія ея; умѣнье живо схватывать направленіе послѣ поворотовъ и заѣздовъ; сомкнутость и равненіе при движеніи и на мѣстѣ; ѣзда полуоборотомъ шеренгами и взводами, — упражненіе крайне важное для послѣдующаго и рѣдко практикуемое въ меньшихъ единицахъ, чѣмъ эскадронъ.

Такимъ образомъ всего легче постепенно перейти отъ манежной ѣзды къ ѣздѣ въ полѣ, и отъ послѣдней — къ строевымъ упражненіямъ, при чемъ при нихъ не будетъ теряться правильность ѣзды. Для этого было

бы хорошо отъ времени до времени производить ученья безъ сабель и пикъ, обращая вниманіе на посадку и управленіе.

Понятно, что и при обученіи ѣздѣ теоретическія поученія должны идти параллельно съ практическими и, такъ сказать, иллюстрироваться ими.

II.

Дѣйствіе оружіемъ и фехтованіе, гимнастика, вольтижировка, плаваніе и пр.

Говоря объ употребленіи оружія, напомнимъ прежде всего уже сказанное, что на конѣ слѣдуетъ дѣйствовать исключительно холоднымъ оружіемъ. При этомъ нужно помнить, что, во-первыхъ, уколъ всегда дѣйствительнѣе и опаснѣе удара и что, во-вторыхъ, для успѣшнаго дѣйствія оружіемъ нужно прежде всего быть вполнѣ хозяиномъ своей лошади. Мы не принадлежимъ къ числу поклонниковъ фехтованія, и особенно вольнаго боя, такъ какъ въ пользу его не говорятъ ни нашъ личный опытъ, ни изученіе военной исторіи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи очень поучительна послѣдняя франко-германская война, въ которой нигдѣ не выразилось превосходство въ одиночномъ бою безусловно болѣе ловкихъ въ фехтованіи французскихъ всадниковъ [1]). Мы твердо убѣждены, что искусный ѣздокъ всегда одержитъ верхъ надъ искуснымъ фехтовальщикомъ; если это вѣрно относительно боя всадника противъ всадника, то тѣмъ болѣе вѣрно относительно боя всадника противъ пѣхотинца. При ударѣ же массой, при шокѣ, фехтовальное искусство играетъ еще меньшую роль, такъ что нельзя отказать въ извѣстной долѣ справедливости парадоксу: хорошая конница можетъ также удачно атаковать и съ нагайкой и даже безъ всякаго оружія. Удача или неудача въ конномъ бою зависитъ совсѣмъ отъ другого, а никакъ не отъ фехтованія. Кромѣ того, искусство это слишкомъ трудно дается и требуетъ слишкомъ много времени, котораго при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы и безъ того мало. Еще менѣе необходимо для кавалериста фехтованіе на рапирахъ, дѣйствіе коими даже не похоже на дѣйствіе саблей. Конечно, всадникъ долженъ умѣть ловко владѣть своимъ оружіемъ, т. е. умѣть наносить мѣткіе и сильные уколы и удары, но никакъ не фехтовать, и все это прежде всего верхомъ.

Дѣйствіе огнестрѣльнымъ оружіемъ требуетъ особенно усиленной практики. Оговоримся еще разъ, что мы допускаемъ таковое исключительно для пѣшаго строя; желательно избѣжать дѣйствія имъ на конѣ даже для фланкеровъ и для подачи сигнала. И здѣсь прежде всего нужно имѣть въ виду боевую обстановку. Стрѣльба въ бою будетъ производиться очень

[1]) Припомнимъ приведенное у Денисона замѣчаніе, что за всю кампанію не оказалось ни одного германскаго всадника, убитаго пикой или саблей.

рѣдко стоя, съ руки, а большею частью изъ-за закрытій, съ колѣна или лежа, изъ-за деревьевъ, стѣнъ, заборовъ, земляныхъ валовъ и т. д., а потому заранѣе слѣдуетъ приготовить значительное число этихъ предметовъ на стрѣльбищахъ и ими пользоваться.

Что касается до гимнастики, вольтижировки и плаванія, то можно только сказать, что при обученіи имъ никакъ не слѣдуетъ увлекаться и гнаться за какими нибудь эффектными фокусами, такъ какъ это сопровождается совершенно напрасной тратой времени и влечетъ за собой неправильное отношеніе къ дѣлу. Гимнастическія упражненія извѣстнаго рода чрезвычайно полезны, какъ въ смыслѣ укрѣпленія организма и развитія смѣлости и увѣренности въ себѣ, такъ и, главнымъ образомъ, въ смыслѣ подготовки къ вольтижировкѣ. Эта послѣдняя также должна быть поставлена на строго практическую почву; напримѣръ, слѣдовало-бы, какъ при ней, такъ и при гимнастикѣ, окончательно воспретить трамплины. Можетъ быть полезно было бы ввести нѣкоторыя новыя гимнастическія упражненія, напримѣръ, jeu de barre пѣшкомъ. Также и нѣкоторыя дѣтскія игры (казаки — разбойники, даже горѣлки и прятки) могли бы, при разумномъ веденіи ихъ, способствовать развитію смѣтливости, ловкости, наблюдательности и послужить прекрасной подготовкой къ полевой службѣ. Мы еще вернемся къ этому дальше.

III.

Теоретическое обученіе.

1. *Теоретическое обученіе* бываетъ двоякаго рода: спеціально военное и школьное.

Противъ перваго изъ нихъ сильно возстаютъ такъ называемые практики, и съ полнымъ правомъ, если они говорятъ о теоріи, основанной на циркулѣ, линейкѣ и треугольникѣ, на гипотезахъ, предвзятыхъ мысляхъ и т. д. Но есть и другая теорія, основанная на опытѣ, какъ мы ее находимъ въ книгахъ и т. д.; теорія, не замѣняющая практику, а дополняющая ее. На эту то почву и должно стать военное теоретическое обученіе солдата. Прежде всего нужно научить солдата всѣмъ его обязанностямъ; выяснить ему, что онъ долженъ дѣлать и какъ это сдѣлать, чтобы вышло хорошо; тогда и исполненіе покажется ему болѣе легкимъ. Ту часть теоріи, которая можетъ быть показана на дѣлѣ, лучше такъ и вести попутно съ дѣломъ; сюда войдетъ все, касающееся солдатской службы въ казармахъ, конюшнѣ, манежѣ и т. д., одежды, ухода за собою и лошадью; однимъ словомъ все, чему можно лучше всего научиться болѣе или менѣе продолжительной практикой. Всему этому солдатъ будетъ обучаться на мѣстѣ и постоянно, а не въ школѣ и не въ часы словесности. Напротивъ того, всѣмъ, гдѣ дѣло идетъ о знаніи и пониманіи, нужно будетъ заниматься

въ школѣ. Здѣсь преимущественно нужно позаботиться о развитіи людей, объ ихъ умственномъ подъемѣ, о расширеніи ихъ кругозора. Чтобы достигнуть этого, слѣдуетъ прежде всего избѣгать зазубриванія наизусть и недопускать безсмысленнаго повторенія словъ, безъ пониманія значенія ихъ. Вообще гораздо лучше не обучать по заранѣе составленнымъ вопросамъ и отвѣтамъ, что годится только для болѣе удачнаго отбытія смотра, а вести обученіе въ видѣ бесѣды, вызывая людей на вопросы. Конечно, есть вещи (имена начальниковъ, довольствіе людей и лошадей и т. д.), которыя могутъ быть выучены только на память, но большая часть предметовъ должна быть понята. Для послѣдняго совершенно необходимо, чтобы обучающій соображался съ пониманіемъ обучающихся и, гдѣ можно, подкрѣплялъ свои слова картиной, моделью и т. п.

2. *Школа*. Прежде всего мы должны сказать, что не принадлежимъ къ числу поклонниковъ исключительно школьнаго знанія и не согласны съ неоднократно высказаннымъ мнѣніемъ, будто большая часть успѣховъ на войнѣ должна быть приписана школьному учителю.

Мы нисколько не возстаемъ противъ развитія и образованія вообще, но не можемъ признать за таковыя то, что намъ доводилось встрѣчать въ большей части школъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ закрыть глаза на опасности, проистекающія отъ полуобразованія. Прежде всего оно очень вредно вліяетъ на болѣе всего необходимыя для солдата качества—простую, физическую храбрость и послушаніе. Да это и понятно, указывая на опасности, неудобства, лишенія и жертвы солдатской жизни, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, она представляетъ ихъ, какъ нѣчто совершенно неразумное, и вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ нравственныхъ качествъ, необходимыхъ для перенесенія ихъ, — чувства долга и чести. Кромѣ того, если мы вспомнимъ, какая масса вещей дѣйствительно совершенно необходима для солдата, и особенно для кавалериста, то мы навѣрно придемъ къ заключенію, что слѣдуетъ отбросить все только желательное, такъ какъ оно неминуемо отнимаетъ время или отъ необходимыхъ занятій или отъ не менѣе необходимаго покоя.

Трудность представляется еще въ томъ, что у офицера и унтеръ-офицера врядъ-ли окажутся необходимыя для школьнаго обученія педагогическія способности; къ гражданскимъ же учителямъ обращаться неудобно и дорого, и кромѣ того это, повлечетъ за собою уклоненіе отъ прямаго дѣла въ сторону излишней и потому вредной теоретичности.

Несмотря на все это, мы все-таки не видимъ возможности совершенно упразднить войсковыя школы. Онѣ необходимы при теперешнихъ обстоятельствахъ для подготовки унтеръ-офицеровъ. Пусть это и будетъ ихъ цѣлью, а никакъ не поднятіе уровня грамотности въ народѣ. Конечно, и мы того мнѣнія, что армія есть школа для народа, но только въ другомъ смыслѣ.

Признавая такимъ образомъ необходимость школы, какъ необходимое зло, мы бы желали, чтобы она была поставлена въ правильныя рамки и чтобы обученіе велось исключительно съ военной цѣлью: напримѣръ, для чтенія и письма должны быть выбираемы статьи поучительнаго или возбуждающаго, военнаго содержанія.

3. *Ковка и пѣніе.* Обученіе ковкѣ рекомендуется обыкновенно по двумъ причинамъ: во 1-хъ, потому что чѣмъ больше въ эскадронѣ кузнецовъ, тѣмъ лучше, и въ 2-хъ, потому что каждый унтеръ-офицеръ долженъ умѣть закрѣпить подкову. Первое есть неоспоримая истина и касается одинаково портныхъ, сѣдельниковъ, сапожниковъ и т. д.; второе показываетъ не совсѣмъ правильное пониманіе дѣла. Прежде всего закрѣпленіе подковы вбиваніемъ гвоздя въ старую дыру или рядомъ съ ней — совсѣмъ не такая простая вещь; но этимъ дѣло не оканчивается: гвоздь долженъ быть еще отщипленъ, притянутъ, заклепанъ и опиленъ рашпилемъ, а затѣмъ всѣ другіе гвозди должны быть также притянуты и заклепаны. Все это требуетъ умѣнья и инструмента, которымъ, слѣдовательно, придется снабдить всѣхъ вышеупомянутыхъ людей. Мы предпочли бы производить занятіе ковкой только съ имѣющимися въ эскадронѣ кузнецами и затѣмъ знакомить всѣхъ людей съ устройствомъ копыта и подковы.

Обученіе пѣнію, если на него есть время, желательно соединить съ обученіемъ сигналамъ. Вообще же предостерегаемъ еще разъ отъ избытка предметовъ. Иногда и хорошаго можетъ быть слишкомъ много.

4. *Теоретическое обученіе офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.* Занятія съ этими лицами должны ихъ знакомить съ ихъ обязанностями и подготовлять ихъ къ роли хорошихъ учителей. Частью и здѣсь обученіе идетъ параллельно со службой и занятіями — совѣтомъ, указаніемъ и проч.; но должно быть обращено полное вниманіе и на теоретическое обученіе такимъ вещамъ, которымъ на практикѣ не всегда можно научиться. Мы считаемъ особенно важнымъ: умѣнье оріентироваться, читать карту и писать донесенія.

И здѣсь, еще въ большей степени, чѣмъ при обученіи рядовыхъ, слѣдуетъ стремиться къ общему развитію въ военномъ смыслѣ, а не зазубриванію какихъ-нибудь мелочей, и обученіе слѣдуетъ вести при помощи всевозможныхъ вспомогательныхъ средствъ: чертежей, плановъ, моделей и т. п. Возможно-ли веденіе военной игры съ унтеръ-офицерами — это зависитъ отъ условій, въ которыя поставлена часть, и не можетъ быть заранѣе предусмотрѣно.

Для офицеровъ самыя лучшія занятія: бесѣда со взаимнымъ обмѣномъ мыслей, письменная обработка и практическое рѣшеніе задачъ съ изустнымъ разборомъ ихъ и, наконецъ, военная игра при умѣломъ руководителѣ.

IV.

Уставъ о строевыхъ ученіяхъ.

О содержаніи и размѣрахъ строеваго устава много спорили и различно разрѣшали этотъ вопросъ. Намъ кажется, что въ его рамки должны входить упражненія частей, которыми можно управлять командой или сигналомъ (которыя упражняются, а не маневрируютъ), т. е. до полка включительно.

Значеніе уставныхъ формъ вполнѣ ясно. Ихъ не слѣдуетъ преувеличивать, и тѣмъ менѣе уменьшать (а къ этому теперь появилась склонность). Форма не есть нѣчто самостоятельное; она не имѣетъ жизни безъ духа; она получаетъ отъ него законъ, выполняетъ его требованія, примѣняется къ нему. Наоборотъ, и духъ не можетъ обойтись безъ формы; она — его вещественное проявленіе, безъ котораго онъ остается чѣмъ-то абстрактнымъ.

Чего же можно требовать отъ строеваго устава? Отвѣтъ на это можетъ быть данъ только въ зависимости отъ основныхъ требованій, въ особенности отъ отношеній вождя[1]) къ войску.

Отношенія эти таковы, что чѣмъ больше снимается отвѣтственности съ одного, тѣмъ болѣе приходится требовать съ другихъ. Поэтому врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что требованія должны все уменьшаться по мѣрѣ того, какъ мы спускаемся ниже и ниже, по іерархической лѣстницѣ, такъ какъ при этомъ не только уменьшается служебная опытность и образованіе, но благодаря послѣднему и обстановка каждаго даннаго случая представляется менѣе ясной и иногда совсѣмъ неизвѣстной. Вслѣдствіе этого, первое требованіе отъ строеваго устава будетъ полнѣйшая простота и ясность. Это важно не только для войскъ, но и для вождя, который, конечно, можетъ съ большей ловкостью управлять простымъ аппаратомъ, чѣмъ сложнымъ. Простота устава влечетъ за собой уменьшеніе числа уставныхъ формъ — не можетъ же онъ быть рецептной книгой на всевозможные случаи — и простоту перестроеній, всегда по кратчайшему направленію и безъ потери времени. Особенно это касается развертыванія въ боевой порядокъ.

Требованія простоты и ясности распространяются на всѣ части устава, вытекающія изъ тѣхъ положеній, въ которыхъ могутъ находиться войска. Эти положенія, т. е. отдыхъ, движеніе и бой (пѣшій и конный, въ сомкнутомъ и разомкнутомъ строю) и опредѣляютъ главные отдѣлы устава. Мы не можемъ въ подробности разбирать все, что должно войти въ уставъ, а коснемся только нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ.

---

[1]) Вездѣ подъ словомъ „вождь“ мы понимаемъ старшаго военачальника; всѣ прочіе причисляются къ войску.

1. *Пѣшее ученіе и его значеніе.* Пѣшее ученіе должно вестись въ конницѣ на тѣхъ же основаніяхъ и по тѣмъ же командамъ и сигналамъ, какъ конное (нѣчто въ родѣ пѣшаго-по-конному ученія). Поэтому мы бы отбросили всѣ тѣ пѣшія перестроенія, которыя не могутъ быть исполнены верхомъ, оставивъ только развѣ поворотъ по одному, рядомъ съ коннымъ поворотомъ по три; научили бы вполнѣ твердо всѣмъ коннымъ перестроеніямъ сначала пѣшкомъ, такъ какъ затѣмъ повтореніе ихъ верхомъ уже не составитъ никакого затрудненія. Отдѣльное пѣхотное обученіе проходилось бы только каждымъ человѣкомъ, было бы только одиночнымъ, но уже для шеренги, эскадрона и т. д. не было бы двухъ разныхъ уставовъ — коннаго и пѣшаго. Вообще, пѣшее ученіе было бы только подготовительнымъ для коннаго, такимъ же, какимъ въ другомъ смыслѣ служитъ ѣзда. Когда люди научились почти инстинктивно управлять своими лошадьми и тверды въ пѣшихъ перестроеніяхъ, то конныя ученія пойдутъ сразу очень легко. Чрезвычайную помощь могутъ оказать при этомъ толковые взводные командиры и унтеръ-офицеры, почему на твердость ихъ познаній слѣдуетъ обратить особенное вниманіе и обучать на отдѣльныхъ ученіяхъ — кадровыхъ. Тутъ же должно научить и сигналамъ.

2. *Прямой и обратный порядки.* Всякій кавалерійскій уставъ, который долженъ быть простъ, ясенъ и сдѣлать часть вѣрнымъ орудіемъ въ опытныхъ рукахъ, долженъ, при нынѣшнихъ короткихъ срокахъ службы, быть построенъ на прямомъ порядкѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ никакой уставъ не обойдется безъ обратныхъ порядковъ. Заѣздъ по-взводно кругомъ; заѣздъ взводной колонны въ сторону, противоположную фронту; развертываніе отступающей взводной колонны, — все это даетъ обратный порядокъ, и притомъ такой, при которомъ эскадронные командиры и старшіе начальники находятся позади строя. Если оба построенія, прямое и обратное, необходимы и всегда встрѣчаются, то не слѣдуетъ-ли признать равноправность ихъ. Дѣло, однако, не такъ просто, какъ кажется; этотъ шагъ влечетъ за собою два строя вмѣсто одного. Это, конечно, не большая бѣда, только нужно ясно понять вытекающія отсюда послѣдствія, а то легко дойти до отсутствія принципа или до принципа произвольнаго, непостояннаго строя. Пока прямой порядокъ считается нормальнымъ, законнымъ, а обратный — только временнымъ, переходнымъ, то при развертываніи для атаки — вѣнцѣ всего дѣла — толковый начальникъ и хорошо обученная часть ни на минуту не усумнятся, въ какомъ направленіи и какъ развернуться. Взгляда на извѣстныхъ командировъ фланговыхъ эскадроновъ, головныхъ взводовъ, достаточно, чтобы знать, что дѣлать по сигналамъ: „заѣздъ во фронтъ“ и „развертываніе колоннъ“. Но все перемѣнится, какъ только обратный порядокъ станетъ такимъ же нормальнымъ, какъ и прямой. Упомянутые сигналы будутъ уже не такъ понятны; можетъ произойти колебаніе, котораго, будь оно хотя и минутное, необходимо во

чтобы то ни стало избѣжать. Единственное для этого средство — двойные сигналы съ той стороны, гдѣ начальникъ, или откуда поданъ сигналъ, недостаточны; при пыли, неровностяхъ мѣстности часть можетъ и не видѣть начальника, подающаго сигналъ, а бряцаніе оружія, топотъ лошадей, особенно въ сомкнутыхъ колоннахъ, при извѣстномъ направленіи вѣтра, могутъ очень легко ввести слухъ въ заблужденіе. Кромѣ того, начальнику приходится даже въ мирное время не всегда стоять на уставномъ мѣстѣ; еще чаще можетъ это произойти на войнѣ, гдѣ онъ прежде всего долженъ видѣть непріятеля и потому не долженъ быть связанъ ничѣмъ въ выборѣ мѣста. Можетъ, наконецъ, случиться, что непріятель появится совершенно неожиданно, такъ что начальнику не будетъ времени ни самому скакать на мѣсто, гдѣ слѣдуетъ подать сигналъ, ни послать туда трубача.

Думать, что часть всегда въ состояніи догадаться, гдѣ фронтъ, по расположенію непріятеля, очень ошибочно; въ мирное время его можетъ совсѣмъ и не быть, а въ военное — его очень часто, при движеніи по маломальски пересѣченной, неровной мѣстности, не видно въ моментъ развертыванія. Да, наконецъ, противникъ становится объектомъ дѣйствій для части только съ минуты подачи команды или сигнала „въ карьеръ"; до тѣхъ же поръ она смотритъ только на начальника и дѣйствуетъ по его указаніямъ. Это конечно, не исключаетъ, необходимости личной иниціативы частныхъ начальниковъ при неожиданномъ появленіи непріятеля.

Если затѣмъ обратный порядокъ войдетъ въ число боевыхъ, то нужно установить границы его примѣненія. Мы желали бы, чтобы все-таки прямой порядокъ продолжалъ считаться нормальнымъ, а обратный нашелъ примѣненіе на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Эскадроны въ полку могутъ быть расположены въ какомъ угодно порядкѣ, даже перемѣшаны.

б) Взводы въ эскадронѣ не должны быть перемѣшаны, а могутъ быть расположены только въ обратномъ порядкѣ, т. е. 4-й взводъ на правомъ флангѣ, затѣмъ 3-й, 2-й и 1-й.

в) Обратный порядокъ долженъ быть примѣняемъ только въ случаѣ необходимости, вызванной обстановкой или недостаткомъ времени для построенія нормальнаго порядка; поэтому, напримѣръ, сборъ въ обратномъ порядкѣ долженъ быть запрещенъ.

г) При первой возможности прямой порядокъ долженъ быть возстановленъ.

Изъ этихъ пунктовъ — третій касается исключительно начальника и потому не долженъ быть подробно развитъ въ уставѣ; часть, чтобы быть хорошимъ орудіемъ въ опытныхъ рукахъ, должна умѣть одинаково хорошо упражняться какъ въ нормальномъ, такъ и въ обратномъ порядкѣ. Здѣсь главное стремиться къ тому, чтобы части чувствовали себя одинаково хорошо въ обоихъ порядкахъ, начальникъ же примѣнялъ бы обратный порядокъ возможно рѣже. Чѣмъ онъ рѣже къ нему прибѣгаетъ (исключая

случаевъ обученія этому порядку), тѣмъ болѣе онъ доказываетъ ясность взгляда, знаніе устава, прозорливость и пониманіе обстановки.

Замѣтимъ еще, что обратный порядокъ не есть безпорядокъ и не обусловливаетъ таковаго; но очень легко впасть въ него, при постоянномъ, ничѣмъ не вызванномъ, примѣненіи обратнаго порядка, особенно при существующихъ короткихъ срокахъ службы, не совсѣмъ сознательномъ командованіи, на неудобной мѣстности, при неблагопріятной погодѣ, при неожиданномъ появленіи непріятеля.

3. *Раздѣленіе на части и ранжировка.* Въ высшихъ единицахъ тактическое раздѣленіе на части совпадаетъ съ административнымъ и основывается на организаціи арміи, которая сама должна быть основана на требованіяхъ тактики. Того-же начала слѣдовало-бы держаться и въ меньшихъ единицахъ.

Какъ извѣстно, эскадронъ расчитывается на 4 рядомъ стоящіе, безъ интерваловъ, взвода; эти послѣдніе на отдѣленія по 3 ряда[1]) и для слѣзанія на первые и вторые номера. Поэтому, наилучшимъ составомъ для взводовъ было-бы 12 (18 и т. д.) рядовъ. Глухіе ряды можно оставлять въ серединѣ фланговыхъ отдѣленій; вторые номера среднихъ отдѣленій взводовъ (по 8 человѣкъ въ эскадронѣ) назначались бы развѣдчиками и дозорными. Въ каждомъ взводѣ: 2 унтеръ-офицера — на флангахъ первой шеренги, 2 унтеръ-офицера или ефрейтора — въ замкѣ или на флангахъ второй шеренги; одинъ командиръ, по возможности офицеръ, — передъ серединой взвода; вахмистръ — въ замкѣ за эскадрономъ. Хорошіе, знающіе, толковые фланговые унтеръ-офицеры очень важны; они держатъ въ порядкѣ 2 — 3 сосѣднихъ ряда; средніе ряды идутъ за взводными командирами, и такимъ образомъ ошибки или колебанія не должны бы и встрѣчаться.

Полки (см. выше) должны состоять изъ 4 эскадроновъ и имѣть въ мирное время ту-же силу, что и въ военное. Между эскадронами должны быть интервалы, равные протяженію взвода, чтобы всѣ эскадроны, даже средніе, имѣли возможность самостоятельнаго движенія.

Что чрезвычайно важно — это ранжировка. Она заключается прежде всего въ разумномъ распредѣленіи людей по лошадямъ и затѣмъ въ толковомъ размѣщеніи людей по шеренгамъ, взводамъ и отдѣленіямъ. Раньше всего при этомъ нужно назначить самыхъ небыстрыхъ и слабыхъ лошадей въ взводъ равненія, такъ какъ къ нимъ должно примѣняться, пока онѣ есть въ эскадронѣ. Затѣмъ, всѣхъ бѣлыхъ лошадей лучше назначить во вторую шеренгу или совсѣмъ убрать изъ строя, давъ ихъ трубачамъ, квартермистрамъ, ординарцамъ, офицерской прислугѣ и тому подобнымъ людямъ, не посылаемымъ въ разъѣзды. Нельзя также упускать изъ виду,

[1]) Теперь въ германскомъ уставѣ по четыре.

при ранжировкѣ и требованій эстетики, въ смыслѣ красоты строя. Наконецъ ранжировка должна, по возможности, оставаться постоянной и не перемѣняться безъ особой причины.

4. *Равненіе и чувство стремени.* Они оба тѣсно связаны между собою и только при заѣздахъ производятся въ различныя стороны. О чувствѣ стремени много говорить нечего. Почти повсюду люди стоятъ такъ, чтобы при движеніи въ прямомъ направленіи чувствовать стремя къ стремени, а при движеніи въ полъоборота — колѣно за колѣно.

Равненіе же бываетъ двоякаго рода: въ сторону и впередъ; обыкновенно говорятъ только о первомъ, а второе какъ-то упускается изъ виду, что совершенно невѣрно; особенно это замѣтно при движеніи въ колоннѣ; въ развернутомъ строю оно важно только въ смыслѣ держанія второй шеренги въ затылокъ первой. Отсюда уже ясно, что основанія равненія для развернутаго строя и для колоннъ не могутъ быть одинаковы.

Въ первомъ, гдѣ преимущественно важно равненіе въ сторону, оно, конечно, тѣмъ легче, чѣмъ линія короче, — слѣдовательно, всего цѣлесообразнѣе назначать его на середину. Исключенія могутъ быть сдѣланы для церемоніальнаго марша и должны быть сдѣланы для заѣздовъ и облическихъ движеній. Наилучшими средствами для равненія будутъ: чувство стремени, вѣрное направленіе и ровный темпъ, на мѣстѣ иногда и взглядываніе въ сторону равненія; на ходу же таковое должно быть разрѣшено только при заѣздахъ. Взводнымъ командирамъ, конечно, придется чаще взглядывать другъ на друга, но и они должны обращать преимущественное вниманіе на вѣрность направленія и ровность темпа.

Слѣдовательно:

а) равненіе должно быть назначаемо вообще на середину;

б) оно должно быть связано съ чувствомъ стремени;

в) человѣкъ, по которому равняются, долженъ быть очень надеженъ; лучше, если это будетъ унтеръ-офицеръ;

г) взводные командиры поддерживаютъ вѣрность направленія и ровный темпъ; середина взводовъ и всѣ фланговые унтеръ-офицеры берутъ надлежащую дистанцію отъ нихъ, и держатъ по нимъ направленіе и темпъ.

Говоря уставнымъ языкомъ: при движеніи развернутымъ строемъ равненіе назначается на середину, а именно—въ каждомъ эскадронѣ на правофланговаго унтеръ-офицера 3-го взвода, котораго слѣдуетъ особо избрать и безъ нужды не мѣнять. Онъ беретъ дистанцію отъ взводныхъ командировъ и держитъ по нимъ направленіе и темпъ. Взводные командиры должны давать вѣрное направленіе и темпъ всей линіи, а по ней брать интервалы между собой. Въ полку и высшихъ единицахъ равненіе назначается также на середину; значитъ, при нормальномъ порядкѣ и 4 эскадронахъ — на 3-й эскадронъ, но каждый эскадронъ продолжаетъ равняться и держаться на середину.

Что касается до равненія въ колоннѣ, то вышеуказанныя основанія вполнѣ подходятъ до равненія по фронту для каждой отдѣльной ея части. Но равненіе на середину назначать неудобно, такъ какъ въ колоннахъ самое важное—быстрое построеніе фронта, для чего люди съ внутренней стороны должны строго держать затылокъ. Если этого нѣтъ, то при заѣздѣ во фронтъ часть людей переѣхала бы линію фронта, другая не доѣхала бы до нея, и при дальнѣйшемъ движеніи не было-бы взято ни вѣрнаго направленія, ни ровнаго темпа.

Кромѣ того, если бы человѣкъ равненія находился въ серединѣ, то по немъ, въ виду большей, чѣмъ на флангѣ, пыли, было бы гораздо труднѣе держать затылокъ. Поэтому намъ кажется, что въ колоннахъ (особенно же въ фланговыхъ, гдѣ можно всякую минуту ожидать заѣзда во фронтъ) слѣдуетъ назначать равненіе на внутренній флангъ, т. е. на тотъ, куда строится фронтъ, и слѣдующіе на немъ люди должны строго держать другъ по другу затылокъ, дистанцію, направленіе и аллюръ. По командѣ „гг. эскадронные командиры на другую сторону", сейчасъ должно мѣняться равненіе; или наоборотъ, по командѣ, измѣняющей равненіе, эскадронные командиры должны переѣзжать на другую сторону.

Обращаемъ вниманіе еще на два пункта:

Во 1-хъ, желательно, особенно при движеніи развернутымъ строемъ, кромѣ равненія, указывать еще направленіе на какой-нибудь предметъ непремѣнно отдаленный, такъ какъ только въ послѣднемъ случаѣ всѣ люди могутъ держать на него, не опасаясь стѣсненія. Близкій предметъ можетъ служить пунктомъ направленія только для человѣка равненія; всѣ-же прочіе люди должны держать нѣсколько правѣе или лѣвѣе.

Во 2-хъ, при потерѣ чувства стремени, таковое отнюдь не должно быть возстановляемо вдругъ, крутымъ поворотомъ лошади, а только исподволь и постепенно, при чемъ никакъ не слѣдуетъ терять разъ взятаго направленія.

5. *Команды, командованіе, управленіе.* Почти всѣ команды состоятъ изъ двухъ частей: предварительной и исполнительной. Первая или бываетъ простымъ обращеніемъ къ части, призывающимъ ея вниманіе, или-же входитъ въ составъ команды. Въ послѣднемъ случаѣ она какъ-бы указываетъ, что должно быть сдѣлано, а исполнительная команда, гдѣ и когда оно должно быть исполнено. Изъ этого слѣдуетъ, что предварительная команда должна быть подаваема на столько заблаговременно, чтобы всѣ могли схватить ея смыслъ и ясно ее понять. Исполнительная-же команда затѣмъ должна быть подаваема такъ, чтобы исполненіе послѣдовало именно тамъ и тогда, когда это требуется. На это обстоятельство въ конницѣ обращается очень мало вниманія, а часто и самое требованіе своевременной подачи предварительной команды не всегда исполняется. Очень часто команду начинаютъ подавать тогда, когда уже собственно пора начаться самому движенію; это вызываетъ — суетливость, безпорядокъ.

Такимъ образомъ и важно не только, такъ сказать, теоретическое значеніе командъ, но и умѣлое командованіе. Важно оно не для одного своевременнаго и точнаго исполненія людьми, но и для самого командующаго оно имѣетъ воспитательное значеніе; взводный командиръ, привыкшій опаздывать со своими командами на нѣсколько футовъ и секундъ, въ своей простой и ограниченной сферѣ дѣятельности, также не будетъ въ состояніи сообразоваться съ имѣющимся временемъ и мѣстомъ, когда онъ будетъ командовать большими частями. Но если, съ одной стороны, можно сдѣлаться хорошимъ вождемъ крупныхъ частей только ознакомившись со своими обязанностями на всѣхъ ступеняхъ службы, то съ другой надо имѣть и подчиненныхъ, знающихъ свое дѣло, чтобы управленіе массами не встрѣчало тренія и задержекъ.

Слѣдовательно, взводному командиру нужно озаботиться прежде всего о томъ, чтобы выучить уставъ и затѣмъ умѣть примѣнять указанныя имъ команды. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ обращаемъ вниманіе на слѣдующіе три важные пункта.

Во 1-хъ, команды предварительныя и исполнительныя не должны быть поданы слишкомъ близко другъ отъ друга; первая — спокойно, протяжно, совершенно ясно; вторая — коротко, рѣзко, энергично.

Во 2-хъ, если взводному командиру приходится самому исполнять поданную имъ команду, напримѣръ: при переходѣ изъ одного аллюра въ другой, при заѣздахъ и поворотахъ и т. д., то онъ долженъ начать исполненіе только тогда, когда часть также совершенно готова, а никакъ не торопиться. Если команда подана ошибочная, то часть все-таки должна выполнить ее,—это служитъ доказательствомъ, что часть не привыкла къ ошибкамъ со стороны начальника.

Въ 3-хъ, команда должна быть подана въ надлежащемъ направленіи относительно части, преимущественно къ сторонѣ болѣе отдаленной отъ начальника — хвосту или противоположному флангу. Затѣмъ на обязанности взводныхъ командировъ, кромѣ командованія взводомъ, лежитъ и умѣлое веденіе ихъ. Это будетъ для нихъ легче всего, если они передъ серединой взвода будутъ ему давать направленіе и темпъ.

Что мы говорили о взводныхъ командирахъ, то, съ соотвѣтствующими измѣненіями, касается и высшихъ начальниковъ, при чемъ соединеніе въ одномъ лицѣ командованія части и веденіе ея возможно только до извѣстнаго предѣла, который послужитъ также и предѣломъ для строеваго устава. Хотя могутъ быть случаи, при самостоятельномъ дѣйствіи на войнѣ или маневрахъ полка или даже эскадрона, когда и здѣсь для командованія и для управленія потребуется два отдѣльныхъ лица.

6. *Сигналы*. Сигналы должны быть непремѣнно приведены въ извѣстную систему; тогда они будутъ легче запоминаться и пониматься, даже если увеличить число ихъ, согласно предложенію нашему въ случаѣ вве-

денія обратнаго порядка. Можно, напримѣръ, всѣ сигналы, требующіе поворота къ правой рукѣ исполняющаго, сдѣлать на высокихъ или на повышающихся нотахъ, и обратно — сигналы, требующіе поворота къ лѣвой рукѣ исполняющаго, на низкихъ или на понижающихся нотахъ. Такого же основанія можно держаться и при всѣхъ вызывающихъ противоположныя дѣйствія сигналахъ: справа повзводно и слѣва повзводно, посадка на коней, слѣзаніе и т. д. Затѣмъ хорошо было бы для каждаго сигнала придумать соотвѣтствующія слова, всего лучше изъ какихъ-нибудь извѣстныхъ пѣсенъ. Кромѣ того, не нужно забывать, что трубачи должны быть прежде всего хорошими сигналистами, а затѣмъ уже музыкантами, увеселяющими публику въ общественныхъ садахъ и т. д. Еще можно сказать о сигналахъ тоже, что и о командахъ: необходимы своевременное поданіе сигнала со стороны начальника, а со стороны войскъ — знаніе сигналовъ и одновременное по нимъ исполненіе.

7. *Аллюры.* Ровность аллюровъ имѣетъ весьма важное значеніе для равненія при движеніяхъ, ихъ размѣръ — для быстроты движенія. Послѣднее значеніе, однако, не такъ важно, какъ оно можетъ показаться съ перваго раза. При походныхъ движеніяхъ, а равно и при движеніяхъ на полѣ сраженія, до момента атаки, оно не важно. Здѣсь своевременное выполненіе ихъ и прибытіе на подобающій пунктъ зависятъ не столько отъ быстроты, сколько отъ своевременнаго начала движенія, т. е. не столько отъ части, сколько отъ ея начальника. Искусный начальникъ сумѣетъ, ведя часть умѣренными аллюрами, привести ее во время туда, куда нужно; неискусному это не удастся и на сильнѣйшихъ аллюрахъ. Этой точки зрѣнія и слѣдуетъ держаться при разсмотрѣніи возбудившаго въ послѣднее время столько споровъ вопроса объ усиленіи аллюровъ, особенно рыси. При хорошо кормленныхъ и неутомленныхъ лошадяхъ, по хорошему грунту, безъ походнаго вьюка, т. е. на упражненіяхъ мирнаго времени, оно, конечно, возможно. Если же желать перенести это и на военное время, то слѣдуетъ ожидать многихъ разочарованій. Невозможно достигнуть въ военное время быстроты движенія, если подготовляться къ этому въ мирное время неправильнымъ путемъ. Война, со своими требованіями скорости и выносливости и съ ея неизбѣжными препятствіями и тягостями, даетъ тотъ масштабъ требованій, котораго надо держаться въ мирное время. Мы соглашаемся съ требованіями новаго прусскаго устава, который опредѣляетъ скорость аллюровъ „на ученьяхъ и на войнѣ“ одинаковую, а именно: въ одну минуту шагомъ — 125, рысью — 300, галопомъ — 500 шаговъ, при чемъ вновь введенный шагъ, равный 0,80 метра, больше прежняго (2 фута 4 дюйма = 0,73 метра), черезъ что вышеприведенныя цифры соотвѣтственно увеличиваются до 136, 328 и 546 шаговъ. Мы предложили бы выразить скорость движенія въ метрахъ слѣдующимъ образомъ:

шагомъ . .	100 метровъ, т. е.	125 новыхъ или	136,6 старыхъ шаговъ	
рысью. . .	250 „	„ 312,5 „	„ 341,5 „	„
галопомъ. .	400 „	„ 500 „	„ 546,4 „	„

Скорость карьера можно принять въ 500 метровъ, т. е. 625 новыхъ или 683 старыхъ шаговъ.

По нашему мнѣнію, вышеприведенныя цифры — максимумъ того, что можно требовать при всевозможныхъ обстоятельствахъ отъ сомкнутой части. Разъ ихъ установятъ, то слѣдуетъ ихъ строго держаться какъ въ военное, такъ и въ мирное время, черезъ что всегда явится возможность избѣжать запаздыванія.

8. *Колонны, ихъ построеніе и развертываніе.* Колонна и развернутый строй — это два кардинальные состоянія коннаго строя, знаменующія: одна — движеніе, другая — бой. Колонны — это переходная ступень отъ отдыха къ дѣйствію. Перестроеніе изъ колонны въ развернутый строй можетъ быть произведено или развертываніемъ или заѣздомъ. Здѣсь мы volens-nolens должны затронуть очень спорный вопросъ, какое движеніе предпочтительнѣе: полуоборотомъ, по діоганали, или подъ прямымъ угломъ. Если мы возьмемъ два простѣйшіе вида перестроенія изъ колонны въ развернутый строй, т. е. развертываніе съ построеніемъ фронта въ сторону движенія и заѣздъ плечомъ головной частью въ ту или другую сторону, съ построеніемъ затѣмъ фронта въ сторону прежняго движенія, то, очевидно, что послѣднее перестроеніе гораздо легче, чѣмъ всегда трудное для сомкнутой части движеніе полуоборотомъ, особенно на большихъ аллюрахъ. Затѣмъ, при построеніи фронта заѣздомъ гораздо легче сохраняется равненіе, направленіе и сомкнутость, такъ какъ каждый взводъ имѣетъ уже въ своемъ внутреннемъ флангѣ твердую точку въ самой новой линіи. Этихъ преимуществъ при развертываніи колонны нѣтъ: здѣсь послѣ движенія полуоборотомъ, по командѣ „прямо", очень трудно схватить прежнее направленіе; при въѣздѣ въ линію одинъ флангъ можетъ очень легко выскочить впередъ или остаться назади, что опять влечетъ за собой перемѣну направленія. Кромѣ того, развертываніе требуетъ гораздо большаго числа командъ, что опять-таки очень невыгодно; при заѣздѣ линія возстановляется гораздо легче, и главный начальникъ имѣетъ часть во все время производства перестроенія въ своихъ рукахъ, между тѣмъ, какъ при развертываніи она временно раздѣляется на 4 (въ полку 16) мелкихъ единицъ съ самостоятельными командирами; пока часть въ рукахъ начальника, онъ можетъ завести ее плечомъ на сколько признаетъ это нужнымъ, и затѣмъ простымъ заѣздомъ во фронтъ придать ей желательное для атаки направленіе. Та выгода развертыванія впередъ, о которой часто говорятъ, что при этомъ выигрывается мѣсто впередъ, такъ какъ движеніе продолжается, несомнѣнна; но врядъ-ли можно изъ этого выводить заключеніе, что слѣдуетъ всегда предпочитать

діагональныя движенія, движеніямъ подъ прямымъ угломъ и что слѣдующій вторымъ всегда опоздаетъ. Скажемъ еще разъ, что не-запаздываніе зависитъ отъ своевременнаго начала движенія, т. е. отъ начальника. Но и кромѣ того выигрышъ мѣста впередъ при развертываніи не всегда можетъ считаться выгоднымъ; очень часто онъ повлечетъ за собой недостатокъ мѣста не только для атаки, но и для самого развертыванія. Положимъ, напримѣръ, что полкъ во взводной колоннѣ выходитъ рысью изъ дефиле и долженъ возможно скорѣе выстроить развернутый строй въ сторону движенія. Если онъ зайдетъ плечомъ и затѣмъ будетъ продолжать идти рысью, то какъ только послѣдній взводъ выйдетъ изъ дефиле, т. е. послѣ 47 секундъ (217 шаговъ — 4 эскадрона по 4 двѣнадцатирядныхъ взвода и еще 22 шага — заѣздъ), онъ можетъ выстроить развернутый строй и будетъ еще имѣть передъ собою достаточно мѣста. Если подъ словомъ „достаточно“ разумѣть пространство въ 500 шаговъ, съ котораго поднимаютъ въ галопъ, то получимъ, что полкъ успѣетъ выйти изъ дефиле, построиться фронтомъ и ударить на противника съ полной силой, если этотъ послѣдній находился въ 1.200 шагахъ и тотчасъ пошелъ въ атаку.

Посмотримъ теперь, что будетъ, если тотъ же полкъ будетъ развертываться впередъ, строя сначала эскадроны, а затѣмъ уже фронтъ полка, какъ это требуется по уставу. Перестроеніе можетъ начаться, когда послѣдній взводъ вышелъ изъ дефиле, то-есть, когда голова колонны потеряла 217 шаговъ или 43 сек., и потребуетъ всего около 113 сек., не считая того времени, какое требуется для подачи промежуточныхъ командъ, т. е. положимъ еще 30 сек. Слѣдовательно, подобное развертываніе возможно только, если непріятель находится не ближе 2.200 шаговъ. Кромѣ того, при немъ многимъ частямъ приходится идти, еще до перехода въ атаку, довольно продолжительное время галопомъ. Если же дѣлать самое перестроеніе галопомъ, то при первомъ нужно всего 28 секундъ, при чемъ ни одной части не придется скакать болѣе 239 шаговъ, между тѣмъ, какъ при второмъ эта цифра увеличится до 770 шаговъ.

Вслѣдствіе всего этого мы считаемъ перваго рода деплояду заслуживающей полнаго вниманія, отнюдь не желая вмѣстѣ съ тѣмъ полной отмѣны развертыванія и движенія по діагоналямъ, которыя могутъ быть съ полнымъ успѣхомъ примѣняемы, когда достаточно времени.

Затѣмъ, можно остановиться на вопросѣ: желательно-ли производить развертываніе колонны въ одну сторону или въ обѣ. Первое предполагаетъ нормальнымъ построеніемъ — колонну справа или слѣва, второе — изъ середины. Намъ кажется, что эскадронъ долженъ развертываться только въ одну сторону, высшимъ же единицамъ трудно избѣжать развертыванія въ обѣ стороны и колоннъ изъ середины.

Говоря вообще, повороты отдѣленіями и движенія полуоборотомъ пригодны преимущественно для мелкихъ частей и на небольшія разстоянія,

заѣзды же повзводно — для крупныхъ частей и на большія разстоянія. Слѣдовало бы точно установить въ уставѣ границу для тѣхъ и другихъ.

9. *Движеніе развернутымъ строемъ и атака.* Между ними, собственно говоря, нѣтъ никакой разницы. Первое переходитъ во вторую—если есть непріятель и на него налетаютъ съ обнаженнымъ оружіемъ въ рукахъ. Это сходство слѣдуетъ твердо помнить во время ученій и требовать тѣхъ же сомкнутости, равненія, направленія, дистанціи между шеренгами и ровного темпа; разница должна быть только въ вынутомъ оружіи и движеніи въ концѣ карьеромъ, если это атака. Конечно, это нисколько не должно препятствовать производству, съ цѣлью обученія, движеній: развернутымъ строемъ — съ обнаженнымъ оружіемъ и карьеромъ — съ оружіемъ въ ножнахъ. Затѣмъ, очевидно, нужно довести часть до умѣнья дѣлать перемѣны фронта во время движенія галопомъ.

Атака — вѣнецъ дѣйствій конницы; это — конечная цѣль всѣхъ упражненій и ученій, въ манежѣ и въ полѣ, пѣшкомъ и верхомъ. Только постоянными упражненіями можно довести выполненіе ея до возможнаго совершенства. И „нигдѣ требованіе точнаго выполненія такъ неважно какъ при атакѣ; всѣ силы и время, которыя мы очень часто тратимъ на совершенно излишнія движенія, мы отнимаемъ у атаки и у столь необходимыхъ для нея упражненій развернутымъ строемъ“ [1]).

Существуетъ два рода атакъ: сомкнутая и разомкнутая. Первая должна быть дѣйствительно сомкнутой съ начала и до самого конца, до удара. Это возможно только, если всѣ части линіи подвигаются впередъ совершенно равномѣрно, т. е. когда быстрота движенія соразмѣряется съ силами слабѣйшихъ (а не только болѣе слабыхъ) лошадей; отсюда слѣдуетъ, что всѣ быстрыя лошади должны быть все время удерживаемы, т. е. быстротой ихъ не приходится пользоваться. Съ другой стороны, очевидно, что атака не будетъ сомкнутой, если постоянно (и тѣмъ чаще, чѣмъ движеніе медленнѣе) будутъ выскакивать впередъ всадники. Логическимъ послѣдствіемъ этого является то, что развитіе наибольшей быстроты несовмѣстимо съ наибольшей сомкнутостью, и, слѣдовательно, сомкнутыхъ атакъ нельзя производить тамъ, гдѣ необходима крайняя быстрота, напримѣръ, при дѣйствіи противъ частей, вооруженныхъ дальнобойнымъ оружіемъ, или даже въ предѣлахъ досягаемости ихъ оружія, т. е. противъ пѣхоты и артиллеріи. Такимъ образомъ, сомкнутыя атаки будутъ производиться преимущественно противъ конницы, но и здѣсь могутъ быть случаи, когда потребуется полное развитіе быстроты и, слѣдовательно, разомкнутыя атаки будутъ предпочтительнѣе, напримѣръ, противъ непріятеля, повернувшаго назадъ незадолго до столкновенія. Здѣсь разомкнутая атака будетъ произведена частью сомкнутой линіей, находящейся уже въ движеніи, и,

---

[1]) Инструкціи генералъ-маіора Шмидта.

по большей части, сразу полнымъ ходомъ. Не то будетъ при производствѣ разомкнутой атаки противъ пѣхоты или артиллеріи: таковая должна уже начаться въ разсыпную съ мѣста и, по возможности, концентрически относительно цѣли атаки, съ постепеннымъ переходомъ изъ одного аллюра въ другой; кромѣ того, она будетъ начинаться очень издалека: при нынѣшнемъ дальнобойномъ оружіи никакъ не ближе 1.500 — 2.000 шаговъ. При сомкнутыхъ атакахъ противъ конницы разстояніе это будетъ значительно меньше; если даже и начать атаку въ минуту нахожденія противника за 2.000 шаговъ, то все же придется пройти не болѣе 1.000 шаговъ, такъ какъ столько же успѣетъ пройти и противникъ. Затѣмъ дальнѣйшее различіе между сомкнутыми (противъ конницы) и разомкнутыми (противъ пѣхоты и артиллеріи), атаками заключается въ томъ, что при первыхъ движеніе бываетъ, такъ сказать, равномѣрно ускореннымъ, между тѣмъ какъ при вторыхъ (исключая развѣ движенія по совершенно открытой равнинѣ) открытыя пространства будутъ проходиться полнымъ ходомъ; закрытыя же, дающія нѣкоторую защиту отъ огня непріятеля — уменьшеннымъ аллюромъ, чтобы дать нѣсколько вздохнуть лошадямъ.

Изъ вышеизложеннаго мы видимъ, что есть два слѣдующихъ главныхъ рода атакъ:

а) сомкнутая, остающаяся таковой до конца, преимущественно противъ конницы, умѣреннымъ, постоянно возрастающимъ аллюромъ, на разстояніи около 1.000 шаговъ.

б) разомкнутая, преимущественно противъ пѣхоты и артиллеріи, съ развитіемъ возможно большей быстроты, съ переходами иногда къ меньшимъ аллюрамъ; на разстояніяхъ 1.500 — 2.000 шаговъ.

Конечно, могутъ быть случаи (какъ выше было приведено), когда и противъ конницы будутъ производиться разомкнутыя атаки, и случаи, когда полезно вести за атакующей пѣхоту или артиллерію разомкнутой частью — сомкнутую. Поэтому, слѣдуетъ въ мирное время обучать конницу также производству сомкнутыхъ атакъ на разстояніи до 1.500 — 2.000 шаговъ, и онѣ должны быть включены въ уставъ, такъ какъ, хотя въ немъ и должно заключаться только то, что обычно на войнѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно обучать части также тому, что имъ прійдется дѣлать въ крайнія минуты.

Атака (сомкнутая) должна быть произведена съ полнымъ спокойствіемъ, сомкнутостью и порядкомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ возможной (на основаніи вышеприведенныхъ соображеній) быстротой. Чрезвычайно необходимо для этого, чтобы часть умѣла идти продолжительное время ровнымъ аллюромъ, особенно же широкимъ полевымъ галопомъ, безъ выскакиванія отдѣльныхъ всадниковъ. Второе необходимое условіе — чтобы часть дошла до непріятеля спокойно, увѣренно, въ порядкѣ, не обезсиливаясь и сохраняя дыханіе, въ должномъ направленіи и построеніи. Далѣе требуется отъ хорошей

сомкнутой атаки, чтобы часть съ начала и до конца шла въ двухъ сомкнутыхъ, рѣзко другъ отъ друга отдѣленныхъ шеренгахъ, безъ растягиванія въ глубину, при чемъ каждый всадникъ долженъ сохранять свое мѣсто, а вся часть — разъ данное ей направленіе.

Пока часть идетъ рысью или галопомъ, она должна быть въ состояніи эволюціонировать, почему и при обученіи не слѣдуетъ постоянно вести ее въ разъ взятомъ направленіи, а на ходу перемѣнить его и самый ударъ произвести уже въ другомъ направленіи. Особенно это умѣнье важно для фланговыхъ эскадроновъ полка, однимъ изъ которыхъ, можетъ оказаться всякій. Но и для отдѣльно дѣйствующаго эскадрона оно не менѣе важно, такъ какъ даетъ возможность, идя уже галопомъ, перемѣнить фронтъ и охватить флангъ противника, особенно если послѣдній неповоротливъ или недостаточно хорошо обученъ. Представимъ себѣ двухъ противниковъ: одинъ поднялся въ галопъ и уже послѣ нѣсколькихъ десятковъ шаговъ движеніе его приняло такой характеръ, который даетъ возможность только, или нестись неудержимо впередъ, или остановиться; другой идетъ спокойнымъ галопомъ, на разстояніи 500 — 600 шаговъ перемѣняетъ фронтъ и сейчасъ же налетаетъ на противника. Положеніе перваго будетъ незавидное.

Чтобы не наткнуться въ атакѣ на неожиданныя препятствія, нужно, если возможно, предварительно обрекогносцировать мѣстность и во всякомъ случаѣ имѣть впереди дозорныхъ; послѣдніе должны своевременно, не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно, очистить фронтъ эскадрона и атаковать противника съ фланга и тыла, гдѣ и немного людей можетъ многое сдѣлать.

Атака должна быть ведена такъ, чтобы лошади сохранили къ моменту столкновенія полную силу и дыханіе и могли бы, послѣ рукопашнаго боя, преслѣдовать или еще атаковать вновь появившагося противника. Для этого не слѣдуетъ переходить слишкомъ рано въ карьеръ, при которомъ часть уже выходитъ изъ рукъ начальника. Если принять длину атаки въ 1.500 — 2.000 шаговъ, то слѣдовало бы положить 800 — 1.000 шаговъ на шагъ и рысь, 600 — 800 — на галопъ и 100 — 150 — на карьеръ, а противъ конницы 400 — 500 — на шагъ и рысь, 300 — 400 — на галопъ и 80 — 100 — на карьеръ. Уже выше мы упомянули, что при длинныхъ атакахъ можно иногда переходить изъ большаго аллюра въ меньшій.

Понятно само собой, что конница никогда не должна выжидать атаки стоя на мѣстѣ, а всегда смѣло идти ей на встрѣчу и даже, по Фридриховскому принципу, всегда атаковать первой. Вообще, не слѣдуетъ никогда упускать удобнаго случая для атаки, но вмѣстѣ съ тѣмъ производить таковую не иначе, какъ противъ извѣстной цѣли и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ, съ соотвѣтственной цѣли надеждой на успѣхъ. Съ другой стороны, конечно, разсчитывая шансы на успѣхъ,

не слѣдуетъ быть слишкомъ нерѣшительнымъ и осторожнымъ. Бываютъ случаи, и они особенно часты для конницы, когда нужно все отбросить, все позабыть, кромѣ смѣлой рѣшимости идти впередъ и достичь считаемаго невозможнымъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о фланговыхъ атакахъ.

Онѣ бываютъ двухъ родовъ: однѣ, сопровождаемыя шокомъ, угрожаютъ непріятелю уже издалека, при чемъ онъ можетъ или отступить, или встрѣтить ее соотвѣтствующей перемѣной фронта; другія, производятся въ непосредственной близости отъ противника, при чемъ соотвѣтствующій фланговый эскадронъ, идущій во взводной колоннѣ на одной высотѣ съ полкомъ или нѣсколько позади его, выдвигается впередъ сейчасъ же за столкновеніемъ или непосредственно до него, обходитъ непріятельскій флангъ, заѣзжаетъ и охватываетъ послѣдній съ фланга и съ тыла.

Выгоды фланговой атаки столь велики, что слѣдуетъ стараться каждую атаку сдѣлать таковой. Если непріятель не совсѣмъ ужъ плохъ и мѣстность довольно открытая, то трудно произвести фланговую атаку (особенно мелкимъ частямъ), не занимая въ тоже время непріятеля съ фронта, поэтому совершенно нелѣпо, если одинаково обученные эскадроны старательно охватываютъ другъ у друга фланги на совершенно ровномъ и открытомъ плацу. Только если одинъ изъ противниковъ очень неповоротливъ, то другой можетъ, эволюціонируя на галопѣ, охватить его флангъ, оставляя фронтъ открытымъ.

Очевидно, чѣмъ фланговая атака внезапнѣе, тѣмъ она дѣйствительнѣе, при чемъ главными факторами являются: искусное пользованіе мѣстностью и развитіе наибольшей быстроты, а равно и ловкое веденіе всѣхъ подготовительныхъ эволюцій, то-есть нацѣливаніе. При этомъ слѣдуетъ помнить, также и въ мирное время, что направленіе слѣдуетъ брать не на тотъ пунктъ, гдѣ находится противникъ въ минуту заѣзда, а на тотъ, гдѣ произойдетъ столкновеніе. Если это упустить изъ виду, то придется нѣсколько разъ мѣнять направленіе на ходу, даромъ утомлять лошадей и вмѣсто фланга атаковать тылъ противника, что, пожалуй, еще дѣйствительнѣе, но за то и опаснѣе. Вслѣдствіе этого, при обученіи одновременнымъ атакамъ съ фронта и во флангъ, то мѣсто, гдѣ предполагается столкновеніе, должно быть обозначено и извѣстно атакующимъ во флангъ частямъ; иначе, обѣ атаки никогда не придутся одновременно и своевременно. Затѣмъ, слѣдуетъ еще помнить, что не надо назначать слишкомъ много войскъ для фланговыхъ атакъ, ослабляя черезъ то фронтальныя. Большею частью глубина объекта атаки, особенно если это конница, настолько невелика, что даже эскадронъ можетъ только частью людей ударить во флангъ непріятелю, остальные же придутся съ тыла.

Обстановка рѣшаетъ каждый разъ, на какой флангъ лучше вести атаку. Обыкновенно это будетъ наружный флангъ, не примкнутый къ другимъ

войскамъ и не защищенный ими, такъ какъ здѣсь можно ожидать большаго успѣха съ меньшими потерями. Иногда, однако, цѣлесообразнѣе атакой на внутренній флангъ отрѣзать извѣстную непріятельскую часть и разбить ее. При атакѣ противъ пѣхоты лучше направлять ее на правый флангъ (атакуя одновременно и фронтъ), такъ какъ прицѣливаніе и стрѣльба въ полъ оборота направо труднѣе. Въ артиллеріи оба фланга находятся въ одинаковомъ положеніи. Вообще рекомендуется атаковать пѣхоту только тогда, если она уже потрясена огнемъ или находится въ безпорядочномъ наступленіи или отступленіи подъ огнемъ.

Направленіе фланговымъ атакамъ лучше всего придавать въ 45^0 относительно непріятельскаго фронта; только при выручкѣ своихъ слѣдуетъ атаковать непріятельскій флангъ подъ прямымъ угломъ, иначе дѣйствіе атаки отразится не на всей непріятельской части. Здѣсь, впрочемъ, главное дѣло не въ ударѣ или шокѣ, который также опасно направить на перемѣшанную массу своихъ и чужихъ, какъ и огонь, а въ угрозѣ и увеличеніи численной силы своихъ войскъ, а также въ удлиненіи ихъ фронта.

Какъ, однако, ни выгодны фланговыя атаки, онѣ имѣютъ и свои опасныя стороны. Прежде всего атакующій во флангъ или тылъ подставляетъ свой флангъ или тылъ, и поэтому долженъ непремѣнно или обезпечить его какой-либо частью войскъ, или, по крайней мѣрѣ, охранять разъѣздами, чтобы не быть самому атакованнымъ внезапно. Другая опасная сторона фланговыхъ атакъ лежитъ въ разъединеніи силъ, при чемъ энергичная атака противника на ослабленную часть, наступающую съ фронта, можетъ повести къ пораженію и отбрасыванію войскъ въ разныя стороны. Поэтому въ каждомъ частномъ случаѣ слѣдуетъ непремѣнно выяснить себѣ, не обѣщаетъ-ли энергичное фронтальное наступленіе всѣми силами большій успѣхъ, чѣмъ можетъ дать фланговая атака вызывающая дробленіе силъ.

Что касается до отраженія фланговой атаки, то таковое производится или фронтальной атакой особо для того назначенной части, или, лучше, взятіемъ же во флангъ непріятельской части, угрожающей нашему флангу.

10. *Развѣдываніе и фланкированіе.* Развѣдываніе въ бою производится частью съ фронта одиночными всадниками-дозорами, частью — съ фланговъ мелкими разъѣздами. Для отраженія непріятельскихъ разъѣздовъ и разсыпанныхъ всадниковъ можетъ понадобиться высылка сомкнутыхъ частей, которыя тогда или служатъ поддержками дозоровъ или же сами высылаютъ отъ себя наѣздниковъ (фланкеровъ). Это охраненіе кавалерійскихъ частей въ бою называется фланкированіемъ.

На дозорахъ лежитъ вообще обязанность развѣдать о мѣстности и непріятелѣ передъ фронтомъ своей части и особенно, при движеніи въ атаку, указывать лучшіе пути, своевременно предупреждать о встрѣчающихся препятствіяхъ и вообще заботиться о томъ, чтобы часть не наскочила неожиданно на непроходимую преграду, передъ которой ей пришлось

бы повернуть назадъ. Для этой цѣли достаточно назначать по одному рядовому со взвода, по 1 унтеръ-офицеру съ эскадрона и отъ полка — одного офицера и одного трубача. Дозоры вызываются, какъ только эскадронъ долженъ находиться въ положеніи боевой готовности и всегда при движеніи по незнакомой мѣстности. Во время движенія впередъ они прикрываютъ фронтъ своей части, при поворотѣ направо или налѣво — флангъ, обращенный къ непріятелю, и находятся постоянно на такомъ разстояніи, чтобы не терять изъ виду своей части. Слѣдуетъ установить извѣстные условные знаки. Передъ самымъ столкновеніемъ они очищаютъ фронтъ своей части и отходятъ на свой флангъ или направляются на флангъ непріятеля.

Сторожевые разъѣзды или наблюдательные посты употребляются для охраненія необезпеченныхъ другими войсками фланговъ отъ нечаянныхъ нападеній и для сообщенія удобныхъ минутъ для вступленія въ бой. Они состоятъ изъ 2 — 3 человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ или ефрейторѣ, а иногда и при офицерѣ. Дѣйствія ихъ тѣ же, что и дозорныхъ, но во время атаки они никогда̀ въ ней не участвуютъ, а продолжаютъ свое наблюденіе съ удобнаго пункта.

Кромѣ вышеприведенныхъ обязанностей, дозоры и сторожевые разъѣзды обязаны недопускать непріятельскихъ всадниковъ приближаться къ нашимъ сомкнутымъ частямъ. Если они для этого слишкомъ слабы, то высылаются цѣлыя сомкнутыя части, которыя высылаютъ фланкеровъ и принимаютъ на себя ближнее охраненіе. (Для болѣе же дальняго придется выслать сторожевые разъѣзды сильнаго состава). Обыкновенно отъ эскадрона высылается взводъ, который выѣзжаетъ впереди середины эскадрона (на плацу, шаговъ на 300) и, если впереди нѣтъ дозоровъ, высылаетъ въ фланкеры 4 лѣвофланговые ряда съ лѣвофланговымъ унтеръ-офицеромъ (могутъ быть назначены и другіе люди) на требуемое разстояніе, при упражненіяхъ мирнаго времени — шаговъ на 200. При дѣйствіяхъ полка та же служба или поручается также 1 взводу въ каждомъ эскадронѣ или же вызывается цѣлый эскадронъ, который высылаетъ одинъ взводъ въ фланкеры и прикрываетъ ими фронтъ всего полка. Фланкеры сопровождаютъ свои части при всѣхъ ихъ движеніяхъ со стороны, откуда угрожаетъ непріятель, а при атакѣ, передъ самымъ столкновеніемъ, они очищаютъ фронтъ и пристраиваются къ флангамъ своихъ атакующихъ частей, или же самостоятельно атакуютъ фланги и тылъ непріятеля. Вообще развѣдываніе и фланкированіе не суть двѣ совершенно самостоятельныя вещи; они скорѣе дополняютъ другъ друга. Можно очень легко соединить ихъ вмѣстѣ, назначивъ, напримѣръ, по два человѣка со взвода постоянными дозорными и выславъ сначала по одному передъ середину своихъ взводовъ, держа прочихъ вмѣстѣ за эскадроннымъ командиромъ; если потребуется усиленіе дозорныхъ, то можно послать и этихъ четырехъ, вызвавъ для поддержки ихъ сомкнутый

полувзводъ или взводъ, который опять таки, въ случаѣ необходимости дальнѣйшаго усиленія разсыпанной цѣпи, можетъ выслать фланкеровъ.

Дозоры, фланкеры и строевые разъѣзды обнажаютъ холодное оружіе только при ближайшемъ соприкосновеніи съ непріятелемъ. Всякая стрѣльба съ коня должна быть безусловно воспрещена, какъ напрасная трата столь необходимыхъ для могущаго быть пѣшаго боя патроновъ и какъ дѣло не кавалерійское, могущее побудить нерѣшительныхъ людей предпочесть стрѣльбу издалека энергичному натиску на непріятельскихъ наѣздниковъ съ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ. Это правило должно исполняться возможно строже, и никакъ не слѣдуетъ считать наѣздниковъ за конную цѣпь стрѣлковъ[1]).

11. *Пѣшій бой.* Врядъ-ли нужно еще говорить о необходимости для конницы умѣнья вести пѣшій бой, которое даетъ ей полную самостоятельность и независимость, расширяетъ сферу ея дѣятельности и даетъ ей возможность выполнить всякую задачу — не верхомъ, такъ пѣшкомъ. Оно не только не убьетъ въ ней истиннаго кавалерійскаго духа, а можетъ только, напротивъ того, развить его, въ связи съ увѣренностью въ себѣ. Конница только тогда можетъ считаться на высотѣ своей настоящей задачи, когда она умѣетъ вести пѣшій бой даже такими крупными частями, какъ полкъ, и притомъ какъ наступательный бой, для овладѣнія занятыми непріятелемъ мѣстными предметами, дефиле и т. п., такъ и оборонительный, не только для защиты своихъ квартиръ, но и для обороны какихъ-либо отдаленныхъ пунктовъ до прибытія своей пѣхоты, для отрѣзанія отступленія разбитому непріятелю и предупреждать всякія случайности.

Конечно, при этомъ спѣшеннымъ частямъ придется не только сражаться съ спѣшенными-же непріятельскими частями, но и не отступать передъ необходимостью схватываться съ мелкими пѣхотными частями.

Вообще говоря, пѣшій бой ведется конницей на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и пѣхотой, хотя и съ нѣкоторыми особенностями, вытекающими уже изъ того, что для пѣхоты онъ — единственно возможный, для конницы же — исключеніе. Конницей дѣло должно вестись живо, безъ колебаній; въ продолжительный огнестрѣльный бой конница отнюдь не должна ввязываться. Для нея пѣшій бой будетъ преимущественно состоять въ атакѣ или оборонѣ мѣстныхъ предметовъ и долженъ вестись стрѣлковой цѣпью съ полной рѣшительностью. Съ перваго же разу слѣдуетъ вводить въ дѣло все необходимое число ружей, оставляя только небольшую часть въ видѣ резерва. Часть, оставшаяся на коняхъ, прикрываетъ коноводовъ, даетъ возможность спѣшеннымъ людямъ спокойно сѣсть и т. д.

Для пѣшаго боя конницы потребны также, какъ и для всего другого, извѣстныя уставныя правила и указанія, такъ какъ онъ, очевидно, не

---

[1]) Взглядъ совершенно правильный, истинно кавалерійскій. *В. Сухомлиновъ.*

можетъ быть предоставленъ собственному усмотрѣнію каждаго. При этомъ самое главное: основательное обученіе употребленію огнестрѣльнаго оружія, быстрое слѣзаніе и посадка на коней, ловкое пользованіе мѣстностью со стороны людей и искусное веденіе боя начальниками.

Первое относится къ одиночному обученію. Спѣшиваніе должно производиться лучше всего, гдѣ коноводы могутъ стоять закрытыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ можно ближе къ непріятелю или къ позиціи, которую хотятъ занять, чтобы не утомлять людей продолжительными передвиженіями еще до начала боя. Чѣмъ спѣшенные люди легче снаряжены, тѣмъ лучше; но если при карабинѣ или винтовкѣ нѣтъ штыка или тому подобнаго приспособленія, то сабля должна оставаться на всадникѣ, чтобы совсѣмъ не лишать его холоднаго оружія. Въ противномъ случаѣ она остается въ сѣдлѣ, что гораздо предпочтительнѣе.

Число спѣшенныхъ людей зависитъ отъ цѣли спѣшиванія и отъ силы части съ такимъ расчетомъ, что спѣшиваются двѣ трети или три четверти людей. Въ отдѣльномъ эскадронѣ—взводъ, въ полку—эскадронъ должны непремѣнно оставаться въ конномъ строю (не считая коноводовъ). Затѣмъ спѣшиваются: унтеръ-офицеры—по числу пѣшихъ стрѣлковыхъ группъ, младшіе офицеры—по числу пѣшихъ взводовъ, высшіе начальники—смотря по числу назначенныхъ для пѣшаго боя войскъ, и необходимое число трубачей. Вообще говоря, спѣшенные люди двухъ конныхъ взводовъ даютъ пѣшій взводъ, который строится въ двѣ шеренги и дѣлится на 4—5 звеньевъ; каждый рядъ держится постоянно вмѣстѣ.

Разсыпается сначала не болѣе половины всего числа спѣшенныхъ людей, остальная часть остается сомкнутой и, смотря по величинѣ, или остается вся вмѣстѣ или раздѣляется на нѣсколько частей. Охраненіе фланговъ и развѣдываніе продолжается во все время пѣшаго боя, первое загибомъ фланговъ или отдѣльнымъ пикетомъ, второе—разъѣздами.

Огонь ведется по правиламъ пѣхотной тактики. Точное опредѣленіе разстояній, правильное прицѣливаніе и возможно скрытное расположеніе—совершенно необходимыя условія; очень хорошо, если можно фланкировать или охватить непріятеля. Во время движенія не должно стрѣлять, изъ чего, однако, не слѣдуетъ заключить, что при передвиженіяхъ огонь прекращается; или часть остается на мѣстѣ и стрѣляетъ, пока другая движется, или же одиночные люди при наступленіи выбѣгаютъ впередъ, а при отступленіи останавливаются и стрѣляютъ. Люди стрѣляютъ стоя, съ колѣна или лежа, смотря по условіямъ мѣстности.

Вообще пѣшій бой конницы долженъ вестись самымъ рѣшительнымъ образомъ, для достиженія возможно быстраго результата, при чемъ требуется скорый и сильный огонь, а слѣдовательно и много патроновъ. Исключеніе будутъ составлять только тѣ случаи, когда нужно задержать противника. Слѣдуетъ обратить вниманіе на питаніе боевой линіи

патронами, для чего могутъ быть, напримѣръ, назначены люди съ торбами.

Всѣ движенія стрѣлковой цѣпи на открытой мѣстности должны производиться живо и быстро; на пересѣченной мѣстности — перебѣжками отъ закрытія къ закрытію. Когда подойдутъ близко къ непріятелю, то открываютъ непродолжительный, но возможно сильный огонь, затѣмъ примыкаютъ штыкъ или закидываютъ винтовку за спину (берутъ ее въ лѣвую руку), обнажаютъ саблю и бросаются бѣгомъ съ крикомъ „ура!“ на непріятельскую позицію, по возможности концентрически. Выбивъ непріятеля, лучше всего немедленно сомкнуться; одиночные люди ни въ какомъ случаѣ не должны преслѣдовать безъ приказанія. Если непріятель отброшенъ изъ закрытія на открытое ровное мѣсто, то лучше всего немедленно атаковать его коннымъ резервомъ, не прекращая до послѣдней минуты огня спѣшенныхъ людей. Также необходимо вмѣшательство коннаго резерва, если непріятельская конная часть атакуетъ нашихъ спѣшенныхъ людей или этимъ послѣднимъ угрожаетъ нападеніе превосходныхъ силъ. Поэтому конный резервъ долженъ все время наблюдать за ходомъ боя, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывать и коноводовъ.

При оборонѣ огонь ведется сначала возможно медленно и методически; затѣмъ, по мѣрѣ приближенія непріятеля, онъ становится чаще и ко времени атаки непріятеля — столь частымъ, какъ только можно. Если тѣмъ не менѣе непріятель продолжаетъ наступленіе, то его выжидаютъ только, если имѣютъ надежду опрокинуть—пѣшей или конной частью, или когда необходимо держаться до послѣдней крайности, хотя бы цѣной полнаго уничтоженія. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ начало движенія непріятеля въ атаку холоднымъ оружіемъ будетъ сигналомъ залпа изъ всѣхъ ружей и быстраго отступленія къ коноводамъ (очень часто придется сдѣлать это и раньше). Въ это время конный резервъ выдвинется впередъ, а можетъ быть даже окажется вынужденнымъ атаковать противника, чтобы дать время спѣшеннымъ людямъ сѣсть. Это послѣднее совершенно необходимо даже цѣной самыхъ большихъ жертвъ; конные люди и коноводы ни при какихъ обстоятельствахъ не смѣютъ бросать своихъ спѣшенныхъ товарищей иначе всякое довѣріе къ пѣшему бою скоро бы изчезло.

V.

Уставъ о маневрированіи.

Въ него войдутъ указанія на обученіе, примѣненіе и веденіе высшихъ тактическихъ единицъ (свыше полка), насколько, конечно, эти указанія могутъ быть регламентированы. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что полкъ долженъ только производить уставное ученіе и никогда не маневрировать, а высшія единицы никогда не учиться и только маневрировать; — совсѣмъ

напротивъ. Разница между „уставнымъ ученьемъ“ и „маневрированіемъ“ не только въ количествѣ войскъ: при первомъ главное — самая часть, форма, механизмъ; при второмъ — начальникъ, мысль, движущая сила. Разница эта нисколько не должна отражаться на войсковыхъ единицахъ, которыя и въ полѣ, и въ дѣйствіяхъ противъ непріятеля должны дѣйствовать строго по правиламъ устава и командамъ начальниковъ, также какъ и каждый всадникъ не долженъ на ученіяхъ и маневрахъ ни на минуту забывать правилъ верховой ѣзды. Отсюда слѣдуетъ еще, что въ настоящемъ параграфѣ мы коснемся устава о маневрированіи только въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ какъ многое по этому предмету будетъ сказано въ слѣдующихъ главахъ: „объ употребленіи конницы и управленіи ею“.

Такимъ образомъ уставъ о маневрированіи не только составляетъ собою продолженіе уставнаго ученья, но онъ обнимаетъ собою дѣятельность кавалеріи въ бою, т. е. въ связи съ другими родами оружія, въ особенности съ конной артиллеріей, и слѣдовательно, содержаніе устава о маневрированіи — это всѣ боевыя формы высшихъ тактическихъ единицъ по отношенію къ непріятелю. Онѣ основаны (и это еще разница между уставнымъ ученіемъ и маневрированіемъ) не на раздѣленіи извѣстной боевой единицы на полки и эскадроны, а на раздѣленіи ея на линіи, которыя, однако, при цѣлесообразной организаціи, должны обыкновенно совпадать съ первыми.

Весь принципъ линейной тактики конницы основанъ на расчлененіи въ глубину, на взаимной поддержкѣ съ тылу, на концентрическомъ энергическомъ взаимодѣйствіи массъ (линій) на рѣшительномъ пунктѣ. Не должно быть распространенія въ ширину, не должно быть эксцентрической дѣятельности отдѣльныхъ частей, исключая тѣхъ случаевъ, когда ее вызываетъ какая-нибудь особенная обстановка; не должно быть израсходованія всѣхъ силъ — извѣстная часть должна постоянно оставаться въ рукахъ для парированія разныхъ случайностей.

Самое цѣлесообразное число линій — три (трехлинейная тактика), почему и дивизію лучше всего дѣлить на три части. Это раздѣленіе даетъ возможность къ усиленной дѣятельности при соотвѣтственной экономіи силъ.

Вообще говоря, первая линія производитъ фронтальную атаку на противника; вторая линія поддерживаетъ атаку первой, съ фронта или охватомъ фланговъ, обезпечиваетъ ея фланги и, въ случаѣ нужды, выручаетъ ее; третья линія — резервъ въ рукахъ старшаго начальника.

Такимъ образомъ первая линія можетъ быть названа атакующей съ фронта, вторая — маневрирующей на флангахъ и 3-я — резервной; конечно, все это — при фронтальной атакѣ; если же обстоятельства потребовали бы перемѣны фронта, то и задачи линій перемѣнились бы. Но и при фронтальной атакѣ иногда вѣрнѣе возложить ее на 2-ю линію, поручивъ охватъ фланговъ 1-й линіи непосредственно передъ самой атакой. Мы еще, впрочемъ, вернемся къ этому.

*

Нормальный боевой порядокъ дивизіи изъ трехъ бригадъ, развернутой въ три линіи, будетъ слѣдующій: бригада 1-й линіи — оба полка развернуты или въ эскадронныхъ взводныхъ колоннахъ; въ каждомъ полку одинъ эскадронъ — на половинѣ дистанціи до второй линіи, позади середины полка или нѣсколько ближе къ наружному флангу, въ качествѣ эскадрона поддержки. 2-я линія — оба полка въ линіи эскадронныхъ взводныхъ колоннъ или въ резервной колоннѣ (съ надлежащимъ для развертыванія интерваломъ между полками); позади открытаго фланга 1-й линіи (или того, гдѣ желаютъ имѣть превосходство въ силахъ), частью или всѣми силами внѣ его, иногда въ затылокъ 1-й; только въ исключительныхъ случаяхъ 2-я линія раздѣлена и поставлена позади обоихъ фланговъ первой. 3-я линія — оба полка въ резервной колоннѣ (съ надлежащимъ интерваломъ); позади внутренняго или наружнаго фланга второй, смотря по тому, стоитъ-ли вторая линія позади наружнаго фланга или въ затылокъ первой; иногда — за серединой. Дистанція между линіями, если обстоятельства или мѣстность не требуютъ другого, отъ 1-й до 2-й — 250—300 метровъ, до 3-й — 400—500 метровъ. Большія дистанціи примѣняются, если намѣрены маневрировать первой линіей и атаковать второй. Каждая линія имѣетъ передъ фронтомъ дозоры и на наружныхъ флангахъ — боевые разъѣзды. Подобнымъ же образомъ строятся отдѣльно дѣйствующія бригады или полки, но если слабость силъ не допускаетъ построенія въ 3 линіи, то можно строить и двѣ.

Мѣсто для главнаго начальника и начальниковъ линій слѣдуетъ, примѣняясь къ мѣстности и непріятелю, выбирать такимъ образомъ, чтобы съ него можно было видѣть весь ходъ боя и вмѣстѣ съ тѣмъ находиться въ постоянной связи, какъ съ начальствомъ, такъ и съ частями войскъ. Высшій начальникъ, при условіи выполненія имъ задачи въ указанномъ ему смыслѣ, долженъ обладать полной самостоятельностью подъ личной отвѣтственностью. Когда началось дѣло, начальники линій должны также, въ случаѣ необходимости, дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, особенно начальникъ 2-й линіи, между тѣмъ какъ 3-я, хотя и обязана вступать въ дѣло въ рѣшительную минуту, не ожидая ничьихъ указаній, но вообще должна оставаться въ распоряженіи старшаго начальника.

Высшій начальникъ управляетъ ввѣренными ему частями съ помощью приказаній, разсылаемыхъ черезъ адъютантовъ и ординарцевъ, что требуетъ постояннаго упражненія еще въ мирное время, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ командами и сигналами. Начальники линій управляютъ своими частями, согласно строеваго устава. По его уставнымъ же правиламъ постоянно дѣйствуютъ части.

Упражненія конницы въ нѣсколькихъ линіяхъ имѣютъ цѣлью подготовить быстрое взаимное пониманіе между начальникомъ и войсками, организовать весь механизмъ высшаго управленія и ознакомить войска со

всѣми положеніями, въ которыхъ они могутъ находиться въ бою. Здѣсь являются слѣдующіе четыре момента:

1. Рекогносцировка;
2. Подготовка атаки;
3. Развертываніе къ атакѣ;
4. Атака; при чемъ она можетъ:
   а) удасться до столкновенія, когда противникъ отступилъ, не принявъ ея;
   б) удасться послѣ рукопашнаго боя;
   в) быть прекращена вслѣдствіе тѣхъ или другихъ неудобныхъ обстоятельствъ до столкновенія, т. е. когда части отходятъ, сохранивъ полный порядокъ;
   г) отбита послѣ столкновенія и рукопашнаго боя, когда части отступаютъ въ безпорядкѣ.

Кромѣ того, не слѣдуетъ упускать изъ виду сторожевой и развѣдывательной службы, которая практикуется всегда и вездѣ.

При всѣхъ этихъ упражненіяхъ весьма необходимо обозначать противника хотя бы одиночными людьми, а лучше — мелкими частями различныхъ родовъ оружія. Въ заключеніе слѣдуетъ устраивать двусторонніе маневры, тогда какъ упражненія безъ видимаго противника не суть маневрированія, а просто уставныя ученія подъ управленіемъ высшаго начальника. Въ этомъ смыслѣ они имѣютъ нѣкоторое техническо-механическое значеніе; но самостоятельныя дѣйствія младшихъ начальниковъ при этомъ совершенно невозможны и своевременныя движенія различныхъ частей съ извѣстной, опредѣленной цѣлью, чрезвычайно затруднены.

Движеніе къ мѣсту столкновенія должно всегда совершаться со всѣми мѣрами охраненія, т. е. авангардомъ, боковыми отрядами и т. п.

Дѣятельность въ самомъ бою мы разсмотримъ по линіямъ.

1-я линія имѣетъ главной задачей фронтальную атаку, но, конечно, должна пользоваться всѣми представляющимися случаями для фланговыхъ атакъ. Эта задача выпадаетъ обыкновенно на долю фланговыхъ эскадроновъ, но для выполненія ея можно пользоваться и поддерживающими эскадронами, которыхъ главное дѣло — заполнять образовавшіяся въ линіи, по той или другой причинѣ, разрывы и атаковать прорвавшіеся черезъ первую линію непріятельскіе эскадроны. Затѣмъ, они же должны бросаться въ рукопашный бой, гдѣ таковой принимаетъ неблагопріятный оборотъ для своихъ.

Поддержка 2-й линіи можетъ выражаться слѣдующимъ образомъ (слѣдуетъ замѣтить, что всѣ нижеприведенные случаи не представляютъ чего-нибудь строго-раздѣльнаго, а напротивъ того, въ большинствѣ случаевъ тѣсно перемѣшаны между собой):

1. Непосредственная поддержка заполненіемъ образовавшихся большихъ промежутковъ или удлиненіемъ фронта, если фронтъ противника длиннѣе

или охватываетъ нашъ. Назначенные для этой задачи эскадроны выѣзжаютъ усиленнымъ аллюромъ, прочіе — идутъ прежнимъ аллюромъ.

2. Фланговая атака непріятеля, атакованнаго съ фронта 1-й линіей или отбросившаго ее. Число назначенныхъ для этого эскадроновъ соображается съ величиной цѣли; остальные остаются въ резервѣ или для обезпеченія фланговъ; не слѣдуетъ назначать ни одного лишняго человѣка.

3. Окончаніе и извлеченіе выгодъ изъ одержанной 1-й линіей побѣды или прикрытіе ея отступленія послѣ неудачи, атаками, сомкнутыми или разомкнутыми, съ фронта и фланговъ.

4. Пріемъ добровольно отступающей на соединеніе 1-й линіи, чтобы затѣмъ дѣйствовать общими силами, или смѣна ея, путемъ прохожденія насквозь въ линіи колоннъ (пріемъ неудобный и опасный) или маневрированіемъ на одномъ или обоихъ флангахъ.

5. Выручка отброшенной 1-й линіи, по большей части послѣдовательными атаками во флангъ преслѣдующаго противника; только въ совершенно исключительныхъ случаяхъ возможна фронтальная атака.

Если, въ видѣ исключенія, 3-й линіи нѣтъ, то часть 2-й должна непремѣнно оставаться въ видѣ резерва для парированія могущихъ быть случайностей.

Колеблющійся успѣхъ атаки 1-й линіи долженъ быть рѣшенъ быстрымъ и энергичнымъ вмѣшательствомъ 2-й. Для этого не нужно полной одновременности обѣихъ атакъ; напротивъ того, начальникъ 2-й линіи можетъ очень часто пустить свою часть въ дѣло только когда уже произошло столкновеніе и результатъ его болѣе или менѣе выяснился. Вмѣстѣ съ тѣмъ одновременное появленіе 2-й линіи на флангѣ непріятеля съ фронтальной атакой 1-й линіи чрезвычайно трудно исполнимо, въ виду предстоящаго ей при этомъ продолжительнаго охватывающаго движенія. Въ виду этого рекомендовалось бы, когда желателенъ одновременный ударъ, поручать фланговую атаку 1-й линіи, которой предстоитъ менѣе кружное движеніе, а фронтальную — 2-й. Исполнено это могло бы быть слѣдующимъ образомъ: обѣ линіи двигаются одновременно въ атаку, 2-я въ затылокъ 1-й; въ непосредственной близости отъ непріятеля, по возможности, когда обѣ первыя линіи (наша и непріятельская) уже перешли въ галопъ, и во всякомъ случаѣ какъ можно позже, 1-я линія внезапно заѣзжаетъ въ одну или обѣ стороны полуоборотомъ или цѣлымъ оборотомъ и очищаетъ фронтъ 2-й линіи, которая переходитъ въ галопъ и бросается въ атаку, поддержанную съ одного или обоихъ фланговъ извѣстнымъ числомъ эскадроновъ 1-й линіи, между тѣмъ какъ прочіе обращаются противъ непріятельскихъ резервовъ или остаются въ резервѣ. Принимая, что силы обѣихъ сторонъ равны, нельзя не сознаться, что положеніе непріятельской 1-й линіи, нравственное и физическое, будетъ очень незавидно, и дѣло можетъ кончиться раньше, чѣмъ поспѣетъ къ ней на помощь ея вторая линія. Конечно,

эта послѣдняя будетъ имѣть противъ себя слабѣйшаго противника, такъ какъ часть его эскадроновъ 1-й линіи израсходована на фланговыя атаки; но съ другой стороны за то непріятельская вторая линія будетъ атакована болѣе или менѣе внезапно, лишена всякой иниціативы и поэтому врядъ-ли будетъ въ состояніи рѣшительно воспользоваться своимъ превосходствомъ. Поэтому болѣе чѣмъ вѣроятно, что если наша 1-я линія сумѣетъ съ полной энергіей воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ, то она не только отразитъ 2-ю непріятельскую, но можетъ даже привести въ замѣшательство и 3-ю и тѣмъ лишить непріятеля послѣднихъ резервовъ, особенно въ виду того, что моральное впечатлѣніе отъ пораженія 1-й линіи неминуемо распространится и на всѣ прочія.

3-я линія сообразно съ ея назначеніемъ какъ резерва, должна быть, сохраняема какъ можно дольше, но будучи разъ пущена въ дѣло, должна дѣйствовать съ полной энергіей и рѣшительностью. Она должна внимательно слѣдить за всѣми перепитіями боя двухъ первыхъ линій; но вступаетъ въ дѣло по собственному усмотрѣнію, безъ приказанія старшаго начальника, только въ исключительныхъ случаяхъ. Когда 2-я линія совершенно израсходована, то 3-я замѣняетъ ее и принимаетъ на себя всѣ ея задачи, но полное ея израсходованіе, если нѣтъ другого резерва или хотя-бы собранныхъ частей подъ рукой, разрѣшается только когда наступила рѣшительная минута или если непріятель уже ввелъ въ дѣло всѣ свои резервы. Умѣнье сохранить резервъ чрезвычайно важно въ конныхъ бояхъ; при прочихъ одинаковыхъ обстоятельствахъ побѣда достается тому, кто послѣднимъ пустилъ въ дѣло хотя бы самую ничтожную часть, и по возможности во флангъ противника.

Перемѣна фронта и направленія. Перемѣна направленія дивизіи, построенной въ 3 линіи, производится отдѣльно каждой линіей. Тоже самое соблюдается и при перемѣнѣ фронта, если есть время. Если же времени нѣтъ, то можно ближайшую къ желательному направленію фронта линію (2-ю или 3-ю) сдѣлать 1-й и затѣмъ другія — 2-й и 3-й.

Такимъ же образомъ поступаютъ, если дивизіи, завязавшей уже бой съ фронта, начинаетъ угрожать наступленіе непріятеля въ какомъ-либо другомъ направленіи, если только она желаетъ или должна принять подобнаго рода бой по двумъ направленіямъ; обыкновенно при этомъ 3-я линія назначается для боя съ вновь появившимся противникомъ, между тѣмъ какъ 1-я и 2-я могутъ быть притянуты сюда только послѣ отраженія непріятеля, наступающаго съ фронта.

При всѣхъ перемѣнахъ фронта нужно возможно скорѣе возстановить первоначальное относительное положеніе линій. Перемѣну фронта можетъ очень облегчить цѣлесообразное примѣненіе конной артиллеріи.

Переходъ черезъ дефиле. Здѣсь самое главное, какъ при наступленіи, такъ и при отступленіи, возможно скорѣе пройти дефиле и затѣмъ,

какъ можно быстрѣе развернуться. Большую помощь можетъ оказать артиллерія и огонь спѣшенныхъ людей, въ особенности при отступленіи.

Атака. Атака отдѣльныхъ линій или частей ихъ производится, согласно указаній строеваго устава. Если конница должна вступить въ дѣло самымъ рѣшающимъ образомъ, то-есть энергичнымъ ударомъ одержать побѣду или предотвратить пораженіе, то слѣдуетъ всю ее соединенными силами направить на опредѣленный пунктъ. Подобныя атаки ведутся обыкновенно противъ того или другого крыла непріятельскаго боеваго порядка, хотя бываютъ иногда необходимы и въ центрѣ его. При этомъ атакующая конница можетъ очень легко встрѣтить еще нетронутыя непріятельскія пѣхотныя части, атака на которыя, безъ предварительной подготовки огнемъ артиллеріи, стоила во всѣ времена очень много жертвъ, а теперь и подавно; поэтому къ ней слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ, когда всѣ другія средства исчерпаны и когда цѣль, которую желаютъ достигнуть, настолько важна, что приходится обречь почти на вѣрную гибель брошенныя въ атаку части.

При внимательномъ наблюденіи за ходомъ боя, подобнаго рода минуты, когда потребуется энергическое вмѣшательство конницы, не могутъ наступить внезапно, а всегда будутъ предвидѣться заранѣе. Поэтому почти всегда представится возможность воспользоваться содѣйствіемъ другихъ родовъ оружія или, по крайней мѣрѣ, своей конной артиллеріей для подготовки атаки, а равно принять нѣкоторыя подготовительныя мѣры: выгодное построеніе, возможно скрытый подходъ, ознакомленіе младшихъ начальниковъ съ дѣломъ и т. п. Если же на все это времени нѣтъ, то остается только одно — полная, безповоротная рѣшимость и энергія.

Почти единственнымъ возможнымъ образомъ дѣйствія будетъ фронтальная атака въ кратчайшемъ направленіи; отъ фланговыхъ атакъ и маневрированія придется совершенно отказаться, а охраненіе фланговъ должно быть предоставлено другимъ частямъ.

Боевой порядокъ будетъ также въ три линіи, но взаимное построеніе ихъ будетъ другое: почти въ затылокъ другъ другу, особенно если въ дѣло идутъ нѣсколько дивизій рядомъ, и притомъ 1-я линія — развернутымъ строемъ, безъ эскадроновъ — поддержекъ, 2-я и 3-я — въ линіи эскадронныхъ взводныхъ колоннъ и при этомъ 2-я — съ увеличенными интервалами между эскадронами, слѣдовательно, отчасти выдаваясь съ одной или обѣихъ сторонъ за фланги первой линіи.

1-я линія должна прорвать непріятеля и затѣмъ скакать дальше, нисколько не задерживаясь, пока хватаетъ силъ и дыханія и есть впереди непріятель. Она произведетъ сомкнутую или разомкнутую атаку, смотря по тому, имѣетъ-ли она передъ собой конницу, пѣхоту или артиллерію непріятеля. 2-я линія, слѣдующая возможно ближе за 1-й, дѣйствуетъ противъ прорванныхъ 1-й линіей частей и атакуетъ еще нетронутыя или

непрорванныя части; нѣкоторая ея часть продолжаетъ, не останавливаясь, слѣдовать за первой линіей. 3-я линія идетъ за 2-й и довершаетъ побѣду или атакуетъ спѣшащія па выручку непріятельскія части.

Но наибольшаго успѣха, хотя съ наименьшей затратой энергіи, достигаетъ конница, когда стремительнымъ натискомъ она окончательно сокрушаетъ уже надломленную непріятельскую силу и такъ сказать довершаетъ побѣду. Подобно бурному потоку проходитъ она между своими частями, все равно въ какомъ порядкѣ, конечно всего лучше въ сомкнутомъ строю, и бросается на отступающаго непріятеля, поражая все, что встрѣчаетъ на пути. Для дѣйствія артиллеріи здѣсь нѣтъ мѣста.

Наоборотъ, если приходится останавливать подобнаго рода непріятельскій потокъ, налетающій на наши войска, то для артиллеріи найдется много дѣла. Всего лучше, если артиллерія встрѣчаетъ его огнемъ съ фронта, а конница атакуетъ съ фланговъ. Первая стрѣляетъ до послѣдняго снаряда или пока непріятель не насядетъ па орудія; вторая бросаетъ въ дѣло все, до послѣдняго человѣка, и сражается до послѣдняго дыханія.

Преслѣдованіе и сборъ. О преслѣдованіи можно только сказать, что, конечно, съ одной стороны необходимо извлеченіе всей возможной пользы изъ одержаннаго успѣха, и никакъ не слѣдуетъ позволить разбитому непріятелю вновь собраться и устроиться; но съ другой стороны отнюдь не слѣдуетъ предаваться безцѣльной гонкѣ, такъ какъ этимъ путемъ легко потерять всѣ одержанные успѣхи. Поэтому при частныхъ удачахъ лучше всего преслѣдовать только одной частью силъ, обыкновенно фланговыми эскадронами каждаго полка или линіи; прочіе же возможно скорѣе собрать и устроить, чтобы всегда имѣть подъ рукой средство для отраженія могущихъ появиться свѣжихъ непріятельскихъ частей. По этому крайне важно умѣть быстро собираться.

Само собою понятно, что послѣ одержанной побѣды для цѣлей преслѣдованія слѣдуетъ въ случаѣ необходимости употреблять всѣ резервы, потому что они существуютъ не для того, чтобы ихъ беречь, а чтобы ими пользоваться.

Примѣненіе артиллеріи. Мы ограничимся здѣсь только нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

На артиллеріи, приданной къ крупнымъ кавалерійскимъ массамъ, возлагаются слѣдующія задачи.

Обезпеченіе развертыванія, какъ первоначальнаго, такъ и впослѣдствіи при перемѣнахъ фронта, при проходахъ дефиле и т. п., и обратно—затрудненіе всего этого непріятелю; подготовка атаки, преимущественно противъ пѣхоты и артиллеріи, и обратно-затрудненіе таковой непріятелю.

Обстрѣливаніе и отраженіе непріятельскихъ резервовъ при преслѣдованіи послѣ удачнаго исхода дѣла.

Поддержка послѣ отбитой атаки и т. п.

Конная артиллерія можетъ быть или сведена вся вмѣстѣ подъ начальствомъ старшаго начальника, или по батарейно распредѣлена по низшимъ единицамъ (бригадамъ, съ числомъ которыхъ должно поэтому сообразоваться число батарей). Къ первому прибѣгаютъ, когда дѣло идетъ о рѣшительной атакѣ всѣми силами на одинъ пунктъ; въ остальныхъ же случаяхъ — болѣе примѣнимо второе.

При взаимномъ дѣйствіи конницы съ артиллеріей весьма важно соблюденіе слѣдующихъ основныхъ положеній:

Своевременный, но возможно ранній выѣздъ батарей и открытіе огня (если дѣло идетъ не о внезапномъ нападеніи), и, слѣдовательно, расположеніе ея ближе къ головѣ въ походномъ порядкѣ.

Выборъ хорошихъ позицій, которыя давали бы возможность стрѣлять продолжительное время; лучше всего подъ нѣсколько тупымъ угломъ къ нашему фронту, чтобы анфилировать противника. При перемѣнѣ фронта она служитъ осью поворота на внутреннемъ флангѣ; иногда на наружномъ, который первый встрѣчаетъ непріятеля при новомъ построеніи; при большихъ атакахъ она дѣйствуетъ на флангъ всего расположенія непріятеля.

Возможно рѣдкая перемѣна позицій и исполненіе такихъ перемѣнъ, когда онѣ необходимы, съ возможной быстротой, и не иначе, какъ эшелонами, чтобы огонь ни на одну минуту не прекращался.

На полѣ битвы, артиллерія должна дѣйствовать и не щадя себя, но вмѣстѣ съ тѣмъ ее нужно держать возможно дальше отъ рукопашнаго боя и не выставлять зря. Ея охраненіе лежитъ на обязанности конницы, которая должна защищать ее до послѣднихъ силъ, и притомъ обязанность эту должна брать на себя ближайшая часть безъ всякаго каждый разъ подтвержденія. Только взаимное довѣріе обоихъ родовъ оружія можетъ привести къ хорошимъ результатамъ. Въ крайнемъ случаѣ потеря орудій не можетъ еще считаться позоромъ для конницы и тѣмъ болѣе для артиллеріи.

VI.

Инструкція[1]) для полевой службы.

Какъ уставъ для маневрированія относится къ боевой дѣятельности кавалеріи, такъ инструкція для полевой службы относится къ развѣдкамъ и наблюденію, и завершаетъ собой общій уставъ для службы конницы.

Но иногда бываетъ трудно отдѣлить развѣдки отъ боя, такъ какъ при развѣдкѣ нерѣдко сталкиваются съ оружіемъ въ рукахъ и наконецъ развѣдываютъ въ самомъ бою.

Поэтому мы будемъ касаться только особенностей полевой службы, а не входить въ подробности операціи малой войны.

---

[1]) Инструкція, а не уставъ.

Рекогносцировки (развѣдки) и донесенія. Развѣдки (и тѣсно съ ними связанныя донесенія) составляютъ одинъ изъ главныхъ видовъ дѣятельности конницы, до отдѣльныхъ офицеровъ и всадниковъ включительно. Трудно составить для этого рода дѣятельности, гдѣ нѣтъ ни одного частнаго случая, похожаго на другой, какую-либо общую инструкцію. Можно вообще сказать, что развѣдки должны распространяться на все видимое; стремленіе къ ихъ ограниченію „существеннымъ" или „важнымъ" врядъ-ли основательно. Что здѣсь, гдѣ часто мелочь играетъ огромную роль, можетъ быть названо существеннымъ? Какое-либо обстоятельство, кажущееся развѣдчику не стоющимъ никакого вниманія, можетъ для главной квартиры быть очень важнымъ. Такъ, напримѣръ, встрѣча одиночнаго всадника, нахожденіе павшей лошади, записной книжки или даже мундира части войскъ, до тѣхъ поръ еще не встрѣченной, можетъ имѣть гораздо большее значеніе, чѣмъ уже раньше извѣстное присутствіе цѣлыхъ полковъ и бригадъ. Разсчитывать на совершенное пониманіе обстановки въ передовыхъ частяхъ нельзя; стоитъ только вспомнить, что онѣ отъ времени до времени смѣняются, чтобы избѣжать переутомленія ихъ, и, слѣдовательно, появляются новые глаза, которые не всегда въ состояніи сразу и правильно оріентироваться.

Весьма важно при развѣдкахъ знаніе организаціи и одежды непріятельской арміи, что должно получить какъ можно болѣе широкое распространеніе. Свѣдѣнія эти должны постоянно пополняться передовыми частями изъ разспросовъ жителей и плѣнныхъ, обыскомъ покинутыхъ квартиръ и биваковъ, постояннымъ соприкосновеніемъ съ непріятелемъ, связью съ сосѣдними разъѣздами и частями войскъ и т. п. Съ другой стороны главная квартира, имѣющая много другихъ средствъ для собиранія свѣдѣній о противникѣ, должна постоянно сообщать все ею узнанное передовымъ войскамъ. Особенно это необходимо для того, чтобы части знали, чего и въ какой степени имъ нужно опасаться. Усиленное наблюденіе надъ тѣмъ, чего нельзя видѣть; строгія мѣры охраненія тамъ, гдѣ нечего опасаться,— не только составляютъ излишнюю трату силъ и тяжело отзываются на конскомъ составѣ, но скоро и надолго усыпляютъ вниманіе и бдительность. Излишнія лишенія, неправильныя донесенія, фальшивыя тревоги — все это является часто послѣдствіемъ не сообщеннаго войскамъ извѣстія.

Оріентированіе — также весьма важная вещь при развѣдкахъ. Наилучшія средства для правильнаго оріентированія, это — хорошія карты и маленькая буссоль; кромѣ того можно руководствоваться еще звѣздами, направленіемъ вѣтра, теченіемъ рѣкъ, камнями, деревьями, положеніемъ церквей и т. п. Все это должно быть старательно изучено еще въ мирное время.

Дѣйствіе оружіемъ при исполненіи сторожевой и развѣдывательной службы. По почти всѣми принятымъ взглядамъ ведеты и

головные разъѣзды должны имѣть въ рукахъ огнестрѣльное оружіе для выстрѣла въ случаѣ необходимости поднять тревогу; послѣднее можетъ произойти только при совершенно неожиданномъ нападеніи. Но неужели стоитъ для такого исключительнаго случая всегда и вездѣ, даже днемъ, и на открытой мѣстности, имѣть въ рукахъ огнестрѣльное оружіе [1])? Кромѣ того, люди эти могутъ скорѣе всѣхъ наткнуться на непріятеля и быть вынужденными на самооборону; поэтому пѣхотные патрули и часовые всегда примыкаютъ штыки. Напротивъ того, кавалериста, котораго всячески пріучаютъ къ тому, что единственное его оружіе на конѣ—холодное, хотятъ принудить имѣть въ рукахъ огнестрѣльное оружіе, которымъ онъ врядъ-ли можетъ нанести большой вредъ противнику, а холодное—въ ножнахъ или висящимъ на темлякѣ, что въ высшей степени неудобно. Мы держимся того мнѣнія, что если даже и придавать большое значеніе сигнальному выстрѣлу, то все-же слѣдуетъ приказывать брать огнестрѣльное оружіе въ руки, только когда, благодаря мѣстности или другимъ условіямъ, возможно нечаянное нападеніе, и притомъ не передовымъ людямъ разъѣзда, а тому, который служитъ связью съ позади слѣдующими войсками и который къ тому-же, какъ унтеръ-офицеръ, ефрейторъ или старый солдатъ, будетъ лучше въ состояніи оцѣнить въ каждомъ данномъ случаѣ необходимость сигнальнаго выстрѣла. Тоже слѣдовало-бы соблюдать и ведетамъ, которые по большей части, особенно днемъ, всегда заранѣе могутъ видѣть наступленіе момента, когда слѣдуетъ дать выстрѣлъ. Сверхъ того мы думаемъ, что о сигнальномъ выстрѣлѣ не слѣдуетъ особенно и заботиться: если наступитъ опасный моментъ, то и безъ того раздастся достаточно выстрѣловъ.

Однимъ словомъ мы того мнѣнія, что при исполненіи сторожевой и развѣдывательной службы не нужно имѣть въ рукахъ никакого оружія. Лѣвая рука бываетъ занята поводомъ, а правая нужна для держанія карты, отодвиганія мѣшающаго сучка, закрытія глаза отъ солнца, держанія лошади слѣзшаго товарища и т. п.—все положенія, при которыхъ изъ винтовки можетъ очень легко произойти нечаянный выстрѣлъ, а сабля выдать своимъ блескомъ, не говоря уже, что и та, и другая очень мѣшаютъ.

Что касается до содержанія инструкціи для полевой службы, то можно только сказать, что въ ней должна заключаться вся дѣятельность конницы на войнѣ, исключая собственно боя, то-есть:

1. Введеніе, общія положенія.
2. Расположеніе войскъ на отдыхѣ.
3. Походныя движенія.
4. Служба развѣдывательная и сторожевая:
   а) развѣдываніе и охраненіе вообще;
   б) охраненіе при расположеніи на отдыхѣ, аванпосты;

---

[1]) Конечно не стоитъ. *В. Сухомлиновъ.*

в) охраненіе при походныхъ движеніяхъ;

г) о разъѣздахъ и патруляхъ.

5. Предпріятія противъ непріятельскихъ путей сообщенія, нечаянныя нападенія, засады, реквизиціи, фуражировки.

Мы сдѣлаемъ еще нѣкоторыя замѣчанія о предпріятіяхъ, упомянутыхъ въ послѣднемъ пунктѣ. Какъ при совершеніи ихъ въ дѣйствительности, такъ и при описаніи нужно всегда руководствоваться образомъ дѣйствія наступающаго, такъ какъ онъ владѣетъ иниціативой и, слѣдовательно, имѣетъ право предписывать законы, не говоря уже про то, что наступленіе вообще болѣе свойственно духу конницы.

Обыкновенно наступающій начинаетъ съ рекогносцировки и затѣмъ сообразно съ добытыми свѣдѣніями, приступаетъ къ самому дѣйствію. Послѣднее можетъ состоять, въ зависимости отъ обстоятельствъ, или въ открытомъ бою, или въ маневрированіи съ цѣлью отвлечь вниманіе непріятеля, оттянуть его силы отъ пункта атаки и тѣмъ доставить себѣ хотя бы временное превосходство. Самая атака должна быть направлена частью силъ на прикрытіе, частью — на прикрываемое и состоящихъ при немъ рабочихъ, обозныхъ и т. п. Первое должно быть атаковано въ большинствѣ случаевъ въ сомкнутомъ строю, второе — въ разомкнутомъ.

Еще необходимое условіе, одинаково важное и для нападающаго, и для обороняющагося, которое далеко не всегда исполняется въ мирное, а тѣмъ болѣе въ военное время, это — то, что слѣдуетъ во что-бы то ни стало, пока есть малѣйшая возможность, стремиться выполнить свою задачу до конца и не довольствоваться первой попыткой, если она была неудачна. Часть, которая, подойдя съ фронта къ непріятелю и встрѣченная нѣсколькими выстрѣлами, повернетъ назадъ, сочтя свою задачу невыполнимою, лучше бы сдѣлала, если-бы совсѣмъ не трогалась съ мѣста. Необходимо, если сразу не удается, пытаться достигнуть того-же другимъ путемъ напримѣръ: замѣнить силу, къ которой вообще далеко не всегда слѣдуетъ прибѣгать въ предпріятіяхъ малой войны, хитростью, и вмѣсто того, чтобы путаться передъ фронтомъ, объѣхать съ фланга. Вообще слѣдуетъ понемногу и только подъ сильнымъ давленіемъ непреодолимыхъ препятствій понижать свои требованія, и если нельзя увѣнчаться лаврами, то во всякомъ случаѣ извлечь изъ обстоятельствъ всю возможную пользу, напримѣръ: если нельзя захватить транспортъ — слѣдуетъ по возможности попортить и задержать его; въ другомъ случаѣ постараться добыть вѣрныя свѣдѣнія и т. д. Даже послѣ сильныхъ потерь и кажущейся совершенной неудачи не слѣдуетъ отчаяваться. Часто бываетъ, что неудача сама способствуетъ дальнѣйшимъ успѣхамъ, напримѣръ, потеря транспорта можетъ настолько измѣнить отношенія между противниками, что побѣжденному представится вполнѣ возможность отобрать назадъ все потерянное или по крайней мѣрѣ большую часть его.

Чего еще слѣдуетъ избѣгать — это погони за успѣхами въ ущербъ возложенной задачѣ. Къ послѣдней слѣдуетъ всегда относиться строго и точно, не выходя изъ ея границъ, и отказываться отъ нея только убѣдившись, послѣ цѣлаго ряда попытокъ, въ невозможности ее выполнить.

Постепенность въ обученіи. — При обученіи полевой службѣ совершенно невозможно разобрать всѣ могущіе представиться случаи; съ другой стороны также невозможно, вслѣдствіе крайняго разнообразія ихъ, подвести всѣ случаи подъ извѣстныя правила и свести въ опредѣленныя категоріи. Слѣдовательно, придется, по установленіи нѣкоторыхъ общихъ положеній, прибѣгнуть къ разбору многихъ частныхъ случаевъ, основанныхъ на извѣстныхъ положеніяхъ, чтобы такимъ путемъ выработать въ людяхъ какъ бы инстинктивное пониманіе дѣла, и съ этого начать обученіе.

Слѣдующей ступенью будетъ практическое обученіе уставной сторонѣ полевой службы пѣшкомъ на плацу и на мѣстности вблизи расположенія части. Слишкомъ большаго распространенія однако этимъ упражненіямъ придавать не слѣдуетъ, такъ какъ въ нихъ люди должны только выучить въ совершенствѣ формальную сторону дѣла, отнюдь не затупляя способности пониманія и разсужденія. Слѣдуетъ просто продѣлать пѣшкомъ, на возможно ровномъ и открытомъ мѣстѣ всѣ уставныя требованія, при возможно большемъ числѣ участниковъ и зрителей, чтобы всѣ могли видѣть и слышать. Къ концу этихъ занятій, передъ тѣмъ, какъ сѣсть на лошадь, каждый человѣкъ вполнѣ твердо и основательно усвоитъ всѣ эти требованія.

Затѣмъ слѣдуетъ выѣздъ въ поле эскадроннаго командира съ офицерами, унтеръ-офицерами и толковыми рядовыми для рѣшенія на мѣстности различнаго рода самыхъ простыхъ задачъ.

Наконецъ, начинаются собственно упражненія въ полевой службѣ частями различнаго состава до маневровъ всѣхъ трехъ родовъ оружія включительно.

При всѣхъ вышеприведенныхъ упражненіяхъ слѣдуетъ начинать съ болѣе легкаго (аванпосты), затѣмъ переходить къ болѣе трудному (мѣры охраненія во время движенія, сначала на шагу, затѣмъ на другихъ аллюрахъ) и оканчивать самымъ труднымъ (разъѣзды), — первое время, все безъ непріятеля, а потомъ уже и съ таковымъ.

Всегда слѣдуетъ задаваться задачами возможными, устранять все, требующее богатаго воображенія и для людей недоступное, мѣстность принимать такъ, какъ она есть; послѣднее условіе трудно выполнимо въ мирное время, такъ какъ приходится избѣгать топтанія полей и порчи частной собственности. Также трудно въ мирное время имѣть къ пріѣзжимъ и частнымъ лицамъ тѣ же отношенія, которыя неминуемо установятся въ военное. Есть только одно средство исправить это: всякій

разъ, когда обстоятельства мирнаго времени требуютъ отступленія отъ правилъ, установленныхъ для военнаго, нужно особенно обращать на это вниманіе людей и объяснять, какъ оно должно быть и почему дѣлается не такъ.

На упражненіяхъ крупныхъ частей слѣдуетъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ движенія и перестроенія дѣлались по уставу, а люди ѣздили по правиламъ манежной ѣзды.

Заключительнымъ актомъ обученія сторожевой и развѣдывательной службы будутъ кавалерійскіе маневры. Вслѣдствіе большой ихъ важности именно въ смыслѣ обученія, ими никакъ не слѣдуетъ пренебрегать, хотя въ нихъ-то именно и труднѣе всего установить полное согласіе съ требованіями военнаго времени, такъ какъ при этомъ совершенно необходимо имѣть въ своемъ полномъ, такъ сказать деспотическомъ, распоряженіи не только людей и лошадей, но всѣхъ правительственныхъ лицъ и всѣ пути сообщенія раіона маневровъ. Эти трудности и вызываютъ рѣдкое пользованіе ими; ихъ производятъ обыкновенно только при передвиженіяхъ конныхъ частей въ лагерные сборы. Что они однако вполнѣ возможны, это показали произведенные русской конницей въ сентябрѣ 1876 года въ Царствѣ Польскомъ большіе маневры, въ составѣ четырехъ съ половиною дивизій (73 эскадрона и 54 конныхъ ор.), подъ руководствомъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Наконецъ маневры всѣхъ трехъ родовъ оружія должны также войти въ составъ инструкціи для полевой службы и составить въ ней послѣднюю главу.

Глава VI.

Употребленіе конницы.

Конницѣ приходится дѣйствовать на войнѣ или въ непосредственной связи съ другими родами оружія (дивизіонная и корпусная кавалеріи) или самостоятельно въ составѣ кавалерійскихъ дивизій и корпусовъ. Въ обоихъ случаяхъ она или принимаетъ участіе въ сраженіи съ другими войсками или несетъ самостоятельно сторожевую и развѣдывательную службу. Сообразно этимъ ея видамъ службы и слѣдуетъ разсматривать дѣятельность и примѣненіе конницы. Но такъ какъ чрезвычайно трудно разграничить бой и наблюденіе за противникомъ, вслѣдствіе ихъ постояннаго сплетенія между собой, то будетъ удобнѣе разобрать дѣятельность кавалеріи сообразно тѣмъ задачамъ, которыя ей ставятся въ различные періоды войны. Мы будемъ говорить только о крупныхъ, самостоятельныхъ единицахъ; роль же болѣе мелкихъ частей выяснится при этомъ сама собой.

I.

Во время приготовленій къ войнѣ до начала операцій.

Для прикрытія мобилизаціи своей арміи и для препятствованія мобилизаціи противника конница должна быть быстро мобилизирована, сосредоточена возможно ближе къ границѣ и оттуда двинута широкимъ фронтомъ, имѣя авангарды по главнымъ дорогамъ и отдѣльные эскадроны или офицерскіе патрули на второстепенныхъ; въ такомъ порядкѣ, въ тѣсной связи частей по фронту и въ глубину, и по возможности вся въ рукахъ одного лица, она дойдетъ до границы или указанной главнокомандующимъ линіи, гдѣ останавливается и занимаетъ стратегическую линію постовъ для удержанія противника. Отсюда она старается войти въ соприкосновеніе съ противникомъ — сначала, до объявленія войны, помощью мѣстныхъ жителей, шпіоновъ и т. п., а впослѣдствіи — и разъѣздами. Съ этой, временно неподвижной базы, высылаются взводы, эскадроны и полки, иногда съ придачей піонеръ и конныхъ орудій, противъ фронта непріятеля, на его фланги или кругомъ нихъ, а въ случаѣ невозможности послѣдняго — путемъ прорыва фронта, въ его тылъ или для опредѣленія пунктовъ сосредоточенія силъ противника, для уничтоженія телеграфовъ, желѣзныхъ дорогъ, мостовъ и т. д. (степень разрушенія должна находиться въ зависимости предстоящихъ дѣйствій); для производства фуражировокъ, реквизицій, нападеній на непріятельскіе магазины, депо и даже небольшіе отряды, — однимъ словомъ съ цѣлью всячески задерживать и препятствовать операціямъ непріятеля. Вообще въ это время будутъ происходить преимущественно мелкія стычки конныхъ или спѣшенныхъ частей; болѣе крупныя столкновенія произойдутъ только, если назначенная нашей конницѣ линія занята противникомъ или если этотъ послѣдній захочетъ насъ оттѣснить съ нея или предприметъ большими силами операціи противъ нашего фронта, фланговъ или тыла.

Такимъ образомъ всѣ дѣйствія конницы сводятся къ тому, чтобы самимъ видѣть и выслѣживать, препятствовать въ томъ же противнику и доносить обо всемъ узнанномъ.

Доставка донесеній должна быть организована по возможности лучше, для чего нужно имѣть въ полномъ распоряженіи всѣ существующія въ мирное время телеграфныя и почтовыя линіи, пользоваться курьерами, почтовыми голубями и т. д. и тщательно охранять свои сообщенія отъ посягательствъ на нихъ противника.

Вмѣстѣ съ тѣмъ весьма необходимо сообщать высланной впередъ конницѣ, въ гораздо большей степени, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, всѣ свѣдѣнія о противникѣ, имѣющіяся въ главной квартирѣ изъ другихъ источниковъ. Это необходимо какъ для самыхъ передовыхъ частей, чтобы они направляли свою дѣятельность въ надлежащую сторону и не тратили

силъ напрасно, такъ и для расположенныхъ болѣе позади, чтобы послѣдніе не утомлялись напрасными мѣрами охраненія и не пренебрегали нужными. Совершенно понятно, что въ военное время всѣ заботы о сбереженіи людей и лошадей отходятъ на второй планъ, и что не слѣдуетъ ихъ жалѣть для достиженія какой-либо важной цѣли. Но съ другой стороны также понятно, что тамъ, гдѣ этой цѣли нѣтъ, эта забота необходима, и слѣдуетъ всегда избавлять войска отъ напрасныхъ лишеній, облегчать ихъ труды и приберегать ихъ силы для критическихъ минутъ; но съ другой стороны не слѣдуетъ также вдаваться въ противоположную крайность и позволять войску изнѣживаться. Это нужно помнить при всякомъ положеніи войскъ — на бивакѣ, на квартирахъ и на походѣ, причемъ въ каждомъ частномъ случаѣ должны приниматься въ соображеніе общее положеніе дѣлъ, близость непріятеля, его сила, расположеніе, предпріимчивость и т. п.

Вообще слѣдуетъ соблюдать слѣдующія основныя положенія:

1. Дальнее освѣщеніе мѣстности мелкими партіями, силой до эскадрона, которыя уступаютъ, когда непріятель нажимаетъ на нихъ, и сейчасъ же опять идутъ впередъ, когда давленіе со стороны непріятеля прекращается.

2. Слѣдованіе крупныхъ единицъ, полковъ и бригадъ, по нѣсколькимъ, не слишкомъ другъ отъ друга отдаленнымъ, дорогамъ для возможно быстраго ихъ сосредоточенія.

3. Образованіе резерва, лучше всего изъ тяжелой бригады въ каждой отдѣльной дивизіи.

4. Постоянная связь между авангардами и главными силами, аванпостами и ихъ поддержками, опять для возможно быстраго сосредоточенія всей дивизіи.

5. Возможно частыя донесенія въ главную квартиру.

II.

Отъ начала операцій до боя.

Въ этотъ періодъ конница, смотря по характеру дѣйствій арміи (оборонительному или наступательному), продолжаетъ служить какъ бы стратегическими аванпостами или принимаетъ на себя роль стратегическаго авангарда. Въ послѣднемъ случаѣ она входитъ въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, и, стараясь не терять его изъ виду, освѣщаетъ далеко высланными разъѣздами всю мѣстность впереди и на флангахъ арміи и, если возможно, прорываетъ въ одномъ или нѣсколькихъ мѣстахъ завѣсу непріятельской конницы, чтобы видѣть, что дѣлается позади нея, и возможно скорѣе узнать пункты расположенія и направленіе движенія непріятельскихъ массъ; при этомъ она старается занять важные пункты въ стратегическомъ отношеніи: дефиле, мосты, желѣзнодорожные узлы и т. п. и удержать ихъ за собой до прибытія пѣхоты. Одновременно она должна

препятствовать тѣмъ же дѣйствіямъ противника. Разумѣется, что при подобныхъ же дѣйствіяхъ со стороны непріятельской конницы могутъ произойти съ послѣдней крупныя и серьезныя столкновенія, большею частью конныя (развѣ только при занятіи мѣстныхъ предметовъ можетъ случиться, что будутъ сражаться спѣшенныя части), по правиламъ трехлинейной тактики въ чистѣйшемъ ея видѣ. Тутъ именно слѣдуетъ пустить въ ходъ тяжелую конницу, которую до тѣхъ поръ сберегаютъ и держатъ позади. Отъ исхода этихъ столкновеній зависитъ, разумѣется, дальнѣйшій образъ дѣйствій конницы. Но вообще можно сказать, что она должна, постоянно стремиться проникнуть какъ можно дальше, не отходя однако безъ особой крайности, какъ только давленіе становится слабѣе, сейчасъ же опять выдвигаться впередъ.

Кромѣ вышеприведенной дѣятельности на фронтѣ арміи, конница производитъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ набѣги, фуражировки, реквизиціи и т. д. При послѣднихъ нужно, быть, однако, очень осторожнымъ, чтобы позади идущимъ частямъ дать возможность добыть продовольствіе на мѣстѣ; вообще надо брать только необходимое для войскъ (а не для маркитантовъ) и избѣгать всего, что могло-бы напоминать грабежъ и разореніе; на все взятое должны быть выдаваемы квитанціи, и каждый проступокъ, каждое самовольное дѣйствіе должны быть строго наказуемы.

Кромѣ того конницѣ приходится еще поддерживать связь между различными отрядами и колоннами, охранять пути сообщенія, прикрывать обозы и вообще оберегать спокойствіе арміи.

Достойные подражанія примѣры вышеупомянутой дѣятельности конницы передъ фронтомъ арміи мы находимъ впервые въ новѣйшее время въ 1812 году въ Россіи, а затѣмъ въ франкогерманскую войну 1870—71 г. въ дѣйствіяхъ I и II армій съ самого перваго дня. Въ III арміи дѣйствія эти были начаты нѣсколько позднѣе, но тѣмъ энергичнѣе велись они потомъ, такъ что напримѣръ, поискъ двухъ эскадроновъ 5-го драгунскаго полка съ 21 по 27 августа 1870 г. можетъ служить образчикомъ того успѣха, котораго можетъ достигнуть конница въ подобной дѣятельности, конечно, при вполнѣ благопріятныхъ обстоятельствахъ; но стремиться къ этому она должна всегда.

III.

При боевыхъ столкновеніяхъ армій.

Въ этомъ періодѣ дѣятельность конницы чрезвычайно разнородна и разнообразна.

Передъ боемъ она сводится къ дѣйствіямъ стратегическаго авангарда. По мѣрѣ того какъ арміи обоихъ противниковъ сближаются, уменьшается и разстояніе ихъ до передовыхъ конныхъ частей, и вообще глубина занимаемаго ими пространства, какъ въ движеніи, такъ и на

отдыхѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ густота конной завѣсы все увеличивается, выигрывая въ непроницаемости и способности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, но теряя возможность укрывать слѣдующія позади въ густыхъ массахъ войска отъ взглядовъ противника, если онъ найдетъ удобный къ тому пунктъ. Наконецъ наступаетъ минута, когда армія убираетъ назадъ свою завѣсу или проходитъ черезъ нее для вступленія въ бой. Во все это время конница продолжаетъ свою дѣятельность, стараясь высмотрѣть, что дѣлается у противника, и скрыть отъ него, что дѣлается у насъ.

Когда затѣмъ армія уже заняла свою боевую позицію, то при наступательномъ боѣ конница старается возможно точнѣе опредѣлить расположеніе противника на позиціи, опорные пункты, подступы, фланги, силу отдѣльныхъ участковъ, мѣста резервовъ и т. д. Для этого она должна будетъ съ фронта подойти возможно ближе къ позиціи, часто въ предѣлы дѣйствительнаго непріятельскаго огня, или широкимъ фронтомъ одновременно по всей позиціи, или слѣдуя вдоль нея, послѣдовательно отъ одного пункта къ другому. Вмѣстѣ съ тѣмъ конница обходитъ фланги противника, чтобы оттуда высмотрѣть, что дѣлается въ тылу его. Всѣ добытыя ею свѣдѣнія, обыкновенно наканунѣ сраженія, послужатъ матеріаломъ для составленія плана сраженія и вытекающихъ изъ него диспозицій.

Дѣятельность конницы при оборонительномъ боѣ понятна сама собою изъ вышеприведеннаго и послѣдующаго.

Въ самый день боя конница наступающаго служитъ тактическимъ авангардомъ его пѣхоты и артиллеріи, чтобы скрывать возможно дольше направленіе ихъ движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ своевременно открыть происшедшія со вчерашняго дня измѣненія въ расположеніи противника.

Двигаясь такимъ образомъ передъ фронтомъ арміи, развѣдывая о непріятелѣ и задерживая его рекогносцирующіе отряды, конница выжидаетъ начала самого боя. Тогда дивизіонная конница отходитъ назадъ и располагается за закрытіями по возможности ближе отъ боевой линіи; самостоятельныя же конныя части располагаются частью на одномъ или обоихъ флангахъ, частью—въ резервѣ, если онѣ не нужны для заполненія пустыхъ промежутковъ въ боевой линіи. Вообще послѣднее примѣненіе конницы очень нежелательно, и въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ ее всегда ставить позади этихъ промежутковъ, а не на уровнѣ общей боевой линіи.

Дѣятельность конницы въ бою двоякая: охранительная и боевая. Въ первомъ смыслѣ она продолжаетъ наблюденіе на обоихъ флангахъ и съ тыла, чтобы войска не подвергались неожиданнымъ фланговымъ атакамъ или обходамъ и чтобы своевременно открыть приближеніе свѣжихъ непріятельскихъ частей. Вмѣстѣ съ тѣмъ она внимательно слѣдитъ за ходомъ боя, чтобы заранѣе предугадать моментъ, когда потребуется ея вмѣшательство (дивизіонная и резервная конница).

*

Вмѣшательство это въ удобныя или опасныя минуты можетъ произойти противъ всѣхъ трехъ родовъ оружія или путемъ частныхъ атакъ дивизіонной и отдѣльныхъ частей резервной конницы (съ цѣлью воспользоваться временнымъ успѣхомъ или предотвратить минутную неудачу) или путемъ рѣшительныхъ атакъ большихъ конныхъ массъ. Подобные бои потребуются противъ непріятельской конницы, напримѣръ, если она мѣшаетъ дѣйствіямъ на флангахъ или въ тылу или сама начинаетъ проявлять такого рода дѣятельность. Но и противъ пѣхоты и артиллеріи конница можетъ дѣйствовать, даже при нынѣшнемъ оружіи (хотя рѣже, чѣмъ прежде), если напримѣръ непріятельская пѣхота утомлена продолжительнымъ боемъ, потрясена сильными потерями, вообще находится въ невыгодномъ положеніи, вслѣдствіе чего имѣется возможность прорвать и опрокинуть ее и тѣмъ окончить дѣло или, по крайней мѣрѣ, способствовать скорѣйшему его окончанію; или же, наоборотъ, если требуется выручить нашу пѣхоту, попавшую въ тяжелое положеніе, которое угрожаетъ потерей сраженія.

Обыкновенно въ бою конница дѣйствуетъ на конѣ холоднымъ оружіемъ. Но могутъ быть случаи, когда ей, для обороны какихъ-либо отдаленныхъ важныхъ пунктовъ противъ непріятельской конницы и даже пѣхоты (которую удастся ввести въ заблужденіе), приходится спѣшиться, что сдѣлали, напримѣръ, съ большимъ успѣхомъ 2 эскадрона 12-го французскаго драгунскаго полка въ бою при Шпихернѣ 6 августа 1870 г., занявъ высоты Канинхенъ-берга у Форбаха.

Примѣненіе къ пѣшему бою крупныхъ конныхъ массъ, напримѣръ дивизіи, подобно тому, какъ это практиковалось въ американскую междоусобную войну, будетъ случаемъ совершенно исключительнымъ, хотя, конечно, нельзя отрицать, что если пѣхоты мало и имѣется многочисленная конница, вооруженная хорошимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и умѣющая имъ дѣйствовать, которая притомъ же не можетъ нести свойственную этому роду оружія службу (напримѣръ, въ обстоятельствахъ, подобныхъ имѣвшимъ мѣсто въ началѣ декабря 1870 г. къ юго-западу отъ Парижа, особенно во время битвы при Кулмье), то при угрожающей опасности она можетъ и должна сражаться пѣшкомъ, по крайней мѣрѣ съ такимъ же правомъ, какъ двѣ піонерныя роты въ сраженіи при Віонвилѣ 16 августа 1870 г., которыя, по израсходованіи послѣднихъ пѣхотныхъ резервовъ, бросили инструментъ и взялись за ружья къ своей собственной славѣ и къ общей пользѣ.

По окончаніи боя конница преслѣдуетъ разбитаго противника или прикрываетъ отступленіе. Дѣйствія въ томъ или другомъ случаѣ зависятъ отъ обстоятельствъ — отъ степени рѣшительности побѣды, состоянія войскъ обѣихъ сторонъ, времени года и дня, условій мѣстности и другихъ причинъ. Вообще же можно признать за основное правило, что всякій

одержанный въ дѣлѣ успѣхъ долженъ быть развитъ и доведенъ до конца энергичнымъ преслѣдованіемъ.

Преслѣдованіе послѣ окончательно одержаннаго успѣха можетъ быть подведено подъ два вида: тактическое и стратегическое.

Первое состоитъ въ немедленномъ же насѣданіи на отступающаго въ безпорядкѣ противника для извлеченія возможной пользы изъ достигнутаго тактическаго успѣха. Его цѣль—увеличить безпорядокъ въ разбитыхъ массахъ, воспрепятствовать сформированію ихъ въ колонны и выдѣленію арьергарда, ускорить отступленіе, обращая непріятеля въ бѣгство, однимъ словомъ — полное разсѣяніе противника и захватъ плѣнныхъ, орудій и всевозможныхъ трофеевъ. Исполненіе подобнаго рода преслѣдованія будетъ слѣдующее: главнокомандующій заранѣе собираетъ резервную и вообще всю свободную конницу и въ нужную минуту пускаетъ ее на непріятеля; подобно бурному потоку, она проходитъ сквозь интервалы сражающихся частей или кругомъ ихъ фланговъ и бросается на отступающія непріятельскія войска, распространяя кругомъ страхъ и ужасъ. Ударъ долженъ слѣдовать за ударомъ, направляясь преимущественно на неокончательно еще разстроенныя части, нажимая отступающихъ на узкія дефиле, непроходимыя мѣста, или стараясь, напротивъ, ихъ отбросить по разнымъ направленіямъ—смотря по тому, что окажется въ данномъ случаѣ цѣлесообразнѣе. Если арьергардъ противника былъ сформированъ во время и способенъ сопротивляться, то конница обскакиваетъ его и бросается на слѣдующія въ головѣ или хвостѣ части, отрѣзывая идущія позади и обращая неудачу въ катастрофу. Вышеописанное преслѣдованіе, которое можно назвать насѣданіемъ, можетъ быть выполнено только конницей, развѣ съ придачей конной артиллеріи. Такъ какъ оно исключительно ея дѣло, то всякая конница обязана при первомъ удобномъ случаѣ немедленно начинать его по собственной инициативѣ и вести какъ только можно дальше. Границей здѣсь будетъ то условіе, чтобы преслѣдующая конница не отдѣлилась, по собственному произволу, окончательно отъ арміи, а вернулась къ ней, смотря по времени начала преслѣдованія, въ тотъ же, или самое позднее—на другой день; при этомъ можно принять, что конныя части, до полка включительно, проходятъ 80 верстъ въ сутки, а одиночные офицеры и разъѣзды—до 120 верстъ. При подобнаго рода преслѣдованіи конницѣ придется дѣйствовать почти исключительно на конѣ и холоднымъ оружіемъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ вести бой пѣшкомъ, напримѣръ, для занятія дефиле и т. д.

Второго рода преслѣдованіе — стратегическое, отличается отъ насѣданія тѣмъ, что оно распространяется на большія разстоянія и на болѣе продолжительное время; его цѣль—совершенно разсѣять непріятельскую армію, а при благопріятныхъ условіяхъ—и заставить ее капитулировать. По самому смыслу вещей, оно можетъ быть произведено только по при-

казанію главнокомандующаго, а не по собственной иниціативѣ конной части, которая не смѣетъ самовольно, какъ мы уже говорили выше, отдѣляться отъ арміи.

Стратегическое преслѣдованіе можетъ быть ведено двумя способами. При первомъ — дѣйствія конницы тѣ-же, что и при тактическомъ преслѣдованіи, только въ теченіе болѣе продолжительнаго времени и на большихъ разстояніяхъ; участвуетъ въ немъ также почти исключительно конница, на конѣ, холоднымъ оружіемъ и въ рѣдкихъ случаяхъ въ пѣшемъ строю. Второй способъ можетъ повлечь за собою совершенное уничтоженіе непріятельской арміи, а можетъ быть и окончаніе войны. Задача эта одной конницей выполнена быть не можетъ; требуется самое энергичное участіе пѣхоты, а дѣло конницы будетъ состоять въ доставленіи ей возможности подобнаго участія. Здѣсь дѣло будетъ состоять не въ настойчивомъ насѣданіи, нажиманіи, а, напротивъ, въ задержаніи, останавливаніи непріятеля, что-бы дать время подойти своей пѣхотѣ. Поэтому конница дѣйствуетъ противъ фронта противника только въ смыслѣ авангарда, т. е. старается заставить непріятеля развернуть силы и тѣмъ замедлить отступленіе. Между тѣмъ главныя массы конницы съ многочисленной конной артиллеріей, а при возможности и съ пѣхотой, стараются возможно быстрѣе произвести дальній обходъ, внѣ сферы наблюденія противника, выйти во флангъ, а, если можно, то впереди головъ его колоннъ, занять удобную позицію поперекъ дороги и остановить отступающія части, спѣшивъ, если потребуется все, что только можно, до прибытія пѣхоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ войска, преслѣдующія съ тыла и увѣдомленныя какимъ-либо сигналомъ, переходятъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Вполнѣ понятно, что подобный образъ дѣйствія возможенъ только при особенно благопріятныхъ обстоятельствахъ и сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ, безъ котораго, впрочемъ, не можетъ быть достигнута ни одна сколько нибудь важная цѣль. Гдѣ обстоятельства не совсѣмъ благопріятны или силы недостаточно велики, тамъ придется поставить себѣ и меньшую цѣль. Если, слѣдовательно, отрѣзать всю непріятельскую армію невозможно, то придется попытаться отрѣзать только часть ея, хотя бы арьергардъ; если и это невозможно, то надо ограничиться тѣмъ, чтобы всячески задерживать отступленіе противника, обстрѣливая его конной артиллеріей, атакуя авангарды, обозы и т. д. Вообще въ каждомъ данномъ случаѣ надо будетъ дѣйствовать сообразно обстановкѣ; важнѣйшимъ же залогомъ успѣха является: сознательное стремленіе къ исполненію самыхъ широкихъ задачъ, обдуманное рѣшеніе и энергичныя дѣйствія.

Исторія учитъ насъ, что самыя рѣшительныя преслѣдованія вполнѣ возможны. Большая часть сраженій Наполеона даетъ намъ примѣръ энергическаго насѣданія на противника послѣ одержанія побѣды. (Фридрихъ Великій былъ почти всегда окруженъ врагами, а потому и не могъ преслѣ-

довать). Встрѣчаются примѣры стратегическаго преслѣдованія въ теченіе нѣсколькихъ дней и даже недѣль: преслѣдованіе Александромъ Македонскимъ послѣ Арбеллъ — черезъ всю Персію; преслѣдованіе саксонцевъ Карломъ XII въ октябрѣ 1704 г.; преслѣдованіе Мюратомъ австрійцевъ, послѣ Ульма въ 1805 г. и послѣ Іены и Ауэрштедта въ 1806 г.; преслѣдованіе пруссаками Наполеона послѣ Бель-Альянса (Ватерлоо) въ 1815 г.; нѣсколько случаевъ въ сѣверо-американскую междоусобную войну (Форрестъ) и т. д. Примѣровъ же стратегическаго преслѣдованія второго рода имѣется всего одинъ — заключительный актъ той же американской войны.

Послѣднія войны въ Европѣ не даютъ примѣровъ рѣшительнаго преслѣдованія. Австро-прусская война 1866 г. не даетъ вообще примѣровъ особенно удачнаго употребленія конницы, можетъ быть потому, что конницы обѣихъ сторонъ были равны по качествамъ. Но и послѣ сраженій франко-германской войны 1870—71 гг. мы почти не встрѣчаемъ энергическихъ преслѣдованій, что, конечно, отчасти объясняется условіями мѣстности, погоды, времени года и нѣкоторыми другими причинами (напримѣръ, окончаніемъ боевъ при Мецѣ подъ самой крѣпостью); нельзя, однако, не сознаться, что преслѣдованіе составляло слабѣйшую часть дѣятельности конницы въ эту войну. Единственный примѣръ образцоваго преслѣдованія (хотя и не конницы) даже не разбитаго, а просто оттѣсненнаго съ фронта противника и при томъ болѣе многочисленнаго, но болѣе слабаго достоинства, преслѣдованія, веденнаго въ самое холодное время года, по гористой мѣстности, представляютъ дѣйствія генерала Мантейфеля противъ арміи Бурбаки. Правда, дѣйствія эти имѣютъ отношеніе къ конницѣ только потому, что главнокомандующій вышелъ изъ ея рядовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они и для нея въ высшей степени поучительны, потому что если пѣхота (правда заранѣе высланная) могла поспѣть во флангъ и въ тылъ, то конницѣ, могущей пользоваться поддержкой конной артиллеріи, а иногда и пѣхоты, эта задача и подавно по плечу, если притомъ она имѣетъ хорошее огнестрѣльное оружіе. Весьма удачными должны быть также признаны дѣйствія нѣмецкой конницы II арміи, особенно 5-й дивизіи, передъ мецскими боями, когда ей удалось обогнать передовыя французскія части и задержать ихъ, даже не спѣшиваясь, до прибытія пѣхоты.

Мы уже говорили, что подобнаго рода дѣйствія представляютъ значительную опасность (Ганау, 1813 г.), но безъ риска нельзя и достигнуть большихъ результатовъ. Вся жизнь и дѣятельность конницы есть азартная игра. Если она не будетъ, когда нужно, ставить все на карту, то она выше посредственности никогда не поднимется.

Изъ сказаннаго о преслѣдованіи можно вывести заключеніе о томъ образѣ дѣйствій, котораго конница должна держаться, прикрывая отступленіе разбитой арміи. Первымъ ея дѣломъ будетъ принять на себя отступающія части, обезпечить ихъ отъ немедленнаго тактическаго преслѣдованія непрія-

теля, особенно его конницы, и дать имъ время придти въ порядокъ, выдѣлить арьергардъ, построиться въ колонны и т. д. Для этого резервная конница (какъ напримѣръ, австрійская при Кенигтрецѣ), съ поддержкой конной, а если можно, то всей или части резервной артиллеріи, выдвигается впередъ и бросается на непріятельскую преслѣдующую конницу и передовыя пѣхотныя части, тоже разстроенныя послѣ одержаннаго успѣха; пользуясь этимъ, пѣхота отходитъ дальше назадъ, приводится въ порядокъ, выдѣляетъ арьергардъ или занимаетъ позицію, для обезпеченія отступленія резервной конницы. Если это удалось, то часть конницы остается при арьергардѣ, чтобы, по возможности, задерживать натискъ непріятельскихъ всадниковъ, на конѣ или спѣшившись, атаками или засадами, чтобы побудить ихъ къ болѣе осторожному наступленію. Вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ по временамъ переходить въ наступленіе, чтобы убѣдиться, не уменьшается-ли напоръ непріятеля съ тыла и, слѣдовательно, не предпринимаетъ-ли онъ значительными силами обходъ съ фланговъ или не останавливаетъ-ли онъ совсѣмъ преслѣдованія.

Другая, обыкновенно большая часть конницы беретъ на себя охраненіе фланговъ на возможно дальнее разстояніе,—задача чрезвычайной важности. Прежде всего ей приходится наблюдать какъ можно дальше дороги параллельныя пути отступленія, а затѣмъ вести бой съ непріятельской конницей, по большей части верхомъ. Ей можетъ придтись дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ, на одномъ или обоихъ флангахъ; но въ первомъ случаѣ все-таки нельзя оставлять, по крайней мѣрѣ безъ наблюденія, и другого фланга.

Кромѣ того часть конницы приходится высылать впередъ въ составъ авангарда, которая можетъ быть относительно немногочисленна и усиливается, только при полученіи извѣстія о намѣреніи непріятеля отрѣзать путь отступленія, чтобы быть тогда въ состояніи отразить его на конѣ или спѣшившись, занявъ удобную позицію или важные пункты на пути отступленія арміи.

IV.

Между сраженіями.

Дѣйствія конницы въ этомъ періодѣ отчасти выяснены предъидущимъ, такъ какъ въ это время на ней лежитъ обязанность извлекать всю возможную пользу изъ одержаннаго успѣха или, наоборотъ, препятствовать въ томъ непріятелю. Если же преслѣдованіе невозможно — по нерѣшительному-ли исходу боя, по принятымъ-ли непріятелемъ мѣрамъ или по какимъ-либо другимъ обстоятельствамъ, — то конница продолжаетъ свою дѣятельность въ томъ же духѣ, какъ и въ періодъ отъ начала операцій до перваго сраженія.

Достойный подражанія примѣръ подобнаго рода дѣятельности мы находимъ въ дѣйствіяхъ германской конницы за время 14 — 16 августа

1870 года. Тѣмъ болѣе поразителенъ слѣдующій затѣмъ образъ дѣйствій той же конницы съ 16-го вечеромъ и до начала сраженія 18-го августа. Совершенно невольно спрашиваешь себя: что же сдѣлала она для общаго блага въ теченіе всего 17-го и до полудня 18-го, находясь на мѣстѣ въ силѣ 5 дивизій или 28 полковъ и свыше 100 эскадроновъ? Конечно, часть ея, сражавшаяся 16-го и находившаяся около 19 часовъ въ сѣдлѣ, нуждалась въ извѣстномъ отдыхѣ; но стратегическое положеніе было таково, что требовалось чрезвычайное напряженіе всѣхъ физическихъ и духовныхъ силъ. 17-го вечеромъ германской конницѣ слѣдовало дойти до дороги Мецъ-Бріэ и до Орны, или по меньшей мѣрѣ до дороги Мецъ-Конфланъ и затѣмъ развѣдать, куда двинулась французская армія послѣ боя 16-го числа и что она дѣлала. 18-го же ей слѣдовало въ точности опредѣлить расположеніе непріятеля, чтобы не приходилось дѣйствовать цѣлыми корпусами для опредѣленія мѣста нахожденія праваго фланга французовъ. Это не стоило бы ей, вѣроятно, большихъ жертвъ (такъ какъ французская конница опять была расположена позади своей пѣхоты), а сберегло бы много времени и крови, хотя въ этотъ разъ дѣло и обошлось безъ другихъ болѣе печальныхъ послѣдствій. На дѣлѣ только саксонская конная дивизія произвела поискъ въ желательномъ направленіи.

До сихъ поръ мы говорили преимущественно о дѣятельности конницы въ полевой войнѣ, и намъ остается только добавить, что вообще конница можетъ играть значительную роль тамъ, гдѣ дѣло идетъ о предупрежденіи противника на томъ или другомъ важномъ пунктѣ. Вспомнимъ только Вердера и Бурбаки въ январѣ 1871 г. во время ихъ параллельнаго движенія на Бельфоръ и русскую и французскую арміи въ началѣ войны 1812 г. до боя у Смоленска.

V.

Конница въ позиціонной войнѣ.

Послѣднія войны, хотя значительно болѣе скоротечныя чѣмъ прежнія, не утратили до извѣстной степени позиціоннаго характера, благодаря усилившемуся значенію искусственныхъ сооруженій, вызванному современнымъ оружіемъ. Вспомнимъ только Ричмондъ-Питерсбургъ въ американской, Мецъ и Парижъ въ франко-германской, Плевна, Рущукъ, Разградъ-Шумла, Карсъ, Батумъ — въ русско-турецкой войнахъ.

Дѣятельность конницы во время продолжительной пріостановки полевыхъ дѣйствій, вызываемой осадой и обороной большихъ крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей, весьма различна.

Со стороны наступающаго она, во время передвиженій для обложенія крѣпости, составляетъ обыкновенно авангардъ осаднаго корпуса, перехватываетъ всѣ сообщенія противника и прикрываетъ прочія войска. Затѣмъ часть ея (дивизіонная конница) составляетъ контрвалаціонныя

передовыя части, а другая (отдѣльныя дивизіи) прикрываетъ тылъ облегающей арміи циркумвалаціонной линіей постовъ, расположенныхъ па дальнемъ разстояніи, наблюдаетъ за находящимися внѣ крѣпости или формирующимися непріятельскими войсками, задерживаетъ ихъ наступленіе или по крайней мѣрѣ своевременно увѣдомляетъ объ ихъ приближеніи.

Если пѣхота не могла совершенно обложить крѣпость, то конница наблюдаетъ за незанятыми промежутками, перехватываетъ подвозы и по возможности прекращаетъ всякое сообщеніе; смотря по обстоятельствамъ, она при этомъ или выставляетъ въ ту или другую сторону аванпосты или же высылаетъ только разъѣзды, наблюдая преимущественно за дорогами и другими путями сообщеній, занимая ихъ, а въ случаѣ нужды и разрушая. Кромѣ того, на конницу же возлагаются заботы по продовольствованію арміи; она добываетъ ихъ въ окрестностяхъ путемъ реквизицій и фуражировокъ и сопровождаетъ транспорты, препятствуя тѣмъ же операціямъ противника.

Дѣйствія конницы обороняющагося понятны сами собой изъ вышеприведеннаго. Только самая незначительная часть ея (лошади которой въ сущности заранѣе обречены на закланіе), нужная для наблюденія, ординарческой службы и вылазокъ, остается въ крѣпости; вся остальная обязана, какъ только вопросъ объ отступленіи арміи въ крѣпость рѣшенъ утвердительно, во чтобы то ни стало и съ какими бы то ни было потерями, прорваться. Затѣмъ она по возможности долго поддерживаетъ сношенія съ крѣпостью, дѣйствуя или самостоятельно или при содѣйствіи другихъ частей, какъ вновь формирующихся, такъ и старыхъ. Она старается затруднить непріятелю полное обложеніе крѣпости, прикрываетъ подвозы и формированіе новыхъ частей, служитъ авангардомъ арміи, предназначенной для освобожденія крѣпости, и усиленно дѣйствуетъ въ тылу осаждающаго корпуса, постоянно его безпокоя, перехватывая подвозы, препятствуя реквизиціямъ и фуражировкамъ и т. д. При этомъ обѣимъ конницамъ, какъ наступающаго, такъ и обороняющагося, приходится усиленно вести малую войну, но вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть случаи и серьезныхъ столкновеній между ними, на конѣ и пѣшкомъ.

ГЛАВА VII.

Веденіе конницы и ея начальники.

Основаніе управленія кавалеріей въ смыслѣ техническомъ изложены уже выше. Но надо сказать, что положеніе начальника конницы совершенно исключительное. Самымъ высшимъ начальникамъ приходится не только руководить ея дѣйствіями, но вести ее, а иногда и командовать. Личность играетъ такую роль, что часто бываетъ важнѣе кто ведетъ кавалерійскую часть, чѣмъ какъ онъ ее ведетъ. Исторія всѣхъ временъ и народовъ показала, что хорошіе кавалерійскіе генералы встрѣчались очень рѣдко, и появленіе ихъ составляло эпоху не только въ исторіи конницы, но часто даже въ исторіи военнаго искусства вообще. Причины тому лежатъ несомнѣнно въ тѣхъ высокихъ требованіяхъ, которымъ они должны удовлетворять, и притомъ въ требованіяхъ часто другъ другу въ основаніи противорѣчивыхъ.

Хорошій кавалерійскій генералъ долженъ въ себѣ соединять безумную смѣлость съ разумной осторожностью, страстность съ разсудительностью, горячее сердце и пылкій духъ съ холодной головой и спокойнымъ разсудкомъ; отличительными качествами его должны быть быстрая рѣшительность и упрямая настойчивость, методизмъ и глубокое пониманіе дѣла — въ періодѣ подготовки дѣйствій и геніальность — при ихъ исполненіи. Для всего этого, очевидно, прежде всего необходимы природныя способности, но однѣхъ ихъ недостаточно; ихъ слѣдуетъ дополнить разумнымъ воспитаніемъ и образованіемъ, физическимъ и нравственнымъ. Въ отрицаніи послѣдняго, въ надеждѣ преимущественно на природные дары лежитъ важная причина малаго числа хорошихъ кавалерійскихъ генераловъ. Конечно, таковыми до извѣстной степени рождаются, но, чтобы быть имъ, многое нужно пріобрѣсти, а для пріобрѣтенія необходимыхъ качествъ и познаній весьма важно правильное воспитаніе и обученіе войскъ вообще по разумно составленному уставу. Послѣдній дастъ, по крайней мѣрѣ, хорошихъ ремесленниковъ, которые приготовляютъ для одареннаго свыше генія путь и орудіе, помощью котораго онъ, а иногда и эти ремесленники (даже въ борьбѣ противъ генія, но неправильно развитаго) одерживаютъ побѣду.

Но и этого далеко недостаточно; великій мастеръ не рождается готовымъ и не можетъ быть сдѣланъ таковымъ другими: онъ долженъ еще самъ поработать. Такимъ образомъ только при сочетаніи вмѣстѣ природныхъ способностей, практическаго воспитанія и обученія съ собственными теоретическими занятіями и размышленіями можетъ выработаться идеальный кавалерійскій генералъ. Если всѣ требуемыя условія удачно сочетались въ одномъ лицѣ, то уже все равно, что прирожденно и что привоспитано — всѣ достоинства сливаются въ одно общее.

Разсмотримъ теперь болѣе подробно всѣ требованія, которымъ долженъ удовлетворять кавалерійскій генералъ.

Въ физическомъ отношеніи ему слѣдуетъ обладать тѣми тѣлесными качествами, которыя необходимы для каждаго солдата, а именно: здоровьемъ, способностью къ перенесенію трудностей и лишеній, хорошимъ зрѣніемъ и слухомъ, сильнымъ, яснымъ и звонкимъ голосомъ. Если природа не вполнѣ надѣлила однимъ изъ этихъ качествъ, то таковое можетъ быть развито постоянными упражненіями или замѣнено, поддержано какимъ-либо искусственнымъ средствомъ. Если къ упомянутымъ качествамъ присоединяется нѣкоторая элегантность, мужественная красота, величественный видъ, то это можетъ только имѣть воодушевляющее вліяніе на войска. Особенно важны: умѣнье ѣздить и дѣйствовать оружіемъ; при этомъ, однако, не слѣдуетъ впадать въ часто повторяющуюся, особенно въ послѣднее время, ошибку, а именно не слѣдуетъ считать всякаго смѣлаго стиплчезера или счастливаго участника гладкихъ скачекъ за хорошаго кавалериста. Очевидно, таковымъ нельзя быть, не умѣя хорошо ѣздить, т. е. управлять лошадью; но можно быть очень хорошимъ ѣздокомъ и очень плохимъ кавалеристомъ, точно также, какъ можно быть отличнымъ ходокомъ, скороходомъ, гимнастомъ и все-таки не быть хорошимъ пѣхотинцемъ, а тѣмъ менѣе хорошимъ генераломъ. Несмотря на всю важность ѣзды, дѣло не въ ней; такіе ѣздоки, какъ Зейдлицъ, бывали всегда, но не ѣзда поставила его на такую высоту. (Къ этому вопросу мы еще вернемся). Часто придаютъ также чрезмѣрное значеніе быстрымъ передвиженіямъ начальника. Генералъ Шмидтъ говоритъ по этому поводу относительно взводнаго командира: „всегда производитъ хорошее впечатлѣніе, когда начальникъ, ловко и быстро двигается передъ строемъ, не носится зря, безцѣльно, но ѣздитъ покойно, увѣренно; онъ долженъ постоянно знать, зачѣмъ онъ въ каждомъ данномъ случаѣ скачетъ“. И далѣе объ эскадронныхъ командирахъ: „часто начальники ложно понимаютъ свою задачу; они думаютъ, что если они быстро носятся во всѣ стороны, то этого и достаточно. На дѣлѣ же это вызываетъ только суету въ части. Быстрая, лихая ѣзда, конечно, совершенно необходима для начальника, но только для того, чтобы перенестись на то мѣсто, гдѣ его присутствіе нужно; ни одного скачка галопомъ не должно быть сдѣлано напрасно: передвиженія начальника должны вносить жизнь и оживленіе, но въ немъ должны чувствоваться спокойствіе, знаніе и увѣренность въ себѣ“. Если это вѣрно относительно поручиковъ и ротмистровъ, то тѣмъ болѣе должно быть вѣрно относительно высшихъ начальниковъ, и, дѣйствительно, тому, кто знаетъ чего онъ хочетъ и какъ онъ это сдѣлаетъ, нечего самому носиться по полю, какъ ракета, изъ конца въ конецъ. Но и здѣсь излишняя подвижность предпочтительнѣе вялости.

О духовныхъ качествахъ и способностяхъ мы уже говорили въ началѣ этой главы. И здѣсь лучше быть слишкомъ пылкимъ, чѣмъ

наоборотъ. При горячности есть еще возможность достигнуть успѣха, хотя можетъ быть и съ излишними потерями. Конечно, есть граница, переходъ за которую влечетъ за собой безцѣльную трату матеріала, и сравнительно съ такимъ расточителемъ медлитель лучше, потому что у него останется матеріалъ, которымъ могутъ воспользоваться другіе.

Тоже самое можно сказать относительно другихъ двухъ крайностей — природнаго генія безъ подготовки и теоретика. У одного часть пропадетъ отъ утомленія и истощенія, у другого отъ скуки.

Мы, впрочемъ, говоримъ здѣсь о тѣхъ фальшивыхъ метеорахъ, которые оставляютъ за собою только тѣнь, а отъ ихъ блеска остаются перегорѣвшіе шлаки.

Обратимся же къ тѣмъ общимъ человѣческимъ качествамъ, которыя нужны кавалерійскому генералу, съ которыми онъ появляется на свѣтъ, а потомъ развиваетъ ихъ и дополняетъ; нѣкоторыя познанія при этомъ онъ пріобрѣтаетъ только путемъ изученія спеціальностей.

Качества такъ сказать техническія, чисто кавалерійскія, очевидно, не могутъ быть прирожденными; ихъ нужно пріобрѣсти путемъ практическихъ упражненій и теоретическихъ занятій. Главное при этомъ вѣрные принципы, логическое слѣдованіе имъ, систематичность, внутренняя переработка всего изученнаго такъ, чтобы оно вошло въ плоть и кровь и переходило въ жизнь въ каждомъ частномъ случаѣ какъ бы инстинктивно.

Вытекающія изъ сказаннаго требованія, которыя должны быть предъявлены кавалерійскому начальнику, могутъ быть выражены въ трехъ пунктахъ:

а) онъ долженъ обладать знаніемъ матеріала и своихъ средствъ;
б) способностью угадывать намѣренія противника, и
в) иниціативой.

1. Необходимо совершенное знаніе устава, чтобы постоянно знать, какими уставными перестроеніями выполнить то или другое. Но этого мало: необходимо еще умѣнье примѣнять уставъ, которое только одно даетъ возможность привести войска легко, быстро въ порядокъ и въ подходящемъ строю туда, гдѣ они нужны. Надо знать при этомъ, чего можно достигнуть сигналомъ или командой.

Весьма важно правильное пониманіе значенія пространства и времени. Первое важно уже и въ мирное время, чтобы при производствѣ различнаго рода эволюцій имѣть постоянно достаточно мѣста передъ собой, а не оказываться всякій разъ по окончаніи построенія на концѣ плаца; еще важнѣе оно въ военное время, гдѣ, правда, имѣется въ распоряженіи неограниченное пространство, но за то на немъ встрѣчаются непроходимыя мѣста, части войскъ, непріятель и т. п. Значеніе правильнаго пониманія или распредѣленія времени для своевременнаго появленія на извѣстномъ пунктѣ понятно само собой; недостаточно привести часть не „слишкомъ

поздно“, но нужно еще привести ее съ полными силами; вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ приходить и слишкомъ рано, чтобы не обнаружить своихъ намѣреній. Все сказанное касается всѣхъ кавалерійскихъ начальниковъ, отъ взводнаго командира, которому также необходимо умѣть своевременно подать команду, и до высшаго начальника конницы.

Кавалерійскому генералу необходимо знать вполнѣ своихъ подчиненныхъ начальниковъ; съ ними должно быть установлено совершенное взаимное пониманіе, безъ котораго своевременность дѣйствій затрудняется до чрезвычайности. Для этого необходимо: установленіе какой-либо общей, доступной терминологіи; ясность и точность въ отдачѣ приказаній и распоряженій со стороны старшихъ, и со стороны младшихъ — правильное схватываніе и пониманіе сказаннаго, разумное исполненіе въ указанномъ смыслѣ по духу, а не по буквѣ только, съ проявленіемъ собственной иниціативы, гдѣ это нужно. Не менѣе важна правильная передача приказаній и распоряженій адъютантами и ординарцами; это совсѣмъ не такъ легко, какъ кажется, и должно быть предметомъ постоянныхъ упражненій. Такимъ образомъ чрезвычайно полезно, чтобы старшій начальникъ давалъ порученіе одному изъ подчиненныхъ привести части (эскадроны, полки и т. п.) къ данному времени въ извѣстномъ построеніи, въ опредѣленное мѣсто, гдѣ начальникъ приметъ надъ ними командованіе. Опытъ доказалъ, что подобное упражненіе далеко не безцѣльно. Въ данномъ случаѣ приходится проявлять свою иниціативу, наталкиваясь на различныя мѣстныя препятствія и задержки и исполнять вмѣстѣ съ тѣмъ приказаніе, отданное въ общихъ чертахъ.

Остается еще одинъ вопросъ, касающійся знанія начальникомъ своей части — это твердое ею управленіе.

Конечно, генералъ не долженъ входить въ разныя мелочи веденія войскъ, но въ конницѣ, гдѣ веденіе, управленіе и командованіе очень часто сливаются воедино въ рукахъ старшаго начальника, гдѣ вообще мелочи и крупное не имѣютъ твердо опредѣленной границы, тамъ значеніе твердаго управленія весьма велико. Всякій начальникъ долженъ постоянно имѣть свою часть въ рукахъ и вести ее безъ колебаній и нерѣшительности къ заранѣе поставленной цѣли. Въ случаѣ какой-либо ошибки, недоразумѣнія, слѣдуетъ замѣтить ее, по возможности при самомъ началѣ, и, въ случаѣ нужды, личнымъ вмѣшательствомъ остановить дальнѣйшее ея распространеніе. Каждый начальникъ, отъ самого старшаго и до самого младшаго, долженъ постоянно поддерживать порядокъ во ввѣренной ему части и немедленно возстановить таковой, если бы онъ былъ нарушенъ.

2. Способность распознавать намѣренія противника. Для этого необходимо: во-первыхъ, знаніе того, что и какъ можетъ сдѣлать противникъ, т. е. знаніе его устава, а во-вторыхъ, въ каждомъ частномъ слу-

чаѣ — умѣнье угадать его намѣренія по его построеніямъ и направленію движенія. Первое можетъ быть достигнуто сравнительно легко изученіемъ въ кабинетѣ или, лучше, наблюденіемъ за чужими конницами на ученіяхъ и маневрахъ; второе — дѣло глазомѣра, очень трудно и достигается только постоянными упражненіями, хотя бы, конечно, и на ученіяхъ своихъ войскъ. Знаніе иностранныхъ сигналовъ, прислушиваніе къ которымъ поручается довѣренному адъютанту или трубачу, можетъ много помочь.

Если важно ознакомиться съ дѣйствіями непріятеля въ рамкахъ устава и маневровъ, то тѣмъ болѣе необходимо, для предстоящей на войнѣ правильной оцѣнки намѣреній противника, ознакомиться со свойствами высшихъ непріятельскихъ начальниковъ. Достигнуть этого можно въ мирное время только наблюденіемъ за иностранными конницами въ періодъ большихъ сборовъ и старательнымъ изученіемъ отчетовъ о маневрахъ и т. п.; въ военное же время только путемъ горькаго опыта и за весьма большую цѣну.

Въ связи съ этимъ находится умѣнье начальника конницы заранѣе угадать въ разгарѣ боя минуту, когда слѣдуетъ вступить въ дѣло, и сообразно съ этимъ подвести своевременно и съ полными силами свою часть на соотвѣтствующій пунктъ. Для этого отъ начальника требуется, во-первыхъ, какъ-бы даръ предвидѣнія того, что должно произойти и, во-вторыхъ, наблюденіе за ходомъ боя незамѣтно для противника — лично и съ помощью довѣренныхъ лицъ изъ различныхъ мѣстъ.

Мѣстность впереди — къ непріятелю и назадъ — къ мѣсту нахожденія частей должна быть заранѣе обрекогносцирована относительно проходимости, встрѣчающихся препятствій и т. д. Постоянная связь между начальникомъ конницы и его частями совершенно необходима, хотя бы помощью сигналовъ; въ случаѣ необходимости, на вѣроятномъ пути слѣдованія конницы и конной артиллеріи должны быть сдѣланы соотвѣтствующія исправленія и улучшенія, напримѣръ, сломанъ заборъ, устроены спуски и подъемы изъ рва и въ него и т. д. Если такимъ образомъ начальникъ ознакомился съ противникомъ, слѣдитъ за ходомъ боя, знаетъ мѣстность и на основаніи всего этого въ состояніи опредѣлить, **какъ** и **когда** надо дѣйствовать; если при этомъ онъ обладаетъ знаніемъ своихъ частей и умѣетъ ими распоряжаться въ смыслѣ техническомъ, то

3. **Инициатива** (характерный признакъ великихъ вождей) даетъ ему возможность привести въ исполненіе разъ задуманное и найденное подходящимъ съ полной энергіей и рѣшительностью, безъ колебаній и задержекъ. Качество это, вообще важное на войнѣ, совершенно неоцѣнимо въ конницѣ, вся дѣятельность коей зиждется на рѣшительной атакѣ и гдѣ все дѣло зависитъ отъ удачно схваченной минуты.

Требованіе это кажется съ перваго раза весьма трудно выполнимымъ. Но на самомъ дѣлѣ рѣшительность — качество, до извѣстной степени при-

рожденное — можетъ быть выработана, по крайней мѣрѣ до извѣстной степени, правильнымъ воспитаніемъ и работой надъ самимъ собой. Затѣмъ, въ каждомъ частномъ случаѣ, дѣло не въ томъ, чтобы принять лучшее рѣшеніе, а въ томъ, чтобы безповоротно принять какое нибудь и энергично привести его въ исполненіе. Рѣшеніе можетъ быть далеко не лучшимъ, вызывать много возраженій, но если оно приведено въ исполненіе рѣшительно, энергично, безъ колебаній, то не только въ большинствѣ случаевъ удается, но влечетъ за собою бо̀льшіе успѣхи, чѣмъ можетъ быть лучшее рѣшеніе, проведенное вяло, съ сомнѣніемъ и колебаніемъ. Вообще не такъ важно, что сдѣлать: гораздо важнѣе, какъ сдѣлать и притомъ сдѣлать самостоятельно, а не подчиняясь постороннимъ событіямъ и чужой волѣ.

Другое обстоятельство, облегчающее принятіе рѣшенія, заключается въ томъ, что, при правильномъ образѣ дѣйствій (какъ онъ описанъ выше: предварительныя рекогносцировки, наблюденіе за противникомъ, связь съ своими войсками), врядъ-ли можетъ представиться необходимость въ принятіи внезапнаго рѣшенія; почти всегда будетъ достаточно времени для обдумыванія и подготовки, по крайней мѣрѣ это будетъ такъ вездѣ, гдѣ кавалерія дѣйствуетъ самостоятельно и сама выбираетъ минуту для дѣйствій. Но даже и тамъ, гдѣ главнокомандующій самъ распоряжается или иниціативу держитъ въ своихъ рукахъ непріятельская кавалерія, начальникъ кавалеріи можетъ и долженъ искать случая ознакомиться съ обстановкой и спокойно оріентироваться. Конечно, могутъ быть случаи, когда конница, расположенная въ извѣстной части поля сраженія или только еще приближающаяся къ нему, получитъ приказаніе немедленно прибыть на какой нибудь пунктъ, совершенно ей неизвѣстный, и сейчасъ же дѣйствовать. Но и при этомъ, даже если часть будетъ вынуждена идти усиленными аллюрами, начальнику представится возможность выскочить впередъ, чтобы по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько ознакомиться съ мѣстностью и положеніемъ дѣлъ, и будетъ время оріентироваться и принять рѣшеніе; конечно, времени будетъ гораздо меньше, чѣмъ въ первомъ случаѣ. Еще меньше будетъ его для замѣстителя, начальника конницы, выбывшаго изъ строя.

Какъ бы то ни было, но случаи, гдѣ является необходимость въ моментальномъ принятіи рѣшеній, будутъ всегда исключеніемъ, особенно при правильномъ образѣ дѣйствій начальника. Сумѣть сохранить спокойствіе въ разгарѣ боя, быстро принять рѣшеніе и немедленно направить эскадроны по желаемому направленію — будетъ, конечно, высшимъ требованіемъ отъ кавалерійскаго генерала. Этому можетъ удовлетворить только геній, сочетающій въ себѣ и теоретическія познанія и опытность и имѣющій за собой испытанныя и обученныя части. Но для обыкновенныхъ случаевъ совершенно достаточно, если начальникъ конницы обладаетъ

знаніемъ имѣющагося у него подъ рукой матеріала и средствъ, умѣетъ вполнѣ искусно ими распоряжаться, правильно понимаетъ и оцѣниваетъ обстановку, всегда оріентированъ, до извѣстной степени предугадываетъ намѣренія противника, никогда не опаздываетъ—все требованія, хотя сами по себѣ и трудныя, но достижимыя каждымъ способнымъ офицеромъ, при добромъ желаніи, путемъ теоретической работы и опыта. Тайна веденія конницы заключается въ слѣдующемъ: во-время двинувъ части, подвести ихъ (лично или поручивъ это другому лицу) ранѣе противника кратчайшимъ путемъ при помощи самыхъ простыхъ эволюцій, съ полнымъ сохраненіемъ силъ и безъ суеты, въ соотвѣтственномъ построеніи, на избранный пунктъ и, заручившись такимъ образомъ нравственнымъ впечатлѣніемъ неожиданности, спокойно и въ порядкѣ перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Набросаемъ теперь вкратцѣ образъ дѣйствій въ бою начальника конницы, какъ онъ намъ представляется, и на нашъ взглядъ этотъ идеалъ вполнѣ достижимъ. Мы его видимъ спокойно наблюдающимъ позади вершины холма, дающаго ему широкій кругозоръ всего поля битвы и преимущественно тѣхъ пунктовъ его, гдѣ ожидается рѣшеніе дѣла; штабъ его расположенъ скрытно въ возможной близости. Всадники стоятъ въ удобномъ мѣстѣ, на столько близко, насколько это позволяетъ мѣстность, скрытно, чтобы не подвергаться ненужнымъ потерямъ и имѣть возможность появиться внезапно. Если только нужно, части слѣзаютъ съ коней; лицо, которому поручено подвести части, выбираетъ себѣ удобное мѣсто, откуда оно могло бы видѣть какъ главнаго начальника, такъ и войска. Дозоры и разъѣзды вызваны и осматриваютъ мѣстность, а если можно, то и наблюдаютъ за непріятелемъ. Когда приближается время вступленія въ дѣло, начальникъ конницы посылаетъ адъютанта или ординарца къ оставшемуся при частяхъ начальнику и приказываетъ вести ихъ въ такомъ-то направленіи и въ такомъ-то строю. Люди садятся (если уже не были посажены раньше по какому-либо особому условному знаку) и идутъ рысью, выполняя строго по уставу всѣ необходимыя перестроенія; съ минуты прибытія на назначенный пунктъ, части вступаютъ въ непосредственное подчиненіе главному начальнику. Затѣмъ по сигналу или командѣ онѣ идутъ впередъ, развертываются и производятъ атаку.

Теперь—чего не слѣдуетъ дѣлать: начальникъ постоянно скачетъ то туда, то сюда и никогда не можетъ быть найденъ; части двинуты впередъ только тогда, когда уже наступила минута для дѣйствій и поэтому во все время движенія одинъ за другимъ подлетаютъ адъютанты и ординарцы и кричатъ: „скорѣй, скорѣй“! лошади задыхаются, сомкнутость и порядокъ теряются, части подходятъ къ мѣсту дѣйствія потерявъ дистанціи, на запыхавшихся лошадяхъ, въ большинствѣ случаевъ — все таки слишкомъ поздно.

Мѣсто старшаго начальника въ бою. Въ инструкціи Фридриха Великаго отъ 16-го марта 1759 года значится: „Quand la bataille se livre dans la plaine, et que la cavalerie est postée, chaque général major doit se tenir à la tête de sa brigade, excepté les lieutenants — généraux, à qui j'ai fait defense de se tenir en avant, parcequ'ils doivent redresser le désordre et donner ordre que la seconde ligne soutienne les attaques partout où il sera nécessaire[1]). Если сравнить эту выписку съ другими указаніями Фридриха Великаго, то нельзя не придти къ заключенію, что старшій начальникъ (даже командиръ отдѣльно дѣйствующаго эскадрона) никакъ не долженъ лично ввязываться въ рукопашный бой, гдѣ онъ имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ всякій рядовой, а при первомъ удобномъ случаѣ долженъ выйти изъ боя и выбрать такой пунктъ, гдѣ бы онъ могъ исполнить до конца свою роль руководителя. Только въ особенныхъ случаяхъ, когда совершенно необходимъ личный примѣръ, старшій начальникъ беретъ на себя веденіе атаки, напримѣръ, когда таковая производится большей частью ввѣренныхъ ему отдѣльныхъ частей подъ командой нѣсколькихъ отдѣльныхъ начальниковъ, когда вводятся въ дѣло послѣдніе резервы, когда нужно пробиться черезъ окружившаго со всѣхъ сторонъ непріятеля и т. п. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ управленіе имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ личное вмѣшательство.

Глава VIII.

Моральный элементъ.

Какъ ни таинственны моральные факторы, какъ ни кажутся они принадлежащими къ внутреннему міру человѣка, они тѣмъ не менѣе подвергаются внѣшнимъ вліяніямъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они такъ могущественны, имѣютъ такое рѣшающее значеніе, что невозможно не ввести ихъ въ кругъ нашего изслѣдованія. Особенно важно значеніе моральнаго элемента для конницы, такъ какъ нравственной силой должны быть проникнуты всѣ всадники безъ исключенія, настолько, чтобы въ своемъ порывѣ заставить даже лошадей идти впередъ, иногда вопреки ихъ желанію. Въ виду этого важно разсмотрѣть, что обусловливаетъ моральный элементъ и какъ вызвать высшее его проявленіе. Что касается причинъ, отъ которыхъ зависитъ подъемъ духа, то въ числѣ самыхъ важныхъ можно указать на слѣдующія четыре:

---

[1]) Когда сраженіе происходитъ на равнинѣ и кавалерія поставлена на мѣсто, всякій генералъ долженъ находиться въ головѣ своей бригады, кромѣ генералъ-лейтенантовъ, которымъ я запретилъ находиться впереди, потому что они должны исправлять происшедшій безпорядокъ и распоряжаться, чтобы вторая линія поддерживала атаку вездѣ, гдѣ это потребуется.

а) сознаніе своей силы;

б) увѣренность въ исполненіи предстоящей задачи;

в) довѣріе къ начальнику;

г) одержанный успѣхъ.

Средствами къ достиженію нравственной силы могутъ служить:

а) хорошій выборъ людей и лошадей, т. е. хорошее комплектованіе и ремонтированіе, цѣлесообразное снаряженіе, вообще—хорошая организація;

б) правильное систематическое воспитаніе и обученіе какъ начальниковъ, такъ и частей войскъ, при помощи одного общаго, послѣдовательно въ одномъ духѣ обработаннаго устава;

в) хорошее довольствіе и правильное обращеніе, при чемъ здѣсь подразумѣвается не только достаточная пища и фуражъ, но и заботливый уходъ за здоровьемъ, возможное сбереженіе силъ, избѣжаніе ненужныхъ трудовъ и лишеній, своевременная, справедливая похвала и порицаніе и т. д.

При соблюденіи этихъ условій и начальники и войска выработаются такіе, которые будутъ обладать полной моральной и физической силой, совершеннымъ взаимнымъ довѣріемъ и способностью къ выполненію всевозможныхъ, самыхъ трудныхъ задачъ: на сушѣ, на водѣ, днемъ и ночью въ морозъ и жару, при избыткѣ всего и при всевозможныхъ лишеніяхъ.